

Васильев Л. С.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Том 4

Том 1. Древний Восток и Античность

Том 2. Восток и Запад в Средние века

Том 3. От Средних веков к Новому времени (XVI—XVIII вв.)

Том 4. Новое время (XIX в.)

Том 5. От Нового времени к современности

Том 6. Современность и глобальные проблемы человечества

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Институт востоковедения РАН

Васильев Л. С.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Том 4

Новое время (XIX в.)

УНИВЕРСИТЕТ
книжный дом
Москва

УДК 94(100)“654”(075.8)
ББК 63.3(о)52я73-1+63.3(о)53я73-1
В19

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник ИМЭМО РАН *Г. И. Мирский*;
доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института Европы РАН *Д. Е. Фурман*

Васильев Л. С.

Всёобщая история. Том 4. Новое время (XIX в.): учебное пособие /
В19 Л. С. Васильев. — 2-е изд., доп. и перераб. — М.: КДУ, 2012. — 680 с.

ISBN 978-5-98227-849-4

ISBN 978-5-98227-853-1 (Том 4)

Читателю предлагается серьезная авторская работа, имеющая характер не только учебного пособия, но и новаторского научного исследования. Первые четыре тома уже публиковались в 2007–2010 гг., но были серьезно переработаны для настоящего издания.

Этот том посвящен описанию и анализу событий в XIX веке, эпохе триумфа буржуазии развитых стран Запада. Оценена роль наполеоновских войн, распространивших достижения французской революции на континентальную Европу, уделено внимание буржуазному промышленному перевороту, социальной политике либеральной демократии, неудачам экстремистских теорий и движений. Рассказывается об истории США и Латинской Америки, успехах Англии и Франции, объединении Германии и Италии. Подробно рассмотрены специфика истории России и вестернизация мира колоний.

Часть книги посвящена важным теоретическим проблемам историософии: структура власти-собственности и ее трансформация, проблема взаимоотношений человека и власти, феодалов и буржуа, новации буржуазии, роль великих цивилизаций с учетом особенностей их трансформации.

Для студентов исторических и иных гуманитарно-обществоведческих факультетов вузов (бакалавриат и магистратура), преподавателей и всех читателей, интересующихся историей.

УДК 94(100)“654”(075.8)
ББК 63.3(о)52я73-1+63.3(о)53я73-1

ISBN 978-5-98227-849-4
ISBN 978-5-98227-853-1 (Том 4)

© Васильев Л. С., 2012
© Издательство «КДУ», 2012

Оглавление

Введение.....	10
Часть первая. ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX СТОЛЕТИЯ.....	18
Глава первая. НАПОЛЕОН В КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ	19
Наполеон у власти.....	21
Наполеоновские войны	25
Война с Россией и гибель империи.....	30
Европа после наполеоновских войн. Венский конгресс.....	31
Влияние революции на отдаленные страны (Греция, Россия, Латинская Америка)	37
Роль революционной Франции.....	43
Глава вторая. АНГЛИЯ И ФРАНЦИЯ ДО СЕРЕДИНЫ ВЕКА	45
Англия в начале века. Реформы	46
Борьба за права рабочих. Чартизм	49
Внешняя политика Англии	51
Франция после революции	53
Июльская монархия Луи Филиппа	55
Восстание 1848 г.	58
Англия и Франция в середине XIX в.	60
Глава третья. КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ ЕВРОПА ДО СЕРЕДИНЫ ВЕКА.....	62
Испания и Италия.....	63
Германия	67
Пруссия, Австрия и Венгрия.....	70
Голландия и Бельгия	76
Польша, Чехия и юго-восток Европы	78
Скандинавия и Швейцария	82
Краткие выводы	84

Глава четвертая. БУРЖУАЗНАЯ СОЦИОПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ	85
Буржуазные преобразования в Европе	86
Французская революция и ускорение эволюции	87
Об идеологах и вождях революции.....	89
Наполеон и распространение революционных преобразований.....	91
Противники революции. Феодальная реакция	94
Анархо-коммунистический радикализм	95
Маркс и марксизм в середине XIX века	99
Часть вторая. ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.	105
Глава пятая. АНГЛИЯ.....	106
Промышленное производство	108
Политическая обстановка и избирательная реформа	109
Гладстон и Дизраэли	111
Наемный труд и рабочее движение.....	115
Англия как остров свободы.....	119
Внешняя политика.....	121
Глава шестая. ФРАНЦИЯ.....	121
Франко-прусская война 1870–1871 гг.	124
Парижская коммуна	125
Третья республика.....	128
Франция в конце века.....	131
Проблемы рабочего движения.....	135
Франция и революция.....	139
Глава седьмая. ОБЪЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ.....	140
Бисмарк в борьбе за единство Германии	141
Германия после объединения	145
Бисмарк и социалисты	146
Объединенная Германия	150
Глава восьмая. ИТАЛИЯ, АВСТРИЯ, ИСПАНИЯ И НЕБОЛЬШИЕ СТРАНЫ.....	153
Рисорджименто в Италии	154

После Рисорджименто.....	159
Австрия	161
Возникновение Австро-Венгрии.....	162
Испания	166
Небольшие страны Европы	168
Трудности пути	175
Глава девятая. МЕЖДУНАРОДНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ СДВИГИ	177
Войны, политика и дипломатия	178
Социальные сдвиги	182
Буржуа и рабочие	184
Средний класс.....	186
Марксизм: диктатура и государство	188
Часть третья. АМЕРИКА.....	191
Глава десятая. США ДО КОНЦА 1850-х гг.	193
Проблема территории	198
Проблема населения и рабовладения.....	202
Успехи буржуазного предпринимательства	205
Политический кризис и курс южан на войну.....	207
Глава одиннадцатая. США В 1860–1890-х гг.....	209
Реконструкция в США после войны.....	210
Быстрое развитие буржуазной экономики.....	213
Внутренняя и внешняя политика после Реконструкции.....	217
Обновление общественного строя	220
США как кандидат в мировые лидеры	222
Глава двенадцатая. ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА В БОРЬБЕ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ	226
Борьба южноамериканских колоний за независимость	228
Республики Латинской Америки после освобождения.....	236
Глава тринадцатая. СПЕЦИФИКА АМЕРИКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ	258
Рабство как исторический феномен и рабы в Америке	259
Население и государство на Востоке.....	261

Население и государство на Западе вне Америки	264
Национально-государственная структура США	267
Специфика стран Латинской Америки	270
Часть четвертая. РОССИЯ	276
Глава четырнадцатая. СТРАНА В НАЧАЛЕ XIX СТОЛЕТИЯ	278
М. Сперанский и его проект	279
Александр I и Наполеон	282
Недовольство в армии. Декабристы	285
Попытка военного переворота	289
Декабристы и Россия	291
Россия на Кавказе	293
Глава пятнадцатая. ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ НИКОЛАЯ I	295
Внутренняя политика	295
Развитие общественной мысли	299
Внешнеполитическая активность	306
Крымская война	310
Глава шестнадцатая. ВЕЛИКИЕ РЕФОРМЫ И СЛОЖНЫЕ ПРОБЛЕМЫ	314
Отмена крепостного права	316
Другие реформы	318
Итоги преобразований	323
Интеллигенция и русский народ	326
Глава семнадцатая. ИМПЕРИЯ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ ВЕКА	330
Успехи во внешней политике	330
Экономические сдвиги и российская буржуазия	337
Буржуа, рабочие и первые русские марксисты	342
Россия в конце столетия	344
Глава восемнадцатая. РОССИЯ: ПРИХОТИ СУДЬБЫ И ПУТЬ К ТРАГЕДИИ	349
Начало русской истории	351
Античные традиции и русская православная церковь	355
Русь как восточная структура	358

Сервильный комплекс	362
Попытки преодоления комплекса и противостояние в обществе	365
Проблема буржуазии в России.....	369
Роль разночинной интеллигенции.....	374
Проблема реализации революционного потенциала.....	377
Часть пятая. МИР КОЛОНИЙ.....	382
Глава девятнадцатая. КОЛОНИИ ПЕРВОГО ТИПА.....	385
Канада.....	386
Австралия и Новая Зеландия.....	390
Капская колония.....	395
Алжир	398
Некоторые выводы.....	400
Глава двадцатая. КОЛОНИИ ВТОРОГО И ТРЕТЬЕГО ТИПОВ.....	401
Вест-Индия.....	403
Тропическая Африка.....	407
Океания	418
Политика колониальной администрации.....	421
Глава двадцать первая. КОЛОНИИ ЧЕТВЕРТОГО ТИПА.....	424
Британская Индия	424
Цейлон, Бирма и Малайя	433
Голландская Индия (Индонезия)	439
Французский Индокитай	440
Арабские страны	444
Глава двадцать вторая. КОЛОНИИ В XIX СТОЛЕТИИ	450
Отношение к колониям на Западе и на Востоке	453
Колонизаторы и их колонии	460
Сложности трансформации, модернизации и вестернизации	468
Часть шестая. ЗАВИСИМЫЕ И НЕЗАВИСИМЫЕ СТРАНЫ ВОСТОКА.....	475
Глава двадцать третья. ГОСУДАРСТВА БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА	477

Турция.....	478
Египет и Марокко.....	482
Ирак и страны Леванта.....	489
Иран	497
Афганистан	503
Глава двадцать четвертая. КИТАЙ, КОРЕЯ И МОНГОЛИЯ.....	505
Китай до тайпинов. Опиумная война.....	505
Крестьянская война тайпинов	508
Первые буржуазные преобразования	515
Политика самоусиления и движение за реформы.....	518
Неудача реформ и восстание ихэтуаней	521
Корея и Монголия	525
Глава двадцать пятая. НЕЗАВИСИМЫЕ СТРАНЫ ВОСТОКА	528
Япония в начале XIX века.....	529
Середина века. Реставрация Мэйдзи	533
Япония после 1868 г.	537
Сиам (Таиланд).....	542
Специфика трансформации зависимых и независимых стран	547
Часть седьмая. ОСМЫСЛЕНИЕ	
И ОЦЕНКА ПЕРЕМЕН	555
Глава двадцать шестая. ВЛАСТЬ-СОБСТВЕННОСТЬ КАК	
ГЛОБАЛЬНАЯ СТРУКТУРА	557
Истоки структуры и ее трансформация	558
Политогенез и первичность власти.....	560
Власть-собственность и формы редистрибуции	565
Правители и подданные на Востоке	569
Общество и власть в античном мире	572
Власть-собственность в средневековой Европе	577
Предбуржуазная Западная Европа и трансформация структуры	
власти-собственности	580
Буржуазные преобразования вне Запада.....	583
Власть и собственность в истории России	585

Глава двадцать седьмая. ЧЕЛОВЕК И ВЛАСТЬ (ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО)	588
Восточные доходы и античный капитал	591
Феодализм в раннесредневековой Европе	596
Феодалы и горожане (предбуржуа)	598
Человек и власть	601
Города и буржуа	604
Буржуазия и феодалы в решительной схватке	608
Глава двадцать восьмая. НОВОЕ ВРЕМЯ — ТРИУМФ БУРЖУАЗИИ	611
Буржуазные новации	613
Буржуазия в странах Запада и вне его	618
Роль буржуазного Запада в освоении мира	625
Глава двадцать девятая. ЦИВИЛИЗАЦИИ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	628
Западная христианская цивилизация	634
Индо-буддийская цивилизация	636
Мусульманская цивилизация	645
Китайско-конфуцианская цивилизация	651
Глава тридцатая. ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЕЛИКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ	657
Субцивилизации Запада	660
Проблемы трансформации дальневосточной цивилизации	664
Индо-буддийские страны	669
Сложности трансформации исламской цивилизации	672
О народах, не достигших уровня цивилизации	675

Введение

Новое время как исторический период приходится в основном на XIX в. И хотя среди специалистов могут быть споры по поводу датировки (некоторые авторы склонны выделять в качестве особого периода *раннее новое время*, т.е. те самые XVI–XVIII вв., которые охарактеризованы в третьем томе шеститомника как переходные), есть очень серьезные основания считать XIX век чем-то подлинно новым в истории человечества. Великая французская революция, в результате которой произошла радикальная смена правящих элит и всего строя в крупнейшей стране Западной Европы, открыла дорогу для господства буржуазии во всем мире. Конечно, буржуазная либеральная демократия началась отнюдь не с этой революции. Большой вклад в формирование буржуазной структуры — прямой наследницы античности — внесли многие из предшествовавших ей событий, начиная с итальянского Возрождения и кончая радикальными новациями в Англии в XVII столетии или победоносной войной за независимость в США. Все эти события внесли немалый вклад в процесс ускорения эволюции. Однако, ничуть не принижая этот вклад, все же стоит заметить, что революция во Франции в конце XVIII в. оказалась тем заключительным аккордом, который поставил точку на упомянутом процессе.

Речь не о том, что с самого начала нового века все страны Запада дружно вступили в эпоху господства буржуазных рыночно-частнособственнических отношений и сразу же сумели включить на полную мощность **буржуазный фактор эволюции** (именно этот фактор и только он обеспечивал резко ускоряющиеся темпы роста промышленности, что вело к энергичному процветанию). Но он способствовал процессу радикальных преобразований в различных сферах жизни общества. Впрочем, этот процесс не был ни слишком быстрым, ни тем более равномерным. Для многих стран Запада, особенно для тех, кто на окраинах Европы заметно отставал, темп преобразований был медленным. Тем более это характерно для мира вне Запада, как

колониального, так и еще свободного от серьезного иноземного влияния, где упомянутый процесс был на первых порах (имеется в виду начало XIX в.) очень слабо заметен, если протекал вообще.

Иными словами, говоря о пришедшем на смену средневековью новом времени и вкладывая в это понятие прежде всего господство принципиально новой буржуазной структуры, необходимо с самого начала оговориться, что речь идет в основном о странах Запада. Правда, в какой-то степени ситуация, связанная с событиями в отдельных западных странах, как, например в Испании, коснулась и тех стран (имеется в виду Латинская Америка), которые в связи с резкими переменами в метрополии в ходе наполеоновских войн получили относительную свободу и сумели ею воспользоваться. Но это необходимо расценивать лишь как заслуживающее особого внимания исключение. В принципе же речь идет именно о западном мире, включая США, как о чем-то цельном, в структурном плане едином и потому, пусть кое-где не сразу, вступившем уже в начале XIX в. на путь радикальной буржуазной трансформации. Опять-таки это вовсе не означает, что нигде, и особенно во Франции с ее наиболее радикальными переменами, не было попыток какой-либо реверсии. Но это значит, что западный мир вошел в XIX столетие уже определившись. Он уже более не мог и не пытался не замечать собственной буржуазии и ее интересов, как это случалось прежде то в Испании, то во Франции, то еще где-либо. И здесь очень важно напомнить, что в первую очередь сыграло свою наиболее значимую роль.

Во-первых, это великая роль античности, начиная с полисов Греции с их рыночно-частнособственнической структурой и, как правило, развитыми демократическими институтами и процедурами, включая свободу граждан, выборность, избираемость и отчетность чиновников-магистратов перед народными собраниями, обязанность выборной и переизбираемой власти заботиться о гарантиях, правах и привилегиях граждан. Объектом особой заботы такой власти было процветание частной собственности и предпринимательской — протобуржуазной — деятельности. Все такого рода идеи, институты и процедуры оказали со временем огромное воздействие на формирование западного образа жизни и форм западной социополитической и экономической организации.

Во-вторых, это очень удачно сложившееся для части античного мира в момент острого кризиса и крушения Западной Римской империи стечение обстоятельств. Все успехи в эволюции западноев-

ропейских стран были результатом того особого пути, по которому пошла Западная Европа после падения Рима и появления на ее политической карте ряда пришедших сюда из восточных земель кочевых либо полукочевых варварских народов. Эти новопоселенцы, принесшие Риму немало страданий, были в конечном счете радикально преобразованы в ходе ряда важных параллельных процессов: оседания и отказа от жестоких нравов воинственных кочевых общностей, трибализации и возникновения ранней государственности без солидной инфраструктуры и развитой централизованной администрации, что вызвало к жизни феномен феодализма, а также аккультурации варваров под влиянием многочисленных римских колоний и христианизации. В итоге в городах Западной Европы, по большей части свободных от произвола феодалов, складывались отношения, близкие к тем, что возникали некогда в ранних греческих полисах. Имеется в виду прежде всего прямо производная от протобуржуазной предбуржуазная рыночно-частнособственническая и торгово-финансовая предпринимательская деятельность горожан-буржуа (бюргеров) и, главное, **принципы самоуправления, свойственные полисам, но неизвестные не знавшим городов варварам.**

В-третьих, это принципиально новые идеи, которые, начиная с эпохи Возрождения и кончая веком Просвещения, постепенно преодолевали закосневшую в средневековой схоластике и догматике церковную богословскую идеологию, почти абсолютно господствовавшую многие века. Новые идеи, очень разные, проявили себя в самых различных направлениях интеллектуального тезауруса западноевропейских городов и горожан. Города, развитые и богатые благодаря активной и успешной деятельности предбуржуазии и становившейся на ноги полноценной буржуазии в наиболее передовых регионах Западной Европы, прежде всего в североитальянской Ломбардии, охотно воспринимали новые веяния, особенно в сфере мысли и чувства. Это была великолепная светская литература, как проза, которая по уровню художественных достоинств намного превышала распространенные до того рыцарские романы, так и впечатляющая поэзия. Это были освободившиеся от жестких оков церковной догмы живопись, скульптура, архитектура, театр. Это была, наконец, и настоящая, насыщенная серьезными экспериментами современного типа наука, прежде всего естествознание, делавшее свои первые, но очень большие шаги. Наконец, нельзя не принять во внимание труды идеологов века

Просвещения с их призывами к свободе, правам человека, равенству сословий и возможностей для выявления и развития способностей, новым принципам организации власти и т.п.

Словом, институциональные и интеллектуальные новации за многие века переходного периода, о котором вскользь упоминалось (*раннее новое время*, XVI–XVIII столетия), резко изменили духовно-интеллектуальный уровень Запада и подготовили его к радикальным переменам. Перемены сводились прежде всего к тому, что буржуазия как передовой и наиболее активный в производственном отношении слой населения западных городов, а позже отчасти и сельской местности вышла на авансцену не только экономической, но также политической и социальной жизни. Сначала это стало заметным лишь в нескольких наиболее продвинутых в упомянутом плане странах, прежде всего в Голландии и Англии, но позже начало становиться нормой, к достижению которой тянулись все, кому это было под силу. Интересы буржуазии понемногу стали восприниматься как национальные интересы, причем открытие Нового Света и немалые успехи в колониальном освоении стран традиционного Востока обрели в таком образом складывавшихся условиях необычайно важную роль.

Но и это далеко не все. Переход Запада к принципиально новому периоду интенсивной эволюции с тенденцией к постоянному ускорению ее темпов, что было стремлением буржуазии и результатом ее впечатляющих успехов, с особой силой проявившихся в ходе французской революции, очень многим обязан именно ей, революции. Она сопровождалась кровавым террором якобинцев и бесчинствами разъяренной толпы, но нельзя не признать — помимо прочих ее несомненных достижений — очищающую роль успешной полноценной буржуазной революции. Она в том, что революционный взрыв открыл широкий путь прежде всего и главным образом именно буржуазии. Здесь важно обратить внимание на то, что в процессе самой революции ни буржуа, ни даже их идеологи откровенно не доминировали. Больше того, те, кто задавал тон и был виновником террора, т.е. якобинцы, стремились лишь к уничтожению «врагов народа», в качестве каковых рассматривались прежде всего представители правивших страной верхов, т.е. аристократы, феодалы. Если бы якобинцев спросили, за кого они, то едва ли не все из них ответили бы так же, как Марат в своей газете «Друг народа»: за народ. Но если обратиться к беспристрастной статистике, то выяснится, что среди

жертв террора аристократов, которые считались главными «врагами народа», было чуть меньше 10%. Все остальные жертвы были чаще всего либо не успевшими определиться, либо не желавшими принять все эксцессы революции, либо недовольными преследованием священников крестьянами (что характерно для Вандеи), либо случайно попавшими под горячую руку.

И при всем том именно буржуазная (это определение относится и к месту буржуа как составной части и естественного лидера всего третьего сословия в жизни Франции, и к роли буржуазного фактора в ускорении темпов эволюции) революция определила быстрое движение вперед всего Запада. Правда, реально произошло это уже после завершения революции и во многом благодаря наполеоновским войнам, которые распространили ее завоевания почти на всю континентальную Европу. И хотя целью Наполеона было не это, во всяком случае не это прежде всего, к чести великого полководца и любимого французами императора следует сказать, что объективно его войны — исключая разве что поход в Россию и неудачи в Испании — несли с собой вполне определенную тенденцию, а именно превращение тех государств, которые еще не преуспели в деле трансформации в буржуазные, именно в таковые. При этом нельзя сбрасывать со счетов то влияние, которое оказывали революционные лозунги и дух свободы, распространявшиеся из Франции в годы революции. Эти веяния доходили до далекой России, оказывали воздействие на ирландцев и испанцев и вообще многое сделали для буржуазных преобразований во всей Европе. Более того, они сыграли свою роль в обретении свободы теми странами, вроде Греции и государств Латинской Америки, которые на нее без революции и Наполеона едва ли могли бы рассчитывать.

Переход основных стран Запада к эпохе господства буржуазии отнюдь не означал, однако, что тем самым были созданы объективные условия для большего взаимопонимания и тем более сближения политических интересов и позиций разных европейских государств. Скорее напротив, на смену феодальным и тем более рыцарским войнам пришли новые, не менее частые и серьезные, с более крупными и кровопролитными сражениями. Это обуславливалось рядом важных причин, основной из которых была серьезная экономическая конкуренция между разными странами, в первую очередь между Францией и Англией. Большую роль по-прежнему играли политические интересы европейских государств, включая

стремление более крупных из них поглотить другие. Важно также принять во внимание еще одно весьма существенное соображение, которое, в частности, побуждает несколько изменить форму подачи и анализа материала.

Дело в том, что с самого начала XIX в. сложилась некая система общеевропейских интересов, сводившаяся как к стремлению сохранить установившийся раньше политический баланс, так и, с другой стороны, к попыткам некоторых резко усиливавшихся стран этот баланс изменить в свою пользу. Давно ушли в прошлое времена, когда солидные куски территории уходили в качестве своеобразного «приданого» из одной страны в другую при заключении многочисленных так называемых династических браков. Теперь союзы такого рода уже не сопровождались земельным переделом. А попытки передела сохранялись, но зависели почти исключительно от реального соотношения сил, прежде всего военной мощи, но иногда и политико-дипломатического мастерства. Естественно, что частые стремления подобного рода вынуждают сделать более очевидный акцент на международные отношения. С XIX в. эти отношения выходят на передний план, превращая сначала Европу, а затем понемногу и весь мир в глобальную зону войн, перераспределения влияния, коалиций и разделения на противостоящие друг другу по различным поводам группы стран (в СССР пользовались при этом весьма зловеще ныне звучащим термином «лагеря»). Новое время в этом смысле оказалось действительно новым и в политике, хотя главной его новизной были, конечно, решающие и очень быстрые сдвиги в экономике, социальных отношениях, науке, культуре и во всем образе жизни прежде всего западных стран, а частично и остального мира.

Новое время стало новым, и это стоит повторить, в первую очередь благодаря тому, что пришло в континентальную Европу вместе с революцией и наполеоновскими войнами. Речь о создании в большинстве завоеванных Наполеоном государств всех тех необходимых условий, которые способствовали ускоренной ликвидации феодальных привилегий и повинностей и обузданию правящей элиты с помощью конституционных норм. Этот важнейший процесс затронул почти все страны Европы. И, несмотря на отчаянное сопротивление реакции, он способствовал выдвижению на авансцену истории свободной от оков и притеснений буржуазии, что было особенно заметно в тех странах, где развитие в силу ряда различных причин до того шло весьма замедленными темпами. Выход на передний план буржуазии ускорил

промышленные преобразования, которые в отечественном обществоведении часто именуют промышленным переворотом.

Здесь важно сделать нужную поправку. Суть ее в том, что именовать процесс, о котором идет речь, следует иначе. Ведь те технические преобразования, которые позволили создать принципиально новое производство, радикально появились не сами по себе. Преобразования в сфере промышленного производства, как и новации в технике и технологии, способствовавшие им, были результатом деятельности обретшей свободу действий буржуазии. Только после обретения такой свободы и тесно связанных с ней прав, гарантий и даже привилегий буржуазия получила возможность включить на полную мощность принципиально новый фактор эволюции, что вначале, причем довольно долго, наблюдалось главным образом только в Англии. Как раз это и обеспечило бурное развитие в этой стране фабрично-заводской промышленности, использовавшей все новейшие достижения науки и техники, изобретения англичан. Как известно, именно из Англии континентальная Европа понемногу начала активно заимствовать важнейшие технические достижения и использовать в производстве различные механизмы и машины. Конечно, важнейшие научные открытия делались не только в этой стране. Они могли происходить и в других странах Запада. Но внедрение этих открытий в промышленное производство было делом буржуазии, которая стала господствующей силой прежде всего в Англии.

В континентальной Европе буржуазия заняла положение, подобное английской, лишь во Франции в результате Великой революции. А после этого наполеоновские войны, как упоминалось, распространили принцип гражданских прав и антично-буржуазных свобод во всех тех странах, куда приходила французская революционная армия. Это стало толчком, приведшим к выходу буржуазии на авансцену истории, и только вслед за этим благодаря ее, буржуазии, уму и энергии, отражая ее интересы, возникало то, что привычно именуют промышленным переворотом. Поэтому следует говорить не о промышленном перевороте, но о буржуазном перевороте в экономике, о буржуазном факторе эволюции со свойственными ему резко ускоряющимися темпами промышленного развития. Именно это и следует считать главным, что отличает (речь о Западе) новое время. А для Востока это время наступило после промышленного освоения развитыми буржуазными странами колоний, а также государств, поставленных в зависимость от Запада. Впрочем, не миновал процесс буржуазных

преобразований и немногие из восточных государств, сохранивших политическую независимость.

И последнее. Новое время охватывает, как о том шла речь, XIX в. Это не слишком много, но, учитывая ускорение шагов истории, необходимо принять во внимание различия между этими шагами в пределах века, особенно для европейского Запада, где происходили наиболее важные события. Поэтому для удобства изложения материала и событий в Западной Европе — это две первые части тома — предполагается разделить век на две части примерно посередине. Первую часть периода можно обозначить как время завершения трансформации западных буржуазных обществ, а вторую — как этап полного господства уже трансформировавшихся этих же обществ.

Западная Европа в первой половине XIX столетия

Первая половина XIX в. прошла практически во всей Западной Европе, а в какой-то мере и на востоке Европы под знаком всего того, что было связано с революцией. Понятие революция, и все события, в реальности связанные с ней, имеют отношение, что важно помнить, прежде всего к событиям во Франции. Французская революция и колоссальные преобразования, оказавшие огромное воздействие на Европу благодаря войнам Наполеона, стали не только наиболее значительным для всех событием века, но и стимулом для ускоренной последующей эволюции практически во всех сферах жизни. Имеются в виду общества западного типа, хотя и далеко не только они. Реально эта эволюция везде, в том числе и вне мира западных стран, стала делом рук буржуазии.

Не следует забывать, что буржуазия в Европе существовала и играла со временем все более значимую роль еще задолго до того, как разразилась революция во Франции. Более того, процесс выдвижения буржуазии и буржуазного предпринимательства, торгово-финансовой активности стал очень заметным со времен Великих географических открытий и начала колонизации неевропейских стран, т.е. за несколько столетий до этой революции (*раннее новое время*). Однако только в Англии буржуазия на протяжении достаточно длительного переходного периода достигла очень существенных результатов. Лишь там без всяких революций, хотя и не без гражданской войны короля с парламентом, завершившейся первой в истории публичной и основанной на букве закона казни монарха, она заняла ведущее место в рядах элиты, которая управляла страной. В других странах, в частности в Голландии, этот успех был более скромным. А что касается большинства государств Западной Европы, то там этот передовой слой общества длительное время встречал скорее препятствия, нежели понимание. Степень сложности в преодолении препятствий была различной, и именно она определяла темпы дефеодализации и соот-

ветственно выхода буржуазии в первые ряды тех, кто управлял той либо иной страной.

Тем не менее движение вперед было заметно почти везде, хотя темпы его в большинстве случаев оказывались невелики. Камнем преткновения оказалась по ряду существенных причин Франция, крупнейшая из западноевропейских стран. Виной тому был политический курс правящего дома Бурбонов с его старыми приоритетами (роскошь Версаля и стремление к красивой жизни вопреки всему по принципу «после нас хоть потоп»), а бурный взрыв в этой стране стал в сложившейся ситуации событием неопределимого исторического значения. Он — при всех драматических издержках диктатуры якобинцев — сыграл роль толчка неизмеримой силы, который вывел из состояния неустойчивого равновесия все остальные страны континентальной Европы. Мешавшее движению вперед равновесие между старым и новым и даже откровенное давление старого на новое было решительным образом сломано, чему помогла серия наполеоновских войн, описанию которых посвящена первая глава тома.

Конечно, это отнюдь не означает, что почти вся континентальная Европа сразу же стала буржуазной в том смысле, что именно буржуазия везде — как то давно уже было в Англии — оказалась ведущей силой, благодаря чему страны двинулись вперед семимильными шагами. В континентальной Европе и после войн процесс шел не слишком быстро. Но он все же стал много более определенным. Старое, несмотря на разгул контрреволюционной реакции, вынуждено было сдавать свои позиции. Собственно, к этому сводился основной смысл исторических событий в Западной Европе почти на протяжении всей первой половины XIX столетия.

Глава первая. НАПОЛЕОН В КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ

Десятилетие, на протяжении которого шли потрясшие Францию события, было с большим беспокойством воспринято за пределами содрогавшейся от революционных конвульсий страны. Соседи Франции, и в первую очередь Австрия, не без оснований опасались, что революционная *зараза* затронет и их. Те (вроде Англии) кому опасаться этого особенно не приходилось¹, стремились воспользоваться удобным

¹ Впрочем, стоит заметить, что в Ирландии под влиянием революции оживилось национально-освободительное движение, побудившее англи-

случаем, чтобы ослабить своего вечного соперника, а заодно и осудить правовые бесчинства якобинского террора. Премьер У. Питт младший не зря оказался формальным поводом для разгрома клуба кордельеров и казни Демулена и Дантона накануне решающего термидорианского переворота. Трудно сказать, появлялось ли в революционной Франции его *золото*, хотя стоит заметить, что Дантон в годы революции ездил в Англию, что легко могло позже использоваться в качестве удобного предлога для обвинений. Скорее всего, никакого золота не было, но сам характер обвинений говорит за себя: англичане в этой стране считались вечными противниками, а общение с ними подлежало наказанию.

Однако проблемой «золота Питта» обострение отношений Франции с Англией на рубеже XVIII–XIX столетий не ограничивалось. Дело в том, что быстро растущая фабрично-заводская промышленность Англии нуждалась в европейских рынках, а именно им вскоре после термидора начала угрожать становившаяся все более воинственной и победоносной французская армия. Собственно, это обстоятельство и побуждало англичан искать союзников среди европейских держав. И хотя это было не столь уж и сложным делом, поскольку многие боялись французской *заразы*, не говоря уже об активных действиях бежавших из Франции влиятельных эмигрантов, далеко не все шло гладко. Политика ряда государств, прежде всего России, Австрии и Испании, складывалась таким образом, что они то выступали против Франции (знаменитый переход русских войск во главе с Суворовым через Альпы в 1799 г.), то шли на мир с воинственным Наполеоном.

В свою очередь у каждой из перечисленных и у многих других стран Европы были свои сложности, побуждавшие их менять политику и союзнические связи. Перешедшая с 1793 г. в решительное наступление на своих противников французская революционная армия, преисполненная патриотических порывов и несшая на своем знамени великие лозунги революции (*Свобода! Равенство! Братство!*), стала успешно захватывать соседние земли. Уже в 1795 г. на территории Голландии была создана Батавская республика, просуществовавшая до 1806 г. Конституция этой республики, принятая в 1798 г., ликвидировала остатки феодальных привилегий, включая правление дома Оранских. С 1806 г. по решению Наполеона республика вновь стала королевством, а в качестве

чан в 1801 г. объединить ирландский парламент с английским и тем самым создать нечто вроде унии, придав тем самым ирландцам несколько больше прав, но лишив их надежд на серьезную автономию.

короля был поставлен брат императора Луи Бонапарт, правивший до 1810 г., после чего Наполеон сместил его с трона. Но в любом варианте союзником Англии эта страна быть уже не могла.

В Испании, враждебно встретившей революцию и воевавшей с Францией в первой половине 1790-х гг., поражения в войне привели к Базельскому миру, сделавшему в 1795 г. страну союзником французов, что сыграло свою немаловажную роль в осуществлении ряда буржуазных преобразований в стране, длившихся, впрочем, не слишком долго. С начала XIX в. испано-французские отношения стали ухудшаться, особенно в связи с претензиями Наполеона, назначившего в 1808 г. королем Испании другого своего брата, Жозефа. Естественно, это могло лишь обострить давние сложные взаимоотношения Испании с Англией.

Австрия, а затем и Пруссия после, казалось бы, внушительных первых успехов интервенционистских войск герцога Брауншвейгского в 90-х гг. XVIII столетия оказались вынужденными обороняться, пока не были почти полностью разгромлены Наполеоном. Бельгия (часть экономически весьма развитых испанских Нидерландов, в 1714 г. перешедших под власть Австрии), которая еще в 1787 г. выступила против стремившегося к централизации власти императора Иосифа II, активно поддержала революцию и объявила было о своей независимости, но в 1795 г. была включена в состав Франции. Это признала Австрия по условиям Кампоформийского мира 1797 г. Россия, взаимоотношения которой с Наполеоном все время изменялись, также не была надежным союзником Англии.

Как бы то ни было, но международные отношения в Европе с переходом власти во Франции в руки первого консула, а затем и обожаемого императора обострились и превратились — по крайней мере до похода Наполеона в Россию в 1812 г. — в конфронтацию реформированной французским императором континентальной Европы с Англией, чьей основной силой был лишь мощный военный флот адмирала Нельсона. Конфронтация, переросшая в континентальную блокаду, ставила своей целью подорвать экономическое могущество Британии и тем облегчить выполнение далеко идущих планов Наполеона, власть которого во Франции быстрыми темпами укреплялась.

НАПОЛЕОН У ВЛАСТИ

Став первым консулом, Наполеон благодаря своему авторитету, добытому на полях сражений, оказался полновластным правителем Франции. Его главный помощник Э. Сиейес по его просьбе вновь в оче-

редной раз всерьез подкорректировал конституцию. Конечно, формально сохранялась республика и признавались основные завоевания революции. Но в том, что касается организации власти, Сиейес, скорее всего по просьбе Наполеона, сделал все для того, чтобы реальная власть оставалась у первого консула. Можно сказать и яснее: он составил текст новой конституции так, чтобы в ней было трудно разобраться.

Выборы были низведены до права выдвижения от всех избирателей страны 500 тыс. кандидатов, из которых назначенные — в основном, видимо, самым первым консулом — префекты отбирали мэров и членов муниципальных коммун. Из этих же 500 тыс. выдвигались 50 тыс. кандидатов более высокого ранга, из числа которых назначали должностных лиц в департаментах. А из 50 тыс. выделялось некоторое количество кандидатов высшего ранга. Именно из них формировалась правящая элита страны, в частности, комплектовались кадры для всех учреждений центральной власти, включая и депутатов. Кто и как отбирал, чем при этом руководствовались, все это уже не касалось электората. Надо полагать, что сам первый консул назначал на ведущие должности тех, кому доверял. А они, в свою очередь, комплектовали свои подразделения административного аппарата из числа отобранных кандидатов соответствующего ранга.

Парламента как такового при подобной системе отбора, естественно, не было. Его место заняли несколько учреждений, разделивших между собой власть. **Государственный совет** разрабатывал и предлагал на обсуждение проекты законов; **первая палата, трибунат**, обсуждала их; **вторая палата** (это был основной законодательный корпус) только голосовала за или против и пользовалась правом вотирировать налоги. Высшее из этих учреждений, **сенат** во главе с Сиейесом, обладало правом отбирать членов обеих палат; оно также утверждало или не утверждало закон, руководствуясь при этом буквой конституции. В итоге столь прославленное идеологами века Просвещения разделение властей превратилось в крайне усложненную бюрократическую канцелярию, в силу чего реальная власть оказалась в руках первого консула, избранного на 10 лет и управлявшего всеми важнейшими делами государства.

Наполеон с целью добиться стабилизации во все еще раздерганной революционными шатаниями стране усилил роль министерства полиции и, следуя политике, проводимой Директорией, сохранил надзор над органами печати. Он разрешил вернуться на родину эмигрантам с условием, что они откажутся от поддержки идеи возвраще-

ния власти Бурбонам и будут готовы служить ему. Но ни дворянам, ни церковникам их прежние владения, конфискованные революцией и переданные в другие руки, не возвращались. (разве что некоторые никому еще не переданные имения изредка отдавались их прежним владельцам). Первый консул явно покровительствовал французской буржуазии, щедро субсидируя ее и ограждая от конкуренции со стороны более дешевых иностранных товаров, особенно английских. Им был учрежден Французский банк, реформирована система налогов. Все, чего добились крестьяне в годы революции, включая прежде всего отмену феодальных повинностей, осталось нетронутым.

Эти радикальные перемены в сфере организации власти шли на фоне все продолжающихся успехов во внешней политике Франции. Начатое еще в разгар революции решительное продвижение французских войск на территорию ее соседей продолжалось. Более того, захваченные территории решительно преобразовывались, порой в весьма радикальном плане. В Швейцарии вместо разрозненных кантонов появилась республика Гельвеция. В Италии, по которой Наполеон и его генералы прошли блистательным маршем, пришел конец самостоятельным королевствам либо иным аристократическим государственным образованиям и было создано несколько республик. Что касается Австрии, то она не только лишилась своих итальянских владений, но и была вынуждена подписать с Наполеоном в 1801 г. выгодный для Франции Люневильский мирный договор.

Все это было достигнуто за исторически кратчайший срок, причем значительная часть побед была одержана самим первым консулом, что вело к возрастанию во Франции его авторитета. На фоне этих побед на континенте неудачи, как, например, разгром адмиралом Нельсоном французского флота в устье Нила, что сыграло свою роль в прекращении египетской экспедиции Бонапарта, отходили на задний план. Более того, некоторые из них, как те же неудачи в Египте, после которых Наполеон спешно вернулся во Францию и стал первым консулом, пошли и ему, и стране только на пользу. А в итоге первой серии военных успехов революционной Франции в Европе У. Питт вынужден был подать в отставку (этому способствовало и его решение, заключив унию с Ирландией, дать католикам равные права с протестантами, что вызвало резкое недовольство в Англии), а сменившее его правительство оказалось перед необходимостью пойти на мирные переговоры с французами. Завершившиеся подписанием в 1802 г. Амьенского мира, эти переговоры привели к некоторым взаимным уступкам, но глав-

ным победителем осталась Франция. Она после этого договора стала, бесспорно, сильнейшей державой, причем далеко не только в Европе. И первый консул вполне заслуженно разделил со своей страной это немаловажное достижение.

Еще в 1801 г. он лично решил крайне важный для страны и стоивший ей на протяжении веков столько крови вопрос о религии. Восстановив в правах католицизм как «религию большинства французских граждан» (но без признания его господствующей церковью) и лишив клерикалов возможности вмешиваться в дела государства, он в то же время провозгласил свободу богослужения при контроле власти — а не Рима — над церковью. А служителям церкви он, подобно Петру I после создания им новой церковной структуры, начал платить жалование, как обычным чиновникам. В августе 1802 г. Наполеон стал пожизненным консулом, а мае 1804 г. по инициативе сената был провозглашен императором Франции, после чего произошла торжественная коронация в Париже с участием прибывшего сюда для этого римским понтификом Пием VII. В дополнение к этому он стал королем Италии, где многочисленные республики бывшей Ломбардии и часть Средней Италии были объединены им в королевство.

Став императором, Наполеон продолжил буржуазно-демократические преобразования. Он ликвидировал первую из двух высших палат (трибунат), доставлявшую ему слишком много хлопот, и почти не созывал заседания второй палаты. Вместо этого он придал огромное значение созданию буржуазной правовой основы государства и организовал разработку ряда кодексов, мобилизовав большое количество юристов и регулярно активно вмешиваясь в их работу. Суть его новаций сводилась к провозглашению гражданского равенства, чему отнюдь не мешали полумарионеточные введенные им заново аристократические титулы, коими он щедро награждал своих заслуженных сподвижников. Оно, т.е. равенство граждан страны перед законом, было положено в основу гражданского кодекса или Кодекса Наполеона, принятого в 1804 г. и ставшего подлинным событием в истории права, как и всего буржуазного Запада. В 1808 и 1811 гг. этот основной кодекс Франции был дополнен соответственно коммерческим и уголовным, что завершило важный процесс упорядочения всей судебно-правовой системы страны, в основу которой было, как и в античном мире, положено незыблемое право граждан на их частную собственность.

Провозгласив гражданское равенство, утвердив нормы права, проявив уважение к ветеранам, а также ограничившись лишь звонкими

титулами для отличия заслуженных и создав для этого взамен всех прежних наград единственный и высоко уважаемый поныне в мире орден Почетного легиона, император в основном завершил необходимые, по его разумению, преобразования. Они не были чересчур значительными с точки зрения идеалов, во имя которых начиналась великая революция. Но все основные достижения революции были сохранены, что и позволяет, несмотря на императорский титул главы государства, считать, что во Франции произошла подлинная революция, а не просто попытка провести нечто на нее похожее. И при этом заслуживает внимания то, что революционный дух в народе, и тем более в армии, одерживавшей победу за победой, не угас. Более того, он трансформировался в нечто большее, в великую патриотическую гордость всего населения страны теми достижениями, на которые трудно было рассчитывать еще каких-нибудь 15 лет назад.

И на это стоит обратить особое внимание. Патриотизм как гордость Родиной рождается не в результате декретов либо правительственных пожеланий побудить народ гордиться своей историей, какова бы она ни была. **Патриотизм рождается сам, когда для этого есть весомые причины.** И именно такой патриотизм наполнял сердца французов в начале XIX столетия. К тому же он подкреплялся экономическими успехами поднявшей голову национальной буржуазии. Быстрыми темпами росло производство в освобожденной от феодальных повинностей деревне. Еще быстрее и эффективнее развивалась промышленность, как фабричная, в основном текстильная, так и заводская, в том числе тяжелая, металлургическая.

НАПОЛЕОНОВСКИЕ ВОЙНЫ

Вся история постреволюционной Франции, ее великого императора — это история войн, военных успехов и, увы, бесславного поражения Наполеона. Наполеон после Амьенского мира попытался прежде всего восстановить колониальные позиции на Гаити, откуда во Францию шли кофе, сахар, хлопок и другие колониальные товары и где еще в 1791 г. Туссен Лувертюр поднял восстание, поддержанное испанцами и англичанами. Когда в 1794 г. Конвент отменил рабство на острове, Туссен принял сторону Конвента. Однако экспедиция 1802 г. усложнила обстановку на острове. Туссен был отправлен во Францию, где в следующем году умер. Но и французы не сумели удержаться на острове. В итоге Гаити в ходе восстания, сопровождавшегося массовой резней белых, объявило себя независимым государством. Впрочем, это

было тогда единственной неудачей французов, да и она не привела к разрыву издавна установившихся связей с Гаити. А главная борьба разворачивалась на европейской территории.

Это и неудивительно. Единственным серьезным соперником Наполеона оставалась Англия, хотя и на континенте у него было все еще немало нерешенных проблем. Именно за их решение Наполеон взялся с особым усердием сразу же после Амьенского мира, просуществовавшего всего около года. Он оккупировал **Ганновер**, принадлежавший английскому королю, и, развивая успех, разгромил в 1803 г. ряд немецких государств, после чего перекроил карту северной части Европы за счет уничтожения многих мелких из них и создания немногих крупных (**Баден, Вюртемберг, Бавария**). Возникновение новых немецких государств ослабило Австрию, главного соперника Наполеона на континенте, не говоря уже о том, что обязанные ему государства не только стали его союзниками, но и приняли многие из принесенных им радикальных новшеств. Имеются в виду давно назревшие буржуазные преобразования. Они иногда обретали характер пересмотра ранее принятых решений. Так, например, та же **Швейцария** снова была превращена по воле императора из республики в конфедерацию кантонов.

Вслед за тем Наполеон стал готовиться к высадке десанта на английское побережье в районе Булони. Правда, благодаря последней выдающейся победе адмирала Нельсона в 1805 г. при Трафальгаре, где был разбит объединенный французский и испанский флот, эта затея не удалась. Более того, вернувшийся к власти У. Питт младший сумел создать новую коалицию против Франции из Австрии, Пруссии и России. Однако вскоре после Трафальгара, где погиб Нельсон, умер и Питт. А Наполеон тем временем, не тратя усилий на создание нового плацдарма для высадки на территорию Англии, нанес в конце 1805 г. сокрушительный удар по объединенному русско-австрийскому войску под Аустерлицем, а в 1806 г. обрушился на Пруссию, разгромив в битве при Иене ее хваленую армию. Вскоре после этого он не только оказался в Берлине, но и оккупировал доставшуюся Пруссии при разделе часть **Польши**, где им было создано Варшавское герцогство и освобождены от всех феодальных повинностей польские крестьяне. Варшавское герцогство затем было подчинено саксонскому королю.

Австрия после Аустерлица уступила французам **Венецию** и отказалась от нескольких немецких территорий в пользу Бадена, Баварии и Вюртемберга. Во время встречи с Александром I в 1807 г. в Тильзите Бонапарт сумел нейтрализовать и Россию, сфера влияния которой

была ограничена **Швецией** и **Турцией**, тогда как Наполеону отшла вся остальная часть европейского субконтинента. Одновременно в Тильзите был заключен мир с Пруссией, лишившейся не только польской территории, но и земель к западу от Эльбы. В результате этих побед и дипломатических соглашений Австрия была сильно потеснена, а ослабленная Пруссия фактически на время выбыла из числа крупных европейских держав. Это означало, что Наполеон оказался полным хозяином почти всей континентальной Европы. Добившись этого, он приступил к новым перестановкам на политической карте.

Значительная часть завоеванных территорий оказалась официально присоединенной к Франции, так что территория созданной Наполеоном империи обзавелась двумя продолговатыми крыльями: южным (итальянским и придунайским) и северным, в основном германским, тянувшимся вдоль моря до прусской Эльбы. Эти крылья охватывали с двух сторон среднюю часть Европы. И, разумеется, на всех этих территориях вступали в силу те буржуазные преобразования, которые к тому времени стали уже нормой в самой Франции, что дало немалый толчок развитию буржуазного торгово-промышленного потенциала там, где подобный процесс шел гораздо более замедленными темпами. Кроме того, перестановка затронула и династийные проблемы, а точнее, привела к замене в некоторых странах местных правящих домов новыми, основанными родственниками или приближенными Наполеона.

На смену Батавской республике пришло опять королевство Голландия, возглавленное сперва Луи Бонапартом, а с 1810 г. самим Наполеоном, который решил взять в свои руки управление этим королевством. Во главе **Рейнского** союза, созданного из ряда частей германской конфедерации, был поставлен в 1807 г. Жером Бонапарт, превратившийся в короля Вестфалии. Вице-королем северной части Италии оказался пасынок императора Богарнэ, неаполитанским королем — Мюрат, один из виднейших маршалов Франции, а королем Испании, о чем уже шла речь, брат императора Жозеф. Королем **Швеции** был назначен воевавший там наполеоновский маршал Ж. Бернадот.

Все эти назначения, впрочем, не следует рассматривать как проявление чего-то вроде процесса феодализации. В случае с империей великого Наполеона люди, поставленные им у власти в разных завоеванных им странах Европы, были, как правило, не полновластными властителями, но лишь управляющими, призванными наблюдать за порядком и осуществлять все те преобразования, которые считал нужным довести до конца сам император. Решение заменить республики

королевствами или заменить одни династии на другие, родственные и близкие ему, император принимал по очень простой и логичной причине. Если это республика, нужна долгая работа по организации власти. Если в стране сохраняется прежняя династия, то рядом с ней в качестве правящей элиты остаются те, с кем эта династия издавна была связана. Новые же назначения, тем более близких императору людей, легко снимали все эти проблемы и оставляли широкий простор для необходимых преобразований. Но они создавали и повод для недовольства.

Подчинив себе так или иначе почти всю континентальную Европу, император вновь обратил взор на Англию и решил начать бороться с ней новым образом, т.е. экономическими методами, с помощью так называемой континентальной блокады. Суть этой политики сводилась к запрету на импорт английских товаров, а желаемая цель (кроме ослабления соперника) была в замене английских товаров французскими, производство которых быстро увеличивалось. Но здесь Наполеона ожидала неудача. Дело свелось к тому, что добротные английские товары правдами и неправдами все равно находили путь к привыкшим их потреблять жителям на континенте, а французские промышленники оказались не в силах заместить английских.

Хотя император проводил жесткую экономическую политику, сводившуюся к протекционизму и всяческой поддержке отечественной буржуазии, она не могла развиваться более быстро, чем это позволяли ей ее пока более чем скромные возможности. Кроме того, борьба с контрабандой, позже распространенная и на все колониальные товары (специальный указ 1810 г. призывал считать их английскими), на деле вела к коррупции, т.е. к продаже лицензий тем купцам, которые будто бы ввозили совсем не английские товары. А коррупция такого рода, в свою очередь, ослабляла французскую буржуазию, ибо все чаще давала о себе знать склонность к спекуляциям и жульничеству, к созданию дутых фирм, тогда как усилия, направленные на развитие производства, оказывались менее рентабельными. К тому же Франция постоянно нуждалась в деньгах, несмотря на то что притекавшие в результате войн контрибуции были очень значительными. Стоит в этой связи напомнить, что Наполеон за небольшую цену продал в 1803 г. США Луизиану, незадолго до того, в 1800 г., приобретенную французами у испанцев. Этот поступок следует считать вполне логичным, так как заниматься освоением далеких территорий в Новом Свете у императора не было ни времени, ни сил, ни средств, ни даже просто

желания (ситуация, чем-то напоминающая продажу Россией тем же США Аляски, гораздо менее годной для освоения).

На фоне этих неудач стали возрождаться попытки потерпевших поражение либо претерпевших унижение европейских стран взять реванш. В Испании в 1808 г. реванш принял форму выступлений, направленных как вообще против французов, так и против поставленного Наполеоном короля. Движение недовольных ширилось и разрасталось; оно продолжалось долго и фактически превратилось в массовое народное восстание, герилью, с которым справиться Наполеон так и не сумел. В 1809 г. попыталась начать войну с Наполеоном униженная Австрия. Однако эта война в очередной раз принесла ей поражение и лишила ее района Триеста, Дубровника и всей Хорватии. Осторожнее держалась Пруссия. Оказавшись униженной более других (имеется в виду разгром ее армии, созданию которой первые ее правители уделяли столько внимания), эта страна сочла за благо начать энергичную политику реформ, которые были направлены на развитие буржуазных рыночно-частнособственнических отношений. **Реформы 1807–1811 гг. отменили средневековую систему цехов в городах, покончили с остатками феодальной зависимости крестьян, изменили характер военной службы и вообще многое заимствовали из опыта французской революции.**

Вообще же на рубеже первого и второго десятилетий XIX в. ситуация в Европе складывалась все менее благополучно для привыкшего к блестящим победам императора. Блокада Англии явно не давала существенных результатов, хотя Наполеон вплоть до 1811 г. все еще надеялся на них. Ощущавшееся в ряде стран недовольство гегемонией Франции заставляло его то воевать без надежды на успех, как то было в Испании, то с настороженностью следить за потаенным восстановлением могущества Пруссии, то наконец обратить внимание на державшуюся особняком, но явно не подававшую признаков смирения огромную Россию. Видимо, со временем всесильному и до того почти всегда удачливому императору все чаще приходили в голову невеселые мысли о том, что далеко идущие планы завоевания не то чтобы всего мира, но даже всей Европы мало реальны. И очень похоже на то, что в сложившейся ситуации он решил сыграть ва-банк. Речь о наполеоновском походе на Россию с ее отсталыми феодально-крепостническими порядками, которые, быть может, по затаенной мысли императора, должны были рухнуть, если французская революционная армия предложит русскому народу заманчивую альтернативу. Как известно, этого не случилось.

ВОЙНА С РОССИЕЙ И ГИБЕЛЬ ИМПЕРИИ

Россия оказала Наполеону серьезное сопротивление. Никакого контакта с крепостным крестьянством не получилось. Вместо этого — Отечественная война в стиле испанской герильи, но в десятикратном увеличении. Затем изнурительное продвижение по стране, великая битва при Бородино, отступление русской армии Кутузова и сожжение непокоренной второй русской столицы. Словом, война была странной и шла не по привычному для Наполеона сценарию. А когда, стоя перед горящей Москвой, император уже просто не знал, что же делать дальше, и решил, что лучше вернуться назад, на передний план выступил «генерал Мороз», т.е. холодная русская зима, бывшая в тот памятный 1812 г. особенно суровой. Огромная армия Наполеона, замерзшая и голодная, в большей своей части бесславно полегла на обширных землях России. Это был конец. Он начинался с того, что император остался без армии и, бросив ее остатки, быстро вернулся в Париж. Тем временем русские войска, умело избегавшие крупных сражений, за единственным исключением Бородина, не только сохранили свои силы, но и приумножили боевой патриотический дух, который и сыграл свою роль в начале 1813 г., когда они подошли к границам Пруссии, быстро сориентировавшейся и объявившей войну Наполеону.

В Париже с конца 1812 г. император лихорадочно собирал новую армию, надеясь успеть дать бой России и Пруссии до того, как остальные германские государства переметнутся на их сторону. Он сумел собрать около 300 тыс., а тем временем против него создалась очередная коалиция, к которой кроме России и Пруссии примкнули Англия и Швеция. Сначала удача вроде бы сопутствовала великому полководцу. Но после двух выигранных в Саксонии сражений к антифранцузской коалиции примкнули Австрия, а затем Бавария, и в знаменитой *битве народов* близ Лейпцига, по масштабу сравнимой с битвой при Бородино, в октябре 1813 г. Наполеон потерпел поражение. Это был мощный сигнал. Вся Германия, и в первую очередь Рейнский союз с Вестфальским королевством, присоединилась к победителям. Король Вестфалии, брат Наполеона Жером, едва успел спастись бегством. Рухнули правительства Наполеона в Голландии и Испании, началась ожесточенная борьба с французами в Италии. И уже в начале 1814 г. иноземные армии вторглись с юга, из Пиренеев, и с востока на территорию Франции, которая к этому времени вдобавок ко всему оказалась в состоянии жестокого экономического кризиса. В конце марта после недолгого сопротивления войска союзников вступили в Париж.

Император был вынужден отречься от престола. Его отправили в ссылку на остров Эльбу, а французским королем по решению сената стал Людовик XVIII, брат казненного Людовика XVI. Мирный договор зафиксировал границы Франции по линии, существовавшей в 1792 г. Во Францию возвратились непримиримые эмигранты, в стране была официально установлена конституционная монархия, но радикальных перемен, в том числе по настоянию союзников, не последовало. Сословные привилегии и феодальные права не были восстановлены, были признаны и все радикальные перемены в характере землевладения. Впрочем, это не мешало обозленным роялистам вести себя в стране с наглостью и требовать возвращения им всего утраченного. По знаменитому выражению министра иностранных дел Талейрана, «они ничего не забыли и ничему не научились».

Следует сказать, что ненависть, возбужденная в народе возвратившимися в страну ненавистными аристократами, сыграла свою роль в судьбе бывшего императора. Все началось с восстания в преданной ему армии. Внимательно следивший за событиями, Наполеон 1 марта 1815 г. неожиданно высадился в одном из портов на юге страны и, соединившись со своими сторонниками, уже через три недели оказался в Париже. Однако в середине июня в битве при Ватерлоо близ Брюсселя армия союзников во главе с английским генералом Веллингтоном нанесла Наполеону поражение. Знаменитые «сто дней» на этом завершились. 22 июня неудачливый император вновь отрекся от престола и пытался бежать в Америку, но был схвачен англичанами и отправлен в новую ссылку, на сей раз на отдаленный остров св. Елены, где он через несколько лет, в 1821 г., умер. К власти во Франции вновь вернулись короли из династии Бурбонов.

ЕВРОПА ПОСЛЕ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН. ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС

Французская революция и наполеоновские войны способствовали резкому ускорению процесса трансформации всей Европы и особенно той ее части в первую очередь Испании, Италии, Пруссии, в какой-то мере и России, где отставание в темпах буржуазного развития было наиболее заметным. Почти во всей Европе стали громко говорить о конституциях и конституционных гарантиях, о необходимости внимания к социальным проблемам, о правах и свободах простых людей.

О той роли, которую сыграли наполеоновские войны, сказано достаточно много. На поверхностный взгляд, быть может, даже больше,

чем нужно бы. Но здесь все дело в концептуальной позиции. Коль скоро в центре ее стоит великое значение единственной в практике человечества социополитической революции, завершившейся полным успехом и приведшей во всем мире к триумфу буржуазии, то неудивительно и внимание к этому. В частности, имеется в виду то, что важнейшие процессы, которые привели планету к принципиально новому образу жизни (пусть даже все еще не везде и тем более далеко не сразу), выходят на передний план. Это относится не только к деятельности Наполеона, хотя именно ему революция обязана своим победоносным завершением и энергичным распространением. Это касается и тех двух гигантских по своему размаху парижских революционных волн, которые подобно мощным океанским цунами охватили в начале 1830-х и в конце 1840-х гг. всю континентальную Европу.

В историографии, особенно отечественной, как-то не принято видеть значение и значимость этих волн. В обобщающих трудах типа «Всемирной истории» идет речь о великом множестве «революций» в каждой европейской стране, причем в подавляющем большинстве случаев не обращается внимания, а то и почти замалчивается тот факт, что на деле все такие «революции» были именно следствием воздействия на них парижских волн. Поэтому правильнее было бы вести речь о массовых движениях революционного характера, о протестных выступлениях, о национальных мятежах, спровоцированных парижскими революционными волнами. А в конечном счете просто о том, что французская буржуазная революция не только подстегнула давно уже медленно шедший в континентальной Европе процесс выхода на передний план буржуазии, но сыграла в этом процессе решающую роль.

Исключение, как о том уже тоже немало было сказано, представляла собой лишь Англия. Здесь буржуазия сумела занять прочные позиции на олимпе реальной власти королевства задолго до французской революции. И великий парадокс истории (впрочем, таких было немало) в том, что Франция и Англия не только вообще, но и едва ли не более всего именно в годы революции и наполеоновских войн оказались не союзниками, но противниками. Они действовали с точки зрения исторического процесса в одном направлении, и обе добились немалых успехов. Казалось бы, это немаловажное обстоятельство должно было сблизить их. Однако сближения не произошло. Напротив, расхождение достигло таких размеров, что Наполеон стремился задушить Англию с помощью континентальной блокады, а англичане нанесли ему решающее поражение в битве при Ватерлоо. И вся последующая

история XIX столетия сохраняла давно сложившуюся неприязнь этих двух наиболее развитых и передовых великих европейских стран, что временами способствовало успеху игравших на этом других держав.

Крушение империи Наполеона логично вызвало к жизни мощный взрыв феодально-монархической реакции. Его ощутили и во Франции, и вне ее. В Вене правители практически всех европейских стран, включая, естественно, и Англию, на протяжении многих месяцев 1814–15 гг. вырабатывали новую систему международных отношений, которая реально просуществовала достаточно долго, до середины века. Суть системы сводилась к тому, чтобы создать и сохранить новый баланс сил, который сложился в Европе после буржуазной социополитической революции и распространивших ее завоевания наполеоновских войн. Вопреки сложившемуся у многих мнению, что главной целью было пресечь распространение из Франции буржуазных идей, идеалов и преобразований, основным было не это. Франция сама в период работы конгресса и реализации выработанной им системы находилась в тисках озверевшей реакции, и ей было не до того, чтобы распространять буржуазные порядки. Эти порядки шли семимильными шагами вперед без ее участия, по крайней мере до первой парижской революционной волны 1830 г. Основная цель — а это была именно проблема баланса сил, причем не столько его сохранения, сколько создания заново, — сводилась к перекройке политической карты Европы таким образом, чтобы победители не проиграли и свергнутые правители получили хоть какую-то компенсацию (имелась в виду забота о сохранении принципа легитимизма).

Разумеется, ни о каком единстве интересов на Венском конгрессе говорить не приходилось. Важно было добиться компромисса, на что в основном и уходило время в ходе переговоров, напоминавших торги. Сохранив в основном границы Франции в их прежнем дореволюционном виде, главные державы вступили в спор по поводу многих остальных территорий. В ряде случаев, особенно если речь шла о небольших государствах типа Люксембурга и даже Бельгии, решения, надо полагать, не вызывали особых разногласий. Сложнее было с тем, чтобы удовлетворить аппетиты основных держав, будь то претендовавшая на польские земли Россия или стремившаяся обрести Саксонию Пруссия. Усилению этих держав противились Австрия и еще больше Англия. Россия и Пруссия вынуждены были считаться с этим. А если принять во внимание искусную деятельность двух самых ловких дипломатов, определявших ход решений конгресса (речь об австрийском министре

Меттернихе и французском Талейране, добившемся права участия в принятии от имени Франции важнейших решений), то станет понятным, почему Австрия в конечном счете не осталась внакладе, обретя часть Польши, а Франция даже после «ста дней» Наполеона не лишилась слишком многого. Бельгия и Голландия были воссоединены в рамках Нидерландов, дабы соседом Франции на севере стало более сильное государство, а на юге Сардинии с той же целью возвратили Савойю и Ниццу. Основная часть Варшавского герцогства вошла в состав России. События в отдаленных Пиренеях мало кого волновали. Там просто была восстановлена вытесненная Наполеоном династия местных королей. Не церемонился конгресс с Италией, значительная часть которой, Ломбардия и Венеция, была отдана Австрии, тогда как Неаполитанское королевство попало под власть Бурбонов. Рим остался владением ватиканского понтифика.

Англия практически не претендовала на территории континентальной Европы, приобретая разве что небольшой остров Мальту. Но она умело воспользовалась ситуацией для захвата ряда чужих колоний, французских и голландских. Венский конгресс создал Германский союз из владений, входивших в состав формально возглавлявшейся Австрией конфедерации, которая фактически давно уже не была владением австрийских Габсбургов. Число владений в итоге сильно сократилось: вместо 300 с лишком их осталось 38. А Пруссия, получив Рейнскую провинцию и Вестфалию, охватила этот союз как бы в клещи, что сыграло важную роль в последующем объединении Германии. Среди приложений к генеральному акту Венского конгресса было решение от отказа от работорговли.

Александр I на конгрессе выдвинул идею Священного союза монархов Европы. Этот союз на протяжении ряда десятилетий сыграл весьма существенную роль в поддержке реакционных режимов в Европе. Однако с течением времени и особенно после событий 1830 г. во Франции эта роль начала заметно уменьшаться. Во всяком случае наступлением реакции так и не сумели воспользоваться в полной мере разномастные лишившиеся прежних привилегий аристократы, поначалу преисполненные радужных надежд.

Ход истории — пусть не сразу, но уже в ближайшее время после крушения империи Наполеона — взял свое. Самым главным итогом революции, а также наполеоновских войн, распространивших ее идеи и преобразования, и Венского конгресса с его громкими лозунгами, но не слишком большой реальной силой стало достаточно быстрое и успеш-

ное преобразование Западной Европы. Буржуазия везде — кроме разве что России, да и в некоторой степени Пруссии — решительно выходила на передний план и спокойно, несмотря на все потуги реакции, занимала заслуженное ею место в жизни общества. Можно сказать и сильнее: всей своей активной и сопровождавшейся ускоренными темпами эволюции деятельностью буржуазия способствовала преобразованию Запада.

Как конкретно все это выглядело, включая и период войн Наполеона?

В Испании в 1808 г. появились французские войска, принесшие с собой радикальную смену режима. Под влиянием революции и под нажимом Наполеона в стране было проведено несколько важных реформ и, в частности, в 1812 г. введена демократическая конституция. Однако против французов выступили испанцы, и ставший было новым королем Испании Жозеф Бонапарт был вынужден в том же 1812 г. покинуть страну. Занявший его место после реставрации династии испанских Бурбонов король Фердинанд VII, еще недавно послушно уехавший из страны, возвратился и в гневе начал было ликвидировать одно за другим серьезные политические преобразования последних лет, вплоть до отмены конституции и восстановления всесильной инквизиции. Однако страна, уже вкусившая плодов перемен, решительно воспротивилась этому. Одно за другим поднимались восстания в армии, пока последнее из них в 1820 г. не принудило монарха восстановить конституцию и созвать кортесы. Кортесы, пусть не сразу, возглавили движение за радикальные реформы. Были отменены средневековые цехи, внутренние таможенные пошлины и резко ослаблено влияние церкви, включая конфискацию монастырских земель. В стране были восстановлены пришедшие туда с французами буржуазные свободы. И хотя вторжение новой французской армии Бурбонов, санкционированное «Священным союзом», подавило движение за реформы, период торжества реакции длился недолго.

В Италии, где представители Наполеона провели ряд важных реформ, ситуация была накалена не меньше, чем в Испании. Население страны жаждало давно назревших радикальных перемен. Протестные выступления начались по инициативе возникшего на юге еще при господстве французов полулегального общества карбонариев, создавшего сеть подразделений-вент. Вначале выступавшая в виде тайного общества с элементами мистерии, организация карбонариев после Венского конгресса, вновь разделившего Италию на куски, в каждом

из которых вернувшиеся правители стремились к восстановлению прежних порядков, включая всесилие церкви, начала активные действия. Молодые офицеры, жаждавшие объединения страны и превращения ее в независимое государство, тоже летом 1820 г. подняли в Неаполе восстание и принудили короля согласиться на введение конституции, аналогичной испанской 1812 г. Затем примерно это же произошло в Сардинии, где король и близкие к нему иерархи особенно свирепствовали. Весной 1821 г. Австрия ввела свои войска в Неаполь, а затем в Сардинию и подавила восстания. Однако сразу же началось массовое протестное движение в Пьемонте, где произошла смена власти и даже была введена в действие конституция. Австрийские войска, не медля, вошли и в Пьемонт. Но и это поражение не смутило карбонариев, остававшихся главной радикальной силой в разделенной стране

В многочисленных государственных образованиях **Германии**, включая Пруссию и Австрию, тем временем протекал энергичный процесс развития буржуазного хозяйства. Правда, этот процесс кое-где заметно осложнялся политическими неурядицами. На Венском конгрессе было принято решение о создании Германского союза в составе Австрии (она все еще продолжала восприниматься в качестве империи), королевств Пруссии, Вюртемберга, Баварии, Ганновера, Саксонии и свыше 30 более мелких государственных образований. Конфедеративное устройство союза было на минимальном уровне — ни центрального правительства, ни законодательного собрания, ни совместных вооруженных сил или бюджета, даже единой денежной системы он не имел. Союзный сейм во Франкфурте-на-Майне был недееспособным. Но во всем этом был свой смысл.

Немцы, привыкшие жить в рамках весьма своеобразной конфедеративной структуры, после ее фактического распада все еще не ощущали себя единым народом. Специалисты полагают, что меньшие по размеру структуры союза в большей степени восприняли то новое, что принесли с собой французы. В некоторых из государственных образований появились конституции и возобладали либеральные тенденции. Этому способствовало обилие в Германии университетских центров и студенческих союзов, а также влияние крупных немецких философов, начиная с Гегеля (1770–1831), великих поэтов Гёте, Шиллера, Шеллинга и многих других. И хотя после крушения наполеоновской империи и наступления эпохи реакции кое-что в этом смысле изменилось, главное — ускоренное буржуазное преобразование и энергичный

выход на передний план фактора все ускоряющихся темпов эволюции — уже ничто не могло остановить.

Пруссия, получившая, согласно решениям Венского конгресса, взамен утраченной ею большей части Варшавского герцогства почти половину саксонских земель и немалые территории в районе Рейна, в Вестфалии, стала, если не считать имперскую Австрию, самым большим и сильным немецким государством. О сохранении ее силы позаботились сразу же после первых поражений от Наполеона министры Штейн и Гарденберг, проводившие в стране ряд важных реформ, включая ликвидацию феодальных повинностей крестьян и укрепление армии за счет создания корпуса военнослужащих запаса. В армии была также уничтожена монополия дворян на офицерские должности. В Пруссии стало быстрыми темпами развиваться буржуазное производство. Экономическое значение страны, которая фактически владела всем балтийским побережьем, резко усилилось.

Австрия, по-прежнему населенная наряду с немцами представителями многих инациональных общностей, оставалась не только самой крупной, но и в экономическом отношении, пожалуй, наиболее отсталой частью Германского союза. Длительное время полновластно управлявший ею князь К. Меттерних (с 1809 г. в качестве министра иностранных дел, с 1821 по 1848 г. — канцлера) был одним из основных деятелей Священного союза и фактическим главой всех реакционных сил Европы. Естественно, под таким руководством империя была озабочена прежде всего тем, чтобы всячески противодействовать уже проникшему и продолжавшему проникать в страну влиянию ветров буржуазной социополитической революции, никак не унимавшихся в бурлящей Франции. Неудивительно, что процесс энергичного развития буржуазного предпринимательства, который в принципе немислим без хотя бы некоторых осуществленных реформ, в Австрии был в сложившихся условиях задержан на несколько десятилетий.

ВЛИЯНИЕ РЕВОЛЮЦИИ НА ОТДАЛЕННЫЕ СТРАНЫ (ГРЕЦИЯ, РОССИЯ, ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА)

В главе, посвященной влиянию революции и наполеоновских войн на континентальную Европу, следует обратить внимание и на страны, которые непосредственно не были затронуты революционными идеями, даже принесенными на штыках солдат Наполеона. Прежде всего в этой связи необходимо сказать несколько слов о **Греции**, всегда быв-

шей неотъемлемой частью Европы, но в силу своего географического положения часто оказывавшейся оторванной от европейского Запада. Греция к моменту, о котором идет речь, уже длительное время находилась под властью политически все ослабевавшей Османской Порты. Владения турок в Европе с XVIII в. постоянно сокращались, как знаменитая шагреновая кожа в романе О. де Бальзака. И этим, естественно, стремились прежде всего воспользоваться все те, кому были наиболее дороги свобода и национальное достоинство. Среди них первое место занимали греки, которые уже с конца XVIII столетия начали партизанскую борьбу с турецкими оккупантами.

Эта борьба партизан-клефтов сыграла важную роль в подготовке Греции к выступлению против турок. Естественно, что революция и наполеоновские походы, сопровождавшиеся повсеместным движением на передний план буржуазии и созданием условий для ускоренного промышленного развития, не могли оставить в стороне греков, особенно из числа предпринимателей-фанариотов, игравших большую роль в османской торговле. Греческие суда стали заходить и в Черное море, когда по условиям русско-турецкого Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. путь через проливы был открыт для русской морской торговли. Все это вело к укреплению позиций и возможностей греческой буржуазии.

Подъем национального самосознания в Греции стал закономерным результатом благоприятно сложившегося для наследницы древней Эллады стечения обстоятельств. Воодушевленные революционным духом Франции, греческие интеллектуалы идейно возглавили движение за возрождение. Был даже написан — на манер марсельезы — гимн «Вставайте, сыны Эллады». В России и Европе начали возникать различные общества, целью которых было помочь грекам добиться независимости. Возникло целое движение филэллинистов, одним из горячих сторонников которого был великий английский поэт Д. Байрон, прибывший в эту страну в числе многих других европейских волонтеров. Даже противостоявший туркам правитель Албании мусульманин Али-паша янинский поддерживал греков в их стремлении добиться освобождения. Словом, все шло к тому, что Греции пора стать свободной.

Восстание началось в 1821 г. с нападений населения горных районов и партизан на мусульманских чиновников и землевладельцев. Ширившееся движение вскоре охватило практически всю страну, так что уже в январе 1822 г. было создано Национальное собрание, кото-

рое провозгласило независимость Греции и приняло конституцию, составленную по образцу иных буржуазных текстов того же типа. Турки ответили на это жестокими погромами и беспощадными казнями. Среди прочих был чуть ли не в первую очередь казнен и 84-летний константинопольский патриарх. Священный союз во главе с Меттернихом (и при участии русского императора Александра I), опасаясь революционной *заразы* еще в одной части Европы, отказал грекам в содействии. И это было едва ли не последним серьезным актом данного союза, распадавшегося буквально на глазах, причем именно из-за событий в Греции.

В начавшейся жестокой войне греки мужественно боролись. Но турки призвали на помощь египетскую армию Мухаммеда Али, которая в 1825–1826 гг. сумела добиться успеха, захватив почти всю территорию небольшой страны и жестоко расправляясь с ее населением. Тогда последовало решение Англии вмешаться в войну. Флоты России и Франции, которые по разным причинам были заинтересованы в содействии грекам, присоединились к английскому, и союзная эскадра в октябре 1827 г. в бухте Наварин нанесла решающее поражение турецко-египетскому флоту. Затем французский десант привел к выводу египетских войск, а русско-турецкая война 1828–1829 гг. завершилась Адрианопольским миром, по условиям которого Турция была вынуждена признать автономию (а фактически независимость) Греции.

Война в Греции, расколов Священный союз, сыграла важную роль в прекращении его существования. Что же касается добившейся свободы Греции, то в этой стране, возглавленной в апреле 1827 г. президентом И. Каподистрия, вместе со свободой и конституцией, со столь желанным национальным возрождением на передний план вышла революционно настроенная буржуазия. Однако добиться быстрого промышленного развития ей не удалось. У молодого государства было немало трудностей, как финансовых и производственных, так и политических.

Особо следует сказать о **России**. Здесь Наполеон столкнулся с ситуацией, к которой не привык. Русские армии старательно избегали крупных сражений и заманивали огромную армию Наполеона вглубь страны, где после знаменитого сражения при Бородино и отступления из сожженной Москвы французская армия оказалась без неприятеля и без перспективы. Идти дальше она не могла и вынуждена была повернуть назад, причем обратный путь был для нее крайне тяжелым. Во-первых, потому, что рано наступила холодная зима, к чему оторванная от регулярной поддержки извне армия, хотя и поредевшая

в боях, но остававшаяся весьма многочисленной, просто не была готова. А во-вторых, из-за того, что в борьбу с французами вступил весь русский народ, отчего война с Наполеоном и вошла в историю России как Отечественная.

И вот здесь-то следует сказать о самом главном. Оно даже не в том, что русские партизаны как во главе с офицерами армии вроде знаменитого Д. Давыдова, так и просто в виде вооруженных вилами крестьян постоянно преследовали отряды отступавших. Оно в том, что французы, не ожидавшие этого, встретили в лице мирного населения, главным образом русских крепостных крестьян, совсем не тех людей, на которых они во всех других европейских странах, от Испании до Польши, привыкли рассчитывать. Речь идет о знаменитых лозунгах и радикальных преобразованиях французской революции. Понятия свободы, равенства и братства, идеи о правах человека, резкие выступления против феодальных привилегий и тем более крепостной зависимости никак не были восприняты русскими крестьянами. В большинстве своем они просто оказались не готовыми к осмыслению этих абстрактных лозунгов, даже если бы их перевели на русский. Все дело в том, что крепостные крестьяне России видели во французах не тех, кто мог бы принести им свободу, но только врагов, с которыми надлежит сражаться. При этом стоит упомянуть, что наполеоновская армия, как правило, делала ставку на снабжение ее извне, в крайнем случае на закупку необходимого на местах, но отнюдь не на мародерство и насилие, к которым она частично, видимо, оказалась вынужденной прибегнуть лишь в конце бесславного похода просто для того, чтобы выжить.

И еще одно важное соображение заслуживает внимания. Россия отстала от Европы, даже от Польши на многие десятилетия, где-то в чем-то и на века. Русские крепостные крестьяне с их архаичным уровнем сознания не были готовы понять, что может принести русскому народу приобщение к преобразованиям революции. Буржуазии, даже предбуржуазии европейского типа из городов, знакомых с определенными вольностями и правовыми нормами, в России тоже не было (реформы Петра I не вели к быстрому ее появлению). Только русское дворянство оказалось восприимчивым к тому, чего достигли французы. Французский язык и внимание к античным традициям мыслителей французского Просвещения уже при Екатерине II были в ходу среди дворян, особенно принадлежавших к высшему свету. Но это было каплей в море.

Однако после поражения великой армии немалое количество раненых, замерзших и голодных французских солдат могли быть подобра-

ны и выхожены жалостливыми русскими женщинами, а выздоровев, учить дворянских детей модному тогда французскому языку и тем необходимым познаниям хотя бы из курса начальной школы, которыми они обладали. Поэтому возможно, что кое-что о французской революции русские дворяне могли узнавать. Вспомним о тех «месье», с которыми мы встречаемся в пушкинских «Онегине» или «Дубровском». Это не бежавшие от революции аристократы, в подавляющем большинстве оседавшие поближе к Франции и лишь в ничтожном количестве случайно оказывавшиеся в России. Это были простые французы. И если даже большинство из них не имели ничего общего с солдатами великой армии, то с достижениями и лозунгами революции они были знакомы. В любом случае в России после 1812 и особенно 1815 г., когда русские войска оказались в Париже, стали с особым усердием изучать французский. Этот язык становился модным и считался необходимым при общении между дворянами, причем далеко не только из числа тех, кто принадлежал к великосветскому кругу. А знакомство с французским позволило многим тысячам русских дворянских детей читать не только рыцарские романы, но и серьезные книги мыслителей века Просвещения, что тоже не прошло для России бесследно. Вспомним искреннее возмущение «вольтерьянством» из «Горя от ума» А. С. Грибоедова.

Собственно, с этого возросшего общения русских с французами после наполеоновских войн и начало ощущаться в России влияние Франции. Поход русской армии в Европу, в результате которого не только образованные офицеры из дворян, но и простые солдаты из крепостных смогли увидеть, как живут там люди, вкушившие плоды революционных преобразований, тоже не прошел бесследно. Как то хорошо известно, декабристы вышли в основном из числа именно тех, кто умел видеть и сравнивать Западную Европу с крепостной Россией. Таким было влияние революции и преобразований в завоеванной Наполеоном Западной Европе на Россию, очень далекую еще в те годы от восприятия идей века Просвещения.

И наконец, несколько слов о **Латинской Америке**. За недолгие годы пребывания королем Испании Жозефа Бонапарта, которые сопровождались реформами и, главное, ослаблением Испании как колониальной державы, многое в Латинской Америке изменилось. Идеи североамериканских борцов за свободу и права человека, равно как и революционные преобразования во Франции подготовили население колоний к возможным политическим переменам, а разгром испано-

французского флота в битве при Трафальгаре в 1805 г., в результате которого контакты Латинской Америки с Испанией сильно сократились (в крупнейший мексиканский порт Веракрус в 1802 г. прибыло 148 испанских кораблей, а в 1806 г. лишь 8), сыграл решающую роль в последующих событиях. Когда королем Испании стал Жозеф с его стремлением к буржуазным реформам, он оказался более привлекательным, чем добровольно покинувший Испанию Фердинанд VII, интересы которого в Латинской Америке представляла Центральная хунта (правительство). В результате оторванные от метрополии колонисты, пусть не все, приняли решение бороться — по примеру США — за независимость своих колоний.

В 1810 г., практически одновременно с выступлениями испанских партизан против французов, в Латинской Америке начали вспыхивать восстания. Требованием восставших была независимость от метрополии, а центрами их стали Мексика и Венесуэла. Борьба за независимость в Мексике протекала драматически. Вначале восстание было подавлено сторонниками хунты в 1815 г., но вскоре оно вспыхнуло заново, и с 1823 г. Мексика стала независимой республикой. Венесуэла во главе со знаменитым Симоном Боливаром вначале добилась сравнительно быстрого успеха, но затем наступила полоса неудач. Лишь после того, как Боливар объявил о готовности дать землю солдатам, он сумел разбить экспедиционный корпус испанцев и создать в 1819 г. республику Колумбия, в состав которой вошли Венесуэла, Эквадор и некоторые иные территории. Затем Боливар помог Перу и Чили отстоять независимость от испанских войск. В целом к середине 1820-х гг., т.е. менее чем за 15 лет, политическая карта Латинской Америки коренным образом изменилась. За исключением двух островов, Кубы и крошечного Пуэрто-Рико, все бывшие колонии стали независимыми республиками. Возникли новые государства: Мексика, Колумбия (до 1830 г. в нее входили Венесуэла и Эквадор), Бразилия, Аргентина, Чили, Перу, Боливия, Парагвай, Уругвай, Соединенные провинции Центральной Америки (позже они распались на Гватемалу, Гондурас, Никарагуа, Коста-Рику и Сальвадор).

Итогом борьбы было не только создание независимых республик, но и полная ликвидация сословного и тем более расового неравенства, отмена подушной подати, трудовой повинности, ограничение всепачи церкви, запрет инквизиции. Это была большая победа, вклад в которую внесли идеи и преобразования, связанные с революцией и наполеоновскими войнами.

РОЛЬ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАНЦИИ

Буржуазная революция во Франции и энергичное распространение ее социополитических, экономических и интеллектуальных результатов в ходе наполеоновских войн в континентальной Европе и вне ее сыграли огромную роль. Мир изменился, причем больше, чем когда-либо до того. И хотя именно к России это относится меньше многих других, это было именно так. Стоит к тому же напомнить, что войны революции были не спровоцированной агрессией и тем более не нашествием все рушащих варваров. Это была закономерная реакция против тех, кто пытался задуть революцию. Разумеется, в других обстоятельствах можно было бы ограничиться отпором агрессорам. Но обстоятельства сложились таким образом, что отпор был дан в виде серии блестящих побед над всеми, кто в эти коалиции входил или вынужден был к ним примкнуть. В итоге оказалось, что благодаря военному гению Наполеона Франция на достаточно продолжительное время стала гегемоном в континентальной Европе. Хорошо это или плохо?

Все зависит от того, что и как было сделано. Наполеон не превратился в диктатора, который в интересах самовласти мог бы задвинуть достижения революции на задворки или вовсе о них позабыть. В том и состоит великая его заслуга перед историей (не французской, а мировой), что он так не поступил. Напротив, сделал все для распространения не только идей, но прежде всего реальных достижений революции в виде четко направленных реформ и максимально соответствующих им новаций в сфере политическо-правовых, социальных и экономических отношений.

Важно обратить внимание на конечный итог этих усилий. Они оказались не напрасными. Именно благодаря наполеоновским войнам, которые никогда не сопровождались ни преследованиями мирного населения, ни ничем не оправданными разрушениями или другими формами насилия, но обычно ограничивались не слишком значительными контрибуциями, страны, куда приходили французы, гораздо больше выигрывали, чем проигрывали. И хотя после поражения и изгнания Наполеона во всей континентальной Европе возникли благоприятные условия для разгула реакции, сложившееся на субконтиненте благодаря императору итоговое соотношение сил не позволило поверженной и пытавшейся вернуть старое элите вчерашнего дня взять верх. Священные союзы не помогли. Буржуазно-демократические идеи и институты так или иначе, рано или поздно, но везде брали верх.

Очень важно принять во внимание и косвенное воздействие этого на положение дел в тех регионах, где почти не было условий для изменения ситуации к лучшему. В Греции свободолюбивые потомки древних эллинов сумели добиться национального освобождения и пойти по общему для всего Запада пути буржуазных преобразований. Современные республики Латинской Америки возводят свое происхождение именно к драматическим событиям, связанным с ослаблением Испании в результате революции и радикальных преобразований. Более того, даже далекая Россия не осталась совсем безучастной к описываемым событиям (имеется в виду не 1812, а 1825 г.). Но почему получилось так? Что придало сил революции? Нелепо было бы искать причины в дебрях марксистско-большевистской фразы. Перед нами не неведомо откуда будто бы взявшиеся *производительные силы* с соответствующими или не соответствующими им *производственными отношениями*, которые к революции отношения не имеют. Нет здесь ни *могущих* или *не могущих терпеть* социальных *верхов* или *низов*. Перед нами драматическое стечение обстоятельств, вызванных искусственными помехами успешной эволюции, которая вела к заключительной фазе длительного сосуществования двух издревле соперничавших структур, соответствующих уровню урбанистической цивилизации.

Восточная структура власти-собственности с всесилием государства и осознанно оскопленными собственниками, с обществом восточного типа давно уже была вынуждена уступить место западной антично-буржуазной либерально-демократической с рыночно-частнособственнической экономикой и обществом западного типа¹. Но она, опираясь на бесконтрольную авторитарную власть, слишком долго и чересчур упорно сопротивлялась.

Это и стало причиной взрыва. Благодаря революции во Франции и победоносным войнам Наполеона буржуазия во всех или почти во всех европейских странах, кроме разве что России, если и не сразу повсюду стала у руля правления, то во всяком случае оказалась в позиции социального слоя, занявшего ведущее положение в обществе. И только после этого был включен тот фактор ускоренных темпов буржуазной эволюции, который привел в быстрое движение экономику. Такое в истории человечества произошло — после неолитической революции — только один раз. Начался этот процесс в мирной его форме

¹ Подробнее об этом см.: *Васильев Л. С. Эволюция общества. Типы общества и их трансформация*. М.: КДУ, 2011.

в Голландии и Англии, а обрел широкий простор для успехов в Европе после французской революции и наполеоновских войн. В этом великое историческое значение и этой революции, и этих войн. Можно также напомнить, что даже через десятилетия после французской революции и войн Наполеона волны революционных преобразований (имеется в виду начало 30-х и конец 40-х гг. XIX столетия) захлестывали Западную Европу, помогая ее народам довершить до конца буржуазные преобразования.

Что касается роли Венского конгресса и принятых на нем решений, включая и создание Священного союза реакционных монархов, то они заслуживают особого внимания. Союз добросовестно стремился справиться со взятыми им на себя обязанностями, сводившимися как к сохранению баланса сил, так и к соблюдению принципа легитимности. Оба принципа были выдвинуты на передний план еще в 1818 г., когда встал вопрос о помощи Испании в борьбе с мятежными латиноамериканскими колониями. Англия этого не желала, ибо не хотела усиления позиций европейских Габсбургов и Бурбонов, что проявилось и в связи с проблемой поддержки восставших греков.

Глава вторая. АНГЛИЯ И ФРАНЦИЯ ДО СЕРЕДИНЫ ВЕКА

Особого внимания в этот период истории заслуживают две самые значительные страны Западной Европы, политика которых была определена ходом и итогами наполеоновских войн. Эти войны обходились Франции недешево, но они приносили ей немалый престиж и, главное, позволяли убедить мир в правоте того дела, ради которого начиналась и завершилась революция. Англия, оказавшаяся вне зоны досягаемости победоносных войск императора, была вовлечена во все антинаполеоновские коалиции, некоторые из них инициировала. Ее войска принимали участие в сражениях, а самым заметным случаем была победоносная битва при Ватерлоо. Что касается всех остальных столкновений, то стоит вспомнить, что из попыток организовать десант и из континентальной блокады у Наполеона ничего не получилось. Словом, Англия, этот главный соперник французов, явно преобладавший в морских сражениях, оказалась не только неуязвимой для удачливого полководца, но и сумела нанести ему решающее поражение.

Вместе с тем Англию и Францию объективно сближало, даже роднило одно чрезвычайной важности обстоятельство. Именно эти две большие европейские державы, если не считать несколько небольших,

будь то Голландия, Швейцария или Скандинавия, оказались в ситуации, когда буржуазия резко вырвалась вперед. Англия, несмотря на попытки реставрации, не уступила своего ведущего, принципиально господствующего места в политической, социальной и экономической жизни Запада. Только она сумела добиться этого на столетие с лишком раньше и, главное, без революционного взрыва, тогда как Франция была вынуждена пойти на такой взрыв, дорого ей обошедшийся, но принесший в итоге, причем не только ей, но почти всей континентальной Европе, великолепные результаты.

Обе страны в начале XIX столетия, в отличие от большинства других западноевропейских государств, были уже вполне развитыми буржуазными. Разве что экономический потенциал их существенно различался. Все-таки разница в возрасте (имеется в виду срок фактического доминирования буржуазии) очень сильно сказывалась. До того уровня, который был достигнут передовой и промышленно высоко развитой Англией, Франция, как и иные государства Европы, шла еще довольно долго. К тому же история судила так, что Англии, если не считать сколачивавшихся ею антифранцузских коалиций, в которых она принимала не слишком большое участие, не пришлось в первой половине века много воевать. Ее основные войны велись в основном в колониях, прежде всего в Индии, где сами англичане опять-таки были не слишком сильно вовлечены в боевые действия. Случилась также война 1812–1814 гг. в США, которая, впрочем, не стоила воюющим сторонам слишком большой крови и завершилась сохранением status quo. Зато в сфере мирных сражений, точнее конкуренции, особенно в промышленном производстве, в отстаивании интересов буржуазии, Англия была непревзойденным виртуозом, чего нельзя сказать о Франции. Преимуществом же созданной Наполеоном империи даже после смерти великого императора было в ее неустойчивом положении то, что в политических битвах, в борьбе с попытками реакции повернуть историю вспять она не уступала Англии, но заметно превосходила ее, что благотворно сказалось на всей континентальной Европе.

АНГЛИЯ В НАЧАЛЕ ВЕКА. РЕФОРМЫ

Следует заметить, что процесс эволюции буржуазного производства в этой стране на рубеже XVIII–XIX столетий шел с немалыми сложностями и спорадически сопровождался попытками реверсий. Принципы либеральной демократии, которые давали о себе знать,

отнюдь не всегда оказывались неоспоримыми. Многое и определялось различными, в том числе и внешнеполитическими (хотя чаще внутривнутриполитическими, социальными и экономическими) обстоятельствами. В частности, французская революция была встречена в Англии отнюдь не с восторгом. Английская политическая элита не без оснований опасалась радикализма якобинцев и отнюдь не была готова поддержать революционеров. Антифранцузские настроения резко усилились на заключительном этапе революции и стали особенно заметными в годы наполеоновских войн. После возникновения Священного союза Англия некоторое время сотрудничала с ним, хотя и не входила в его состав.

Реакционные позиции в этот период истории страны занял и парламент. Хотя за годы войн Англия несколько пострадала от континентальной блокады, промышленное производство в стране возрасало. Однако рост вел в эти годы к неустойчивости экономической конъюнктуры, безработице и повышению цен, особенно на хлеб. Хлебный закон, принятый парламентом в 1815 г., ограничил ввоз хлеба из России, что обострило внутривнутриполитическую напряженность и проявилось в недовольстве рабочих и безработных, которые в 1816–1817 гг. устраивали одну за другой массовые демонстрации. Оживилось движение луддитов, протестовавших против машинного производства, вытеснявшего из фабрик людей. В ответ парламент приостановил на год действие знаменитого Habeas corpus act, который гарантировал личную неприкосновенность англичанина. Это вызвало мощное движение за преобразование парламента и всей избирательной системы, за введение всеобщего избирательного права и прочие демократические реформы.

В августе 1819 г. власти разогнали с помощью войска многотысячную демонстрацию в Манчестере, призывавшую чуть ли не силовым методом создать новый парламент. Было убито 15 человек и около 400 ранено. Для Англии это была вопиющая акция. Но парламент, не удовлетворенный этим, принял ряд жестких законов, направленных на ограничение свобод, в том числе собраний и печати. Правда, это длилось недолго. Уже в начале 1820-х гг. ситуация стала заметно меняться к лучшему. Страна вступила в период экономического подъема, таможенная система была пересмотрена, ввозные пошлины отменены, хлеб обрел свою нормальную цену. Используя в своих интересах вооруженное выступление испанских колоний в Латинской Америке против Испании, Англия захватила значительную часть латиноамериканского рынка и начала резко противодействовать попыткам Священного союза

вмешаться в борьбу колонистов в интересах Испании. В то же время англичане стали открыто помогать грекам в их войне с Турцией.

Либеральная политика в парламенте к этому времени решительно возобладала, что лишний раз подтвердило факт гегемонии буржуазии в государственных делах страны. Более того, парламент в 1824 г. принял закон, разрешающий рабочим создавать тред-юнионы (в 1799 г. это было запрещено). А затем последовала решительная борьба за реформу самого парламента. Итогом ее был пересмотр в 1832 г. права многих так называемых «гнилых местечек» посылать по давно сложившейся традиции одного-двух депутатов. 56 из них были лишены этого права, у других оно было сильно урезано. За этот счет освободилось 141 место, а многие новые крупные промышленные центры — Манчестер, Бирмингем, Лидс и др. — получили право посылать в парламент своих депутатов. Было значительно увеличено количество избирателей (правом голоса обладали лица с определенным уровнем дохода). Избирательная реформа сыграла огромную роль в длительной истории британского парламентаризма, ибо продемонстрировала возможность изменять традиции в интересах новых слоев населения. В английском парламенте увеличилось представительство буржуазии, которая превратилась в реальную политическую силу. Реформа стала основой для проведения дальнейших законов в интересах британских буржуа.

Следует напомнить, что именно в эти годы появились теоретические работы классиков английской политэкономии. Д. Рикардо (1772–1823) доказывал, что без личного интереса частного собственника современная промышленность не может развиваться быстрыми темпами. Т. Мальтус (1766–1834) в пересмотренном издании своего знаменитого труда о народонаселении пророчески обратил внимание на то, что безудержный рост населения может привести мир к катастрофе. Появлялись, однако, и утопии в стиле позднесредневековых, к числу которых следует отнести Р. Оуэна (1771–1858), потратившего всю жизнь на доказательство жизнеспособности предприятий-коммун, созданных при чьей-либо материальной поддержке либо с помощью кооперации.

1830–1840-е гг. были временем окончательного торжества буржуазии и резкого ускорения темпов буржуазной эволюции. В стране строилось огромное количество новых промышленных предприятий, включая тяжелую промышленность. Энергично развивался транспорт, прежде всего железные дороги. Англия буквально на глазах всего человечества превращалась в постоянную выставку новейших

достижений техники, становилась своего рода мастерской мира. Росли новые города, увеличивалась численность городского населения, улучшались, пусть и не слишком быстро, условия жизни людей. Главной слабостью быстрых темпов очевидного прогресса в сфере производственной эволюции было, однако, то, что улучшение уровня жизни шло все же намного медленнее, чем развивалось производство и росли прибыли удачливых буржуа. Огромное количество городского населения, увеличивавшегося за счет прежде всего рядовых тружеников на новых заводах и фабриках, в торговых предприятиях и на транспорте, да и во всех иных местах, где требовалась рабочая сила для налаживания эффективного производства, получало заработную плату, реальная стоимость которой почти не росла. Ухудшению ситуации в этом плане способствовало и фактическое отсутствие законов, которые строго регулировали бы взаимоотношения между трудящимися и работодателями, имея в виду не только и не столько заработную плату, сколько условия труда, включая продолжительность рабочего дня, оплату труда женщин и детей и многое другое, со всем этим связанное.

Это и послужило главной причиной вызревания в стране, вроде бы очень благополучно развивавшейся, нового весьма серьезного, но на сей раз преимущественно социально-правового кризиса. Он был связан с тем, что в Англии сформировалось принципиально новое поколение рабочих. Это уже не были бедняки, обезземеленные крестьяне и тем более нищие-пауперы прежних времен. Раскрестьянивание английской деревни по существу завершилось, городские рабочие довольно давно превратились в наследственных тружеников предприятий фабрично-заводского типа. Мечты Оуэна о возможности исправить дело с помощью кооперации оказались несостоятельными. Оставалось попытаться усилить роль организованной борьбы тружеников за свои права. Это было тем более возможным, что отмена антирабочего закона 1799 г. способствовала созданию такого рода объединений. Так родилось в Англии движение чартистов.

БОРЬБА ЗА ПРАВА РАБОЧИХ. ЧАРТИЗМ

Англия в начале XIX столетия была одной из стран с наивысшим уровнем либеральной демократии. Страной правил регулярно переизбиравшийся парламент, в зависимости от соотношения политических сил принимавший те либо иные важные решения. Закон 1832 г., ликвидировавший «гнилые местечки» и отдавший большим городам места в парламенте, сыграл важную роль в том, чтобы соотношение политиче-

ских сил соответствовало тем переменам в пользу буржуазии, которые стали в стране к этому времени свершившимся фактом. Англия развивалась быстрыми темпами, что вполне соответствовало включенному на полную мощность буржуазному фактору эволюции. Однако нерешенной оставалась одна чрезвычайной важности задача. Следовало выработать законы, призванные регулировать отношения процветающей буржуазии с огромным и все возрастающим контингентом лиц наемного труда. Рабочие на фабриках и заводах, в строительстве, на транспорте и в горных добывающих промыслах, лица наемного труда в сфере обслуживания становились основным и все более многочисленным слоем общества. Количество их исчислялось уже миллионами человек. Мало того, все они представляли собой ту самую рабочую силу, без которой нормальное функционирование становившейся все более мощной и разнообразной промышленности, равно как и всей обслуживавшей ее инфраструктуры, оказывалось абсолютно невозможной.

По мере численного роста и возрастания повседневных потребностей работники начинали все чаще предъявлять работодателям и обществу в целом свои претензии. Суть их сводилась как к экономическим, так и к социополитическим требованиям. Идеи Оуэна стимулировали ускорение темпов вызревания у представителей наемного труда тенденций к защите прав большинства тружеников, создающих национальное богатство страны. В 1833 г. в стране стало проявляться стремление к сближению тред-юнионов разных отраслей производства и к созданию их национального союза. В парламенте и среди работодателей это вызывало противодействие, и идея объединения на время заглохла. Однако в 1836 г. была все же создана Лондонская ассоциация рабочих, ставившая своей целью выработать проект программы объединенного рабочего движения в стране. По аналогии с великой Хартией вольности ее называли Народной хартией (People's Charter), откуда и пошел русский термин «чартизм».

Чартизм быстро завоевал широкую поддержку среди лиц наемного труда, особенно в больших городах с развитой промышленностью. А в его первой официальной петиции парламенту содержались требования ввести всеобщее избирательное право при тайном голосовании с отменой имущественного ценза и неравенства избирательных округов. Может показаться странным, что в этом первом публичном документе не зашла речь об урегулировании размеров рабочего дня или минимума заработной платы, не говоря уже о возрастном цензе при приеме на работу (имеется в виду детский труд). Но следует полагать,

что инициаторы петиции, воспитанные в стране с давно уже реально работавшими либерально-демократическими институтами, резонно полагали, что все должно зависеть от законов и что для этого высший законодательный орган страны должен комплектоваться таким образом, чтобы в нем были справедливо представлены представители огромного контингента лиц наемного труда.

Хартия долго публично обсуждалась, вызывая порой серьезные дебаты и разногласия. В мае 1839 г. текст ее был передан парламенту, но он отверг все требования. В ответ в больших городах начались митинги и массовые протесты, вызвавшие преследования и аресты со стороны властей. В апреле 1842 г. была составлена вторая петиция с 3,3 млн подписей. В ней были выдвинуты на передний план социальные и экономические требования. Но парламент отклонил и ее. В ответ последовали массовые забастовки, вызвавшие репрессии со стороны властей. Тем не менее чартизм, хотя и раздиравшийся внутренними противоречиями, сделал свое дело. Парламент пошел навстречу требованиям рабочих и провел в соответствии с этим ряд реформ, включавших как проблемы избирательных прав, так и, что наиболее существенно, изменения в фабричном законодательстве. В 1842 г. был запрещен труд в шахтах женщин и детей моложе 10 лет. В 1844 г. рабочий день для детей до 13 лет был сокращен до 6,5 часа дабы они могли учиться (так было сказано в парламентском акте). А в 1847 г. был принят важный закон об ограничении рабочего дня женщин и несовершеннолетних 10 часами. Одновременно был резко усилен правительственный контроль фабричных инспекторов за строгим соблюдением новых законов. Это была для того времени неслыханная уступка со стороны властей и огромная победа всех лиц наемного труда.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА АНГЛИИ

В сфере внешнеполитических и внешнеторговых событий первой половины века важную роль сыграла борьба Англии за свободу торговли, обретшая форму фритредерства, т.е. практики свободной торговли без правительственного протекционизма, в частности, без вмешательства в торговлю в форме пошлин типа «хлебных законов», отмена которых способствовала укреплению позиций английской буржуазии на мировом рынке. Парламент не сразу решился на эти перемены, но в конечном счете все мешавшие свободной торговле законы, включая знаменитые навигационные акты, когда-то помогавшие английской торговле в борьбе с конкурентами, были отменены. Окрепшая

и экономически усилившаяся страна более не нуждалась в подпорках. А свобода торговли давала в ее руки ряд несомненных преимуществ, ибо обеспечивала бесперебойное снабжение страны многочисленными и разнообразными товарами. Англия быстро становилась центром мировой торговли.

Что касается внешней политики, то после победы над Наполеоном англичане, как упоминалось, почти не вели войн, за исключением разве что колониальных, успех в которых ей доставался сравнительно легко и без ощутимых потерь. Во многом этот результат обеспечивался умелой политикой министра иностранных дел Г. Пальмерстона (1784–1865), который занимал свой пост — с перерывами — с 1830 по 1851 г. В число достижений английской политики в эти годы входит освоение Новой Зеландии (с 1840 г.) и в особо внушительной степени Австралии (с 1829 г.) с расположенной неподалеку от нее Тасманией. Если до того Австралия обустроивалась в основном усилиями сосланных туда каторжников и их потомков, то в рассматриваемое время туда стали мигрировать сотни тысяч желающих улучшения своей доли переселенцев.

В начале 1840-х гг. к этим населенным преимущественно европейскими колонистами территориям прибавилась южноафриканская Капская колония, где жили буры, потомки переселенцев из Голландии. Кроме того, англичане, преимущественно жители Ирландии, в немалом количестве мигрировали в США, а также заселяли расположенную к северу от США Канаду, по вопросу о границе с которой между Англией и США шли долгие споры. Эти споры осложнялись сложностями, связанными с взаимоотношениями английских переселенцев с французами, предки которых начали осваивать Канаду еще до прихода туда англичан. Примерно к этому же времени относится усиление влияния Англии в Турции и особенно в формально подчиненном империи Османов Египте.

Однако все же важнейшим направлением колониальной политики англичан было завоевание Индии, которое к середине века уже близилось к концу. На рубеже 1830–1840 гг. началось проникновение в Китай. Особо стоит сказать об английских владениях в Вест-Индии и о проблеме рабства. Официально парламент принял закон об отмене рабовладения и рабства в пределах империи в 1833 г. Вест-индские рабы были выкуплены правительством у их собственников за 20 млн ф. ст. Существенно заметить, что с этого времени нехватку рабочей силы плантаторы, причем не только в Вест-Индии, стали замещать за

счет ввоза китайских кули, к которым позже стали прибавляться и индийские наемники.

Колониальная политика Англии требовала неусыпного внимания и немалого количества сил и средств. Она была также немислима без массового переселения англичан в те колонии, основной населения которых становились мигранты, прежде всего из самой Англии. Однако колонизация Индии и проникновение в огромный Китай тоже требовали отправки в эти страны англичан — как представителей буржуазии, так и военных и чиновников, что было наиболее важным для Индии. Всего только за 1830–1840 гг. в колонии выехало почти 2 млн человек, особенно мужчин, что, к слову, заметно сказалось на половом балансе в Англии, породив в этой благополучной стране очень непростую проблему незамужних женщин и старых дев. Но следует отдать должное и переселенцам. Они несли с собой на новые земли английские традиции либеральной демократии. И эти новые колонии, особенно наиболее крупные из них, включая Индию, Австралию и Канаду, долго еще оставались не просто частью империи, но государствами, формально подлежащими юрисдикции английской короны. Как то ни покажется парадоксальным, но именно Англии, а не Франции (Наполеон некоторое время был королем Голландии) достались и многие голландские колонии, такие как Капская на юге Африки или Цейлон. Словом, примерно с середины XIX в. Англия без особых усилий стала величайшей империей мира, пределы которой продолжали расширяться.

ФРАНЦИЯ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

Ситуация во Франции, при всем том что уровень развития в ней либеральной демократии и вырвавшейся на политический олимп буржуазии был во многом сходен с английским, оказалась в первой половине XIX столетия другой. Неудача «Ста дней» Наполеона означала не только то, что революционные преобразования в стране завершились, но также и то, что вместе с этим завершился определенный этап их реализации. На смену ему, этапу революционных и в общем позитивных для страны перемен, быстрыми шагами шла реакция, горевшая желанием как можно быстрее и полнее осуществить реставрацию нарушенного революцией старого порядка.

Король Людовик XVIII, который после Ватерлоо вернулся во Францию и опубликовал свою «Хартию 1814 года», смысл которой сводился к обещанию сохранить достижения революции, в том числе конституцию

и основные свободы, вскоре, почувствовав себя прочнее, стал проводить более жесткую политику. Вся политическая элита в стране была замещена им вернувшимися в страну эмигрантами. При этом большинство мест в палате депутатов 1815 г., избранной по новому избирательному закону, досталось наиболее реакционным из их числа. Названная «бесподобной», эта палата оказалась более роялистской, нежели сам король, который, опасаясь осложнений, был вынужден в 1816 г. ее распустить. Новая палата была более умеренной и сохраняла конституцию.

Однако после того как очередные выборы 1821 г. вновь принесли победу крайним, в стране сложилась очень напряженная обстановка. Полулегальные карбонарии, венты которых по образцу итальянских широко распространились, в том числе в армии, в 1821–1822 гг. пытались поднять несколько восстаний. Эти мятежные акции были поддержаны некоторыми представителями либерально настроенных интеллектуалов, в том числе влиятельными университетскими профессорами. Выступления оппозиции несколько охладили пыл роялистов, но после смерти в 1824 г. короля и появления на французском престоле его брата Карла д'Артуа (Карла X), слывшего «королем эмигрантов», чаша весов вновь склонилась в сторону откровенной воинственной реакции. Карл провел в палате закон о выделении миллиарда франков в качестве компенсации для лишившихся владений аристократов. В стране дали полную свободу действий иезуитам и начали сурово наказывать тех, кто выступал против церкви. Однако на выборах 1827 г. в палату прошло много либералов, что снова изменило ситуацию.

Неустойчивое политическое равновесие, проявлявшееся в условиях крайне жесткой избирательной системы, свидетельствовало о резко усилившейся роли французской буржуазии и поддерживавших ее интеллектуалов, в том числе духовных наследников мыслителей века Просвещения. Среди них выделялись профессора истории Ф. Гизо, О. Тьерри, Ф. Мишле, позже также А. Тьер, начавшие активно заниматься политикой. Властителями дум стали на некоторое время также К. Сен-Симон (1760–1825), твердо отстаивавший приоритет буржуазии, и Ш. Фурье (1772–1837) с его утопией, суть которой сводилась к необходимости создать гармонию в обществе, состоящем из ячейек-фаланг с большой ролью совместной работы тружеников. Оказывали влияние на общество также драмы начинающего великого французского писателя В. Гюго.

Словом, чаша весов в конце 1820-х гг. вполне очевидно качнулась влево. Этому способствовал и рост народного недовольства в связи

с неурожаями и признаками депрессии в экономике. Недовольство усилилось после того, как король летом 1829 г. уволил либеральное правительство и назначил новым главой кабинета крайнего реакционера О. Полиньяка. Кабинет стал выступать против депутатов, которые в марте 1830 г. потребовали его отставки. Но король предпочел распустить палату и назначить новые выборы, которые принесли победу либералам. 25 июля рассерженный король по наущению Полиньяка распустил и эту палату, дав понять, что он готов совершить государственный переворот. В качестве ответа парижские газеты призывали население оказать решительное сопротивление реакции. 26 июля 1830 г. начались первые столкновения парижан с полицией, а 28-го недовольство приняло массовый характер. Парижские улицы были впервые за многие годы перекрыты баррикадами. 29 июля народ овладел дворцом в Тюильри, а на следующий день Карл отрекся от престола. Это был большой успех восставших.

ИЮЛЬСКАЯ МОНАРХИЯ ЛУИ ФИЛИППА

Отставка Карла означала, что кратковременное правление реакции из числа тех, кто «ничего не забыл и ничему не научился», оказалось во Франции, пережившей страшную, но в конечном счете благотворную для страны революцию, неприемлемым. Мало того, вдоволь испытав унижений со стороны крайних роялистов, французский народ резонно обратил благосклонное внимание на тех кандидатов на престол, кто был готов продолжить политику реформ. Таким был Луи Филипп, герцог Орлеанский, представитель боковой ветви Бурбонов, в юности горячо принявший революцию и одно время бывший даже членом клуба якобинцев. Луи Филипп в годы попыток реставрации был тесно связан с буржуазной оппозицией, что также говорило в его пользу. В августе 1830 г. он и стал королем, причем продолжал сохранять верность избранному им курсу поддержки французской буржуазии. Таким образом, кошмар разгула реакции пришел к своему концу.

Проявив смелость и энергию, новый король сместил 76 из 78 префектов, возглавлявших провинции страны и принадлежавших к числу крупных землевладельцев из числа знати. 14 августа была принята новая конституция, заметно урезавшая prerogatives короля в пользу палаты депутатов. Был снижен избирательный ценз, что повлекло за собой увеличение количества избирателей примерно в 2,5 раза. Армия, полиция, государственные учреждения были очищены от злобствующих эмигрантов. Права и аппетиты церковников, не говоря уже

об иезуитах, оказались сильно урезаны. Словом, под влиянием революционной волны 1830 г. Франция почти в мгновение ока из логова воинствующей реакции превратилась в конституционную монархию под стать английской.

Разумеется, в Европе, уже привыкшей ориентироваться на Париж, этот переворот не остался незамеченным. Священный союз негодовал, что побудило короля искать политическую поддержку в Англии. Англичане откликнулись на его призыв и противопоставили союз с обновленной Францией европейской реакции. Этим воспользовались некоторые европейские народы, недовольные всевластием Священного союза. Бельгия, чуть ли не насильно соединенная полтора десятка лет назад с Голландией, вышла из навязанного ей сообщества и провозгласила свою политическую самостоятельность. Народные волнения против реакционных режимов были заметны в Германии, Италии и Польше. И хотя не всюду эти выступления сыграли заметную роль, поражение реакции во Франции в целом отнюдь не осталось незамеченным. Оно было явным предвестником крушения всего Священного союза.

Что касается самой Франции, то в ней с 1830 г. начался период бурного развития буржуазного производства, сопровождавшийся, как и в Англии примерно в то же время, обострением взаимоотношений между буржуа, т.е. предпринимателями, прежде всего промышленниками, с одной стороны, и лицами наемного труда, в первую очередь фабричными рабочими, — с другой. Ситуация была сходной по многим параметрам. Это и не урегулированная законом продолжительность рабочего дня, и беззастенчивое использование дешевого женского и тем более детского труда, и недостаточно продуманная система налогов и поборов. Поэтому нет ничего удивительного в том, что представители рабочих и прочих лиц наемного труда выступали, как то было и в чартистской Англии, с протестами, устраивали забастовки, иногда даже — особенно в Лионе — поднимали восстания, правда, быстро подавлявшиеся властями. И хотя уровень организации рабочих во Франции отставал от того, которым отличались их английские собратья, эти выступления не могли остаться незамеченными. В 1841 г. был издан закон, устанавливавший 8-часовой рабочий день для детей до 12 лет и 12-часовой для подростков до 16 лет. Однако этого было явно недостаточно. Недовольство правительством и забастовочное движение усиливались, чему способствовала и активная пропаганда антиправительственных идей, с которыми выступали участники тай-

ных обществ, равно как и открыто заявлявшие о своих взглядах радикальные идеологи.

Одним из наиболее влиятельных среди этих идеологов был О. Бланки (1805–1881), сторонник своеобразного учения, близкого к коммунистическим идеалам. В его доктрине главное место занимал заговор профессиональных революционеров и следующее за ним победоносное восстание недовольных. Сохраняли свое влияние также сторонники Сен-Симона и Фурье. Крайним радикализмом отличалась теория П. Прудона (1809–1865), во всеуслышание заявлявшего, что собственность — это воровство и что вообще было бы разумным ликвидировать семью, хозяйство, частное жилище и объединиться в фаланстеры с системой «взаимных услуг» и при отсутствии денег. Л. Блан (1811–1882) призывал к тому, чтобы само государство взяло в свои руки производственные предприятия и постепенно перешло к государственной организации всей промышленности. А со временем, научившись, этими предприятиями станут управлять сами рабочие.

Вообще, именно во Франции появилось наибольшее количество идеологов коммунистической утопии, подчас смыкавшейся с анархизмом. Быть может, сказалось влияние радикализма якобинцев, по отношению к идеалам которых идеологи анархо-коммунистических утопий были просто новым поколением крайне радикальных мыслителей. Они оказывали разлагающее влияние на французов, призывая их не столько трудиться во имя будущего, сколько рассчитывать на достижение «молочных рек с кисельными берегами» путем решительных акций, близких к необдуманным действиям типа восстаний и переворотов. А тем временем в стране замедлялся промышленный рост, неудержимо увеличивался государственный долг, серьезные неудачи испытывала колониальная политика в отдаленной Океании. Обострялись и отношения с европейскими державами, в том числе и с Англией, недавним союзником Луи Филиппа. Словом, страна неудержимо двигалась к новым потрясениям.

Это ощущали многие представители правящей элиты, более других обеспокоенные политической неустойчивостью, связанной, помимо всего прочего, с одной стороны, с то и дело возникавшими заговорами аристократов, а с другой — с претензиями на власть со стороны Луи Бонапарта или Луи Наполеона, как предпочитал себя называть племянник великого дяди. Луи Наполеон (1808–1873), как и аристократы, пытался устраивать заговоры, за что даже попал в тюрьму. Но это только сыграло ему на руку, ибо создало в стране вокруг его слав-

ного имени ореол явно не заслуженной популярности. В окружении Луи Филиппа было немало людей, понимавших опасность, которая нависала над его короной. Но король словно закусил удила. Он не желал никого слушать. Как и назначенный им главой правительства Гизо, он полагал, что ответом на политическую неустойчивость должно стать только ужесточение власти.

ВОССТАНИЕ 1848 г.

Конец 1840-х гг. ознаменовался во Франции, а затем и во всей Западной Европе серией массовых народных выступлений, часть которых, вполне очевидно вдохновленная идеалами революции, имела радикальный характер. Но в революцию ни одно из этих движений не превратилось, потому что буржуазные преобразования в странах, о которых идет речь, уже завершились либо завершались. Важно было теперь не дать реакции замедлить этот позитивный процесс. Поводом же для повсеместного серьезного недовольства, который сыграл важную роль в распространении очередной мятежно-революционной волны из все еще не забывавшего о великой революции Парижа, стали экономические проблемы, которые резко обострились в связи с неурожаями 1845 и 1846 гг. во многих странах Западной Европы. А началось все опять-таки с событий во Франции, где недовольство народа по традиции быстро принимало форму массовых протестных выступлений, включавших, пусть не сразу, и строительство уличных баррикад.

Недовольство с особой силой проявилось летом 1847 г. с так называемой банкетной кампании. Представители оппозиции, которые встречались на различного рода банкетах, не просто поедали изысканные закуски, но и произносили пламенные речи, суть которых вначале сводилась к требованию избирательной реформы. Позже выступления начали обретать более радикальное оформление, вплоть до лозунгов в пользу восстановления республики. В конце года на сессии парламента была сделана последняя попытка достичь соглашения оппозиции с властью. Она не удалась. После этого задумавшее идти в контрнаступление правительство решило запретить очередной банкет, намеченный на 22 февраля 1848 г. Однако этот шаг привел весь Париж в состояние волнения, которое не сулило властям ничего хорошего. Люди выходили на улицу и требовали отставки правительства, на что испуганный Луи Филипп вынужден был согласиться. Но этого было уже недостаточно. 23 и 24 февраля столица страны покрылась многими сотнями баррикад, после чего Луи Филипп отрекся от пре-

стола и вместе с Гизо отправился в Англию. Революционно настроенные парижане овладели Тюильри и сожгли королевский трон на площади Бастилии, что было недвусмысленной символической сущности всенародного негодования. 25 февраля Франция была объявлена республикой, а во главе временного правительства стал известный и популярный поэт А. Ламартин.

Революционная волна 1848 г. подобно цунами смяла и снесла многое из того, что мешало стране двигаться вперед. Новое правительство радикально решило вопрос об избирательной реформе, предоставив право голоса всем мужчинам от 25 лет. По требованию вошедшего в правительство Луи Блана был принят декрет о праве на труд для всех граждан. В стране были созданы национальные мастерские (нечто вроде контор по организации рабочих мест), которые уже к середине мая обеспечили работой 113 тыс. человек. Кроме того, 2 марта было объявлено, что рабочий день в Париже должен ограничиваться десятью часами, а в провинции — одиннадцатью. В стране были восстановлены все основные свободы, стали возникать многочисленные политические клубы. 27 апреля было отменено рабство в колониях, которые еще оставались у Франции. По размаху радикальных преобразований восстание 1848 г. напоминало революцию. Но социополитической революцией оно не было просто потому, что не ставило своей целью замену уже вполне сложившегося одного (буржуазного) порядка другим (тоже буржуазным?). Речь шла лишь об углублении буржуазно-демократических преобразований, а также о решении в тесной связи с этим важной проблемы взаимоотношений буржуа с лицами наемного труда, которая примерно в то же время и даже чуть раньше успешно и безо всяких революционных выступлений решалась и в Англии.

В апреле состоялись выборы в Учредительное собрание, на которых 500 мест из 880 получили сторонники буржуазно-демократической республики. Не все радикалы были довольны итогами выборов. Да и Учредительное собрание не проявило понимания по отношению к ним, вследствие чего 15 мая руководимые радикалами левые силы ворвались в зал заседаний и объявили собрание распущенным, попытавшись одновременно создать новое правительство. Это был явный шаг к анархии. Национальная гвардия разогнала демонстрантов и арестовала их лидеров. Были закрыты наиболее радикально настроенные клубы. В начале июня уличные сходки были запрещены, а 22 июня распущены национальные мастерские, а занятые в них рабочие отправлены на земляные работы в провинцию, причем молодые из их

числа (18–25 лет) подлежали зачислению в армию. В ответ на это решение парижане 23 июня вновь вышли на баррикады, но уже через несколько дней военный министр генерал Л. Кавеньяк подавил восстание, после чего именно он стал 28 июня главой нового правительства республики.

12 ноября 1848 г. Учредительное собрание приняло новую конституцию. Во главе республики предполагался президент с немалыми полномочиями, Законодательное собрание избиралось на три года. В декабре состоялись президентские выборы, на которых при наличии нескольких кандидатов от разных групп населения, включая и мятежных рабочих, с внушительным перевесом (за него отдали свои голоса почти три четверти избирателей) победил Луи Наполеон. А на выборах в Законодательное собрание 13 мая 1849 г. большинство мест получили напуганные радикализмом левых правые партии. В июне была сделана попытка выступить с протестом против некоторых решений правительства, но демонстрация была быстро разогнана. Время политической неразберихи уходило. На передний план выступала жесткая власть. Ее усилению способствовала и улучшившаяся экономическая конъюнктура. Все это привело к тому, что 2 декабря 1851 г. Луи Наполеон совершил государственный переворот и распустил Законодательное собрание. Год спустя он был объявлен императором Наполеоном III (Наполеоном II считался рано умерший сын Бонапарта, никогда не правивший Францией и живший при дворе деда, австрийского императора Франца I). Время Второй республики на этом закончилось, и началась Вторая империя.

Франция спокойно перенесла эту трансформацию, ибо структурных основ страны она не затронула. Буржуазия была и осталась главной силой в стране, а проводившаяся в ее интересах политика способствовала ускоренной эволюции воссозданной империи, в чем так или иначе были заинтересованы все, включая и мятежных левых радикалов, не говоря уже о большинстве рабочих, да и обо всех остальных слоях общества.

АНГЛИЯ И ФРАНЦИЯ В СЕРЕДИНЕ XIX в.

Политические события, характерные для середины XIX в., включая радикальные процессы во Франции, в общем и целом оказались в конечном счете не столько одинаковыми, сколько уравнивавшими ситуацию в обеих крупнейших странах европейского Запада. В Англии чартизм и все рабочее движение постепенно сходили на нет, а законы

сделали очень важный шаг навстречу рабочим. Во Франции, несмотря на сознательно и искусственно подогревавшийся радикализм парижских рабочих, шел примерно тот же процесс, причем ему никак не мешали перемены в формах власти.

Здесь важно обратить внимание на одно принципиальное обстоятельство. Разумеется, правительство Второй империи было более жестким, нежели Англия времен королевы Виктории, на чье долгое правление пришлась и середина XIX в. Но эта разница понятна и даже легко объяснима. **Общество, долго и сознательно раскалываемое на противостоящие группы, едва ли может стать надежной основой для благополучия страны.** В марксистской, особенно отечественной, историографии в свое время возник и укрепился термин *бонапартизм*, означающий некое лавирование. Вообще-то никакого особого лавирования во Франции в период Второй империи не было, как не было и «режима полицейского произвола». Все это явные преувеличения со стороны раздосадованных классиков марксизма, прежде всего самого Маркса, очень недовольного тем, что плохо продуманные и не слишком радикальные действия левых в последний период существования Второй республики не привели Францию к тому состоянию полной анархии, когда коммунистически настроенные лидеры могли бы попытаться поймать рыбку в мутной воде. Этого, к счастью для Франции, не случилось. Что же все-таки реально произошло и как все происшедшее отразилось на истории страны?

Просто, как о том будет идти речь в главах, которые посвящены истории Западной Европы во второй половине XIX столетия, Луи Наполеон создал новый политический режим, который позволил ему удержаться у власти и не мешал делать необходимые уступки и буржуа, и лицам наемного труда, и французским крестьянам. А результатом этой весьма разумной, хотя и не слишком демократической по форме политики был неуклонный и достаточно быстрый экономический рост, который продолжал постепенно сближать французскую модель буржуазной эволюции с британской. Завершая рассказ об исторических событиях в Англии и Франции в первой половине XIX столетия, стоит еще раз подчеркнуть принципиальное сходство процесса развития обеих стран в это время. Это сущностное сходство поразительно тем, что с формальной стороны оно не очень просматривается. Более того, есть позиции, которые настойчиво свидетельствуют о серьезных различиях между обоими государствами. И все же, несмотря на эти различия, сходство было, причем очень существенное. Смысл его в том, что в обо-

их государствах с начала XIX в. более чем целеустремленно, несмотря на попытки реверсий, шел процесс упрочения буржуазии у власти. Более того, здесь и там равно проявлялись попытки той же буржуазии и отражавших ее интересы законодательных органов, как бы назло тем, кто делал ставку на раздувание противоречий и обострение *классовой борьбы*, идти на необходимые уступки лицам наемного труда, в первую очередь рабочим. Эти уступки были вполне естественными, без них промышленное производство не могло бы развиваться не только ускоренными темпами, но и вообще хоть как-то. В этой связи далее специально пойдет речь о том, как все то, что было связано с народными волнениями во второй четверти XIX в., повлияло на политику и тактику сформировавшихся к этому времени радикальных, коммунистических либо близких к ним организаций. Но пока обратим внимание на другое. Речь о том, как перенесли различные страны континентальной Европы сильно повлиявшие на них события во Франции 1830 и 1848 гг.

Глава третья. КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ ЕВРОПА ДО СЕРЕДИНЫ ВЕКА

После окончания наполеоновских войн и первых политических решений Венского конгресса в большинстве стран Европы, которые были затронуты походами Наполеона, шла серьезная внутренняя борьба. Суть ее сводилась к стремлению реакционных сил приостановить влияние революционных преобразований и попытаться повернуть ход истории вспять или хотя бы резко его замедлить. Разумеется, в каждой из европейских стран этот процесс протекал по-своему. Было, однако, и нечто общее. Страны, разбуженные встряской во Франции и войнами, которые разнесли революционные преобразования в интересах буржуазии повсюду, где местная буржуазия давно уже ждала своего часа, жаждали перемен. Они не были готовы с легкостью уступить уже достигнутые позиции под нажимом роялистской и клерикальной реакции. Они сопротивлялись, и их сопротивление приносило плоды.

Это лучше всего было заметно на событиях в самой Франции, о которой только что шла речь. Но то же самое в той или иной степени происходило и в других странах. При этом показательно, что события в них в какой-то мере отражали успехи и неудачи французов. Во всяком случае тон везде задавали парижские революционные волны начала 1830-х и конца 1840-х гг. Обратимся теперь к более подробному описанию событий, которые сыграли весьма важную роль в истории Европы во второй четверти XIX в., когда всюду уже было восстанов-

лено некоторое политическое равновесие между силами позитивных перемен и попытками реакционеров противостоять этим силам и этим переменам.

ИСПАНИЯ И ИТАЛИЯ

Испания. В начале 1830-х гг., после смерти Фердинанда VII, между братом короля Доном Карлосом и малолетней дочерью-наследницей с ее матерью-регентшей разгорелась ожесточенная борьба («карлистская война»). Все завершилось приходом к власти революционно настроенного правительства, опиравшегося на активные местные хунты. Карлисты представляли собой реакционную силу, частично поддержанную крестьянами, находившимися под сильным влиянием церкви. Стремясь ослабить натиск реакции, испанское правительство — не без влияния со стороны перемен во Франции и прихода к власти либеральной монархии Луи Филиппа — решило в 1834 г. принять новую конституцию, которая сопровождалась рядом либеральных реформ, в том числе созданием двух палат в кортесах и организацией народной милиции. И хотя конституция не вполне удовлетворила противников карлистов, которые настаивали на том, чтобы возвратить более радикальную конституцию 1812 г., события 1830-х гг. были немалым успехом. Вслед за новой конституцией к власти пришло и новое правительство во главе с лидером республиканской буржуазной партии, который провел несколько более решительных реформ. В частности, были уничтожены многие привилегии феодальных сеньоров, а церковь была вынуждена расстаться со своими земельными владениями. Попытки отказаться от преобразований вызвали в 1836 г. серию народных волнений, что привело к усилению давления на реакцию и к установлению конституционного правления.

В 1837 г. в Испании была все-таки восстановлена, хотя и с некоторыми изменениями, конституция 1812 г., после чего снова проводилась серия успешных реформ. Был снижен имущественный ценз в избирательной системе, что способствовало демократизации кортесов. В итоге всех событий 30-х гг. XIX столетия карлисты потерпели поражение, а приниженная испанская буржуазия наконец-то стала выпрямляться. И хотя начало 1840-х гг. прошло под знаком новой контрволны реакции и длительного сопротивления ей, это было время успешного развития буржуазного предпринимательства в долго ожидавшей этого Испании. Быстрыми темпами шло развитие промышленного производства — верный признак укрепления позиций

буржуазии. Машинами, импортированными в основном из Англии, оснащались местные фабрики и заводы, особенно в промышленно наиболее развитой Каталонии. Возникали первые организации взаимопомощи рабочих.

Однако надлежит учесть, что и позиции испанской буржуазии, и уровень развития народного протеста в Испании, все еще заметно отстававшей от других стран Европы, были не слишком значительны. В частности, это проявилось в том, что бурные радикальные движения 1848 г., столь энергично начатые в Париже, в этой стране — в отличие от многих других — заметного отклика не получили. Испания, как то обычно случалось и прежде, на революционные импульсы из близкого к ней Парижа реагировала не слишком торопливо. Она шла своим путем, несколько отличавшимся от того, по которому, движимое интересами буржуазии, шло большинство стран континентальной Европы.

Италия. Этой стране, издревле представлявшей собой нечто единое в политическом и языково-культурном плане, средневековая раздробленность, надолго задержавшаяся вследствие разных причин, но в первую очередь из-за различного рода войн и династийных комбинаций, обошлась очень дорого. Она замедляла развитие Италии, превращая ее в отсталую окраину Европы, что для великой страны, где началась всемирно значимая эпоха Ренессанса, было особенно унижительным. Неудивительно, что первая четверть XIX в. оказалась здесь, особенно после наполеоновских войн, наполненной народными волнениями. А быстрое подавление выступлений недовольных, в первую очередь заговоров карбонариев, вызывало обострение недовольства. В 1831 г., т.е. вскоре после государственного переворота в Париже, завершившегося приходом к власти буржуазного короля Луи Филиппа, в центральных районах Италии, в том числе и в папской области, вновь начались массовые протестные движения. Эти волнения, однако, были сравнительно легко подавлены Австрией.

Ситуация, сложившаяся после столь быстрого подавления вооруженных выступлений армии и народных восстаний, побудила итальянских заговорщиков несколько изменить тактику. На смену активным карбонариям в 1830-х гг. пришла созданная итальянскими эмигрантами в Марселе другая подпольная организация, «Молодая Италия», которая на протяжении почти полутора десятков лет вела серьезную организационную борьбу за сплочение всех итальянцев в борьбе за объединение разорванной на куски страны в рамках буржуазно-демократической республики. Ставка на заговоры

и восстания, однако, не принесла этой организации во главе с Дж. Мадзини сколько-нибудь заметного успеха. Но все же деятельность «Молодой Италии» не была напрасной, ибо она внесла свой вклад в ту общенациональную борьбу итальянцев за объединение страны, которая всерьез разгорелась в середине XIX столетия. Важно отметить и то, что заложенные еще наполеоновскими войнами элементы революционных преобразований не были выкорчеваны, но, напротив, создавали условия для постепенного укрепления позиций буржуазии и для роста промышленного производства, прежде всего в Ломбардии и Пьемонте.

Ситуация непрестанной борьбы недовольных объективно способствовала ослаблению тех сохранявшихся еще в стране феодальных порядков, которые уже давно изжили себя. 30–40-е гг. XIX столетия стали началом широкого общеитальянского движения Рисорджименто («Возрождение»). Это движение сильно отличалось от конспиративной деятельности прежних времен, хотя в числе его лидеров были вчерашние заговорщики типа Мадзини. Оно обрело всесторонний и в основном легальный характер, что, впрочем, не снижало накала устремлений. На различного рода съездах специалистов разных направлений, будь то высоколбые ученые или в основном озабоченные получением прибыли промышленники, разговор то и дело переходил на политические проблемы, что не переставало содействовать популярности идей Рисорджименто. Звучали и националистические нотки, сводившиеся к возвеличению Италии, к ее историческому первенству. Восшествие в 1846 г. на папский престол Пия IX, страстного противника Австрии, положило начало некоторым реформам в Ватикане. Суть их сводилась к смягчению цензуры, включению в Государственный совет светских лиц. После этого аналогичные реформы были проведены в Сардинии и Тоскане.

Сардиния как государство возникла в 1720 г. в результате присоединения острова Сардиния к Савойскому герцогству. Савойя и Пьемонт, которые располагались в северо-западной части Италии, близ французской границы, в конце XVIII в., в годы революции, были присоединены к Франции. Это означало, что Савойя и Пьемонт многое восприняли из проводившихся в то время в этой стране буржуазных преобразований, что сыграло немаловажную роль в начале XIX в., когда в Сицилии в январе 1848 г. началось восстание. В феврале — марте оно распространилось на Неаполитанское королевство, Сардинию, Тоскану и Рим, затем на Ломбардию и Венецию.

Февральские баррикады 1848 г. в Париже оказали огромное воздействие на всю Европу. И едва ли не ранее всего они сказались на движении за буржуазно-демократические преобразования и национальное освобождение, за объединение страны в Италии. Баррикады в Палермо, восстания в Венеции и Милане, требование конституции, республики и испуг правителей — все это слилось воедино и проявилось почти во всей стране. Даже Пий IX согласился в марте 1848 г. на конституцию. А известие о революционном пробуждении в Вене, полученное в Италии, способствовало усилению размаха уже начавшегося движения. Казалось, еще немного, и Италия достигнет цели. Однако объявленная рядом новых итальянских правительств война Австрии к позитивным результатам не привела. Все началось с того, что теснимый в Риме радикалами, в числе руководства которых был и Мадзини, Пий IX обратился к католикам Франции и не любимой им Австрии за помощью. И помощь была оказана. Избранный на рубеже 1848–1849 гг. французским президентом Луи Наполеон, вопреки протестам многих республиканцев, направил войска в Рим.

Одним из руководителей движения за республику в Риме был знаменитый Дж. Гарибальди (1807–1882). Вынужденный в 1834 г. после его заочного приговора к смертной казни бежать в Америку, где он сражался в рядах борцов за независимость в латиноамериканских странах, в частности в Уругвае, Гарибальди возвратился в Италию в 1848 г. Обосновавшись в Риме, он возглавил борьбу с осадившими город французами, но в конечном счете уступил им поле боя. Не дремала и Австрия. Австрийская армия еще летом 1848 г. сумела нанести тяжелое поражение войскам короля Сардинии, затем весной 1849 г. она вновь одолела его войска, после чего усмирила и мятежные государственные образования Ломбардии. В июле 1849 г. она же вместе с французским экспедиционным корпусом, присланным Луи Наполеоном, нанесла окончательное поражение Римской республике. В августе вынуждена была прекратить сопротивление и Венеция, последнее из еще сопротивлявшихся австрийцам итальянских государств.

Остается сказать, что поддержку реакционным силам оказал и король Неаполя, чья армия в мае 1849 г. усмирила восставшую Сицилию. Но, как то ни покажется парадоксальным, именно Сардинское королевство, дважды при короле Карле Августе потерпевшее от австрийцев поражение, сумело сохранить некоторые завоевания восставших и, в частности, конституцию. Этому способствовали как новый король Сардинии Виктор Эммануил II, так и его министр К. Кавур, который

резко усилил армию, преобразовав ее по прусскому стандарту, и столь же решительно пошел на конфискацию богатств церкви, что, в частности, выразилось в наступлении на имущество многочисленных местных монастырей. Кавур энергично содействовал развитию торговли и тем объективно отражал интересы местной буржуазии, что явно пошло на пользу королевству. К Сардинии в конце 1850-х гг. была присоединена Ломбардия. Последующие события также были умело использованы этим преуспевающим государством, которое в 1861 г. сумело, пусть не без немалых сложностей, добиться в результате создания на основе Сардинии единого Итальянского королевства, за что так долго боролись патриоты этой страны. И хотя дело объединения Италии потребовало немалого времени, неимоверных усилий и героизма многих его великих энтузиастов, начиная с Гарибальди, оно было в конечном счете с успехом завершено.

ГЕРМАНИЯ

Уничтожение в результате наполеоновских войн феодальных привилегий и выход на передний план интересов буржуазии в северной части **Германии** (об Австрии разговор пойдет отдельно) сыграли решающую роль в ускорении темпов эволюции в большинстве тех государственных образований, которые остались в составе имперской конфедерации после Венского конгресса. Особенно все сказанное относится к Рейнско-Вестфальскому региону, которым ряд лет управляли родственники Наполеона и где преобразования, естественно, происходили наибольшими темпами и достигли наивысших результатов. Впрочем, примерно то же, пусть с некоторыми существенными коррективами, относится и к Пруссии, а также к Саксонии. Немцы, как то хорошо известно, издревле отличались высоким уровнем старательности и упорства в достижении определенных жизненных благ. Города Ганзы веками были примером подобного рода устремлений. И хотя жесткая феодальная система социополитических отношений сильно тормозила развитие империи, она все же не смогла изменить натуру народа. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, как только в Европе благодаря революции во Франции и наполеоновским войнам общая социополитическая ситуация резко изменилась, Германия в целом начала довольно энергично склоняться в сторону буржуазного развития.

С 20–30-х гг. XIX в. здесь быстро увеличивалось число фабрик и заводов, оснащенных современными механизмами и машинами. Первые пароходы и железные дороги начали менять облик транспортной

системы и масштабы перевозок. Быстро, даже резко увеличивалось число рабочих и других лиц наемного труда в промышленных центрах, на горнодобывающих промыслах. И хотя этого было еще недостаточно, ибо рабочих мест не хватало для огромного числа притекавших в эти центры крестьян, сильно запоздавший процесс буржуазного промышленного развития шел свойственными ему ускоренными и все ускорявшимися темпами. Ясно, что в этой обстановке первым поколениям рабочих приходилось несладко. Длина рабочего дня растягивалась до предела, а применение более дешевого женского и детского труда было, как и в других странах в аналогичной ситуации, естественной нормой.

Важным нововведением для всей Германии стало создание таможенных объединений, а затем, и в 1834 г., возглавленного Пруссией всегерманского Таможенного союза, в стороне от которого осталась разве что Австрия. Важность такого союза для огромной и единой в языково-культурном плане страны, еще недавно состоявшей из сотен мелких феодальных княжеств со своими таможенными заставами и соответствующими поборами, вполне очевидна. Однако стоит заметить, что в политическом плане имперские традиции оставались еще очень сильными. Мощь европейской реакции и опора Священного союза длительное время ассоциировались прежде всего с Германией, включая, естественно, и Австрию. Количество государств с конституционным устройством исчислялось буквально по пальцам (Бавария, Баден, Вюртемберг и некоторые другие). Положение начало понемногу изменяться после очередного этапа воздействия на Германию со стороны возбужденной революционными преобразованиями Франции. События, связанные там с массовыми протестными движениями и очередным переворотом 1830 г., вызвали оживление во многих государственных образованиях Германского союза. Парижские революционные волны оказывали на империю огромное воздействие. Сразу же после получения первых сведений об июльских событиях во Франции в 1830 г. в Брауншвейге, Баварии, Ганновере и других государствах начались демонстрации с требованиями проведения реформ. В ряде случаев были проведены некоторые реформы, в частности введены конституции.

Идея объединения Германии, быть может, не столь страстная и мощная, как то было в Италии, возбуждала немало умов как в среде весьма большого количества интеллектуалов (стоит заметить, что по числу университетов Германский союз явно и бесспорно лидировал, причем не только в Европе), так и в достаточно широких народных мас-

сах. Стремление к единству было подогрето событиями 1830 г. Первое вошедшее в историю массовое собрание под лозунгом единства Германии произошло в мае 1832 г. на празднике в районе замка Гамбах близ Нейштадта в Баварии. Прибывшие на праздник 30 тыс. человек из разных городов и государств союза единодушно выступали с призывами к объединению великого народа, к созданию республики, чего-то вроде Соединенных штатов Германии. Однако под давлением Меттерниха сразу же после этого собрания имперский Франкфуртский сейм объявил незаконными недавно принятые в ряде земель конституции, подрывающие монархии, и потребовал отмены ряда уже принятых законов, в частности закона о свободе печати в Бадене. Февральские события 1848 г. во Франции — вторая мощная парижская революционная волна — снова оказали на Германию мощное воздействие. С конца февраля и в марте на них откликнулись в Бадене и Вюртемберге, затем в Ганновере, Саксонии, Баварии. Всюду стихийно возникали массовые демонстрации. Демонстранты требовали окончательной отмены всех сохранившихся кое-где феодальных повинностей, восстановления основных гражданских свобод, налоговых реформ, общегерманского парламента и т.п. В ряде случаев были сделаны существенные уступки, а король Баварии даже отрекся от престола.

Задача создания единой Германии теперь вновь вышла на передний план, равно как и различные либерально-демократические требования в разных частях Союза. Перепуганные размахом народных выступлений правители большинства немецких государств обещали осуществить необходимые буржуазные реформы. В мае 1848 г. начало свою работу Франкфуртское национальное собрание, перед которым стояла задача выработать общегерманскую конституцию. Задача была не из легких. Нужно было лавировать между интересами двух крупнейших государств, Пруссии и Австрии, принять во внимание наличие в этих государствах, особенно на территории Австрии, немало-го количества инородного населения, а также решить труднейший в условиях Германского союза вопрос о власти.

В марте — апреле 1849 г., когда основные проблемы были как-то решены, собрание приняло основы новой конституции, которая для того момента в истории событий, связанных с подъемом революционных настроений, выглядела более чем либерально. Новая германская империя должна была сохранить свое традиционное конфедеративное устройство, но при этом функции центрального правительства заметно возрастали за счет единой внешней политики, вооруженных сил

и правомочного двухпалатного рейхстага. Провозглашались также основные буржуазно-демократические принципы, в том числе свобода слова и печати, равенство всех перед законом, бесплатное светское начальное образование, неприкосновенность личности. Собрание предложило стать общегерманским императором прусскому королю. Но тот отказался от этой чести, заявив, что примет предложенную ему корону только от равных себе правителей всех государств Германии, что было тогда еще явно неосуществимым. В итоге с такими сложностями выработанная имперская конституция была отвергнута. Против этого выступили многие в Саксонии, Бадене, Баварии. Кое-где воздвигались баррикады и шли бои. Но в июне 1849 г. прусские войска подавили сопротивление, а франкфуртское собрание было закрыто.

ПРУССИЯ, АВСТРИЯ И ВЕНГРИЯ

Пруссия, как видно из вышеизложенного, сыграла важную роль в революционных событиях 1848–1849 гг. в Германии. Здесь события, связанные с преобразованиями 1830–1840 гг., долгое время шли своим ходом. Получив от Венского конгресса территориальную компенсацию в районе Рейна (за утрату герцогства Варшавского), Пруссия обрела фактический контроль почти над всем балтийским побережьем. Остальные части Германии вынуждены были связываться с внешним миром в основном через ее территорию, что привело в 1834 г. к созданию Таможенного союза, в немалой мере способствовавшего ускоренному развитию торгово-экономического потенциала королевства. Стоит заметить, что прусское юнкерство, лишившись дохода от прежних феодальных привилегий, стало, подобно тому, как это было намного раньше в Англии, очень активно интересоваться торговлей и промышленностью, пополняя тем самым за счет «нового дворянства» ряды немецкой буржуазии. Буржуазия, несмотря на отчетливый оттенок милитаризма в сочетании с сильной властью короля, который не торопился выполнять свое обещание дать стране конституцию, понемногу превращалась в главную силу, что влекло за собой включение фактора энергичной буржуазной эволюции со свойственными ей ускоряющимися темпами.

Событий в стране обострились в 1847 г., когда король Фридрих Вильгельм IV согласился на создание в Берлине ландтага. Ландтаг оказался достаточно строптивым и начал требовать от короля реформ, связанных со свободой печати, расширением избирательных прав и т.п. Неизвестно, чем бы все кончилось, если бы не февральские собы-

тия 1848 г. в ошестинившемся баррикадами Париже. Соседний с Францией Рейнский регион, часть которого принадлежала Пруссии, сразу же воспринял сигнал, который затем был услышан в столице. Уже в первых числах марта в Берлине начались волнения. 13 марта появились баррикады, что привело к столкновению недовольного населения с войсками. Нечто подобное стало происходить и в других городах страны. Испуганный король решил пойти на уступки. Он прекратил кровопролитные схватки, почтил память погибших борцов за свободу и обещал конституцию, прибавив к ней всеобщее избирательное право, отмену сословных привилегий, ряд свобод и т.п. Уже в конце марта 1848 г. было создано новое правительство во главе с представителями либеральной буржуазии.

Двухстепенные выборы, состоявшиеся в мае, принесли победу либеральной буржуазии, выработавшей проект конституции и принявшей решение о создании национальной гвардии, в основном из горожан. Парламент ликвидировал все феодальные повинности в Пруссии, отчасти за выкуп. Однако требования радикалов, отдельные из которых уже были близко знакомы с коммунистическими идеями марксистов, шли намного дальше (стоит напомнить, что с 1 июня стала выходить в Кёльне издававшаяся К. Марксом «Новая рейнская газета»). Как известно, 14 июня некоторые из числа экстремистски настроенных прусских демонстрантов пытались даже штурмовать арсенал в Берлине. Неудивительно, что вскоре после этого либеральное правительство Пруссии качнулось вправо. Анархия в стране мало кому, кроме разве что марксистов, была нужна.

В августе 1848 г. внимание жителей страны было направлено на конфликт с Данией из-за Шлезвига и Гольштейна, население которых составляли в основном немцы, высказавшиеся за присоединение к Германии (земли принадлежали Дании). Агрессия Пруссии, захватившей было мятежные герцогства, была приостановлена совместным демаршем Англии, России и Швеции, в результате которого прусские войска ушли с захваченных ими территорий. В Германии было много недовольных условиями перемирия, ограничивавшими права населения обоих герцогств, как и решением Франкфуртского парламента, утвердившего эти условия. В сентябре во Франкфурте вспыхнуло восстание, поддержанное отрядами из Бадена. Появились баррикады, и была даже сделана попытка провозгласить «Германскую республику». Мятеж был быстро подавлен, но недовольство нарастало. В октябре 1848 г. Берлин вновь покрылся баррикадами, на сей раз из-за слухов

о сокращении общественных работ и рабочих мест. Если вспомнить, что все эти события происходили на фоне аналогичных баталий в Париже, где укреплялась и становилась более жесткой власть президента Луи Наполеона, то не приходится удивляться тому, что терпение либеральных властей в Пруссии иссякало. Нельзя не учесть при этом, что на правительство параллельно с левыми давили и правые.

В начале ноября 1848 г. было сформировано новое правительство, которое ограничило возможности парламента. Это был по сути государственный переворот, спровоцированный безответственностью левых радикалов. Прусской буржуазии, как и любой иной, утопические коммунистические идеалы, подогревавшиеся соответствующими воззваниями, которые иногда составлялись Марксом, были не нужны. Более того, Пруссия месяц от месяца становилась все более умеренно-консервативной, а ее правящая элита, опираясь на это настроение большинства, — откровенно реакционной. Это наиболее отчетливо сказалось, когда в апреле 1849 г. Франкфуртский парламент решил предложить прусскому королю корону конституционной Германии, а тот отказался и от короны, и от сопровождавшей ее либерально-демократической конституции. Собственно, на этом и была поставлена точка в революционном брожении Германии в 1848–1849 гг.

В то же время Австрия была не просто неотъемлемой частью империи, но и ее формальной основой, ибо именно императоры из династии австрийских Габсбургов много веков подряд возглавляли всю германскую конфедерацию. События 1848–1849 гг. происходили в южной части империи своеобразно и вне тесной связи с остальной частью Германского союза. Словом, есть основания рассматривать их отдельно, как то обычно и делается. Вся суть в том, что Австрия была не вполне обычным германским государством. Она со времен ожесточенной борьбы с Османской империей стала многонациональным государством, причем инациональные общности в ней едва ли не преобладали, как территориально, так и численно. Северная часть Австрии была населена чехами, словаками, поляками и отчасти малороссами (руси́нами). На юге жили сербы, хорваты, словенцы, на юго-западе итальянцы. В восточной части преобладали венгры, представлявшие компактное меньшинство, которое претендовало на автономию, но встречались и румыны. И хотя повсюду — империя об этом заботилась — немалую долю населения составляли немцы, особенно в городах, а немецкий язык везде считался обязательным, во всяком случае официальным, многонациональная Австрия имела не-

мало весьма специфических проблем, не совпадающих с интересами остальной части Германии, включая и Пруссию, где тоже жили разные инациональные меньшинства.

Многонациональная Австрия долгое время была одним из самых отсталых регионов Западной Европы с точки зрения успешного буржуазного развития. Лишь с начала 20-х и особенно заметно в 30–40 гг. XIX столетия, причем в немалой степени в результате воздействия все тех же уже не раз упомянутых наполеоновских войн здесь, невзирая на противодействие верхов, время от времени вынужденных идти на проведение ограниченных реформ, стал ощущаться экономический рост. В Австрии появились промышленные предприятия фабрично-заводского типа, первые железные дороги. Но самое главное в том, что был фактически открыт путь для ускоренного вызревания и активизации буржуазии, которая лишь ждала своего часа, чтобы не только фактически, но и формально выйти на передний план, что стало уже нормой для всего европейского Запада. Этот час, как известно, наступил для нее лишь в конце 40-х гг. XIX в. под влиянием опять-таки — как и во всей остальной Германии — событий во Франции. Но и теперь ситуация в Австрии обрела достаточно своеобразную форму.

Специалисты обращали внимание на то, что проблема национального единства, столь актуальная, острая и животрепещущая для остальной части Германии, как и для Италии, выглядела в Австрии совершенно иначе. Меттерних понимал это лучше многих других и потому строго держался курса на сохранение существующих порядков. И далеко не случайно он был душой Священного союза, свыше 30 лет стоявшего на страже таких порядков во всей Европе. Стоит заметить в этой связи, что в Австрии не издавались труды английских и французских просветителей и вообще свирепствовала цензура. Поэтому неудивительно, что революционные волнения в Вене в марте 1848 г. начались с демонстраций и даже баррикад под лозунгом «Долой Меттерниха!». И Меттерних сразу же ушел в отставку и уехал из Вены.

А император, пообещав вооружившимся студентам и Национальной гвардии из вооруженных горожан созвать Учредительное собрание при условии всеобщего избирательного права, вскоре после того как в столице начались столкновения народа с полицией и было пущено в ход оружие, сменил правительство. Новое правительство созвало Учредительное собрание, которое в апреле 1848 г. выработало проект конституции, оставлявшей верховную власть императору, а в мае — но-

вый избирательный закон, сохранявший как имущественный ценз, так и ценз оседлости, что сильно ограничивало число избирателей. Однако возмущенные горожане отвергли эти проекты, и император пошел на уступки. 22 июля начал работу новый однопалатный рейхстаг, в котором были представлены депутаты от всех национальных территорий страны. Император на время (до 12 августа) покинул Вену. Тем временем парламент принял ряд важных законов, среди которых наиболее заметной была отмена с 7 сентября 1848 г. феодальных повинностей крестьян (частично за выкуп с участием государства в уплате выкупа).

6 октября в связи с волнениями в Венгрии жители Вены подняли очередное восстание, которое не сразу, но лишь в самом конце месяца было подавлено войсками. После этого новый император Франц Иосиф, пришедший к власти в декабре 1848 г. после отречения от престола его предшественника, ввел новую конституцию. Радикальный рейхстаг был разогнан. Все это, однако, ни в коей мере не сказалось на коренных переменах, происшедших в Австрии за немногие месяцы 1848 г. Империя изменилась. Буржуазия страны, несмотря на перевороты и контрперевороты, вышла на передний план и заняла в стране подобающее ей место. Она превратилась в ведущую силу, с которой любое правительство уже не могло не считаться.

Венгрия. Сложнее обстояло дело в дни вооруженных выступлений с Венгрией, где кровавые столкновения, включая и интервенцию со стороны испуганных ими держав, в первую очередь России, не завершались до сентября 1849 г. В Венгрии вдобавок ко всему тому, что было общим для всей империи, важную роль сыграло давнее стремление венгров к национальному освобождению, к независимости. Мадьяры на протяжении веков представляли собой если и не отдельное, то во всяком случае автономное государственное образование в рамках империи Габсбургов. Не будучи немцами, они не могли считаться обычным членом конфедерации и обязаны были входить в состав одного из них, главного, т.е. Австрии. И все же в Австрии при тех нормах, которые касались всех народов, включенных в это государство, венгры были на несколько особом положении. Они сохраняли свой сейм, правда, не всегда функционировавший, настаивали на признании венгерского языка официальным, пусть наряду с немецким, и требовали даже создания своего правительства.

В Венгрии стали возникать партии, которые время от времени выдвигали требования решительной отмены всех феодальных привилегий, а также конституции и буржуазно-демократических свобод. Эти

партии, как и некоторые более мелкие и радикальные группы, находились под сильным влиянием французских идей Просвещения и революционных преобразований. Часть групп еще в конце XVIII в. были конспиративными организациями, разделявшими взгляды и политику якобинцев, что и привело в те годы к их разгрому. Наполеоновские войны оказали на венгров сильное влияние и способствовали подъему национального самосознания, тесно связанного с процессом выхода вперед представителей местной буржуазии, возглавлявшей движение за независимость страны. Оппозиция сейма, не желавшего утвердить новые налоги, на которых настаивала Австрия, привела к роспуску его в 1812 г. Но в 1825 г. Меттерних, нуждаясь в новых рекрутах, был вынужден вновь созвать венгерский сейм, на котором местные националисты, воспользовавшись ситуацией, выступили с развернутой программой давно назревших буржуазных преобразований.

Июльское народное восстание в Париже в 1830 г. было очередным толчком на пути к решительным реформам. Венгерский сейм под сильным влиянием парижской революционной волны стал национальным центром борьбы за ликвидацию остатков феодальных привилегий. Глава реформаторов Л. Кошут с 1841 г. стал издавать «Пештскую газету», в которой выдвигались и обосновывались требования решительной дефеодализации и национального освобождения. На 1846–1847 гг. пришелся период усиления требований такого рода. В стране возникла — по образцу итальянской — организация «Молодая Венгрия» под руководством знаменитого поэта Ш. Петефи. Словом, ситуация в Венгрии (в нее тогда входила и Словакия) накануне событий 1848 г. была накалена едва ли не до предела. И если очередной взрыв революционного духа во Франции в феврале 1848 г. вызвал бурю антиправительственных выступлений в Вене, сопровождавшихся отставкой Меттерниха, то можно представить, каким должен был быть аналогичный взрыв в эти же дни в Пеште (Будапеште). Уже 3 марта сейм потребовал создания ответственного перед ним правительства, а 15 марта началось восстание и власть перешла к Комитету общественного спасения, создавшего национальную гвардию. 17 марта австрийский император вынужден был принять основные требования сейма. Было создано правительство, которое первым делом ликвидировало остатки феодальных привилегий и передало землю, пусть далеко не всю, крестьянам. Сразу же после этого Венгрия объявила о своей независимости, хотя и в качестве верховного правителя был оставлен австрийский император.

Вслед за мадярами в мае 1848 г. словаки и сербы также провозгласили свою национальную автономию, что, однако, не признало венгерское правительство. Это привело к спровоцированному Австрией выступлению войска Й. Елачича против Венгрии. И хотя 11 июля Кошут выступил с лозунгом «Отечество в опасности!», это войско 11 сентября вторглось в Венгрию. Впрочем, ненадолго. В конце сентября Елачич был вынужден отступить к Вене. Но вместо него в конце октября в Венгрию вошли австрийские войска, вскоре оккупировавшие всю страну. 5 января 1849 г., когда с восстанием в Австрии было уже покончено, австрийские войска вошли в Пешт. И хотя мужественное сопротивление венгров длилось еще несколько месяцев, иногда принося немало успехов, ситуация решительным образом изменилась. Изменилась она прежде всего потому, что в венгерские дела вмешалась Россия.

В апреле 1849 г. новый австрийский император Франц Иосиф официально обратился к ней за помощью. И при согласии, а то и при поддержке Англии, Франции и Пруссии ставшая слишком радикальной Венгрия в августе 1849 г. была задавлена русской армией. Впрочем, русские после этого быстро ушли, а на территорию Венгрии возвратились австрийские власти. Те из участников и особенно руководителей венгерского восстания, кто не успел скрыться, были сурово наказаны. В стране был восстановлен порядок. Но — и это наиболее важно — не старый порядок. Новое правительство Франца Иосифа было вынуждено считаться с тем, что обстановка и обстоятельства в империи резко изменились. И хотя не во всем сразу, но эти изменения все сильнее давали о себе знать. Главным из них, как и в Австрии, был выход на авансцену буржуазии, занявшей ведущее место в жизни общества.

ГОЛЛАНДИЯ И БЕЛЬГИЯ

Нидерланды (Голландия и Бельгия), ставшие единым государством в 1815 г. по решению Венского конгресса, не были этим довольны. Контроль над устьем Шельды давал преимущество и тем и другим (Антверпен и Роттердам), а совместное владение им в какой-то мере ослабляло оба центра мировой торговли. Однако некоторое ущемление интересов бельгийцев (численно они превосходили голландцев, а количество мест в нижней палате парламента было поделено поровну) и разделение общего долга на обе части нового государства, явно невыгодное для бельгийцев, способствовало росту стремления освободиться от навязанных бельгийцам голландцев. Эта ситуация усугу-

блялась конфессиональными проблемами, ибо в Бельгии, в отличие от протестантской Голландии, преобладали католики. Все это объясняет, почему бельгийцы с первых же лет объединения стали выражать в разных формах, вплоть до открытых выступлений, нежелание быть в составе Нидерландов.

Бельгия. Фландрия и часть Брабанта, сыгравшие в свое время немалую роль в борьбе нидерландской буржуазии с Испанией за независимость, позже оказались в силу ряда причин в сфере влияния католической реакции, поддерживавшей местных феодалов. Политически они были частью то испанских, то австрийских Нидерландов. Как и некоторые другие провинции, впоследствии вошедшие в состав Бельгии, они в конце XVIII столетия оказались под властью революционной Франции, что было признано Австрией по условиям Кампоформийского мирного договора 1797 г., сыгравшего важную роль в ослаблении роли клерикалов и быстром развитии местной буржуазии. Король Вильгельм I стремился способствовать этому, проводя протекционистскую политику, которая позволяла бельгийским буржуа беспрепятственно торговать в голландских колониях. Это, равно как и стремление голландцев ускорить процесс буржуазного развития в Бельгии, сыграло определенную роль в налаживании отношений и особенно в развитии буржуазного производства в бельгийской части королевства. Но июльские события 1830 г. в Париже послужили для бельгийцев сигналом, которым они не преминули воспользоваться. Восстание 25 августа в Брюсселе, а затем в Антверпене и других городах имело национально-освободительный характер. Попытки голландских войск в 1831–1833 гг. справиться с бельгийцами в конечном счете — благодаря вмешательству Франции — к успеху не привели, вследствие чего бельгийцы одержали победу. Национальный конгресс Бельгии еще в ноябре 1830 г. выработал умеренно-буржуазную конституцию и объявил о независимости страны, что в 1839 г. признали основные европейские державы, которые отменили решение Венского конгресса. Конституция Бельгии была одной из наиболее передовых для своего времени. Она провозглашала принцип суверенитета нации, т.е. населения страны, закрепляла ответственность правительства перед парламентом, но при этом, однако, предоставляла право церкви принимать участие в системе народного образования.

Что касается Голландии (Нидерландов), то она после неудачной для нее войны 1831–1833 гг. с бельгийцами осталась одной из наиболее развитых стран в плане буржуазных преобразований и даже колониальных

держав. Буржуазия продолжала задавать тон в Генеральных штатах, а в 1844 г. даже предложила новый вариант конституции, ущемлявший права короля. И хотя проект был отвергнут, события, связанные с серией народных движений, прокатившихся по Европе в 1848 г. в результате февральского народного восстания в Париже, привели к тому, что конституция все же была изменена. Перемены были в том, что основой исполнительной власти в стране вместо короля стало правительство, ответственное перед парламентом, т.е. перед Генеральными штатами.

ПОЛЬША, ЧЕХИЯ И ЮГО-ВОСТОК ЕВРОПЫ

В основной (российской) части Польши, несмотря на торжественно провозглашенную в 1815 г. Александром I конституцию, свою армию и правительство, на сохранение в стране идеалов революции, включая свободу печати, совести и т.п., недовольство росло. В польском сейме складывались оппозиционные фракции, в стране появлялись тайные общества, некоторые из них имели даже контакт с русскими декабристами. Экономическое развитие здесь, как и в остальной России, шло не слишком быстро. В той части страны, которая продолжала входить в состав Пруссии, буржуазное развитие, как и во всей остальной части Пруссии, шло более быстрыми темпами. В то же время в части, которая принадлежала Австрии, развитие ненамного превышало уровень основной, российской части. Первая парижская революционная волна 1830 г. оказала на поляков очень сильное воздействие именно потому, что для них борьба за политическое единство и национальное освобождение была крайне важной. 29 ноября 1830 г. острое недовольство существующим положением проявилось в форме восстания в Варшаве, подавленного войсками русского царя. В качестве санкции конституция была заменена Органическим статусом Королевства Польского 1832 г. Сейм и армия были ликвидированы, а воеводства переименованы в губернии по русскому стандарту. На время были закрыты университеты. Все эти суровые меры подбодрили и Пруссию, стремившуюся к онемечиванию доставшейся ей части Польши.

Репрессии против участников мятежных выступлений 1830–1831 гг. привели к эмиграции из страны наиболее заметных ее лидеров. Но демократические организации продолжали существовать, частично в условиях конспирации. Аналогичные общества возникали и в прусской части расчлененной страны. Вторая половина 1840-х гг. прошла под знаком усиления подготовки к восстанию. Попытки поднять его

были в 1846 г. то в Кракове, то в Галиции, т.е. в австрийской части Польши. Но к успеху они не привели. Ситуация заметно изменилась в связи со второй парижской революционной волной 1848 г. Эти выступления, нашедшие энергичный отклик в разных частях Польши, наибольшую роль сыграли в связи с аналогичными движениями в Пруссии и Австрии. В составе этих стран, о которых уже шла речь, поляки добились немалых успехов хотя бы в процессе ускорения буржуазных преобразований и темпов экономического роста. Отмена феодальных повинностей в Австрии и Пруссии сыграла определенную роль в этом.

Чехия тоже подверглась сильному воздействию со стороны французской революции и наполеоновских войн, а также парижских волн 1830 и 1848 гг. Сыграли свою роль и волнения в Польше. Правда, к вооруженному восстанию это вначале не привело. Но рост национального самосознания был заметным. Он проявлялся в призывах к равноправию чешского языка, к буржуазно-демократическим преобразованиям. В стране возникали студенческие кружки, тайные политические общества, различного рода читательские клубы. Но февральские события в Париже в 1848 г. оказали на Чехию, как и на всю континентальную Европу, очень сильное влияние. В Праге 11 марта начало работу Сватовацлавское собрание, призывавшее к борьбе за свободу, конституцию и воссоединение чешских земель, к отмене всех феодальных повинностей без выкупа и т.п. Все эти решения сыграли определенную роль. В Чехии был создан Национальный комитет, который практически стал основным органом власти в стране.

Чехия, достигшая по сравнению с иными славянскими народами империи сравнительно высокого уровня буржуазного развития, была готова стать частью новой германской империи, при условии что она будет иметь в рамках этой империи определенную свободу действий. Однако попытки австрийских войск, вошедших в Прагу, приостановить национально-освободительный порыв чехов, вызвали в июне 1848 г. Пражское восстание. В ответ на расстрел мирной демонстрации Прага покрылась баррикадами. Но восстание было подавлено. Итогом сопротивления чехов, как и венгров, стало проведение австрийским парламентом ряда реформ, направленных прежде всего на уничтожение остатков феодальных повинностей и привилегий. Это было важное достижение для всей империи Габсбургов, ибо оно способствовало решительному выдвиганию интересов буржуазии на передний план и соответственно ускорению темпов промышленного развития Австрии и ее национальных окраин.

Разумеется, более отсталых окраин империи, расположенных на территории юго-восточной части Европы, все эти реформы коснулись в наименьшей степени, хотя и здесь они были ощутимы. В Хорватии после получения первых сведений о восстании 1848 г. в Париже создали Народную скупщину, среди депутатов которой преобладали либерально настроенные представители либо сторонники буржуазии. Она приняла документ «Требования народа», смысл которого сводился к созданию конституционной монархии с федеративным устройством. Избранный в апреле правителем-баном страны генерал Елачич издал декрет об отмене феодальных повинностей и церковной десятины. А 5 июня был созван сабор (сейм), провозгласивший национальную автономию Хорватии и проводший ряд других либеральных реформ. Но так как новое венгерское правительство отказалось признать автономию Хорватии, Австрия, воспользовавшись обострением венгеро-хорватских отношений, побудила Елачича объявить Венгрии войну, о чем выше было упомянуто. Конституция Франца Иосифа от 4 марта 1849 г. признала независимость Хорватии от Венгрии, хотя и не слишком позаботилась о национальном единстве и автономии хорватов.

Сербия в лице ее северной части обрела автономию от Османской империи еще в конце XVIII столетия. Но после того как в 1801 г. янычары захватили власть в Белградском пашалыке, сербы во главе с Карагеоргием (Г. Петровичем) подняли Первое сербское восстание 1804–1813 гг. Восстание вначале было нейтрально воспринято турками, недовольными беззакониями янычар. Но затем Османская империя начала войну с восставшими сербами и, несмотря на помощь со стороны русских войск, в конечном счете подавила восстание и восстановила статус-кво. Второе сербское восстание 1815 г. попыталось было в поисках поддержки обратиться к Венскому конгрессу. Но помощи не последовало. Тем не менее восстание в конечном счете сумело добиться некоторого успеха, освободив от турок северную часть страны с Белградом. Более того, победы России в войне с Турцией (в тексте мирного договора в Адрианополе от 1829 г. была соответствующая статья) побудили султана в 1833 г. предоставить Сербии автономию, сохранив ее вассальную зависимость от Османов.

Сначала правителем Сербии в 1815 г. стал вождь второго восстания Милош Обренович. В 1842 г. его сменил Александр Карагеоргиевич, сторонник энергичного буржуазного развития страны. Но излишне ревностная ориентация на Австрию в борьбе с Османами

подорвала в Сербии доверие к нему. Однако сербы ощутили свое национальное единство, обрели конституцию и выбрали свой — буржуазный — путь развития, пока еще реализовывавшийся, правда, крайне медленными темпами.

Неславянские народы региона, о котором идет речь, были в меньшей степени зависимы от событий в Париже в начале 1830-х и в конце 1840-х гг. У них были несколько иные конкретные задачи, сводившиеся в основном к борьбе за независимость и к укреплению независимого существования. В этой борьбе они ориентировались не столько на радикальные преобразования во Франции, сколько на содействие соседних государств, среди которых главное место занимали страны, далекие от интересов буржуазной демократии, прежде всего Австрии и России, не говоря уже о Турции. Однако это не значит, что эхо событий во Франции вовсе их не достигало.

В придунайских **Молдавии** и **Валахии** с 1820-х гг. ширилось движение против турецкого господства. Валашское восстание 1821 г. было направлено против местных землевладельцев-бояр, греческих торговцев-фанариотов и турецких чиновников. Армия восставших сумела даже вступить в Бухарест, но конфликт с греческими повстанцами ослабил движение, чем сразу же воспользовались турки, подавившие восстание. Правда, победа греков в их борьбе за независимость сыграла свою роль в ликвидации угнетателей из числа греков-фанариотов. А в 1826 г. в результате русско-турецкой Аккерманской конвенции Валахия обрела автономию, которая была подкреплена Адрианопольским мирным договором 1829 г. В 1828–1834 гг. Валахия и Молдавия оказались даже под управлением русского губернатора, введшего в этих княжествах Органические регламенты, своего рода прообраз конституции. Под влиянием событий во Франции в марте 1848 г. в обоих княжествах прошли массовые народные выступления с требованием буржуазно-демократических реформ. Но это движение было подавлено властями. Стоит, однако, заметить, что народные волнения способствовали усилению движения в обоих княжествах за объединение в рамках общего государства, будущей (с 1861 г.) Румынии.

В **Греции** 1830-е гг. прошли под знаком смены (после убийства в 1831 г. Каподистрия) президентского правления на монархическое. Баварский принц Оттон, став королем Греции, пытался ограничить возможности национальной буржуазии, что в 1843 г. вызвало восстание, заставившее короля обуздать баварские войска и созвать Национальное собрание, принявшее новую конституцию. На сей раз во

главе исполнительной власти оказались представители греческой буржуазии. Но ситуация, складывавшаяся в стране в середине XIX в., в частности, в связи с Крымской войной, привела к дальнейшему ухудшению экономического положения Греции, почти лишенной собственных природных ресурсов и обремененной большими долгами. Поэтому неудивительно, что подлинное развитие буржуазного промышленного производства — да и то не слишком активное — здесь задержалось на несколько десятилетий. Оно стало достаточно заметным лишь в 60-х гг. XIX в.

СКАНДИНАВИЯ И ШВЕЙЦАРИЯ

Скандинавия, как и Швейцария, реагировала на события во Франции, как революционной, так и постреволюционной, сравнительно слабо. Это легко понять. Хотя Наполеон прошелся со своими войсками близ Швейцарии и даже вмешивался в ее внутренние дела, в этой развитой буржуазной стране и в Скандинавии не было нужды в революционных преобразованиях. Там, как и в Англии, уже достаточно давно, со времен завоевания прочных позиций протестантизмом, шел спокойный и неторопливый процесс такого рода преобразований. Конечно, волнения в Европе не могли пройти мимо всех этих стран. Но они лишь способствовали успешной реализации тех реформ, которые начинались и без этого. Стоит, однако, заметить, что в каждой из стран, о которых теперь пойдет речь, события развивались по-своему.

Дания оказалась вовлеченной в наполеоновские войны, после чего началась англо-датская война 1807–1814 гг. Результатом ее были некоторые территориальные потери, в частности отделение Норвегии, и экономические неурядицы. События во Франции в начале 1830-х и в конце 1840-х гг. не оставили датчан равнодушными и, в частности, способствовали усилению нажима на королевскую власть с требованием принятия конституции и решительной отмены сословного неравенства. Король в середине 1830-х гг. созвал Законодательное собрание, в провинциях стали формироваться сословные представительства. И хотя все эти органы имели вначале лишь совещательный характер, резкое движение вперед буржуазии, в том числе и сельской, что было связано с отменой в 1840–1841 гг. феодальных повинностей и созданием органов сельского самоуправления, было очевидным и благотворным для страны фактом. Не слишком удачно разрешавшийся для Дании конфликт с Германией из-за Шлезвига и Гольштейна был болезненным для страны. Однако он не помешал

постепенному и планомерному выдвижению датской буржуазии на авансцену и, в частности, принятию конституции в 1849 г.

Норвегия, порвавшая в 1814 г. унию с Данией (она была замещена унией со Швецией, сохранявшей свою силу на протяжении 1814–1905 гг. и даже одобренной Венским конгрессом), сумела добиться принятия конституции весьма демократического характера. Тем не менее она на протяжении нескольких десятилетий с трудом выбиралась из финансовых сложностей, связанных с долгами и сокращением внешнеторгового оборота. Но это не помешало буржуазии добиваться в стортинге осуществления необходимых реформ. В 1821 г. в стране были официально ликвидированы дворянские звания и феодальные привилегии, а в 1837 г. введено, как чуть позже и в Дании, местное коммунальное самоуправление. Все эти реформы способствовали быстрому экономическому росту.

Швеция с ее земельными реформами 1807 и 1827 гг. и хуторским хозяйством (это было немалое завоевание в процессе укрепления позиций буржуазии в стране) в годы наполеоновских войн часто оказывалась союзником Англии. В 1809 г. она была вынуждена уступить России Финляндию. Но эта уступка, означавшая поражение политики короля, привела к укреплению позиций местной буржуазии. Конституция 1809 г. зафиксировала этот успех. Новый риксдаг упразднил, как то было и в Норвегии, дворянские привилегии, провозгласил основные гражданские свободы. Но парадокс ситуации со Швецией в том, что, несмотря на ее очевидные проанглийские симпатии, она в 1810 г. избрала королем наполеоновского маршала Ж. Бернадота, который успешно управлял страной несколько десятилетий. В частности, именно он добился унии с Норвегией и, что следует считать наиболее важным, заметного экономического роста. Уступка Финляндии гарантировала Бернадоту, принявшему шведское имя Карла IV Юхана, благожелательный нейтралитет России. Стоит обратить внимание на то, что королевский дом Швеции был единственным в Европе, где сохранилась династия, основанная в начале XIX в. одним из сподвижников Наполеона. В стране был проведен ряд либеральных реформ, что позволило существенно снизить, если даже не вообще избежать накала страстей, вызванных сообщениями о февральских событиях 1848 г. во Франции.

Швейцария с начала 1830-х гг. вступила в полосу бурного развития. События во Франции были восприняты здесь как сигнал к определенной свободе действий, до того скованной решениями Венского конгресса. Сначала эта свобода привела к расколу кантонов на две группы, бо-

лее и менее развитых, причем развитых именно в смысле буржуазного производственного потенциала, хотя отчасти при расколе сказывались и конфессиональные различия между протестантами и католиками. Ситуация накалялась и завершилась короткой гражданской войной 1847 г. между союзами разных кантонов. В конечном счете католические кантоны были вынуждены признать поражение, а победа их противников позволила высокоразвитой швейцарской буржуазии принять в 1848 г. новую и весьма радикальную буржуазно-демократическую конституцию, соответствовавшую обстановке общего революционного подъема в континентальной Европе того времени. Новая конституция предполагала введение всеобщего избирательного права. Она также сыграла очень важную роль в превращении непрочного союза кантонов в единое и вполне устойчивое союзное государство с парламентом из двух палат (национальный совет и совет кантонов) и правительством, т.е. Федеральным советом со столицей в Берне и весьма широкими полномочиями.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Говоря о событиях в Европе во второй четверти XIX столетия, стоит специально обратить внимание на то, что военных столкновений сколько-нибудь крупного масштаба в это время почти не было. Максимум военных действий, причем с явным оттенком борьбы за национальное освобождение и объединение, пришелся на войну за независимость в Италии и Греции. Небольшие внутренние войны тревожили Испанию. Случались вооруженные конфликты в Австрии и еще кое-где, особенно под влиянием шедших из Парижа революционных волн. Но сколько-нибудь значительных войн Европа после Наполеона практически не знала. Было ли это результатом хорошей работы Венской системы? Едва ли. Система всерьез перестала работать уже через несколько лет после своего создания. Поэтому гораздо важнее принять во внимание другое: революция и Наполеон сделали свое великое дело, так что каждой из европейских стран приходилось лишь доделывать у себя кое-что из того, что было необходимо. И они в те годы преимущественно тратили свои усилия именно на это. В первую очередь буржуазные преобразования были связаны с решением национально-объединительных и национально-освободительных проблем, которые были тесно связаны с упомянутыми преобразованиями. В этом смысле стоит отметить некое единство важнейших задач, стоявших перед европейцами вплоть до середины XIX столетия. Суть задач сводилась к решению двух важнейших проблем, к закре-

плению национальной государственности там, где она не существовала либо была крайне неустойчивой, и к решительным либерально-демократическим буржуазным преобразованиям.

Глава четвертая. БУРЖУАЗНАЯ СОЦИОПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ

Из очень разнородных материалов, собранных в главах первой части тома, хорошо видно, сколь непохожими были в различных странах Европы (пока что в стороне осталась лишь Россия, о которой разговор особый) условия существования в первой половине XIX в. Но при всем несходстве, порой очень значительном, между этими странами было немало общего. О нем уже шла речь, когда рассматривались параллельно две важнейшие страны Западной Европы, Англия и Франция. Кое-что из этого сопоставления можно было бы продолжить и отнести к ряду других стран. Ведь в конечном счете почти ни одна из них, за редкими исключениями, не избежала влияния со стороны французской революции и революционных парижских волн, которые сопровождали вызванные ею потрясения вплоть до 1848—1849 гг.

Эти потрясения были различны как в зависимости от уровня развития разных стран, так и в связи с близостью каждой из них к Франции либо длительностью и эффективностью воздействия на них преобразований, принесенных на победоносных штыках солдат наполеоновской армии. Не повторяясь и оставляя в стороне уже сказанное, обратим теперь внимание на те процессы, которые все эти перемены отражали и символизировали. Или, иными словами, еще раз пристально взглянем на все то, что принесла континентальной Европе революция во Франции. Снова вспомним, что это была социополитическая революция, единственно полноценная в истории по результатам. Она, несмотря на все издержки и извращения, беззаконие и произвол, террор и гражданскую войну (не говоря уже об интервенции и внешних войнах), не только победоносно завершилась, но и сыграла неоценимую роль в распространении и дальнейшем развитии буржуазных преобразований в Европе.

Говоря о полноценности и успешных конечных результатах революции, будем иметь, конечно, в виду и неудачные попытки контрреволюционной реакции повернуть ход истории. Но, что самое важное, речь прежде всего именно о победе буржуазии, о постепенном волнообразном и в принципе бесконечном и безостановочном расширении

буржуазных преобразований в исторической перспективе. Этот последний момент наиболее существенен, ибо, говоря о нем, нельзя не сравнивать его с тем безысходным тупиком, в котором оказывались некоторые иные явно неудавшиеся социальные революции, а точнее, псевдореволюции XX-го столетия. Поэтому стоит еще раз обратить внимание на размах и значимость всего того, что дала настоящая революция.

БУРЖУАЗНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ЕВРОПЕ

Взглянем на самое основное, т.е. на необратимость революционных преобразований, бывших итогом революции в большинстве стран так либо иначе затронутой ею Западной Европы. Если в немногих государствах дело обошлось без серьезного влияния волн, исходивших из Парижа всю первую половину XIX в. (с наибольшей ясностью это видно на примере Англии, хотя отчасти и в некоторых других, меньших странах, будь то Нидерланды, Швейцария или Скандинавия), то на это были свои причины. Государства, которые имеются в виду, либо стали на путь буржуазного развития раньше других и оказались в благоприятствовавших этому условиях, либо это отсталые страны, которые с трудом усваивали лишь очень немногое из того, что несли с собой буржуазные преобразования.

В конечном итоге все сводится к единому общему знаменателю. Те страны, которые еще до революции взяли твердый курс на буржуазные преобразования и имели для этого благоприятные условия, в революции не нуждались, хотя и могли со временем кое-что заимствовать от революционных волн, исходивших из Парижа. Большинство же других стран Европы, взяв курс на буржуазные преобразования, столкнулись с неодолимыми препятствиями и вынуждены были замедлить движение вперед. Поэтому то, что происходило во Франции в конце XVIII в. и на протяжении первой половины XIX в., оказалось для них бесценным. Не слишком длительные, как правило, взрывы недовольства, проходившие в форме массовых демонстраций и митингов, широкомасштабного народного протеста, подчас угрожающих волнений и восстаний, сопровождавшихся баррикадами, кровавыми стычками с полицией и войсками, были своего рода паллиативом, компенсацией полноценной многолетней кровавой и трагичной буржуазной революции, выпавшей на долю французов. Иногда, когда движение народного недовольства имело первостепенной целью борьбу за национальное освобождение, столкновения, как, например, в Венгрии, тоже могли быть длительными и серьезными. Но это была уже не бур-

жуазная революция, а совпадавшая с ней борьба за политическую самостоятельность, что нельзя не принимать во внимание.

Словом, давно назревшие и не имевшие возможности проявить себя потребности в буржуазных революционных преобразованиях были на рубеже XVIII–XIX столетий в большинстве стран континентальной Европы. Но пробить стену феодальной системы, на страже которой стояли не столько правители и политическая элита, сколько войска и многовековые традиции, было этим странам просто не под силу. Взять на себя инициативу и довести дело до успешного конца сумела лишь крупнейшая из них, так что именно ей все остальные оказались обязанными тем, что очень крепкая плотина, сдерживавшая неумолимый поток буржуазных преобразований, оказалась прорвана. И не только прорвана. Давно ожидавшаяся и крайне необходимая передовому буржуазному Западу социополитическая революция при всех ее неоправданных издержках сумела разрушить эту плотину так, чтобы прорвавшийся через нее поток потек спокойным течением, лишь изредка прерывавшимся неожиданными преградами. И заслуга революции, наполеоновских войн и волнообразных импульсов из революционного Парижа в том, что они сметали все преграды, встречавшиеся на пути этого потока на протяжении свыше чем полувека и тем самым открывали всем остальным более или менее спокойную дорогу к быстрому буржуазному росту, к включению на полную мощность единственного в своем роде буржуазного фактора эволюции, ведущего к постоянному ускорению темпов экономического роста, основанного на многочисленных буржуазных преобразованиях.

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И УСКОРЕНИЕ ЭВОЛЮЦИИ

Революция, как о том было упомянуто, вызывалась к жизни потребностями обществ западного типа в новом уровне модернизации, в промышленном буржуазном перевороте. Для того чтобы на смену феодальной мануфактуре и средневековым цехам пришла полноценная фабрично-заводская индустрия со всеми ее обязательными аксессуарами и инфраструктурой, начиная от железных дорог и кончая квалифицированной рабочей силой, нужны были не просто долгие десятилетия, если даже не века борьбы, начатой еще в Англии. Для этого, как то видно на примере той же Англии, требовались весьма определенные социополитические перемены, прежде всего связанные с выходом буржуазии на авансцену общественно-политической жизни страны.

А для выхода буржуазии на авансцену истории нужна была завоеванная в нелегких условиях и далеко не сразу свобода действий для нее. Но вернемся еще раз к простому вопросу: почему произошла революция? Ответ на поверхности. Начнем с того, что длительное время господствовавший строй, восходящий к характерной для восточных обществ структуре власти-собственности, но претерпевший за много веков радикальные изменения и по существу давно уже понемногу превращавшийся на Западе в свою прямую противоположность, т.е. в новый буржуазный строй, где собственность выходит на передний план, а власть отходит на задний, отжил свое. Западное общество остро нуждалось в давно назревших буржуазных преобразованиях. Это и была революционная ситуация. И если в такой ситуации те, кто стоит у власти, ставят мощную преграду нормальной эволюции, она либо резко замедлится, либо породит взрыв. В большинстве стран континентальной Европы случилось замедление, а во Франции произошел взрыв, который, взорвав преграду, помог не только ей, но и всем остальным.

Сказанное означает, что континентальная Европа в первой половине XIX столетия была преобразована не благодаря «промышленному перевороту», который произошел в Англии. Нет слов, многие страны заимствовали нововведения, достигнутые Англией в ходе буржуазных преобразований, которые там энергично шли на протяжении значительной части еще XVIII в., не говоря уже о XIX. Проблема в том, что мало было заимствовать кое-что из новой техники и технологии, мало было покупать английские механизмы и машины. Следовало сломать ту социополитическую структуру, которая мешала новому уровню модернизации и не позволяла буржуазии большинства европейских стран занять место, давно уже занятое ею в Англии. Пример Англии мог беспрепятственно сыграть свою великую роль в США, колонии той же Англии. Но в континентальной Европе этому препятствовали правители. Поэтому-то и потребовалась революция, которая открыла двери для буржуазного индустриального переворота и для ускоренного развития буржуазного предпринимательства как основного механизма, стимулирующего, включающего и питающего этот переворот, открывший новую индустриальную эпоху.

Буржуазная либерально-демократическая рыночно-частнособственническая структура со всеми присущими ей правами и свободами стала после революции главной и господствующей во всем мире, что сыграло важнейшую роль в историческом процессе. И те, кто способствовал этому, заслуживают того, чтобы не быть забытыми.

ОБ ИДЕОЛОГАХ И ВОЖДЯХ РЕВОЛЮЦИИ

Как легко понять, всякое историческое событие совершается людьми, а великое событие — великими или, во всяком случае, очень значительными людьми. Это в общем-то один из немногих непреложных законов истории. Вопрос лишь в том, как оценивать деятельность тех, кто приложил руку к великому событию, сумел усилить его значение, распространить его достижения или смог по свежим следам события более или менее удачно интерпретировать его результаты, оказав тем самым определенное влияние на других, кто болезненно либо радостно переживал случившееся. Все такого рода категории исторических и политических деятелей заслуживают специального внимания. И им следует воздать должное. Как говорится, всем сестрам по серьгам.

Начнем с тех, кто начал воспевать идеалы хорошо осмысленного демократически устроенного общества. Идеи великих мыслителей, будь то **Вольтер, Руссо, Монтескьё, Дидро, Кондорсе** во Франции, **Гоббс, Локк или Смит** в Англии, **Лейбниц, Гегель, Кант, Гёте и Шиллер** в Германии и многие-многие другие заложили в умах читающих и мыслящих фундамент для революционных перемен. Эти идеи, корнями восходившие к идеалам и реалиям античного мира, начиная с полисов Эллады, активно способствовали переосмыслению образа жизни в западноевропейском обществе. Старое общество восточного типа с его деградирующими формами пережиточного феодализма, откровенным социальным неравенством и злоупотреблениями неконтролируемой народами власти теряло право на существование. Настойчиво напоминавшие об этом идеи Просвещения были великим взрывом в сфере мысли и эмоций передовых в интеллектуальном плане слоев населения. Достигая дальних окраин западного мира, включая и Россию, они будоражили общественное мнение и создавали в силу складывавшихся обстоятельств почву для попыток изменить социополитическую ситуацию и тем открыть двери для расцвета экономики. Это был первый боевой эшелон в широком сражении за радикальные перемены.

Вторым и основным эшелоном в этой великой борьбе стали деятели революции, от которых зависело, как то ныне вполне очевидно, очень многое. Они были далеко не однозначными, но именно на их долю выпало начать революцию и возглавить ее. Более того, от них зависело придать революционному порыву то либо другое направление и вести борьбу в тех либо иных рамках. Не повторяясь в попытках остановиться на деталях, пусть весьма важных и во многом драма-

тичных, даже трагичных, и тем более избегая рассуждений об общеизвестном, обратим внимание на самых главных из тех, кто оказался во главе революции. Сначала это были **Мирабо, Сиейес, Лафайет** и некоторые другие, отнюдь, к слову, не буржуа. Именно они взяли на себя смелость говорить уже на самых первых заседаниях Генеральных штатов от имени третьего сословия, к которому принадлежало более 90% французов. Эти люди начали и смело продолжали курс на неповиновение королю и окружавшей его правящей элите.

Если учесть, что они были безоружны и не могли быть уверенными в массовой поддержке парижан, и если к тому же вспомнить, что у короля имелись послушные ему войска, станет ясным, что для такого поведения нужна была незаурядная сила личности. И потому моральный дух и недюжинная стойкость этих людей нельзя не оценить должным образом. Ведь именно их уверенность в собственной правоте и праве на неповиновение властям поднимала остальных и вселяла в большинство собравшихся и незнакомых еще друг другу первых настоящих французских парламентариев уверенность в их силах и праве говорить от имени народа. Судьба этих деятелей различна. Но почти все они достаточно быстро отошли на второй план, как только события стали быстро развиваться в сторону радикального революционного взрыва.

На новом этапе вперед вышли другие деятели — люди суровые, с сильным характером, пламенными речами и бескомпромиссными намерениями. Это было время **Робеспьера и Дантона, Марата и Демулена**, а также некоторых других близких к ним лидеров. Характерной чертой их была готовность принести в жертву революции все и всех, кого потребуется. Наиболее карикатурная из фигур этого плана, **Марат** (а ведь в нашей стране свыше полувека называли мальчиков его именем!), горячо призывал уничтожать «врагов народа», постоянно увеличивая в своей газете их число, дошедшее в конечном счете до 600 тыс. Собственно, он сыграл немалую роль в том, что революция быстро дошла до стадии беспощадного террора, жертвой которого стали многие тысячи невинных и случайно попавших под руку людей. Но наряду со склонным к истерике Маратом были и более сдержанные, но не менее кровожадные лидеры вроде Дантона, главы трибунала с его гильотиной, который спокойно отправлял на казнь многих из своих вчерашних единомышленников только ради того, чтобы в правящем революционном Конвенте экстремистски настроенные якобинцы были в большинстве.

И наконец, **Робеспьер**, признанный, правда, не сразу, глава Конвента и вождь революции. Человек, беспредельно преданный великому долгу, который он воспринимал как доведение революционных преобразований до победного конца, при всем том, что он сам не понимал, где этот конец и каким он должен быть. И то драматическое обстоятельство, что в момент термидорианского переворота именно он был гильотинирован, следует расценивать не только и даже не столько как трагическую для революции случайность, сколько как вполне логичную и, более того, удачную в конечном счете закономерность. Да не сочтут это за циничное безразличие к судьбе великого, вне всякого сомнения, человека! Все дело в том, что признанный вождь великой революции не должен, не имеет права проявлять неуверенность, даже если он полон ею. Конечно, он не более чем человек, и ничто человеческое ему не чуждо. Но при всем том любые его поступки и тем более экстравагантные, бросающиеся в глаза, ставят в тупик многих остальных и могут послужить поводом для недоверия и подозрительности. Робеспьер погиб именно потому, что проявил неуверенность и метался от культа Высшего существа к угрозе новой вспышки беспощадного террора и откровенной личной диктатуры.

«Революция пожирает своих детей» — так позже выразился по этому поводу А. Франс. Пошло ли это ей на пользу? Видимо, да. Ведь если бы не термидор и не гильотина, Робеспьер в его явном состоянии стресса, вызванного многими годами сверхчеловеческого напряжения, вполне мог привести дело к гибели. А в реальности после его драматического ухода лишенная головы революция стала понемногу стихать и постепенно сходить на нет, уступая место умеренным институтам вроде Директории. Впоследствии заслуги Робеспьера были признаны, и статуя его не зря украшает современный Париж. Это вполне заслуженно и справедливо. В трагический для страны и для него момент поистине великий деятель ушел из жизни явно не без пользы для великого дела его жизни. Революция с его уходом спокойно и неторопливо подошла к концу. А каким был ее конец?

НАПОЛЕОН И РАСПРОСТРАНЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Великие события не только совершаются значительными людьми. Они одновременно рождают великих деятелей. Причина элементарна. В условиях, когда все принятые нормы рушатся, на передний план

выходит его величество случай. Но случай — это не просто слепая случайность. Это, если уж на то пошло, выбор судьбы, указующий перст богов, несущий счастливый жребий. И жребий выпадает на долю не просто удачливого счастливчика. Он обычен, хотя и далеко не всегда, находит достойнейшего. Кто знает, как сложилась бы судьба революции после того, как она была обезглавлена и стала резко замедлять свой до того столь стремительный и ужасный ход? Даже если принять во внимание внешнеполитические успехи и удачный для Франции ход военных действий за пределами страны именно в это время, если учесть революционный дух народа и армии с их Марсельезой, который не исчез сразу же после казни Робеспьера, все могло бы пойти совершенно иначе, если бы не великий Наполеон.

Сама судьба, сами боги (те самые, кто, по выражению А. Франса, жаждал крови: «Боги жаждут») послали заслужившей это стране одного из величайших деятелей XIX столетия, а быть может, и далеко не только одного этого века. Величие же Наполеона не в его блестящей военной карьере в годы революции, не в его не менее впечатляющих успехах после того, как он занял опустевшее место главы революционной Франции. И, разумеется, не в том, что он вскоре стал не просто первым консулом, но любимым всей Францией ее императором, символом величия измученной страны. Конечно, для французов все это играло свою роль. Но для мировой истории самым важным было не это. Для нее появление Наполеона означало, что революция не просто победила, одержав верх над врагами как в самой стране, так и во всей континентальной Европе, оказавшейся у ног счастливого обладателя жребия богов. Для мирового исторического процесса Наполеон сыграл роль едва ли не большую, нежели все революционные преобразования до XIX в.

Конечно, успешная английская буржуазия усилиями Кромвеля и многих других сумела добиться неоценимых успехов в буржуазном преобразовании страны безо всякой кровавой революции (гражданская война не в счет; войны в истории человечества, в том числе и гражданские, неисчислимы). И это был лучший выход для успеха буржуазии. Но дело в том, что остальные и, в частности, вся континентальная Европа были вынуждены медлить с очень важным процессом дефеодализации и предоставления буржуазии теперь уже по праву принадлежавшего принадлежать именно ей господствующего положения в обществе. Правда, процесс все же шел. Но темпы его были удручающими. И континентальная Европа оказывалась вынужденной, как о том

упоминалось, пользоваться не только технико-технологическими новациями, но и готовыми механизмами и машинами английского производства. Для Англии это было очень выгодно, ибо превращало весь остальной мир в рынок сбыта ее товаров и делало ее мастерской планеты. А континентальная Европа была готова, но не могла завершить дефеодализацию и превратить свою буржуазию в господствующее сословие, которое смогло бы уверенно руководить процессом ускоренной промышленной эволюции. И неизвестно, сколь долго продолжалась бы такая давно уже установившаяся, хотя и со временем оказывавшаяся все более неустойчивой ситуация, как и когда новый строй сумел бы ликвидировать отживший старый, если бы не Наполеон. Или, точнее, если бы революция во многом благодаря ему не победила, а оказалась ареной успешного реванша возвратившейся в страну реакции из числа тех, кто «ничего не забыл и ничему не научился».

То немаловажное обстоятельство, что реванш реакции во Франции после Наполеона не состоялся, далеко не просто счастливый случай. Именно победа революции (а это в конечном счете, как ни крути, заслуга первого консула, ставшего императором), а затем крупномасштабные наполеоновские войны, которые разнесли по континентальной Европе, столь жаждавшей именно этого, основные социополитические — права, свободы, конституции, сословное равенство и т.п. — преобразования революции, создали то самое благоприятное для европейской буржуазии стечение обстоятельств, которого она так долго ждала.

Величие Наполеона в том, что, будучи счастливым избранником судьбы и оказавшись в нужное время на нужном месте, он не позволил погибнуть революции, лишившейся всех своих признанных лидеров. Он сумел сделать в муках рожденные ею важнейшие преобразования достоянием почти всех жаждавших именно этого стран континентальной Европы. Более того, его великие подвиги и вся его огромная и крайне полезная для буржуазного процветания деятельность (чего стоит хотя бы Кодекс Наполеона, пусть написанный не им, но вдохновленный именно его усилиями, чем сам он гордился чуть ли не более, нежели своими военными успехами) продолжали ярко сиять, когда его не стало. Парижские революционные волны с таким восторгом воспринимавшиеся в континентальной Европе, сыграли свою роль и оказали огромное, поистине неопределимое воздействие на все еще не завершившийся здесь процесс превращения буржуазии в господствующее сословие общества.

ПРОТИВНИКИ РЕВОЛЮЦИИ. ФЕОДАЛЬНАЯ РЕАКЦИЯ

Теперь, отдав должное мыслителям, деятелям революции и особенно Наполеону (полагаю, что сделанного мной в этом смысле еще далеко не достаточно), обратим внимание на то, какую реакцию революция и ее следствия вызвали у реакционных политиков и радикальных идеологов различного толка. С самого начала стоит оговориться, что имеются в виду две равные по энергии и достаточно могущественные негативные силы. Прежде всего это французская и международная реакция, мечтавшая повернуть процесс в обратную сторону, и потому начнем именно с нее.

Устремления и неистощимую ее энергию легко понять. Революционные по сути — не по форме! — преобразования в Нидерландах в XVI в., в Англии в XVII в., в США в конце XVIII в. и в континентальной Европе в первой половине XIX в. были крайне болезненным ударом, быть может, не всегда сразу ощутимым, как для правящей элиты, так и для весьма широких кругов западной феодальной владетельной знати (кроме разве США, где все было несколько иначе). Они всюду привыкли существовать за счет привилегий, позволявших не платить налоги и неплохо жить, пользуясь в основном трудом подневольных крестьян. По мере усиления своей роли и упрочения своего положения в обществе буржуазия в странах Запада, включая, естественно, и даже прежде всего революционно настроенную Францию, успешно ускоряла процесс дефеодализации. Процветание той либо иной страны, а соответственно и могущество государства, как и быстрый его экономический рост, напрямую зависели от того, насколько быстро и умело она ликвидирует все феодальные привилегии и социальный слой феодалов как таковой.

Буржуазия при этом обычно — за исключением ситуации революции — не была кровожадной и отнюдь не стремилась к физическому уничтожению этого социального слоя. Напротив, она широко открывала двери перед «новым дворянством», никогда не мешала заняться делом, т.е. торговлей и предпринимательством, строительством либо финансами и любыми прочими полезными обществу делами выходцам из высших кругов феодальной знати. Более того, она резонно исходила из само собой разумеющейся предпосылки, что чем большее количество представителей вчерашних феодалов вложит свои еще сохранившиеся у них средства, ум и способности в полезные для обще-

ства дела, тем лучше. Иными словами, буржуазия всегда — опять-таки за исключением момента революции — шла на союз с теми, кто был готов принять буржуазные преобразования и активно содействовать им. Даже если это были, как в случае с США, колониальные власти.

Стоит заметить, что на протяжении долгого периода своего существования отечественная марксистская историография привычно и старательно клеймила европейскую буржуазию именно за это. Почему? И вот здесь от первой вполне понятной проблемы долгой, хотя и в конечном счете безуспешной, борьбы феодальной реакции с буржуазными преобразованиями и со всей западной буржуазией, которая вполне понятна и должна считаться само собой разумеющейся, перейдем ко второй. Речь пойдет о критике буржуазной революции слева, со стороны радикалов крайнего толка.

АНАРХО-КОММУНИСТИЧЕСКИЙ РАДИКАЛИЗМ

Левые радикалы решительно противостояли завоеваниям буржуазии и тем более революции. Они были не слишком многочисленны, но в отличие от феодалов апеллировали не к прошлому. Напротив, считали свои позиции перспективными с точки зрения будущего, порой весьма отдаленного. И если феодалы, особенно в рамках Священного союза, шли как бы единым фронтом, то критики слева являли собой пусть не толпу, но собрание крикливых и порой готовых чуть ли не вцепиться друг в друга сторонников весьма разных идей. Эти идеи, часто экстравагантные, навязчивые и по сути крайне жесткие, были не способны не только к компромиссу, но и к более или менее мирному сосуществованию. Единственное, что объединяло всех творцов радикальных теорий, было стремление к свержению только что сформировавшегося и убедительно демонстрировавшего свои несомненные преимущества нового буржуазного строя. И стоит напомнить, что различного толка экстремисты могли спокойно выдвигать свои лозунги и призывать к свержению буржуазии, не опасаясь репрессий, именно в буржуазных обществах, особенно в столь славившейся своей политической терпимостью Англии с ее Гайд-парком.

Чего же хотели идеологи, политические деятели, разного рода публицисты и даже серьезные специалисты с академическим уклоном, которые были склонны критиковать буржуазию с радикально-утопических позиций? Прежде всего они отрицали частную собственность, эту кардинальную основу антично-буржуазной рыночно-частнособственнической структуры, и выдвигали требо-

вания некоего, обычно не вполне понятного, но исстари присущего мировой деревне «справедливого перераспределения» имущества, всеобщего равенства, а то и отрицали государство как таковое. Как правило, среди критиков слева задавал тон анархо-коммунистический радикализм, стремившийся подстегнуть либо изменить, если даже не обратить вспять, исторический процесс. Критики мечтали убрать или хотя бы отстранить буржуазию и поставить на ее место либо весь очень абстрактно понимаемый народ, либо тот или иной слой общества, который на самом деле (на это стоит обратить особое внимание!) никогда и ни в коей мере не мог бы ее заменить. Короче, это были горячие сторонники утопических идей не просто резко ускоренного, но и радикально-взрывного социального преобразования в только-только складывавшемся буржуазном обществе. Под предлогом нищеты и тяжелых условий труда наемных работников в различных отраслях промышленного производства защитники угнетенных наперебой предлагали свои рецепты устранения сложившейся и порой явно преувеличивавшейся ими вопиющей социальной несправедливости и сопутствующего ей экономического неравенства.

Важно заметить, что и несомненная социальная несправедливость, и экономическое неравенство были реальным фактом буржуазной эпохи, особенно заметным в период начального развития буржуазии. Более того, неравенство и несправедливость были и остаются поныне нормой существования буржуазного Запада, как, впрочем, и всех остальных обществ. Имеются в виду не только восточные колониальные и зависимые, равно как освободившиеся от колониального статуса и обретшие независимость, но и те, что некоторое время назад именовались социалистическими. Равенство и справедливость в принципе понятия более философско-утопические, нежели жизненно-реальные. Какова степень неравенства и несправедливости в разных обществах? Где больше того и другого — в нормально развитых буржуазных странах, какими следует считать страны Запада примерно с середины, во всяком случае с конца XIX в., или в тех, что были созданы, к примеру, по рецепту социальных экстремистов XX в.? Оставив пока в стороне Восток с его обществом традиционного восточного типа, сравним хотя бы эти два типа обществ: буржуазное западное и социалистическое; для чего история дает очень богатый материал. Оговоримся, однако, что реалии социалистических стран будут затронуты лишь вскользь; в качестве материала для сравнения их с лозунгами тех, кто в XIX в. ссылался на эти будущие реалии как на нечто совершенно идеальное,

и принципиально, безусловно, намного лучшее, чем буржуазное общество, особенно с точки зрения равенства и справедливости.

Идеи многочисленного ряда активных радетелей человеческого счастья известны человечеству издревле. Не уходя слишком далеко вглубь истории, стоит обратить внимание на упоминавшиеся уже труды Т. Кампанеллы, Т. Мора, Р. Оуэна, Ш. Фурье и некоторых других. Их было достаточно много, этих честных и хороших людей, иногда незаурядных мыслителей, которые видели царящие в обществе несправедливость и вопиющее неравенство и стремились найти способ избавиться от этого. Их утопические построения были, как правило, просто нереальны. Но даже тогда, когда некоторые из мечтателей, как, например, Оуэн, пытались создать то, что было в их воображении, дело завершалось полным крушением всех благородных замыслов. Почему? Потому, что мир — увы! — устроен таким образом, что элементарным способом без гигантских влияний чужого (буржуазного, стоит заметить) капитала царство абсолютного равенства и справедливости построить невозможно. Потому, что в любом развитом обществе неравенство является основой его существования.

Пирамидальная социальная система служит великим стимулом для мобилизации потенций всех тех, у кого они есть. И хотя эти потенции вполне могут служить всему обществу, т.е. приносить пользу всем без исключения, те, кто рождает идеи, и те, кто воплощает их в жизнь благодаря своим интеллектуальным и другим, в том числе сугубо деловым (буржуазным), способностям, окажутся наверху. Со временем, по мере развития и обогащения общества к ним могут присоединиться и те, кто составляет творческую элиту общества (ученые, писатели, музыканты, актеры и т.д. и т.п.). К их числу, заняв соответствующую нишу либо этаж социальной пирамиды, могут примкнуть те, кто, получив соответствующее образование, займет свое место в ряду нужных обществу профессионалов, от менеджеров и адвокатов до врачей, инженеров, учителей и многих иных специалистов.

Сказанное означает, что сколько-нибудь развитое общество всегда являет собой социальную пирамиду. Это относится и к тем системам, которые создавались в XX в. под лозунгом резко противостоящего буржуазии социализма. Все те, кто помнит время, когда существовал СССР, хорошо знают, сколь жесткой была в этом претендовавшем на исключительность именно с точки зрения справедливости и равенства людей пирамида номенклатуры, сколь многие стремились попасть в нее. Помнят и то, что доставалось на долю тех, кто находился

на нижних этажах всей социальной пирамиды, особенно колхозных крестьян. Этот исторический факт, от которого никуда не уйти, позволяет понять, в чем был основной порок всех распространившихся в XIX столетии теорий анархо-коммунистического типа. Он был в нежелании видеть реальность. Чего стоит хотя бы известный тезис Маркса о том, что подлинная история человечества начнется лишь тогда, когда коммунизм станет реальностью для всего мира. А до того все только предыстория.

Вообще-то никто никогда не мешал и не мог помешать мечтателям мечтать. Сама жизнь ставила их на место. Однако ситуация начала меняться, когда книгопечатание стало нормой. Даже далеко не мечтатели начинали видеть в их утопиях нечто заслуживающее внимания и становиться их сторонниками. Нельзя не принимать во внимание и то, что тяжелые условия повседневного бытия, особенно на ранних ступенях буржуазной эволюции, как бы подтверждали справедливость тех, кто клеймил эти условия и громко призывал бороться за коренное изменение самого столь несправедливо устроенного общества, всей существующей системы бытия.

Среди мечтателей, склонных к радикальному преобразованию общества, выделялись ранее и более всего мыслители анархо-коммунистического толка. Одни из них, анархисты, видели все зло в государстве, которому следовало бы противопоставить во всемирном масштабе мелкие свободные от всяких принудительных регламентов ассоциации работников. Исходя вслед за одним из своих наиболее авторитетных лидеров, П. Прудон (1809–1865) из того, что собственность — это кража, они выдвигали на передний план введение принципа эквивалентного, даже предпочтительно безденежного обмена товарами. Этот принцип, как утверждалось, приведет к равенству и справедливости. Предприятиями должны управлять работающие на них труженики. Взаимопомощь и «человеческие отношения» должны стать основой в связях между людьми. Надо сказать, что анархизм Прудона нашел немалый отклик среди рабочих ряда европейских стран. Однако он не сумел достичь заметных результатов в реальной жизни, что проявилось в те 72 дня, которые просуществовала во Франции в 1871 г. Парижская коммуна, в чьем руководстве задавали тон бланкисты и прудонисты.

Одним из радикальных, но не анархистских теоретиков преобразования общества был француз Луи Блан. Он противопоставлял буржуазии с ее принципом индивидуализма всех тех, от Руссо до якобинцев, кто, по его мнению, отстаивал идею братства. Эта идея в его учении

занимала главное место. Индивидуализм буржуа должен быть преодолен, а государство с системой общественных мастерских при условии всеобщего избирательного права может утвердить принцип братства, т.е. справедливости и равенства. Другие мечтатели, настроенные более радикально, вставляли на путь заговоров и любое недовольство масс пытались использовать в своих интересах. Речь идет в первую очередь о Луи Огюсте Бланки, который был ближе всего к коммунистам (именно бланкисты соперничали с прудонистами в руководстве «Парижской коммуны», которую Маркс считал чем-то вроде реализации его собственных идей пролетарской революции и диктатуры пролетариата). Бланки считал заговоры основой социальной революции, а конечную цель видел в коммунизме, который воспринимал как равенство, достигнутое после победы революционеров в процессе просвещения масс. Но самое интересное в том, что радикализм Бланки, как и анархизм Прудона, которые совместно привели к поражению Парижскую коммуну, не могут считаться носителями идей, игравших наиболее значительную роль в стремлении поскорее уничтожить формировавшееся и только-только кое-где уже сформировавшееся буржуазное общество. Так кто же и почему более страстно хотел добиться именно этого? Ответ всем известен. Это марксисты, сторонники учения К. Маркса, которое отличалось от всех аналогичных анархо-радикальных доктрин своими серьезными аналитическими трудами и небезосновательными претензиями на академический анализ, на создание научно обоснованной генеральной теории исторического процесса. Как известно, марксизм играл значительную роль в системе общепризнанных идей не только XIX, но и XX столетия. И это дает основания для того, чтобы сконцентрировать внимание на этой теории.

МАРКС И МАРКСИЗМ В СЕРЕДИНЕ XIX в.

Как действовали Маркс и марксисты в середине XIX столетия, когда их едва еще зарождавшееся политическое движение сразу же оказалось под воздействием очередной шедшей из Парижа мощной революционной волны, в той или иной степени потрясшей континентальную Европу? Было бы неуместно на немногих страницах попытаться подвергнуть серьезному критическому разбору концепцию марксизма, представленную в десятках томов самого Маркса и во многих тысячах томов его сторонников. Эта теория доминировала в сознании значительной части человечества дольше века и имеет немало сторонников и поныне. Однако то, что, будучи примененной на

практике, она оказалась дискредитированной, дает все основания для выяснения, в чем просчет Маркса и марксизма.

Какую роль сыграл марксизм и сам К. Маркс (1818–1883) в интересующий нас сейчас период становления на Западе буржуазного общества? Первые разработки проблем «научного коммунизма» датируются временем наиболее сильной парижской революционной волны 1848 г. Умело используя дух радикально настроенных интеллектуалов Западной Европы, он и Ф. Энгельс (1820–1895) начали с создания в 1846 г. Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета и обратились за содействием к организации «Союз справедливых». Поездка Ф. Энгельса в Париж привела к тому, что члены союза предложили К. Марксу и Ф. Энгельсу вступить в него, на что те ответили, что это повлечет за собой отказ от установки на заговоры и принятие нового устава. В июне 1847 г., когда в Париже проявились слабость правительства Луи Филиппа и признаки рождения новой революционной волны, на встрече в Лондоне Ф. Энгельс настоял, чтобы в устав союза было внесено требование уничтожить буржуазное общество и господство пролетариата. Более того, он внес предложение назвать организацию «Союзом коммунистов», который должен действовать под лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Удивляет та легкость, с какой члены союза, ориентированного на заговорщическую деятельность, согласились на коренное переустройство. Но факт остается фактом. По поручению «Союза коммунистов» К. Маркс и Ф. Энгельс составили «Манифест коммунистической партии», издав его текст в феврале 1848 г., т.е. как раз в те дни, когда парижская революционная волна стала захлестывать Европу. Практически это значит, что в разгар очередного всплеска буржуазных революционных идей начавшие свою деятельность коммунисты во главе с Марксом обрели уникальную возможность для беспрепятственной пропаганды весьма оригинальных и крайне радикальных взглядов. Все дело в том, что они широко и умело пользовались теми (снова стоит специально подчеркнуть!) **буржуазными правами и свободами**, которые были открыты перед всеми, в том числе и перед ними. Нельзя также не обратить внимание на то, что сам Маркс, беспрепятственно развивая свои радикальные взгляды, жил в те мятежные годы то в сравнительно свободном Брюсселе, то в еще более свободном Париже, затем некоторое время в Кельне и опять в Париже. А с августа 1849 г. он надолго осел в Лондоне, славившемся широтой политических взглядов и свободомыслием, не говоря уже о крайней степени толерантности.

Суть идей молодого Маркса в конце 40-х гг. XIX в. сводилась к нескольким основным позициям. Прежде всего было твердо заявлено, что вся история человечества — это непрестанная борьба между непримиримыми антагонистическими группами людей, занимающих разное место в системе производства. Эти группы Маркс, правда, не первым, назвал *классами*. Особое внимание уделялось современной обстановке, в которой, по его словам, *господствующим классом* стала буржуазия, тогда как власть, правительство — это комитет, который управляет ее делами. Надо сказать, что, если не придирааться к мелочам (вроде того что патриции и плебеи, мастера и подмастерья тоже были подобного рода антагонистами), оценка того места и той роли, которую стала на Западе играть буржуазия, в принципе была вполне справедливой. Вопрос только в выводах, которые из этого были сделаны. Вместо того чтобы, следуя своим же взглядам о последовательной смене так называемых *формаций* (за феодальной идет буржуазная, и лишь потом придет время социалистической) признать явную прогрессивность и историческую значимость именно буржуазной *формации*, только-только отбившей атаки феодальной реакции и действительно оказавшейся уже близкой к тому, чтобы стать господствующей силой в западном обществе, Маркс обрушил весь свой гнев незаурядного полемиста и активного политического деятеля именно на эту самую буржуазию. Он считал, что в мире уже развились такие *производительные силы*, с которыми буржуа не в состоянии справиться, о чем свидетельствуют экономические кризисы.

Заклеймив буржуазию, поднявшуюся и едва освободившуюся от давления феодальной реакции, да и то еще далеко не везде, причем едва ли не менее всего в родной для Маркса Германии, он настоятельно провозглашал ее неизбежную гибель под ударом *классового антагониста, революционного пролетариата*. Похоже на то, что Маркса и следовавших за ним тогда еще очень немногих марксистов никак не смущало несомненное для многих обстоятельство, что буржуазия в то время, о котором идет речь, была еще весьма далека от полного господства. А что касается пролетариата, т.е. наемной силы, которая стала быстро расти в ходе ускорения промышленного производства в наиболее развитых странах буржуазного Запада, то он тогда и вовсе лишь начинал складываться как нечто политически реально осязаемое. Создается впечатление, что, стремясь скорее оказаться во главе наиболее радикальных политических сил, Маркс не просто спешил, но прямо-таки боялся опоздать, опасаясь, что кто-либо из более ра-

дикальных теоретиков обойдет его в критике буржуазии и ставке на недовольство пролетариата.

О взаимоотношениях между буржуа и рабочими еще будет идти речь. Но сейчас важно обратить внимание на то, что К. Маркс, сознательно игнорируя ту великую потенциальную силу, которая пришла в страны Запада вместе с буржуазией и свойственным только и единственно ей фактором ускоренных темпов эволюции, намеренно пытался заставить общество обратить внимание лишь на пролетариат. Марксисты стремились как можно скорее занять позицию защитников рабочих, которые будто бы только и хотят того, чтобы освободиться от «гнета капитала» и с помощью новой социалистической революции превратить буржуазную собственность в общественную. Но на самом деле пролетариат, несмотря на крайне тяжелые условия работы и жизни, пока что об этом не думал, даже просто не мог думать. Это было хорошо видно на примере английского чартизма, самого передового для своего времени рабочего движения, с идеями и намерениями которого Маркс, живя в Лондоне, конечно же, был хорошо знаком.

Понимая, сколь далеки были интересы подлинного рабочего от тех, что пытался навязать ему марксизм, Маркс и не пытался как-то связываться с чартизмом. Его бы там просто не поняли. Но он, тем не менее, был твердо убежден в том, что пролетариат рано или поздно осознает свои интересы и цели. А для того чтобы активно способствовать этому, нужно создать партию, которая состояла бы из радикально мыслящих интеллектуалов, думающих за не готовый к этому пока что пролетариат и тем самым выражающих его интересы. Мало того, члены такой партии — коммунисты — должны постоянно подталкивать рабочих к тому, чтобы те осознали свои «классовые» интересы и стремились превратиться в «господствующий класс». Рабочие, полагал Маркс, просто вынуждены будут рано или поздно понять, что только таким путем и только после этого в мире прекратится «эксплуатация человека человеком», а затем, вследствие поддержки одних народов другими, на планете прекратятся войны и возникнут условия для создания подлинного «пролетарского интернационализма».

Обратим внимание на противоречия в самой сути программы, наиболее полно изложенной в Коммунистическом манифесте. Эта программа не просто полемична. Она крайне агрессивна. Более того, деструктивна, ибо выбрала в качестве объекта главного удара основу нового, только что возникшего — согласно теории *формаций* самого Маркса — буржуазного строя. Не желая дать этому строю закрепиться

и продемонстрировать свою силу и возможности (это было в реальности сделано вопреки всем усилиям Маркса и марксистов), радикалы из «Союза коммунистов» требовали его насильственного уничтожения, для чего звали пролетариат на баррикады. Но пролетариат на баррикады идти не торопился. Он был склонен вести экономическую борьбу за кусок хлеба и политическую — за свои гражданские права, не более того. Эта инертность тогда, когда можно было (используя более позднюю метафору М. Вебера), легко переведя стрелки идей, направить «локомотив революции» с буржуазного на социалистический путь, злила коммунистов. Им приходилось ограничиваться изданием газет («Новая рейнская газета» выходила в Кельне в 1848–1849 гг.; был издан 301 номер), в основном читавшихся радикально настроенными интеллигентами, которые должны были отточить свои взгляды и создать сильную и единую в своих политических устремлениях партию.

К счастью для всей последующей истории Запада, ничего путного из этой затеи не получилось. Газета сумела создать небольшой актив сторонников марксизма, но, как то обычно бывает среди интеллигентов, этот актив был пестрым и далеко не единодушным. Партия как таковая не возникла. Да и сам «Союз коммунистов» просуществовал лишь около пяти лет, до 1852 г. А после вынужденного отъезда Маркса на долгие годы в Лондон, где объективная ситуация не очень-то располагала для того, чтобы создавать заметные партии коммунистического типа, положение и вовсе изменилось. Революционная волна ушла в прошлое. Началась эпоха будничного, но зато очень быстрого промышленного роста, чтобы не сказать процветания западноевропейской и североамериканской буржуазии. В таких условиях Марксу оставалась лишь разработка теории и созыв время от времени (с 1864 г.) конгрессов «Международного товарищества рабочих», далеко не всегда, к слову, приводивших к преобладанию марксистских идей.

В чем же, если вести речь о раннем периоде марксизма, главный просчет Маркса? Что помешало осуществлению цели? Он смотрел далеко вперед и пытался предвидеть будущее. Как правило, это редко кому удается. Маркс был одним из тех, кому было дано в чем-то предугадать основное движение общества. Но что в его предсказаниях реально сбылось? Только то, что во многих странах со временем возникли сначала многочисленные социал-демократические, а затем и коммунистические партии. Эти партии активно разрабатывали доктрину марксизма и были тесно связаны с растущим рабочим движением, что следует считать огромным личным достижением Маркса,

в какой-то мере свидетельством его гениальности. Но привело ли это к желанному результату? И вот здесь-то и таится самое главное. Никогда и никому не удавалось видеть вперед настолько точно, чтобы можно было уверенно полагать, что движение в указанном направлении и с применением предложенных им методов (в нашем случае диктатуры и чего-то вроде якобинского террора) принесет желанные результаты. И никогда и никто не мог исключить, что предсказанное не повернет неожиданным образом в совершенно иную сторону и не приведет к совсем другим, чем ожидавшиеся, результатам. А с Марксом и марксизмом, со столь желанным и казавшимся им столь справедливым коммунизмом, не говоря уже о «всемирном пролетарском интернационализме», произошло именно это. Поэтому стоит зафиксировать главное: доктрина марксизма, которую еще век назад некоторые его последователи, особенно в нашей несчастной стране, где она была испробована в полную силу и обошлась народу столь дорого, считали всесильной и верной, на деле оказалась совсем иной. И ныне мало кто, наученный горьким опытом, верит в ее истинность, хотя такие и существуют. Более того, очень многие из тех, кто все еще призван верить Марксу (как в Китае), на деле хорошо понимают, что главной движущей силой в обществе является все-таки энергичная и деятельная буржуазия, но никак не пролетариат. Великолепный парадокс! Даже как-то жалко Маркса...

Западная Европа во второй половине XIX в.

Пережив потрясения, связанные с парижскими революционными волнами, континентальная Европа вступила во вторую половину столетия значительно изменившейся. В большинстве стран на передний план вышла буржуазия, окончательно оформившаяся не только в качестве ведущего и часто уже господствующего сословия, но и той социополитической и экономической силы, которая твердо стала у руля государств. Западная Европа оказалась олицетворением того нового строя общества, для создания которого было приложено столь много усилий. Этот строй был безусловной и необратимой победой той антично-капиталистической структуры и свойственного ей общества западного типа, которые на протяжении тысячелетий существовали параллельно с традиционновосточной структурой власти-собственности и обществами восточного типа. Восходившая корнями к античности, западная буржуазия добилась окончательной победы лишь теперь, когда рухнули остатки феодальной системы, бывшей с раннего европейского средневековья частью, даже в некотором смысле основой западноевропейского варианта восточной структуры власти-собственности. Забыв об этом тяжелом грузе, многими веками висевшем на шее буржуазного принципа полной свободы рыночно-частнособственнических отношений, европейские буржуа с середины XIX в. приступили к успешной реализации веками накопленных гигантских потенций. Их потенции стали тем более серьезными, что они теперь уже опирались на солидную научно-техническую и технологическую базу, созданную сотнями великих деятелей науки, которые обрели свободу и добились колоссальных успехов за немногие столетия, прошедшие со времен Ренессанса, Реформации и Великих географических открытий.

Разумеется, перед западноевропейской буржуазией стояло еще немало важных проблем, которые ей надлежало решить. Прежде всего эти проблемы сводились к очищению общества от въевшихся в него сле-

дов феодального прошлого, многочисленных и разнообразных. К числу тех, которые нужно было решить в первую очередь, относились национальные. Их было в Западной Европе достаточно много, а конфликты, связанные с ними, настолько ощутимо тянули общество назад, что мириться с этим было нельзя. Собственно, именно они стояли в центре внимания политической жизни Западной Европы на протяжении большей части второй половины XIX в. Имеется в виду в основном вопрос объединения Италии и создания нового германского государства. Это государство было готово к тому, чтобы отделиться от Австрии, которая, в свою очередь, пыталась как-то упорядочить отношения с многочисленными ее инациональными частями, результатом чего следует считать, в частности, возникновение Австро-Венгрии.

Очень важно особо отметить, что вся вторая половина XIX в. была временем интенсивного развития научно-технического прогресса, который благодаря прежде всего достижениям науки и техники, а также и энергии буржуазии как организатора производства до неузнаваемости изменил облик планеты, предоставив не только Европе, но и всему миру возможность пользоваться новейшими изобретениями. Впрочем, в это развитие внесли огромный вклад и США, совершившие за XIX в. головокружительный скачок от уровня среднеевропейской державы (правда, с великолепной конституцией и блестяще налаженной системой гражданских прав и свобод, охраняемой законом частной собственностью и прочими буржуазно-демократическими новациями) до одной из великих держав мира. Об истории США в этом столетии пойдет речь особо в следующей, третьей части тома. Пока же наше внимание останется прикованным к тому, что происходило во второй половине века в Западной Европе, хотя при этом не будут обойдены вниманием и важнейшие из тех событий, которые связывали эту часть планеты с остальным миром. В стороне останется разве что Восток, о котором пойдет речь особо.

Глава пятая. АНГЛИЯ

Англия, как хорошо известно, была первым из государств, где буржуа одержали в общем-то сравнительно легкую победу над королем, который стремился, несмотря на длительное существование влиятельного парламента, господствовать над всеми англичанами. Она сумела достойным образом наказать короля за развязанную им войну с парламентом, т.е. с народом, с его представителями. После этой победы в конце XVIII столетия была создана, уже при новой династии,

система либеральной монархии, основанная на строго демократических принципах правления при господстве парламента, т.е. все тех же представителей народа, в первую очередь буржуа. Словом, Англия вошла в XIX в. страной, в которой система взаимоотношений народа с властью была окончательно утверждена в пользу народа. И это, в частности полное и безраздельное господство буржуазии в промышленности страны, включая решающую роль во всей экономике, сделало Британию первой среди стран мира того времени.

Несмотря на неудачи в войне с североамериканскими колониями и невзирая на все направленные против нее политические акции времен наполеоновских войн, Англия в конце XVIII и на протяжении всего XIX столетия, особенно второй его половины, оставалась не просто первым и наиболее развитым из всех буржуазных государств того времени, но образцом преуспевания буржуазии и тесно связанного с ней промышленного производства. И когда вооруженные столкновения и широкомасштабные народные движения на континенте несколько поутихли, все взоры поднимавшейся буржуазии континентальной Европы устремились в ее сторону. Это было вполне понятным и естественным, ибо английская буржуазия и все социально-политическое, финансово-экономическое и восходящее к древней традиции правовое либерально-демократическое устройство монархии, в которой буржуазия стала хозяином положения, превратив правящие круги в выразителя ее интересов (как, впрочем, и интересов большинства населения), не могла не привлекать внимания. Многие стремились подражать ей, хотя и не могли с легкостью перенять английский опыт, поскольку у каждой страны были свои проблемы. Но, тем не менее, все то, что можно было перенять, перенимали.

Ситуация в Англии характеризовалась, помимо прочего, двумя важными для нее и для всего западного буржуазного мира процессами. Во-первых, имеется в виду ускоренный рост промышленного производства и сопровождавшие его увеличение торгово-промышленных компаний и резкий скачок в производительности труда. Во-вторых, соответствующее этому росту развитие рабочего движения. Оба эти тесно связанные один с другим процессы вышли в Великобритании, как эту страну стали чаще всего именовать, на первый план. Это означало, что она вступила в полосу своего расцвета. И как ни старался живший в Лондоне Маркс увидеть в Англии лишь издержки никуда не годного «буржуазного способа производства», будто бы нуждавшегося повсюду на Западе в «пролетарской революции», на деле все

обстояло совершенно иначе. О «пролетарской революции» в Лондоне, во всяком случае в XIX в., почти никто никогда всерьез не рассуждал, а вот успехи буржуазного ускоренного развития страны, приносившие ощутимые выгоды всем англичанам, были очевидны. В чем конкретно они проявлялись?

ПРОМЫШЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Рост промышленных предприятий во всех сферах производства, включая строительство, был показательным. Индекс промышленной продукции по сравнению с началом века вырос в 1860 г. в шесть раз, а в 1900 г. — в 15. Чугуна Англия выплавляла в 1870 г. около 6 млн т, причем как по чугуну, так и по добыче каменного угля, даже по переработке хлопка для производства текстиля, на долю Англии в середине века приходилась почти половина всей произведенной, добытой либо переработанной мировой продукции, немалая часть которой шла на экспорт. Согласно имеющимся данным, за четверть века (с 1845 по 1870 г.) вывоз машин из Англии увеличился в десять раз, что в очень большой степени помогло буржуазному производству в большинстве европейских стран стать на ноги. Индустриальная мощь Англии сыграла важную роль в том, чтобы в Европе тоже был включен на полную мощность фактор ускоренной эволюции, свойственный обществу, в котором верх взяла буржуазия, поставившая власть себе на службу. Если Франция сыграла решающую роль в коренном изменении системы взаимоотношений человека и власти, то на долю Англии пришлось продемонстрировать, сколь эффективно эта новая система может работать.

Согласно преданию, американец Р. Фултон, который изобрел пароход и тщетно пытался уговорить Наполеона оценить его изобретение и помочь в его реализации, не сумел добиться цели. Великий полководец прошел мимо этого предложения, а строить пароходы в большом количестве начали в Англии, где вся передовая техника и технология быстро получала должную оценку и энергично реализовывалась в той мере, в какой вела к развитию производства, повышению производительности труда, к увеличению дохода. Уместно заметить, к слову, что более крупные предприятия позволяли лучше справляться со сложностями, встававшими перед предпринимателями. Поэтому неудивительно, что именно в Англии впервые начали строить огромные заводы и фабрики, на которых работали многие тысячи работников разного профиля.

Развитию производства и созданию крупных фирм способствовал и расцвет принципиально нового метода создания крупных капиталов. Речь об акционерных обществах. С 1862 г. появились общества с ограниченной ответственностью (ltd. или ООО по-русски), смысл которых в том, что каждый акционер несет ответственность в случае банкротства лишь в соответствии со стоимостью его акций, а не в масштабах всей его частной собственности. Появление таких обществ не только стимулировало участие многих в создании крупных компаний и фирм, но и предоставляло шанс малоимущим покупать некоторое число акций и получать дивиденды. Это было началом радикального преобразования буржуазного общества в то, которое спустя примерно столетие, если даже не раньше, стало привычно именоваться обществом массового потребления. Акционеры становились соучастниками производственного процесса, и это коснулось миллионов обычных граждан.

Внешняя торговля Англии, учитывая огромное количество ее колоний, управление которыми велось тщательно и, как правило, под жестким контролем правительства и парламента, росла очень быстрыми темпами. Только за 20 лет, в 1850–1870 гг., она возросла втрое. Основой экспорта были изделия промышленности, в импорте преобладали сырье и продовольствие. При этом конкурентоспособность английских товаров всегда была вне сомнений, что обеспечивало английской буржуазии, а через ее посредство всей Англии немалые экономические и прочие преимущества. А это способствовало энергичному росту уровня жизни англичан.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА И ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ РЕФОРМА

Либерально-демократический режим, ставший в Великобритании основой ее существования еще в конце XVII столетия, после так называемого Славного переворота продолжал совершенствоваться на протяжении более чем полутора веков. И это не могло не сказаться на демократизации Британии как образцовой монархии именно с точки зрения антично-буржуазной системы взаимоотношений народа и власти. Не то чтобы власть только и думала о том, как получше выразить и защитить интересы всего народа, но она ставила одной из главных своих задач необходимость ориентировать свою политику именно в этом направлении. Следует напомнить, что в понятие «народ» даже в древнегреческих полисах включались не абсолютно все.

Рабы, метеки и некоторые слои населения вроде спартанских илотов (правда, вкуче они обычно, кроме илотов, составляли не слишком значительное меньшинство) гражданами не были. В Англии тоже «народом» (имея в виду тех, о ком прежде всего призвано было заботиться государство) были прежде всего буржуа, которые двигали страну вперед семимильными шагами и без кого столь позитивный процесс неизбежно должен был приостановиться. Но это были также, пусть и в меньшей степени, и те, на чьих плечах лежала нелегкая обязанность приводить в движение весь гигантский механизм промышленного производства страны. Речь о тех, кто обслуживал этот механизм, приводил его в движение, о самостоятельном населении, составлявшем абсолютное большинство англичан. В этом заключается принципиальное сходство античной и буржуазной систем взаимоотношений народа и власти, равно как и отличие их обеих от феодальной.

Демократия как форма существования, связанная с антично-буржуазной структурой, естественна и необходима. В Великобритании с этим обстояло дело более чем удовлетворительно. Лондон давно уже превратился в город, который не ограничивался вывеской типа «Воздух города делает человека свободным», как то было во времена средневековья, но действительно являлся защитником и покровителем тех, кто жаждал свободы, по крайней мере для себя. В частности, так было и в случае с К. Марксом. Совершенно логично и естественно, что это сказывалось буквально на всем, начиная от строгого соблюдения правовых норм и четко прописанных процедур и кончая эффективностью деятельности органов власти.

Управляли страной обычно консерваторы-тори или либералы-виги, причем принципиальной разницы между теми и другими во всем том, что имело отношение к завоеванным страной либерально-буржуазным демократическо-правовым традициям, это не имело. Различия были в направленности того либо иного конкретного политического курса и в проведении тех или других реформ. Одной из назревших среди них была избирательная. Потребность в новой реформе (предыдущая, с отменой «гнилых местечек», была в 1832 г.) становилась очевидной и настоящей. За нее выступали многие жители страны, включая и рабочих, особенно в крупных городах. Дело в том, что смысл реформы должен был свестись к увеличению количества избирателей, а главным социальным слоем, претендовавшим на это, были именно лица наемного труда и прежде всего те из них, кто входил в состав тред-юнионов и таким образом мог оказывать серьезное давление на общественное мнение страны.

И виги, и тори были заинтересованы в голосующих за них избирателях. Поэтому и лидер либералов У. Гладстон (1809–1898), чья политическая звезда восходила как раз в это время, ибо он был премьером Англии с перерывами с 1869 по 1894 г., равно как и глава консерваторов Б. Дизраэли (1804–1881), премьер страны в 1868 и 1874–1880 гг., выступали за реформу. Гладстон еще в 1866 г. внес ее проект и сопровождал его упоминанием о том, что те, кто не хочет, чтобы рабочие принимали участие в выборах, должны доказать их неспособность и недостойность. Однако в момент обсуждения проекта были волнения в Ирландии (*фени* выступали за независимость) и демонстрации рабочих в лондонском Гайд-парке и в других английских городах. Кое-кто из вигов испугался, кабинет Гладстона лишился поддержки и подал в отставку. Но в пришедшем ему на смену кабинете тори Дизраэли подготовил свой вариант реформы, который был дополнен либералами и принят парламентом в 1867 г. Новая реформа ликвидировала почти все остававшиеся еще «гнилые местечки», резко снизила избирательный ценз и тем самым дала право голоса почти всем фабричным и заводским рабочим. Число избирателей в стране более чем удвоилось, а Дизраэли в 1868 г. возглавил кабинет министров. Но в то же время снова заметно усилилось национально-освободительное движение фениев, и встал вопрос о реформах в этой части страны, на что обращал внимание Гладстон. Откликаясь на сложившуюся обстановку, Дизраэли объявил выборы в парламент по новой системе, но проиграл. Рабочие в большинстве отдали голоса либералам, и во главе кабинета (1868–1874) стал Гладстон.

ГЛАДСТОН И ДИЗРАЭЛИ

Два этих незаурядных руководителя кабинета министров сыграли в политике Великобритании второй половины XIX в. очень заметную роль. Оба — а они явно были соперниками — заслуживают специального внимания хотя бы потому, что именно на их долю приходится принятие важнейших решений, которые меняли к лучшему положение в этой великой стране. Годы первого кабинета Гладстона (1868–1874) были отмечены вначале реформами, направленными на успокоение Ирландии. Бунтующий остров давно уже доставлял Англии немало неприятностей, да и сама она наносила ирландцам жестокие удары. Сущность резкого противостояния веками определялась конфессиональной непримиримостью: если примерно 20% ирландцев на севере, в Ольстере, были протестантами, то все остальные оставались като-

ликами, и именно это лежало в основе как политических конфликтов, так и социального протеста или экономического давления, которые выпадали на долю Ирландии.

Гладстон ослабил давление со стороны англиканской церкви, лишив ее части имущества, которое было передано университетам (небольшая часть оставшегося шла только на содержание протестантского духовенства). Он же содействовал принятию Земельного акта 1870 г., ослаблявшего зависимость фермеров от собственников земли. Стоит обратить внимание на то, что акт Гладстона предполагал, что собственник не имеет права безнаказанно и без соответствующих выплат изгнать арендатора. И хотя все это оказалось недостаточным для успокоения ирландцев, многие из которых именно в это время эмигрировали в Америку, и, более того, породило движение за автономию — *гомруль* (Home Rule) с требованием собственного парламента, реформы сыграли положительную роль. На смену партизанам-фениям пришли умеренные гомрулеры, которые в 1873 г. создали Лигу гомруля. Эта лига на выборах 1874 г. послала в английский парламент 60 своих депутатов, которые попортили вигам немало крови.

Вошедший в состав английского парламента глава ирландских националистов Ч. Парнелл в 1879 г. основал Национальную земельную лигу. Ее главной целью стало защищать ирландских крестьян-арендаторов от английских лендлордов. Земельная лига была поддержана фениями, многие из которых эмигрировали в Америку, но с охотой вносили в фонд Земельной лиги свои пожертвования. Гладстон не выдержал этого давления и предложил новый закон, облегчавший положение фермеров. Но верхняя палата отвергла его. Тогда Земельная лига начала строго следить за выполнением решений парламента. Как то хорошо известно, когда некий капитан Ч. Бойкот попытался было нарушить норму Земельного акта, его покинули все работники и прислуга. Он нигде не мог ничего купить. Некому было собрать его урожай — присылали солдат. Дело кончилось тем, что Ч. Бойкот был вынужден уехать в Англию, а имя его стало нарицательным. Стоит заметить, что идея бойкота была подсказана ирландским националистам практикой некоторых тред-юнионов, поступавших аналогичным образом. Но, как бы то ни было, лига стала преследоваться, а некоторые ее члены во главе с Парнеллом в 1880 г. были даже арестованы, хотя в январе 1881 г. суд всех их оправдал.

Тем временем гомрулеры в парламенте устроили настоящую obstruction, выступая один за другим с обличениями и обещая резко

усилить бойкот тех, кто препятствует нормальной жизни фермеров-арендаторов. Осенью 1881 г. Земельная лига заявила, что помочь Ирландии может лишь гомруль. И ни тюремное заключение, ни преследование отказывавшихся платить арендную плату ничего не дали. Гладстон, проводивший на протяжении нескольких лет политику преследований виновных, так и не сумел, причем в условиях роста террористических актов, справиться с недовольством ирландцев. Лига гомруля и Земельная лига в 1882 г. объединились в Ирландскую национальную лигу, причем после этого влияние гомрулеров на положение дел в стране и политическую борьбу в парламенте усилилось. Гладстон решил изменить политический курс и стал готовить новый избирательный закон, который был принят в 1885 г. Этот закон дал ирландцам возможность выкупать землю, но к гомрулю не привел. Тогда ирландцы решили свергнуть кабинет вигов, что и было с помощью их депутатов достигнуто в том же 1885 г. Правда, они же резко изменили свое отношение к Гладстону в 1886 г., когда бывший премьер наконец внес проект о создании ирландского двухпалатного парламента. С их помощью виги снова возвратились к власти, но проект парламент не принял. Во втором варианте Гладстон внес его в парламент лишь в 1893 г, но и тогда он не прошел. Зато парламентом были приняты в 1887, 1892 и 1894 гг. ряд законов, которые сыграли важную роль в ликвидации крупной земельной собственности лендлордов в Ирландии и в переходе земли в руки ирландских фермеров-арендаторов.

Как бы то ни было, но именно Гладстон приложил немало усилий для того, чтобы решить большую проблему Ирландии, и именно он подготовил страну к тому, что в первой четверти XX столетия проблема была решена. Кабинет вигов способствовал установлению обязательного и субсидируемого государством либо муниципалитетами начального образования, ввел систему тайного голосования на выборах. Он также разрешил тред-юнионам владеть собственным имуществом, включая недвижимость, отменил давно уже существовавшую практику продажи военных должностей, принял меры к сокращению торговли спиртными напитками. Конечно, провалы и неудачи вигов, особенно раскол в их рядах в связи с проблемой гомруля, что вело к падению кабинета, превращали порой всю позитивную направленность реформ в нечто не вполне ясное. Однако нельзя не признать, что в целом реформы вели к улучшению положения как страны в целом, так и отдельных частей и слоев ее населения в частности. Но необходимо признать, что примерно так же стоит оценивать и достижения

кабинета тори, который нередко строго противостоял вигам и то и дело приходил им на смену.

Б. Дизраэли был по сравнению с Гладстоном деятелем много более ярким. Он был блестящим публицистом, пробовал свои силы и в литературе. Далеко не сразу, но он стал лидером тори в парламенте. Ему принадлежит, как упоминалось, окончательный вариант парламентской реформы 1867 г., после которой он, однако, проиграл выборы и ушел с кабинетом в отставку. Дизраэли сыграл немалую роль в ряде успехов внешней политики Англии. Он сумел выкупить у главы Египта солидный пакет акций Суэцкого канала, что сыграло важную роль в последующем укреплении позиций Британии в этой стране. Не желая и боясь усиления России, он поддерживал слабеющую Османскую империю, что не мешало ему — а точнее, Англии — одновременно стать фактическим хозяином и в Египте, и на Кипре, которые формально были частями территории империи Османов. Именно ему пришла в голову оригинальная мысль провозгласить влиятельную королеву Викторию императрицей Индии, что, видимо, сыграло свою роль в присвоении ему титула «граф Биконсфилд».

Правда, неудачи в афганской войне 1878–1880 гг. и трудности в борьбе с зулусами и бурами в Капской колонии вынудили его уйти в отставку. Но в целом его успехи следует считать значительными. У него и у Гладстона, если присмотреться, было своеобразное разделение труда. Виги более заботились о реформах внутри страны, а тори продолжали дело укрепления позиций Британии в мире, поддержания величия ее обширной колониальной империи. Конечно, это не было абсолютно полным разделением функций. И Дизраэли занимался реформами, и Гладстон проводил в интересах Англии определенную внешнюю политику, особенно в годы франко-прусской войны (несмотря на соперничество с Францией, Англия не поддерживала Пруссию). Однако все же реформы были в основном делом кабинета вигов.

В 1885 г., после того как Гладстон сумел провести последнюю из своих избирательных реформ, направленных на увеличение количества избирателей, на сей раз в основном за счет сельских арендаторов и части батраков, политическая и, в частности, внешнеполитическая ситуация в стране была не из лучших. В Судане англичане не добились военного успеха, столкновения с русскими в Центральной Азии также оказались неудачными. Это предопределило не только падение кабинета Гладстона, но и выход части либералов из его партии с переходом их к консерваторам. Последние годы века прошли под флагом

господства в парламенте именно этой партии. Консерваторы сделали упор на активизацию колониальной политики страны и кое в чем немало преуспели. Британская колониальная империя значительно расширилась, особенно за счет восточной части Африки.

НАЕМНЫЙ ТРУД И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Перейдем еще к одному из заметных и наиболее важных процессов, которые были характерны для Англии во второй половине XIX в. Имеется в виду положение тружеников. Давно ушло в прошлое то время, когда улицы немногих тогда еще английских городов переполнялись нищими бродягами-пауперами, лишившимися земли и вынужденными покинуть родные места из-за «огораживаний». Заплатив жестокую вынужденную обстоятельствами плату за быстрые темпы экономического роста, англичане, в том числе и потомки тех же пауперов, т.е. самые низшие социальные страты общества, теперь начали пожинать плоды всеобщего если еще и не процветания, даже не полного благополучия (что далось далеко не сразу), то, во всяком случае, очень заметных изменений к лучшему. Разумеется, не все и не сразу менялось к лучшему. Не все исчезли и пауперы. Но стоит заметить, что доля их в общем количестве населения уменьшалась, а правительство принимало меры к тому, чтобы как-то способствовать улучшению условий их существования. И пусть рабочие дома, существовавшие в Англии с XVII в., с неприглядным обликом которых многие из тех, кто читал романы английских писателей, в частности Ч. Диккенса, неплохо знакомы, не вызывают восторга, это все-таки была определенная помощь тем, кто оказался лишенным возможности существовать иначе. Люди более или менее охотно, но все же предпочитали эти дома криминальной деятельности и тюремной камере. Кроме того, в принципе существовала возможность выбраться из рабочего дома и стать на ноги в обществе, где промышленное производство постоянно росло и требовало новых и новых рабочих рук. Словом, работающих в Англии становилось все больше, тогда как доля не имевших работы постоянно уменьшалась. С английскими рабочими дело обстояло и вовсе не так уж плохо, как о том любили вслед за Марксом писать в отечественных исторических трудах.

Но главное даже вовсе не в этом. Оно в том, как и куда шло английское организованное в тред-юнионы рабочее движение. Система тред-юнионов постоянно совершенствовалась, причем каждый ее шаг в этом направлении наносил очередной болезненный удар по тем представлениям, которые пытались распространять в мировом рабо-

чем движении различные теории идеологов социального экстремизма. Стоя на позициях перманентной антибуржуазной либо антигосударственной (желательно вооруженной, на баррикадах) борьбы, экстремисты не уставали развивать свои взгляды и пытались навязать их рабочим. Однако результаты были не слишком обнадеживающими. Что касается Англии, то там эти теории вообще практически не получили сколько-нибудь заметного влияния. И произошло это именно потому, что здесь буржуазные преобразования, начавшись очень рано, привели в середине XIX в. к очень заметным успехам. А это не могло не сказаться как на интересах подавляющего большинства лиц наемного труда, так и на политике лидеров тред-юнионов, представлявших эти интересы в масштабе всего государства.

Бытовавшее в марксистской историографии мнение, будто тред-юнионы вели себя «соглашательски», т.е. послушно гнули спину при переговорах с буржуа и представителями власти, абсолютно неверно. Тред-юнионы всегда были боевыми организациями, так что многим профсоюзам, действительно привыкшим гнуть спину перед властью и только этим и занимавшимся на протяжении долгих десятилетий, можно было бы у них поучиться. Поэтому стоит ознакомиться с тем, что же такое тред-юнионизм, пришедший в Англии на смену луддитам и чартистам. Тред-юнионы — это массовые организации лиц наемного труда, создававшиеся вначале на предприятиях с целью противостоять произволу предпринимателя и охранять права трудящихся. В их функции входило содействие обездоленным, сводившееся к помощи из общей кассы в случае болезни, нетрудоспособности, смерти кого-либо. Они также способствовали эмиграции тех, кто, потеряв работу, видел выход именно в этом. Отдельные организации соединялись друг с другом в союзы, как профессиональные, так и территориальные. Профсоюзы объединяли тружеников определенной специальности и на этой основе обычно создавали более крупные федерации рабочих сходных профессий. Территориальные объединения способствовали солидарности всех лиц наемного труда в рамках крупных многотысячных предприятий, где работали представители многих разных профессий, а также определенной местности. В их функции, помимо прочего, входило оказание помощи всем членам тред-юниона, которые перемещались с места на места в поисках работы или вследствие заново открывшихся вакансий.

Первоначально, в середине века, тред-юнионы объединяли в своих рядах всего лишь около 10% тружеников страны. Но число тред-юнионов, как и количество их членов, постоянно увеличивались.

В 1868 г., когда был создан Британский конгресс тред-юнионов, их было около 120 тыс. — огромная цифра для того времени. Примечательно, что тред-юнионы были против всеобщих забастовок, которые, как правило, имели политический характер, но никогда не отказывались от стачек в тех конкретных случаях либо на тех предприятиях, когда и где пренебрегали их интересами. В то же время они обычно не упускали возможности договориться с предпринимателями и заключить с ними компромиссное соглашение. Более того, успешную и постоянную деятельность в этом направлении лидеры объединений считали своей главной задачей. Привлекать к этим переговорам государство, равно как и активно участвовать в политической жизни страны тред-юнионы не считали нужным. Представление о «классовой борьбе» и тем более о «диктатуре пролетариата» было им, естественно, чуждо.

Впрочем, это не помешало тому, что сами тред-юнионы, особенно по мере увеличения их количества (в 1913 г. их было, согласно статистическим данным, 207), объективно превращались в серьезную политическую силу. Нельзя также не учитывать, что в ходе различного рода собраний и конференций трудящиеся учились вести споры, принимать участие в выборах своих представителей, управлять порой солидными кассами взаимной помощи (иногда для этого привлекались платные специалисты) и т.п. Это вело к тому, что предприниматели все больше понимали силу коллектива объединившихся наемных тружеников и с готовностью вступали в переговоры с их представителями. А представители тред-юнионов, общаясь друг с другом, особенно после создания Британского конгресса, стали все охотнее ставить более широкие и интересные всех задачи. Это были проблемы величины рабочего дня (еще в 1858 г. строители Лондона, плотники и каменщики, потребовали девятичасового дня, чего, впрочем, добиться не сумели), минимума зарплаты, условий найма, организации труда и т.п.

В середине 1860-х гг. впервые в истории британского тред-юнионизма начали играть заметную роль требования политического характера, сводившиеся к реформе избирательной системы. Эта проблема стала стержневой для всей политической жизни страны, а одним из главных условий ее решения оказался наряду с прочими факторами решительный перелом в позиции рабочих, тред-юнионов, а также и ряда партий и общественных организаций, горячо выступивших в защиту их интересов. Среди этих организаций были и немногочисленные экстремистски настроенные группы. Сторонники марксизма во главе с Марксом, в частности, явно полагали, что Ан-

глия, эта передовая и дальше всех зашедшая по пути расцвета буржуазии страна, станет — на что можно было, по их представлениям, рассчитывать — первой из тех, где победоносный пролетариат на классовых баррикадах ликвидирует ненавистную им гегемонию буржуазии. Однако все шло совсем в ином направлении. Тред-юнионы с осторожностью относились к поддержке со стороны крайне левых. Они и без того набирали силу и увеличивали количество своих членов. При этом во многом благодаря их усилиям и умеренной тактике постепенно достигались одна за другой уступки со стороны работодателей, а уровень жизни трудящихся, пусть не слишком быстро, но неуклонно возрастал.

Стоит заметить, что эту вполне позитивную линию эволюции заметили и теоретически обосновали влиятельные мыслители страны, в числе которых были Б. Шоу, Г. Уэллс, а также С. и Б. Веббы. Они, в некотором смысле в пику экстремистам, основали знаменитое Фабианское общество. Фабий Максим Кунктатор — римский полководец, который в борьбе с Ганнибалом придерживался тактики мелких партизанского типа укусов и не стремился торопить события, за что и получил свое прозвище «Медлитель» (*Cunctator*). Взяв за основу его тактику и считая ее единственно правильной, а также будучи вполне согласными с идеями о том, что рост любого организма естественно должен быть медленным, все они считали социализм (не марксистский!) учением, которое с помощью «малых дел» сумеет со временем добиться немалых результатов. Как известно, именно фабианцы оказались мозговым центром возникшей в Англии в 1900 г. лейбористской партии, играющей ведущую роль в политической жизни страны и по сей день.

Другим партиям, претендовавшим на аналогичную роль, везло меньше. В начале 1880-х гг. в Англии возникла социал-демократическая федерация, которая способствовала активизации борьбы рабочих за восьмичасовой рабочий день, государственное страхование безработных и даже начала было критиковать тред-юнионы за их «буржуазную ориентацию». Маркс явно не мог бы остаться вовсе равнодушным к этому, если бы не умер несколькими годами раньше. Его дочь Эвелинг вошла в нее. Но в 1887 г. федерация воссоединилась с обществом фабианцев, о котором только что шла речь и которое не имело к марксизму никакого отношения. Примерно то же следует сказать и о так называемой независимой рабочей партии, публично объявившей, что марксизм не подходит к условиям Англии.

Марксисты, равно как и прочие группировки экстремистского характера, прежде всего анархисты, одним из влиятельнейших представителей которых был в Первом интернационале М. Бакунин, в Англии не имели никакого шанса на успех. Теория не оправдывалась на практике в самой передовой буржуазной стране, где общество в ходе поступательного развития достигло высокого уровня развития буржуазного производства («производительные силы») и соответствующих им, что было важно для К. Маркса, либерально-демократических социополитических стандартов («производственные отношения»). Казалось бы, не оправдавшей себя теории грозила печальная участь быть постепенно забытой, как и многим другим утопическим построениям. Однако парадокс в том, что эта теория сыграла свою страшную роль в другое время, в иных обстоятельствах, совсем не в буржуазной стране и никак не при активном участии пролетариата. Она была взращена такими же экстремистами в отсталой и отнюдь не буржуазной России, а затем и в ряде еще более отсталых стран Востока, на горе многим народам, которым она обошлась ценой десятков, если не сотен, миллионов жизней.

АНГЛИЯ КАК ОСТРОВ СВОБОДЫ

Англия в отличие от некоторых иных островных государств — подлинный, а не лживый остров свободы. Дело в том, что для активной разносторонней производственной и рыночно-торговой деятельности буржуазии, пришедшей к власти и занявшей основные позиции в стране, нужна была полная свобода действий. Ведь буржуазия как социальный слой весьма пестра и не может быть сравнима с аристократией и даже дворянством типа испанских идалго, ибо в ее состав каждодневно вливались все новые предприниматели из разных слоев населения. В результате этот социальный слой всегда был открыт для всех. Одни в него входили, другие из него выбывали. Понятно, что для свободной деятельности в сфере предпринимательства условия должны были быть равными. Собственно, это и есть основа той свободы, о которой идет речь. Однако такое условие было лишь началом.

Следовало создать такую систему, в рамках которой абсолютно все, кто желал добиться успеха, могли иметь такую возможность. И именно это было сделано. Мало того. В свободном обществе каждый имеет право свободно высказаться. И в Англии это было реализовано на практике, причем лучше, чем где бы то ни было. Для этого существовал открытый Гайд-парк, куда могли приходить все без всякой санкции от властей, в любом количестве. Лондон длительное время предоставлял

надежное убежище любому, в том числе экстремистам, чем деятели такого рода охотно пользовались. Здесь открыто могли проповедовать даже идею насильственного ниспровержения существующего строя, в том числе в Англии, и никого за это не отправляли в тюрьму либо в полицейский участок. Всех их, включая политических эмигрантов, от преследований защищал закон. На страже права любого писать и говорить что угодно стояло британское правосудие. Но если насилие становилось организованным, оно встречало противодействие полицейских. Но вы сравните их деятельность с той, с которой знакомы по другим странам¹. Примерно то же самое являет собой английский суд. Конечно, каждый, кто знаком с романом Ч. Диккенса о мистере Пиквике, может судить об искусстве крючкотворства британских судебных. Но не заблуждайтесь! Английский суд в основе честен и справедлив как, быть может, нигде более. Он строго стоит на страже закона и не подвластен никакому давлению извне.

Английский парламент тоже первый в своем роде. Возникнув ранее других, он всегда служил образцом. Соглашаясь на реформы, становился совершеннее. И никогда ни один британский монарх, подчас имевший право распустить парламент и созвать новый, не имел права указывать ведущей партии или парламентскому большинству, какие законы принимать, какую из партий допускать к выборам, кого ни в коем случае не избирать. Избиратели выбирали тех, кого хотели, в результате чего состав партий часто менялся, а от этого менялись кабинеты министров, иногда и политика. Но при этом ни один кабинет никогда не позволял себе посягнуть на основные принципы британской либеральной демократии, веками выработанные и высоко ценимые всеми права и свободы. В Англии всегда было множество разных общественных организаций, для возникновения и работы которых не требовалось чьих-либо санкций и регистрации. И когда некоторые из враждебных правительству организаций вроде сторонников ирландского гомруля получали из других стран немалые средства, никто не запрещал этого. Можно было бы еще много, долго и — что едва ли не самое любопытное — интересно рассказывать о том, что представляли собой английская демократия и ее основа, права и свободы, уже в XIX в. Но на сказанном стоит остановиться. Основное уже отмечено. И снова становится жалко того ми-

¹ Английский бобби (так там именуют полицейских) — это прежде всего помощник любого, кто как-то пострадал, чего-то не знает, плохо себя чувствует или даже, будучи в летах, не слишком быстро и ловко переходит через дорогу.

гранта, который осознанно не хотел видеть этих великих достижений и, пользуясь ими, желал их уничтожения. Завершая повествование о демократических свободах и правовых гарантиях этой страны, возвратимся к тому, что Англия — это подлинный остров свободы. И со времен античной Эллады лучшего не было.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Внешняя политика страны была продолжением ее экономики и торговой экспансии, что следует считать естественным. Средине века пришлось на наибольшую активность Великобритании в сфере внешней политики, особенно колониальной. Одной из проблем были отношения с Францией, давним недругом англичан. К воцарению Луи Наполеона заправлявший в середине века внешней политикой Англии лорд Г. Пальмерстон отнесся благосклонно, а Крымская война еще более сгладила противоречия. В те же годы Англия энергично продолжала проникновение в Китай и подавление восстания сипаев в Индии, вызвавшее в Англии бурю возмущения. Англия проводила сдержанную политику, когда разразилась гражданская война в США (импорт хлопка вынуждал демократов воздерживаться от резкого осуждения рабовладельцев-южан).

Неудача в Афганистане в 1878 г. продемонстрировала, что попытка покорить эту страну оказалась англичанам не по зубам. Некоторым успехом следует считать закрепление английских позиций в Египте в первой половине 1880-х гг. Зато на Берлинском конгрессе 1878 г. английская дипломатия добилась существенного сокращения территориальных приращений, которых Россия добилась от Турции по условиям Сан-Стефанского мирного договора. Но на этом, пожалуй, успехи Англии в войнах и дипломатии ограничиваются. Главными же английскими проблемами оставались, во-первых, ирландский вопрос, и, во-вторых, ситуация с рабочим движением в стране. К чести обеих крупных партий, вигов и тори, обе проблемы были достаточно благополучно разрешены. А решению важных для страны проблем способствовали реформы, которые были проведены усилиями партий с их выдающимися лидерами.

Глава шестая. ФРАНЦИЯ

Время правления Наполеона III — Вторая империя — было периодом существования более жесткого и менее демократического, нежели во времена республики, политического режима. Клубы закрылись,

в стране стало ощутимо давление со стороны цензуры, роль законодательной палаты снизилась, а разработка законов, предложенных императором, стала функцией Государственного совета, стоявшего над парламентом, включая и сенат. Более того, за выборами в парламент следили мэры, назначенные правительством. Словом, многие формальные завоевания революции были отброшены, что, впрочем, не означало какой-либо серьезной политической реверсии. Управление страной осталось основанным на завоеванной революцией буржуазной системе организации власти, включая и практику ее взаимоотношений с обществом.

Сильно модифицированная система, генетически восходившая к античной, означала, что структуре власти-собственности во Франции пришел конец. Никакие новые повороты в сторону от республики и соответствующая смена режима уже не могут и не собираются делать что-либо в смысле реставрации. Франция, как и задолго до нее Англия, стала государством, отражающим интересы буржуазии и стоящим на их защите. В этой связи существенно заметить, что никакого выдуманного марксизмом *бонапартизма*, будто бы проявлявшегося в некоей «надклассовости» в сочетании с «лабиринтизмом», во Второй империи не было. Наполеон III умело пользовался своим именем, чтобы привлечь к себе симпатию французского народа, но это была нормальная политика человека, сознававшего силу великого имени, которое носил, и потому без опаски в случае нужды обращавшегося к народу и проводившего плебисциты, каждый из которых неизменно одобрял взятый им курс.

В стране были заметны успехи в промышленном производстве, она ускоренными темпами ликвидировала отставание от Англии. Рабочий день, как то было на начальной стадии развития буржуазного промышленного производства в той же Англии и практически повсюду, оставался еще ненормированным и чрезмерно длительным, причем это касалось и женщин, и подростков, иногда даже детей. Но этот труд порождал не столько некий сверхнормативный доход предпринимателей (норма прибыли в условиях производительности труда того времени была невысокой), сколько довольно быстрые и все ускорявшиеся темпы улучшения жизни страны. Это было хорошо заметным, в частности, на примере строительной индустрии. Париж преобразался буквально на глазах — новые дома и улицы, бульвары и вокзалы, дворцы и церкви. Хватало средств и на войны. Первая из них, в союзе с Сардинией против Австрии в 1859 г., позволила округ-

лить владения Франции за счет Савойи и даже разместить солидный экспедиционный корпус в Риме для защиты папской резиденции. Участие в Крымской войне 1853–1856 гг. также было победоносным. Одновременно французы заметно усилили натиск на Алжир, включая и заселение его колонистами. А на рубеже 1850–1860 гг. Франция начала активно действовать и на территории Китая, который был открыт для иностранцев после того, как двери в Поднебесную империю были насильственно взломаны Англией в результате *опиумной войны*. В эти же годы она начала свой энергичный натиск на Вьетнам и Камбоджу. Все это свидетельствовало о том, что империя стала достаточно сильной, чтобы вновь обратить серьезное внимание на укрепление своих позиций в мире и хотя бы частично восстановить владение колониями, утраченными в ходе революции.

Усиление позиций страны позволило императору с течением времени ослабить жесткий внутренний режим. В 1860-х гг. были несколько расширены права нижней палаты парламента. Некоторые правительственные указы направлялись на защиту требований рабочих о повышении заработной платы. Были разрешены стачки и рабочие союзы. В общем, последнее десятилетие правления Наполеона III вошло в историографию как период «либеральной империи». Правда, в эти же годы (1861–1867) попытка Франции оккупировать Мексику завершилась полным провалом. Заметно ухудшились отношения с Пруссией и Россией. А выход в 1869 г. на передний план в парламенте депутатов-республиканцев стал свидетельством усиления в стране оппозиции. Быть может, это следует считать следствием либерализации. Демократы в стране быстро набирали силу.

Виктор Гюго из эмиграции резко нападал на бездарную, по его словам, политику Наполеона III. В стране, вновь ощутившей ветерок свободы, увеличилось количество рабочих стачек. Все это было признаком того, что империя не просто несколько ослабла. Правильнее считать, что она находилась на пороге острого кризиса. И именно в этот момент долго ожидавший подходящего случая Отто фон Бисмарк опубликовал свою знаменитую Эмскую депешу, сообщавшую о ходе переговоров германского императора Вильгельма I с французским посланником в Эмсе о гарантиях в связи с претензиями Гогенцоллернов на вакантный испанский престол. Подробнее об этом будет сказано ниже в главе о Германии. Депеша, искусно переинтерпретированная «железным канцлером», оскорбляла национальные чувства французов.

ФРАНКО-ПРУССКАЯ ВОЙНА 1870–1871 гг.

Наполеон III схватился за этот *casus belli* как утопающий за соломинку и, рассчитывая победоносной войной и взрывом патриотизма восстановить пришедшее в упадок могущество империи, 19 июля 1870 г. объявил Пруссии войну. Однако, запутавшись в необычайно сложном клубке охвативших страну противоречий, император явно недооценил ситуацию. Уповав на бывшее могущество наполеоновских войск и все еще не принимая всерьез милитаризованную Пруссию, Наполеон III не слишком долго думал и в итоге легко поддался на примитивную провокацию Бисмарка. В результате в начавшейся войне неподготовленная к ней армия империи сразу же стала терпеть одно поражение за другим. В отличие от вымуштрованных и всегда готовых к бою прусских войск она оказалась совершенно не готовой к победоносным сражениям. Время, которое ушло на почти лихорадочную мобилизацию, вооружение и обмундирование необходимого числа солдат, оказалось для Франции роковым. Взявший на себя командование император явно не блистал талантом военачальника, что и неудивительно, так как он никогда до того в войнах не участвовал. Да и вооружение немецкой армии оказалось не чета тому, что имели французы. А командовал войсками знаменитый прусский фельдмаршал Х. Т. Мольтке (Мольтке-старший). Словом, кампания была проиграна еще до ее начала.

Пруссия быстрыми шагами шла от успеха к успеху. В начале августа были оккупированы Эльзас и Лотарингия, что вызвало бурные волнения в Париже, где усиливались требования ликвидации империи и восстановления республики, а также вооружения народа. Разгром французской армии при Седане и капитуляция императора 2 сентября поставили точку на Второй империи. Немцы двинулись на Париж. Тем временем там 4 сентября с легкостью был совершен правительственный переворот. Была провозглашена республика, а главой правительства стал военный губернатор генерал Л. Трошю. Оказавшись в почти безвыходном положении, республиканское правительство стало стремиться к миру, и в поисках содействия этому Тьер отправился в Лондон, Петербург и Вену. Тем временем в Париже спешно готовились выборы в Национальное собрание, ибо Пруссия отказывалась вести переговоры с нелегитимным правительством.

16 сентября прусская армия подошла к Парижу и осадила его. В городе было около 100 тыс. вооруженных солдат и примерно 200 тыс. национальных гвардейцев (т.е. ополчения), еще не вооруженных и тем

более не обученных. Министр внутренних дел адвокат Л. Гамбетта (1838–1882) сумел даже вылететь из столицы на воздушном шаре в Тур, где намеревался наспех сколотить боеспособную армию. Не слишком многочисленные прусские войска (основные силы остались близ границы у Меца) не стремились к боевым схваткам. Им было достаточно крепко сжимать кольцо вокруг города. Короче, время у французского правительства было. Следовало лишь уметь его использовать. Но как раз с этим дело обстояло неважно. Осада длилась свыше четырех месяцев. Продовольствия не хватало. Вооруженные национальные гвардейцы и солдаты пытались совершать вылазки и прорвать осаду, но успеха не добились. Тем временем в столице зрело недовольство. Население с октября требовало создания коммуны, т.е. некоего органа народной власти, параллельного правительству. А события тем временем развивались. После сдачи 27 октября Меца основная часть прусской армии двинулась к Парижу. Переговоры Тьера об условиях перемирия обещали успех, о чем было официально сообщено 30 октября. Но 31 октября вспыхнуло восстание недовольных, впрочем, сразу же подавленное. После этого наступили месяцы тяжелой жизни, изредка отмечавшиеся неудачными вылазками национальных гвардейцев. Но в конце января 1871 г. началось новое восстание, вскоре опять подавленное. Ситуация складывалась для империи самым трагическим образом, и 28 января правительство решилось на капитуляцию.

Капитуляция была принята без чрезмерно жестких условий. Не слишком большая пока еще контрибуция, разоружение гарнизона и проведение наконец выборов в Национальное собрание. 8 февраля 1871 г. новое Национальное собрание Франции из 630 депутатов было избрано и временно разместилось в Бордо. Оно сразу же высказалось за сохранение республики и готовность к заключению мира. 17 февраля главой нового правительства стал Тьер. Подготовленный им мирный договор был подписан в Версале 26 февраля и утвержден Национальным собранием 1 марта (Пруссия утвердила его 10 мая во Франкфурте). По условиям договора Франция обязана была выплатить контрибуцию в 5 млрд франков и отдать Пруссии Эльзас и Восточную Лотарингию.

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

После заключения мира Национальное собрание перебралось из Бордо, где оно заседало до того, не в Париж, а в Версаль. Это не было неожиданностью. Бурлящий и недовольный мирным договором него-

дующий Париж явно не был таким местом, где собрание могло бы спокойно работать. В то же время Версаль находился рядом с Парижем. Тем временем в самом Париже все сильнее зрело недовольство мирным договором. Это состояние непонятного брожения пугало более или менее состоятельных людей, ибо угрожало взрывом. Не желая рисковать, большая часть их покидала столицу, а в городе оставался в основном бедный люд, причем многие из них — национальные гвардейцы — были вооружены. Скудные выплаты жителям, оставшимся без работы, раздражили народ еще больше. Попытка находившегося все еще в Париже правительства Тьера в ночь на 18 марта разоружить гвардию к успеху не привела. Более того, она спровоцировала давно ожидавшийся взрыв.

Сразу же после этого, утром 18 марта, гвардейцы подняли мятеж, заняли ратушу и объявили о создании Парижской коммуны. Правительство с его войсками в ответ покинуло Париж и отправилось в Версаль. ЦК гвардии, в чьих руках оказалась власть, объявил себя временным правительством Парижской коммуны и провел выборы руководящего органа. 26 марта было избрано 86 членов коммуны, из которых 23 оказались прудонистами, 18 бланкистами, 19 неоякобинцами. И хотя многие из членов коммуны входили в состав созданного незадолго до того К. Марксом Первого интернационала, они не были марксистами. Скорее, напротив, большинство их принадлежало к тем группировкам, которые в международной организации были в числе оппонентов Маркса, хотя и кое-что из марксизма заимствовали.

Коммуна обратилась ко всей Франции с призывом следовать ее примеру, но население вне Парижа отнеслось к этому призыву достаточно равнодушно. Создатели коммуны объявили о роспуске регулярной армии и замене ее вооруженным народом, об установлении максимума жалованья и об отделении церкви от государства. Отказавшись от принципа разделения властей, они создали 10 комиссий, выполнявших правительственные функции. Все комиссии выпускали много различных постановлений, регулировавших образ жизни парижан, начиная с объявления о работе на бездействующих предприятиях с пересмотром договоров на них и кончая выдачей пособий женщинам, не зарегистрировавшим свой брак. Не очень ясно, выполнялись ли, тем более полно и неукоснительно, распоряжения комиссий. Дело в том, что сразу же после создания руководства коммуны среди членов ее, как того и следовало ожидать, начались острые споры об отношении к частной собственности и проблеме тактики в связи с противостоянием вооруженным силам правительства Тьера.

Попытка гвардейцев 4 апреля совершить поход на Версаль была плохо подготовлена, что и неудивительно, ибо кадровых военных среди их руководства было немного, да и те действовали неудачно. Стремление запугать версальцев убийством заложников (троих за каждого убитого коммунара) не помогло, но лишь ускорило финал. 21 мая, собрав войска, Тьер выступил против коммунаров и через несколько дней овладел Парижем. Участники восстания были строго наказаны. Одних за убийство мирных заложников из числа не успевших покинуть столицу состоятельных людей расстреляли, других после военного суда выслали в далекую от Парижа Новую Каледонию.

Парижская коммуна была заведомо обреченной попыткой сторонников экстремистски настроенных политических деятелей осуществить в благоприятно сложившихся для них обстоятельствах то, к чему когда-то призывали их вожди. Марксисты, начиная с самого Маркса, высоко оценили эту попытку, сочтя ее чем-то вроде реально проявившей себя «классовой борьбы» рабочих и даже «диктатуры пролетариата». Были впоследствии сделаны упреки в адрес коммунаров за то, что они **слишком поздно начали расстреливать мирных жителей и мало в этом деле преуспели**. Однако дело все же вовсе не в том. Ситуация была другой.

В Париже доведенные до отчаяния голодные и лишившиеся заработка люди подняли мятеж, когда их попытались разоружить. Руководители мятежа создали организацию, ставившую целью преобразовать общество на утопических принципах, разработанных идеологами экстремизма, решительно расходившимися друг с другом. С самого начала следовало ожидать, что ничего путного из этой явно обреченной на неудачу политики не получится. Можно задним числом обсуждать ошибки коммунаров и осуждать за них их руководителей, как то привыкли делать вслед за К. Марксом отечественные исследователи. Но едва ли можно было ожидать, что, не сделав этих ошибок, коммунары добились бы иного результата. Мятеж был обречен потому, что война во Франции закончилась и вся остальная страна жаждала мира и спокойствия, а вовсе не нового восстания. Помощи Парижу ждать было неоткуда. А призывы к реализации то тех, то других мало продуманных, а то и вовсе нереально-утопических новаций вроде отказа от регулярной армии в пользу вооруженного народа могли породить в условиях резких расхождений между руководителями лишь сумятицу и разброд. Ведь далеко не случайно ни одна из вылазок гвардейцев за пределы Парижа к успеху не привела. И еще. Руководители восстания

сами не знали, чего же они хотят и на что надеются. Они оказались в осаде и, раз помощи ждать было неоткуда (это все, похоже, сознавали), а выбраться невозможно, то оставался единственный реальный выход — капитуляция. Раньше или позже. Вряд ли они этого не понимали. Все, что они могли делать в создавшемся положении, — это тянуть время, надеясь на чудо. Но чудеса случаются редко.

ТРЕТЬЯ РЕСПУБЛИКА

Национальное собрание страны после подавления восстания все-рьез обсудило положение дел и провело ряд существенных реформ, сводившихся в основном к ослаблению централизации власти и предоставлению необходимых полномочий земским собраниям в департаментах и отныне избиравшимся местным населением мэрам. Тьер, избранный президентом республики, сумел за два года выплатить контрибуцию и создать во Франции регулярную армию на основе всеобщей воинской повинности по прусскому стандарту. Следует обратить внимание на то, что при этом он стремился к сохранению буржуазной Третьей республики, хотя и настаивал на умеренно-консервативном ее характере, включая и строгий контроль за сторонниками Интернационала, которых не без оснований считали главными идеологами восставших коммунаров. Однако вместе с тем Тьер решительно отражал атаки со стороны монархистов различного толка (легитимистов, орлеанистов и бонапартистов).

В 1873 г. была сделана попытка вернуть на французский трон графа де Шамбора, внука Карла X. Но граф с его явным стремлением осудить великую революцию оказался непригодным кандидатом, затея с треском провалилась. Впрочем, этот казус не помешал Национальному собранию снять Тьера с должности президента и избрать вместо него маршала М. Мак-Магона, в свое время, в 1870-м, сдавшего пруссакам Седан. Свою роль в этом решении сыграло, видимо, то, что маршал — в отличие от Тьера — был готов идти навстречу монархистам. Созданное им правительство очищало систему администрации от республиканцев и вводило более строгий надзор за средствами массовой информации, от газет до театров. Церковь и иезуиты вновь получили широкую возможность вмешиваться в светскую жизнь страны и, в частности, в школьное образование. Однако эти меры маршала вызвали в стране резкое противодействие. Активность республиканцев и сочувствие к ним увеличились, что проявилось на дополнительных выборах. Подготовленная тем временем новая конституция благодаря

переменам в составе Национального собрания была в 1875 г. принята большинством, правда, всего в один голос. Но этот голос решил судьбу Франции, во всяком случае в тот момент.

Согласно новой конституции, просуществовавшей несколько десятилетий, править страной должен президент, избираемый на семь лет и назначающий кабинет министров. Четверть сената состояла из пожизненных сенаторов, избираемых сперва всем парламентом, а затем, по мере естественной убыли, сенатом. Остальные сенаторы избирались на девять лет на местах коллегиями департаментских депутатов и представителей общин. Нижняя палата избиралась на основе всеобщего голосования. Обе палаты считались равноправными в том смысле, что каждый законопроект должен в обеих собрать большинство голосов. Бюджет сначала рассматривался палатой депутатов, зато сенат по предложению президента имел право распустить эту палату. Парламент должен заседать не более пяти месяцев в году, а в остальное время страной управляет президент. Избрание президента и изменение конституции — привилегия парламента в целом.

Стоит заметить, что конституция была составлена удачно и вообще являла собой почти образец буржуазно-демократического документа высочайшей значимости. Она во многом определила состояние дел во Франции в последующие десятилетия. Третья республика обрела крылья и взлетела достаточно высоко. На парламентских выборах 1876 г. монархисты потерпели поражение. Но Мак-Магон, остававшийся президентом, пытался дать стране обратный ход. В 1877 г. он уволил в отставку кабинет министров из республиканцев и составил новый. Палата депутатов большинством в 363 голоса отвергла новых министров. Мак-Магон с согласия сената распустил палату. Однако на новых выборах 1878 г., несмотря на отчаянный натиск консерваторов и монархистов всех мастей, не говоря уже о клерикалах, республиканцы во главе с Гамбеттой одержали победу. Мак-Магон вынужден был создать новый кабинет из республиканцев и в 1879 г. досрочно ушел в отставку. Новым президентом стал республиканец Ж. Гриви, вслед за чем последовал ряд важных реформ.

Прежде всего республиканцы перевели парламент из Версаля в Париж. Были амнистированы осужденные и высланные коммунары, а 14 июля, день падения Бастилии, вновь стало днем официального и главного национального праздника. Была провозглашена свобода печати. Министерства озаботились составлением плана увеличения объема общественных работ и строительства дорог и прочих важных сооруже-

ний в системе жизненно необходимой буржуазной инфраструктуры. В 1880 г. были удалены из страны иезуиты, закрыты их школы и монастыри. Вся система школьного и университетского образования была очищена от влияния церкви. В 1881–1882 гг. начальное школьное образование стало бесплатным, светским и обязательным. В каждой общине должна была быть школа, существовавшая за счет местных либо государственных средств, причем преподавание в ней закона Божьего было необязательным. В 1884 г. были легализованы профсоюзы.

Следует заметить, что давно уже во Франции не было столь большого количества демократических реформ, часть которых — речь прежде всего о проблемах народного образования — имела фундаментальный характер. Но реформы, в том числе социальные и политические, начиная с амнистии коммунаров, сильно повлияли на настроение умов в Париже. Там снова стали бурным цветом расцветать различного рода анархо-экстремистские теории. Идеи «равенства имуществ» будоражили общество, а призывы Гамбетты к сотрудничеству труда и капитала и к терпеливому ожиданию постепенного улучшения в жизни рабочего люда не находили должного отклика.

Когда в 1876 г. в Париже был созван первый национальный рабочий конгресс, на котором снова явно преобладали прудониисты с их недоверием к вмешательству государства, напряженность стала возрастать. Когда в результате амнистии в 1879 г. в городе появился Бланки с его теорией революционных заговоров и диктатуры революционного Парижа над Францией, тучи над умеренными республиканцами начали еще более сгущаться. Этому помогали и последователи Маркса Ж. Гед и П. Лафарг, в 1877 г. основавшие газету марксистского направления («Эгалите»). В 1880 г. они же создали Рабочую партию, в составлении программы которой принял участие Маркс. Все экстремистски настроенные группировки и партии продолжали вести друг с другом нескончаемый спор, а возникновение оппортунистических отклонений в Рабочей партии к стабильности не вело.

Расцвет экстремизма сыграл роковую роль в политической карьере Гамбетты. Оппортунизм как термин, стоит заметить, возник именно в связи с появлением во Франции POSSIBILISTОВ, т.е. сторонников постепенного развития по мере возможности, с учетом удобного случая. Оппортунистом стали считать в палате Гамбетту, которому перестали полностью доверять отколовшиеся от республиканской партии депутаты из числа радикалов. Потеряв одну из основных опор, на которой держался его республиканизм, он попытался было исправить

положение, став во главе кабинета. Но за короткий срок пребывания в этой должности (ноябрь 1881 — январь 1882 г.) Гамбетта убедился в том, что лишился былой популярности. Его попытка ввести в избирательную практику страны избрание депутатов по партийным спискам вызвала резкую критику как справа, так и слева. Он был вынужден уйти в отставку и вскоре, в том же 1882 г., умер. Закон 1884 г. о легализации профсоюзов провел уже при его преемнике Ж. Ферри один из близких к Гамбетте его сторонников — П. Вальдек-Руссо. Закон был весьма удобен для синдикатов. Он разрешал рабочим — как то было с тред-юнионами в Англии — объединяться по профессиям, иметь различного рода пенсионные кассы, кредитные учреждения и прочие службы, призванные помогать найти работу и повышать свой уровень знаний и жизни. Этот закон способствовал возникновению новых возможностей для борьбы трудящихся за свои права.

ФРАНЦИЯ В КОНЦЕ ВЕКА

Последние десятилетия XIX столетия прошли во Франции в условиях некоторого подъема рабочего движения, в свою очередь сыгравшего определенную роль в возбуждении в стране национально-патриотических настроений. Этим воспользовались противостоявшие республиканцам другие партии в палате депутатов. Лидером националистов стал военный министр генерал Ж. Буланже, склонный произносить патриотические речи и угрожающе передвигавший войска к германской границе. Сторонников реванша во Франции оказалось не так уж мало, поэтому главам кабинетов после Ферри пришлось затратить немало усилий для улаживания вызванных Буланже дипломатических осложнений.

Новый президент Карно в 1888 г. не включил этого воинственного генерала в состав кабинета, что вызвало в стране бурную реакцию. Вокруг опального генерала быстро сложилась немалая партия его сторонников, а орлеанистский претендент на корону граф Парижский стал щедро снабжать его деньгами. На выборах по спискам (закон Гамбетты был проведен в палате после его смерти) Буланже стал депутатом сразу от нескольких департаментов, включая Париж. Перепуганный парламент немедленно отменил закон о выборах по спискам, распустил сложившуюся вокруг генерала «Лигу патриотов», а самого генерала решил привлечь к судебной ответственности по обвинению в государственной измене. Генерал в апреле 1889 г. бежал в Бельгию, где вскоре покончил с собой.

Падение генерала, явно готовившегося к тому, чтобы возглавить страну, было последним знаком, свидетельствовавшим о том, что с монархическими идеями в революционной буржуазной республике, какой давно уже стала Франция, окончательно покончено. Видимо, это хорошо поняли и те, кто сделал последнюю ставку на Буланже. И хотя после этого Франция далеко еще не превратилась в оазис стабильности и спокойствия, немалый шаг в этом направлении был сделан. Однако французы с облегчением вздохнули не надолго. В те дни, когда мятежный генерал бежал из Франции, страна оказалась перед лицом одного из финансовых скандалов, которыми были отмечены последние два века.

Речь идет о Панаме. Панамский перешеек чуть ли не с XVI столетия был в центре внимания тех колонизаторов, которые укрепились в Новом Свете и были очень заинтересованы в том, чтобы кораблям не приходилось огибать с юга всю Америку, дабы попасть на ее западное побережье. В районе Панамы расстояние между восточным и западным побережьями было минимальным, так что в принципе, несмотря на все сложности с ландшафтом, оно было преодолимо. Однако вплоть до середины XIX в. никто всерьез за это не брался, ибо расходы на строительство предполагались все же очень большими. Первыми за это взялись было в 1846–1850 гг. США, однако противоречия между участниками соглашения приостановили начало работ. И здесь в дело вмешались французы.

Знаменитый строитель Ф. Лессепс, сумевший в 1859–1869 гг. построить по своему проекту Суэцкий канал, в 1879 г. решил на правах специалиста включиться в строительство Панамского канала. С 1879 по 1889 г. он возглавлял учрежденную Францией «Всеобщую компанию по строительству межокеанского канала». Но в 1888 г. выяснилось, что выполнена лишь третья часть работ, а истрачено вдвое больше денег, чем предполагалось. Компания обанкротилась. Если принять во внимание, что число акционеров из разных стран достигало 800 тыс., нетрудно понять, что очень быстро скандал обрел международный характер и принес французскому правительству немало неприятностей. В ходе разбирательства в 1892 г. выяснилось, что сложности строительства вынудили руководство компании встать на путь подкупа различных влиятельных лиц в парламенте, правительстве и в прессе Франции. Словом, панамский скандал (термин «панамы» с тех пор надолго стал символом некоей крупной аферы) сильно ослабил позиции правящих кругов Франции и сказался на положении дел в стране.

В то же время в продолжавшемся и в общем достаточно успешном процессе расширения колониальной империи Франции преобладали успехи. Особенно заметными они были в Африке, как на севере, так и в районе суданского пояса и на Мадагаскаре, а также в Китае, и в Юго-Восточной Азии, где было создано Индокитайское генерал-губернаторство. Захваты привели к формированию специального министерства колоний (1894). Помимо этого министерства проблемы Алжира решались в ведомстве внутренних дел, а Туниса и Марокко — в министерстве иностранных дел. Успешная политика аннексий в мире колоний в заключительной части столетия вела к некоторому осложнению взаимоотношений Франции с Англией. Но гораздо большие проблемы в англо-германском соперничестве и неудачи в ряде попыток Англии их урегулировать привели эту страну к постепенному сближению с Францией. А напряженные отношения с Германией, в свою очередь побуждали Францию наладить хороший контакт с Россией. Двигались в направлении сближения друг с другом также и до того постоянно сталкивавшиеся между собой в Центральной и Средней Азии Англия и Россия. Эти принципиально новые политико-дипломатические векторы вели к франко-русскому союзу 1891 и 1893 гг., а затем — уже в начале XX столетия — к англо-французскому соглашению и к Антанте.

И, наконец, дело Дрейфуса. Постоянная напряженность в отношениях с Германией сопровождалась усилением шпионажа и, как только возникали подозрения в утрате важных документов, вела к поиску виновных. Конец века был ознаменован потерей секретных документов. Виновным был назван офицер генштаба капитан А. Дрейфус, которого военный суд без долгих разбирательств в 1894 г. приговорил к пожизненной каторге. Однако дело оказалось слишком громким, и общественное мнение потребовало доказательств. Были обнаружены сведения, ставившие решение суда под сомнение. В частности, выяснилось, что решение о виновности именно А. Дрейфуса шло из высших кругов военного ведомства, а главным основанием для него было то, что А. Дрейфус оказался евреем.

Дело оказалось долгим и вскрыло неприглядную картину в высших военно-политических кругах Франции. Разгул антисемитизма был связан со стремлением сторонников проигравшего Буланже взять националистическо-патриотический реванш, обвинив в измене офицера нефранцузского происхождения. Общественное мнение потребовало пересмотра дела. Но военные твердо стояли на своем, а полковник

Пикар, доказавший невиновность А. Дрейфуса, был разжалован и предан суду за разглашение военной тайны. Сменилось несколько военных министров, ни один из которых не сумел преодолеть сопротивление генштаба. Попытка осудить за преступление его истинного виновника, офицера Эстергази, в начале 1898 г., несмотря на вполне убедительные доказательства виновности, провалилась. В ответ страна возмутилась, а блестящим выражением этого всенародного возмущения стал в январе 1898 г. знаменитый памфлет писателя Э. Золя «Я обвиняю!», в котором разоблачались ухищрения буланжистов и обвинялась вся правящая элита страны вплоть до президента страны Ф. Фора.

Дело принимало более чем серьезный оборот. А. Дрейфус был использован как предлог, повод для разжигания антидемократических страстей, едва не приведших страну в феврале 1899 г. к военному перевороту. И только провал этой попытки, приход к власти нового президента Э. Лубэ и правительства Вальдека-Руссо в июне 1899 г. привели к тому, что Дрейфус вновь предстал перед военным судом. Правда, он снова был осужден. Тогда глава кабинета сам закрыл дело Дрейфуса внесудебным образом. В сентябре 1899 г. президент официально помиловал А. Дрейфуса а в декабре 1900 г. палата депутатов приняла специальный закон о прекращении борьбы вокруг этого дела и об амнистии всех, кто был в него так либо иначе вовлечен. Но только в 1906 г. дело было окончательно кассировано, а Дрейфус (как и полковник Пикар) восстановлен в своем военном статусе.

Очень важно обратить внимание на конечный итог дела. Оказавшись не в состоянии формально преодолеть упорное сопротивление генштаба и военного суда, сменившаяся власть вынуждена была избрать путь наименьшего сопротивления. Процедура была соблюдена, а вину всех тех, кто создавал дело Дрейфуса, доказать было невозможно, как невозможно было по этой причине поставить под прямое и абсолютно доказательное сомнение пристрастность и преступность судей. Эти факты говорят о многом. Прежде всего о том, сколь больших успехов достигла к концу XIX в. демократическая процедура во Франции (а она в любом обществе является основой гражданского правопорядка и гарантией от произвола). И в то же время о том, что любые изошренные формы издевательства над человеком с помощью формальной процедуры не приносят в нормально организованном обществе желанного результата. Не приносят потому, что обретают гласность и становятся делом государственной важности и широкого общественного внимания. Дело Дрейфуса показало, что, не-

смотря на масштабные скандалы, хорошо организованное буржуазно-демократическое общество остается достаточно сильным, чтобы постоять за себя.

ПРОБЛЕМЫ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

Скандалы и прочие политические и иные неприятности стали неплохой базовой основой для реабилитации и даже укрепления позиций в стране левых, в том числе бывших, возвратившихся из ссылки коммунаров, их многочисленных сторонников и духовных вождей, которые не преминули использовать разоблачения в своих политических интересах. На парламентских выборах 1893 и особенно 1898 гг. успех левых был особенно заметным. Однако с другой и много более важной стороны все те же разоблачения и успехи в преодолении злоупотреблений сказывались на радикальной перемене всего облика французского рабочего движения. И это был весьма отрадный факт. Экстремизм парижских коммунаров был последним серьезным всплеском революционности, столь характерной для этой страны с 1789 г. После этого, да еще с учетом амнистии, все пошло иным, вполне цивилизованным путем.

Этот путь был обеспечен конституцией Третьей республики и ее тщательно соблюдавшимися демократическими процедурами, которые исключали произвол власти, активно способствовали развитию буржуазного производства, а вместе с ним не только буржуазии, как крупной, так и мелкой, но и всех лиц наемного труда. Это обстоятельство открывало широкий простор для расцвета рабочего движения в стране. Смысл успехов движения отнюдь не сводился только к увеличению представительства левых в парламенте. Он был гораздо более глубоким и символизировал перелом в рабочем движении в целом. Сущность его сводилась к дерадикализации движения, причины которого были просты и понятны. По мере развития промышленного производства и производительности труда условия жизни рабочих и всех лиц наемного труда заметно улучшались. Вот именно с этой стороны и заявляло о себе все более настойчиво состояние рабочего движения во Франции в конце XIX столетия.

Начнем с того, что в марксистской Рабочей партии, созданной в 1880 г., уже в 1882 г. произошел раскол. Оппортунисты-поссибилисты, уловив ход событий, отказались от марксистских установок на «классовую борьбу» и тем более «диктатуру пролетариата» и стали в соответствии с очевидными переменами способствовать реформам и компромиссам с буржуазией и выражавшей прежде всего ее интересы

(хотя и их тоже) властью. Этот раскол был естественным и как две капли воды сходным с аналогичным процессом, протекавшим в те же годы и по той же причине в Англии или в Германии. Важно добавить к сказанному и откровенное нежелание лидеров легализованного в 1884 г. профсоюзного движения заниматься политикой. Они стремились сосредоточить свои усилия на поиске договоренности с буржуа с целью достижения наивыгоднейших для лиц наемного труда условий работы. Это, естественно, также ставило под серьезный удар все устремления экстремистов.

Наряду с Рабочей партией Ж. Гада с начала 1880-х гг. во Франции после смерти Бланки возникла заметная партия бланкистов (Центральный революционный комитет), преобразовавшаяся в 1898 г. в Революционно-социалистическую партию. Однако, поскольку социализм бланкистов не мог быть совмещен с марксистским, взаимоотношения этой партии со сторонниками Гада практически нельзя было наладить. Характерно, что после возникновения в 1905 г. во Франции Объединенной социалистической партии бланкисты, по выражению автора одной статьи о них («Советская историческая энциклопедия», т. 2, М., 1962, с. 483), «фактически растворились в реформистском большинстве этой партии». Это значит, что экстремистские учения в среде рабочих и социалистов трансформировались либо отходили на задний план, для чего, как упоминалось, было немало серьезных оснований.

В середине 1880-х гг. в осуждение социалистического экстремизма внесли свой вклад анархисты. Продолжая резко выступать против государства как формы существования организованного общества, они не желали сотрудничать с любыми социалистическими партиями, видя в их доктринах лишь измененную форму того же государства (деспотизм, чиновничество, принуждение). Похоже на то, что анархисты, немалое время потратившие на сотрудничество и борьбу с марксистами в рамках Интернационала и вне его, хорошо понимали истинный смысл идей марксизма. Выступая за отказ от насилия и от государства, они понимали, что на деле означает вроде бы приятный для неимущих термин «диктатура пролетариата» (для марксизма пролетарий тот, у кого нет ничего, кроме цепей).

Действуя в условиях амнистии и широких демократических свобод Третьей республики, анархисты не хотели считаться с общепринятыми нормами общежития. Вполне вероятно, что это обстоятельство привлекало в их ряды немалое количество лиц, не вполне отдающих себе отчет в том, что и для чего они намерены делать, а возможно,

и откровенных провокаторов и убийц из числа тех, что в наши дни именуются террористами. Во всяком случае известно, что французское общество было весьма обеспокоено деятельностью анархистов, когда произошло несколько покушений и убийств, в палату депутатов была брошена бомба, а затем, в 1894 г., был убит президент Карно. В итоге парламент принял несколько постановлений, ставивших под контроль печатные органы, проповедовавшие идеи анархизма, а социалисты различных направлений стали исключать из своих рядов тех, кто был склонен поддерживать анархизм. Это сыграло свою роль в уменьшении влияния анархизма, хотя и не искоренило саму идею и не слишком напугало ее сторонников.

Влияние социалистов продолжало расти, хотя в условиях постоянных распрей и расколов это мало что прибавляло к их значимости. В 1889 г. в Париже в ознаменование столетия революции была устроена всемирная выставка. Съехалось много делегатов от разных рабочих партий. Состоялось два параллельных конгресса: POSSИБИЛИСТОВ и синдикалистов с одной стороны, и марксистов и социал-демократов — с другой. И хотя оба решили выйти 1 мая 1890 г. с требованием восьмичасового рабочего дня, это решение было единственным, что их объединяло. Разные течения социалистического движения, за единство которого Маркс в свое время так энергично боролся в период существования Первого интернационала, решительно разошлись. Во Франции это с особой силой проявилось в конце XIX столетия в связи с так называемым казусом Мильерана.

Все началось с того, что на выборах 1893 г. всем социалистам удалось договориться и, выставив единых кандидатов, добиться довольно большого представительства в парламенте. Во главе фракции левых из их числа были впоследствии широко известный Ж. Жорес и А. Мильеран, один из немногих рабочих в европейских парламентах (он по профессии был механиком). Само по себе это мало что изменило в парламенте и в обществе в целом, особенно если учесть никак не прекращавшиеся и в парламенте распри между различными течениями в среде все тех же социалистов. Но ситуация особенно накалилась, когда демократически ориентированный премьер Вальдек-Руссо в 1899 г. предложил Мильерану войти в правительство в качестве одного из министров, на что тот согласился. Это был первый в истории случай включения одного из лидеров социалистической фракции парламента в состав кабинета. И неудивительно, что такой казус оказался в центре внимания не только Франции, но всего западного общества. Это был

действительно серьезный казус, из которого было нелегко выпутаться. Все сводилось к тому, следует ли считать нормальным вхождение представителей социалистических и рабочих партий в буржуазное правительство, т.е. открыто идти на сотрудничество с буржуа с целью вытребовать от них максимум возможных уступок, или этот печальный для экстремистски настроенных социалистов факт есть лишь предательство дела пролетариата. Неудивительно, что в условиях и без того далеко зашедшего раскола в международном рабочем движении казус оказался своего рода лакмусовой бумажкой. Отношение к решению Мильерана послужило твердой основой для дальнейшего раскола. Более того, оно стало причиной углубления этого раскола и сближения между собой прежде сильно расходившихся по другим вопросам экстремистов.

Во Франции Рабочая партия Ж. Гедда и П. Лафарга раньше других твердо осудила Мильерана и решительно пошла на сотрудничество с теми, кто поступил так же. Среди них были как бланкисты, так и некоторые иные левосоциалистические группировки. Все эти организации спустя некоторое время, в 1901 г., объединились в Революционный социалистический союз, который спустя еще два года стал возглавленной Ж. Геддом Социалистической партией Франции. Впрочем, просуществовала эта партия недолго, как и противостоявшая ей Французская социалистическая партия во главе с Ж. Жоресом, которая поддержала Мильерана. Обе они в 1905 г. по решению Амстердамского конгресса Второго интернационала соединились в рамках Объединенной социалистической партии Франции во главе с Ж. Жоресом, который на протяжении десятилетия был ее фактическим лидером (формально партию возглавлял в должности генерального секретаря бланкист Дюбрейль).

Стоит заметить, что, по определению некоторых отечественных специалистов, в «практической деятельности» этой партии «все больше брали верх оппортунистические тенденции». Это и неудивительно, если принять во внимание, что фактически возглавлял объединенную партию французских социалистов Ж. Жорес, некогда одним из первых поддержавший Мильерана. Вообще же Ж. Жорес как политическая фигура был гораздо большей силой и обрел много более значимую поддержку населения страны, чем кто-либо еще во французском рабочем движении. В то же время он был одним из немногих, кто хорошо знал марксизм и потому вполне осознанно, принципиально не принимал основных его позиций.

ФРАНЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

Завершая повествование о важнейших событиях во Франции в XIX столетии, важно еще раз напомнить, что именно эта крупнейшая страна Западной Европы показала всему миру, как сражаться за настоящую свободу. Именно здесь в ходе революции (правда, и жестокого террора) буржуазия, пришедшая к власти, оказалась в конечном счете способной защищать права и свободы человека. Революционная Франция вначале была не слишком избалована этой самой свободой, подавляющее большинство населения которой ее не знало. Но зато после революции и наполеоновских войн французский вариант демократии и свободы, правовых и политических норм и вообще управления страной стал образцом для большинства стран Европы. Франция не просто совершила на Западе тот великий революционный прорыв, который небольшие страны континентальной Европы сами сделать не могли. Она велика не только тем, что показала всем, за что боролась в кровавые годы революции, но и тем, что после этого последовательными парижскими революционными волнами поднимала в странах Европейского континента угасавшее понемногу стремление к завершению радикальных преобразований. И это не стоит забывать.

Первой волной, способствовавшей преобразованиям с помощью силы, были войны Наполеона. Недооценить их значимость невозможно. Если не считать отставшей в развитии России, эта волна революционных новаций сыграла гигантскую роль в изменении всей Европы. И никакие Венские конгрессы и Священные союзы не смогли повернуть ход истории вспять. **Вторая парижская волна**, прокатившаяся по всей континентальной Европе в начале 1830-х гг., многое сделала не только для оживления угасшего было революционного духа европейцев. Главным ее успехом была ликвидация того немногого, чего сумела добиться европейская реакция. Европа вновь почувствовала, что она достаточно прочно стоит на буржуазных ногах. И наконец, **третья и очень мощная революционная волна из Парижа** конца 1840-х гг. сумела довести дело до логического конца. Она настолько сильно взбудоражила европейские страны, что немалое количество специалистов сбилось со счета, считая, сколько же революций и в каких странах произошло в это время. На деле никаких новых революций в Европе не было. Были кое-где вооруженные выступления, баррикады и схватки с властями, порой даже затянувшиеся надолго народные движения, основной целью которых являлось достижение независимости. Но в революциях не было нужды. Европа начинала становиться буржу-

азной, ориентируясь при этом не только на Францию, но и на Англию, а также учитывая собственные реальные возможности. Буржуазная социополитическая революция как крутой поворот, добившийся господства либеральной демократии антично-буржуазного типа, случилась лишь однажды и именно во Франции, чего благодарное человечество никогда не должно забывать.

Глава седьмая. ОБЪЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ

Великая империя австрийских Габсбургов, которые давно уже не имели реальной власти в большей части своих формальных владений, прежде всего в северных государствах конфедерации, после наполеоновских войн явно дышала на ладан. Войны не только убедительно продемонстрировали слабость австрийского императорского двора. Они открыли дорогу для последующих волн революционных буржуазных преобразований, шедших из Парижа. И все это, вместе взятое, свидетельствовало, что хилой германской конфедерации приходит конец. Это, похоже, сознавали и в Вене. Но лучше всего это было видно на севере, где быстрыми темпами усиливалась Пруссия, совершенствовавшаяся в результате активно проводившихся в ней реформ.

Успехи Пруссии после этих эффективных реформ, как связанных с влиянием революции, так и не имевших к нему прямого отношения, оказались в середине XIX столетия достаточно заметными. Правда, успехи не были однозначными. С одной стороны, выход буржуазии на передний план способствовал резкому ускорению промышленного развития страны, к чему вели и реформы, направленные на ликвидацию феодальных привилегий. С другой — те же реформы были из-за сопротивления юнкерства половинчатыми и, в частности, предполагали тяжелый выкуп со стороны крестьян, не говоря уже о весьма своеобразном функционировании ландтага. Избирательная система в Пруссии была устроена так, что верхняя палата состояла из назначенных королем придворных, а в нижней задавало тон юнкерство. Но с приходом к власти в 1861 г. короля Вильгельма I, который симпатизировал либеральной буржуазии и объявил себя сторонником конституции, ситуация начала изменяться.

В 1859 г. был создан влиятельный Национальный союз, в который вошли представители либеральной буржуазии из разных государств Германии, ставивших своей главной целью объединение страны и другие задачи, в том числе борьбу за улучшение экономического положения лиц наемного труда. В 1861 г. возникла Прогрессивная партия,

выступавшая с рядом буржуазно-демократических требований, включая парламентскую реформу, свободы и права человека (в эту партию вошел знаменитый немецкий историк Т. Моммзен). Изменился и состав нижней палаты ландтага, где выразители интересов прусской буржуазии уже составляли большинство. Казалось бы, в стране намечается альянс между буржуазией и королем. Но он не состоялся из-за проблемы военных ассигнований. Ландтаг отказался кредитовать амбициозную военную политику короля, мечтавшего об армии в 400 тыс. солдат, после чего Вильгельм I распустил парламент, назначив новые выборы. Роспуск парламента королю не помог, ибо после выборов количество прогрессистов в нижней палате увеличилось. Как полагают, в этот критический момент король был готов отказаться от престола, но все спасло сделанное им в сентябре 1862 г. назначение Отто фон Бисмарка (1815–1898) на должность министра-президента, т.е. главы правительства и соответственно представителя Пруссии в союзном сейме.

Бисмарк был человеком умным и решительным. Сразу же после своего назначения он дал понять либералам в ландтаге, что «единство Германии осуществится не в результате речей либо постановлений парламентского большинства, а **железом и кровью**». Выделенные слова стали девизом железного канцлера, весьма успешно реализовывавшего высказанную им политику на протяжении десятилетий. Но тем не менее едва ли справедливо было бы воспринимать их буквально. Политика Бисмарка излишней кровожадностью не отличалась. Зато все делалось, что называется, с умом. Новый канцлер начал с того, что во всеуслышание заявил, что обойдется без согласия ландтага. И это произвело на депутатов впечатление. В 1867 г. в стране уже существовала и активно действовала новая созданная министром-президентом национал-либеральная партия, название которой убедительно свидетельствует о том, что правительство Бисмарка не было чуждо либеральной буржуазии. Более того, оно энергично отстаивало ее интересы. Только эти интересы партия канцлера интерпретировала несколько иначе, нежели интеллектуалы из числа прогрессистов. Прусское правительство делало ставку, как то давно уже было свойственно этому государству, на силу — и в конечном счете выиграло.

БИСМАРК В БОРЬБЕ ЗА ЕДИНСТВО ГЕРМАНИИ

Осуществив, как он и давал понять ландтагу, военную реформу без участия парламентариев, Бисмарк в середине 1860-х гг. создал огромную и высоко дисциплинированную прусскую армию и приступил

к выполнению одного из наиболее амбициозных планов в новоевропейской истории после Наполеона. Суть плана сводилась не просто к объединению Германии, существовавшей уже почти тысячу лет в форме привычной конфедерации в рамках призрачной империи, но к созданию из объединенной «железом и кровью» могущественного европейского государства. И ради этого он пустил в ход все бывшие в его руках средства, начиная с искусной дипломатии.

Прежде всего он нейтрализовал Россию, которая хотя и была ослаблена и даже унижена после Крымской войны, тем не менее представляла собой грозную силу. Забегая вперед, можно сделать вывод, что дальновидный канцлер, хорошо помнивший о судьбе Наполеона, опасался быть втянутым в конфликт с Россией и делал все, чтобы этого не случилось. В трудный для России момент польского восстания 1863 г. он предложил Александру II помощь, которую Россия с признательностью приняла (имеется в виду конвенция Альбенслебена, т.е. соглашение о взаимопомощи, подписанное Г. фон Альбенслебеном и А. М. Горчаковым), хотя она не понадобилась. Сумев нейтрализовать подобным образом сильного соседа, Бисмарк получил свободу рук для более энергичных действий в других направлениях. Главной его целью было оттеснить давно уже ослабевшую Австрию от главенства в Германском союзе и занять ее место. Однако с открытым натиском на Австрию канцлер не спешил. Напротив, он решил вначале использовать империю для решения одной общегерманской задачи. Речь о тех самых датских герцогствах Шлезвиге и Гольштейне, в которых преобладало немецкое население и которые еще в 1848 г. Пруссия, в тот раз неудачно, стремилась присоединить к своему королевству.

Датская война началась в январе 1864 г. с демарша Австрии и Пруссии, в котором было высказано ультимативное требование отменить тот пункт новой конституции Дании, где Шлезвиг — вопреки Лондонскому протоколу 1852 г., зафиксировавшему только унию, — безоговорочно признавался датским владением (Гольштейн формально все еще считался членом Германского союза). Дания отвергла ультиматум. Тогда Австрия и Пруссия ввели в Шлезвиг свои войска и после ряда недолгих сражений Венское мирное соглашение 1864 г. зафиксировало окончательный отказ Дании от Шлезвига и Гольштейна. Но сразу же после этого военного успеха встал вопрос о том, кому должны принадлежать оба герцогства. Пруссия ввела войска в Гольштейн. Австрия и ряд других немецких государств резко осудили ее за это на общегерманском сейме во Франкфурте. Назревал тот самый

решающий конфликт, к которому внутренне стремился Бисмарк. Не придавая серьезного значения союзному сейму, он заручился нейтралитетом Наполеона III, пообещал Италии поддержку в соперничестве с Австрией за Венецию и, добившись подобным образом немалых дипломатических успехов, объявил в июне 1866 г. войну Австрии, которая в тот момент вела военные действия с Италией.

Он ввел войска в соседний с Гольштейном Ганновер, затем в Гессен, Саксонию и Богемию, после чего вооруженная новейшими ружьями прусская армия во главе с Мольтке-старшим быстро добилась решающего успеха. Но братъ Вену Бисмарк из осторожности не стал, ибо сознавал, что чрезмерное усиление Пруссии за счет аннексии Австрии грозит осложнениями в отношениях с Францией. Кроме того, не только аннексия, но и вообще чрезмерное ослабление Австрии не входили в его планы, которые в тот момент ограничивались лишь тем, чтобы играть вместо нее главенствующую роль в новом Германском союзе.

Мирный договор в августе 1866 г. привел к тому, что Австрия вышла из Германского союза, а несколько немецких государств из числа ее союзников были включены в состав Пруссии. После этого в апреле 1867 г. была принята конституция нового Северогерманского союза, в который вошли 22 немецких государства. Формальным главой союза стал прусский король, а союзным канцлером Бисмарк. Прусский генштаб оказался военным центром союза, а на долю северогерманского рейхстага, депутаты которого избирались на основе всеобщего и прямого голосования, выпадали основные законодательные функции. Впрочем, выработанные рейхстагом законы подлежали утверждению Союзного совета, состоявшего из представителей всех государств союза и игравшего роль высшей палаты парламента. Оставшиеся вне союза четыре немецких государства (Бавария, Вюртемберг, Баден и Гессен-Дармштадт) были вынуждены заключить с Пруссией специальное соглашение о контроле генштаба над их вооруженными силами. Тем самым они оказывались фактически вне зоны политического влияния Австрии и превратились в своего рода кандидатов на включение в состав единой Германии.

Военные достижения, мирный договор и конституционные преобразования 1866–1867 гг. в объединенной Германии сыграли огромную роль в выполнении замыслов Бисмарка. Однако это было еще не все. Даже в своем новом виде во главе с Пруссией единая Германия не стала крупнейшим и сильнейшим государством континентальной Европы. На пути к этому стояла империя Наполеона III. Это означало, что для

выполнения амбициозных целей германского руководства необходима война с Францией, претендовавшей на гегемонию в Западной Европе. И, хорошо понимая это, Бисмарк искал подходящий повод для провокации. Судьба пошла ему навстречу. Летом 1870 г. на оказавшийся вакантным испанский престол был приглашен близкий родственник Вильгельма I из дома Гогенцоллернов, с чем не желал соглашаться Наполеон III. По совету Вильгельма принц отказался от испанского престола, но император Франции требовал гарантий. И тогда Бисмарк пошел на подлог. Он вполне сознательно исказил посланный ему текст телеграммы от 13 июля о том, что, хотя германский император на встрече с французским посланником гарантий не давал, он согласился продолжить переговоры. Отредактировав этот текст и придав ему оскорбительный для французов смысл, канцлер передал его в печать. Текст Эмской депеши вызвал во Франции бурю возмущений и стал предлогом для объявления войны. Этого канцлер и ждал.

Полумиллионная прусская армия, возглавлявшаяся, как о том уже шла речь, все тем же Мольтке-старшим, уже 4 августа была в Эльзасе, а к 6-му половина французских корпусов оказалась разгромленной. Затем были оккупированы Эльзас и Лотарингия, а 1 сентября в решительной схватке под Седаном французская армия потерпела полное поражение, причем руководивший войсками Наполеон III оказался в плену. 4 сентября в возмущенном Париже был совершен государственный переворот, и Франция вновь стала республикой. События в Париже, о которых подробно шла речь, завершились созданием республиканского правительства и объявлением выборов в Национальное собрание, дабы республика и ее руководство обрели необходимую легитимность. Без этого Пруссия, приостановившая на время продвижение своей армии, отказывалась вести переговоры о мире. Однако, пока шла подготовка к выборам, прусская армия возобновила наступление, и уже 16 сентября передовые ее части подошли к Парижу.

Осада города затянулась. Тем временем в ставке Бисмарка и в Версале, где расположился германский император Вильгельм и многие из руководителей государственных образований, которые вошли в Северогерманский союз, шли переговоры о перемирии. Они шли долго и не приводили к результату. Тем временем положение осажденного Парижа все ухудшалось. Осада продолжалась вплоть до капитуляции Парижа 22 января 1871 г. По условиям капитуляции 8 февраля были, наконец проведены выборы в Национальное собрание Франции, подтвердившее возникновение во Франции новой республики во главе

с Тьером. 26 февраля в Версале был подписан предварительный мир, который 10 мая утвердили во Франкфурте. По условиям мира Франция лишалась Эльзаса и Восточной Лотарингии и была обязана выплатить 5 млрд франков контрибуции.

ГЕРМАНИЯ ПОСЛЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ

Итак, главная цель политики канцлера, объединение Германии, была достигнута. Германия во главе с Бисмарком после событий 1866–1867 гг. и тем более 1871 г. стала крупнейшим и сильнейшим в Западной Европе государством. Это была конституционная монархия, с парламентом и либерально-буржуазной промышленной основой. Новый германский император, которым стал с 18 января 1871 г. избранный в Версале немецкими князьями прусский король Вильгельм I, не слишком отличался по своему статусу от английской королевы Виктории, объявившей себя примерно в те же годы императрицей Индии. И хотя рейхстаг не имел оснований по своей роли в новой Германии сравняться с английским парламентом, в принципе либерально-буржуазное государство во главе с Пруссией было уже весьма далеким от прежней империи Габсбургов. Это было современное по тем временам государство с большой ролью народного представительства и если не господствующим, то во многих отношениях ведущим положением в стране немецкой буржуазии, во всяком случае во всем том, что касалось развития ускоренными темпами высококачественного промышленного производства, а также законодательных прав и свобод немецкого народа. Однако дух прусского милитаризма и его традиции сохранились.

Победа над Францией, закрепившая гегемонию Германии в пределах континентальной Западной Европы, позволила канцлеру обратить серьезное внимание на внутренние проблемы страны. Одной из наиболее важных из них слыла проблема католической церкви. Хотя церковь была во многих северогерманских княжествах сильно ослаблена еще со времен Лютера, она все же сохранила определенные позиции. А так как в империи сразу же после объединения Германии число католиков возросло за счет многонаселенных южных государств, фактически бывших в тесной связи с Северогерманским союзом, то проблема оказалась достаточно острой. И соответствующими методами Бисмарк ее решал. Было законодательно осуществлено формальное отделение церкви от государства, а в рейхстаге, где католики оказались достаточно сильной фракцией, Бисмарк, имея в виду унижение германского императора перед главой католической церкви в 1077 г.,

прямо заявил, что «мы не пойдем в Каноссу». Канцлер провел закон об изгнании из империи иезуитов и стал энергично противопоставлять всевластию немецких клерикалов своего рода культурную программу. Законы 1873–1875 гг. были направлены на ограничение возможностей католического духовенства. В стране был введен гражданский брак, присвоение нового духовного сана должно было утверждаться светской властью, а церковники, не согласные с законами, подлежали судебному преследованию. Правда, отчаянное сопротивление иерархов католической церкви заставило Бисмарка в некоторых случаях пойти на уступки. Но многого католики от него так и не добились.

Через рейхстаг Бисмарк провел закон, согласно которому ассигнования на армию должны были приниматься на семь лет вперед, что в немалой степени гарантировало крепость вооруженных сил германской империи. Серия протекционистских тарифов 1879 г. обеспечивала конкурентоспособность немецкой буржуазии и ее промышленности. Заботясь о буржуазии и буржуазном промышленном производстве, канцлер в то же время ни на минуту не забывал о немецких рабочих. Более того, он проводил политику, которую некоторые специалисты именуют либеральной, имея в виду близость канцлера к парламентской левой. Он делал многое для улучшения уровня жизни рабочих, о чем свидетельствует ряд социальных реформ, в частности, в сфере обязательного социального страхования (пособия при болезни, пенсии по старости, страхование при несчастных случаях), для чего был создан специальный государственный фонд. Однако дальше этого железный канцлер не пошел. И для того были свои немаловажные причины. Имеются в виду проблемы, связанные с активностью немецких социалистов.

БИСМАРК И СОЦИАЛИСТЫ

В традиции отечественного обществоведения вся история Германии под руководством Пруссии и тем более Бисмарка обычно искусственно подается в крайне мрачных красках, чему, как хорошо известно, способствовали негативные отзывы о ней Маркса и марксистов. А между тем в Германии Бисмарка стало интенсивно развиваться буржуазное промышленное производство с неплохой организацией труда, что не могло не сказаться на улучшении уровня жизни всех трудящихся, и, несмотря на неодобрение со стороны канцлера, социалистические идеи марксизма получили немалое развитие. Почему же находившаяся под жесткой рукой всемогущего канцлера Германия оказалась страной, где социалисты ранее всего создали крепкую и постоянно укреплявшуюся партию?

Сыграло ли при этом свою роль то обстоятельство, что Маркс и Энгельс были родом из Германии и что именно здесь, к тому же на немецком языке, в частности в «Новой Рейнской газете», ранее всего были изложены основные идеи марксизма?

Начнем с того, что многочисленные и упорные попытки К. Маркса укрепить позиции «Союза коммунистов» не привели к успеху. В 1850 г. он раскололся и был распущен. Только в середине 1860-х гг. удалось создать вместо него Интернациональное товарищество рабочих (Первый интернационал) со все тем же основным лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». И хотя в состав его вошли представители — не пролетарии! — ряда стран (на первом конгрессе в Женеве в 1866 г. было 60 делегатов), преобладали на нем, как и на втором конгрессе 1867 г. в Лозанне, прудонисты. Это не значит, что в секциях Интернационала было мало последователей Маркса. Их было достаточно и во французской секции, и особенно в германской. Правда, Интернационал, постоянно раздражавшийся внутренними противоречиями, просуществовал недолго. А после вынужденного перенесения его штаба, Генерального совета, в заокеанский Нью-Йорк активность его вовсе спала, и он вскоре прекратил свое существование. Однако деятельность его не пропала вовсе без следа. И этот след наиболее заметным оказался именно в объединившейся Германии.

Вначале признанным лидером немецкого рабочего сословия (именно так он именовал этот социальный слой) был Ф. Лассаль, сотрудничавший с Марксом в «Новой Рейнской газете». Как теоретик и идеолог рабочих он был эклектиком. По оценке специалистов, сочетал идеи Д. Риккардо о «железном законе заработной платы» (имеется в виду тезис, что заработная плата возрастает за счет уменьшения дохода капиталиста) с идеей Л. Блана об организации труда государством. Трудно сказать, сколько в нем было от марксизма, если вообще что-либо было, но в любом случае он был наиболее почтенным теоретиком рабочего движения в Германии 1850-х гг.

Взяв на себя инициативу созыва Всегерманского рабочего конгресса, Комитет лейпцигских рабочих обратился именно к нему, что привело в 1863 г. к созданию Всеобщего германского рабочего союза, председателем которого стал Лассаль. Следует заметить, что идею классовой борьбы он не разделял, а стоял на позиции постоянной борьбы рабочих за улучшение экономического положения и завоевание прочных позиций в парламенте с тем, чтобы добиться помощи государства в создании промышленных ассоциаций. В рамках таких ассоциаций

и заработная плата, и прибыль капиталиста должны были, по его представлениям, слиться, что соответственно повысит благосостояние рабочих. Расчеты Лассалья были не менее утопичными, чем аналогичные теории всех остальных идеологов анархо-коммунистического толка. Но ирония судьбы свела его в условиях Пруссии с ее много понимавшим руководителем, что привело к тому, что на деле этот признанный глава прусских и даже всех немецких рабочих оказался лишь кем-то вроде подсадной утки. Бисмарк охотно беседовал с ним, подчас они сходились в том, что прусскую буржуазию стоит приструнить, но дальше этого дело не шло. В 1864 г. Лассаль, не дожив до 40, был убит на дуэли, а влияние возглавлявшегося им рабочего союза стало быстро сходиться на нет. Но немецкое рабочее движение не заглохло, напротив, воспряло духом.

В 1869 г. на съезде в Эйзенахе возникла социал-демократическая рабочая партия Германии во главе с А. Бебелем и В. Либкнехтом, которая тогда тоже еще не была марксистской и не призывала ни к пролетарской революции, ни к диктатуре пролетариата, но приняла решения конгрессов Интернационала и его близкую к марксизму программу. На выборах партия получала немало голосов и могла провести в рейхстаг своих депутатов. Именно А. Бебель и В. Либкнехт, к слову, воздержались от голосования в рейхстаге, вотировавшего бюджет на франко-прусскую войну. В 1875 г. на съезде в Готе к эйзенахцам примкнули некоторые лассальянцы, а в программе социалистической рабочей партии Германии, принятой на съезде, стали преобладать идеи Лассалья и вовсе не было экстремистских призывов к социалистической революции и диктатуре пролетариата, чем Маркс и Энгельс оказались очень недовольны.

Отто фон Бисмарк всю свою жизнь со вниманием следил за тем, что происходило в организациях, претендовавших на выражение чаяний рабочих. И похоже на то, что стремление этих организаций к ставке на экономическую борьбу за улучшение положения наемных тружеников с расчетом на помощь государства его вполне устраивало. Во всяком случае программы партийных съездов типа готской не вызывали у него серьезного беспокойства. Будучи умным руководителем, он сознавал, что задача улучшения уровня жизни лиц наемного труда является одной из важнейших для сохранения стабильности в стране. А стабильность ему была нужна для того, чтобы успешно выполнить основную цель своей жизни, т.е. объединить, пусть даже «железом и кровью», вокруг Пруссии всю Германию и, более того, сделать империю сильнейшей в Европе. Канцлер, как можно заключить из занятой им позиции, долгое

время не слишком возражал против активности социал-демократов. Он был строг, когда видел, что демагогическая политика их лидеров явно направлена на подрыв и разрушение созданного им государства. Это проявилось в тот момент, когда социал-демократическая партия Германии стала увеличивать влияние, а А. Бебель и В. Либкнехт обрели возможность пропаганды марксизма. Либкнехт позволял себе открыто выступать с обращениями, суть которых сводилась к тому, что социализм теперь являет собой некий «вопрос силы, который может быть решен только на улице». И довольно долгое время никто не вешал за это ярлык экстремиста и не пытался изолировать от общества или хотя бы запретить баллотироваться в качестве кандидата в депутаты рейхстага. Но времена, тем не менее, менялись, а численный рост партии с ее заметным увеличением внимания к теории К. Маркса начинал вызывать определенные опасения.

В 1877 г. на выборах партия получила почти 500 тыс. голосов и много мест в парламенте. С целью приостановить этот рост в 1878 г. рейхстагом был принят «исключительный закон против социалистов», который сводился к запрету организаций, имеющих целью низпровержение общественного строя. Закон несколько раз продлевался и прекратил свое существование лишь в сентябре 1890 г., уже после отставки всемогущего канцлера. Он привел к роспуску ряда организаций, к некоторым арестам и высылкам, но не уничтожил партию социалистов. В 1880-х гг., когда партия прекратила свою официальную деятельность (эта деятельность, впрочем, продолжалась в иной форме, под другими наименованиями, в том числе и в рейхстаге, чему никто не препятствовал), Бисмарк настоял на принятии рейхстагом серии законов о социальном страховании. Эти законы сыграли огромную роль в постепенном изменении статуса и уровня жизни немецких рабочих, что привело в конце XIX в. к решительному изменению характера социалистической партии.

На рубеже 1880–1890 гг., партия продолжала расти. После прекращения действия исключительного закона она восстановила свои позиции в рейхстаге, добившись почти 1,5 млн голосов и 35 мандатов на выборах 1890 г. Впрочем, это уже не представляло угрозы для Германии. Обещания Либкнехта выяснять отношения с режимом «на улице» ушли в прошлое. И хотя в эрфуртской программе партии в 1891 г. прозвучали некоторые мотивы в духе марксистской теории усиления «классовой борьбы» и по настоянию А. Бебеля была осуждена линия на примирение с буржуа и государством, это был последний всплеск экстремизма.

Фраза А. Бебеля о том, что будто бы «буржуазное общество так стремительно направляется к своей гибели, что нам остается только ждать момента, когда мы примем на себя ускользнувшую из его рук власть» выглядела старанием выдать желаемое за действительное. А на передний план в руководстве партии стали выходить другие деятели. Одним из наиболее видных среди них был Э. Бернштейн (1850–1932) с его наиболее известным лозунгом «конечная цель — ничто, движение — все». Лозунг не был случайным. Конец XIX в. все нагляднее свидетельствовал, что, добиваясь постепенных преобразований, сильная партия рабочих достигнет большего, чем требованиями невозможного деструктивного, грозящего сломать устоявшуюся и меняющуюся к лучшему внутривнутриполитическую обстановку, давно уже доказавшую свою способность к сравнительно быстрому совершенствованию. К этому давно склонялись и профсоюзы, все очевиднее выходившие из-под опеки ориентированных на марксистский социализм лидеров партии. Они проявляли склонность идти на сотрудничество с буржуазией при решении важных вопросов социально-экономического характера. И именно такого рода проходившая в спорах перемена курса обеспечивала социалистам рост их влияния в стране.

И здесь снова стоит вспомнить о Бисмарке. В самом общем виде можно сказать, что именно он переиграл К. Маркса на поле противника, т.е. дома, в германском рабочем движении. Не пытаясь подавить движение суровыми репрессиями и даже делая вид, что ничего не замечает, когда в годы действия исключительного закона социалисты продолжали под иными вывесками активную политическую деятельность, канцлер создавал условия для того, чтобы лица наемного труда в Германии ощущали себя важной частью общества и государства. Именно ради этого он разрабатывал и осуществлял важнейшие реформы, направленные на обеспечение гарантий для тружеников. И его реформы одолели революционный пыл экстремизма. Существует предание, что именно Бисмарк как-то заметил, что если кому-то хочется испробовать на практике идеи марксистского социализма, то пусть он выберет страну, которой не жалко. Скорее всего, это легенда. Но она очень показательна. Умный канцлер видел многое и умел предвидеть. Если бы не это, он не сумел бы добиться столь больших результатов.

ОБЪЕДИНЕННАЯ ГЕРМАНИЯ

Новый немецкий император Вильгельм II, пришедший к власти в 1888 г., тяготился опекой Бисмарка, в результате чего канцлер после

недолгого сопротивления был вынужден подать в отставку. Стоит заметить, что претензии юного императора были неосновательными, а обида, нанесенная человеку, которого в Европе считали величайшим из немцев его поколения, не могла быть забыта. Более того, кабинеты Л. Каприви и Х. Гогенлоэ, сменявшие друг друга, проявляли слабость в руководстве страной, что было отчетливо заметно на фоне деятельности еще живущего и время от времени дававшего о себе знать железного канцлера, что выглядело как живой укор глупости императора. Тем не менее Германия продолжала благополучно существовать, с тем либо иным успехом решая то и дело возникавшие частные, но будоражившие немцев вопросы.

Стоит заметить, что, несмотря на спорадические достижения социалистов на выборах, их влияние в стране было достаточно ограниченным, а основные столкновения шли между либералами и консерваторами. Непостоянный в своих устремлениях император и престарелый канцлер Гогенлоэ не пользовались авторитетом, что и вызывало то в парламенте, то в прессе жаркие споры по вопросам, которые подчас того просто не стоили. Германия на рубеже веков переживала нечто вроде конституционного кризиса. Добившись благодаря Бисмарку могущества и богатства, страна как бы потеряла дорогу и металась из стороны в сторону в ее поисках. Но существенно обратить внимание на то, что порой столь пугавшие бюргеров успехи социалистов на выборах хотя и являлись свидетельством слабости политической власти в стране, на самом деле не были сколько-нибудь заметным элементом кризиса. Император дважды безуспешно пытался провести через рейхстаг законы, направленные против социалистов и рабочего движения. Но законы не прошли. Это свидетельствовало как о либеральном характере буржуазного рейхстага, так и о том, что немецкие социалисты не воспринимались в качестве угрозы стране. Напротив, они все более очевидно вписывались в ту гармоничную социальную структуру, которая в немалой степени была создана усилиями Бисмарка. Лучшим доказательством правоты этого тезиса может послужить тот факт, что с точки зрения, например, российских социал-демократов почти все вожди немецких социалистов того времени были оппортунистами (слово в лексиконе РСДРП более чем ругательное). И действительно, единство германских социалистов было более кажущимся, нежели реальным. Немецкая социал-демократия усилиями так называемых ревизионистов (тоже любимый термин в лексиконе русского большевизма) типа Бернштейна и К. Каутского распадалась на куски буквально на глазах.

Другим слабым местом Германии, выступившим на передний план политической жизни страны после отставки Бисмарка, оказалось положение дел на отобранных у соседей землях (Эльзас, Лотарингия, Шлезвиг), где сопротивление нарастало с каждым годом, а попытки ввести жесткие прусские порядки вызывали бурные возмущения. Германия в последние годы жизни Бисмарка переживала и другие невзгоды. Но гораздо существеннее сформулировать заключительный вывод, который суммировал бы все то, что произошло с этой страной в то время, когда ею управлял Бисмарк.

Этот человек превратил ранее просто пугавшую соседей милитаристскую Пруссию с ее вымуштрованной армией в великое государство. Ему посвящены сотни специальных исследований, так что о недооценке роли Бисмарка, если не иметь в виду отечественную историографию, речи нет. Бисмарк сумел довести до конца то, что уже давно назрело, что начало энергично проявлять себя еще в годы великого протестанта М. Лютера. Канцлер хорошо сознавал, что время феодализма, как и милитаристской Пруссии, пренебрегающей обществом во имя величия государства, уходило в прошлое. Правда, он понимал и то, что без сильного государства могущественной Германии из привыкших к самостоятельности многих десятков мелких государств создать невозможно. И к чести его стоит заметить, что выбранный им в этой непростой ситуации путь оказался удачным. Бисмарк опирался на силу, когда нужно было с ее помощью и не слишком считаясь с мнением не привыкшего к свободе общества добиться желаемого результата, т.е. единства. Сначала для него только это было главным, и он понемногу добивался желаемого. Когда же Германия оказалась единой империей, что было закреплено подписями почти всех немецких государей в Версале после победы над Францией, канцлер изменил политику. Он открыл двери перед немецким бюргерством и активнейшим образом способствовал быстрейшим и все нараставшим темпам развития объединившейся страны. Страны, где власть понемногу, но все более твердо и очевидно для всех переходила в руки преуспевавшего бюргерства, а вместе с ним и всего народа, выражавшего свою волю в форме парламентской демократии.

Едва ли еще в какой-либо стране Запада было во второй половине XIX столетия столь развито (с учетом национальной дисциплинированности) рабочее движение, где были бы столь сильными и собиравшими такое количество голосов на выборах в парламент и другие выборные органы социалистические партии. И Бисмарк не боялся

этого. Даже в годы действия исключительного закона он не слишком преследовал социалистов, но закрывал глаза на их ухищрения, позволявшие им оказаться в парламенте. Едва ли нужно более ясное свидетельство того, что в годы его правления и благодаря его политике в Германии решительно изменилась вся привычная и опиравшаяся на многовековую традицию система взаимоотношений народа и власти. Власть перестала быть угнетателем. Она широко открыла двери для процветания буржуазной промышленности и во многом в этом деле преуспела. Народ перестал считаться, как то было прежде, только пушечным мясом и быть лишь в числе подданных. Как и во многих иных странах континентальной Европы, в Германии стали господствовать конституционная монархия и либеральная демократия, которые были залогом того, что общество в лице парламента управляет страной.

Конечно, все это свершилось отнюдь не только одним Бисмарком и не благодаря лишь его сильной воле. Многое было сделано до него. Но тем не менее объединение Германии как важнейший исторический факт XIX столетия навсегда будет связан с его именем. Более того, выход на авансцену всей экономической, политической и иной общественной жизни немецкой буржуазии, колоссально быстрые темпы промышленного развития страны и даже постоянная ставка на улучшение жизни лиц наемного труда, немецких рабочих, что привело к развалу столь сильной немецкой социал-демократии, тоже следует считать в какой-то мере результатом усилий железного канцлера.

Глава восьмая. ИТАЛИЯ, АВСТРИЯ, ИСПАНИЯ И НЕБОЛЬШИЕ СТРАНЫ

Обратимся теперь к другим странам Западной Европы. Начнем с наиболее крупных — Италии, Австрии и Испании. Все они расположены на юге континента, что сыграло определенную роль в их исторической судьбе. Дело в том, что эта часть Западной Европы на протяжении весьма длительного периода позднего средневековья была почти что единым государством, находившимся под властью различных ветвей дома Габсбургов. Правда, со временем ситуация менялась, а Габсбурги кое-где уступали свой трон представителям иных правящих домов. В Испании, в частности, власть перешла к Бурбонам. Но при этом очень важно не забывать о том, сколь огромное влияние оказали на Испанию наполеоновские войны, которые, помимо всего прочего, привели к потере ею и Португалией американских колоний, начавших превращаться в самостоятельные государства. Даже реакционные режимы эпохи

Венского конгресса не сумели вытравить стремления испанской буржуазии к быстрому и успешному промышленному развитию. Примерно к такому же развитию стремилась и Италия, которая, однако, ставила перед собой и другую задачу не меньшей, а большей важности. Имеется в виду борьба этой страны за политическое единство. В имперской Австрии были свои острые проблемы, центром которых стала борьба национальных негерманских окраин за свою автономию, а то и самостоятельность.

Из сказанного явствует, сколь разными оказались пути и цели недавно еще единых в своем католическом рвении стран южной Европы в период нового времени. Однако, если присмотреться внимательнее, было у всех этих стран и нечто общее, продиктованное эпохой. Это общее сводилось к явственному стремлению придавленной и еще совсем недавно сознательно унижаемой буржуазии к выходу на авансцену истории. Новое время было ее временем, и после наполеоновских войн и других революционных волн из Парижа в первой половине XIX столетия стало ясно, что вторая половина этого века пройдет под знаком побеждающей и победившей буржуазии. Так оно и случилось. Обратим внимание на то, как конкретно это происходило.

РИСОРДЖИМЕНТО В ИТАЛИИ

Судьба Италии, особенно если принять во внимание и древний Рим, и столь заметные успехи буржуазии Ломбардии в средние века, а также учесть, что великий Ренессанс не только начался, но и в основном протекал именно здесь, в первую очередь в той же Ломбардии, оказалась парадоксально необычной. Необычность ее именно в том, что во многом благодаря этой стране шел весь многосторонний и глобальный по своим последствиям для всего мира процесс исторической трансформации человечества. Ведь как раз Рим, погибая, дал жизнь всей средневековой Западной Европе, передав ей культурные традиции античности и западного христианства. И если прибавить к этому города позднесредневековой Ломбардии, снова напомнить о Ренессансе, родиной которого была высокая городская культура прежде всего Флоренции, то станет очевидным, что средневековая Италия и после падения античного Рима была одним из важнейших центров Европы. Более того, она была на протяжении долгих веков (если принять во внимание, что Рим являлся центром католической церкви) своеобразным мотором Европы. Мотором, который двигал другие страны в том либо ином направлении, о чем убедительно свидетельствуют крестовые походы или мрачные ко-

стры инквизиции. Казалось бы, Италии самой судьбой суждено стоять чуть ли не во главе западноевропейской цивилизации. Частично — если иметь в виду западное христианство и Ренессанс — в свое время это так и было. Но парадокс в том, что столь заметное положение страны со временем ушло в невозвратимое прошлое. Более того, Италия распалась на куски, что в сфере политической практики очень тесно переплеталось с уничтожением ее как государства.

Вообще-то говоря, со времен крушения Западной Римской империи Италия никогда не была единым государством. Она вообще не была государством. Был Рим как важнейший центр католического христианства. Но светского государства как обособленного от других самостоятельного более или менее крупного политического образования на политической карте Европы не существовало — при всем том, что различные части страны имели восходившую к глубокой древности единую общую культурную традицию, обогащенную и видоизмененную христианством, общий язык и общую трансформировавшуюся, но сохранявшую латинские корни письменность. Не приходится говорить о том, что для всего населения страны сохранялся свойственный ему национальный характер, имевший отчетливую южную специфику, хотя и различавшуюся в деталях. Словом, по всем основным параметрам итальянцы как единый народ потенциально являлись населением единого государства. Но такого государства не было. Его не было даже в той привычной для средневековья феодальной форме, в какой существовали, скажем, Франция, Германия или Киевская Русь. Его вообще не было. Вместо него существовало довольно много мелких государств на севере, в том числе в Ломбардии, папский Рим посередине Аппенинского полуострова, а также несколько более крупных государств на юге (Неаполь) и на островах (Сицилия и Сардиния). Соответственно и именно поэтому находились все эти не слишком сильные государства довольно часто в сфере влияния, а то и в качестве владений в распоряжении Испании, Австрии либо даже Франции, которые нередко воевали друг с другом за тот или иной кусок итальянской территории.

Все это позволяет понять, в сколь сложном положении оказались в начальный период нового времени итальянцы, особенно те из них, кто острее других ощущал унижительность политического статуса своей страны. Это ощущение неполноценности стало особенно острым в эпоху, когда средневековье ушло в прошлое, а великая буржуазная революция во Франции и наполеоновские войны, очень сильно затронувшие Италию, дали основательную надежду на то, что

ситуация может измениться. Поэтому неудивительно, что в разных частях Италии буржуазно-демократические преобразования, в том числе частично связанные с объединением страны, которые принесла на своих штыках наполеоновская армия, были восприняты с немалым воодушевлением. Неудивительно и то, что после этого — в качестве ответа на решения Венского конгресса, возвратившего бывшее разделение Италии на куски, — страна пришла в резкое и в чем-то даже отчаянное движение, получившее наименование Рисорджименто.

О начальной стадии этого движения, ставившего своей целью любой ценой воссоединить страну, уже упоминалось. За несколько десятилетий XIX столетия оно охватило практически всю Италию. Революционный подъем в конце 1840-х гг. был удобным поводом для того, чтобы поднять страну на борьбу. Однако в этой борьбе Франция Луи Наполеона и крайне реакционно настроенная Австрия выступили на защиту своих интересов и сумели подавить вооруженные силы как республиканцев Мадзини и Гарибальди, так и более умеренно настроенного, но умело наращивавшего свои силы короля Сардинии. После этого почти во всех государственных образованиях Италии были восстановлены существовавшие прежде режимы. Исключением оказалась Сардиния, которая еще со времен Венского конгресса обрела независимость от Франции. Здесь снова правил король из савойской династии. Важно при этом учесть, что в королевстве продолжала действовать введенная в 1848 г. конституция. Не стоит забывать и о том, что новым королем здесь стал прогрессивно настроенный Виктор Эммануил II, а во главе правительства королевства продолжал находиться и ранее многое сделавший для усиления своей страны министр Кавур.

Все сказанное позволяет понять, почему дело объединения Италии после неудач 1848–1849 гг. почти целиком перешло в руки правителей Сардинии. Для реализации этой задачи Кавур привлек свои дипломатические способности. В годы Крымской войны с Россией 1853–1856 гг. он даже послал на поле боя целый корпус в 15 тыс. солдат, за что Луи Наполеон обещал ему поддержку в соперничестве с Австрией. Ослабление Австрии было в интересах Франции, так что неудивительно, что это обещание обернулось австро-итало-французской войной 1859 г., в ходе которой Наполеон III помог Сардинии изгнать австрийцев из Ломбардии, получив за это Ниццу и Савойю, т.е. часть Сардинского королевства. Военные действия в Ломбардии привели к восстанию там местного населения, бегству ряда правителей и к при-

соединению значительной части севера Италии и даже части папских владений в Романье к Сардинии.

И хотя Наполеон III, получив свое, коварно предал сардинскую армию, не очень-то желая содействовать созданию единой сильной Италии, дело было уже фактически сделано. При этом решающую роль сыграла знаменитая экспедиция Гарибальди. Бесстрашный революционер по натуре, он во главе тысячи воинов-добровольцев отправился на юг, в Сицилию и Неаполь, где осуществленные им буржуазно-демократические преобразования, которые включали полную ликвидацию феодальных привилегий, снискали ему огромную поддержку местных крестьян. В 1860 г. королевство обеих Сицилий (Сицилии и Неаполя) перестало существовать. А проведенные Кавуром вслед за тем плебисциты подтвердили согласие этого королевства, как и почти всех остальных завоеванных территорий, стать частью единой Италии. Парламент в Турине весной 1861 г. признал Виктора Эммануила королем Италии со столицей во Флоренции. В итоге вне объединенной Италии с населением около 22 млн человек теперь оставались лишь папский Рим и Венеция, все еще принадлежавшая Австрии. Для создания объединенной Италии необходимо было решить вопрос с Римом и Венецией.

С Римом Кавур, ставший в марте 1861 г. премьер-министром объединенной Италии, решил пока не спешить. Это во многом объяснялось тем, что в Рим для охраны папской резиденции прибыли французские войска. Вскоре, в июне 1861 г., Кавур умер, оставшись в истории страны одним из главных политических деятелей, способствовавших объединению Италии. Именно он приложил усилия к тому, чтобы Италия твердо стала на буржуазный путь развития и обрела облик конституционной монархии.

Что касается Рима, а точнее, довольно значительного по размерам католического государства, то в 1862 г. Гарибальди во главе двухтысячного отряда добровольцев вновь попытался было взять этот город. Поход Гарибальди на Рим оказался неудачным, что было связано с присутствием там французских войск и нежеланием короля Италии вступать в конфликт с Францией. Словом, Рим остался владением понтифика. Проблема же Венеции решилась в ходе новой войны с Австрией, на сей раз в союзе с Пруссией, в интересах которой было ослабить Австрию. Эта война началась в июне 1866 г., причем в ней снова отличился Гарибальди. Он сумел освободить от австрийских войск не только Венецию, но также и соседние с ней Триест и часть

Тироля (об австро-пруссских взаимоотношениях в связи с этой войной выше уже шла речь). Однако в конечном счете Италия получила по мирному договору в Вене в октябре 1866 г. лишь Венецию, да и то при посредничестве Наполеона III.

Оставалось решить проблему Рима. Она оказалась не из легких. Папа Пий IX был непримиримым врагом всех передовых идей и решительно выступал против присоединения своих владений к буржуазно-либеральному итальянскому королевству. В 1867 г. он с помощью французской охраны и наемных швейцарцев сумел вновь отразить натиск отряда Гарибальди. Чувствуя свою безопасность под прикрытием войска Франции, Пий IX созвал даже в 1869 г. очередной вселенский собор в Ватикане (со времен предыдущего, Тридентского, прошло уже около трех веков), на котором он по-прежнему настаивал на абсолютной власти и признании непогрешимости римского понтифика. Неизвестно, как долго продолжался бы этот собор (обычно они тянутся годами), если бы не франко-прусская война 1870–1871 гг. После первых поражений в этой войне Наполеон III был вынужден отозвать свои войска из Рима, и это оказалось концом для всех светских претензий Пия IX. Итальянцы в 1870 г. вошли в Рим, куда сразу же, в январе 1871 г., перенесли столицу королевства. Что же касается католической церкви, то ей был выделен Ватикан, небольшая территория внутри древнего города. Оскорбленный Пий IX отлучил было от церкви новую власть Италии и поклялся не выходить из своего дворца, но это мало на кого произвело впечатление. Католическая Италия как бы забыла о своем духовном главе и радостно приветствовала завершение великого дела объединения страны.

Не был оставлен без внимания и пользовавшийся неслыханной популярностью в стране и далеко за ее пределами знаменитый Гарибальди. Но как раз в это время он, забыв прошлые обиды, отправился во Францию, где под натиском Пруссии капитулировал Наполеон III, после чего Вторая империя рухнула, а ее место заняла республика. Гарибальди успешно сражался против Пруссии во главе одной из французских республиканских армий и этим снова снискал себе неувядаемую славу. Оценивая безмерный вклад Гарибальди в великое и труднейшее дело создания единого итальянского государства, можно и должно восхищаться им, как то делали в его время многие. Но не стоит делать, как в отечественных трудах (со ссылкой на соответствующие высказывания К. Маркса либо без оных), нарочитый акцент на том, что Гарибальди проявлял слабость, не решаясь поднять

народ против короля во имя не очень-то понятной «революционно-демократической диктатуры». Слава Богу, что он ничего подобного не пытался делать и тем самым ни в коей мере не связал свое имя с сомнительными идеалами экстремизма. А что касается Рисорджименто, то вклад в него Гарибальди был огромным и поистине неоценимым. И Италия этого никогда не забывала.

ПОСЛЕ РИСОРДЖИМЕНТО

Объединенная Италия представляла собой, естественно, совершенно новое государственное образование. Для большого королевства требовалось заново создать административное членение и формы политической власти. Во главе правительственных учреждений, включая парламент, который состоял из разных фракций и был довольно четко разделен на правых и левых, стояли представители буржуазии, всеми силами стремившиеся как можно скорее расчистить путь для ускоренной буржуазной эволюции страны. Но задачи, вставшие перед ними, оказались слишком сложны, чтобы с ними можно было легко справиться. Прежде всего, Италия после объединения увязла в долгах, выплата которых требовала резкого усиления налоговых сборов, что в условиях и без того бедной, да к тому же сильно разоренной войнами страны оказалось почти непосильным делом. А ведь средства были нужны и для создания аппарата власти, и для поддержания на должном уровне армии и флота, да и для многого другого.

По уже сложившейся традиции принципы нового административного деления заимствовались из Франции, отчего вся Италия была разделена на 69 не слишком больших префектур. Управляли ими чиновники, в основном прибывшие из бывшего Сардинского королевства и не очень-то готовые к тому, чтобы умело руководить весьма различавшимися по уровню развития и давно сложившимся традициям территориями и уверенно выполнять политические и экономические решения центрального правительства. Сравнительно более легким делом была отмена внутренних таможен. Значительно труднее шла унификация мер и весов. Но со всем этим Италия все же довольно быстро справилась. Много сложнее обстояло дело с ее промышленным потенциалом.

Итальянская буржуазия, в свое время в лице Ломбардии задававшая тон в Европе, теперь, лишенная средств и опыта, находилась в достаточно жалком положении. Преимущественным ее вниманием — если к тому же учесть государственные дотации — пользовалось железнодорожное строительство, важность которого была вне сомне-

ний, ибо дороги призваны были реально связать всю страну в нечто единое целое. Но на большее вначале сил явно не хватало. Большинство из числа не очень многих промышленных предприятий и банков объединенной Италии создавалось главным образом за счет иностранного капитала. Важно добавить ко всему учесть, что страна не отличалась обилием ни нужного сырья, ни тем более энергетических ресурсов.

Сельскохозяйственный юг страны долго еще нес на себе следы недавнего феодального и полуфеодального прошлого. Отсталость его, причем далеко не только в индустриальном плане, бросалась в глаза и являлась больным местом для всей стремящейся вперед буржуазной экономики страны. Не намного более развитым было и население страны, в большинстве своем привычно находившееся вне политики. И хотя парламентская реформа 1881 г. заметно увеличила количество избирателей, а противостояние светского правительства Ватикану немало сделало для уменьшения влияния в стране клерикалов, политическая активность итальянцев продолжала оставаться невысокой. Безработица, связанная с разорением деревни и отсутствием рабочих мест в слабо развивавшемся городе, порождала массовую эмиграцию, в том числе и прежде всего в США.

Рабочие страдали от чрезмерно высокой продолжительности трудового дня. Многие из них были близки к различного рода анархо-радикальным группировкам, возникавшим в эти годы во всей Западной Европе и ориентировавшимся то на прудонистов, то на бакунинцев, то на мадзинистов. Марксизм с его чрезмерными радикальными требованиями долгое время не находил себе почвы в итальянском рабочем движении. Только в самом конце века, в 1880–1890-х гг., некоторые принципы этой теории стали более или менее известными в стране, причем по меньшей мере отчасти в искаженном и упрощенном виде, без установок на «классовую борьбу» и «пролетарскую революцию», но с призывами участвовать и победить в парламентской борьбе с последующим обобществлением средств производства. Это было характерно для социалистической партии, возникшей в 1892 г.

Во главе Италии долгое время не было заметных политиков, чьи имена символизировали бы определенное направление в развитии страны. Первым из числа таких руководителей оказался Ф. Криспи, в прошлом один из активных участников Рисорджименто и добровольцев в составе отрядов Гарибальди. К тому моменту, когда он возглавил правительство (1887–1891 и 1893–1896), его взгляды под

влиянием обстоятельств, типичных для жизни той эпохи, заметно изменились. В частности, они сводились к тому, что сильную страну можно создать лишь при условии проведения достаточно жесткой политики — примерно такой, какую в те же годы успешно осуществлял канцлер Германии О. Бисмарк.

Ф. Криспи, в частности, был настроен против явно ослаблявших режим социалистически настроенных анархо-радикалов. В 1894 г. он даже ввел — тоже, похоже, следуя Бисмарку — «исключительные законы», направленные против партии социалистов и даже профсоюзов. Кроме того, именно он начал создание итальянских колониальных владений в Северной Африке, вначале, в 1889 г., в Сомали, а затем, в 1900-х гг., в Эритрее. В Абиссинии (Эфиопии) его войска удачи не добились. Поражение в Абиссинии привело к его отставке.

АВСТРИЯ

Положение Австрии с ее бурлящими национальными окраинами, требующими буржуазных свобод и независимости после наполеоновских войн и последовавших за ними парижских революционных волн, было незавидным. Начало второй половины XIX столетия прошло здесь под знаком борьбы с многочисленными мятежниками и попыток усмирить волнующиеся окраины. Однако из этого мало что получилось. Запреты, отмены провозглашенного ранее и прямые преследования рождали в империи лишь новые силы сопротивления. И это вынуждало нового императора Франца-Иосифа и его правительство идти на компромиссы. Были отменены все феодальные привилегии и повинности, по большей части без выкупа, но с государственной компенсацией, что увеличивало тяжесть налогов с населения, но зато открывало пути для буржуазного развития страны.

Буржуазные преобразования требовали времени, особенно в условиях столь сравнительно слабо развитой в индустриальном плане страны, какой долгое время оставалась Австрия. Для основной ее части было характерно и тревожное, практически не прекращавшееся национально-освободительное движение негерманских народов, численность которых была намного большей, нежели количество собственно австрийцев, т.е. немцев. Особенно это относилось к Венгрии, наиболее крупной инациональной части империи. Если учесть и неудачи, преследовавшие Австрию в 1850–1960-х гг. и связанные с поражениями в войне за Ломбардию и Венецию, станет понятным, почему империя в середине XIX в. оказалась в перманентном кризисе.

В качестве выхода из положения использовали решительный акт императора, который в октябре 1860 г., не дожидаясь новых осложнений, справиться с которыми было бы неимоверно сложно, если вообще возможно, опубликовал новый текст конституции. Сущность перемен сводилась к тому, что в землях были восстановлены ландтаги, а обновленный рейхсрат превращался в представительное законодательное собрание, членами которых отныне становились назначенные императором представители из числа кандидатов, предложенных ландтагами земель, входивших в империю. Кроме того, увеличивались полномочия ландтагов в ряде сфер (юстиция, просвещение). В Венгрии венгерский язык объявлялся равноправным немецкому и мог использоваться в государственных учреждениях.

Следует заметить, что для начала это были существенные уступки. Однако разбухенных революционной волной 1848 г. венгров они не удовлетворили. В Венгрии требовали большего, в частности усиления роли сейма и введения законов, принятых в 1848 г., но затем отмененных. Активно действовавшая в этой стране молодежь стала брать под контроль муниципальные органы власти, изгоняя оттуда чиновников из числа австрийцев. Взрыв недовольства вызвал ответную реакцию Вены, где в феврале 1861 г. была предложена уточняющая реформа рейхсрата, в котором возникла нижняя палата из представителей, избранных ландтагами. В Венгрии, однако, на основе новой конституции избрали сейм, но посылать своих кандидатов для участия в работе рейхсрата он отказался, после чего в августе 1861 г. венгерский сейм был распущен. Вскоре из рейхсрата вышли и депутаты всех остальных инациональных земель, от Хорватии до Польши. Это открытое нежелание сотрудничать с Веной и предъявленный новым венгерским сеймом 1865 г. фактический ультиматум в сочетании с неудачами в военных столкновениях заставили австрийское правительство отказаться от предложенных в феврале 1861 г. уточнений. Более того, встал вопрос о налаживании с Венгрией отношений нового типа.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ АВСТРО-ВЕНГРИИ

Очередная военная неудача империи Габсбургов — война с Пруссией 1866 г. — заставила Вену в феврале 1867 г. принять предложение венгров о создании нового государства, Австро-Венгрии. Это соглашение в некотором смысле разделило империю на две части, породив ситуацию политического дуализма при весьма слабом приоритете имперской Австрии. Лишь три относящихся к обоим государствам

министерства (финансов, иностранных дел и военно-морское) и один правитель, которым в Венгрии считался не император, но **венгерский король Франц-Иосиф**, были общим началом для этих двух государств. Все остальное — дело каждого из них. При этом в состав Венгрии были включены Хорватия, Славония, Словакия, Словения, Трансильвания, Воеводина, Закарпатская Украина, Банат и Риека (сводное наименование **Транслейтания**), тогда как в Австрии остались Чехия, Моравия, Силезия, Далмация. Галиция, Буковина, Крайна, Горица, Истрия и Триест (**Цислейтания**). Таким образом, на смену единой империи пришла некая, как ее стали привычно именовать в историописании, дуалистическая монархия. При этом каждая из обеих половин нового государства имела свои законодательные собрания и правительства. Мало того, в декабре 1867 г. в текст новой конституции, уточнявшей условия переустройства империи Габсбургов, были включены важные положения о гражданских свободах, включавшие неприкосновенность личности, независимость суда. В итоге все жители (граждане) Цислейтании в пределах своей страны именовались австрийцами, а Транслейтании — венграми, что, как легко понять, не сняло характерную для обеих новых стран напряженность в национальном вопросе. Что же касается уровня промышленного развития и буржуазных преобразований, то стоит заметить, что Венгрия с ее более отсталыми и в основном восточными окраинами во многом значительно уступала Австрии.

Дуализм сыграл полезную роль для обеих частей империи. В Австрии он привел к быстрой и окончательной победе буржуазии, что проявилось в создании соответствующих правительственных и иных государственных организаций, свойственных конституционной монархии. Был нанесен серьезный удар по католической церкви, привыкшей вести себя в Австрии как у себя дома. Проблемы гражданского брака, обучения в школе, не говоря уже о свободе вероисповедания, были частями этого наступления на клерикалов. Венгрия сосредоточила усилия на ускорении темпов промышленного развития и то и дело предъявляла Австрии те либо иные финансовые требования, которые по большей части удовлетворялись. Однако главной проблемой для обеих стран, возникших на развалинах старой империи, оставался национальный вопрос. Это и неудивительно. Дело даже не в том, что в оба государства было включено множество национальных окраин, а подчас и таких крупных развитых стран, как Чехия. Гораздо более сложной и практически безвыходной ситуацией как для Австрии, так и для Венгрии оказался тот факт, что в национальных окраинах

остались собственные неразрешимые проблемы, которые до поры до времени не выступали на передний план. Они вышли на авансцену именно теперь и как раз потому, что разделение империи на две части породило законное желание национальных окраин продолжить этот процесс или по крайней мере сделать что-то аналогичное в том же направлении, хотя бы в рамках некоей автономии.

Чехия. Первыми проявили свое законное неудовольствие чехи. Уже в 1868 г. они резко выступили против существования Цислейтании, заявив в специальной декларации, что корона Богемии не менее легитимна, нежели венгерская. На протяжении 1870-х гг. чешские политические партии отказывались сотрудничать в представительных органах с австрийцами. Чехи на широких народных собраниях *-таборах* (термин существовал со времен гуситов) активно выступали за национальное равноправие и политическую самостоятельность, причем в первых рядах оппонентов Австрии оказалась образованная в 1874 г. партия младочехов. Ее лозунгом стала триединая конституционная Австро-Венгро-Чешская монархия во главе с Габсбургами. Противостоявшие им старочехи были более умеренными в требованиях. Они в 1880-х гг. добились большинства в пражском сейме, признания чешского языка наравне с немецким и создания собственного чешского университета на базе знаменитого Карлова университета в Праге.

В 1890-х гг. соотношение сил изменилось в пользу младочехов, которые в рейхсрате (имеется в виду чешская квота в Вене) оказались в большинстве. Впрочем, к этому времени младочехи сильно умилили свои первоначальные требования и вписались в политику сотрудничества с Австрией, что вызвало раскол в их партии и привело к созданию нескольких новых, включая социал-демократов. Рост рабочего движения в Чехии соответствовал ускорявшимся темпам буржуазного производства, сильно изменявшего уровень и образ жизни всего населения. Следует заметить в заключение, что на территории Чехии жило немало немцев и что это также затрудняло решение национальных проблем. Чешские немцы были против того, чтобы обязательно изучать чешский язык, на чем настаивали чехи, требовавшие от всех служащих знания обоих языков. Вопрос формально был почти решен уже в 1897 г., но фактически дело затягивалось.

Моравия, населенная в основном чехами, была в промышленном отношении достаточно развитой. Однако проблема автономии здесь, насколько известно, остро не стояла. Быть может, потому, что тесная связь с Чехией в какой-то мере обеспечивала и все ее интересы, осо-

бенно в тех важных случаях, когда решался принципиальный вопрос о равенстве языков.

Словакия, в отличие от Моравии населенная в основном словаками, хотя и немалым количеством чехов, в 1870-х гг. не сумела добиться автономии и была подвергнута сильной мадьяризации. Отсталость страны — опять-таки в отличие от Моравии — способствовала усилению национального гнета со стороны венгров, промышленность развивалась слабо, а ошутимое аграрное перенаселение вело к интенсивной эмиграции. Связи с чехами, активно боровшимися за собственную автономию, в те времена мало что давали словакам.

Аналогичные процессы происходили и в венгерской части империи. **Хорватия**, которая по соглашению с Венгрией еще в 1868 г. пользовалась автономией и даже имела свой сейм, прочно стояла на страже национальных достижений. Правительством управлял назначавшийся венгерским королем бан из числа хорватов и даже в венгерском правительстве был всегда один министр из хорватов. Государственным языком был хорватский. Хорватия, в которой было крайне мало иноземцев, сумела вовремя добиться такой суммы национальных прав и привилегий, какой не имел никакой иной народ, входивший в состав Австро-Венгрии. Стоит в этой связи заметить, что в 1883 г. она резко отвергла проект придания венгерскому языку, который считался государственным в Транслейтании, статуса, равного хорватскому. А в 1895 г. одна из местных партий предложила даже проект создания Австро-Венгро-Хорватской империи с включением в состав Хорватии Боснии и Герцеговины, которые после успешного восстания против турецкого владычества были по решению Берлинского конгресса 1878 г. переданы во владение Австрии.

Далмация, расположенная на побережье Адриатического моря неподалеку от Хорватии, не была крупным государственным образованием, но на автономию претендовала, о чем свидетельствует восстание 1869 г., впрочем, не приведшее к существенным результатам.

Трансильвания, населенная в основном венграми и румынами, вошла в состав Транслейтании с удовлетворением и — в отличие от Хорватии и Далмации — на автономию, во всяком случае вначале, не претендовала. Требования такого рода появились лишь с 1881 г., после создания Румынской национальной партии Трансильвании.

Стоит упомянуть о том, что даже факт разделения доставшихся Австро-Венгрии польских территорий на две части (Галиция со Львовом считалась отдельно) приводил к противоречиям и, в частности, мешал принятию решений о реформе избирательного права.

Со временем в Австро-Венгрии произошло некоторое сближение обеих частей империи. Национальные страсти, требования автономии и прочие осложнения побудили венгров не идти на обострение отношений с Австрией, что было лейтмотивом их политики в первое десятилетие дуализма, когда Венгрия стремилась утвердить себя не только как почти самостоятельное государство, но и как вроде бы мини-империю. Все это было разумно, ибо и Вена шла на уступки мадьярам, то изменяя старые наименования армии либо министерств, то принимая во внимание позицию Бисмарка, нуждавшегося в поддержке со стороны именно Венгрии, то учитывая усиление роли России на восточных окраинах Австро-Венгрии.

Присоединение к империи по решению Берлинского конгресса 1878 г. Боснии и Герцеговины, в которых в те времена мусульмане составляли лишь чуть больше трети населения, было одним из важных факторов, которые способствовали укреплению позиций Австро-Венгрии на восточных окраинах (формально эта территория была аннексирована лишь в 1908 г.). В целом же укрепление этих позиций и некоторая внутренняя стабилизация при сохранении острых противоречий в борьбе за национальные и социальные квоты и курии в парламенте позволили провести в стране в 1896 г. долгожданную реформу избирательного права. Условия реформы были далеки от идеальных, но они все же несколько улучшили ситуацию в целом. В рейхсрате создалась система взаимных противовесов, которая, правда, подчас более мешала достижению соглашения, особенно с чехами, но также и с венграми, нежели помогала этому. Интриговала церковь, делавшая ставку то на антисемитизм, то на борьбу с не слишком сильным в империи протестантизмом. В рейхсрате появились — правда, немногочисленные — социал-демократы. Партии и группировки подвергались быстрым переменам. Старые исчезали, на смену им приходили новые, но общий баланс сил менялся мало. В конечном счете все это, вместе взятое, препятствовало развитию империи, которая в плане буржуазной эволюции намного уступала тем темпам, что были заданы в соседней и родственной Германии мудрым Бисмарком. В итоге даже в реформированном облике Австро-Венгрии древняя империя Габсбургов окончательно уходила на второй план.

ИСПАНИЯ

Испания после событий 1840-х гг. оказалась, как упоминалось, под властью жестких правителей. На эту страну, в отличие от многих дру-

гих, парижская революционная волна конца 1840-х гг. оказала очень незначительное влияние. Местные правители стояли на страже позиций церкви и даже посылали свои отряды на помощь французам, защищавшим вечный город и резиденцию понтифика от Гарибальди. В стране шла ожесточенная внутренняя политическая борьба, а стоявшая во главе государства королева Изабелла II активно поддерживала сторонников крайней реакции и была даже готова упразднить кортесы. Однако развитие событий все же пошло иным путем. Государственный переворот военных в 1854 г., поддержанный мадридцами, заставил королеву созвать Учредительные кортесы. Конституция 1855 г. вернула страну к 1837 г., когда была с некоторыми модификациями восстановлена буржуазная конституция 1812 г. Но политическая борьба в стране не прекращалась, и в ходе этой борьбы победителем в 1856 г. вышла королева, вернувшая к власти реакционных министров. Однако и их время было сочтено.

Стремительные политические вольтфасы в Испании объяснялись тем, что страна была готова к решительным буржуазным преобразованиям, а придворные интриги реакции мешали ей в этом. Сентябрь 1868 г. оказался переломным моментом. Восстание военно-морского гарнизона в Кадисе быстро привело к победе восставших. Власть в стране наконец-то перешла в руки столь долго ожидавшей этого буржуазии. Новые Учредительные кортесы, созданные на основе всеобщего избирательного права, приняли в 1869 г. ряд важных решений. Были провозглашены конституционная монархия и основные свободы, сильно урезаны гражданские и имущественные права церкви, изгнаны из страны иезуиты, создан двухпалатный парламент, а принц Амедео Савойский после длительных торгов с иными претендентами на престол стал королем. Король прибыл в Мадрид на рубеже 1871 г., но уже через два года он был вынужден в создавшейся обстановке острых политических противоречий отречься от престола, после чего 11 февраля 1873 г. Испания стала республикой.

В июне того же года были снова созваны Учредительные кортесы, на которых одержали верх федералисты, сторонники широкой автономии провинций-кантонов. Был принят ряд реформ в системе аграрных отношений и подготовлен проект новой конституции, который вызвал недовольство противников широкой автономии, явно ведшей дело к анархии (среди политиков было сильно влияние Бакунина). В стране возникли острые противоречия между высшими политическими деятелями, затем последовала серия кантональных восстаний и возник

кризис власти. Кантоны вскоре были усмирены военными, среди которых заметно преобладали монархические настроения. Эти настроения логично привели к тому, что в декабре 1874 г. был совершен государственный переворот и новым королем Испании объявили юного Альфонса XII, сына Изабеллы. Молодой человек, однако, оказался склонен к чрезмерным развлечениям, которые быстро истощили его организм. В 1885 г. он умер от острого бронхита, а регентом стала его жена, в тот момент еще не успевшая родить наследника, Альфонса XIII. Время короткой жизни короля совпало с политическим лавированием премьера Кановаса, который сыграл роль в усмирении восставших, но очень мало внимания уделял развитию страны. Новый текст конституции оказался половинчатым, особенно в той ее части, где провозглашалась свобода вероисповедания и в то же время запрещалось публичное отправление иных культов, кроме католического. Восстания в провинциях, особенно баскских, не утихали. Возглавлявшаяся Кановасом консервативная партия вытеснялась либералами. Во внешней политике неудачи и дипломатические промахи следовали друг за другом. После смерти Альфонса XII положение в стране стало, однако, понемногу выправляться.

В 1890 г. было введено всеобщее избирательное право, которое, впрочем, при численном господстве в стране отсталого крестьянства мало что дало. И все же этот важный акт сам по себе означал, что представители испанской буржуазии твердо стали у власти, а буржуазное производство заработало на полную мощность. Самый конец века оказался очень показательным в этом смысле. Именно теперь начали расти города, быстро строились железные и шоссейные дороги, бурными темпами развивался товарооборот, включая торговлю с Филиппинами и Кубой. И хотя обе эти колонии как раз в это время были потеряны, страна от этого не слишком много утратила. Пусть более медленно, нежели остальные крупные страны Западной Европы, но Испания становилась буржуазной конституционной монархией. Другого пути у нее не было. Впрочем, это норма практически для всей Европы. Имеются в виду страны, среди которых были как высокоразвитые, так и достаточно отсталые.

НЕБОЛЬШИЕ СТРАНЫ ЕВРОПЫ

Бельгия, как упоминалось, окончательно отделилась от Голландии в 1839 г. Парижская революционная волна 1830 г. привела к разрыву ее с Голландией. На политической карте Западной Европы возникла еще одна конституционная монархия. Конституция 1831 г. была одной

из наиболее передовых для своего времени. Буржуазия, а также содействующий быстрому буржуазному промышленному развитию страны парламент при некотором ограничении роли церкви способствовали успешному развитию страны с ее нарастающими темпами эволюции. И хотя в середине века увеличение роли клерикалов в парламенте и правительстве снова стало ощущаться, этот период был не слишком долгим. В 1870-х гг. к власти в стране пришло либеральное правительство, а страна в это время все более уверенно выходила в первые ряды промышленно развитых государств Европы. Политика антиклерикализма привела в 1879 г. к принятию закона о светском начальном образовании и даже к последовавшему за этим политическому разрыву с Ватиканом. Правда, возврат к власти католиков в 1884 г. восстановил отношения с папским Римом, но изменения в конституции 1890–1893 гг. ослабили позиции клерикалов и способствовали ряду прогрессивных реформ.

Было введено всеобщее избирательное право с несколько необычной системой распределения голосов между избирателями (некоторые категории их получали по два-три голоса). После этого в стране возникло несколько политических партий. Большинство было у христианских демократов, но некоторое количество мандатов в новом парламенте в 1894 и 1898 гг. получили и социалисты.

Нидерланды (Голландия). Согласно конституции 1848 г. в этой конституционной монархии роль парламента (Генеральных штатов) и особенно правительства резко возросла. Были твердо провозглашены основные буржуазные свободы, сформировалось несколько политических партий — либеральная, консервативная, протестантская и католическая, которая имела сторонников в основном в той части Брабанта, что отошла к Нидерландам. Согласно закону 1857 г. школа была отделена от церкви, а закон 1878 г. подтвердил это важное решение. С 1870 г. большинство в парламенте принадлежало либеральной партии. В самом конце века к числу партий прибавилась социалистическая, имевшая несколько мандатов. Однако, как и в других странах Западной Европы, социалисты в идейном плане резко расходились друг с другом, что вскоре привело к расколу партии на ряд более мелких. Голландия продолжала быть одной из наиболее развитых буржуазных стран Европы, а в конце XIX столетия это стало наиболее заметным. Как и прежде, нидерландская буржуазия занимала лидирующие позиции в транзитной морской торговле, в том числе колониальной. Роттердам вновь добился статуса одного из крупнейших мировых портов.

Дания на протяжении второй половины XIX столетия была, как и большинство североевропейских стран, конституционной монархией с весьма развитым для середины века буржуазным производственным потенциалом. В 1849 г. она обрела конституцию, подтверждающую этот статус. К тому времени относится и очередной пересмотр проблемы Шлезвига и Гольштейна. При решении данной проблемы вначале были учтены интересы разных сторон, но прежде всего Дании. Затем встал вопрос об уточнении конституции, и этот процесс длился достаточно долго, время от времени рождая новые осложнения, вплоть до вооруженных конфликтов. В итоге Дания в 1864 г. окончательно лишилась власти над столь значимыми частями своего государства. Но если оставить в стороне эту жизненно важную и даже первостепенную для Дании на протяжении ряда десятилетий проблему Шлезвига и Гольштейна, то во всем остальном обстановка в стране была вполне благополучной. Сложные конституционные перипетии, связанные, к слову, не только с территориальным вопросом, но и с взаимоотношениями правительства и парламентского большинства, требовали неоднократного пересмотра основного закона, однако новые конституции, как правило, не касались роли и значимости буржуазии как господствующей части общества. Соответственно вся последняя треть века прошла под знаком энергичного промышленного развития страны, что, впрочем, было характерным и для остальных скандинавских стран.

Норвегия с 1812 г. после ряда сложных политико-дипломатических событий обрела полную свободу от правительства Дании, но оказалась в зависимости от Швеции. Правда, власть эта ее не слишком тяготила, ибо приняла привычную для Скандинавии форму унии, предоставлявшей зависимой стране немалую самостоятельность. Норвежская буржуазия добилась немалых уступок от Швеции, а ее природные богатства (лес, руды) способствовали быстрому промышленному развитию. Движение за разрыв унии началось на рубеже 1860-х гг. и первоначально было связано с проблемой генерал-губернатора, формально представлявшего в Норвегии высшую власть Швеции. Норвежцы поставили вопрос об упразднении этой должности, а принятый ими закон 1869 г. резко усилил роль местного стортинга. В 1873 г. шведский король согласился на упразднение должности генерал-губернатора, что было немалой победой Норвегии. Проблема ослабления и ликвидации унии после этого превратилась в главную политическую цель страны. Параллельно с борьбой за независимость норвежцы вели

острую внутривластную борьбу в стортинге, где в 1898 г. был принят закон о всеобщем избирательном праве.

Швеция в XIX столетии оставалась крупнейшей и наиболее сильной страной Скандинавии, а также находилась в числе развитых стран Европы. Вторая половина этого столетия отличалась усилением в Швеции политики так называемого скандинавизма, выражавшейся в стремлении помочь то Дании в вопросе о Шлезвиге и Гольштейне, то Финляндии в ее проблемах взаимоотношений с Россией. Даже склонность Швеции поддержать сторону союзников в Крымской войне с Россией в немалой степени объяснялась этой политикой. Конституционная реформа 1862 г. привела к заметному росту в стране роли местного самоуправления. В сейме была упразднена дворянская курия, а в нижней палате стали преобладать представители мелких землевладельцев, шведские хуторяне, т.е. часть все той же давно формировавшейся буржуазии. Внимание к школьному образованию позволило сделать большой шаг в направлении роста культурного уровня населения страны. Уровень и темпы роста промышленного производства соответствовали наиболее высоким из тех, что были достигнуты в это время в самых развитых странах Западной Европы.

Последняя треть века была также временем проведения ряда давно назревших в стране реформ — налоговой и военной. В сфере торговой политики преобладал принцип фритредерства, т.е. свободной торговли. Наиболее серьезной со временем становилась проблема унии с Норвегией, конец которой был уже близок. Впрочем, политика скандинавизма не сильно страдала от того, что проблема унии разделяла общественное мнение Швеции и Норвегии на рубеже XIX–XX вв. Поэтому она в конечном счете была решена безболезненно. Стоит заметить в заключение, что быстрый рост промышленности вел к развитию рабочего движения в форме профсоюзов, а также к появлению ряда партий социалистической ориентации. Особого внимания заслуживает нейтральная позиция Швеции в международных делах, которая в конце века стала уже твердой и всеми признанной нормой.

Швейцария во второй половине XIX в. быстрыми темпами развивалась по пути буржуазной демократии. В конституцию 1848 г. в 1874 г. были внесены дополнения, расширявшие права центрального правительства (кабинет из семи министров), избиравшегося парламентом, и в то же время ограничивавшие его возможности контролем со стороны плебисцитов и федерального суда. Была также ограничена сфера влияния церкви. Швейцария с середины

века твердо установила принцип нейтралитета в международных делах, причем этот принцип, сохраняющийся и в наши дни, очень хорошо служит Швейцарии. В частности, он превратил это маленькое, но полное достоинства альпийское государство в международный банк. Банковские сейфы в альпийских горных скальных породах в условиях твердого нейтралитета — это нечто важное, приносящее стране немалый доход. Сен-Готардский туннель, построенный в 1881 г., стал еще одним важным источником дохода. Словом, Швейцария, давно уже отличавшаяся свободолюбием своего полного достоинства населения, потомственных горцев, в условиях бурно расцветающего во всей Западной Европе буржуазного производства с его все убыстряющимися темпами роста быстро превратилась в одну из самых богатых и процветающих стран. Забота о гражданах, обо всех лицах наемного труда стала здесь повседневной нормой. В 1880-х гг. было принято несколько соответствующих законов, связанных со страхованием, ответственностью предпринимателей и т.п. Неудивительно и то, что Швейцария все чаще становилась местом, где различные, в том числе враждующие друг с другом государства собирались на важные конференции и принимали серьезные многообещающие решения. Соответственно центры многих международных организаций начали создаваться именно здесь.

Португалия оказалась в годы наполеоновских войн под властью Франции. Наполеон пытался укрепить здесь свое влияние, но не сумел. Вмешательство англичан помешало этому. Годы фактического безвластия способствовали разорению страны и массовой эмиграции ее населения, прежде всего в Бразилию. Попытка военных вмешаться в политику успеха не имела и была подавлена английскими оккупантами. Однако очередной переворот 1820 г. удался, после чего португальский король вернулся из Бразилии в Лиссабон. Бразилия сразу же после этого объявила о своей независимости и избрала себе нового правителя, а взявшие в Португалии власть офицеры созвали кортесы и приняли конституцию по образцу испанской 1812 г., т.е. конституцию, навешенную революцией во Франции. Несмотря на сложную политическую борьбу вокруг принятой восставшими конституции, ее сторонники вышли победителями, что и обусловило осуществление ряда важных реформ, способствовавших буржуазному развитию страны. Это направление движения вперед было подкреплено в сентябре 1836 г. массовым выступлением лиссабонцев. Однако уже в 1842 г. мятеж реакции свел эти достижения на нет, пока в 1846 г. очередное народное восстание не вернуло страну на путь буржуазных реформ.

После этого на протяжении двух десятков лет политическая жизнь страны была неустойчива, что резко отрицательно сказалось на развитии страны. Продолжалась массовая миграция в Бразилию, а то и в африканские колонии Португалии — в Анголу и Мозамбик. Ежегодно страну покидало 15–20, а то и 30 тыс. переселенцев. Финансовое положение страны было едва ли не катастрофическим. И так продолжалось практически целое столетие. Лишь изредка — да и то в основном уже в конце века — наступали периоды относительного успешного развития экономики. Но и здесь свойственная периодам быстрого экономического роста спекулятивная горячка то и дело срывала нормальные темпы эволюции. Словом, из всех стран Западной Европы Португалию следует выделить особо и считать едва ли не самой неудачливой с точки зрения успешного продвижения ее вперед по буржуазному пути развития.

Особо следует сказать о тех небольших **балканских государствах**, которые либо, как Греция, частично уже стали свободными, либо, как Болгария, Румыния, Сербия, Черногория, Македония, стремились освободиться от власти турок или ослабить свою зависимость от них. Здесь очень важно принять во внимание, что великие державы не имели общего мнения по этому вопросу. Более того, страх перед успехами России в ряде русско-турецких войн и не очень-то скрывавшееся ее стремление овладеть проливами, открывавшими выход из Черного моря в Средиземное, вызывали опасение и противодействие, особенно со стороны Англии.

В Греции после восстания 1843 г. и принятия королем буржуазной по ее основным параметрам конституции основной политической задачей было освобождение тех частей страны, которые оставались под властью Османской империи. В годы Крымской войны 1853–1856 гг. она попыталась добиться кое-чего в этом направлении, но под давлением Англии и Франции была вынуждена отступить. Массовые народные выступления 1862 г. привели к вооруженному восстанию, низложению короля Оттона и созыву Национального собрания. В 1864 г. новый король Георгиос принял конституцию, включавшую однопалатный парламент, основные свободы и всеобщее избирательное право. С этого времени развитие по буржуазному пути стало приносить заметные результаты. Успехам способствовала, в частности, политика концессий. Не имея достаточной собственной производственной базы, правительство разумно прибегало к помощи более развитых держав, что и давало неплохие результаты. К сожалению, внутривнутриполитические

распри сильно ослабляли страну, что не позволило Греции активно вмешаться в восточный кризис 1876–1878 гг., завершившийся Берлинским конгрессом. А все попытки греков оторвать от Османской империи какую-либо часть своей территории не приносили успеха.

В **Сербии** политические и тем более экономические процессы не вели страну к быстрому развитию. В 1858 г. возник острый политический конфликт, в результате которого скупщина лишила престола державшего сторону Австрии князя Александра Карагеоргиевича и вернула к власти Милоша Обреновича. В 1869 г. была принята буржуазно-либеральная конституция, в рамках которой власть делили князь и избиравшаяся на три года скупщина. Князь назначал Государственный совет (правительство), а к избранию депутатов допускались все налогоплательщики. Не стоит, однако, преувеличивать либерально-буржуазный уровень конституционного стандарта в отсталой стране, где почти все население составляли крестьяне, хотя сдвиг вперед все же ощущался. По решению Берлинского конгресса в 1878 г. Сербия обрела было полную независимость, однако уже в начале 1880-х гг. она оказалась в зависимости от Австрии. С 1882 г. Сербия превратилась в королевство. Конституция 1888–1889 гг. провозгласила в стране основные гражданские свободы и установила всеобщее избирательное право. Но через несколько лет король отменил эту конституцию, восстановив прежнюю.

Территория **Болгарии** находилась под властью Османской империи вплоть до русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в ходе которой Россия не только освободила болгар (вспомним славную победу в боях за Плевну), но и добилась по Сан-Стефанскому договору создания независимой Болгарии. Однако Берлинский конгресс пересмотрел итоги войны и расчленил Болгарию на две части, северную с Софией, которая осталась в вассальной зависимости от Османов, и южную Румелию во главе с христианским генерал-губернатором, назначавшимся турками. Вошедшая было в состав Болгарии Македония осталась владением Турции. В Болгарии в 1879 г. была принята конституция, провозгласившая страну конституционной монархией. Было введено всеобщее избирательное право с однопалатным парламентом. В 1885 г. Румелия объявила о присоединении к Болгарии, что вызвало недовольство ряда стран и привело к «болгарскому кризису», а затем и к вооруженному конфликту с Сербией. В конечном счете русское влияние в Болгарии было утрачено в пользу германо-

австрийского, а весьма слабо развитая Болгария осталась на долгие годы во враждебном России политическом альянсе.

Румыния двигалась к независимости достаточно медленными темпами. Парижский мирный договор 1856 г. и конференция 1858 г. способствовали сближению Молдавии и Валахии. В январе 1859 оба княжества избрали своим господарем одно и то же лицо — Александра Кузу, который, однако, создал два *дивана*. Вскоре оба они собрались вместе в Бухаресте и создали единое законодательное собрание и кабинет. Впрочем, это формальное объединение, которое рассматривается как важный акт создания Румынии, сопровождалось рядом сложных интриг и было связано вдобавок ко всему с проблемой монастырских доходов. В конечном счете Куза решил церковную проблему, создав в Румынии национальный синод. Решением от 14 мая 1864 г. он ввел двухпалатный парламент и вскоре после этого осуществил аграрную реформу, раздав две трети помещичьих земель крестьянам за определенный не слишком большой выкуп. Куза создал систему местного самоуправления, суд присяжных, принял закон об обязательном начальном образовании. Однако вскоре после этого он был свергнут недовольными реформами. Взамен был избран новый правитель и в 1866 г. введена в строй новая конституция. В Румынии появились партии, боровшиеся за власть. А покровительствовать новому государству взялась Франция. Берлинский конгресс признал независимость Румынии, и это создало благоприятные условия для ее развития по буржуазному пути, о хорошем знакомстве с которым позаботились, в частности, опекавшие страну французы. В конце века в Румынии быстрыми темпами стало развиваться промышленное производство. Ее торговые обороты превосходили те, которых добивались некоторые другие балканские соседи. Увеличивался бюджет страны и значительно улучшался уровень жизни, что было наиболее заметно на примере получивших землю крестьян. Но развитие страны шло все же довольно замедленными темпами.

ТРУДНОСТИ ПУТИ

Для всех стран, о которых шла речь в этой главе, были характерны где небольшие, где более заметные, а то и невероятные сложности, связанные с выдвиганием на передний план местной буржуазии и с реформами, которые призваны были этому содействовать. Сложности эти были далеко не одинаковыми, но борьба с ними почти везде требовала определенных, а чаще всего очень больших усилий. Усилия

имели различный характер и резко варьировали в зависимости от конкретной обстановки.

Для Италии с ее некогда блиставшей Ломбардией проблема прежде всего сводилась к отсутствию политического единства и — что в некотором смысле еще важнее — к объективному изменению экономически выгодных торговых путей. Вынужденная оторванность городов Ломбардии от основных путей мировой торговли, открывшихся после Великих географических открытий, способствовала экономическому упадку, справиться с последствиями которого было очень не просто. Для Австрии главной сложностью оказались слабость имперской власти и разнородность населения окраин, которые со временем все более ощутимо давали о себе знать. Для Испании — общая отсталость страны, спровоцированная самой ее политической элитой страны с начала освоения Нового Света. И революция цен, и откровенное нежелание власти способствовать развитию своей буржуазии, и засилье церкви с ее страшной инквизицией, и многое другое, с этим связанное, в том числе отсталость подавляющего большинства населения, сыграли при этом свою роль. Для Португалии или Греции, не говоря уже о балканских странах, находившихся под опекой Османов, трудности были несколько иными, но тоже весьма и весьма ощутимыми, порой почти непреодолимыми.

Но независимо от того какими были сложности развития и причины отставания, основные противостоявшие им факторы сыграли свою важную роль и фактически обеспечили всем странам, о которых идет речь, возможность приложить усилия ради того, чтобы догнать других, которым удалось уйти достаточно далеко вперед. Как то ни покажется странным, но к концу XIX в. многое в этом направлении было сделано во всех больших и малых странах, о которых шла речь в главе. Сработала всеобщая норма буржуазного развития, которая в поисках рынков сбыта, необходимых для реализации ее все возрастающей продукции, постоянно стремилась заполнить исторически создававшиеся пустоты, тем более близкие. Большую роль кое-где сыграла и ощутимая помощь извне. Разумеется, помогавшие отставшим страны отнюдь не были бескорыстными благодетелями. У каждой из них имелись свои интересы, а за помощь приходилось так или иначе расплачиваться. Но это было все-таки легче, нежели все заново создавать самим. И такого рода важное обстоятельство сыграло роль в ускорении темпов промышленного развития и в усилении позиций буржуазии везде, где только для этого предоставлялись воз-

возможности. В конце XIX столетия все это стало заметным на примере даже отдаленных от европейского субконтинента колоний разного типа (заселенных преимущественно европейцами и иных) либо различного рода зависимых и тем более независимых стран Востока. Так что же говорить о Европе? Конечно, трудности оставались. Они проявлялись во многом. И все же главное было сделано. Несмотря на все происки и интриги феодальной реакции, которые на протяжении столетия уменьшались и к концу его фактически сошли на нет, буржуазия во всех странах Западной Европы, включая и весьма отсталые из их числа, быстрыми темпами шла вперед. Она достигала успеха за успехом в главном, т.е. в промышленном производстве и резком ускорении темпов буржуазного преобразования.

Глава девятая. МЕЖДУНАРОДНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ СДВИГИ

Политико-дипломатические методы решения важных международных проблем и стремление не опоздать с решением национальных задач и с буржуазными преобразованиями сыграли определенную роль в том, что на передний план в Европе в XIX в. выходили не войны, во всяком случае не большие. Конечно, наполеоновские войны мелкими не назовешь. Но они как бы выносятся за скобки по той простой причине, что именно благодаря им буржуазные преобразования вышли на первое место и тем способствовали началу резкого убыстрения темпов эволюции Запада. Если коснуться еще раз роли Венского конгресса и всей созданной им системы, то окажется, что, хотя эта система и сыграла определенную роль в сохранении некоторой стабильности, главное было не в ней. Скорее, напротив, большинство важнейших событий, связанных с проблемами национального освобождения или объединения, шли вопреки ей и подчинялись логике парижских революционных волн, продолжавших великое дело революции.

Но обратим теперь внимание на войны, политико-дипломатические союзы и ту роль, которую это сыграло во второй половине XIX в. Немногие войны, разного рода альянсы и многосторонние соглашения соединяли все те важные события, которые совершались в разных странах, но вынужденно были затронуты фрагментарно, по частям, в разных главах. Итоговая глава, в которой они собраны вместе, позволяет дать оценку основам и динамике международных отношений.

ВОЙНЫ, ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ

После наполеоновских войн и парижских революционных волн Западная Европа в какой-то степени успокоилась. Каждое из государств занялось своими делами, связанными с обеспечением ускоренных темпов буржуазной эволюции и с решением давно назревших общенациональных проблем. Однако это вовсе не значит, что внутринациональные войны или дипломатические усилия не выходили за пределы того либо другого государства. Скорее, напротив, они постоянно втягивали в процесс решения внутренних проблем соседние страны, как то было на примере борьбы за объединение Италии и Германии. Более того, события, связанные с внутринациональными интересами, постоянно вызывали напряженное внимание со стороны ведущих держав Западной Европы, ибо они сказывались на балансе сил, в сохранении либо незначительном изменении которого эти державы были заинтересованы.

Англия, например, была заинтересована в том, чтобы не дать усилиться ее вечным соперникам, Испании и Франции. Примерно так же обстояло дело и с отношением ее к усилившейся России. Великобритания стояла перед нелегким выбором, когда греки в борьбе за независимость восстали против османского ига. С одной стороны, поддержать греков было необходимо по многим важным соображениям, начиная с того, что это соответствовало общей тенденции, давно наметившейся в Европе. А с другой — ослабление империи Османов, и без того терявшей силу под нажимом в основном со стороны России, было совсем не в ее интересах, ибо усиливало позиции соперника. Роль этого соперника все возрастала не только на Ближнем Востоке, но и в районах, прилегавших с севера и северо-запада к Британской Индии. Поэтому Англия после решения проблем Греции изменила свой политический курс в пользу Османов, хотя при этом с еще большей энергией стала поддерживать Египет, превращавшийся в соперника Турции, своего слабеющего сюзерена.

Франция никогда не была союзником Англии. Более того, в делах, связанных с ближневосточными проблемами, эти державы явно соперничали друг с другом. Однако в момент очередного обострения отношений России с Османской империей в середине века она оказалась в одном военном лагере с ней и с Турцией, ибо не желала — как и Великобритания — чрезмерного усиления России. Руководство России явно на это не рассчитывало. Итог же развернувшихся след за этим событий

был для него неутешительным. Как о том уже упоминалось, Крымская война 1853–1856 гг. завершилась поражением России и только соперничество Франции и Англии в процессе выработки Парижского мирного договора привело к тому, что потери России оказались не слишком серьезными. Впрочем, договор фиксировал, что роль России в международных делах, которая была столь заметна в начале века после наполеоновских войн, стала много скромнее и адекватно отражала ее явное отставание от западноевропейских держав в процессе буржуазных преобразований. Равным ей соперником в Европе оставалась после Крымской войны разве что слабевшая и тоже отнюдь не преуспевавшая в буржуазных преобразованиях Османская империя.

Пруссия под руководством Бисмарка с 1860-х гг. стала быстро превращаться в одну из сильнейших держав Европы, что она и сумела доказать в годы франко-прусской войны, завершившейся не столько поражением Франции, которая скорее выиграла от крушения империи, сколько триумфом объединенной Германии. Австрия, несмотря на то что усиление Германии произошло в основном за ее счет, оказалась ближайшим и наиболее верным союзником Бисмарка. В итоге в Европе к последней трети XIX столетия сложился новый, но зато достаточно устойчивый баланс сил. Значительных войн более практически не было, а умелое дипломатическое лавирование вело к закреплению упомянутого баланса. Наиболее отчетливо это проявилось в конце 1870-х гг., когда очередная русско-турецкая война привела к Сан-Стефанскому договору в марте 1878 г. Согласно этому договору была сделана попытка создания Великой Болгарии — от Черного моря до Эгейского. Румыния, Черногория и Сербия обретали независимость от Турции, а Россия получала Батум, Карс, Ардаган и Баязет, а также часть Бессарабии и Измаила.

Поскольку столь серьезные уступки сделала Турция в условиях, когда русские почти что подошли к Константинополю, европейские державы всполошились. Было совершенно ясно, что и Великая Болгария, и по меньшей мере некоторые другие обретшие независимость страны окажутся под влиянием России, что существенно изменит сложившийся баланс сил. На специально созванном ради этого Берлинском конгрессе в том же 1878 г. Англия, склонная защитить от России слабеющую Турцию, и Австро-Венгрия, чьи владения находились рядом с территориями, обретавшими независимость, настояли на денонсации и пересмотре Сан-Стефанского договора. В Берлин прибыли также представители России, Франции, Германии, Италии, Турции и даже

Ирана, а также некоторых балканских государств. Шли интенсивные переговоры, и заключались закулисные сделки. В итоге Болгария была территориально и политически урезана до уровня небольшого княжества, формально даже находившегося в вассальной зависимости от султана, а включенная было в ее состав Македония возвращена Турции. Независимость Сербии, Черногории и Румынии была сохранена, но в добавление к этому Австрия обрела Герцеговину и Боснию. Русские же приобретения в Турции сократились за счет Баязета.

Как видно из изложенного, Россия лишилась не слишком многого, если не считать ее расчета на влияние в Великой Болгарии. Кое-что приобрела Австро-Венгрия, кое-что возвратилось в империю Османов, и в итоге баланс сил на востоке Европы («восточный вопрос», как его уже привыкли именовать) остался примерно в таком же, что и до победоносной для России войны. Берлинский конгресс был в некотором смысле уроком для нее: коль ты недостаточно сильна и не слишком торопишься с развитием по пути интенсивных буржуазных преобразований, не рассчитывай на то, что победа над равным тебе слабым государством будет воспринята Западной Европой без весьма серьезных возражений.

Последнее, о чем следует сказать в связи с проблемой войн, политики и дипломатии ведущих держав Западной Европы в конце XIX столетия, — это вопрос о политических блоках и союзах. Вообще-то блоки, союзы и даже многосторонние коалиции не были нове для Европы. И в самом начале XIX в. они тоже создавались. Венский конгресс был, пожалуй, наиболее заметным в этом смысле. Но его времена ушли в прошлое еще в первой трети столетия. В последней же его трети соотношение сил сильно изменилось за счет Германии, Италии и России, не говоря уже о переменах в Австро-Венгрии, Скандинавии или в более мелких странах Западной Европы. Изменения в соотношении сил логично выдвинули на передний план интенсивную многостороннюю политико-дипломатическую деятельность, смысл которой был не только в том, чтобы сохранить стабильность и баланс сил, но и в том, чтобы обеспечить сохранение и укрепление позиций отдельных держав и соблюдение их интересов.

В 1879 г. сложился достаточно крепкий союз Германии и Австро-Венгрии, явно — но не откровенно! — направленный против России. Чуть позже, в 1882 г., Бисмарку удалось сломить естественное недоверие Италии к Австро-Венгрии, с которой она совсем недавно воевала за отторгнутые Австрией территории, в основном за Венецию, и соз-

дать Тройственный союз, уже более очевидно направленный против России и Франции. Союз был достаточно серьезным. Он предполагал взаимную военную помощь и при этом включал ряд условий, притягательных прежде всего для Италии. Как то ни покажется парадоксальным, но параллельно с упомянутым союзом Бисмарк в 1881 г. согласился на предложение России создать союз трех императоров, русского, германского и австрийского. Правда, не слишком понятный союз императоров был гораздо менее серьезным и крепким, нежели Тройственный. По сути он лишь означал некоторую определенную настороженность трех империй по отношению к Англии и Франции. В частности, в случае конфликта России с Англией либо Германией с Францией предполагался нейтралитет безо всяких обязательств взаимной военной помощи. Для России этот союз был важен в связи со все обострявшимися отношениями с Англией в Центральной Азии и на Ближнем Востоке. К слову, о Тройственном союзе в тот момент еще не было речи, ибо австро-германский договор 1879 г. был секретным, а уломать Италию Германии и Австрии удалось позже, как упоминалось, только в 1882 г.

Может показаться, что тем самым в системе союзов и блоков создавалась путаница. Но на самом деле это не так. Россия вполне сознавала, что союз трех императоров — это скорее фиговый листок, нежели серьезное прикрытие. Однако для нее было важно, чтобы первым потенциальным противником Тройственного союза была все же не она, а Франция, что стало вполне очевидным после того, как искусная дипломатия опытного Бисмарка привела к сближению Тройственного союза с Испанией. Если принять во внимание, что параллельно тот же Бисмарк вел определенный зондаж на переговорах с Англией, которая, впрочем, отказалась от его приглашений и предложений, то были бы основания полагать, что Россия вполне могла ошибаться в своих расчетах. Однако интересы Англии оказались далеки от того, к чему стремился Бисмарк, а непростые англо-русские осложнения не были для Англии достаточным поводом для того, чтобы идти на сближение с Тройственным союзом.

Обстановка в целом складывалась в 1880-х гг. наихудшим образом для Франции. Разве что отставка воинственного Буланже сыграла свою успокоительную роль и привела к тому, что Россия в 1887 г. уже более твердо отказалась содействовать Германии в случае ее войны с Францией. Правда, сразу же после этого Бисмарк вместо рассыпавшегося союза трех императоров добился секретного соглашения

с Россией, которое, впрочем, на деле оказалось не слишком серьезным и обязывающим стороны документом. Вместо этого наметилось сближение России с Францией, что в 1892 г. нашло свое выражение в виде секретной военной конвенции, направленной против Тройственного союза. Эта ситуация окончательно отвратила Англию от поиска каких-то компромиссных контактов с Тройственным союзом. В итоге к концу века в Европе стали достаточно четко оформляться два военно-политических блока, причем соотношение сил теперь все более очевидно стало зависеть от того, какую позицию в конце-концов займет Англия, пока что придерживающаяся еще традиционного для нее принципа изоляции. Как известно, все окончательно стало на свои места уже в начале очередного и самого страшного в истории человечества XX в.

СОЦИАЛЬНЫЕ СДВИГИ

Эти сдвиги, причем достаточно серьезные и хорошо видные, начались примерно с середины века и стали особенно заметными в последней его трети. Дело в том, что общество в Западной Европе ощутило менялось. Это не видели и не всегда отчетливо сознавали те, кто пытался прогнозировать будущее. Так, в частности, Маркс, который при всем его кажущемся внимании к социальным проблемам не был социологом — да и социология как наука в его времена не сформировалась настолько, чтобы экономисты вроде него с ней считались, — явно не принимал во внимание всего того, что не вписывалось в его экономические выводы. Об этом стоит напомнить, ибо просчеты этого теоретика-утописта были связаны как раз с тем, что он не хотел видеть то, что другим, включая и младших его сторонников вроде Бернштейна либо Каутского, буквально бросалось в глаза: **буржуазное западноевропейское общество быстро изменяется к лучшему**. Но это не вписывалось в теорию марксизма. В чем же суть проблемы?

Ранний этап капитализма уходил в прошлое вместе с английскими работными домами и тем пролетариатом, которому когда-то нечего было терять, кроме своих цепей. На смену ему в XIX в. и особенно с его середины (а это как раз годы жизни Маркса) шел этап развитого и демонстрировавшего все более быстрые темпы эволюции буржуазного производства. Аэростаты братьев Монгольфье начали летать еще в конце XVIII в. Р. Фултон в 1807 г. спустил на воду свой пароход. В 1814 г. Д. Стефенсон построил первый паровоз, после чего если не везде, то во многих местах телеги и фаэтоны были заменены локомотивами,

а составы с товарными и пассажирскими вагонами начали пересекать вдоль и поперек все континенты. И легко представить, сколько тысяч таких и более мощных паровозов и локомотивов вместо парусников и телег начали развозить товары и пассажиров по всей планете. И все это было, заметьте, задолго до смерти Маркса. Он должен был бы оценить не только то новое, что быстрыми темпами одно за другим появляется и служит людям, простым людям, включая и столь любимых им неимущих пролетариев, но и темпы появления этого нового. И, между прочим, это новое постоянно появлялось там, где его никто не ожидал, причем всегда служило прежде всего людям, всем людям, а не столь противным ему буржуа. Но Маркс не хотел этого замечать, хотя и не упускал случая пользоваться буржуазными новинками.

Вот в середине века появилась фотография, и основатель теории марксизма не прошел мимо этого превосходного изобретения. Вот появился телеграф, люди получили возможность передавать сообщения с необычайной для того времени скоростью, и это тоже заметил стойкий борец с буржуазией и ее капиталом. А сколько таких новаций еще было впереди, причем уже рядом! Электричество, вдруг осветившее мир, телефон и радио! Словом, нельзя было не оценить потенций буржуазии и энергично стимулируемой, активно финансируемой ею науки и техники, университетов и ученых. Ведь именно она, буржуазия, сумела прочно опереться на современную ей науку и достижения техники. Она умело использовала хорошо оплаченные ею умы интеллектуалов высокого класса, а также труд специалистов и рабочих, все производительнее трудившихся на все более совершенных и оснащенных машинами предприятиях. А все это заставляло в итоге бешено вращаться капитал, который приносил проценты, т.е. постоянно наращивал новый капитал, пускавшийся в дело!

Но К. Маркс не хотел этого и не желал видеть это. Он скрупулезно подсчитывал, сколько кризисов сопровождало развитие буржуазии, но никак не мог и не хотел понять, что эти кризисы и помогали ей (пусть даже кто-то из предпринимателей при этом что-то терял) еще более быстрыми темпами развиваться. Это происходило на его глазах, но он не хотел этого видеть и адекватно оценивать. Для его теории нужно было, чтобы капитализм загнивал, а буржуазия вырождалась, уступая место неимущему пролетариату. Но капитализм не собирался загнивать, а буржуа не только не вырождались, но напротив, становились все богаче. При этом они немалую и все более значительную долю своих доходов выделяли работавшим на предприятиях и обслуживав-

шим их лицам наемного труда (не говоря уже о налогах, шедших на государственные и городские нужды, о пожертвованиях благотворительного характера). И едва ли следует считать случайным тот факт, что свою главную книгу «Капитал» сам К. Маркс так и не дописал. Похоже, кое-что из того, что он не хотел видеть, он все же видел и создавал. А потому просто не знал, как свести концы с концами.

Как же менялась социальная структура в буржуазной Западной Европе? Все дело в том, что наемный труд становился основной формой труда, причем не только на предприятиях города, но и в сельской местности, и в сфере обслуживания, и везде, где он был нужен. И это был не только труд малооплачиваемых полуграмотных рабочих (чернорабочих, как именовали их у нас при большевиках). Это был и высококвалифицированный труд ученых, изобретателей, инженеров и преподавателей. Необходимо помнить и о медиках, актерах, музыкантах, художниках, интеллектуалах иных профессий, в том числе гуманитарных, и т.д. и т.п. А если все это свести воедино, то получится понятная картина. Суть ее в том, что буржуазный мир открыл дорогу способностям, помог получить образование интеллектуалам, дал возможность проявить себя самоучкам, поставил на ноги всю систему образования, воспитания подрастающего поколения, способствовал развитию высокой культуры и искусства, науки и техники, создал условия для получения квалификации гигантского корпуса работающих, сверху донизу. Нельзя сказать, что ничего такого не было прежде. Но очень важно отметить широту охвата, резкое увеличение потенциальных возможностей, неизмеримый рост уровня достижений во всех сферах человеческой жизни.

БУРЖУА И РАБОЧИЕ

Отдельная тема — взаимоотношения буржуа с тружениками, т.е. с теми столь дорогими марксизму потенциальными пролетариями, которые упорно отказывались включаться в ожесточенную борьбу с буржуа. Работники на этапе развитого буржуазного общества не стремились воевать с ними на «классовых» баррикадах. К. Маркс создал Интернационал, чтобы марксисты могли убедить «пролетариев» идти на баррикады. Этих сооружений во Франции, а потом и в некоторых других странах в дни массовых протестных движений было в XIX в. довольно много. Но те, кто сражался на них, не желали низвергнуть господство буржуа и создать «диктатуру пролетариата». Даже Парижская коммуна к этому не стремилась. И понятно почему.

Здравомыслящие люди не могли понять, зачем низвергать буржуа и что получится после такого низвержения. Не понимали они (как, похоже, и сам Маркс), что такое «диктатура пролетариата», да еще в условиях «отмирания государства». Это действительно трудно понять. А практика XX в. наглядно показала, что «диктатура пролетариата» — это власть руководства правящей и не имеющей никакого отношения к рабочим партии, не колеблющейся в своем праве на произвол и насилие и отнюдь не собирающейся ослаблять государство, которое фактически слито с этой партией, отрицающей частную собственность (власть-собственность с централизованной редистрибуцией). Маркс строил свои утопические теории, полагая, что в XIX в. наступило время, подходящее для того, чтобы «пролетарии» лишились своих цепей и приобрели за это весь мир. Он очень хотел, чтобы они в это верили, но они не верили, потому что у них уже было что терять. Они потому внимали не марксистам, а руководителям тред-юнионов и прочих профсоюзов, что эти организации боролись за решение их конкретных проблем, отстаивали их требования и добивались успеха за успехом. Буржуа признавали силу профсоюзов и сотрудничали с ними, чему содействовало и государство.

Условия их жизни хоть и не слишком быстро, но заметно, десятилетие за десятилетием, улучшались. И это при всем том, что общее количество населения в Европе за XIX столетие выросло более чем вдвое, со 175 до 400 млн человек, прежде всего за счет лиц наемного труда. Это было особенно характерным для промышленно развитых стран. Очень важно, что у всех них, а не у некоей «рабочей аристократии», о которой так любили писать отечественные обществоведы, появлялось стремление к еще лучшей жизни и вполне обоснованные надежды на то, что это осуществимо. Надежды такого рода успешно реализовывались потому, что машинное производство и растущая производительность труда на огромных предприятиях оказались в состоянии изготавливать огромное и постоянно растущее количество товаров, востребованных на рынке и приносящих все большую прибыль.

Далеко не вся эта прибыль шла на увеличение объема производства и тем более в карманы буржуа, различных трестов, картелей, акционерных обществ, акции которых могли купить все, включая тружеников. Но главное не в том, владели рабочие частью акций своих либо чужих предприятий или нет. Гораздо более важным было то, что акции имели обыкновение расти или падать в цене, что зависело от состояния дел на производстве. Здесь уместно вспомнить, что, хотя производства созда-

вали буржуа, руководили ими опытные наемные специалисты из числа инженеров разного профиля и менеджеров. А те хорошо сознавали, что состояние дел на производстве зависит от того, насколько высока и справедлива заработная плата и каковы условия труда. Эта сторона проблемы К. Маркса мало интересовала. А между тем она была той пилой, которая подпилила его надежды на «пролетарскую революцию» в развитых странах Европы, на что он так надеялся. Марксизм практически без боя был вынужден сдавать одну из своих позиций за другой. Позиции эти занимали стоявшие вне политики профсоюзы, а политические интересы трудящихся начинали защищать социалистические партии, отрекавшиеся от марксизма. Более того, самые известные из социалистов, такие как Жорес во Франции или Бернштейн в Германии, начинали противостоять марксизму. После смерти К. Маркса на смену полуразвалившемуся из-за противоречий его лидеров Интернационалу пришел основанный в 1889 г. новый, второй, который год от года становился все более свободным от влияния марксизма.

СРЕДНИЙ КЛАСС

Важно также принять во внимание, что под влиянием буржуазии, ее все ускорявшихся темпов эволюции и небывалого роста производительности труда тот «пролетариат», на который так рассчитывал Маркс, быстро таял. Число рабочих, как и всего корпуса лиц наемного труда, возрастало, да еще как быстро! Но те, кому нечего было бы терять, — а это самый низший слой тружеников, практически исчезали, по крайней мере в Западной Европе и США, развитых именно в буржуазном смысле этого слова. А на смену фантомно-виртуальному «пролетариату» приходили более или менее, но квалифицированные специалисты и вместе с ними работники разных специальностей, к тому же достаточно зарабатывавшие. Неважно, были это буржуа из числа владельцев мелких индивидуально-семейных предприятий, булочники либо бакалейщики, или учителя, врачи, адвокаты, профессора, преподаватели, отставные военные и чиновники, художники и актеры, музыканты, даже бродяжки или продавцы газет, обычные рабочие или зажиточные хуторяне. Это перечисление можно долго продолжать. Не стоит забывать и о все растущем в конце века слое профессиональных рантье, т.е. людей, вкладывавших деньги в акции и живших на проценты с доходов, на дивиденды, т.е. на ренту (откуда и термин).

Число людей, относившихся к вышеперечисленным слоям среднего западного общества, в конце XIX столетия стало более чем значи-

тельным. И это тоже сыграло свою роль во всем том, что так решительно спутало все карты сторонников марксизма с их прямолинейными элементарными расчетами. Вместо воображаемого «классового антагонизма» неимущих и буржуа появлялся и занимал все более весомое место промежуточный между ними слой тружеников, *средний класс*. Мало того, именно этот «класс», эти столь разные по своему происхождению слои населения объективно, причем с самого своего появления, еще при жизни — если даже частично не в годы молодости — Маркса становился не разрушительным, но стабилизирующим элементом общества. И сам Маркс, и все его близкие и единомышленники по Интернационалу либо партийно-политической работе принадлежали в общем-то именно к этому «классу». И чем более важную роль в обществе средний класс играл, чем многочисленнее становился, тем стабильнее оказывалось это общество.

Таким образом, вместо столь страстно ожидавшегося вождем мирового пролетариата обострения антагонизмов появлялась явственная тенденция к ликвидации резких социально-имущественных — не говоря о политическо-правовых — различий. Различия, конечно, оставались. Одни становились богаче и процветали. Другие напрягали свои умственные способности и добивались признания. Третьи скромно трудились за обычную среднюю заработную плату. Четвертые порой не имели даже этого и перебивались, как говорится по-русски, с хлеба на квас. Словом, различия между разными слоями населения были. Но они отнюдь не были так красиво и четко противопоставленными в два антагонистических ряда бойцов на баррикадах, как того хотел бы уютно устроившийся в Лондоне основатель учения. Все было как раз наоборот. В развитых обществах возникала сложная и многоступенчатая система социальной стратификации, которая смазывала острые противоречия. Антагонизмы по отдельным вопросам, если они и возникали, быстро гасились. Но и возникали то они чаще на национальной, как, например, в случае с ирландцами (если брать Англию) — или еще какой-либо сходной почве, как в Австро-Венгрии, но не на основе «классового сознания».

Социальные интересы среднего класса быстрыми темпами вписывались в интересы общества в целом и государства. Вписывались потому, что широкий и очень пестрый слой населения, о котором идет речь, был заинтересован в процветании страны во всех ее сферах. Именно поэтому он оказывался стабилизатором на фоне случавшейся политической борьбы. Этот бурно растущий слой населения с тече-

нием времени социологи начали даже членить на разряды (высший, средний и низший). Но независимо от того в какой из разрядов попадал человек, он в любом случае уже не был неимущим пролетарием. Он был человеком более или менее состоятельным и во всяком случае сводившим концы с концами, что хорошо осознавали лидеры немарксистского Второго интернационала.

Западная Европа в последней трети XIX в. становилась все более стабильной и процветающей, причем быстрый рост благосостояния большинства ее населения был при этом очень важен. Вспомним хотя бы лучше других понимавшего это умного О. Бисмарка. Вообще же, конец XIX в. в Западной Европе — а если присмотреться внимательнее, то и все столетие — были едва ли не лучшей порой ее существования. Уже появлялись автомобили и электричество, шло массовое строительство домов со всеми современными удобствами. Расцветали города и курорты, причем курорты и хорошие дома, не говоря уже об автомобилях, были если еще не для всех, то все же не для одних только богатых буржуа. Европа быстрыми темпами входила в XX в. с установкой на массовое потребление всего того, что может дать рынок, столь старательно развивавшийся усилиями прежде всего мировой буржуазии. И это внушало определенные надежды. Правда, ситуация в мире в целом становилась в это время достаточно сложной, что не позволяло чересчур беззаботно надеяться на лучшее. XX в. с первых же своих лет доказывал это буквально день за днем. И уцелевшие на окраинах Европы, особенно в России, правоверные марксисты очень на это рассчитывали. К великому сожалению, они не просчитались.

МАРКСИЗМ: ДИКТАТУРА И ГОСУДАРСТВО

В связи с этим стоит, забегаая несколько вперед, коснуться событий последующего исторического периода. Это крайне важно для того, чтобы понять, почему теория марксизма, вынужденная пренебречь развитым западным пролетариатом, которому она уделяла столь большое внимание и который так явно не оправдал ее надежд, неожиданно нашла в XX в. поддержку со стороны совсем других слоев населения в недостаточно развитых странах Востока, начиная с России. Еще важнее осознать, как и почему эта теория завела в тупик массовые квазиреволюционные движения, стоившие жизни сотням миллионов людей в нескольких больших странах, начиная с России и Китая.

Нет слов, коммунистические идеалы привлекательны, во всяком случае на первый взгляд. Особенно для тех, кто любит фантастику.

Но как эти явно утопические идеи светлого будущего соотносятся с реальным положением дел? На чем, кроме прекраснодушных мечтаний, могут быть основаны упования тех, кто верит в эти идеи и склонен считать, что их провал связан с тем, что они были неверно осуществлены? Подобных вопросов можно задать немало. Но все они так или иначе упираются в непреложный факт, который сводится к тому, что попытки создать коммунистическое общество не оправдали себя хотя бы потому, что, мягко говоря, чересчур дорого обходятся и не приводят в реальности к желаемому результату. Но почему не приводят? В чем суть тупика, в котором вместе с широкомасштабными квазиреволюционными движениями, не считающимися с сотнями миллионов жертв, оказалась теория марксизма? **Тупик теории в том, что она в конечном счете привела поверивших в ее идеи людей к тому, откуда эти люди так мечтали выбраться. Даже к чему-то много более худшему. Имеется в виду государство неограниченного произвола с полицейским насилием, причем в его наиболее жесткой форме.**

Стоит снова напомнить читателю, который вполне может этого и не знать, что теория с ее «диктатурой пролетариата» изначально стремилась добиться того, чтобы на авансцене мировой истории было общество, а не попирающее его государство. **Государство в теории К. Маркса должно было отмереть.** Не очень ясно, как конкретно Маркс представлял себе коммунистическую систему взаимоотношений между людьми, ибо этому в его теории было уделено не слишком много внимания. Кроме лозунга «С каждого по способностям, каждому по потребностям», мало о чем можно вспомнить. Но все-таки очень важно не забывать, что марксизм стоял за такую систему, где общество существовало бы без государства. И главная проблема сводится к тому, есть ли основания считать такого рода общество реально возможным? Может ли развитое, а не первобытное многомиллионное общество обойтись без аппарата администрации, т.е. государства? И какое устройство, если без государства, следует считать оптимальным?

Маркс воспринимал государство как орган не только управления, но и давления на социум и гневно негодовал на то, что ненавистная ему буржуазия превращает государство в своего слугу. Поэтому с уничтожением буржуазии государство не должно существовать. **Но как он, в общем-то сознававший, что такое диктатура, представлял себе освобождение от власти государства, т.е. органа, который диктатуру и осуществляет? Как мыслил он «диктатуру пролетариата» без жесткой власти, которая и есть государство? Точнее, какие были**

у него основания полагать, что те, кто возьмется реализовывать эту диктатуру, завершив ее (уничтожив миллионы «врагов» и войдя во вкус), отдадут власть кому-то или вообще откажутся от нее? Как он, если бы не был утопистом, мог представлять себе весь этот процесс, имея в виду тех, кто стремился к власти и к диктатуре?

Ответа на все эти вопросы нет. С самого Маркса взять нечего. Он умер вовремя, чтобы не успеть и даже не стараться осознать, что любая диктатура — это полицейский режим, что марксизм неизбежно переродится в наихудшую форму власти, в красно-коричневый тоталитаризм под стать национал-социализму, фашизму, вожди которого выросли на идеях социализма. В самом деле, достаточно взглянуть на СССР и ряд других стран, вплоть до КНДР, чтобы понять все и не нуждаться в комментариях. Собственно, это и есть тупик, за которым — увы! — пустота, т.е. нет ничего. Зато буржуазия доказала миру, что именно она в состоянии поставить человека и общество в системе их взаимоотношений с властью на то самое место, о котором мечтали желавшие уничтожить деспотическое государство утописты, включая в общем-то так и не осознавшего глубину своего провала К. Маркса. И доказательства этого стали особенно полно и многосторонне предъявляться миру с середины XIX в., хотя в наиболее всеобъемлющей форме они предстали перед миром после того, как страшные для человечества марксистские и национал-социалистические тоталитарные режимы были в XX столетии почти все уничтожены.

Часть третья

Америка

Американский континент с момента изобретения пароходов стал намного ближе и доступнее для европейцев. И хотя и севере Америки, будь то английская колония Канада либо добившиеся независимости США и латиноамериканские страны, жили своим чередом, не обращая особого внимания на то, что творится далеко за ее пределами, на деле все было не так. Америка на глазах превращалась в мощную притягательную силу и вызывала к жизни все возраставший поток мигрантов. Причина была достаточно простой. Бурный промышленный рост Западной Европы в XIX столетии и упоминавшееся уже резко связанное с этим быстрое увеличение численности населения вели к тому, что многие из европейцев с охотой покидали обжитые места и становились эмигрантами. Люди из числа наиболее бедных, плохо устроившихся, не сумевших найти работу, тем более кем-то преследуемые по религиозным либо иным причинам или вообще молодежь, жаждавшая новых ощущений, лучшей жизни, а то и просто приключений, с охотой ехали на новые места. Особенно это касается США, хотя свою немалую долю европейских эмигрантов получали и страны Латинской Америки, которые в начале XIX в. освободились от колониальной зависимости.

Показательно, что среди переселенцев, о которых идет речь, были как выходцы из обнищавших и отсталых европейских стран, так и в несколько не меньшей степени переселенцы из самых передовых и процветающих государств, начиная с Англии. Важно принять во внимание, что эмигранты пусть не всегда, но обычно ехали в те страны американского континента, с которыми они были как-то связаны, где понимали их язык, господствовала их религия и соответственно издревле существовали тесные связи. Практически это значит, что в испано- или португалоязычные страны Латинской Америки ехали по преимуществу жители Пиренейского полуострова, а в США — англоязычные жители. Но это отнюдь не было жесткой нормой. Играли свою роль и многие другие соображения, в том числе уровень жизни, политические и экономические условия, наличие свободных земель,

да и очень многое другое. Итогом же было то, что за XIX в. американский континент буквально преобразился. Он впитал в себя великое множество нового, что привезли с собой мигранты из разных стран мира, в основном пока еще из стран Европы (лишь в самом конце века стали приезжать во все возраставшем количестве представители разных стран Азии). И количество переселенцев все росло. По некоторым подсчетам, в рекордном в этом смысле 1888 г. из Европы выехало на новые места около миллиона мигрантов. И хотя не все они уехали в Америку (были и переселенцы в Австралию и в другие места), американский континент в этом смысле, безусловно, лидировал.

В годы гражданской войны и появления на свет США в английских колониях, боровшихся за независимость, проживало всего 4–5 млн поселенцев. В середине XIX в. число жителей увеличилось до 23 млн, а к концу его их стало примерно 80 млн, если даже не больше. Совершенно очевидно, что такой прирост обеспечили именно мигранты. И хотя среди переселенцев поначалу преобладали вроде бы неудачники, т.е. оказавшиеся без работы бедняки или беглецы из нищих и притесняемых стран вроде Ирландии, вскоре ситуация резко изменилась. То ли люди, прибывавшие в США, надышавшись воздухом свободы, менялись, то ли новые условия жизни, абсолютно свободные в этой части Америки от феодальных традиций и предрассудков европейского прошлого, энергично формировали облик рождавшихся уже здесь новых поколений. Или, быть может, действовали иные причины, а то и многие разом. Но факт остается фактом: десятки миллионов мигрантов не просто вносили в жизнь страны нечто новое. Они активно способствовали преобразованию страны на тех близких духу революции началах, которые уже действовали во всю в старой Европе и которые были по душе тем новопоселенцам и особенно их потомкам, кто искал хорошей и свободной жизни и привык именно к ней.

С Латинской Америкой, где население в начале XIX столетия было более многочисленным и различным в расовом отношении, дело обстояло по-другому. Хотя и сюда приезжало огромное количество переселенцев из находившихся в это время в упадке и в состоянии постоянной политической неустойчивости Португалии и Испании, это в основном были иные люди. Они несли с собой немалый груз феодальных традиций, которые, накладываясь на уже имевшиеся, причем существовавшие давно и в немалом количестве, не способствовали ускорению буржуазных преобразований, но, напротив, содействовали их крайне медленному развитию, порой даже стагнации. Это было

связано со многими объективными обстоятельствами, включая иные, не такие как в США, формы государственной власти и сильное влияние клерикальной реакции. Что касается островного и полуостровного мира Мезоамерики с его развитым плантационным хозяйством и обилием африканских рабов, то здесь переселенцев было сравнительно мало. Иссакал и приток рабов, причем не столько потому, что Венский конгресс запретил вывоз рабов из Африки, сколько из-за того, что населения здесь было уже вполне достаточно для ведения хозяйства, а для европейцев условия жизни оставались крайне непривлекательными.

В целом весь XIX в. был для Америки временем достаточно заметного развития. И если по своей направленности и темпам в Латинской Америке, занимавшей наибольшую часть континента, оно далеко еще не достигло того, что демонстрировала буржуазная Западная Европа, то в США и в несколько меньшей степени в Канаде буржуазия смело могла торжествовать. Как и в Западной Европе, она одержала победу и быстрыми шагами шла к достижению европейского уровня. Сильно мешало этому плантационное рабство в южных штатах. Но зато после уничтожения его в результате гражданской войны в середине века движение вперед в США особенно ускорилось. На рубеже XX столетия именно эта огромная страна уверенно становилась лидером в ряде важнейших сфер хозяйственной и культурной жизни буржуазного мира. Здесь стали довольно явственно проявлять себя быстро созревавший центр научной и технической мысли, высочайшая производительность труда и развитие общества во всех важнейших его сферах. Правда, в Европе этого еще довольно долго не то чтобы не замечали, но явно не слишком адекватно оценивали. Однако европейцам в конце века уже приходилось считаться с тем, что США на глазах становились одной из крупнейших, сильнейших и быстро развивающихся стран буржуазного мира.

Глава десятая. США ДО КОНЦА 1850-х гг.

На рубеже XVIII и XIX столетий внутриполитическая борьба в США серьезно обострилась. Первой из причин этого обострения был вопрос о рабстве в южных штатах. Плантадоры южных штатов твердо стояли за право использования труда чернокожих рабов, грозя в противном случае выйти из состава США. Юг отстаивал свободную торговлю без покровительственных пошлин, ибо это вело к расширению рынка вывозимого сырья. То и другое побуждало южные штаты выступать за укрепление идей федерализма, т.е. самовластия отдельных

штатов в пределах США. Северяне, напротив, выступали за укрепление центральной власти и за прекращение позора рабовладения. Однако, несмотря на немалое количество аболиционистов, конгресс под угрозой раскола страны все еще не мог принять закона о запрете рабства.

Годы правления президента Т. Джефферсона (1801–1809) справедливо считаются периодом некоторого поворота молодой страны в сторону демократии. Республиканская партия, возглавлявшаяся президентом, проводила более либеральную политику, особенно по сравнению с позицией противостоявшей ей группировки федералистов с ее рабовладельческими настроениями, сепаратистскими и олигархическими симпатиями. Правда, президент был склонен больше обещать, нежели выполнять обещанное. Более того, он явно давал понять, что во многом готов сблизиться с федералистами, представленными прежде всего активным сторонником этого политического движения А. Гамильтоном, ради сохранения необходимой преемственности в политике страны. Стоит принять во внимание, что по меньшей мере частично такой курс был оправдан складывавшейся объективной обстановкой, что ранее других уловил соперник Джефферсона Гамильтон.

Новый президент сделал ряд важных шагов в интересах всего населения страны. Так, в 1804 г. им был сокращен минимальный размер шедшего в продажу земельного участка с 320 до 160 акров, что делало приобретение земли доступным для большинства желающих. Эта политика ставила своей целью не просто избавиться от голодающих безработных, но создать в лице земельных собственников мощную прослойку трудолюбивых фермеров, способных обеспечить страну необходимым для нее продовольствием. Более того, в социальном слое независимых состоятельных фермеров президент видел серьезную основу нового государства. Борясь против плантаторов рабовладельческих штатов юга, Джефферсон настоял на проведении в жизнь давно принятого закона о прекращении ввоза в страну новых рабов. Кроме того, он сильно сократил налоговые сборы с населения, сумел значительно сократить национальный долг страны. Новый президент сделал ряд последовательных шагов в важнейшем вопросе ограничения прав отдельных штатов и укрепления централизации в США. В то же время он сохранил Национальный банк страны, что требовал Гамильтон. Это снискало ему некоторую поддержку со стороны торгово-промышленной буржуазии севера и являло собой важный шаг по пути поиска консенсуса в стране, то и дело оказывавшейся на грани раскола.

В сфере внешней политики Джефферсон, особенно в годы второго срока его президентства, оказался в затруднительном положении, когда ему следовало выбрать между Англией, за союз с которой стояли федералисты, и наполеоновской Францией. Решить эту серьезную дилемму по ряду важных причин президент долго не мог, хотя по ситуации становилось все очевиднее, что реально дело идет к новому конфликту с Англией. Это стало достаточно ясным после приобретения американцами у Наполеона в 1803 г. Луизианы, что резко не понравилось британскому руководству.

С 1809 по 1817 г. президентом был Д. Мэдисон, при котором Англия все более напористо выступала против свободы торговых операций и за осмотр кораблей США. И хотя энергичное развитие русско-американских торговых и дипломатических связей как раз в годы его правления вызывали заметное раздражение Наполеона, сетовавшего на то, что континентальная блокада не соблюдается, ибо американцы наводнили Европу колониальными товарами, в США усиливались не антифранцузские, а антианглийские настроения, завершившиеся объявлением войны Англии в 1812 г. Формальным предлогом было оскорбление флага США, но фактически американцы стремились захватить Канаду. Война не принесла успеха США, а англичане сумели даже на короткий срок оккупировать Вашингтон. Более того, эта война чуть вновь не привела страну к грани раскола — имеется в виду конвент федералистов в Хартфорде в 1814 г., когда остро встал вопрос о выходе из США ряда развитых северных штатов Новой Англии. Раскол не произошел, а влияние федералистов соответственно уменьшилось. В 1814 г. война с Англией завершилась, а мирный договор в Генте восстановил довоенное статус-кво.

При президенте Д. Монро (1817–1825) республиканцы продолжали свой активный политический натиск, тогда как позиции федералистов заметно ослабли. Достаточно учесть, что на первых президентских выборах соперник Монро получил менее 20% голосов, а на вторых у Монро вообще не было соперника. И это способствовало тому, что государство наконец пришло если и не к единодушию, то к некоему «доброму согласию», как этот период стал именоваться. В стране появилось несколько новых штатов (Флорида, приобретенная в 1819 г. у Испании, Миссисипи, Иллинойс, Алабама, Мэн, Миссури), причем в процессе присоединения новых штатов порой резко обострялся спор о том, как относиться к тем из них, где процветало плантационное рабство. Президентом был взят осознанный курс на быстрое промышлен-

ное развитие страны. Особо стоит сказать о так называемой доктрине Монро.

Как упоминалось, испанские колонии в Латинской Америке в период наполеоновских войн добились независимости и стали самостоятельными государствами. Страны западного мира, включая и США, не сразу признали их официально. Но когда по решению Венского конгресса европейские страны высказались за оказание помощи Испании в деле возвращения ей ее латиноамериканских колоний, Монро в декабре 1823 г. заявил, что государства Америки не должны более считаться чьими-то колониями. Стремление к этому США будут рассматривать как угрозу для своей безопасности и как проявление враждебных намерений по отношению к Соединенным штатам. Доктрина Монро, как известно, сыграла немалую роль в истории Америки, да и всего мира. Суть ее длительное время рассматривалась не только в том смысле, что «Америка для американцев», но и как стремление Нового Света к изоляции от всего того, что происходит вне его.

Преемником Монро на посту президента был Д. Адамс (1825–1829), долго бывший в центре политической борьбы страны и занимавший ряд важных правительственных постов. Его пребывание на высшем посту было недолговременным, ибо как раз на рубеже первой и второй четверти века в США резко обострилась проблема легитимности системы выборов нового президента. Не вдаваясь в детали, важно обратить внимание на то, что право выбора принадлежало выборщикам (в затруднительных случаях, как то было, в частности, с Д. Адамсом, палате представителей). Д. Адамс горячо поддерживал интересы растущей американской буржуазии, что сказалось на его программе, включавшей финансирование науки, создание университета, обсерватории и т.п. Но эта программа оказалась слишком радикальной и поддержки в конгрессе не получила. Острые дискуссии в конгрессе вызвали и некоторые другие вполне разумные предложения, будь то вопрос о протекционистских тарифах или проблема улучшения отношений с индейцами.

Некоторое изменение системы выборов (в 15 штатах из 24 в 1821 г. было введено всеобщее избирательное право) привело в конце 1828 г. к победе южанина Э. Джексона (1829–1837), в годы правления которого был совершен довольно заметный поворот в сторону обострения конфликтов в стране. Конфликты имели отношение прежде всего к проблеме тарифов, которые не нравились рабовладельческому югу, а также к Национальному банку и торговле землей за обесценивавши-

еся ассигнации, что сильно обогащало спекулянтов. Все эти и многие другие проблемы покончили с периодом доброго согласия и достаточно резко разделили страну на враждующие группы. Но здесь важно заметить, что противостояние враждующих сторон не было слишком жестким. Страна не стремилась к этому. Более того, мнение любой стороны принималось во внимание, а стремление к возможному компромиссу очевидно преобладало.

В США вновь стала складываться двухпартийная система. С одной стороны это были либерально настроенные северяне (но отчасти и южане), принявшие наименование вигов¹, с другой — демократы юга и севера, стоявшие за Джексона и его преемника на посту президента М. Ван Бюрена (1837–1841). Демократизм во времена правления этих президентов был не слишком заметным. Он сводился прежде всего к принципу минимизации вмешательства государства в экономику и вообще в дела граждан. Но и это стоило немалого. А некоторые реформы надлежит оценить по достоинству. Так, например, была усовершенствована система избирательного права, отменены некоторые устаревшие законы, например о тюремном заключении за долги. Рабочие обрели право создавать свои объединения. Был введен 10-часовой рабочий день. В некоторых штатах приняли законы о начальном образовании за счет казны. И, что немаловажно, приобретение земельных участков на западе стало еще более легким делом.

По мнению А. Токвиля, в этот период общество стремилось к ситуации консенсуса. Это видно и из того, что на очередных выборах в конце 1840 г. победили виги. Но сложности, связанные с неожиданной смертью нового президента У. Гаррисона и приходом к власти южанина Д. Тайлера, во многом несогласного с политикой Гаррисона и всей программой партии, привели к внутрипартийному конфликту (Тайлер не желал воссоздания Национального банка) и к победе демократов на очередных выборах. В итоге к власти вновь пришли демократы, которые начали проводить весьма агрессивную внешнюю политику по отношению к соседним с США государствам. В центре их внимания оказалась проблема Техаса. Но к этой проблеме стоит обратиться в связи с общей политикой США, направленной на приобретение и освоение новых территорий.

¹ Партия либералов-вигов возникла в 1832 г. в качестве противовеса демократам в 1832 г. В 1856 г. она прекратила свое существование, влившись в заново создававшуюся тогда Республиканскую партию.

ПРОБЛЕМА ТЕРРИТОРИИ

Решение проблем, связанных с расширением территории, приобретением и раздачей желающим земельных участков, созданием новых штатов и войнами с соседями, было очень важным для США. Эти проблемы возникали не случайно и во многом потому, что территории вокруг густонаселенных и сравнительно очень развитых северо-восточных штатов были мало освоены либо почти вовсе не освоены. Конечно, на обширных и пригодных для легкого освоения земледельцами территориях к западу и юго-западу от США жили многочисленные индейские племена, которые всегда считали эти земли своими. Кроме того, часть этих территорий формально принадлежала другим государствам, будь то Англия (речь о Канаде) либо только что возникшие новые латиноамериканские государства, прежде всего Мексика. И если проблема Канады была закрыта после войны с Англией, то все остальные земли считались как бы потенциально естественной добычей рвавшихся на простор и все увеличивавшихся в числе колонистов. Количество скваттеров, как их первоначально именовали, постоянно росло, причем в значительной степени, как упоминалось, за счет десятков и сотен тысяч вновь прибывавших переселенцев.

О мигрантах и жителях штатов, не удовлетворенных своим положением и заинтересованных в том, чтобы отправиться к западу от Аллеганских гор и примкнуть к тем, кто стихийно начал освоение новых территорий, уже упоминалось. Правительство США было озабочено масштабом скваттерства и пыталось ввести это движение в легальное русло. Оно не раз регулировало размер и стоимость тех участков, которыми наделялись (или наделяли себя) землепроходцы. Но предпринять более решительные меры для введения этого стихийного натиска на запад в административно организованное русло оно было не в состоянии. Многие в этом движении землепроходцы брали на себя, создавая время от времени соответствующие организации пионеров (еще один привычный для данной ситуации термин).

Великое движение новопоселенцев на запад, породившее столь большое количество рассказов и описаний (а затем романов и фильмов) в духе американского вестерна, заслуживает специального внимания. Начать следует с того, что на запад стремились еще первые поселенцы в английских колониях северо-восточной части Нового Света. Власти не очень им содействовали, во всяком случае вначале. Упомянувшиеся уже Аллеганские горы служили тем пределом, за которым колонистам

долгое время селиться было нельзя. Однако уже с XVIII в. ситуация стала меняться. Поселенцы начали стихийно осваивать территории, прилегавшие к этим невысоким горам с запада, а затем понемногу продвигаться и дальше. Параллельно с этим определенные меры, направленные на расширение границ уже созданных к этому времени США, стали предпринимать и первые президенты этой страны.

К моменту создания США уже ряд других государств, в частности Англия, Испания и Россия, активно торговали пушниной в северной части Америки, основывали здесь фактории и, естественно, считали освоенные территории своими. Неудивительно, что вначале руководители британских североамериканских колоний, а затем и правительства США не могли не обратить на эти же земли, ближе и более всего прилегавшие именно к их колониям, позже штатам, пристальное внимание. Оно проявлялось в спорадическом снаряжении исследовательских экспедиций, которые изучали дальний запад, обследовали реки и речные пути и основывали свои фактории. Но как только США укрепили свои позиции в качестве самостоятельного государства, а поток мигрантов стал резко увеличивать население первых давно уже освоенных колонистами восточных территорий, движение на запад стало неостановимым. Сражаясь с индейцами и создавая все новые и новые фактории, прокладывая дороги и двигаясь по этим не слишком хорошим дорогам со своим немудреным скарбом вперед и вперед, все дальше и дальше от Атлантического океана, сотни тысяч, а затем и миллионы новых колонистов, в основном из числа недавних переселенцев, осваивали западные земли.

Энергичные и решительные, чаще всего молодые и способные податься, пересечь океан и пройти многие сотни миль ради того, чтобы найти себе достойное пристанище, эти старательные и трудолюбивые переселенцы делали великое дело. Добившись от правительства права получения за сравнительно небольшие деньги вполне добротных участков хорошей земли размером в 200–300 акров и создавая неподалеку друг от друга фермы, они своей энергией, трудом и старанием строили великое государство. Конечно, им препятствовали индейские племена, считавшие эти земли своими. И никто никогда не сможет доказать, что индейцы, которые сопротивлялись натиску скваттеров, были неправы в стремлении отстоять свои земли от незваных пришельцев. Но, принимая все это во внимание, нельзя не понять и переселенцев, осваивавших в общем-то никем не занятую, пустующую землю. Иногда платя чем-либо, иногда давая индейцам какие-либо

обязательства (в частности, обещая переместить на другие земли), но чаще воюя с ними и уничтожая их, переселенцы в конечном счете вели ту же борьбу за существование, такие же военные действия, коими была наполнена вся длительная история человечества.

В современных трудах, особенно в отечественной историографии, симпатии авторов почти неизменно на стороне индейцев. И для этого немало веских оснований. Но можно и даже нужно заметить, что против индейцев шли, как правило, не вооруженные солдаты. Их не уничтожали поголовно дикие орды кочевников, что было типично для евроазиатских степей. С ними вынуждены были сражаться в общем-то мирные люди, вооруженные теми же ружьями, что нередко были уже и у индейцев (не следует думать, что все они воевали лишь с помощью луков со стрелами). Вопрос стоял просто: да, земли ваши. Но их у вас слишком много, и они не очень-то вами используются. Мы хотим поселиться на этих землях и заставить их плодоносить. Мы готовы оставить вам нужную часть ваших земель и сохранить с вами хорошие отношения. Но коль скоро вы с этим не согласны — что вполне естественно, — мы готовы воевать за теперь уже нашу собственность, без которой каждый из нас ничто.

Скваттеры — следует отдать им должное — энергично создавали свои организации. После окончания второй войны с Англией движение на запад приняло особо широкие размеры. Возникло множество «ассоциаций для заявок», причем руководство различных штатов, к которым примыкали вновь осваивавшиеся земли, на первых порах само определяло, сколько земли и в каких районах скваттер имеет право занять. «Ассоциации» обладали немалой властью, и их решениям поселенцы подчинялись. Эти организации, равно как и создававшиеся параллельно с ними земельные компании, вначале обычно распоряжались распределением земельных участков, создавая возможность для перепродажи их. Возникла и спекуляция участками. Но масштабы ее едва ли следует преувеличивать, ибо движение на запад в принципе было открыто, так что каждый, кто не желал иметь дела со спекулянтами, мог свободно двигаться дальше, где уже переставали действовать регулирующие земельные захваты решения восточных штатов и аппетиты спекулянтов.

Обстановка на более или менее дальнем западе требовала демократической самоорганизации. Власть США там во многих поселениях была представлена разве что одним шерифом. Однако так было лишь вначале. По мере освоения новой территории там появлялись пред-

ставители администрации и, более того, создавались новые штаты, подававшие заявки о приеме их в США.

Существует статистика, которая дает некоторое представление о размахе движения. Считается, что в 1790 г. к западу от Аппалачских гор находилось всего 6% населения (222 тыс. человек), а в 1820 г. там жило уже свыше 2,5 млн поселенцев, свыше четверти всех жителей США. К этому можно добавить, что еще через 30 лет, к середине века, число переселенцев, которые осваивали западные земли, достигло примерно половины все возраставшего населения страны. Здесь стоит заметить, что освоение запада шло не вполне равномерно, ибо южные земли плантаторы-рабовладельцы ревниво оставляли за собой, создавая для тех, кто не хотел иметь дело с рабами, невыносимые условия. В конечном счете проблема приняла скандальный характер, который выплыл во время обсуждения вопроса о принятии в состав США нового западного штата Миссури.

Суть проблемы была элементарной: разрешить рабство в штате или нет. Мнения в конгрессе разделились, ибо число представителей от северных и южных штатов в сенате было равным. И тогда американцы, приученные решать сложные проблемы с помощью компромиссов, приняли решение о разделе территории. Земли южнее определенной параллели (36 с небольшим градусов) остались открытыми для рабства, а севернее, включая Миссури, — свободными от него. Этот *миссурийский компромисс* 1820 г. означал также, что новые штаты будут приниматься в состав государства строго по принципу равенства: один с юга, один с севера.

Проблема Техаса была в какой-то мере порождением «миссурийского компромисса». Принадлежавший, как и Калифорния, да и ряд других будущих южных штатов, в то время Мексике, Техас привлекал южан, которые давно уже пытались захватить и освоить его пустующие земли. Некоторое время испанские, а с 1821 г. мексиканские власти, не имевшие альтернативы, соглашались на их присутствие, особенно если это были католики. На протяжении 1820–1830-х гг. число колонистов из США заметно возрастало. Однако перемещались в Техас и многие индейские племена, вытесненные скваттерами более северных территорий. И так как правительства Испании, а затем Мексики резко выступали против рабства и работорговли и требовали освобождения рабов, что касалось прежде всего колонистов из США, плантаторы стали выдавать своих рабов за слуг, нанятых ими на длительный срок.

Вскоре количество колонистов стало превышать число мексиканцев, которые стали принимать энергичные меры, дабы с помощью собственного населения и европейских мигрантов заселить Техас. Однако эти меры не были эффективными. Число колонистов США к середине 1830-х гг. достигло 30 тыс., не считая 5 тыс. рабов, тогда как мексиканцев в Техасе было около 3,5 тыс. Назревал конфликт, принявший затяжной характер и все более очевидно сопровождавшийся усилением нажима со стороны США. А когда к власти в США пришел новый президент южанин Д. Полк (1845–1849), стало ясным, что войны с Мексикой за Техас не миновать. Война затянулась почти на два года и завершилась мирным договором, согласно которому огромная территория Техаса, так называемой Новой Мексики и Калифорнии, перешла к США. Тем самым была решена только не проблема Техаса. США обрели территорию, соединившую — причем широкой полосой — берега двух океанов: Атлантического и Тихого. По сути это, как и последовавшее одновременно соглашение с Англией о владении северо-западными землями Орегона, завершило территориальное оформление государства в том его виде, как оно в основном предстает сегодня на географической карте (вопрос об Аляске, как известно, решался особо).

1850-е гг. в США в немалой степени прошли под знаком открытия золотых приисков и золотой лихорадки в Калифорнии, где, впрочем, прииски быстро иссякли. Но в связи с этим возник очередной взрыв разногласий между рабовладельцами и их противниками по поводу рабства на вновь присоединенных территориях. Чуть ли не гражданская война началась в связи с этими спорами в штате Канзас, где после нескольких лет выяснения отношений было в 1858 г. принято решение отказаться от рабства. Но рабовладельцы продолжали свой энергичный натиск. Они хорошо сознавали, что их благополучие зависит от сохранения в США системы рабства. И их позиции с сочувствием воспринимали в Вашингтоне.

ПРОБЛЕМА НАСЕЛЕНИЯ И РАБОВЛАДЕНИЯ

Решение территориальной проблемы за счет скваттерства, войн и разного рода соглашений вплотную столкнуло страну с проблемой ее населения. Речь пойдет теперь не столько о переселенцах из Европы или потомках первых колонистов, которые составляли в США явное большинство, численно все возрастающее за счет эмигрантов. Обратим внимание на два других компонента американского населения: на индейцев и особенно на африканских рабов.

Что касается **индейцев**, то они, как упоминалось, с рубежа XVIII–XIX вв. начали оказывать вооруженное сопротивление скваттерам. Случались и бои серьезного масштаба, связанные с попытками объединить индейцев разных племен, как то было в Индиане в 1811 г. Однако и выступления крупного масштаба не помогали. Регулярные войска США с легкостью с ними расправлялись. Решение же индейской проблемы власти страны видели в создании сети специальных резерваций. Вначале это были по преимуществу те же владения того либо иного индейского племени, но уменьшенные в несколько раз. Затем, по мере дальнейшего продвижения на запад, при президенте Монро было принято решение переселить значительную часть индейских племен в резервации на отдаленном западе. Переселение, подчас оформленное фиктивными либо силой навязанными договорами, нередко осуществлялось с применением армии. Так было, например, с племенами криков и чероков на севере в 1830-х гг. или семинолов во Флориде на рубеже 1830–1840 гг. Позже таким же образом перемещались индейские племена северо-западных районов Канзаса и Небраски, которых селили в резервациях Оклахомы.

Разумеется, перемещение любых народов с одного места на другое, да еще с помощью силы, является крайне болезненной для него операцией. Люди покидают родные обжитые места, погибают в дороге (особенно старые и малые), страдают от голода и прочих невзгод на новых необжитых землях, которые обычно не столь удобны, как прежние. Система резерваций оказалась очень болезненной для индейцев. Но у правительства США не было лучшего решения. Оставлять ситуацию неконтролируемой при постоянном наплыве все новых и новых волн поселенцев, остановить которые было невозможно, означало сохранять и усиливать напряженность. Более того, это значило поставить коренное население, индейцев, под угрозу полного истребления. И хотя резервации на первых порах были жестоким унижением и крайне болезненным решением для индейцев, они все же способствовали сохранению большинства племен.

Гораздо более сложным оказалось решение проблемы **африканских рабов**. В отличие от индейцев, численность которых измерялась немногими сотнями тысяч, рабов-негров в южных штатах было примерно 4 млн. Жизнь их была неимоверно тяжелой. Плантаторы и их слуги наказывали рабов за малейшее упущение. Неудивительно, что многие пытались бежать на север, где раб становился свободным, хотя и существовали законы о выдаче беглых. Стоит добавить, что, несмо-

тря на решение не ввозить новых рабов, в США вплоть до середины века ежегодно ввозились, пусть контрабандой, многие тысячи новых невольников. При этом в конгрессе все более усиливалось влияние и представительство южан, активно ратовавших за сохранение рабовладения. Конфликт между сторонниками и противниками рабства резко обострился, как только что упоминалось, в 1850 г. в связи с вопросом о приеме ряда новых штатов в состав США.

Дело в том, что в Калифорнии, куда устремилось множество искателей золота, к тому времени уже была принята конституция, запрещающая рабство. А поскольку этот штат был расположен южнее параллели, где рабство считалось нормой, в конгрессе возникла острая полемика. Были выдвинуты разные предложения, но в конечном счете оказался принят компромисс 1850 г., оставивший за Калифорнией право быть свободной от рабовладения, но вместе с тем усилившей значимость нормы о выдаче с севера беглых рабов (как правило, сделать это было далеко не просто). Однако сразу же за Калифорнией встал вопрос о других территориях, отторгнутых у Мексики. Нью-Мексика попала в руки рабовладельцев. Но они не остановились на этом, требуя отмены миссурийского компромисса 1820 г. и расширения территории, где рабство было бы нормой.

Этот натиск привел к тому, что в стране начали усиливаться позиции сторонников свободы от рабства и в 1854 г. возникла новая республиканская партия либерально-демократической ориентации. Сила ее прирастала, помимо прочего, за счет потоков эмигрантов из буржуазной Европы. По некоторым подсчетам, около 400 тыс. переселенцев ежегодно на протяжении пяти лет, в 1851–1855 гг., прибывало в страну. И это были активные противники рабства. Все противники рабства начали мощную антирабовладельческую кампанию, вершиной которой стала публикация знаменитой книги Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», разошедшаяся в миллионах экземпляров (после книги она издала также два тома документов, разоблачавших бесчеловечность американского расизма). К этому стоит добавить быстрое расширение активной деятельности все увеличивавшегося в стране количества аболиционистов, помогавших неграм бежать и заботившихся об их укрытии. По некоторым данным, только в Канаду с помощью аболиционистов за два-три десятилетия перед гражданской войной было переправлено около 40 тыс. негров. Это была немалая работа, и она сыграла свою роль в формировании новой партии. Однако сил у республиканцев на первых порах было

еще явно недостаточно. В конгрессе преобладали расисты, готовые идти в наступление.

В марте 1854 г. был принят билль, в котором подчеркивалось, что граждане США вправе держать своих рабов в любой части страны. Из него явствовало, что рабы не граждане, а миссурийского компромисса более не существует, что было подтверждено при рассмотрении одной из жалоб в Верховном суде. В решении суда особо подчеркивалось, что раб — такая же собственность, как и любая иная вещь. Президенты Ф. Пирс (1853–1857) и Д. Бьюкенен (1857–1861) были оголтелыми расистами. При Бьюкенене контрабандная торговля рабами стала почти открытой, причем президент всерьез опасался, что на соседней с США Кубе испанцы могут освободить рабов. Как известно, именно в период его президентств, в 1859 г., один из самых известных аболиционистов страны, Д. Браун, попытался было даже поднять открытое восстание против рабства, которое, правда, не было им подготовлено и быстро завершилось неудачей и казнью самого Брауна. Ситуация в стране резко изменилась на очередных выборах, когда президентом стал республиканец А. Линкольн, вскоре после чего в стране началась гражданская война северян и южан, в центре которой стоял вопрос о рабстве. Но об этой войне в следующей главе. Сейчас же стоит сказать несколько слов о буржуазном развитии США в первой половине XIX столетия.

УСПЕХИ БУРЖУАЗНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

На не слишком радостном фоне борьбы плантаторов-рабовладельцев южных штатов с демократически настроенными северянами, чему была посвящена едва ли не львиная доля всех политических столкновений и ожесточенной публицистической полемики в печати страны, важнейшая проблема экономического развития может показаться почти второстепенной. Но на деле все обстояло иначе. Соединенные Штаты Америки с самого начала XIX столетия развивались быстрыми темпами, что было обусловлено включением на полную мощность буржуазного фактора эволюции, который обеспечивал ускорение темпов экономического развития. Правда, на первых порах очень многое зависело от импорта необходимого оборудования из Европы, которой платили за это в основном хлопком из рабовладельческих штатов. Но вскоре ситуация стала заметно изменяться. Транзитная торговля стала приносить немалый доход, а полученная прибыль вкладывалась в интенсивное промышленное развитие. В стране вырастали десятки,

а затем и сотни фабрик по переработке хлопка и шерсти, создавались верфи, на которых строились пароходы Фултона, постепенно появились различные горнодобывающие промыслы, особенно заметными темпами развивалась мелкая обрабатывающая промышленность.

Огромные размеры страны, быстро возраставшие за счет освоения запада, вызвали к жизни развитое железнодорожное строительство. Протяженность железных дорог с 1835 г. удваивалась каждое пятилетие. Строились паровозы и вагоны, а также многие другие машины и инструменты, часть которых на выставке в Англии в 1851 г. привлекла особое внимание специалистов. Наряду с паровыми двигателями, без которых не обходились паровозы и пароходы, американцы — особенно в текстильном производстве — широко применяли дешевую энергию воды, чему содействовало обилие рек. Ввоз иностранного капитала, и прежде всего английских машин, механизмов, изделий из металла и т.п., способствовал резкому ускорению экономического развития. Свою роль играла и миграция. Среди многих миллионов переселенцев было немало способных и высококвалифицированных специалистов, которые вносили свой немалый вклад в ускорение темпов экономического развития страны.

В середине XIX в. в стране стали все чаще появляться заводы, крупные машиностроительные предприятия с сотнями рабочих. Количество занятых в промышленности с 1820 по 1860 г. возросло в шесть раз, превысив 2 млн человек. А городское население к этому времени увеличилось до 6,2 млн жителей. Возникло много новых и сильно увеличились в размера некоторые старые города, превращавшиеся в центры не только промышленности и торговли, но также финансов, строительства и культуры.

Что касается сельского хозяйства, то, если исключить старые штаты рабовладельческого юга с его плантациями, где независимые фермеры, не использовавшие рабов, сознательно вытеснялись, то во всей остальной стране, включая и те новые штаты, где рабовладельцы были в большинстве, преобладал принцип хуторского или фермерского хозяйства. По большей части это были семейные хутора. Редко где использовался наемный труд батраков, хотя со временем число лиц наемного труда, привлекавшегося особенно часто и охотно в горячие дни уборки урожая, заметно возрастало. Увеличивалось со временем и число арендаторов.

Фермерские хозяйства, оснащенные обычно богатым набором разных сельскохозяйственных инструментов, позже и машин, особенно жатвенных, отличались, как правило, высокой товарностью. На ее

основе быстрыми темпами налаживалась оживленная торговля сельскохозяйственными и другими продуктами. В этой торговле большую роль играли пароходы, которые по Миссисипи в 1825 г. перевозили уже половину всех товаров. С помощью системы каналов многие из этих товаров теми же пароходами доставлялись в густонаселенные районы северо-востока страны. Туда же шли товары с Запада по Великим озерам на севере страны. Немалая часть тех же товаров шла и по железным дорогам.

Говоря о развитии сельского хозяйства, не приходится сбрасывать со счетов и рабовладельческие плантации юга, где рабский труд негров при всей его не слишком высокой производительности приносил плантаторам немалую прибыль. Кроме того, никак нельзя не учитывать роли торговли хлопком, в обмен за который США многое получали из Европы, прежде всего из Англии. Это обстоятельство играло свою немалую роль как в общем раскладе сил, так и в политической практике США первой половины века, о чем уже было немало сказано.

Заслуживает внимания и немаловажный вопрос об уровне жизни средних американцев. Опять-таки оставляя в стороне проблему миллионов рабов-негров, необходимо заметить, что в целом он был весьма высок. Быть может, он еще уступал тому, какой существовал в Англии того времени, но по сравнению с континентальной Европой, видимо, был не ниже, а во многих случаях и выше. Причиной была возможность для любого безработного или низко оплачиваемого рабочего уйти с предприятия и податься в фермеры, благо неосвоенной земли долго еще было в стране более чем достаточно. Это, естественно, побуждало предпринимателей считаться с интересами рабочих и платить им максимально возможную заработную плату. Это же вынуждало их идти на уступки в вопросе о рабочем дне (в середине века в ряде штатов уже были законы о 10-часовом рабочем дне) и при решении прочих социальных проблем. Активную роль в рабочем движении играли профсоюзы. А вот что касается различного рода социалистических экспериментов (общины сторонников Оуэна либо Фурье), то они не прижились, равно как не имели успеха и сторонники марксизма, много делавшие для распространения своих идей.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС И КУРС ЮЖАН НА ВОЙНУ

Рассмотренные выше события, которые касаются различных сторон жизни США в первой половине XIX столетия, с легкостью объ-

ясняют причины того острого кризиса, к которому пришла страна на рубеже 1850–1860 гг. Причины очевидны: рабовладение как институт и все растущие аппетиты плантаторов юга были несовместимы с дальнейшим успешным ростом передового во многих иных отношениях буржуазно-либерального демократического государства. Быстро растущая экономика и интересы подавляющего большинства населения, увеличивавшегося за счет либерально настроенных в своем большинстве постоянно прибывавших переселенцев, требовали решительных перемен. И эти требования, ощущавшиеся всей страной, становились все более настойчивыми. Они проявлялись в разной форме, но сводились по сути к одному, т.е. к радикальному решению проблемы рабства.

Рабство как институт и рабский труд как форма издевательства над человеком не могли более существовать в обществе, на знаменах которого были записаны такие понятия, как свободы гражданина, демократия, право и тому подобные завоевания страны, добившейся в конце XVIII в. под этими лозунгами независимости. Обострение политической конфронтации в обществе, долгие десятилетия стремившемся решать разногласия на основе принципов компромисса и даже консенсуса, было нежелательным, но оказалось вынужденным. Когда в связи с рядом кризисов в Миссури, Канзасе и в иных заново создававшихся штатах проблема рабства обострилась до предела, оказалась вынужденной перегруппировка политических сил. На смену привычному противостоянию рабовладельцев-демократов и вигов (или фри-сойлеров, т.е. движения фермеров за «свободную землю» и свободный труд) пришло другое. В сформировавшуюся заново партию республиканцев вошли все противники рабовладения, и это была по преимуществу партия северян, провозгласивших верность великим принципам Декларации независимости. Ей противостояли демократы, чьи ряды заметно поредели вследствие присоединения части северян к республиканцам. И хотя на очередных выборах победу, как упоминалось, одержал демократ Бьюкенен, это была пиррова победа.

Волнения в стране, включая и открытое выступление Д. Брауна, а также некоторые проявления экономической депрессии привели к тому, что избирательная кампания осени 1860 г. стала особой в истории страны. И если до того из первых 16 американских президентов 11 были южанами и так либо иначе отражали существовавшую в стране ситуацию, связанную с рабовладением, то теперь положение в стране оказалось другим. Буржуазия северной части страны, все фермерство запада, да и многие иные слои населения жаждали решительных

перемен и стремились реально заполучить ту власть, которая давно уже по праву должна была принадлежать именно им. Неудивительно, что в такой обстановке новая республиканская партия и ее кандидат А. Линкольн чувствовали себя достаточно уверенно. На ее съезде в мае 1860 г. были осуждены многие решения не только правительства, но и Верховного суда, которые поддерживали рабство. На выборах в ноябре Линкольн получил большинство голосов выборщиков (180 из 303), и это было неприемлемым для рабовладельческого юга.

Юг принял свое решение, призвав рабовладельцев к сепарации, т.е. к уходу из США. За период с декабря 1860 г. до февраля 1861 г. 11 южных штатов (около 40% всей территории страны) объявили о своем отделении и об образовании Конфедерации рабовладельческих штатов. Правительство Бьюкенена позаботилось о том, чтобы снабдить эти штаты оружием и перевести в их банки немалые суммы денег. И хотя это было почти открытое объявление войны, Линкольн в своем первом официальном выступлении в качестве президента обратился к мятежникам с призывом возвратиться, обещав при этом сохранение статус-кво, т.е. практики рабовладения на юге страны. Но мятежники отвергли его призыв, а 12 апреля 1861 г. обстреляли один из фортов на севере страны. Это означало переход южных штатов к открытым военным действиям. Гражданская война между северянами и южанами таким образом, началась.

Глава одиннадцатая. США в 1860–1890-х гг.

История США во второй половине века (даже если начинать ее с рубежа 1850–1860 гг.) чрезвычайно богата событиями, что вынуждает быть кратким в их изложении. В частности, это относится и ко всему тому, что связано с гражданской войной северян с южанами. Эта война заранее обрекала юг на поражение, хотя сами развязавшие ее рабовладельцы были почти уверены в своей победе. И действительно, они были хорошо подготовлены к той войне, тогда как северяне оказались к ней неготовыми и явно искали пути к мирному решению проблемы. Неудивительно, что первые сражения северяне проиграли. Но вскоре, в 1862 г., в войне наметился явный перелом. Во-первых, северяне обрели толковых командующих и особенно генерала Гранта, который сумел одержать ряд важных побед. Во-вторых, конгресс принял закон о гомстедах, согласно которому каждый американец, включая мигрантов, получал право на земельный участок в 160 акров (свыше 60 га) практически даром, что окончательно подорвало планы

рабовладельцев на расширение их территорий. В-третьих, в ходе военных действий все рабы освобождались, а с начала 1863 г. рабство на территории мятежных штатов было ликвидировано, тогда как освобожденные негры начали призываться в армию северян. В-четвертых, готовые поначалу оказать помощь мятежникам европейские страны, Англия и Франция (у каждой из них были свои мотивы для этого), очень быстро были вынуждены отказаться от вмешательства в гражданскую войну в США.

Имелись и другие важные причины, которые в долговременной перспективе — а война длилась несколько лет — не могли не сыграть своей роли. Это и численное превосходство жителей северных штатов, и их промышленное развитие, и активизация вначале сравнительно инертного населения севера, включая немалое число недавно прибывших переселенцев, основывавших «отряды Гарибальди», польский либо ирландский полки. Словом, в решительном сражении в апреле 1865 г. войска южан были разгромлены, их столица Ричмонд оказалась в руках ставшего главнокомандующим северян Гранта, а руководивший войсками юга генерал Ли был вынужден сдаться. И хотя буквально через несколько дней после этого президента Линкольна, который примерно за месяц до того, будучи избранным на второй срок, начал снова исполнять обязанности руководителя страны, убил во время спектакля один из актеров, это не слишком сильно уменьшило чувство торжества подавляющего большинства жителей США. Великое дело было наконец сделано. Быстро и успешно развивавшееся государство избавилось от позорившего его пятна и решительной рукой уничтожило в своей стране рабство. Вопрос был теперь в том, как будет выглядеть страна после подавления мятежа и освобождения нескольких миллионов рабов. Этот вопрос оказалось не очень легко решить, ибо среди разгромленных южан сохранилось немало сторонников вчерашних мятежников, которые всеми силами стремились приостановить процесс реконструкции или даже повернуть его вспять. К ним вначале склонен был прислушаться и занявший пост президента вице-президент Э. Джонсон.

РЕКОНСТРУКЦИЯ В США ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Процесс радикального переустройства США, который логически вытекал из проблем, приведших страну к гражданской войне, и из итогов этой войны, затянулся надолго и отнюдь не был безоблачным. Он шел весьма медленно, отличался немалым количеством реверсий.

и в конечном счете, как то было характерно для политической традиции американцев, завершился своего рода компромиссом. Однако сам этот достойный сожаления факт, который более чем на столетие сохранил в стране приниженное положение потомков бывших рабов, все же не стоит оценивать в слишком мрачных тонах. Победа над рабовладельцами и рабовладением была одержана. Возврата к системе рабства более не было. Перед страной стояли лишь серьезные вопросы о гражданских правах вчерашних рабов, о наделении их землей. Очень важно было решить вопрос о предоставлении им возможностей для достойной жизни не только на севере страны, куда они прежде бежали с немалым трудом и риском для себя и помогавших им аболиционистов, но и, что самое существенное, на их родине, т.е. в южных штатах, где сплоченность рабовладельцев и заново создававшиеся антинегритянские организации типа *ку-клукс-клана* все более зримо давали о себе знать.

В целом период реконструкции занял свыше 12 лет, с 1865 по 1877 г. Он начался с того, что новый президент амнистировал мятежников и начал создавать достаточно благоприятные условия для возвращения в состав США отколовшихся южных штатов. Эта политика стала активно поддерживаться не только продолжавшей существовать и быть представленной в конгрессе демократической партией, но и частью партии республиканцев, которые считали достаточным наделить освобожденных негров минимумом прав, а власть плантаторов по возможности сохранить. Однако большинство конгресса было настроено более радикально. В июле 1866 г. приняли важную 14-ю поправку к конституции, которая запретила практику лишения избирательных прав из-за цвета кожи. Это означало, что едва ли не 40% населения южных штатов обрели гражданские права, что должно было резко изменить общий состав электората страны. Одновременно принят билль, согласно которому вместо ранее захваченных кое-где неграми (с ведома некоторых американских генералов) чужих плантаций каждому из них должно было быть предоставлено по 20 акров из правительственного земельного фонда с последующей выплатой в течение 6 лет из расчета 1,5 доллара за акр. Этих мер было, однако, недостаточно. Различные негритянские организации (юнионистские лиги, бюро освобожденных) выдвигали требования о предоставлении вчерашним рабам всех гражданских прав и о полной отмене дискриминационного законодательства в южных штатах. И кое-чего они в результате этих требований добивались. В некоторых штатах юга негры на выборах

получили половину мест в нижних палатах, а в Южной Каролине, Миссисипи и Луизиане даже посты вице-губернаторов.

В итоге попустительская по отношению к плантаторам-рабовладельцам политика Джонсона была осуждена. Начался даже процесс импичмента. Но так как в сенате это предложение не получило необходимых двух третей голосов (за отстранение Джонсона от власти выступили только 35 сенаторов, а нужно было 36), он не прошел. Тем не менее соотношение сил в стране становилось все более ясным. Буржуазная эволюция северных штатов, не терпевшая рабства и не желавшая мириться с его активными сторонниками, твердо высказала свое отношение к представителям власти. В конце 1868 г. генерала Гранта избрали новым президентом (1869–1877), причем он, как и вся политика активной прогрессивной реконструкции, был поддержан едва ли не в наибольшей степени теми американцами, что энергично осваивали западные земли. Это, по словам некоторых специалистов, была своего рода новая Америка, которая состояла в основном из людей, привыкших самостоятельно устраивать свою судьбу и обладавших немалым запасом энергии, смелости, изобретательности. Для них, в частности, имело огромное значение освобождение от контроля со стороны рабовладельцев южной части бассейна Миссисипи.

Президентство Гранта не было периодом гладким. Борьба на юге страны с рабовладельцами южных штатов продолжалась, как не прекращался и террор против активистов негритянского движения. Но север в этой борьбе все больше опирался не только на получивших свободу и некоторые права потомков африканских рабов, но и на становившееся все более значительным количество белых фермеров, весьма заинтересованных в ослаблении всемогущества плантаторов. Это способствовало постепенному изменению как в составе представителей всех южных штатов, так и в тех новых конституциях, которые одна за другой принимались в них по мере их вхождения обратно в США. В конституциях, в частности, уделялось внимание созданию милиции, в которую с наибольшей охотой вступали негры. Именно эта милиция оказалась в состоянии противостоять куклуксклановцам. Новые законы южных штатов предоставляли неграм реальную возможность занимать должности как в органах местного самоуправления, так и в палатах законодательных собраний штатов.

Решения этих собраний тоже перестали удовлетворять привычные аппетиты плантаторов. В четыре раза были увеличены налоги с их собственности, а цены плантаций соответственно падали. Те, кто не мог

более получать прибыль со своих огромных владений, вынуждены были разбивать их на части и продавать. Конфискованные за долги плантации тоже делились и свободно продавались, а покупателями, причем на льготных условиях, выступали как белые фермеры, так и негры. И хотя эта практика слишком широкого распространения не получила, а многие плантационные рабы лишь обрели несколько иной статус, превратившись в арендаторов земли своих бывших хозяев, ситуация в целом на юге США за годы реконструкции коренным образом изменилась. Вкратце говоря, произошло существенное перераспределение собственности и изменение ее характера. Кроме того, что резкоросло число мелких фермеров различного расового происхождения, многие плантации перешли из рук южных рабовладельцев во владение северных буржуа, строивших свои взаимоотношения с наемными работниками иной расы на привычных для них началах наемного труда.

Разумеется, это никак не означало, что последствия многовекового рабства стали быстро искореняться. Общая культурная отсталость негритянского населения еще очень долго давала о себе знать при всем том, что во всех штатах согласно принятым законам были созданы смешанные школы, основаны первые университеты. Гарвард, в частности, возник именно в период реконструкции. Как то хорошо известно, несмотря на множество официальных законов и предоставленных неграм прав, лица с иным цветом кожи в США долго еще продолжали считаться в общественном мнении, причем не только на юге страны, реально не вполне полноправными. Соответственным было и отношение к ним. Более того, с течением времени расовая дискриминация не только усилилась, но и в ряде штатов приняла формы расовой сегрегации, что больно ударило по достоинству чернокожих. А когда они начинали активно протестовать, в дело нередко вмешивались убийцы из ку-клукс-клана. Однако слишком далеко в масштабах всей страны это не заходило, хотя, стоит повторить, в реальной жизни встречалось часто.

БЫСТРОЕ РАЗВИТИЕ БУРЖУАЗНОЙ ЭКОНОМИКИ

Хотя буржуазия со свойственными именно ей ускоренными темпами экономического развития была на протяжении всего XIX столетия руководящей силой, соперничество рабовладельческой экономики южных штатов значительно препятствовало ее активности. Правда, в освоении запада лидировали те новые силы, которые со временем

стали безусловной и, пожалуй, наиболее передовой и быстрорастущей частью американского буржуазного общества. Однако они вышли на простор не сразу, отчего весь большой период американской истории до гражданской войны не был слишком выигрышным для американской буржуазии. Но зато после войны и тем более в ходе достаточно длительного, но в целом очень благотворного реконструкционного периода ситуация в этом отношении резко изменилась. Американское общество, не обремененное «пережитками» (как их обычно именуют) феодализма, не знакомое с всеилием аристократии либо организованной церкви, не знающее в принципе сословных различий и сдерживавшееся в развитии лишь рабовладением юга, после крушения рабства освободилось от всего, что ему мешало. Освободилось и стало очень быстрыми темпами наверстывать упущенное.

Имеются в виду прежде всего темпы экономического развития, огромное количество революционных по их значению в истории человечества технико-технологических новаций, опиравшихся на свободный ум огромного количества творческих личностей. Количество этих последних постоянно росло за счет интенсивного притока переселенцев, А результат творчества способнейших из их числа (как, впрочем, и самих американцев) стал резко превосходить все то, что могла в те же годы продемонстрировать уже очень развитая к тому времени западноевропейская буржуазия. И это вовсе не удивительно. Во-первых, потому что рабство и весь рабовладельческий юг был для развития США барьером, который можно сопоставить с монархией французских Людовиков, крах которой в результате Великой революции дал мощный толчок для буржуазного развития Западной Европы. Во-вторых, из-за того, что новые потоки в основном европейских мигрантов (в последней четверти века из Европы и частично из Азии в США прибыло около 10 млн переселенцев) состояли в немалой мере из людей не только инициативных и энергичных (иные редко решались на радикальную перемену в своей жизни), но и творчески одаренных, даже вполне сознательно решавших применить свои креативные потенции именно там, где для их развития и должной оценки обществом сложились наилучшие условия. В-третьих, немало значило то обстоятельство, что бурный спурт американской экономики происходил в те годы, которые пришлось на период самых важных новаций в промышленности, в экономике в целом, в науке и даже в условиях бытовой культуры множества людей, особенно живших в развитых странах.

Все эти и многие иные важные факторы сыграли свою роль в том, что США в последней четверти XIX столетия не просто вырвались вперед в экономике, технике, изобретениях и иных новациях, но стали превращаться в образец, которому стоит подражать, у кого можно многое заимствовать. Если угодно, именно США стали играть ту роль, которую до того долгое время играла Англия. И успехи европейских стран, начиная с быстрых и важных достижений Германии, уже не могли соперничать с тем, что была в состоянии предложить Америка (именно так стали примерно с этого времени привычно именовать США).

В чем именно и как проявлялось в последний этап нового времени это явное превосходство американской науки, техники и всего образа жизни? Начнем с упоминания, что по объему промышленной продукции США в 1894 г. вышли на первое место в мире. Как то ни покажется неожиданным, но едва ли не быстрее всего развивалось американское фермерское хозяйство. Именно оно все более быстрыми темпами оснащалось различными новыми машинами, без которых фермер на своем огромном по европейским и вообще мировым стандартам участке просто не управился бы. Американское сельское хозяйство было преимущественно не просто буржуазным, но и высокотехнологичным, а потому давало огромное количество различной высококачественной товарной продукции, значительная часть которой шла на экспорт. По некоторым данным, производство пшеницы в США только за вторую половину века возросло в пять раз, причем излишки в основном шли в Европу. Продолжали идти из Америки в Европу хлопок и многие другие продукты развитого сельского хозяйства, будь то сахар, табак или что-либо еще.

Второй сферой производства, где результаты были особенно заметными и впечатляющими, следует считать железнодорожное строительство. Если до гражданской войны густо опутан железными рельсами был разве что только промышленно развитый северо-восток, то теперь ситуация решительно изменилась. Огромные пространства США, территориально сопоставимые с европейскими (если даже не сильно превосходящие их), требовали для наилучшего своего освоения такой же сети. И она максимально быстрыми темпами была создана. Только за двадцатилетие (1860–1880) протяженность железнодорожных линий возросла втрое, достигнув 150 тысяч км. При этом 54 тыс. из них построили в период реконструкции, в 1867–1873 гг. Важно заметить, что в их число входила важнейшая для страны и самая длинная в то время трансамериканская дорога, соединившая Нью-Йорк через

Чикаго с Сан-Франциско. Стоит принять во внимание и тот важный факт, что мощное железнодорожное строительство стимулировало резкий подъем в важнейших сферах тяжелой промышленности. Период расцвета переживали горнорудное дело и металлургия, а также различные отрасли машиностроения, прежде всего направленные на создание нужного стране количества паровозов и вагонов. Нельзя не учитывать и того, что создание новых железных дорог, особенно трансконтинентальной, способствовало более активному перемещению на новые земли всех тех, кто этого мог пожелать. В частности, это касается тех 10 млн новых переселенцев, которые прибыли в Америку в последней четверти века. Но нельзя забывать и о том, что железные дороги значительно облегчали и удешевляли транспортировку товаров и торговлю теми сельскохозяйственными продуктами, о которых чуть выше было упомянуто.

После открытия в Пенсильвании немалых запасов нефти американцы начали активно заниматься ее добычей и переработкой в промышленном масштабе, причем сделали это практически первыми в мире. Открытие метода вулканизации позволило найти способ изготовления искусственного каучука, что положило начало быстро растущей промышленности резиновых изделий, оказавшихся столь необходимыми в разных сферах жизни и в наибольшей степени в той, которая вскоре стала тесно связана с автомобиле- и авиастроением, а также с электротехникой, не говоря уже о телеграфе и телефоне. Ко всему тому, что имело отношение к промышленному подъему, приложило руку и правительство страны, которое проводило очевидную протекционистскую политику, воздействуя на рост и объемы производства, в частности, системой таможенных пошлин. Неудивительно, что в итоге за 1860–1900 гг. общий объем промышленной продукции Америки вырос в семь раз, что и позволило США выйти на первое место в мире.

Огромную роль в быстро растущей экономике страны начали играть многочисленные банки и иные финансово-экономические организации. Уходила в прошлое — как то было и в Западной Европе — эпоха частного буржуазного предпринимательства. На смену ей приходил период торгово-промышленных и финансово-экономических объединений, причем имеются в виду не только акционерные общества и компании различного типа, но и мощные тресты и концерны, стремившиеся к монополизации производства в той или иной его отрасли. Имена Рокфеллеров, Морганов, Вандербильтов стали как бы символом американского богатства вообще и тенденции к созданию монополий в частности.

Монополизация была вполне очевидно выгодна предпринимателям, особенно крупным и наиболее богатым, ибо позволяла по их произволу определять объем производимой продукции и цены на нее. Однако именно это было невыгодно обществу в целом, включая и буржуазию как его очень важную часть. Невыгодно потому, что позволяло монополистам диктовать свою волю всем остальным, что мешало росту и развитию новых отраслей производства, созданию новых предприятий. Поэтому нет ничего удивительного в том, что уже в 1890 г. конгресс принял первый антитрестовский закон, дальнейшее усовершенствование которого вскоре привело к полной ликвидации системы трестов, пытавшихся монополизировать производство той либо иной продукции.

Стоит особо обратить внимание на то, что промышленность США уверенно лидировала и в сфере технологии и организации производства с целью повышения производительности труда. Впервые реальные результаты разработок такого рода стали известны на рубеже XIX–XX столетий как система Тейлора. Они сводились к организации поточного либо конвейерного производства, особенно удачно примененного в самом начале XX века на автомобильном заводе Форда.

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕ РЕКОНСТРУКЦИИ

Следует обратить внимание на то, что ряд злоупотреблений и явный перекося в системе подбора административных кадров за годы правления республиканцев вызвал у американцев, не привыкших относиться к такого рода часто встречающимся и в других странах нарушениям порядка равнодушно, вызвали уже в конце периода преобразований заметный протест. На выборах в конгресс в конце 1874 г. победу одержали демократы, резко выступившие, в частности, против намерений сторонников Гранта удлинить время его пребывания за счет еще одного, третьего срока. И так как руководители демократов в это время были уже далеки от любых попыток реставрации (ценное свойство американской либерально-буржуазной демократии), то их позиция оказалась вполне конструктивной. Они теперь соглашались с отменой рабства, сделав при этом, однако, оговорку в том смысле, что проблема социального равенства — дело времени и что одним лишь принятием новых законов здесь делу не поможешь. Доля истины в этих рассуждениях была, и это обстоятельство вкупе с рядом других позволило укрепить политические позиции демократов, что стало важным шагом в воссоздании в США традиционной двухпартийной системы.

На выборах президента в 1876 г. это утверждение в стране двухпартийной системы нашло весьма убедительное подтверждение: кандидат в президенты от республиканцев Р. Гайес (1877–1881) едва сумел набрать необходимое большинство. Годы его правления были отмечены финансовой реформой с переходом к серебряной валюте, что символизировало отказ от ассигнаций-*гринбеков*, хождение которых в предшествовавшие годы нередко вело к инфляции. Это решение вызвало в стране заметное движение сторонников *гринбеков*. Однако вследствие роста стоимости бумажных денег движение не получило дальнейшего развития, а серебряная монета стала на долгое время основной. Более ничего заметного этот президент не совершил, а в 1881 г. он был замещен другим республиканским президентом, убитым вскоре после начала срока его правления. Президентом стал вице-президент Ч. Артур (1881–1885), который в жестокой борьбе за власть на следующих выборах уступил место демократам.

Впервые после гражданской войны пост президента достался демократу, который, однако, ни в чем существенном себя не проявил, как, впрочем, и сменивший его республиканец. Вообще, конец века во внутриполитической жизни США прошел под знаком некоторого угазания страстей и равновесия сил обеих партий. Может даже создаться впечатление, что борьба вокруг монетного обращения да еще тарифы были чуть ли не главным из того, чем американские законодатели в то время более всего интересовались. Впрочем, в центре их внимания находились и еще некоторые вопросы, связанные с содействием буржуазному развитию страны, включая упоминавшееся уже антитрестовское законодательство, первые успехи которого во многом содействовали ускоренному экономическому развитию США. Ситуация несколько изменилась в последнем десятилетии XIX в., особенно в годы президентства У. Мак-Кинли (1897–1901). Но события, которые выделили эти годы среди других, относятся более к сфере внешней политики, нежели внутренней.

Надо сказать, что внешнеполитическая активность США после войны не была слишком заметной. Вообще, со времен опубликования доктрины Монро (декабрь 1823 г.) США твердо стояли на том, что Америка для американцев и что европейцам не следует пытаться колонизировать ее территорию. Это было заявлено в основном в адрес Священного союза, пытавшегося тогда, как упоминалось, организовать интервенцию для помощи испанцам и португальцам в деле,

восстановления их власти в утерянных ими латиноамериканских колониях. Однако толковать формулы доктрины Монро можно было по-разному, что обычно и происходило в реальности. Укрепление позиций североамериканских штатов и натиск переселенцев на запад в малонаселенные земли, в том числе и принадлежавшие завоевавшей независимость Мексике, привело в конце 1840-х гг., о чем уже шла речь, к войне, в итоге которой часть мексиканских территорий отошла к США. Это тоже было, строго говоря, в соответствии с принципом «Америка для американцев». Вмешательство США в дела вроде бы уже свободных и независимых латиноамериканских стран, о чем пойдет речь в последующих главах, тоже вполне ладило с тем же принципом.

США на протяжении всего периода становления государства, вплоть до гражданской войны, не интересовались территориями, расположенными вне своих штатов. Но после этого и в связи с быстрым ростом экономического и политического могущества страны ситуация стала меняться. Интересы державы начали заметно выходить за пределы штатов. Оставляя пока в стороне вмешательство в дела латиноамериканских стран, обратим внимание на приобретение у России в 1867 г. Аляски, где вскоре после этого были открыты обогатившие страну и многих ее граждан золотые прииски, и Алеутских островов. Интересы торговли в огромном пространстве Тихого океана вызвали к жизни желательность владения базами на пути к дальним странам, прежде всего к Австралии, что привело в 1887 г. к началу аннексии Гавайских островов. Но наивысшего накала американская экспансия в сфере внешней политики достигла в самом конце XIX столетия, когда США умело вмешались в освободительное движение на Кубе против Испании. В апреле 1898 г. США потребовали у Испании отказа от колониальных прав на Кубу. Формально это требование вполне вписывалось в принципы доктрины Монро, что могло считаться достаточным основанием для вооруженного демарша. Менее обоснованным было вмешательство в дела Филиппин, однако и оно происходило в интересах борьбы за освобождение народа этого архипелага от колониального владычества Испании. Как бы то ни было, но, согласно условиям Парижского мирного договора от 10 декабря 1898 г. Куба обрела независимость с немалой долей американского влияния в этой стране, а Филиппины и острова Пуэрто-Рико и Гуам (наибольший в группе Марианских островов) стали либо владением, либо протекторатом США.

Выход США за пределы Нового Света означал, однако, не столько то, что американцы, как, к примеру, опоздавшие к переделу колониального мира и лишь незадолго до того добившиеся объединения своего государства германцы либо итальянцы, старались поскорей овладеть хоть чем-то в мире колоний. Как правило, к колониям они не стремились. Американцам вполне хватало своей земли с ее богатыми ресурсами. Но для развития страны было естественным стремление завладеть хотя бы некоторыми базами в пределах Мирового океана для облегчения торговых связей. Пожалуй, было бы верно поостеречься именовать это стремление попыткой создать колониальную империю в духе уже давно ушедших в прошлое веков. К тому же необходимо принять во внимание, что замена испанцев американцами США вне Америки как на островах, так и на Филиппинском архипелаге, было, особенно по сравнению с веками испанского владычества, как о том свидетельствует вся последующая история, безусловным благом для местного населения.

ОБНОВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ

Перемены после гражданской войны и сложного, даже болезненного периода затянувшейся Реконструкции обернулись в общем и целом благом для США. Страна резко изменилась к лучшему. Конечно, нет оснований забывать то, что африканцы не получили сразу же полного набора гражданских прав и полного равенства, как нельзя не помнить и о том, что индейцы были в еще большей степени территориально ограничены в своих резервациях. Наивно было бы считать, что после стольких веков неравенства, рабства, войн все сразу образуется в лучшем виде. Гораздо важнее принять во внимание, что процесс на протяжении примерно столетия постоянно шел в направлении постепенного улучшения как юридического статуса и реального положения афроамериканцев, так и уровня жизни индейцев. И все те, кто знаком с постоянно, даже чрезмерно, внедряемым ныне в США принципом политкорректности, не станут с этим спорить. Спорить могут разве что те, кто с реалиями не знаком, но привык верить беспардонной пропаганде. Поэтому, завершая повествование о великих преобразованиях в США в конце XIX в., стоит особо отметить, что они шли быстро и вполне успешно.

Это касается, помимо всего прочего, и положения рабочих и вообще всех лиц наемного труда. Сокращался законодательно фиксированный размер рабочего дня. В ряде штатов официально был введен восьмичасовой день, в других он оставался несколько большим. В стране сво-

бодно работали многие организации, ставившие своей целью улучшение жизни людей, занятых в сфере наемного труда, а на рубеже XIX–XX вв. возникло несколько рабочих партий, в том числе и социалистической ориентации. Но стоит заметить, что борьба американских социалистов против тех, кто стоял за приоритет экономических реформ, была заведомо обречена на провал. Это объяснялось многими обстоятельствами, о которых уже не раз шла речь применительно к ситуации в развитых странах Западной Европы. Но, даже имея это в виду, необходимо заметить, что заработная плата лиц наемного труда и прежде всего рабочих (их в конце века насчитывалось около 5 млн) была достаточно высокой, в том числе и по сравнению с их западноевропейскими собратьями.

К числу немалых социальных завоеваний американцев следует отнести успехи в важном деле эмансипации женщин. Едва ли не первыми именно американцы, и особенно американки, сумели добиться уравнивания женщин в правах с мужчинами. Впервые женщины обрели избирательное право лишь в одном из штатов в 1886 г., позже количество таких штатов постепенно увеличивалось. В стране свободно издавалось великое множество газет и журналов, в которых излагались и активно пропагандировались различные взгляды. Но среди них было немало передовых, к числу которых относились и те, что вели курс на уравнивание женщин с мужчинами во всех основных гражданских правах. И понемногу дело, как упоминалось, двигалось. Уже недалек был момент, когда женщины начинали выдвигать свои кандидатуры и избираться в законодательные собрания и многие иные общественные организации, когда их стали назначать на различные видные и ответственные должности.

Этому способствовал и прогресс в системе образования. Реформа американской школы, связанная еще с именами Франклина и Джефферсона, способствовала освобождению школы от схоластики и развитию в ней преподавания полезных знаний. Уже в 1809 г. в Нью-Йорке открылась первая бесплатная школа, а затем на протяжении нескольких десятилетий почти во всех штатах были приняты законы о всеобщем обязательном бесплатном образовании. По этому показателю США (с оговорками насчет детей рабов или индейцев) шли впереди большинства других стран мира. Понятно, что после гражданской войны и периода Реконструкции негритянское население также было включено в систему обязательного образования.

Первые колледжи появились в стране еще в XVII столетии, в следующем веке возник первый американский университет, причем ста-

ла заметной секуляризация как в наборе преподаваемых дисциплин, так и в организации учебного процесса. Чем дальше, тем больше высших ученых заведений становились частными и при этом освобождались от влияния религии. XIX столетие стало переломным во всей многоступенчатой и разнородной системе образования, что сыграло огромную роль в ускорении процесса подготовки высококвалифицированных научных кадров. И хотя многие великие изобретения американских гениев типа Фултона, Морзе, Эдисона или Форда свершались без него, университетское образование в Америке быстрыми темпами обрело свой высокий престиж. Усилиями американских ученых развивались многие отрасли науки и техники, энергично и успешно совершенствовалась технология, налаживались и обеспечивались ценными инженерными знаниями и опытом производство и эксплуатация различных машин и механизмов.

Вообще-то нечто подобное происходило в немалом объеме во всех развитых буржуазных странах Запада, в частности, в передовых государствах Западной Европы, но специальное внимание к США вполне оправданно. Ведь именно они, американцы, более всего потрудились и преуспели в том, чтобы обогатить мир выдающимися открытиями и внедрить эти открытия в массовое производство ради блага сотен миллионов людей. США буквально на глазах становились для всего остального мира не только образцом, но и указателем того направления, в котором идет, постоянно убыстряя свой ход, все человечество.

США КАК КАНДИДАТ В МИРОВЫЕ ЛИДЕРЫ

Все то, о чем только что шла речь, сталкивает нас с проблемой мирового лидерства. Долгие века таким лидером в постренессансной Европе была Англия. Могущество ее было неоспоримо, особенно в длительный викторианский век (королева Виктория сидела на троне с 1837 по 1901 г.), когда Англия, создав величайшую в истории человечества колониальную империю, была, как упоминалось, не только владычицей морей, но и — не забудем этого — мастерской мира. И не пытаясь умалить значимость небольшого по территории западноевропейского островного государства и тем более его заслуживающей уважения королеввы, обратим внимание на то, что к концу века Великобритания безусловно перестала быть бесспорным мировым лидером. Постепенно, но неустанно она уступала шаг за шагом тем самым США, которые еще так недавно были ее колонией и которые столь стремительно обгоняли ее, что называется, по всем основным параметрам.

Надо сказать, что сознательно американцы вовсе не боролись с кем-то за лидерство. Они даже не задумывались об этом. У них были совсем иные заботы, справиться с которыми им было так нелегко. Более того, даже добившись успехов и в основном решив свои острейшие проблемы, в том числе в ходе кровопролитной войны и решительного переустройства после нее, о чем только что шла речь, американцы вовсе не заботились о своем превосходстве над кем-либо. Они лишь старались сколь можно полнее и без особых проблем улучшить свою жизнь, не забыв при этом о тех, кто так долго был в состоянии бесправия и угнетения. И в этом они преуспели. США подошли к XX в. в состоянии наивысшего подъема. И хотя этот подъем многими привычно ассоциируется с выходом Америки на плацдарм так называемого империализма, на деле все было не так. Американцы никогда не стремились создать империю и не создали ее по сей день. Их владения вне территории штатов ничтожны и не заслуживают серьезного рассмотрения. Другое дело — проблема мироустройства. Эта проблема в конце XIX столетия еще только-только начинала заботить американцев, да и то лишь потому, что испанские владения были рядом, частично на территории Америки, на которую формально распространялось действие доктрины Монро. Что касается небольших островов (Филиппины в 1934 г. обрели автономию, а в 1946-м независимость), то они обрели либо статус штата, как Гавайи, либо близкий к нему статус, как то произошло с Пуэрто-Рико.

Говоря о том, что США никогда не были колониальной империей и не стремились стать ею, нельзя в то же время не принимать во внимание постепенного, по мере увеличения значимости этого государства, усиления их внимания ко всему тому, что происходит в мире. И если до поры до времени в духе все той же доктрины Монро это внимание ограничивалось преимущественно Латинской Америкой (в какой-то мере и Филиппины близки к латиноамериканскому миру, что стоит иметь в виду), то уже на рубеже XIX–XX столетий ситуация начала меняться. Мир вне Нового Света становился все менее безразличным для американцев. И это проявлялось во многом, хотя на первых порах было и не очень заметным.

Еще в начале XIX в. США начали вести торговлю со многими странами, расположенными в бассейне Средиземного моря, что привело американских торговцев, как и торговцев ряда западноевропейских стран, к конфликту с ливийскими корсарами, стремившимися взимать дань со всех тех, кто плавал по Средиземному морю. В середи-

не XIX столетия США стали проявлять вполне очевидный интерес к торговле с рядом стран Дальнего Востока. Корабли США — как и английские либо португальские — получили разрешение посещать один из портов Вьетнама для пополнения запасов продовольствия и воды. А после так называемой опиумной войны Англии с Китаем (1839–1842), когда англичане начали активное проникновение в Китай, США подписали с Поднебесной договор, согласно которому они автоматически обретали те же права, что и Англия. В начале второй половины века США вместе с рядом других стран, от Англии до России, подтвердили все те права и привилегии, которые получил Запад в Китае. В частности, имеется в виду установление дипломатических отношений. США обрели в Китае своего посланника. Но справедливости ради стоит заметить, что они использовали свои права в Поднебесной империи далеко не столь активно, как европейские страны.

В 1853 г. эскадра американского коммодора М. Перри посетила Японию с предложением установить дружеские связи и улучшить отношение местных властей к потерпевшим кораблекрушение, а также открыть порты для торговли. В Японии долго обсуждали это предложение и в марте 1854 г. заключили с США договор, который содержал согласие с предложениями американцев кроме самого главного, т.е. открытия страны для торговли. Для США это была серьезная неудача, ибо Япония, как и Корея, была по сути ближайшим от Америки потенциальным торговым партнером. Между тем отношения с Кореей у США тоже долго не складывались. Опираясь на соглашение с Китаем, по отношению к которому Корея находилась в вассальной зависимости, торговцы США пытались наладить торговлю с этой страной. Но они долго не могли этого добиться. Один из американских кораблей потерпел крушение близ корейских берегов, после чего его команда была отправлена в Китай. При попытке воспользоваться сложившейся ситуацией для налаживания регулярных торговых связей с Кореей в 1866 г. возник конфликт, в результате которого другой американский корабль был потоплен вместе с командой местными властями, причем ответных действий со стороны США в то время не последовало.

Только в 1871 г. американцы направили в Корею военную экспедицию, возглавленную американским посланником в Китае, что, как следует полагать, должно было продемонстрировать корейским властям факт связей США с Китаем. Однако и теперь, несмотря на конфликт, дошедший до выяснения отношений с оружием в руках, американцы ничего не добились. Пришлось ждать. Как то известно,

лишь после японского нажима на Корею в середине 1870-х гг., который завершился военной экспедицией, корейцы вынуждены были согласиться на открытие своих портов для торговли. Среди тех держав, кто воспользовался этим, были и США. Американско-корейский договор о торговле и даже о владении в торговых портах Кореи землей и о строительстве там своих предприятий с правом экстерриториальности был подписан в мае 1882 г.

Участие США в активной политике западных держав на Дальнем Востоке в середине и во второй половине XIX столетия было, как явствует из перечисленного, в общем-то минимальным, особенно по сравнению с аналогичной активностью Англии или других европейских стран, включая и Россию. Это обуславливалось рядом различного рода обстоятельств. Однако, тем не менее, сам факт вполне определенно свидетельствовал о выходе США из той геополитической изоляции, которая длительное время диктовалась доктриной Монро и в конечном счете соответствовала интересам страны, занятой прежде всего освоением собственного немалого пространства. В качестве вывода можно еще раз заметить, что стать колониальной державой США не стремились. Их целью было расширение торговых связей. Однако то обстоятельство, что рыночные интересы страны требовали такого расширения, свидетельствует о возросшей международной роли Америки, находившейся на этапе превращения в крупнейшую из мировых держав.

В то время, т.е. в XIX столетии, это еще не было вполне и тем более всем заметно. Англия постепенно сдавала свои позиции. Франция и особенно Германия, напротив, укрепляли их. К тому же стремилась, хотя и с гораздо меньшими основаниями, Россия. А на США все они привыкли не обращать слишком большого внимания. Разумеется, все видели, сколь быстро растет и развивается огромное американское государство во второй половине века. Но все в то же время привыкли к тому, что принципы доктрины Монро, да и многие иные обстоятельства не порождают в США тенденции к резко агрессивной колониальной агрессии, которая была бы сравнима с той, что проявляли в те же годы другие западноевропейские страны. Но значит ли это, что мощь и влияние великой державы меряются только ее колониальными притязаниями?

Так было на протяжении ряда веков. К этому уже привыкли. Это одна из главных причин, если не важнейшая, на основании которых признанное первое место в мире занимала Англия. Но ситуация в мире к концу века существенно менялась, хотя это было, стоит повторить,

еще не очень заметно. Менялась в том смысле, что мощь государства в гораздо большей степени олицетворялась его внутренней силой, нежели владением колониями. И хотя колонии по-прежнему немало значили, они постепенно отходили на второй план. А на передний выходило все то, что делало то либо иное государство в ходе его целеустремленного внутреннего развития и благоприятствовавших этому обстоятельств все более и более передовым и сильным. И не нужно было для этого играть военными мускулами. Достаточно было постоянно демонстрировать миру все новые и новые достижения в сфере высокоразвитого буржуазного производства и потрясающе быстрых темпов его эволюции. Именно это и делали США.

Именно этим и следует объяснять то, что данная держава в начале следующего XX в. уже была потенциальным мировым лидером. Впрочем, история этого века сложилась так, что соревнование держав было замещено открытым соперничеством их коалиций, что привело планету к двум мировым войнам, которые на деле были выяснением отношений между коалициями сильнейших европейских государств. В этой ситуации лидерство США выявилось далеко не сразу. Да США, собственно, и не стремились к этому. Они заняли ведущее в мире место лишь тогда, когда это было продиктовано крайней необходимостью. Но зато после этого в лидерстве США уже никто всерьез не сомневался, даже в условиях холодной войны или накопления оружия массового уничтожения.

Глава двенадцатая. ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА В БОРЬБЕ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

Латинская Америка, находившаяся, кроме разве что некоторых островов Вест-Индии, под властью Испании и Португалии, в конце XVIII столетия переживала трудный период. Сложные межрасовые контакты сильно изменили образ жизни населения субконтинента. К этому стоит добавить, что ввоз новых африканских рабов как в Вест-Индию, так и в некоторые другие районы придавал привычному этнорасовому смешению населения горький привкус расового произвола по отношению к невольникам, многие из которых начинали убегать от хозяев и в случае нужды активно выступать против них, объединяясь с поддерживавшим их местных населением, смешанным в расовом отношении. Среди населения увеличивалось недовольство, которое находило свое выражение в акциях массового протеста. Наиболее заметным в этом ряду было восстание в 1780 г. в Перу во главе с Тупа-

ком Амару. Перу было экономически важным и в какой-то мере даже процветающим торговым районом испанских колоний. Недовольные крестьяне из числа индейцев были основой его повстанческой армии, временами достигавшей многих десятков тысяч бойцов, правда, очень скверно вооруженных. Подчас одерживая победы над карательными отрядами, эта армия была все же слабой и вскоре оказалась разгромленной, а самого Амару в мае 1781 г. казнили на главной площади старинного перуанского центра Куско.

Стоит также принять во внимание начатое в 1791 г. восстание рабов на Гаити в годы революции во Франции. Глава восставших Ф. Туссен-Лувертюр сумел наладить контакт с представителями революционного Конвента, после чего, добившись от Франции решения об отмене рабства, вел борьбу с колонизаторами, получавшими поддержку из Испании и Англии. Борьба была достаточно успешной свыше десятка лет. Но после успешного завершения революции посланная Наполеоном на Гаити экспедиция генерала Леклерка привезла Туссена-Лувертюра во Францию, где он вскоре умер. Однако борьба восставших продолжалась. Возглавивший ее негритянский генерал Ж. Дессалин в 1805 г. был коронован и принял либеральную конституцию, содержавшую статьи об отмене рабства и сегрегации, о неприкосновенности частной собственности. Однако в 1806 г. он был убит, а его преемники продолжали политику борьбы Гаити за независимость.

Выступления повстанцев в испанских колониях и в Вест-Индии (на Гаити) были важным знаком, свидетельствовавшим о том, что колониальные власти не могут более спокойно хозяйничать, имея дело с местным населением, уже вкусившим сладкие плоды свободы. Говоря об этих плодах, не стоит забывать, что идеи французского Просвещения и сведения о революции, а еще более борьба североамериканских колоний за независимость и принимавшиеся колонистами Декларация независимости, а также иные их документы не могли быть неизвестными на юге континента. Сведения об этих документах и событиях усиливали стремление к свободе. Освобождение латиноамериканских колоний от колонизаторов стало на повестку дня. Нужен был лишь сколько-нибудь серьезный предлог для того, чтобы движение за свободу приняло широкомасштабные формы. И этим предлогом стали наполеоновские войны, приведшие в Западной Европе к радикальному преобразованию большинства стран, в том числе и находившихся еще достаточно далеко от активных буржуазных преобразований сравнительно отсталых Испании и Португалии.

БОРЬБА ЮЖНОАМЕРИКАНСКИХ КОЛОНИЙ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

Испанские колонии в начале XIX столетия состояли из четырех вице-королевств: **Ла-Платы** (Аргентина, Уругвай, Парагвай и Боливия), **Новой Испании** (Мексика и некоторые части Мезоамерики), **Перу** (Перу и Чили) и **Новой Гранады** (Колумбия, Венесуэла, Эквадор и Панама) и четырех генерал-капитанств. Испании принадлежали также Куба, Пуэрто-Рико и часть Сан-Доминго. Население колоний, по разным оценкам, составляло 16–20 млн человек, из них испанцев не более 1,7 млн, креолов 3 млн, остальные — индейцы, метисы, мулаты и негры. Считается, что лишь несколько меньше половины всего населения приходилось на Мексику. Португалия владела Бразилией с населением в то время всего в 3 млн человек, половину из которых составляли африканские рабы, а примерно треть — креолы.

В колониях помимо обычных сельскохозяйственных работ, которые приходились на долю большинства населения, существовала и трудовая повинность, бывшая особо тяжким испытанием для не очень-то приученных к ней людей, коль скоро речь заходила о работе в рудниках, где гибло много тружеников. На плантациях Бразилии работали негры, труд и условия жизни которых были обычными для всей Америки. Разве что климат здесь, возможно, чуть отличался в лучшую сторону от того, что был характерен для тропической Вест-Индии. На рубеже XVIII–XIX вв. во многих колониях существовали уже значительные по размеру города с развитыми промышленными мануфактурами, кое-где и предприятиями фабричного типа. Большую роль играли горнодобывающие промыслы. Торговля, при всех ее официальных ограничениях, энергично развивалась. Появлялась заметная прослойка буржуазии. Росло количество образованных людей, резко увеличивался интерес к передовым идеям европейского Просвещения и к событиям, связанным с борьбой английских североамериканских колоний за независимость. Однако существенно заметить, что демократические институты в латиноамериканских городах не получили сколько-нибудь заметного развития. Не слишком распространенными там также были права либо свободы граждан, особенно если иметь в виду пестроту и еще далеко не укоренившееся равенство между различными этнорасовыми группами городского населения.

Политическое ослабление Испании и Португалии способствовало заметному ускорению темпов роста национально-освободительных

настроений в латиноамериканских колониях. И коль скоро для начала борьбы нужен был лишь повод, то, как оказалось, этим поводом явилось вторжение наполеоновских войск в Испанию. Испанский король в марте 1808 г. был вынужден отречься от престола, а новым королем на несколько лет стал Жозеф Бонапарт. Этого оказалось вполне достаточно для того, чтобы главы колониальной администрации в Латинской Америке оказались перед нелегким выбором, чью власть они должны признать легитимной. Да и вообще было не вполне ясно, что им следует предпринять в столь радикально изменившейся обстановке. А когда в Испании в противовес Жозефу была создана в Севилье Центральная хунта, претендовавшая на власть от имени отрекшегося от нее испанского короля Фердинанда VII, мнения в колониях разделились. Одни склонны были признать власть хунты, другие колебались. Но вскоре ситуация прояснилась.

Хунта, как и сменивший ее Регентский совет, достаточно быстро прекратила свое существование. Это послужило сигналом для нескольких первых восстаний, в основном в Перу. И хотя все эти восстания 1809 г. были вначале сравнительно легко подавлены испанскими войсками, имевшимися в распоряжении вице-королей, обстоятельства вскоре резко изменились в пользу тех, кто был готов поддержать повстанческое движение. Оккупация Испании французами в 1810 г. означала, что латиноамериканские колонии отныне предоставлены сами себе и что вместо испанской хунты колонистам стоило бы подумать о создании собственных органов администрации.

В апреле — июле 1810 г. в большинстве городов испанской части Америки владычеству Испании был брошен решительный вызов. Здесь стали появляться национально-патриотические хунты и начались войны за независимость. Эти войны затянулись до 1826 г., но зато повсюду завершились успешно. Латиноамериканские колонии в итоге исчезли, а на смену им пришло довольно много новых государств. Правда, произошло это далеко не сразу, не говоря уже о том, что национально-освободительная борьба потребовала немалых усилий и стоила поднявшим ее большого числа жертв. При этом огромная территория испанских колоний в ходе восстаний как бы сама собой разделилась на несколько частей, в каждой из которых борьба пошла своим путем.

Особо заметного размаха борьба вначале достигла в Новой Гранаде, в частности в Венесуэле, которая стала центром сопротивления на севере субконтинента. Здесь в апреле 1810 г. началось восстание, вскоре после чего возникла Верховная хунта, вначале вставшая на сторону

свергнутого монарха Фердинанда VII. Однако уже в конце того же года стало ясно, что большинство колоний против испанского владычества и готово сражаться, по примеру английских колоний в Северной Америке, за независимость. Возглавившие вскоре Патриотическое общество Ф. де Миранда и С. Боливар (оба побывали в Западной Европе и вынесли оттуда немало революционных идей и готовность бороться за их осуществление) смело выдвинули свою программу действий. В 1811 г. в Каракасе на Национальном конгрессе была провозглашена независимость страны, а конституция предусматривала создание республики, установление демократических свобод, ликвидацию сословных привилегий, а также и любой другой формы дискриминации. Миранда возглавил армию и стойко сопротивлялся испанцам, но в конечном счете потерпел поражение, в 1812 г. был взят в плен и вскоре умер в испанской тюрьме. Однако борьба продолжалась.

Начатую Мирандой войну успешно продолжил наиболее известный из всех латиноамериканских деятелей времен борьбы за независимость С. Боливар. В 1813 г. он с собранными им войсками вошел в Каракас, став на некоторое время главой теперь уже второй Венесуэльской республики. Именно он издал ставший затем широко известным декрет о «войне насмерть», в котором содержался призыв к конфискации имущества роялистов и разделу его между борцами за независимость республики. Однако уже через год войска С. Боливара были разбиты, так что он оказался вынужден покинуть Венесуэлу. Тем не менее в вице-королевстве борьба продолжалась. В том же 1810 г., кроме Венесуэлы, произошла серия восстаний почти во всех основных городах. Во многих из них были созданы хунты, между которыми — несмотря на существование Верховной хунты в Боготе — не было должного единства. Все же в конце года на конгрессе многие из числа руководителей восстания выступили против испанского Регентского совета, а в 1811 г. здесь была создана Конфедерация соединенных провинций Новой Гранады, причем почти каждая из провинций приняла свою конституцию. Сразу же возникли споры между республиканцами и роялистами. Вскоре возвратившийся Боливар, установив связи с республиканцами, действовавшими в разных городах вице-королевства, вновь собрал войско и продолжил борьбу. Он сразу же оказал поддержку республиканцам Новой Гранады, но так как возвратившийся к власти в Испании Фердинанд VII направил в 1815 г. в Латинскую Америку войска, в 1816 г. Новая Гранада вновь стала колонией Испании, а республиканцы подверглись жестоким преследованиям.

Второй этап борьбы, датируемый 1816–1826 гг., начался с очередного выступления Боливара, опиравшегося на поддержку президента республики Гаити А. Петiona, одного из тех, кто заменил Туссена-Лувертюра. Лозунги отмены рабства и конфискации имущества испанской короны и роялистов помогли Боливару в 1819 г. вначале стать временным президентом Венесуэлы, а затем освободить Боготу, столицу Новой Гранады. В конце того же года по предложению Боливара обе заново появившиеся республики были объединены в государство Колумбию, а восстание 1820 г. в Испании, положившее конец правлению Фердинанда VII, помогло довести дело до конца. В 1822 г. была провозглашена независимость республики Колумбия, президентом которой стал Боливар.

В Новой Испании, в Мексике, восстание началось в 1809 г. и с самого начала приняло широкий всенародный характер. Здесь, в центре древних мезоамериканских цивилизаций, оно имело явно выраженное стремление защитить угнетенных индейцев, если даже не вернуть им их прошлую жизнь. Руководившие движением священники Идальго, затем Морелос вели дело к созданию независимой Мексики. В 1813–1814 гг. Национальный конгресс принял Декларацию о независимости, а также конституцию, в которой защищались основные демократические права и предусматривалось создание республики. Но вскоре испанцам удалось взять реванш. Восстание было подавлено. Однако владычество испанцев сразу же после свержения короля Фердинанда в Испании в 1820 г. пришло к концу. Движение за освобождение Мексики под руководством А. Итурбиде завершилось в 1821 г. победой, зафиксировавшей появление нового независимого государства. Однако в 1823 г. Итурбиде, провозгласивший себя его императором, был свергнут, а Мексика вскоре после этого, в 1824 г., стала федеративной республикой. При этом ряд колоний, расположенных к югу от Мексики и входивших было вначале в состав федерации, охватившей почти все вице-королевство Новая Испания, вскоре отделились и образовали новое государство «Соединенные провинции Центральной Америки».

На территории вице-королевства **Ла-Плата** восстание началось в 1810 г. с отстранения от власти вице-короля в Буэнос-Айресе и объявления о независимости колонии. Временная правительственная хунта взяла власть, но на все вице-королевство ее распространить не удалось. В 1813 г. Генеральная конституционная ассамблея приняла ряд важных законов. Тем временем в Парагвае, где повстанцы действовали

обособленно, тоже была объявлена независимость. К этому же стремились и Уругвай, в котором ситуация обострилась еще и в результате конфликта с бразильскими португальцами. Кончилась борьба тем, что в 1816 г. на конгрессе в Тукумане была принята Декларация независимости Соединенных провинций Ла-Платы, которые были в 1826 г. преобразованы в Федеративную республику Аргентину.

Аргентинцы в 1817–1818 гг. помогли добиться независимости лежащему к западу от Анд вице-королевству Перу. Вначале их помощью воспользовалась колония Чили, а затем, в 1820–1821 гг., и Перу. Освобождению северной части Перу от испанских войск помогли в 1823–1824 гг. колумбийские отряды Боливара. Чуть позже повстанцы сумели освободить территорию к западу от южного (Верхнего) Перу и северного Чили, названную Боливией. Вообще-то активная борьба за освобождение от колонизаторов этой части Латинской Америки началась еще в 1809 г., когда колонии вице-королевства объявили о своей независимости от Испании. Но восстание тогда очень скоро было подавлено войсками вице-короля Ла-Платы, после чего открытые выступления недовольных сменились партизанской войной, длившейся до 1825 г., когда повстанцы армии Боливара во главе с генералом А. Сукре добились победы, после чего Боливия одной из последних стран Латинской Америки обрела свободу. Имя этому новому государству дал конгресс, объявивший о его независимости и специально отметивший заслуги Боливара («Освободителя», как его все чаще начинали именовать во всей Латинской Америке), не забыв упомянуть о том, что с его именем прежде всего была связана отмена рабства почти на всем субконтиненте.

В итоге из всех своих владений в Латинской Америке испанцы сохранили лишь Кубу и Пуэрто-Рико. Что касается Бразилии, то там еще в 1807 г., после оккупации Португалии наполеоновской армией, обосновался бежавший из Португалии королевский двор. Однако бразильцы под влиянием событий во всей Латинской Америке усилили борьбу за независимость страны. Это привело к тому, что король Португалии Жуан VI был вынужден со своим двором покинуть Бразилию, отправившись в 1821 г. в Португалию. Но его сын принц-регент Педро в 1822 г. объявил Бразилию независимым государством, а себя ее императором. Португалия в 1825 г. официально признала независимость Бразилии. Что же касается Уругвая, то он в 1825–1828 гг. при помощи со стороны Аргентины освободился от зависимости от Бразилии, став еще одним независимым государством испаноязычной

Латинской Америки. На этом длившееся 15–16 лет движение за независимость огромного латиноамериканского субконтинента успешно завершилось.

Перед всеми только что образовавшимися новыми государствами (а некоторые из них вскоре разделилась на самостоятельные части) встала нелегкая задача укрепиться и добиться всеобщего признания. Первой страной, признавшей уже в 1822 г. независимость вновь возникших южноамериканских государств, были США, а в 1823 г., как о том уже шла речь, появилась на свет доктрина Монро, главным смыслом которой было строгое предупреждение реакционерам из западноевропейского Священного союза, чтобы они не вмешивались в дела Америки. Этот документ сыграл важную роль в истории континента. Он весомо заявил, что никакая попытка вмешательства в дела Латинской Америки не будет оставлена без внимания.

«Соединенные Штаты не смогут остаться безучастными зрителями этого вмешательства, в какой бы форме оно ни выразилось» — так было сказано в тексте. Опираясь на него, не столько сами США, сколько вчерашние колонии слабеющих Испании и Португалии могли чувствовать себя в относительной безопасности. Это чувство сыграло не последнюю роль в том, что внутренние конфликты либо разногласия во вновь сложившихся — часто в спешке либо под влиянием случайных обстоятельств — государствах решались с потрясающей для таких событий легкостью. Соединенные провинции и федерации мирно распадались на части. И становившиеся самостоятельными новые государства при этом не боялись, что их небольшая величина и соответствующая слабость станут притягательными для бывших метрополий. Испании и Португалии, не говоря уже о других странах. Путь к присвоению какой-либо из американских колоний был наглухо закрыт. Ко всему сказанному важно добавить, что во многих из вновь созданных государств долгое время продолжалась острая внутренняя борьба различных политических группировок. Эта борьба порой доходила до ожесточенных внутренних войн, целью которых было либо разделение некоторых стран на части, либо, напротив, соединение их с другими. Понятно, что это не способствовало стабильности, а в ряде случаев и приводило к развалу наспех сложившихся федераций.

Неудивительно, что уже в 1830 г. в бывшем вице-королевстве Новая Гранада федерация Колумбия (Великая Колумбия, как ее именовали) распалась на Колумбию, Венесуэлу и Эквадор, а в 1839 г. Центральноамериканская, и без того небольшая, на Гватемалу, Гондурас,

Никарагуа, Сальвадор и Коста-Рику. Позже произошли и некоторые другие политические перемены. В 1844 г. Сан-Доминго, бывшая вест-индская колония Испании, стала независимой Доминиканской республикой. Но все эти геополитические трансформации не сыграли заметной роли во взаимоотношениях вновь возникавших государственных образований с уже существующими. И это неудивительно. Вся Латинская Америка была если и не чем-то единым, то во всяком случае еще недавно никак не расчлененной. Серьезных границ и тем более сложившихся национальных общностей не было, не говоря о языке (их было два, испанский и португальский) и религии. Иное дело — проблема внутривнутриполитических столкновений почти в каждом из заново возникавших или сохранявшихся в неизменном виде различных государственных образований.

К числу важнейших для истории результатов борьбы латиноамериканцев за независимость следует отнести ликвидацию рабства в большинстве новых государств, уничтожение многих унижительных повинностей, в частности принудительного труда, создание благоприятных условий для развития буржуазного производства, а также уничтожение заметных сословных различий (имеются в виду аристократические титулы и присущие их носителям атрибуты). Все это было очень большим достижением. Но стоит заметить, что само по себе установление республиканского строя и принятие конституций с большой ролью либерально-демократических статей еще не очень сильно повлияло на реальность. И в этом смысле Латинская Америка уступала Северной, где США при всех их сложностях развития (достаточно упомянуть о рабстве в южных штатах и вызванной им гражданской войне) были намного более готовы активно использовать все открывшиеся перед ними возможности. Дело в том, что подавляющая часть населения испано-португальских колоний была слабо подготовлена к тому, чтобы реализовать те различные гражданские права, которые были записаны в конституциях. Для населения было много важнее то, что в ряде государств многочисленные неимущие и безземельные обретали какие-то права, подчас даже право на землю. К сожалению, не слишком много могла и желала дать большинству населения и католическая церковь с ее явно стяжательскими наклонностями. Конечно, в немалом количестве случаев приходские священники были не только рядом с восставшим народом, но кое-где и возглавляли его. Однако на политику церкви как института это не оказало заметного влияния. Она учила паству смирению.

и послушанию и вовсе не стремилась научить ее постоянно бороться за реализацию гражданских прав. Словом, разные объективно сложившиеся обстоятельства после завершения борьбы за независимость в Латинской Америке в целом не назовешь благоприятными для сколько-нибудь ускоренной эволюции. Скорее, напротив, они не благоприятствовали ей. И это заметно сказалось на судьбах большинства латиноамериканских стран и в XIX, и в XX столетиях.

Свою немалую роль в создании не слишком благоприятных обстоятельств для эволюции сыграли расовые различия. С одной стороны, обилие расовых оттенков большинства населения практически почти всех стран снимало ту остроту расовой дискриминации, которая играла столь негативную роль в ранней истории США. Но с другой — эта же пестрота, во-первых, сохраняла постоянно присутствовавшее, если даже не явно выраженное, чувство неодинаковости социального статуса разных групп жителей, определенного цветом их кожи или иными расовыми признаками, а то и традициями образа жизни и культуры. А во-вторых, она способствовала тому, что подавляющая часть населения, будучи неграмотной и оставаясь глубоко невежественной, в силу уже одного этого фактора была склонна твердо следовать уходящим в глубокое прошлое традициям. А они, как правило, не имели ничего общего с античными, которые могли бы стимулировать склонность к предбуржуазным отношениям, свойственную, да и то не слишком заметно, колонизаторам.

Разница между латиноамериканскими государствами и США либо Канадой была в этом смысле очень существенной. По сути север и юг континента являли собой в XIX и XX столетиях два очень непохожих друг на друга мира. И если, глядя на стремление североамериканских колоний к единству и учитывая доктрину Монро, некоторые руководители движения за независимость Латинской Америки, начиная с Боливара, полагали, что объединение всех добившихся освобождения от колониального статуса испано-португальских колоний сможет помочь им в их усилении, то на самом деле все было не так. Призывы принять идею о том, что Америка должна принадлежать американцам, не оказывали на население этих бывших колоний с их отчетливо выраженной спецификой сколько-нибудь заметного влияния. Из задуманного Боливаром съезда представителей освободившихся стран в Панаме в 1826 г. ничего не получилось. Приехали представители только Колумбии, Мексики, Перу и Центральной Америки, да и те через несколько дней покинули Панаму из-за начавшейся там эпидемии.

Четыре упомянутых государства успели только заключить военный союз, но он оказался не слишком нужным и был вскоре просто забыт.

Это было свидетельством вполне определенной закономерности: освободившиеся латиноамериканские государства не были готовы к тесному союзу между собой и тем менее к какому-либо обязывавшему всех их соглашению с США. Да и в США едва ли кто-либо всерьез задумывался о сближении со столь сильно отличавшимися от североамериканских штатов вчерашними испано-португальскими колониями с их слабо развитым, даже весьма отсталым во многих отношениях населением, находившимся к тому же под столь сильным влиянием католической церкви. Идея о единстве хотя бы между собой была, тем не менее, очень дорога Боливару, и он несколько лет бился за ее осуществление. Но будучи подвержен, насколько можно предполагать, рано проявившейся паранойе, он все жестче настаивал на своем праве диктаторскими методами управлять всей Латинской Америкой. Это привело к полному крушению его планов и в конечном счете к бесславной его кончине в 1830 г. в возрасте всего 47 лет. Уход Боливара с политической сцены Латинской Америки, для достижения независимости которой он так много сделал, в общем, оказался практически никем не замеченным. Каждое из многих государственных объединений, которые появились на свет вместо бывших колоний, было занято своими внутренними делами, решавшимися, мягко сказать, не слишком успешно. Внутриполитическая борьба, вполне естественная в государственных образованиях, вчера еще не существовавших, долгое время не прекращалась почти везде. Собственно, в этой борьбе прошла вся вторая четверть XIX столетия, а кое-где и значительно большее количество лет, ушедших на достижение желанной, но трудно обретаемой стабилизации. В ряде случаев, как, например в Мексике, эта борьба, о чем уже говорилось, сопровождалась и немалыми потерями слабо освоенной либо вовсе еще не освоенной местным населением территории, расположенной близко от США.

РЕСПУБЛИКИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Как конкретно протекал сложный процесс институционализации бывших колоний на юге континента? С самого начала очень важно еще и еще раз напомнить, что становление здесь государства и общества мало чем напоминало аналогичный, но совсем иначе шедший процесс на севере континента. Собственно, это и неудивительно, если принять

во внимание соотношение доли европейских мигрантов на севере и юге и к тому же учесть, что переселенцы из Северной Европы и с Иберийского полуострова тоже представляли собой не вполне равноценные во многих отношениях группы. Но, как бы то ни было, на юге континента, как и на его севере, протекали аналогичные процессы становления новых государств республиканского типа. Это вынуждало и здесь, и там обращать особое внимание на конституционное устройство основ правления. Только в силу очень существенных различий, о которых было упомянуто, и государства, и общества, и, как легко понять, конституции, да и многое иное во всех сферах жизни были разными. И если США двигались вперед по пути буржуазных преобразований и демократических норм жизни семимильными шагами, то в Латинской Америке все было иначе. Вместе с тем стоит заметить, что влияние США в процессе становления социополитических институтов в южных республиках ощущалось вполне заметно. Так как же шел процесс развития стран Латинской Америки в XIX в.?

Начнем с Мексики. Развитие этой страны — если сравнивать с другими латиноамериканскими странами — было достаточно успешным. Здесь, в центре Мезоамерики, где веками жили более развитые народы континента, возникали один за другим очаги урбанистической цивилизации и строились города, проживала, по ориентировочным подсчетам, примерно половина населения Латинской Америки, не менее 7 млн человек. Но при этом территория большого государства была заселена крайне неравномерно. На севере огромные неосвоенные земли от Техаса до Калифорнии давно привлекали внимание североамериканских переселенцев, включая плантаторов южных штатов. Как упоминалось, заселение пустующих земель скваттерами из США началось уже в 20-х гг. и длилось долго, причем мексиканцы, вовлеченные в решение сложных внутренних проблем, рожденных длительной борьбой за независимость, практически ничего при этом не могли сделать. Решение территориальной проблемы завершилось войной, которая привела в конце первой половины XIX столетия к отторжению от Мексики ее северных земель, составлявших около половины всей ее территории. Тем не менее аннексия отнюдь не сказалась на этом государстве слишком болезненно.

Население страны, жившее в основном на южных землях Мезоамерики, долгое время было занято решением внутрисполитических проблем. В целом они были решены успешно, что сыграло, насколько можно предположить, немалую роль в последующем сравнительно

позитивном развитии страны. В 1824 г. была принята конституция, установившая республику с президентом и парламентом (конгрессом — явно влияние США) и декларирующая многие права и демократические свободы. Сословное неравенство и дискриминация были ликвидированы, как и остальные институты феодального прошлого. Церковь оказалась лишенной монополии в сфере народного образования. При всем том уровень развития и населения, и экономики был еще крайне невысок, а внутривластическая обстановка, как то имело место и в других новообразованных государствах Латинской Америки, по меньшей мере на первых порах, оставалась нестабильной. Враждебные группировки в конгрессе ожесточенно боролись за власть. Постепенно сложились две крупнейшие из них, легшие в основу консервативной и либеральной партий. Консерваторы стояли за сохранение привилегий духовенства и представителей правящей верхушки колониального прошлого, тогда как либералы стремились, отказавшись от неприглядного прошлого, добиваться лучшего будущего.

Большинство обычно поддерживало либералов, которые в 1829 г. провели через конгресс закон об отмене рабства, а в 1833 г. ущемили права церкви, официально отделив ее от государства и объявив выплату церковной десятины делом добровольным. И хотя правительства консерваторов, время от времени сменявшие либералов, пытались решительно противостоять либеральному курсу, он все же брал верх. Мексике активно помогал рост торговых связей с европейскими державами, прежде всего с Англией. Приток английского капитала заместил утрату испанского (многие испанские предприниматели покинули страну). И хотя это привело к заметному росту внешнего долга страны, западные капиталы, включая США, способствовали росту мексиканской промышленности. Этот рост изменил характер прежней колониальной экономики. Если до того основным предметом вывоза из страны были серебро и золото из мексиканских рудников, существование которых уходило в далекое прошлое страны, то теперь вывоз металлов стал сокращаться. Важное значение обретала, как то обычно бывало свойственно раннебуржуазному производству, текстильная промышленность, в том числе с применением привезенных в страну с Запада машин. Вырабатывались хлопок, шерсть, даже шелк. Важными статьями мексиканского экспорта оставались табак, кофе, кожи и т.п. Ввозились в основном промышленные товары.

О внутривластической напряженности в стране уже упоминалось. Временами внутренние распри достигали такого уровня, что созда-

вали для испанцев соблазн вернуть себе эту богатую в прошлом колонию, как то случилось в 1829 г., когда высадившиеся было на востоке страны испанские войска были разгромлены мексиканцами. Лишь в 1836 г. Испания вынуждена была официально признать независимость Мексики. Война с США вызвала в Мексике, особенно после захвата столицы осенью 1847 г. войсками североамериканцев, волну патриотизма. Но было уже поздно, так что этот взрыв в конечном счете ни к чему не привел. Северные территории страны по договору 1848 г. оказались безвозвратно утерянными.

В 1850-е гг. либералы сумели добиться некоторых успехов. Во главе страны стал президент Б. Хуарес (1858–1872). Одна за другой последовали ряд реформ — ограничение власти церкви и армии, свобода печати и т.п. В 1857 г. конгресс принял новую конституцию, вызвавшую взрыв недовольства со стороны консерваторов и клерикалов. Немало людей пошло за ними, что привело к гражданской войне, в которой Хуарес победил. В 1859 г. он инициировал серию новых законов, сводившихся прежде всего к лишению церкви имущества и отделению ее от государства. Тем временем ряд держав (Англия, Франция, Испания) выдвинули претензии, связаннее в гибелью либо ограблением их подданных в годы войны. И так как Хуарес отказался возмещать убытки, они прислали в Мексику свои эскадры и захватили ряд городов страны, вплоть до столицы. Однако сопротивление мексиканцев вынудило Англию и Испанию вскоре отступить. Один лишь Наполеон III продолжал настаивать на своих требованиях, к числу которых он добавил превращение Мексики в империю во главе с австрийским эрцгерцогом Максимилианом. Дело обернулось войной между Мексикой и Францией, в которой в 1864 г. верх взяли французы, привезшие в Мехико эрцгерцога, провозглашенного императором. Но вскоре в стране началась партизанская война против французских войск. В 1867 г. французы убрались из страны, а не пожелавший покинуть «империю» Максимилиан был взят в плен и расстрелян. Преемники умершего в 1872 г. президента Хуареса продолжали его либеральный курс, что было особенно характерно для периода правления президента П. Диаса (1877–1880, 1884 и далее). В конце XIX столетия экономика Мексики достигла высокого уровня. В стране стала действовать сеть хороших дорог, немалых успехов достигло народное образование, многое было сделано для сельского хозяйства. Развитие Мексики в XIX и тем более XX в. было сравнительно успешным и вело страну по пути поступательного буржуазного развития.

Центральная Америка или, в прошлом, генерал-капитанство Гватемала, расположенное к югу от Мексики, вначале, в 1823–1824 гг., стала федерацией, которая была стратегически важной частью Латинской Америки, так как располагалась вдоль тонкого перешейка, связывавшего лежавшую к северу от нее Мексику с южными республиками. Но следует заметить, что она была в некотором смысле искусственным созданием и не отличалась богатством природных ископаемых, горных рудников или заметным количеством населения. Разве что близость к Карибскому бассейну, где немалую роль играли западные буржуазные страны, повышала ее значимость, способствуя установлению связей с европейскими странами и соответственно торговле с ними. Кроме того, в этом регионе, опять-таки во многом из-за интенсивных связей с Европой, были распространены идеи Просвещения и революции. А тесные связи с мексиканцами сразу же после начала в 1810 г. антииспанского движения на субконтиненте способствовали укреплению республиканских идей в этой испанской колонии. Отражавшие недовольство выступления то в Сальвадоре, то в ряде городов Никарагуа, то в Гватемале в 1811–1814 гг. убеждают в этом. Но более активные действия местного населения вызвали события в Мексике в 1821 г., когда там провозгласили независимость. Этот акт в огромном соседнем государстве привел к тому, что осенью того же года на совещании руководства генерал-капитанства в Гватемале тоже было принято решение об объявлении независимости.

Вскоре после этого по призыву мексиканского руководителя Итурбиде большинство представителей управляющих органов бывших колоний Центральной Америки приняло решение присоединиться к Мексике. Впрочем, ненадолго. В 1823 г. на Национальной учредительной ассамблее было принято решение о полной независимости объединенных судьбой пяти частей генерал-капитанства, которые и создали федеративную республику с ее весьма небольшим населением (около 1 млн человек). Законодательным органом здесь, как и в Мексике, стал конгресс из палаты депутатов, которых было примерно 40, и сената (10 сенаторов, по два от каждой части страны). Исполнительная власть оказалась в руках президента и вице-президента, которые избирались по принятому в США стандарту выборщиками на четыре года. Финансовая база правительства оказалась скудной, а внутривластная обстановка копией мексиканской с ее противостоянием либералов и консерваторов. Вскоре выяснилось, что президент М. Арсе сблизился с консерваторами, вследствие чего урезанные

права церкви были восстановлены, а столь распространившиеся до того либеральные идеи даже стали преследоваться. Это породило в федерации резкие протесты, принявшие форму открытого наступления либералов, начатого в Гондурасе Ф. Морасаном, который занимал там высокую правительственную должность.

Морасану, ставшему признанным главой либерально настроенных сил сопротивления, удалось одолеть Арсе, который в 1829 г. был замещен одним из сенаторов. Были высланы из страны наиболее реакционные иерархи, созданы новые органы власти, проводились реформы, а сам Морасан избран в 1830 г. президентом федерации. И хотя в 1831 г. реакционные силы начали наступление на Гондурас и совершили переворот в Сальвадоре, президент сумел подавить эти выступления. Естественным образом встал вопрос об административном переустройстве федерации и о пересмотре некоторых конституционных решений. Избранный в 1835 г. на второй срок, Морасан провел несколько важных решений, ограничив полномочия входивших в федерацию провинций (им было запрещено иметь свои вооруженные силы и самостоятельно взимать налоги) и права церкви. Тогда церковь перешла в наступление, причем ее поддержали гватемальские индейцы. Позиции Морасана пошатнулись.

В 1838 г. повстанцы захватили столицу Гватемалы, но были вытеснены войсками президента. А в это время консерваторы овладели Никарагуа и заявили о ее выходе из федерации. Вскоре выяснилось, что и другие части федерации склонны к тому же. Летом того же года конгресс объявил о праве всех частей федерации на определенную свободу выбора формы правления при сохранении республиканской системы и разделения властей. После этого Гондурас и Коста-Рика последовали примеру Никарагуа, а 1 февраля 1839 г. федерация прекратила свое существование. Морасан сложил свои полномочия, а вместе с ним заметно ослабла явно выраженная либеральная политика в новых государствах, возникших после исчезнувшей федерации. Лишь Коста-Рика приветила в 1842 г. опального президента и сделала его главой правительства. Но стремление Морасана вновь начать борьбу за восстановление федерации завершилось полной неудачей. Мятежники привели к крушению все его планы, а сам неутомимый борец за восстановление федерации и либерализацию бывших испанских колоний в центре Америки был казнен.

Правда, это не стало концом борьбы либералов за власть и за воссоздание федерации в центре Америки. Но так как в Гватемале, самой

крупной из всех частей бывшей федерации, главой государства стал диктатор Р. Каррера, сыгравший в свое время основную роль в падении Морасана, возвращение к прошлому стало практически неосуществимым. В 1848 г., в немалой мере под влиянием докатившейся до Америки революционной волны из Парижа, диктатор ненадолго ушел в отставку. В Сальвадоре и Гондурасе либералы попытались было воспользоваться этим, но вскоре возвратившийся гватемальский диктатор дал всем понять, что борьба за воссоздание федерации на либеральной основе — дело безнадежное. Естественно, что после этого обстоятельства серьезно изменились, так что каждое из пяти государств продолжило свое существование самостоятельно.

Вторая половина XIX столетия была отмечена приходом к власти в ряде республик Центральной Америки либеральных правительств. Правда, не все они удерживались у власти достаточно долго, и, главное, им так и не удалось повернуть время вспять и восстановить федерацию. Тем временем в истории почти каждой из центральноамериканских республик заметно усилились экономические и политические позиции Англии, что вызвало настороженное отношение со стороны США. США проявляли свою заинтересованность в усилении влияния в этом районе континента, наиболее подходящем для налаживания связей между побережьями Атлантического и Тихого океанов.

Колумбия, если иметь в виду так называемую Великую Колумбию, созданную когда-то Боливаром, распалась на части в 1830 г. Сначала из ее состава вышла Венесуэла, затем Эквадор. Собственно Колумбия (Новая Гранада), которая включала в себя и территорию Панамы, в 1832 г. обрела конституцию с весьма урезанными гражданскими правами. В государстве, получившем наименование Республика Новая Гранада, появился конгресс. Но избирательная система была многоступенчатой, с существованием высокого имущественного ценза. Конгресс не слишком торопился отменять рабство, ограничиваясь частичным освобождением рабов, а проблема Панамского канала на долгие годы стала одной из важнейших для страны. Это привлекало в Колумбию иностранный, прежде всего английский, капитал, который способствовал развитию промышленного производства. Финансы, впрочем, были, как правило, в скверном состоянии. Внутриполитическая обстановка здесь, как и в большинстве других вчерашних южноамериканских колоний, не отличалась стабильностью.

Президенты Ф. Сантандер (1833–1837), Х. Маркес (1837–1841), Т. Москера (1845–1849) стремились навести в стране хоть какой-то

порядок, ограничить влияние церкви, помочь развитию фермерских хозяйств, укрепить армию и стимулировать экспорт промышленной продукции. В 1832–1833 гг. были урегулированы взаимоотношения с Венесуэлой и Эквадором. В 1846 г. правительство страны договорилось с США о праве пользования Панамским перешейком в торговых целях и о строительстве железной дороги через этот перешеек. Казалось бы, дела в молодом государстве налаживались. Однако восстания, инспирированные церковниками, уже в начале 1840-х гг. свели на нет многое из достигнутого. Рабский труд продолжал использоваться, представители власти на местах открыто не подчинялись центру. Либеральные идеи с большим трудом пробивали себе дорогу, встречая ожесточенное сопротивление консерваторов.

Президент Х. Лопес (1849–1853) способствовал укреплению позиций плантаторов и торговцев, занятых в сфере табаководства. Табак стал основной экспортной культурой. Рабство в стране было отменено в 1851 г., а основными работниками на плантациях стали арендаторы-*пеоны*. При Лопесе был издан закон о свободе печати, открыты некоторые учебные заведения, начаты строительные работы, сокращены налоги, а церковь отделена от государства. Обстановка в стране между тем обострялась. Противники преобразований готовили заговор, что вызвало в 1854 г. восстание обездоленных низов («республика ремесленников» или «коммуна в Боготе»), которое было подавлено лишь через восемь месяцев. Выборы 1857 г. привели к власти консерваторов. Новая конституция 1858 г. именовала страну Гранадской конфедерацией, что должно было подчеркнуть влияние центробежных сил в стране и перенос значительной части власти на места, в заново созданные восемь штатов. Однако в 1861 г. власть захватил бывший президент Москера, избранный временным президентом. Он резко выступил против всемогущества церкви, а также изгнал обосновавшихся в стране за последнее время иезуитов, национализировал имущество ряда корпораций и начал подготовку очередной конституции, согласно которой с 1863 г. государство стало именоваться Соединенными штатами Колумбии. Каждый из штатов обрел немалую автономию, вплоть до собственного парламента и президента, что способствовало возникновению ситуации политического хаоса. И хотя при Москере центральное правительство еще существовало и действовало некоторое время достаточно эффективно, конфликт между ним и конгрессом в 1866–1868 гг. привел к изгнанию президента. Вслед за этим полный политический хаос вступил в свои права, и правительства в стране менялись одно за другим.

Консерваторы и либералы активно противостояли друг другу, причем одной из важных проблем при этом был вопрос о школах, точнее, о роли церкви в обучении подрастающего поколения. Либералы в конечном счете одержали верх. После успокоения страны в 1870-х гг. ее взбудоражили кампания и скандал, связанные с историей Панамского канала. В августе 1886 г. при очередном переделывании конституции в стране возобладали централистские силы и на смену федерации и штатам пришла республика Колумбия, в которой к этому времени буржуазное производство уже достигло заметных размеров.

Венесуэла была готова к выходу из Великой Колумбии уже в конце 20-х гг. XIX столетия. Боливар в те годы старательно гасил эти стремления. Но в декабре 1829 г. Конституционный конгресс высказался за отделение, а в начале 1830 г. Х. Паэс стал во главе правительства Венесуэлы. Конституция в том же году подтвердила существование самостоятельной республики, но ввела в стране высокий имущественный и образовательный ценз при многоступенчатых выборах. При этом вся земля была объявлена частной собственностью, значительная ее часть подверглась перераспределению и продаже, что в конечном счете способствовало созданию крупных латифундий. Освобождение от рабства коснулось далеко не всех. Правительство открыло новые порты, поощряло торговые связи. С помощью жесткой системы тарифов были созданы условия, которые были призваны способствовать восстановлению разоренного войной сельского хозяйства. Все это вело к заметному росту торгового оборота и в меньшей степени промышленного производства. Президент Паэс (1830–1835 и 1838–1843) активно боролся против засилья клерикалов и вел курс на окончательный запрет рабства. Договор с Англией способствовал ускорению процесса промышленного развития страны. Это вело к укреплению роли буржуазии, но страна в целом к быстрому росту буржуазного производства еще не была готова. Правда, в 1830–1840-х гг. получило развитие плантационное хозяйство с применением наемного труда и возросло производство кофе, шедшего на экспорт. Однако падение в 1840-х гг. мировых цен на кофе резко ухудшило положение в сельском хозяйстве.

Либералы подвергли правительство критике, внутриполитическая обстановка обострилась. В отдельных провинциях недовольство проявлялось в форме мятежей. Президенты — братья Х. и Г. Монагасы, правившие один за другим (1847–1858), приняли ряд мер для того, чтобы успокоить возмущение народа. В 1854 г. в стране было отменено рабство, сделаны шаги в сторону сближения с соседними государ-

ствами. Однако все эти начинания оказались прерваны политическим переворотом, приведшим в 1858 г. к власти консерваторов, среди которых, впрочем, тоже не было согласия. Этим воспользовались либералы. Последующие годы прошли в стране под знаком внутривнутриполитической конфронтации, причем в центре борьбы была проблема создания федерации, к которой призывали либералы. Перевороты следовали один за другим, президенты и диктаторы сменяли друг друга. Но в 1864 г. была принята новая конституция, ознаменовавшая победу федералистов. Страна стала именоваться Соединенные штаты Венесуэлы. К власти на долгие годы пришел один из лидеров либералов А. Гусман Бланко (1870–1889). Годы его правления были связаны с усилением промышленного производства и строительства, в том числе при активном участии иностранного капитала. Первое место среди зарубежных стран, чьи инвестиции в промышленное развитие были наиболее значительными, заняла Англия. Ее вклад в железнодорожное строительство и горнодобывающую промышленность был особенно заметен. А когда в 1870-х гг. в Венесуэле были открыты нефтяные месторождения, с англичанами начали активно соперничать американцы. При последних президентах, правивших страной в конце XIX столетия, в стране на некоторое время вновь возникла смута, но приход к власти президента С. Кастро (1899–1908) положил ей конец.

Эквадор (экватор) был наименее развитой частью бывшей Великой Колумбии, что сказалось после разделения ее на три государства. Малочисленное население, слабое развитие, почти полное отсутствие промышленного производства были здесь особенно заметны. Простейшие механизмы и немногие машины встречались в сельском хозяйстве, но не слишком часто. Рабство в стране было отменено лишь в 1851 г. В городах господствовало ремесленное производство. Экономически наиболее развитой частью страны было западное тихоокеанское побережье, куда стремились те, прежде всего из числа индейцев, кто был лишен всего и старался найти себе место в жизни. Здесь, особенно в районе наиболее крупного порта страны Гуаякиля, шла достаточно оживленная торговля с различными странами. Здесь появлялись с 1860-х гг. первые банки. Экспорт Эквадора был представлен в основном какао (в 1870 г. — две трети дохода от экспорта).

Как и в соседних странах, политическая борьба в Эквадоре шла между либералами и консерваторами. Первый президент страны — генерал Х. Флорес (1830–1834 и 1839–1845) был консерватором, затем наступил период либеральных реформ, отмеченный принятием кон-

ституции, изгнанием иезуитов и другими менее значительными реформами. В годы правления Г. Морено (1859–1885), практически действовавшего как диктатор, церковь восстановила свои позиции, а Эквадор был провозглашен «республикой сердца Иисуса». Однако, несмотря на крайности в сфере католицизма, Морено сумел вести разумную политику в сфере экономики, что позволило слаборазвитой стране в борьбе с коррупцией к 1873 г. втрое увеличить доходы без возрастания налогов. В стране велось обширное строительство, как городское, так и особенно дорожное. Было уделено внимание созданию системы народного образования, вплоть до появления консерватории и обсерватории.

Либеральное движение оказалось практически придавлено диктатором. Во внешней политике он резко отрицательно относился к Англии и США, имея в виду их конфессиональное устройство, и явно склонялся к сближению с католической Францией, которой, впрочем, в те годы было не до Эквадора. Однако католическую Испанию в число своих союзников Морено, насколько известно, не включал. В национальной традиции принято считать, что в годы длительного правления этого правителя страны было много сделано как в экономическом плане, так и в сфере развития культуры. В 1875 г. диктатор был убит в результате заговора, а после него на некоторое время наступило время политической смуты. Руководители страны, сменяя друг друга, пытались лавировать между консерваторами и либералами. Это вело к частой смене политического курса, особенно во взаимоотношениях с церковью. Тем не менее последние годы XIX столетия были отмечены усилением в стране влияния английского, а затем и американского капитала, что создавало фундамент для прихода к власти либералов и ускорения процесса развития буржуазного производства в стране.

Перу, где издревле находился центр южноамериканской урбанистической цивилизации, после достижения независимости оказалось в очень трудном положении. Добыча золота и серебра упала до минимального уровня (многие рудники были затоплены), ремесло и торговля также оказались в плачевном состоянии. Как и в большинстве остальных государств, внутривнутриполитическая жизнь в Перу после образования самостоятельного государства была крайне неустойчивой, сопровождалась междоусобицами в борьбе за власть и вылилась в конечном счете в традиционное для латиноамериканских республик противостояние либералов и консерваторов.

Конституционный конгресс 1827–1828 гг. включил в конституцию новой республики многие буржуазные права и свободы и выбрал пре-

зидентом либерально настроенного Х. де Ла Мара. Однако, ограничив рабство (дети рабов признавались свободными, а ввоз рабов был запрещен), конституция полностью его не отменила. Избирательное право было ограничено образовательным цензом и имело многоступенчатый характер. Сразу же после окончания работы конгресса военные столкновения амбициозных генералов, затронувшие соседние Колумбию и Боливию, привели к отставке президента и к чехарде пытавшихся занять его место. В 1836 г. была сделана попытка объединить Перу с Боливией в рамках конфедерации, к которой предполагалось присоединить и Чили. Однако чилийцы выступили против этого, и в 1839 г. конфедерация прекратила свое существование. В Перу тем временем продолжались междоусобные войны генералов, временами вновь затрагивавшие и Боливию.

Лишь в 1845 г. власть оказалась в руках президента Р. Кастильи, который сумел заключить мир с Боливией и удержаться на своем посту. Его успеху в немалой степени способствовало то обстоятельство, что запасы гуано, которое оказалось великолепным удобрением и с охотой закупалось многими странами, готовыми везти его через океан и платить за него немалые деньги, оказались настоящим богатством Перу. На протяжении ряда десятилетий доходы от этого промысла — а добыча гуано стоила дешево — стали основой перуанского бюджета, хотя и нельзя сказать, что они принесли стране процветание. Впрочем, были выплачены долги, построена первая в стране железная дорога, стала развиваться система народного образования. Английский капитал способствовал росту буржуазного промышленного производства. Возникли оснащенные машинами текстильные фабрики, первые металлургические предприятия. Появились банки. В 1854 г. в стране было отменено рабство. Частично труд рабов заменили китайские кули. Около 90 тыс. китайцев было привезено в Перу, где они за небольшие деньги добывали гуано.

В середине 1850-х гг. внутривнутриполитическая ситуация в стране обострилась. Однако попытка консерваторов укрепить свою власть провалилась, а на очередном Конституционном конгрессе 1856 г. была укреплена позиция законодательного органа, который ликвидировал привилегии церкви и некоторых других слоев населения. Решения этого конгресса, хотя и не полностью, вошли в текст конституции 1860 г. Очень серьезным испытанием для страны стала война 1864–1866 гг. с Испанией, которая попыталась было силой захватить перуанские острова Чинча, центр залежей гуано. Война

не привела к потере островов, ибо на помощь Перу пришли соседние Чили, Боливия и Эквадор, заключившие антииспанский союз и успешно отбившие военный натиск испанцев. Обнаружение в Перу немалых запасов селитры вызвало очередное возбуждение среди всех тех, кто мечтал на этом поживиться. Возникла идея отторжения у Перу граничивших с Чили провинций, богатых залежами селитры. Обстановка в регионе накалилась. Чилийцы при поддержке Англии объявили войну Перу и в так называемой Тихоокеанской войне 1879–1883 гг. в конечном счете добились успеха. Часть богатых селитрой департаментов Перу оказалась под юрисдикцией Чили. Стоит при этом заметить, что сама эта война очень дорого обошлась перуанцам, ибо, помимо потери земли с селитрой и выплаты контрибуции, многие промышленные сооружения страны — порты, рудники и т.п. — серьезно пострадали. Конец столетия прошел под знаком проникновения английского капитала в Перу, что в конечном счете, несмотря на финансовую зависимость, принесло стране немалую выгоду с точки зрения развития буржуазного производства.

Боливия с ее богатыми приисками драгоценных металлов в период испанского владычества была одной из развитых колоний. Но прииски оскудели, и она превратилась в аграрный район с преимущественно индейским населением. После войны за независимость разоренное хозяйство этой страны не сулило доходов. Производство не развивалось, а попытки Боливара и Сукре провести необходимые реформы, включая налоговые, не привели к успеху. Более того, страна оказалась на грани финансового краха, банкротства. В 1828 г. к власти пришел президент А. де Санта-Крус. Его реформы были более продуманными и к тому же имели столь необходимый для страны в то время заметный оттенок протекционизма. Он с особой силой проявлялся при попытках возродить горнодобывающий промысел и освоить плодородные земли на востоке страны.

Имевшая лишь узкую полосу пустыни, связывавшую ее с океаном, Боливия была крайне заинтересована в союзе с Перу, с чего и начались поиски путей к объединению этих стран. Неудача в этом деле сильно ослабила позиции Санта-Круса, лишившегося своего поста и высланного в Европу. Более того, на рубеже 1830–1840-х гг. встал даже было вопрос о разделе Боливии между Перу, Чили и Аргентиной, однако победы боливийской армии над Перу осенью 1841 г. сняли этот вопрос. Середина XIX столетия была периодом попыток аграрных пре-

образований и роста внутривластных проблем. Междоусобицы претендентов на власть, слабость законных президентов, обилие следовавших друг за другом государственных переворотов в этой стране стали практически нормой. К этому добавились неудачи с попытками Боливии взять свою долю в доходах от добычи гуано, а затем и залежей селитры. То и другое в очень слабой мере было связано с Боливией, имевшей, как упоминалось, лишь узкую полосу практически никак не освоенной боливийцами пустыни Атакама, которая соединяла ее с Тихим океаном. Боливия попыталась увеличить свою долю отчислений с доходов от добычи селитры, которая с ее согласия добывалась чилийцами в районе принадлежавшей ей части пустыни. Но судьба и в этом не была благосклонна к Боливии. Крайне неблагоприятное для нее стечение обстоятельств привело к тому, что в ходе Тихоокеанской войны 1879–1883 гг. между Перу и Чили Боливия лишилась выхода к морю и возможности получать доход хотя бы от селитры. Это в значительной мере обусловило и последующее медленное ее развитие.

Аргентина. В этой сравнительно крупной стране были очень сильны сепаратистские тенденции в провинциях, где местные заправилы-каудильо, опираясь на своих послушных подданных из числа слабо разбиравшихся в политике крестьян, стремились к самостоятельности. Централисты из Буэнос-Айреса, отстаивавшие единство Ла-Платы, были вначале заведомо слабее. Однако разумная политика министра внутренних дел Б. Ривадавии, проведенного в 1820-х гг. аграрную реформу, суть которой сводилась к раздаче государственной земли арендаторам под небольшие проценты, что создавало основу для развития фермерского хозяйства, а также к привлечению в страну европейцев с предоставлением иммигрантам денежных ссуд, способствовала последующему буржуазному развитию страны. Конституция 1826 г. объявила страну республикой и конфедерацией с двухпалатным конгрессом и президентом. Привилегии церкви были ликвидированы. Но последовавшие за этим события резко изменили ситуацию в стране. Власть в 1829 г. захватил представитель федералистов диктатор Х. Росас, который на протяжении двух десятилетий с лишком, до 1852 г., жестоко управлял страной, не стесняясь сотнями казнить всех своих противников и соперников. Преданность Росасу и церкви, включая иезуитов, стала критерием благонадежности.

Столкновения с Бразилией из-за так называемой Восточной республики или провинции (будущий Уругвай) и с военными эскадрами англичан и французов, которые отстаивали торговые интересы этих

стран, не привели к падению диктатуры Рохаса, сумевшего в 1849 и 1850 гг. заключить договоры с Англией и Францией. Договоры были в интересах держав, особенно Англии, которая получала из Аргентины продукты скотоводства, прежде всего шерсть, и поставляла в эту страну разнообразные изделия своей промышленности. Главное же, на что стоит обратить особое внимание — это энергичная эмиграция европейцев в Аргентину с ее привычным для Европы климатом. Такой эмиграции Рохас явно способствовал, достаточно щедро наделяя мигрантов землей. В провинции Буэнос-Айрес в середине века до четверти населения были иммигрантами из Европы, что весьма способствовало быстрому росту буржуазного производства в стране.

Падение диктатуры Рохаса в результате вооруженного мятежа и решение губернаторов провинций о движении в сторону объединения страны, к чему Аргентина в годы диктатуры была фактически подготовлена, были закреплены Учредительным собранием в 1853 г. Новая конституция объявила о шагах, способствовавших этому. Еще раз были приняты меры, способствовавшие привлечению эмигрантов из Европы. Конгресс и президент Б. Митре (1862–1868) немало сделали для развития буржуазной экономики, а при правлении последующих президентов Аргентина вновь сделала упор на привлечение мигрантов из Европы. Считается, что за XIX столетие число жителей страны возросло с 600 тыс. до 4 млн и что в основном этот рост связан с увеличением количества европейских переселенцев. Усилиями аргентинцев, включая переселенцев, во второй половине века было немало сделано. Строились железные и шоссейные дороги, развивались промышленность и торговля, сооружались новые порты. В 1895 г. в стране было 24 тыс. промышленных предприятий, в основном пока еще весьма небольших, в среднем там работало семь-восемь человек.

Значительную роль в развитии буржуазного производства Аргентины сыграли иностранные, особенно английские инвестиции. Английский капитал способствовал строительству железных дорог, что играло очень большую роль в возрастании товарности сельского хозяйства. Он же вкладывался и в развитие высокотоварного сельского хозяйства, особенно в скотоводство. И нет никаких сомнений в том, что все эти иностранные инвестиции активно способствовали ускорению темпов экономического роста в стране. Словом, к рубежу XX столетия Аргентина была намного более развитой с точки зрения буржуазной экономики и сопровождавшего ее развития образования

и культуры, нежели многие иные страны Латинской Америки. И немалая роль в этих ускоренных темпах развития принадлежала как большому количеству в стране европейских переселенцев, так и иностранным инвестициям. Именно этим Аргентина, помимо прочего, отличалась от общего стандарта, характерного для большинства добившихся независимости иных стран Латинской Америки.

Уругвай, расположенный между восточной частью Аргентины и югом Бразилии, — это небольшое государственное образование, находившееся в начале XIX в. под властью то Бразилии, то Аргентины. Оно было своего рода яблоком раздора между этими крупными странами. В 1828 г. в результате достигнутого соглашения Уругвай стал независимой республикой, чья конституция была утверждена обоими соседними государствами и принята в 1830 г. Избирательное право предполагало немалый имущественный и образовательный ценз, а власть делилась на законодательную, исполнительную и судебную.

Столкновения из-за владения землей и слабость административной системы явились причиной внутриполитической напряженности, приведшей страну к длительному военному конфликту, в который вмешался ряд держав, включая Англию и Францию. Война нанесла немалый ущерб хозяйству небольшого государства, а наибольшие выгоды из нее извлекли бразильские латифундисты, которые в середине века фактически аннексировали немалую часть Уругвая, самую удобную для товарного разведения скота. Вообще скотоводство было и с течением времени в еще большей степени оставалось основой экономики Уругвая, где по некоторым данным за 30 лет, между 1840–1870 гг., экспорт шерсти вырос примерно в 17 раз. Выгодные торговые связи с Англией, ввозившей все большее количество уругвайского мяса и промышленную продукцию, способствовали развитию страны. Но вмешательство соседних крупных стран, Аргентины и Бразилии, в дела Уругвая привело в 1863 г. к внутренней нестабильности и почти к гражданской войне, правда, вскоре прекратившейся и не нанесшей экономике страны слишком большого вреда.

Развитие страны успешно продолжалось. В этом направлении активно действовал и президент Б. Берро (1860–1864), энергично проводивший важные буржуазно-либеральные преобразования и державший курс на поощрение миграции европейцев. Выходцев из европейских стран становилось в некогда слабо населенном и отсталом Уругвае все больше, причем вместе с мигрантами приходило в страну развитое буржуазное производство. Благодаря реформам

президента Л. Латорре (1876–1880) экономика получила толчок для ускоренного развития по буржуазной модели. Было нормализовано финансовое положение страны, резко возросли иностранные инвестиции, увеличилось количество скота (крупного — с 3,5 до 5 млн, овец с 2 до 16 млн голов), шедшего, как упоминалось, в основном на экспорт. В целом стоит заметить, что благоприятное стечение обстоятельств и, в частности, выгодные условия для развития товарного скотоводства способствовали, несмотря на конфликты и войны в первой половине века, ускоренным темпам развития Уругвая во второй его половине. Свою роль в этом процессе сыграло, видимо, и изменение расового баланса населения страны за счет массовой эмиграции в малонаселенную страну европейских переселенцев.

Парагвай был единственным латиноамериканским государством, которым после достижения независимости уверенно управлял избранный конгрессом «верховный диктатор» республики Х. Франсиа (1814–1840). Диктатор крепко держал власть в своих руках. Политика его, направленная на обуздание appetитов церкви, на реорганизацию администрации страны и системы налогов, на серьезный передел конфискованной у реакционеров земли в пользу многочисленных мелких и средних землевладельцев, сыграла важную роль в ориентации страны в сторону буржуазного развития. Эта политика по вполне понятным причинам не вызывала сопротивления со стороны Национального конгресса страны, который сам установил государственный строй как республику, которая управлялась с 1816 г. теперь уже пожизненным правителем. Франсиа за несколько десятилетий привел Парагвай к стабилизации. Это достижение стоит высоко оценить, особенно имея в виду вызванные борьбой за независимость потрясения, а также весьма заметную изоляцию небольшой страны от внешнего мира. В подобных условиях, учитывая географическое положение небольшого государства, расположенного почти в центре Южной Америки и связанного с океаном разве что рекой Параной, да и то через Аргентину и Уругвай, достижение успехов в развитии и высокого уровня стабильности нельзя не принимать во внимание.

Большинство своих нехитрых потребностей в товарах население страны обеспечивало само, тогда как оружейные заводы, кораблестроительные верфи, и иные немногие более или менее крупные предприятия находились в ведении казны. Доходы казны во многом зависели от экспорта скота и продуктов скотоводства и всего на четверть пополнялись щадящими налогами. К этому стоит добавить регулируемые властью

цены, поддержание неимущих, бесплатное начальное образование. Если добавить к сказанному, что диктатор был поклонником Руссо и эгалитарных идей революции, то вывод сравнительно легко сведется к тому, что Парагваю просто повезло. В этом государстве в первой половине XIX столетия мы сталкиваемся с попыткой реализовать некоторые великие идеи в достаточно отсталой и не слишком богатой природными ресурсами, очень далекой от Европы и европейцев стране.

После смерти Франсии и ряда политических переворотов был созван Национальный конгресс, вручивший высшую власть двум консулам. Один из них, К. Лопес, вскоре созвал Национальный конгресс, который в 1844 г. принял конституцию, избрав Лопеса президентом сроком на 10 лет с правом продления этого срока, а также дав ему право выбрать себе вице-президента. Президент правил страной с 1844 по 1862 г., после чего, избрав вице-президентом сына, Ф. Лопеса, передал власть после смерти ему (1862–1869). Странная конституция, как и вообще необычные конституционные нормы, особенно на фоне ожесточенной борьбы за власть почти во всех остальных латиноамериканских странах, оказалась в Парагвае, как то ни покажется удивительным, достаточно удачной для последующего развития страны. Лопесы взялись за активное установление связей со многими странами, что благотворно повлияло на развитие экономики Парагвая. В страну прибыло немало иностранных специалистов, заметными темпами развивалась промышленность, прокладывались дороги, рос товарооборот, формировалась национальная буржуазия. В 1840-х гг. были приняты законы о равноправии индейцев, об очень существенном ограничении рабства. Правда, единоличное авторитарное правление было в общем-то несовместимым с существованием основных гражданских свобод. Но это, если угодно, плата за быстрые темпы экономического роста.

Попытка Парагвая вмешаться в военные конфликты в соседнем Уругвае в 1863 г. привела в 1864 г. к вторжению в Парагвай Бразилии, что, однако, спровоцировало войну не только с ней, но и с Аргентиной и Уругваем. Непродуманная и неравная война привела к поражению страны, гибели ее президента и катастрофическому разорению экономики Парагвая. В итоге погибло также, в том числе от голода и болезней, около половины населения. Военные действия, сопровождавшиеся варварскими разрушениями, привели к упадку страны, что резко изменило весь ее облик, способствовал превращению Парагвая в одну из самых отсталых и малонаселенных стран Латинской Америки. И хотя

новая конституция 1869 г. была почти дословно списана с североамериканской, включая уничтожение рабства, ситуация от этого не стала легче. Трагедия Парагвая являет собой весьма наглядный пример того, как неблагоприятное стечение обстоятельств и недостаточно продуманные действия руководства могут погубить процветающую страну. Как и повсюду, возникли противоборствующие клики, которые в условиях полной разрухи с легкостью устраивали следовавшие один за другим перевороты и жадно присваивали себе все, что еще можно было у кого-либо отнять. Кроме всего прочего, страна после войны лишилась почти половины территории и была ограблена тяжелыми контрибуциями. В конечном итоге в ней на смену процветавшему прежде мелкому и среднему земледелию пришли огромные латифундии. Национальная промышленность утратила основу для развития.

На рубеже XIX–XX вв. раны были как-то залечены, а Парагвай вновь достиг некоторой стабилизации. В стране возникли противоборствующие партии, как либерального, так и консервативно-националистического направления. Возобновилось производство и экспорт товаров, увеличилось количество иностранных инвестиций. Но количество предприятий было небольшим, а среди них преобладали мелкие. И, что важно, страна утратила те завоевания, которыми она выделялась среди других в первые две трети XIX столетия.

Бразилия, провозглашенная в 1822 г. империей (1822–1889), на протяжении почти всего этого времени специализировалась на выращивании и экспорте кофе. На кофейных плантациях работали преимущественно негры-рабы. Уделялось внимание и производству сахара из тростника. Рабство как институт осталось незатронутым, что и неудивительно, так как на труде рабов держалось хозяйство страны. В ней достаточно быстрыми темпами появлялись и развивались города, расширялась торговля. Конституция 1824 г. хотя и не провозгласила в Бразилии либеральную монархию, но, создав двухпалатный парламент и подчиненное императору правительство, назвала государство конституционной империей и немалое внимание уделила проблеме некоторых гражданских свобод, в частности свободе печати. Португальско-бразильский договор 1825 г. узаконил существование новой империи и позволил ей обрести признание со стороны европейских государств.

Внутриполитическая борьба велась в основном между сторонниками федерализма, главным образом из числа республиканцев, и монархистами, стоявшими по большей части за усиление централиза-

ции, но при этом ограничивавшими роль военных. В годы правления малолетнего Педру II (1831–1889) верх взяли федералисты, а роль парламента с демократическими его настроениями заметно возросла. Революционная парижская волна 1830 г. благодаря свободной прессе достигла берегов Бразилии и оказала свое воздействие на настроение умов. Конституция 1824 г. была в 1834 г. дополнена важным решением о более определенном превращении страны в конституционно-представительную монархию с законодательными собраниями и даже своими президентами (губернаторами) в провинциях.

Либеральные настроения в провинциях были особенно сильны, что, в частности, привело к ряду восстаний, наиболее значительное из которых охватило южную провинцию Риу-Гранди, где в 1836 г. была даже провозглашена республика, в защите которой, к слову, успел принять участие неугомонный Гарибальди. Республика продержалась несколько лет и, вместе с восстаниями в 1820–1840-х гг. в некоторых других провинциях послужила фактором, приведшим к сплочению позиций либералов и монархистов-консерваторов и к некоторым уступкам со стороны правительства. Повстанцы были вынуждены сдаться, но сам факт огромного недовольства привел в 1850 г. к запрету работорговли (окончательно рабство в этой стране было запрещено в 1880-х гг.). Ввоз негров был замещен растущей миграцией, прежде всего из отсталой и нищей Португалии. Вторая половина XIX столетия привела к притоку в страну массы переселенцев. В конце века в Бразилии жило примерно 14 млн человек, т.е. около половины населения всей Южной Америки, а рабов из этого числа оставалось — до отмены рабства — не более 5%.

Вторая половина века была в Бразилии периодом быстрого роста местной буржуазии, энергичного строительства новых промышленных предприятий, портов, дорог, развития внешней торговли и финансово-банковского дела. Внутренние южноамериканские войны несколько ослабляли Бразилию и не приносили ей особенного успеха. Но они, обостряя внутриполитическую борьбу, способствовали дальнейшему развитию в стране либерально-демократических настроений и буржуазных преобразований. К чести императора Педру II стоит заметить, что он сам был склонен к либерализму и стоял за смягчение участи рабов в стране. Это проявилось в законе 1871 г. о полусвободном статусе детей рабынь (они могли оставаться рабами лишь до 21 года). Реформа 1880 г. значительно расширила избирательные права граждан страны.

В 1889 г. Бразилия без серьезных проблем в результате незначительного по масштабам переворота и при сочувствии явного большинства населения страны была объявлена республикой. Престарелый император почти с облегчением подписал документ о своем отречении от власти и вместе с дочерью и ее семьей уехал в Португалию. В 1891 г. в стране была принята конституция, аналогичная той, что выработали в свое время отцы-основатели в США. В стране появились 21 штат и федеральный округ со столицей. Однако вскоре выяснилось, что мало взять на вооружение чужую конституцию. Надо уметь приспособиться к жизни по продиктованным ею нормам, а к этому бразильцы еще далеко не были готовы. В стране начались государственные перевороты, что, впрочем, не сильно мешало постепенному и все продолжавшемуся развитию буржуазного производства и достаточно существенным переменам в жизни населения.

Заклячая рассказ о Бразилии, следует заметить, что эта страна сумела с наибольшим успехом пройти тот путь, который выпал на долю большинства обретших в XIX столетии независимость бывших колоний испанской и португальской Латинской Америки. Здесь, в частности, почти не сыграла зловещей роли церковь. Не было слишком большого количества претендентов на власть (имперская форма высшей власти имела в этом смысле положительное значение) и ничто не препятствовало пусть медленному, но постоянному поступательному развитию буржуазии в очень богатой природными ресурсами территориально огромной стране. Даже длительное сохранение использования рабского труда не слишком препятствовало производственным успехам. Уступая шаг за шагом, плантаторы без особых возмущений и не доводя дела до гражданской войны, как то было в США, перестраивали формы ведения хозяйства таким образом, чтобы обходиться без рабов.

Гаити и Доминиканская республика занимают особое место среди испанских колоний, добившихся независимости в первой половине XIX столетия. Особенность в том, что остров Гаити, будучи частью обширного архипелага Вест-Индии, не оставался все время колонией, но зато был не единожды оккупирован испанскими войсками, стремившимися вернуть именно эту часть своих бывших владений, и войсками других держав.

Остров Гаити был открыт в 1492 г. Колумбом и назван им Эспаньолой. Частично вымершее, частично жестоко истребленное испанцами туземное население стало замещаться на этом острове, как и во всей Вест-Индии, рабами-неграми. Главной плантационной культу-

рой здесь стал сахарный тростник, а в борьбе за владение островом на рубеже XVI–XVII столетий столкнулись интересы ряда европейских держав. В результате соглашения 1697 г. часть острова осталась за Испанией, а другая его часть под названием Сан-Доминго стала колонией Франции. Сюда мигрировало немало французов, составивших высшую социальную страту населения колонии. Местные мулаты и даже некоторые негры получили французское гражданство, хотя их гражданский статус постепенно становился более низким, вплоть до запрета заключать брак с европейцами. В 1795 г. весь остров стал французской колонией.

В годы революции мулаты стали требовать равных прав с белыми, в 1781 г. последовало восстание негров-рабов, во главе которого вскоре встал уже упоминавшийся Туссен-Лувертюр. В 1783 г. в борьбу за Гаити вновь вмешались испанцы, обещавшие рабам свободу. Но свое обещание они не выполняли, тогда как прибывшие из Парижа комиссары отменили рабство, что было подтверждено декретом Конвента в 1794 г. В 1797 г. всеми восставшими на Гаити стал командовать Туссен-Лувертюр, изгнавший с острова пытавшихся укрепиться там англичан. В 1801 г., т.е. намного раньше, чем во всей остальной Латинской Америке, в Сан-Доминго была принята конституция. Доминиканская республика, обретя некоторую политическую самостоятельность, сохраняла вместе с тем свою колониальную зависимость от Франции.

В 1804 г. после неудачной попытки генералов Наполеона подчинить остров здесь была провозглашена независимость, в ходе реализации которой французы были изгнаны, оставшиеся истреблены, а вчерашние негры-рабы разделили между собой плантации, превратившись тем самым в мелких фермеров. В том же году остров Гаити был провозглашен империей, но оставался в качестве таковой недолго. На острове началась ожесточенная борьба за власть между неграми и мулатами, завершившаяся возникновением двух государственных образований соответственно на севере и на юге. В 1808 г. испанцы с помощью англичан сумели овладеть северной частью острова, а в 1821 г. южане изгнали их и вновь объединили все Гаити. Остров на некоторое время стал даже частью Великой Колумбии.

Ряд государств, в том числе и Франция в 1825 г., признали независимость Гаити, но под давлением французского флота остров был вынужден выплатить изгнанным плантаторам немалую контрибуцию, которая сильно подорвала финансовое положение Гаити. Часть острова, где не было французов, не пожелала платить. Кроме всего прочего, мел-

кие фермы оказались не в состоянии заместить плантации, в результате чего на острове вновь возникли волнения, вследствие которых он снова был разделен на части. В 1844 г. вновь возникла Доминиканская республика, причем попытки Гаити ликвидировать ее завершились неудачей. В это время Франция, а чуть позже вновь Испания пытались вернуть власть на острове, но потерпели неудачу. С 60-х гг. XIX столетия на Гаити стали сосуществовать две независимые республики, хотя их независимость почти постоянно находилась под угрозой. К французам и испанцам временами добавляли свои попытки укрепиться на острове англичане и американцы. В последней трети века особенно ощущалось экономическое и политическое давление США.

Глава тринадцатая. СПЕЦИФИКА АМЕРИКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ

История обретших независимость американских колоний чрезвычайно поучительна во многих отношениях, на которые стоит обратить особое внимание. Казалось бы, перед нами обычная картина борьбы народов колониального мира за обретение независимости. И о такого рода движениях в последующих частях тома будет еще немало сказано. Но материалы тома вовсе не случайно побудили выделить все то, что относится к Америке, кроме разве что Канады с ее особым статусом да оставшихся в основном колониями островов Вест-Индии, в отдельной главе. Основанием для этого в первую очередь следует считать специфику тех обстоятельств, которые сыграли в этом процессе свою важную роль, причем отдельно в случае с североамериканскими колониями и совсем иначе при деколонизации Латинской Америки.

О разнице в условиях и ходе борьбы за независимость, а также в достижении успехов в этой борьбе и последующей успешной либо не слишком успешной организации новых независимых государств много говорить не приходится. Она очевидна из изложения материала в предшествующих главах. Но вот нечто общее и специфическое для этих государств заслуживает специального внимания, ибо является весьма существенным для постижения важных деталей и извивов исторического процесса. Речь пойдет в первую очередь о двух основных проблемах, о роли рабства как всемирно-исторического явления и о проблеме расовых и национальных взаимоотношений в процессе формирования населения каждой из вновь возникавших независимых стран Америки («наций», о чем специально пойдет речь). Нельзя сказать, что не было другой специфики, заслуживающей внимания

и некоторого обобщения, но в любом случае начать следует именно с обозначенных первых двух.

РАБСТВО КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН И РАБЫ В АМЕРИКЕ

О рабах, рабстве и рабовладении уже не раз шла речь. Не повторяясь и лишь оговариваясь, что разговор не о мифической марксистской теории «рабовладельческой формации», будто бы предшествовавшей другим столь же нереальным «формациям», поставим проблему в самом широком плане. Рабство как институт возникло не на основе частной собственности, как то декларировалось марксистами, а тогда, когда не было ни частной собственности, ни государства. Любой чужак — это либо кандидат в рабы, либо просто раб по определению. На многих языках эти понятия были идентичными и противостояли тому, что следовало считать своим. Со временем по мере возникновения представления о собственности (будь то первоначальная власть-собственность в неолитическое время или частная собственность, возникавшая уже в рамках сложившихся государств) раб стал товаром. Но главное в том, что чужой, т.е. раб, считался вне закона: его могли съесть, принести в жертву божеству, позже подарить или продать. Если чужаков оказывалось достаточно много, особенно после удачной войны, ведущейся преуспевающим государством либо разросшейся агрессивной варварской общностью, пленников убивали, продавали и дарили храмам и правящей элите. В любом случае чаще падали женщин и малых детей, которых нередко инкорпорировали в свой коллектив, превращая в младших членов семьи. В последующих поколениях эти люди могли адаптироваться и практически уже ничем не отличаться от своих.

Итак, рабами становились чужаки, а из их числа прежде всего пленники. Правда, в тех случаях, когда преуспевающее государство захватывало часть другого с его населением, ситуация могла выглядеть иначе. Иноплеменники оставались жить на своих местах и считались при этом уже не рабами, а неполноправными, как то было, например, с мушкенумами в Вавилонии. Со временем и их статус мог изменяться в лучшую сторону, а их место занимать новые адаптированные тем же государством иноплеменники. Но это не исключает того, что в обществе продолжали существовать, как было в той же Вавилонии, и обычные рабы. По мере развития товарно-денежных отношений и частной собственности появлялись должники, которые становились кабальными рабами их кредиторов и были обязаны отработать свои

долги. Эти рабы имели иной статус и иные закрепленные за ними права. Кабальные рабы не чета чужакам и пленникам, они рабы другого типа, хотя на разницу эту специалисты не всегда обращают должное внимание.

Итак, рабы появились как особая бесправная социальная категория людей задолго до возникновения частной собственности и государственности, и их существование не имеет никакого отношения к «формации» и «классовым» антагонизмам с борьбой на «классовых» баррикадах. Сам по себе этот факт настолько банален, что едва ли стоило бы об этом еще раз вспоминать. Но в нашем случае проблема стоит иначе. Как получилось, что цивилизованные общества не только XVI, но и XIX в., обратившись лицом к прошлому, стали поработать и использовать с применением насилия труд миллионов рабов? Почему восходившая к западным идеалам свободы и демократии буржуазия не гнушалась заимствовать из практики античных полисов вполне почти что современную традицию использования труда бесправных, в основном африканских рабов?

Собственно, главная причина этого понятна и бесспорна. Для работы на плантациях, производивших нужные для выгодной торговли товары, необходим был труд людей, пригодных к тяжелой работе в условиях, невыносимых для непривычных к соответствующему климату людей. И сколь бы это ни противоречило абстрактным идеалам свободы, демократии и либерализма, та часть колонизаторов, которая была причастна к плантационному хозяйству, была вынуждена пренебречь идеалами во имя практической выгоды. Здесь нужно оговориться, что в начале широкого процесса массового порабощения африканских рабов для Нового Света основными поставщиками и покупателями были еще далеко не буржуа, которых в XVI в. в пиренейских государствах было немного и кого там не допускали к эксплуатации богатств Америки. Но позже буржуа из западных стран активно занимались работорговлей.

В книге, которая ставит целью реабилитировать сознательно пониженную марксизмом роль буржуазии в истории, не слишком приятно констатировать, что для этого слоя общества прибыль была главным стимулом деятельности даже в тех областях, которые дурно пахнут. Но что было, то было. К слову, в массе своей вполне просвещенное русское дворянство XIX в. было не более щепетильным по отношению к своим крепостным, отличие которых от африканских негров было лишь в том, что они не работали на тропических плантациях. Однако, возвращаясь к американским рабам, нельзя не об-

ратить внимания на то, что американская буржуазия по мере своего становления и достижения все больших успехов в тех экономических отраслях, которые были далеки от плантационного хозяйства, постоянно наращивала протесты против рабства и в конечном счете, пусть не сразу, добилась категорического запрета его на всем огромном континенте. Примерно то же можно сказать о работорговцах из западноевропейских стран, которые с XIX в. начали решительно прекращать торговлю рабами, пока она не была законодательно запрещена вовсе.

Конечно, прекращение работорговли и отмена рабства были связаны с тем, что в новых рабах не было нужды, так как потомки некогда завезенных в Америку рабов справлялись с традиционно уже привычной для них работой на плантациях. В какой-то степени это было так. Но нельзя не учитывать, что отмена рабства сказывалась на характере использования тружеников на плантациях, на оплате труда и условиях жизни, наконец, на свободе их перемещения с привычных мест приложения труда. Нельзя не принимать во внимание, что и плантационное хозяйство совершенствовалось, обрастало механизмами и требовало меньшего количества малоквалифицированных работников. Словом, рабство как необходимость изжило себя. Но сыграло свою роль и то, что это совпало с выходом на авансцену истории буржуазии, обходившейся без рабов и считавшей рабство недопустимым, в борьбе за что сотни тысяч американцев отдали жизнь в ходе гражданской войны в США.

А вот проблема адаптации вчерашних африканских рабов и их потомков осталась. Правда, она выглядела и даже сегодня выглядит совершенно иначе на северном и южном субконтинентах Америки. И об этой специфике стоит поставить вопрос особо. Кое-что об этом было сказано в связи с расово-этническим многообразием населения Латинской Америки. Но тема заслуживает более подробного разбора. Однако, прежде чем обратиться к ней, целесообразно поставить общий вопрос о классификации населения, пока остающийся спорным.

НАСЕЛЕНИЕ И ГОСУДАРСТВО НА ВОСТОКЕ

О том, что такое государство, уже не раз шла речь. Но государство лишь внешняя оболочка, форма организации социума. Имеется в виду общество, достигшее определенного уровня развития и оказавшееся в таких благоприятных обстоятельствах, которые способствовали формированию государственности. Общество в рамках любого государства, да и вне его, состоит из населения (иногда авторы используют тяжеловесный термин «нароdonаселение»). Что это такое и как

следует характеризовать его с позиций расово-этнических корней тех общностей, которые его составили в прошлом и составляют в любое данное время? Если обратиться вглубь истории, легко обнаружить, что применительно к тому далекому времени шла речь о локальных группах либо семейно-клановых коллективах какой-то **этнической общности**. Этот термин обозначает группу людей, генетически восходящих к единому корню, обычно к двум-трем связанным брачными отношениями родам. Разрастаясь в процессе этногенеза в благоприятных условиях, такие группы обитали либо селились рядом. По мере численного возрастания они занимали свободные соседние территории и превращались в более крупную этническую общность.

Крупные и довольно длительно сохранявшиеся в своих изолированных анклавах этнические общности глубокой древности были уникальными. А создание в уникально благоприятных условиях системы урбанизма активизировало процесс политогенеза, возникновения государства, как то случилось в долине Нила. Это способствовало тому, что древние египтяне сумели сравнительно легко ассимилировать вторгавшиеся в их пределы другие этнические общности или племена кочевников (нечто в том же роде было свойственно изолированному средневековому Китаю). Однако сохранять вечно чистоту этнического анклава никому не удавалось. В результате учащавшихся конфликтов, а затем и длительных завоеваний, в том числе и народами с другими этнорасовыми корнями, на смену им приходили обновленные, а то и новые этнические общности. Так произошло с теми же древними египтянами, которые до начала новой эры несколько столетий подвергались интенсивному процессу эллинизации, потом были христианизованы римлянами и в конечном счете завоеваны и затем исламизованы арабами.

Остальные этнические общности, существовавшие не в изолированных анклавах наподобие Египта, чаще сталкивались с другими сходными с ними или от них отличавшимися, в том числе и по расовым признакам. Вступая в процесс общения, они либо дружелюбно соседствовали, либо просто сосуществовали, а то и оказывались в состоянии конфликта. Ситуация такого рода контакта со временем приводила, в зависимости от обстоятельств, к победе одной из них или к их смешиванию. Процесс такого рода мог повторяться неоднократно. В подобного рода ситуации общности легче и чаще трансформировались в племена. Отличие племени от первоначальной аморфной гомогенной и даже разросшейся этнической общности в том, что племя не просто более резко, чем прежде, противопоставляет себя всем другим, но и в том, что оно

делает серьезный шаг в направлении к политогенезу. Суть этого шага в процессе трибализации, в осознанном и обычно спровоцированном внешними угрозами структурировании. Иными словами, племя — это **структурированная и имеющая вождя этническая общность или ее часть**. Перед нами племенное протогосударство, причем высшее, на что могло рассчитывать племя в условиях отсутствия либо значительного отдаления от очагов урбанистической цивилизации — это возникновение какого-либо **союза племен**, какие встречались антропологам при изучении североамериканских индейцев.

Иное дело, если цивилизация существовала либо возникала в непосредственной близости от племени. Тогда она могла существенно повлиять на процесс политогенеза, т.е. на трансформацию уже сложившегося племени, союза племен или даже неструктурированных еще этнических общностей в государство. Соединенные по воле рока в определенных геополитических рамках люди начинали говорить на едином понятном для всех языке и обретать сходные обычаи и нормы поведения. Этот процесс в немалой степени облегчался возникавшей и становившейся общей религией (лучший пример — ислам с его завоеваниями) и связанными с ней религиозно-культурными традициями. В результате на смену этническим группам, племенам (союзам племен) с их племенными протогосударствами в процессе эволюции в рамках государства приходил **этнос**. Так бывало и в тех редких случаях, когда единого государства не возникало, но появлялось несколько близких по ряду определенных и очень важных стандартов государственных образований, как то имело место в античной полисной Греции.

Этнос как понятие, имеющее отношение к характеристике населения, в предлагаемой классификационной реконструкции отличается от этнической общности, племени и союза племен. Разница в том, что этнос нейтрален по отношению к исходному происхождению членов этих коллективов. Для него не существен первоначальный этнораcовый тип. Он употребляется для сводного обозначения связанных исторической судьбой коллективов с их давно сложившимися в рамках государства различного рода связями. Важно, что подобные связи порождались и скреплялись не только генетическими корнями, но и фактом длительного проживания в рамках того либо иного государства и соответственно общностью языка, культуры, обычно и религии. Больше того, для него характерны отчетливо объединительные тенденции, ликвидация противостояния своих чужим. Этнос сравнительно легко включал в себя, пусть не сразу, но практически всех, кто оказывался в зоне его воздействия.

В рамках крупных и долго существовавших империй ситуация заметно изменялась. Разные этносы более или менее устойчивых государств, даже если они оказывались лишенными политической самостоятельности и входили в качестве частей в большие империи, обычно ревниво сохраняли свою самобытность, но были при этом вполне миролюбивы по отношению к соседним равноценным им этносам. Господствующий этнос, будь то персы в эпоху Ахеменидов или римляне эпохи империи, политически возвышался над остальными, но не претендовал на этническую исключительность. В рамках крупных империй господствующий этнос тоже осуществлял свою важную объединительную функцию. Так было в имперском Китае (в чжоуское время, до империи, там существовали этносы в рамках каждого из крупных царств) и даже — при всех оговорках относительно кастовой системы — в индуистской Индии. В рамках больших государств, тем более империй, различные этносы, имевшие свой язык и еще кое-какие существенные признаки, но при всем том не чересчур резко отличавшиеся один от другого, особенно если иметь общую для всех них религиозно-культурную и духовно-нравственную традицию, не столько ассимилировались, сколько как бы сливались в единую сводную массу, в своеобразный **суперэтнос**. Понятно, что государство, которое становилось поэтому этнически почти гомогенным, начинало относиться к своим подданным просто как к населению.

Итак, нейтрально-объединительная функция этноса через этап суперэтноса в больших государствах-империях древнего и средневекового Востока вела к уменьшению роли существовавших с древности этнорасовых проблем, противостояния *своих* и *чужих*. Стоит обратить особое внимание на то, что вне Западной Европы других форм классификации населения не было, да и не могло появиться. Неевропейский мир был консервативен и сохранял те формы организации населения (этническая общность, племя с племенным протогосударством, этнос и суперэтнос), которые сложились давно и сохранялись при различных геополитических пертурбациях. Это же касается и Латинской Америки, о чем речь пойдет особо.

НАСЕЛЕНИЕ И ГОСУДАРСТВО НА ЗАПАДЕ ВНЕ АМЕРИКИ

В средневековой Европе, сложившейся на развалинах Западной Римской империи, все начиналось как бы заново. Появившиеся с востока варварские этнические общности интенсивно изменялись под

воздействием мощного импульса со стороны античного очага цивилизации с его отличными от Востока традициями. Многочисленные разные этнические общности подвергались трибализации, становились племенами и племенными протогосударствами, а затем более или менее крупными этносами, каждое из которых входило в состав какого-либо варварского королевства. Все их принято именовать **народами**. Нейтральный этот термин (лат. *nation*) приемлем, а для раннего средневековья даже удобен, так как применим к любой общности, которые появились на территории рухнувшего Рима в западной части бывшей великой империи. Других — если не считать самоназваний и просто наименований народов, появившихся здесь по большей части примерно в середине I тыс. н.э., — не было. Иное дело — средневековые более позднее, когда идентичность населения большой страны стала играть для него решающую роль, особенно в периоды длительного противостояния и затянувшихся войн типа Столетней.

Специальные исследования показывают, что идея национальности как свидетельство осознанного стремления к четко обозначенной идентичности населения страны, ее этноса либо суперэтноса, начала рождаться именно в годы противостояния Франции и Англии в период Столетней войны (1337–1453). Во французских хрониках этого времени наблюдается постепенный переход от упоминаний, скажем, о нормандцах, не говоря уже о бургундцах, близких к врагу, т.е. к англичанам, к использованию сводно-обобщающего понятия «французы». При этом смысл этнонима был не столько отражающим население страны, сколько имеющим отношение к политике. Практически это означает, что идея слияния населения и государства, равно как и ставшее близким к этой идее понятие «национальность» (то же самое *nation*), своего рода символ этого слияния, начала обретать свои права. Частью единой французской национальности стали жители разных провинций страны, в том числе и бургундцы, когда Бургундия по условиям мирного договора 1435 г. была включена в их число. Нечто подобное этому процессу параллельно или несколько позже можно было заметить и в других европейских странах, где буржуазия выходила на авансцену истории. В чем смысл термина и чем он отличен от чаще применявшегося к народам Востока понятия «этнос»?

Понятие «национальность» оказалось много более тесно связанным с государством, но не с империей. И причину этого легко понять: в рамках сплоченного предбуржуазного и буржуазного государства национальная идея призвана была подчеркнуть и вывести на

передний план то, что объективно способствовало буржуазному развитию страны и могло обеспечить права и привилегии своей, национальной буржуазии. Национальность и государство оказались много более тесно связанными друг с другом именно в этом. В этой связи стоит сказать несколько слов о «нации». Термин разрабатывался так называемыми австромарксистами, прежде всего О. Бауером, которые искали аргументы для того, чтобы доказать право народов этой лоскутной империи с господством немцев, на самоопределение вплоть до их отделения от чужого государства и создания своего. Важно обратить внимание на то, что понятие «нация» на всех европейских языках, включая немецкий (Nation), восходит к все тому же латинскому корню. А это значит, что оно в равной мере относится как к обозначению родовых корней и генетической связи, так и к тому, что связано с национальностью и с политикой, т.е. с государством (National Okonomie, равно как и Politische Okonomie — политическая экономия). Более того, в известном и весьма уважаемом оксфордском словаре, изданном почтенными английскими лингвистами во главе с проф. Хорнби (The Advanced Learner's Dictionary of Current English, London, 1958, p. 831), разъяснено, что национальность — вариант понятия нация. Только и исключительно специфическое окончание, свойственное русскому языку (нация), придало термину в русскоязычном марксистском лексиконе самостоятельное звучание и позволило придать ему иной смысл, отличный от привычного (национальность, тесно связанная с политическим самоопределением) для европейских языков. В современном мире понятие nation воспринимается однозначно и употребляется для обозначения национально-политической идентичности и, как следствие, в первую очередь и главным образом для обозначения понятия «национальное государство». Лучшее свидетельство этому — Организация Объединенных Наций. В общем реально сложилась ситуация, когда термин «нация» оказался (на русском) лишним. И, следуя мудрому принципу *бритвы Оккама*, призывавшего еще в средние века избавляться в теоретических рассуждениях от излишних сущностей, целесообразнее вовсе обходиться без него. Вполне достаточно оперировать понятиями «народ», «население», «этнос» и «суперэтнос», а также использовать термины «национальность» и «государство», чтобы охарактеризовать специфику пестрых в расово-этническом и национально-государственном плане сравнительно развитых, особенно предбуржуазных и буржуазных стран, включая и Америку.

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ СТРУКТУРА США

Североамериканские колонии Англии рождались сравнительно поздно. С момента первых поселений прошло едва 400 лет, но дело даже не в этом. Гораздо существеннее то, как они возникали. Вначале приезжали и селились в основном англичане. Если говорить об этносах или, что в данном случае более оправданно, уже о национальностях, то их было сравнительно немного, речь может идти разве что об англичанах, чуть позже и ирландцах. Но сразу же вслед за ними в число переселенцев стали вливаться и многие представители иных национальностей, складывавшихся в странах Западной, а затем и не только Западной Европы. Почти параллельно с ними в числе мигрантов оказались и выходцы из Азии, где буржуазных национальностей не было, а были этносы либо суперэтносы. Позже к ним прибавилось немалое число так называемых *латинос*, т.е. мигрантов из многочисленных государств Латинской Америки. Не приходится забывать об африканских неграх-рабах, принадлежавших к различным этническим общностям, реже племенным группам, а также о коренных обитателях североамериканских территорий, т.е. об индейцах, тоже из разных племен и этнических общностей.

Столь неодинаковые этнические корни и уровни классификации как коренного населения, так и в разное время прибывших мигрантов, из которых сложился народ США, привели к тому, что в стране возникло многонациональное и многорасовое сообщество. А так как сначала колония была английской и протестантской, то неудивительно, что английский язык и культура, а также традиционные английские политические институты и протестантское христианство стали основой для формирования здесь государственности. Именно государство и его образцово сформировавшиеся институты выступили при создании США на первое место, причем оно, это государство, с точки зрения обитающего в нем населения оказалось крайне необычным. Специфика его в том, что перед нами вроде бы и национальное государство типа того, что складывалось во Франции в конце Столетней войны, и в то же время совершенно другое.

Начнем с того, что все мигранты становились жителями и (сначала за исключением индейцев и негров, затем только нелегальных мигрантов) гражданами США, американцами, как их принято именовать. Более того, все граждане, включая различные расовые группы неевропеоидного населения (пусть не всегда в одинаковой форме — вспом-

ним о резервациях аборигенов как раз и стали составлять заново возникавшее американское сообщество. Естественно, что все они долгое время не забывали при этом о своих этнических корнях и национальной идентичности, а сообщество, о котором речь, приравнивалось то к плавильному котлу, то к причудливой мозаике. Но в любом случае имеется в виду постепенное притирание всех давно живущих и заново прибывающих к сложившейся системе существования, к тому, что все они теперь уже равны и все являются американцами. А в последнее время в связи с ростом так называемой политкорректности, направленной на ускорение процесса выравнивания статуса представителей неевропеоидных рас и улучшение условий для ускорения культурного развития индейцев и потомков африканских рабов, т.е. афроамериканцев, как их теперь именуют, идея реализации принципа равенства стала даже чересчур навязчивой.

Есть и еще один очень важный аспект проблемы специфики национально-государственной структуры США, о котором нельзя не сказать, имея прежде всего в виду поразительные успехи этой страны практически во всех сферах производства, в организации основных институтов общества и его культуры, которые были еще не слишком заметны в XIX в., но тем не менее уже тогда давали о себе знать всему остальному человечеству. Речь о том, что в США, как и в Англии, откуда прибыли первые колонисты с их представлениями о буржуазных нормах взаимоотношений человека и власти, существовали древние антично-буржуазные традиции народовластия. И хотя эти традиции были основательно изуродованы рабством в южных штатах, они в принципе не только работали, но и определяли складывавшиеся во все увеличивавшейся в размерах стране ее основные институты и нормы существования. Рабство вначале было вынужденно терпимо (стоит напомнить, что и в античных демократических полисах рабы существовали, и в немалых количествах), но в конечном счете стало все более нетерпимым и не соответствующим тем либерально-демократическим нормам, которые были свойственны развитому буржуазному обществу. И гражданская война покончила с ним.

Что касается феодальных привилегий и форм существования, то в США — в отличие от Англии с ее лордами — их не было даже в легкой форме. Те, кто прибывал в США, раз и навсегда забывали об их существовании, не говоря уже об их потомках, которые с ними вовсе не были знакомы. Это важное обстоятельство необходимо принять во внимание, ибо в XIX в. буржуазная Европа была еще заражена вирусами феода-

лизма. Собственно, из-за этого многие европейцы решались на трудный путь в неизвестную им Америку. Прибыв в США, переселенцы действительно ощущали себя новыми людьми в новом благодатном мире, где можно было за гроши обрести землю (а большинство приехавших были крестьянами) и активно работать на ней, не будучи ничем никому обязанным. Выплачивая положенные налоги и организуя самозащиту и самоуправление, переселенцы вырабатывали навыки, поощрявшиеся сложившейся в стране системой либерально-демократических институтов, что опять-таки содействовало их энергичной деятельности и достижению неплохих экономических результатов.

И еще. Наряду с вчерашними европейскими крестьянами, которые были довольны обретением земельных участков и, что крайне важно и о чем нельзя не упомянуть, готовы были самоорганизовываться в борьбе за их охрану и собственную безопасность, в страну приезжало немало горожан, специалистов и умельцев, людей одаренных и готовых много и плодотворно трудиться в самых разных отраслях, необходимых для плодотворного и всестороннего развития общества. Мало того, приезжали в Америку прежде всего наиболее амбициозные и легкие на подъем, уверенные в себе и своих потенциях люди. Было, конечно, немало авантюристов и стяжателей, но в этой общей массе доля чем-либо выдающихся индивидов всегда была непропорционально большой. Этому способствовали и условия жизни переселенцев. Никто и никогда не спрашивал, из какой ты страны, к какому этносу или национальности принадлежал. Мало кто интересовался, каким богам и в какой форме ты молишься. Зато всем хорошо платили и предоставляли возможность разбогатеть в тех случаях, когда твои умение, ум и талант обогащали страну.

Стоит заметить, что США открывали двери перед всеми и что это было особенно важно для гонимых этнонациональных либо конфессиональных меньшинств, том числе таких, которые нуждались в широко открытых дверях, каковыми были, например, евреи. Еврейская миграция сыграла немалую и очень плодотворную роль в процветании США и в развитии многих отраслей хозяйства и культуры этой великой страны. И страна расцветала. Вторая половина и особенно конец XIX столетия были временем, когда творческая мысль американцев работала наиболее плодотворно, а все великие рождавшиеся идеи максимально быстро и успешно — если они сулили успех, что было характерно для подавляющего их числа, — осуществлялись, внедрялись в практику и содействовали все ускорявшимся темпам буржуазного развития.

Необходимо также принять во внимание усилия, которые прилагались для того, чтобы улучшить жизнь как потомков африканских рабов, очень сильно и долго отстававших в развитии и с большим трудом преодолевавших это отставание, так и коренных жителей в находившихся под попечительством властей резервациях. Разумеется, это отнюдь не означает, что здесь все шло гладко. Не все резервации одинаково процветали, как и далеко не всюду неграм жилось спокойно. Можно напомнить о ку-клукс-клане и суде Линча, с особой жестокостью долго действовавших в южных штатах. Но, несмотря ни на что, страна шла вперед, и это было для нее главным.

Что касается государства, то его структура, сложившаяся со времен принятия конституции в конце XVIII столетия, оказалась удачной для страны переселенцев и сохранялась практически без изменений. Вносились время от времени важные поправки в текст конституции, создавались доктрины типа Монро, которые определяли внешнеполитическую линию страны. И то, и другое, и многое иное тоже составляли специфику США. Это большое государство сравнительно мало — если принять во внимание его потенциал и сравнить ситуацию со стремлением западноевропейских буржуазных стран обзавестись все новыми колониями — вмешивалось в XIX столетии в дела вне Америки. Гораздо больше внимания оно уделяло взаимоотношениям с соседями, прежде всего с Мексикой. Но и здесь речь в основном шла о еще не поделенных до конца и в основном никем не занятых неосвоенных землях, доставшихся Мексике в наследство от Испании. Во всяком случае попытки, встречавшиеся в отечественной марксистской историографии, обвинять США в агрессии по отношению к тем либо иным странам, редко бывали всерьез обоснованы. На самом деле США не проявляли сколько-нибудь заметных агрессивных действий вне Америки. И это тоже следует отнести к специфике США как буржуазного государства, возникшего в иных условиях, нежели страны Западной Европы, и осуществлявшего свою внутреннюю и внешнюю политику в соответствии с тем, что определялось его основополагающими принципами, как конституцией, так и доктринами типа доктрины Монро.

СПЕЦИФИКА СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Сосем иной была специфика освободившихся от испано-португальского господства латиноамериканских стран. Разумеется, в каждой из них были свои особенности и свой путь развития, о чем шла речь при описании процесса их становления и эволюции в XIX в.

Но вместе с тем все они имели и немало общего, тесно связанного с особенностями их появления на свет. Ведь хотя формально они, как и североамериканские поселения европейцев, были колониями западноевропейских стран, разница, причем колоссальная, была в том, какими были эти страны. В отличие от передовой буржуазной протестантской Англии с ее великими традициями Хартии вольностей и серьезного, а затем и всесильного парламента Испания и Португалия являли собой, о чем подробно говорилось, сравнительно отсталые государства с ведущей ролью феодальной знати и католической церкви, включая иезуитов. И еще. В отличие от североамериканских территорий с их редким и не слишком развитым индейским населением Мезоамерика и большая часть южноамериканских земель были центрами весьма развитой урбанистической цивилизации с многими сотнями и даже тысячами лет существовавшими там государствами. И хотя эти государства, как и вся доколумбова цивилизация Америки, не чета даже ранним очагам древневосточных центров афроазиатской цивилизации, она имела свои традиции. И эти традиции, несмотря на все старания колонизаторов, не могли быть искоренены полностью и потому оказывали свое влияние, пусть даже и подспудное. А влияние это было в общем и целом не слишком сочетавшееся с потребностями и задачами успешной буржуазной эволюции.

Вывод из сказанного вполне очевиден: ни испано-португальская феодально-клерикальная власть колонизаторов, ни традиции порабощенных этой властью колониальных народов южноамериканских очагов доколумбовой цивилизации, ни тем более те навыки и тот образ жизни, которые были привезены в Латинскую Америку вместе с несколькими миллионами доставленных туда насильно африканских рабов не имели почти ничего общего с буржуазией. Испании и Португалии собственные забитые властью буржуа были ненавистны и не нужны, а к чужим они относились если и не с открытым недоброжелательством, то во всяком случае с недоверием и крайней степенью осторожности. Разумеется, лишённые собственного буржуазного производства колонизаторы были вынуждены вступать в какие-то отношения с передовыми для эпохи Великих географических открытий странами, где буржуазия процветала и успешно производила множество той товарной продукции, в которой остро нуждались испанцы и португальцы для обеспечения нормальной жизнеспособности их американских колоний. Но за это они были поставлены перед суровой необходимостью дорого платить. И хотя американское золото и серебро давали возмож-

ность делать это, наплыв ценностей из Америки привел к той самой революции цен, в результате которой отсталые страны Европы, начиная с Испании и Португалии, беднели, а передовые богатели.

Это немаловажное обстоятельство тоже не могло не сказаться на особенностях развития ранних латиноамериканских колоний и на специфике последующей эволюции всех возникших на их основе стран, добившихся спустя три века независимости. Сказалось и еще одно очень важное обстоятельство. Многонаселенность центров доколумбовой цивилизации в Америке при сравнительной малочисленности переселенцев из Европы и немалом числе ввезенных африканских рабов создала практически во всех латиноамериканских странах (правда, в неодинаковой мере) гораздо более сложную и, что существенно иметь в виду, не способствующую быстрому буржуазному развитию ситуацию. Речь о том, что традиций, которые задавали тон в английских североамериканских колониях, в Латинской Америке по существу не было вовсе. Их замещали иные традиции, во многом восходившие к восточным либо испытывавшим сильное их влияние. Ведь испано-португальское влияние феодальных традиций — это наследие раннесредневековых европейских институтов восточного происхождения, т.е. власти-собственности и децентрализованной редистрибуции. Правда, эти древние традиции были осложнены Реконкистой, но суть их от этого вплоть до начала освоения латиноамериканских колоний мало изменилась. Система энкомиендо по существу немногим отличалась от системы феодалов. А после ее ликвидации значительная часть феодальных привилегий долго оставалась и активно функционировала, препятствуя укоренению новых отношений, связанных с буржуазным развитием общества.

Все эти сложности сразу же сказались, как только влияние буржуазных преобразований в Европе после Великой французской революции достигло Латинской Америки, а подчинение Наполеоном Испании и Португалии предоставило возможность латиноамериканским колониям за несколько лет обрести желанную независимость и попытаться начать развитие по ставшему в то время всеобщему признанному и успешному буржуазному пути. Суть всех сложностей не столько в том, что обретшие независимость страны не знали об этом общем для западной Европы пути либо не хотели почему-либо на него становиться. Как раз наоборот, если обратить внимание на конституции большинства стран, о которых идет речь, это было известным и желанным, а по мере возможности даже как-то фиксировалось в основополагающих государственных документах и иногда частично реализовывалось. Но беда

в том, что не было необходимых традиций. А без этого (и кому, как не нашим соотечественникам, знать это лучше других?) дело обычно не шло. Преобразования застревали на начальном этапе, а то и вовсе на уровне принятых документов, а реальная жизнь с ее регулярно повторявшимися реверсиями, попытками диктатуры, переворотами и прочими проявлениями нестабильности долгие годы не имела либо мало имела чего-либо общего с успешным буржуазным развитием.

Разумеется, эволюция ощущалась. Активное вмешательство английского капитала способствовало ему, причем оно было очень ощутимо, намного превосходя в середине века то, что могли предложить США. Но становление буржуазного производства и создание необходимой инфраструктуры в условиях, о которых идет речь, требовало от самих латиноамериканских республик длительного времени и невероятных усилий. Неудивительно, что движение вперед шло крайне замедленными темпами. В некоторых странах оно ускорялось за счет обильных и востребованных внешним буржуазным миром ценных ресурсов, в частности гуано. В других ускорение шло за счет значительного числа переселенцев из разных европейских стран, как то было характерно для Аргентины, Бразилии, Уругвая, да и не только для них. Но в общем и целом страны Латинской Америки шли вперед довольно, а некоторые даже крайне медленно. И традиции буржуазного общества здесь складывались, естественно, на иной основе, нежели в США.

Латинская Америка не была ни плавильным котлом, ни причудливой мозаикой множества представителей разных, но преимущественно западноевропейских национальностей, причем лучших, наиболее активных и творчески одаренных из их числа, как то было в США. Совсем напротив, здесь давно уже сложилась характерная именно для южноамериканского субконтинента метисная система, которая оказалась падающей для основной массы населения с различными оттенками небелой кожи при явном меньшинстве (за редким исключением очень немногих стран вроде Аргентины) европеоидов. Этносы, если использовать этот термин для классификации жителей латиноамериканских стран, почти не отличавшихся друг от друга совокупностью различных оттенков расового типа (европеоиды, креолы, метисы, мулаты, индейцы, негры), не имели времени устояться, пока естественный процесс буржуазных преобразований вел каждую из стран к оформлению свойственной именно ей национальности.

Эта задержка была неизбежна, ибо, хотя искусственно созданные границы со временем начинали четко определять принадлежность

к тому либо иному государству любого из аналогичных наборов представителей в принципе одних и тех же этнических и расовых групп, которые волею судеб оказались гражданами этого государства, разницы в развитии не ощущалось. Во всей Латинской Америке буржуазия была еще крайне слабой и развивалась очень медленно, что полностью соответствовало характеру неразвитых, даже практически вовсе отсутствовавших здесь антично-буржуазных рыночно-частнособственнических традиций со всеми связанными с ними либерально-демократическими политическо-правовыми нормами, включая прежде всего главный принцип взаимоотношения человека и власти (люди для власти или власть для людей). Мексиканцы, бразильцы или чилийцы с различными оттенками кожи и иными расовыми признаками легко преобразовывались — с точки зрения классификации — примерно так же, как то происходило в годы Столетней войны с превращавшимися во французов нормандцами, бургундцами и т.п. Разница была в том, что Франция конца Столетней войны уже достаточно давно находилась на уровне предбуржуазного развития, задержка темпов эволюции которого стоила ей революционного взрыва, тогда как в латиноамериканских республиках слабые темпы развития и отсутствие необходимых традиций для ускоренных темпов буржуазных преобразований вкупе с внутривнутриполитической нестабильностью замедляли их эволюцию. Некоторые из них оказались в настолько незавидном положении, что обрели презрительное наименование *банановых республик*. Однако у всех них, включая и «банановые республики», имелись и преимущества, которым они были обязаны именно своей спецификой.

Речь прежде всего о расовых проблемах, причем не о рабстве как таковом. Начать с того, что особенности состава населения исключили из числа острых проблем латиноамериканских стран расовую дискриминацию и вообще любые расовые предрассудки. Это, разумеется, не означает, что лица с оттенками кожи, более близкими к европеоидам, внутренне не ощущали своего превосходства и не занимали более высокой ступени в обществе. Однако прямой дискриминации на практике почти не было, что, к слову, облегчило процесс освобождения рабов и отказа от рабства, для чего не потребовалось гражданской войны. Не оказалось в Латинской Америке и резерваций, ибо индейские племена легко вписались в общую пеструю этнорасовую систему и обрели с ее помощью не просто свою нишу, но в общем-то равноправное место в обществе. Создание общества без расовых предрассудков и необходимости вводить систему политкорректности для обеспечения равно-

правия следует считать определенным достоинством стран Латинской Америки.

Но эти весомые преимущества, хотя они заслуживают внимания и даже определенного уважения, далеко не компенсируют тех недостатков в темпах и особенностях буржуазного развития, о которых только что шла речь. Они обусловили не просто замедленные темпы эволюции, но и явное отставание стран Латинской Америки, которые с большим трудом и очень солидным опозданием начали, хотя далеко еще не все, выходить в XX–XXI вв. на уровень западного стандарта в буржуазной социополитической структуре с экономическими ее достижениями и сближаться с обществами западного типа.

Россия

Россия в XIX столетии — правда, далеко не сразу и не легко — вышла из многовекового прозябания и стала в ряде отношений вровень с Европой. Этому способствовали не столько успехи в промышленном, тем более буржуазном, развитии страны, сколько усвоение дворянством, особенно представителями высшей его страты, со времен Петра I многих стандартов европейского бытия и высокой культуры Запада, регулярные связи с которыми были уже неплохо налажены. Свою роль сыграли и успешные войны времен Екатерины II, которые позволили пододвинуть границы империи вплотную к европейским странам. Но главным, что изменило Россию в той мере, в какой она стала в новом столетии заметно другой по сравнению с тем, чем была в прошлом веке, начатом реформами Петра I и завершенным правлением Екатерины II, следует считать не столько усиление контактов с Западом (хотя это сыграло огромную роль), сколько, как то ни покажется парадоксальным, все то же влияние шедших из Франции волн революционного взрыва, потрясшего эту страну в конце XVIII в. Одной из таких волн, как о том уже шла речь, следует считать наполеоновские войны.

Об этом стоит сказать особо. Ведь в представлениях об отечественной истории доминирует идея о войне с Наполеоном как о борьбе с врагом. Нет слов, наполеоновская армия в России была врагом и, вызвав взрыв ответной народной ярости, оказалась побежденной, что сыграло свою немаловажную роль в падении гениального полководца. Однако воздействие на Россию радикальных идей, которые были вначале сформулированы мыслителями Просвещения, затем оказались отражены в преобразованиях революции и в конечном счете пронесены армией Наполеона через всю Европу вплоть до России еще до 1812 г., вне сомнений. Эти идеи в России не остались незамеченными. Правда, они не дошли до уровня крепостных крестьян, которые могли бы обрести с их помощью свободу, к чему те не были готовы. Но до мыслящей России, прежде всего передовой части русского дворянства, они дошли. И не просто дошли, но были должным образом

оценены, породив не принесшее успеха, но громко прозвучавшее выступление декабристов.

Декабристы, в основном офицеры, долгое время в острых спорах готовившие вооруженное восстание с целью ограничить самодержавие конституционными институтами, были не единственными представителями ориентированного на антично-буржуазные ценности отечественного общества начала XIX столетия. К числу их следует отнести А. Радищева, П. Чаадаева, не говоря уже о великих — о А. Пушкине и М. Лермонтове — а также о А. Грибоедове и многих других, вплоть до М. Сперанского, ближайшего сподвижника царя Александра I. Да и сам Александр был в определенной мере в начале его царствования под впечатлением от успехов революции и буржуазных преобразований в Европе (позже он изменил свою позицию и стал одним из главных столпов Священного союза). Но страна в целом не была готова к радикальным преобразованиям. Это и решило судьбу как декабристов, так и их не слишком многочисленных единомышленников. Россия Николая I, пришедшего на смену Александру и правившего страной около 30 лет, опасалась решительных перемен. Царь считал, что положение могут спасти лишь весьма осторожные и тщательно подготовленные постепенные реформы. Но и с ними все было не просто.

Напуганный выступлением декабристов и не сочувствовавший никаким радикальным переменам, царь взял довольно крутой курс во внутренней политике страны. Он не спешил с реформами, не желая замечать того, как страна быстрыми темпами отстает от стремительно развивавшейся в те годы всей буржуазной Европы. Крымская война стала печальным итогом его царствования. Его сын Александр II сознавал необходимость изменить политический курс страны. В первую очередь это нашло отражение, как то хорошо известно, в Великой реформе 1861 г., которая освободила Россию от раковой опухоли крепостного рабства. Стоит заметить, что это было сделано параллельно с гражданской войной в США, ликвидировавшей рабство. Однако и условия, и реализация этих почти одинаковых решительных перемен были очень разными, так что неудивительно, что и привели они к весьма несходным результатам. В России — в отличие от США — реформа, при всем том что она была намного шире одного лишь крестьянского вопроса и затронула многие стороны жизни отстававшей от Запада страны, завершилась убийством царя недовольными переменами террористами. И этот мрачный акт снова приостановил развитие страны, уже подготовленной убитым государем к чему-то вроде конституцион-

ной монархии. Понятно, что на этом фоне вновь начался если и не разгул реакции, то во всяком случае решительный поворот к крайней умеренности и осторожности во внутренней политике. И на практике это снова означало остановку в развитии и без того отстававшей страны.

Такова в самом сжатом виде историческая канва. К сказанному стоит лишь добавить, что сложившаяся в стране к концу XIX в. ситуация была очень подходящей для появления и развития многостороннего социального протеста и сопровождавших его политикотеррористических акций. Как бы спохватившись, сложившаяся в России в середине века интеллигенция добровольно взяла на себя ответственность за все несчастья страны и, разделившись на очень разные, непримиримые отряды, действовавшие различными методами, да и преследовавшими несходные цели, приступила к активным действиям. Критика царского правительства и всей уже явно загнивавшей системы управления страной усиливалась и вела к появлению все более радикальных настроений. Их выразители и особенно наиболее нетерпеливые из них стремительно вели дело к мощному социальному взрыву, к великой национальной катастрофе. Эта катастрофа стала фактом лишь в начале следующего века, чему помогла Первая мировая война. Но корни ее уходят если не во все предшествующее столетие (а быть может, и столетия), то во всяком случае в события конца XIX в. и рубежа этого и следующего за ним веков. Великая трагедия России XX столетия едва ли имеет в истории нечто аналогичное. Поэтому важно понять, что привело страну к этой трагедии и почему она оказалась не только возможной, но и практически почти неизбежной. Собственно, этому посвящена часть тома, касающаяся России.

Глава четырнадцатая. СТРАНА В НАЧАЛЕ XIX СТОЛЕТИЯ

Век начался для России с убийства императора Павла I (1796–1801) и воцарения причастного к убийству его сына Александра I (1801–1825). Нельзя сказать, чтобы новый император был властвующим злодеем, не останавливающимся перед тем, чтобы уничтожать всех, кто стоит между ним и абсолютной властью. Напротив, он был скорее юношей достаточно мягкого характера, склонным к увлечениям передовыми идеями, включая идеи Просвещения и великой революции. И первые шаги нового государя вроде бы весомо подтверждали его стремления к прогрессивным преобразованиям. Многие из введенных отцом ограничений были им устранены, запреты сняты.

Были восстановлены свобода печати и иные свободы и права, казавшиеся, правда, в основном дворянства, хотя частично и городов, и даже крестьян. Был создан из четверых близких к императору его друзей и единомышленников Негласный комитет с целью разработки и проведения необходимых реформ. Комитет несколько лет работал достаточно серьезно и не избегал таких кардинальных вопросов, как ликвидация крепостного рабства или ограничение власти императора чем-то вроде конституции.

Указ 1803 г. о вольных хлебопашцах, призывавший помещиков добровольно освобождать крестьян, был одной из попыток осуществить желаемое. Но эта попытка, как и следовало ожидать, не привела к реальным результатам, что сказалось на судьбе комитета. Просуществовав три-четыре года, постепенно теряя свое значение, он утратил влияние на Александра I. Из всех административных реформ, осуществленных в первые годы царствования Александра I, наиболее заметным стало преобразование прежних коллегий в министерства. Было создано министерство просвещения, ведавшее университетами (их стало шесть), лицеями и гимназиями. Началась не завершенная при Екатерине II работа над составлением Уложения, т.е. кодекса законов, причем основная тяжесть этой работы легла на приближенного к императору М. Сперанского, приобретавшего в первое десятилетие XIX в. все больший вес.

СПЕРАНСКИЙ И ЕГО ПРОЕКТ

Личность и деятельность М. Сперанского (1772–1839) у нас мало известна и еще меньше оценена. В какой-то степени это, быть может, и оправдано. Ведь ни одно из хорошо разработанных им предложений о реформах не получило одобрения и не было реализовано. Создается впечатление, что его огромный талант очень умного преобразователя страны, очевидно отставшей от хода европейской истории, просто не был востребован именно в ней, этой столь нуждавшейся в реформах стране. И как то ни прискорбно создавать, практически так и было. Существует предание, что будто бы Наполеон во время встречи с Александром I в Эрфурте в 1808 г. после бесед с М. Сперанским пришел к выводу, что этот человек — единственная светлая голова в России. Он даже будто бы сказал, что отдал бы за него целое королевство. Светлых голов в России было, конечно, больше. Одна из них — умнейший критик отечественных порядков П. Чаадаев. Но между П. Чаадаевым, о котором известно и написано достаточно много и кто был в основном мыслителем-теоретиком,

к тому же время от времени радикально изменявшим свои идейные предпочтения, и Сперанским была большая разница.

Сперанский тоже был мыслителем высокого полета, идеологом конституционной монархии европейского типа, но не это было для него главным. Главное сводилось к тому, чтобы ввести в России тщательно разработанную им систему реформ, особенно в сфере права, которая изменила бы сущность существующего строя и приблизила страну к европейскому стандарту. Именно в этом был весь смысл жизни и деятельности Сперанского, что прежде всего могло привлечь к нему внимание Наполеона, великого преобразователя предбуржуазной Европы в буржуазную. Сперанский завоевал расположение государя не сразу. Он был уже в заметных чинах при генерал-прокуроре князе Куракине еще при его отце и перед коронацией Александра предложил ему текст инаугурационной речи с изложением в самом общем виде некоей программы реформ. Молодой император оценил идеи и проекты реформ, после чего он через некоторое время передал именно Сперанскому все те записи и наработки, которые были созданы им и его друзьями из Негласного комитета с тем чтобы именно этот умный и реформистски настроенный чиновник создал на их основе строгий план нужных стране преобразований.

Проект Сперанского в том виде, в каком он был в 1809 г. представлен императору, предполагал стройную систему важных нововведений. Прежде всего весь народ страны следовало четко разделить на три сословия — дворянство, лица среднего состояния и народ рабочий. Дворянство наделялось всеми гражданскими и политическими правами, среднее сословие обретало политические права лишь в зависимости от наличия собственности, а низшее политических прав не имело вовсе. Во-вторых, должна была появиться сеть законодательных учреждений. От каждого их уровня, от волостной, уездной, губернской дум низшие будут посылать своих делегатов в вышестоящую, что в конечном счете должно будет привести к появлению скомплексованного всей страной (с учетом политических прав сословий) национальному собранию, законодательной думе примерно с теми же правами и полномочиями, какими обладало аналогичное собрание во Франции при Наполеоне. Приблизительно таким же образом должны создаваться независимые суды разного уровня (высший — сенат) с использованием суда присяжных для уголовных дел. Особо формировалась стройная система административных учреждений: волостные, уездные и губернские правления, вице-губернаторы в уездных

и губернаторы в губернских городах, а также восемь министерств в столице. А над всеми тремя ветвями власти должны стоять Государственный совет и император.

В проекте ощущалось влияние буржуазно-либеральных идей о разделении властей и даже о конституционном ограничении власти монарха. Но не одно это показалось неприемлемым членам Государственного совета, созданного в 1810 г. Многие проблемы остались нерешенными, в том числе важный вопрос о собственности, позволяющей иметь политические права, т.е. участвовать в выборах. Кое-что было сочтено принципиально неприемлемым, в частности ограничение власти монарха конституционными нормами, например верховным судом (сенатом). Правда, при этом ряд других предложений и нововведений, таких как экзамены на чин или успешные реформы в сфере финансов в конце первого десятилетия века, оказались принятыми и сыграли свою положительную роль. Но главный проект Сперанского, равно как и подготовленный им текст нового Уложения — свода законов, который содержал немало прямых заимствований из Кодекса Наполеона, не был принят. И это следует считать не столько неудачей реформатора, сколько проигрышем России. Пусть страна действительно еще не была готова к восприятию всего того, что содержали тщательно подготовленные — с учетом русских реалий — преобразования, они могли быть взяты за основу и медленно внедряться. Но этого не произошло. Почему же?

Самое основное в бесславной судьбе реформатора, как и его проектов и текстов, — это охлаждение Александра I к нему и к его идеям. Прислушиваясь к доносам, царь не уставал сомневаться в том, что предлагаемые ему реформы буржуазного характера необходимы или хотя бы желательны для России, тем более в обстановке приближавшейся войны с Наполеоном, главным носителем буржуазных идей в Европе, пожалуй, и во всем мире. Охлаждение умело подогревалось теми, кто считал страну не готовой к восприятию западных идей. И в марте 1812 г. Сперанский без особых объяснений был уволен и выслан из столицы. Высылка и немилость сильно подействовали на реформатора, который в 1815 г. приветствовал высказанную на Венском конгрессе идею русского императора о создании реакционного Священного союза, за что был прощен и назначен на должность губернатора в Пензе, затем в Сибири. По возвращении в Петербург он, уже при Николае I, вновь занялся работой над составлением свода законов Российской империи, был удостоен наград и почестей. Но о серьезных реформах он после 1812 г. более никогда не вспоминал. Забыл о них

и Александр I, что отразилось и на проекте конституции для России, который вплоть до 1819 г. все еще разрабатывался представителем императора Н. Н. Новосильцевым в Варшаве, где конституция в то время давно уже была реальностью.

АЛЕКСАНДР I И НАПОЛЕОН

Интерес русского императора к буржуазным преобразованиям во Франции и даже его юные мечты о переустройстве отсталой России по западному стандарту, включая нечто вроде конституционной монархии, во многом зависели от политико-дипломатических связей с Европой и прежде всего с Наполеоном, наносившим удар за ударом по феодально-монархическим режимам Запада. Некоторая ревность к великому успешному полководцу и вполне резонные опасения стать очередной жертвой завоевателя вели дело к тому, что симпатии русского правителя к революционному переустройству Европы на буржуазный лад постепенно исчезали. Попытка помочь австрийцам в 1805 г. привела Россию к поражению под Аустерлицем, а разгром Пруссии в 1806 г. еще более раздражил Александра I, возложившего вину за поражения на М. Кутузова, славившегося своей осторожностью и спасавшего русскую армию от разгрома. Однако сменившие Кутузова генералы многого добиться не сумели, так что кампания Наполеона успешно завершилась летом 1807 г. в Восточной Пруссии, у русской границы.

Встретившись близ Тильзита, Наполеон и Александр I заключили мирный договор, смысл которого свелся к тому, что Наполеон, не возражая против попыток России усиливаться за счет Швеции и Турции, с которыми она в это время вела войны, требовал невмешательства России в западноевропейские дела, включая и континентальную блокаду. Война со Швецией позволила Александру в 1809 г. присоединить к России Финляндию, над выработкой форм внутренней системы управления в которой после ее присоединения к России немало и плодотворно потрудились все тот же Сперанский. Война с турками завершилась весной 1812 г. присоединением к России Бессарабии. То и другое означало, что Александр в Тильзите не проиграл. Однако отношения с Францией начали снова портиться, что, в частности, отразилось не только на судьбе Сперанского.

Александр был недоволен положением дел в Польше и, заключив договоры со Швецией, Англией и Турцией, был готов к противостоянию французам. Однако его военный талант не шел ни в какое срав-

нение с тем, которым обладал Наполеон. Это сказалось, в частности, в том, что кампания 1812 г. началась с неудачной для России дислокации войск, разорванных на части, отстоявших друг от друга на почтительном расстоянии, что позволило огромной армии французов вклиниться между ними. Генералы с трудом уговорили императора оставить армию и уехать в Петербург, после чего М. Барклай-де-Толли и П. Багратион начали отступление и соединили свои армии лишь близ Смоленска. В России тяжело переживали отступление, что и побудило Александра I сместить Барклая и назначить главнокомандующим Кутузова. Тем временем Барклай едва сумел увести армию от Смоленска, уже почти окруженного врагом.

Кутузов решил пойти на столь долго ожидаемое в стране генеральное сражение с французами при Бородино, после чего продолжал отступление, оставив пылающую пожарами Москву, причем именно эта стратегия русских генералов в сочетании с нагрянувшими суровыми морозами обеспечила русским победу над великой армией, жалкие остатки которой с трудом выбирались из России. Битва при Бородино как гордость русского оружия и вся последующая эпопея, связанная с отступлением французов, хорошо известны и детально описаны во множестве как общих, так и специальных работ, что избавляет от необходимости вдаваться в подробности. Тем более что частично о походе Наполеона на Россию уже шла речь в первой части тома. Важно заключить, что, как то хорошо известно, позорное крушение французской армии и бегство ее командующего стали началом конца блистательной карьеры Наполеона.

Крушение Наполеона радикально изменило обстановку в Европе, дав старт яростному контрнаступлению феодально-монархической реакции по всему фронту. Европейскую реакцию возглавили Венский конгресс и Священный союз, в которых большую роль сыграли как император Александр, так и его новые, после Сперанского, близкие советники. Свое место в этом процессе заняла и русская армия, часть которой после знаменитой «битвы народов» при Лейпциге осенью 1813 г. и ряда более мелких сражений в марте 1814 г. победоносно вступила в Париж. Словом, дело выглядело так, будто Александр в конечном счете одолел Наполеона. Как это сказалось на всей последующей политике этого правителя и на судьбах России? Начать следует с того, что победа над Наполеоном в очередной раз сыграла злую шутку с Александром, чья натура в большой степени зависела от изменяющихся обстоятельств. Александр был крайне напуган войной

1812 г. В начале войны, покинув армию, по пути в Петербург император оказался горячо встреченным в Москве. Этот впечатляющий патриотический порыв, как и угроза страшной войны, подействовал на его мятушуюся натуру и способствовал глубоким переменам в его характере. Он оказался причиной серьезного сдвига императора в сторону религии и мистики со многими вытекающими из такой перемены следствиями. В дни Венского конгресса он, в частности, сказался в том, что вчерашний почти либерал и сторонник чего-то вроде конституции превратился в главу европейских реакционеров, в персону, уповающую на провидение и склоняющуюся перед божьим промыслом. Постепенно им стали овладевать свойственные подобным натурам смирение, сопровождавшееся, впрочем, неожиданными взрывами. В общем и целом для России это означало, что ее руководитель утомлен жизнью, стремился отойти от слишком большой активности и предоставить ее другим. К слову, и смерть Александра в 1825 г. (существует не очень правдоподобная версия, что император не умер в Таганроге, но предпочел под видом нищенствующего старца бродить по стране, тогда как похоронен под видом императора был кто-то другой) подкрепляет то, что стало характерным для него в конце его жизни. Достаточно обратить внимание на саму его не вполне ясно для чего предпринятую поездку в Таганрог — похоже, без пышной свиты и под влиянием предчувствий и предсказаний. Но как все это отразилось на России?

Место опального Сперанского в качестве ближайшего советника императора занял фаворит его отца генерал А. А. Аракчеев со столь свойственной ему склонностью к жестокой муштре военных и с явным стремлением превратить всю Россию в гигантское военное поселение. Создание такого рода поселений после победы над Наполеоном стало главной целью нового советника, превратившего значительную часть солдат и крестьян в военнопоселенцев, обязанных жить под пристальным надзором унтер-офицеров и заниматься столь любимой Аракчеевым муштрой все свободное от сельскохозяйственных забот время. Это крайне жестокое издевательство над народом и армией получило в стране наименование «аракчеевщина». Царского любимца ненавидели многие. Пушкин писал на него злые эпиграммы. Но общественное мнение никак не влияло на расположение к Аракчееву ушедшего в мистику императора. В какой-то мере аракчеевщина сказалась и на усилении реакции в сфере народного просвещения, развитию которого в свое время активно содействовали реформы Сперанского. Неудивительно, что в этой обстановке нарастающего обскурантизма

в стране стали появляться и расти настроения совсем другого характера. И для этого были свои серьезные причины.

НЕДОВОЛЬСТВО В АРМИИ. ДЕКАБРИСТЫ

Русские крестьяне, как крепостные, так и военнопоселенцы, удельные и государственные, нередко оказывались в состоянии конфликта со своими господами, с дворянами-крепостниками. Однако такого рода недовольство, спорадически находившее свое отражение в стихийных взрывах возмущения, сопровождавшихся порой уничтожением наиболее свирепых мучителей, имело, к сожалению, очень мало общего с социальным и тем более сколько-нибудь осознанным протестом. Виновных в самоуправстве крестьян власти жестоко наказывали, и на этом все обычно кончалось. Сами недовольные земледельцы, как правило, не были готовы к тому, чтобы осознать несправедливость и бесчеловечность крепостничества. Складывается впечатление, что привычное бытие их устраивает. В этом сказывалась архаичность мышления большинства народа. Разумеется, передовые слои русского общества, да и сам император, не забывали о том, что крепостное рабство является страшной болезнью страны, мешающей ее движению вперед. Вопрос был в том, как избавиться от нее. А рядом с ним сразу же возникала и другая, много более сложная проблема: как изменить устаревший и тянущий страну назад социополитический строй.

Вспомним, что этой проблеме уделяла немало внимания в свое время под влиянием идей Просвещения Екатерина II, ею же был озабочен Александр I в юности. Но мешала специфика организации империи, где главную роль несущего стержня играло многочисленное дворянство. Крепостничество же как практика редистрибуции — несмотря на неплохой уровень административной системы и существование необходимой инфраструктуры — не позволяло избавиться от свойственной прошлому децентрализации с ее феодальными традициями, мешало проведению нужных реформ. Создавалась ситуация, при которой крестьяне не ощущали острой нужды в ломке привычных стандартов крепостной зависимости. Не стоит забывать, что предводители восстаний вроде Пугачева ставили вопрос лишь о замене плохого царя на хорошего, но вовсе не о решении социальной проблемы крепостного рабства. А господа, понимавшие необходимость этого, не знали, как добиться успеха, не приведя при этом страну к катастрофе. Это была своего рода проблема квадратуры круга, не поддающаяся легкому решению.

Совсем иными глазами стали смотреть на проблему структурной реформы страны, включая и положение крестьян, русские офицеры — те же дворяне, в большинстве крепостники, — после возвращения из победоносного похода по Европе и почти трехлетнего пребывания русской армии во вчера еще революционном Париже. Огромная разница между пореволюционной Францией и крепостнической Россией бросалась в глаза. Это было различие между сегодняшним и даже не вчерашним, а давно ушедшим в прошлое временем. Естественно возник острый вопрос, что же делать. Вопрос, как упоминалось, был для высокопоставленных образованных представителей правящих верхов не новым, но простого решения его не существовало. Это, впрочем, не меняло существования проблемы, с которой все-таки следовало что-то делать.

На молодых людей, главным образом офицеров (а это всегда была наиболее подготовленная к реформам часть русского дворянства), ситуация в стране, особенно на фоне аракчеевщины, сильно влияла. Нужно было искать выход, а для этого требовались и время, и горячие споры. И вести такие споры нельзя было ни в печати, ни вообще открыто. Обстановка в стране требовала скрытности и осторожности. Неудивительно, что в среде молодых дворян, передовых офицеров, начали возникать кружки единомышленников, со временем все более определенно перераставшие в тайные общества заговорщиков. Будучи хорошо знакомыми с идеями французского Просвещения, достигавшими России еще при Екатерине II, и тем более с преобразованиями революции, вихрем прокатившимися по всей Европе в ходе наполеоновских войн, члены создававшихся в разных частях страны организаций стремились разработать программу спасения отечества. Споры вокруг вариантов программ составляли основное содержание работы кружков и союзов, причем они доходили до решения острых вопросов о том, быть ли России монархией, хотя бы и конституционной, или превратить ее в республику с устранением монарха. Заседания союзов нередко происходили в домах какого-либо из их членов и не были, да и не могли быть полностью конспиративными. Об этих встречах знали многие, о них докладывали и императору. Но Александр I со свойственной ему непоследовательностью реагировал на сообщения вяло, а то и вовсе, предавшись воспоминаниям о собственной юности, бывал склонен заметить, что он и сам когда-то разделял подобные идеи.

Общества, о которых идет речь, и среди членов которых с 1816 г. числились представители элитных слоев русского дворянства и наиболее образованных офицеров (С. Трубецкой, Ф. Шаховской, С. Волконский,

П. Пестель, Н. Муравьев, К. Рылеев и многие другие), вначале стремились найти выход в создании проектов конституционного устройства будущей России. В «Союзе спасения» (1816–1818 гг.), а затем в сменившем его расширенном «Союзе благоденствия» (1818–1821) не слишком скрывали конечные цели этих обществ, стремившихся к преобразованию России. После их роспуска организации стали много более конспиративными, а проекты реформ обрели более четкий и радикальный вид. Проект Н. Муравьева из *Северного*, т.е. столичного, общества был близок к американской конституции с ее правами и свободами, разделением властей, но с верховенством императора. При этом участие в выборах ограничивалось имущественным цензом. Рабство крепостных ликвидировалось, хотя вопрос о земле оставался неясным и в разных вариантах текста выглядел различно. Проект Пестеля из *Южного* общества был более резким. В нем предполагалось создавать народные собрания различного уровня и со ступенчатыми выборами (на манер тех, что предлагал в свое время Сперанский). Крепостных он предполагал освободить вместе с землей, но земли при этом следовало разделить на общественные и частные. Императору в «Русской правде», как именовался проект Пестеля, места не было, вместо него имелся в виду жесткий руководитель типа самого Пестеля, отличавшегося крайней степенью честолюбия. Но в проекте — и это важно — была оговорена поддержка буржуазного предпринимательства. Особо существовало менее значимое «Общество соединенных славян» с его не слишком серьезные планы и проектами.

Оба главных общества, Северное и Южное, предпринимали серьезные шаги для того, чтобы объединить усилия и согласовать тексты программ. Весной 1824 г. на встрече в Петербурге Пестель предложил принять решение о переработке обоих проектов с целью добиться формулировки общей программы на объединительном съезде в 1826 г. И Муравьев, и Пестель начали перерабатывать свои проекты, а в оба общества тем временем привлекались новые люди. Нетерпение членов обществ становилось все более заметным. А так как в их распоряжении были только солдаты возглавлявшихся ими воинских подразделений, то становилось все более очевидным, что реально речь может идти лишь о военном перевороте. Это становилось для участников заговора все более бесспорным еще и потому, что на многих из них сильно действовали сведения о бескровном перевороте, осуществленном военными в Испании в 1820 г. Об испанском варианте переустройства они много говорили, хотя обычно не принимали во внимание того, что предше-

ствовало этим событиям, включая и нашествие наполеоновских войск, приведшее к дестабилизации страны, к утере ею латиноамериканских колоний. Такого рода непонимание было для них естественным. Они, похоже, не сумели все обдумать и понять. Быть может, если бы поняли, осознали, что ситуация в России не схожа с испанской.

Дело даже не в том, что оба первоначальных проекта переустройства России, равно как и планируемый сводный компромиссный проект, были почти наверняка обречены на неудачу. Ведь расчет на военный переворот имел небольшие шансы на успех. Но для того чтобы все задуманное оказалось осуществимым, нужна была очень серьезная дестабилизация общества, равная примерно той, что сложилась в России почти веком спустя, на рубеже XIX–XX столетий, когда буржуазное предпринимательство уже достигло определенного уровня, крепостное право ушло в прошлое, а общество в целом оказалось как бы на распутье. Но ничего подобного в России первой четверти XIX столетия не было. Поэтому навеянные Западом проекты заговорщиков являлись для их времени лишь благими пожеланиями. Однако эти вполне резонные соображения (быть может, и принимавшиеся во внимание некоторыми членами радикальных обществ) не могли остановить их желания что-то сделать, как-то радикально изменить ситуацию в отставшей от Запада России. Их нетерпение и готовность довести задуманное до конца в какой-то мере провоцировались и властями, не обращавшими на их кипучую и хорошо заметную деятельность никакого внимания. В общем, как принято говорить, безумству храбрых поем мы песню.

Это безразличие со стороны властей, к слову, отнюдь не было обдуманной провокацией. Оно имело свои причины. К концу правления императора Александра I происходило немало очевидных несообразностей. Если даже не обращать внимания на Аракчеева, который получил от императора весьма неожиданное поручение заняться проблемой отмены крепостного права, в чем он изрядно преуспел, стоит заметить, что ударившийся в мистику император утрачивал адекватное восприятие реальности. Он ведь знал о заговорщиках, но ничего не предпринимал. Более того, в его противоречивой и мятущейся душе на склоне лет все чаще, видимо, возникали воспоминания о собственной мятежной юности, когда ни конституция, ни республика не были ему чужды и враждебны, когда он сам был готов начать в стране либеральные преобразования, и лишь охлаждение взаимоотношений с Наполеоном помешали этому. Эта утрата императором чувства реального сыграла, похоже,

немалую роль в судьбах заговорщиков, усилиями которых в стране процветали крайне радикальные идеи и организации. Ведь никто без санкции самодержца не смел им препятствовать. Положение дел резко изменилось после смерти императора в конце 1825 г.

ПОПЫТКА ВОЕННОГО ПЕРЕВОРОТА

Известие о смерти императора в Таганроге и некоторая заминка с присягой его преемнику сыграли важную роль в напряженном ходе событий. Николай, не зная о давнем решении старшего брата Константина отречься от престола, сам было присягнул ему и приказал присягнуть всем важнейшим лицам страны и армии. Но мать сообщила ему об ошибке, в результате которой возникла сумятица, причем не только в Петербурге. В создавшейся обстановке следовало получить от формально уже ставшего после присяги императором Константина письменное подтверждение об отречении, которое спустя некоторое время привез из Варшавы младший брат Николая Михаил. На это ушло немало времени, которое было своеобразным неожиданным подарком заговорщикам. И все же они опоздали. 12 декабря Николай получил желанное формальное отречение (на что ушло немало дней), а одновременно с ним сообщение командовавшего войсками на юге об активизации там тайных обществ и разговорах о революции и цареубийстве. Николаю осталось организовать новую присягу, что было делом довольно несложным по отношению к высшей элите, но гораздо более сложным по отношению к только что уже присягнувшей армии. Всем этим Николай занялся 13 декабря, когда он уже был информирован о назревающем мятеже. И только теперь заговорщики, потерявшие зря столько времени, сочли, что наступил подходящий момент для решительного выступления. Вечером 13 декабря в доме Рылеева был в деталях расписан ход действий. Но, стоит повторить, декабристы опоздали.

Их план сводился к тому, чтобы утром 14 декабря выйти на Сенатскую площадь с верными войсками и заставить сенаторов вместо присяги подписать «Манифест к русскому народу» с призывами отменить крепостное право, провозгласить в стране свободы и созвать Учредительное собрание с последующим решением проблем формы власти в стране. К. Рылеев и И. Пущин должны были принести текст манифеста в сенат, а общим руководителем (диктатором) выступления был назначен Трубецкой. Вроде бы все было предусмотрено, хотя и оставалось неясным, что следовало делать в непредвиденных случаях. Между тем все началось как раз с такого рода случаев.

Во-первых, заколебался и не явился на площадь к 11 часам, когда там был уже выстроен, да и то не полностью, Московский полк (который, как выяснилось позже, с трудом был выведен из казарм, где его уже вынуждали присягнуть Николаю и где осталась немалая его часть), диктатор Трубецкой. Переворот оказался без формального его руководителя. Во-вторых, вскоре выяснилось, что сенаторы уже принесли присягу Николаю в 7 часов утра и разошлись, что было предусмотрено опасавшимся неожиданностей новым императором. Потом стало известно, что уже почти все полки гарнизона присягнули новому императору. И хотя к выступившему Московскому полку присоединились отдельные подразделения Гренадерского полка и некоторых флотских экипажей, всего вооруженных мятежников было не более 3 тыс. Поддерживавшая их толпа едва ли превышала еще 1–2 тыс. Вообще-то для дворцового переворота это было бы более чем достаточно. Но обстоятельства складывались крайне неблагоприятно для заговорщиков. Они все время запаздывали, не успевая принимать верные решения, тогда как Николай произвольно — а быть может, и продуманно — опережал их.

Пока войска стояли на Сенатской площади, ничего не предпринимая, а возглавлявшие их офицеры не очень ясно представляли, что следовало бы делать, к площади подтягивались многие тысячи солдат из полков, уже присягнувших в верности Николаю. Силы были неравными. Петербургский генерал-губернатор М. Милорадович лично подъехал к восставшим солдатам, призывая их возвратиться в казарму и присягнуть Николаю, но был застрелен Каховским. Этот выстрел и проложил теперь уже непреодолимую грань между потерпевшими явное поражение сторонниками переворота и взявшими в свои руки власть представителями законного режима. После еще нескольких призывов разойтись войска императора открыли огонь и восставшие, пытавшиеся было вначале ответить тем же, вскоре поняли, что для них лучше поскорее разбежаться, что они и сделали.

Услыхав о поражении на Сенатской площади, 29 декабря на юге страны выступило несколько подразделений разных полков, которые возглавил С. Муравьев-Апостол. Но в решающей битве с кавалерией восставшие 3 января 1826 г. потерпели поражение, после чего сдались и в большинстве своем были арестованы. На этом неудавшийся военный переворот и завершился. Он не имел широкого резонанса, скорее, напротив, был выдан властями за легко подавленный небольшой инцидент. Впрочем, это не помешало тому, что о декабристах быстро узнала вся мыслящая Россия. Более того, о их узнали и на Западе, где

неудавшийся переворот был справедливо оценен как часть всевропейского движения против реакционных монархий. Можно было бы добавить к этому, что это действительно был некий отзвук именно буржуазной революции и наполеоновских войн, преобразивших Европу. Но как раз в связи с этим возникают определенные сложности. Они стоят того, чтобы уделить им особое внимание.

ДЕКАБРИСТЫ И РОССИЯ

Начнем с того, что после длительного судебного следствия пятеро декабристов, П. Пестель, К. Рылеев, П. Каховский, С. Муравьев-Апостол и М. Бестужев-Рюмин были повешены, а остальные, свыше 120 человек, осуждены на долголетнюю каторгу и поселение в Сибири. Показательно, что многие из них, если не большинство, были представителями высшего света, т.е. элиты русского дворянства. И практически все они, цитируя известные слова вождя русских большевиков, были «страшно далеки от народа». А если принять саму собой напрашивающуюся мысль, что лишь буржуа как представители «третьего сословия», которого в России не существовало, могли быть близки к народу, но их тогда тоже еще не было, то вывод окажется недвусмысленным. Восставшие заговорщики оказались действительно совершенно оторваны от народа.

Декабристы могли рассчитывать на сочувствие и понимание некоторых очень немногих русских дворян, не принимавших участия в перевороте, причем среди них были не только такие великие гении, как А. Пушкин. Члены семей осужденных на каторгу, как известно, горячо сочувствовали им. Особенно выделялись на этом фоне их молодые жены, великая гордость России, позже воспетые Н. Некрасовым, значительная часть которых последовала за ними в далекую Сибирь, где они, отказавшись от привычной великосветской жизни, скрашивали, как могли, пребывание на каторге и в ссылке их мужей, да и всех остальных осужденных. Но, как то ни покажется странным, сочувствия и вообще внимания со стороны остальных слоев народа страны великосветские бунтовщики не ощущали. Их революционный порыв прошел мимо этого самого народа, что резко отличало Россию от всей Европы, включая и не слишком развитую в плане буржуазного производства Испанию, на военный переворот в которой декабристы столь заметно ориентировались. Испания оказалась другой. Она была в немалой мере проникнута и даже реально затронута принесенными туда на штыках наполеоновской армии идеями революции. А Россия

и прежде всего ее народ, включая и массы крепостных, эти идеи не приняли. Более того, они о таких идеях почти ничего не знали. Для них декабристы если и не были равны армии Наполеона, спровоцировавшей всенародную Отечественную войну, в том числе и партизанскую, то не были и их защитниками, тем более болеющими за них. И это одна из великих социополитических трагедий России.

Не стоит забывать, что Россия была в культурном отношении крайне отсталой. Газеты и журналы, в том числе на европейских языках, с начала века (после Павла I) свободно издававшиеся и появлявшиеся в России, не были предназначены для народа, который их не читал. Их не читали, видимо, и те представители нарождавшейся предбуржуазии, которых в стране было еще крайне мало и кто был абсолютно чужд политике, занимая свое скромное место намного ниже слоев общества, понимавших смысл происходящего в Европе. Словом, ни к какой буржуазной революции, — т.е. радикальной перемене общественного строя, который предложил бы народу гражданские права и свободы, либерально-конституционные институты и построенную на этой основе принципиально новую систему управления страной, Россия и основная масса ее населения готовы не были.

Справедливости ради стоит заметить, что и в ходе французской революции главную роль, вспомним, играли не сами буржуа и вообще третье сословие, а те, кто был достаточно образован для того, чтобы формулировать интересы этого сословия. Но при всем том делегаты от третьего сословия принимали активное участие в работе выборных революционных органов, а народ Парижа, да и всей страны поддерживал основные идеи революции, порой впадая при этом в недопустимые крайности. Россия была совершенно другой. Она еще не пробудилась от ставшей привычной для нее — как и для многих стран Востока — консервативной стабильности. А искусственное замедление правящей элитой, включая столь просвещенного правителя, как Екатерина II, процесса пробуждения привело страну впоследствии, как то хорошо известно, к следовавшим одна за другой катастрофам неслыханного масштаба. Но факт остается фактом, и потому никакими патриотическими приветствиями в адрес тех действительно мужественных воинов, да и всего народа, которые выиграли войну с Наполеоном, ситуацию не изменишь. А суть ее в том, что не только и не столько великая победа в Отечественной войне, сколько ее вполне очевидные последствия, не пробудившие страну, но лишь способствовавшие продлению ее полусонного состояния, сыграли свою роль.

Декабристы — и это их главная заслуга перед Россией — не пожалели себя и всей своей более чем благополучной жизни и карьеры ради того, чтобы вместо Наполеона разбудить Россию. Но и они добиться этого не сумели, да и просто не могли. Страна не пробудилась от их выступления. Она даже не всколыхнулась, не услышала ничего о содеянном ими. Разумеется, это никак не умаляет героизма тех, кто попытался совершить переворот. Больше того, нельзя не отметить, что шансы на удачу — пусть мизерные — у переворота были. Но военный переворот такого типа, столь часто встречавшийся примерно в те же годы в гораздо более мелких государствах Латинской Америки, едва ли мог в обстановке, очень похожей во многих отношениях на латиноамериканскую, рассчитывать на серьезный успех даже в случае удачи. Как ни горько это осознавать, но планы изменить общественный строй России, разработанные не слишком тщательно и мало рассчитанные на сочувствие и активную помощь большинства народа страны, были нереальны. Они были обречены, как это видно на примере все тех же многих латиноамериканских стран, добившихся независимости, но долго не очень хорошо понимавших, что делать дальше.

Значит ли это, что декабристам не следовало делать того, что они сделали? Отнюдь! Перед нами самое безумство храбрых, которое стоит воспеть. Декабристы не словом, а делом доказали свою заботу о благе России. Они в общем-то хорошо понимали, что от полусонной России большой помощи им не дожждаться. Но они резонно рассчитывали разбудить если не всех, то хоть кого-то. Они полагали, что успех переворота поможет создать условия, при которых Россия сможет, пусть не сразу, воспрянуть духом и начать преобразоваться, как то происходило во всей Европе. И как знать, сумеи проявить большую организованность и действовать энергичнее, они, не исключено, добились бы чего-то большего. Ведь весь XVIII в. был в России буквально наполнен успешными дворцовыми переворотами. Но в любом случае переворот декабристов, отнюдь не дворцовый, не мог стать чем-то вроде революции. Реальных шансов на это не было. Россия к этому не была готова.

РОССИЯ НА КАВКАЗЕ

Зато Россия была очень даже готова к тому, чтобы любыми методами расширять пределы империи. Добровольное присоединение к ней по условиям Георгиевского трактата 1783 г. окруженной исламскими государствами Грузии и сближение после этого с православной Арменией, а также активные действия русских войск на рубеже

XVIII–XIX столетий в Закавказье с захватом ряда мусульманских ханств объективно поставили перед Россией нелегкую задачу закрепить за собой свои новые владения. Примерно с 1817 г. это привело империю к длительной Кавказской войне, которую реально вел назначенный в том же году главнокомандующим генерал А. П. Ермолов. Ермолов вел войну с вольнолюбивыми горцами, в основном мусульманами, весьма жестокими методами, используя тактику окружения их казачьими кордонами, уничтожения аулов и перемещения их населения. Им создавались одна за другой крепости, становившиеся важными точками опоры в медленном, но неуклонном продвижении русских по территории всего Кавказа, оказывавшего отчаянное сопротивление. Мало того, на долю того же Ермолова и ведомой им армии, прежде всего русских казаков, выпадала нелегкая и неблагодарная задача подавлять то и дело вспыхивавшие восстания в тех местах, которые, казалось бы, уже были захвачены и усмирены.

Словом, завоевание и закрепление завоеванного русскими Кавказа было нелегким делом. При Александре I оно было лишь начато. Но стоит заметить, что уже к концу его правления Кавказ стал, с одной стороны, местом ссылки непокорных в район боевых действий, а с другой — какой-то почти сказочной и очень притягательной для выросших на равнине русских страной. Страной высоких гор и глубоких ущелий, невиданной красочной природы и необычных для России вольнолюбивых горцев. Позже, уже в николаевские времена, эта страна и ее люди с огромной симпатией были описаны в произведениях лучших русских писателей, начиная с А. Пушкина и М. Лермонтова и кончая Л. Толстым, каждый из которых побывал на Кавказе и многие из которых сами принимали участие в военных действиях. Можно сказать, что с тех пор и особенно после публикации многочисленных стихов, поэм, рассказов и повестей о Кавказе и кавказцах Россия навечно связала себя с этой вновь присоединенной к ней частью империи. Кавказ, помимо прочего, не знал крепостного права, а потому и населявшие его горцы столь очевидно и зримо казались русской дворянской элите людьми, не похожими на терпеливых и готовых молчаливо сносить обиды и несправедливость русских крестьян, готовых лишь в крайнем случае поднимать отчаянные бунты. Тесные родовые связи, нормы кровной мести, горделивое сознание горца, не готового сносить обиду, — все это было для русских если и не совсем новым, то во всяком случае чем-то очень даже заслуживающим внимания и потому становившимся в центр поэтических и прочих сюжетов русской литературной классики.

Глава пятнадцатая. ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ НИКОЛАЯ I

Следует еще раз напомнить, что идеи, развивавшиеся декабристами, в немалой их части разделялись образованными русскими людьми. Однако спецификой развития отечественной мысли было то, что речь могла идти только о достаточно образованных людях, много читавших хотя бы произведения французских мыслителей века Просвещения (разумеется, на французском же языке) и потому имевших какое-то представление о самом предмете. А в России начала XIX столетия такие люди были лишь в среде дворянства, причем в первую очередь великосветского, представители которого, как правило, свободно знали иностранные языки и были хорошо по тем временам политически эрудированы. Вспомним первые строки великого романа «Война и мир» Л. Толстого, которые начинаются с речей на французском в великосветском салоне мадам Шерер.

И эти высокопоставленные дворяне, причем только и именно они, жалкая горстка — правда, очень влиятельная — во всей тогдашней России, могли понимать сущность революционного процесса в Европе и те ужасные последствия, которые могла принести России затяжка с решением вопроса о крепостном праве. Больше того, все это хорошо понимали многие и при императорском дворе еще в конце XVIII столетия, во всяком случае со времен переписывавшейся с Вольтером Екатерины II. Сознавали это и ее внуки, начиная с Александра I. Не был глупее других в этом смысле и его брат Николай I. Он, как то хорошо известно, не постеснялся лично пойти в театр, дабы посмотреть гоголевского «Ревизора» и после окончания спектакля заметить, что досталось всем, а ему, пожалуй, более других. Согласимся, что эта реплика стоит немалого, особенно на фоне той суровой цензуры, которую тот же царь ввел в стране. А он ее вынужден был ввести. Почему же?

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

А что было ему делать? С одной стороны, он избавился от Аракчеева и покончил с мистикой. Он даже, как упоминалось, реабилитировал умного и прогрессивно мыслящего М. Сперанского и поручил ему важную работу по составлению кодекса законов. Был создан специальный комитет, которому следовало детально разобраться с бумагами времен правления Александра I, которые касались проблем пересмотра принципов управления страной. И все это по меньшей мере свидетельствовало о том, что идеи декабристов (идеи, а не методы

их осуществления, за что они и поплатились, хотя, к слову, не чересчур жестко, особенно по сравнению с тем, что стало нормой для правителей России в следующем веке) были ему если и не слишком близки, то все же понятны и в принципе не вовсе излишни для страны. Однако, с другой стороны, Николай I хорошо сознавал, что в глазах всей России, включая не только великосветское общество, но и среднее и низшее дворянство, он не должен проявить слабость. В противном случае управлять страной, которая вполне может с течением времени пойти, что называется, вразнос, будет крайне трудно, если не вовсе невозможно. Это было доказано историей страны полувеком позже, после освобождения крестьян. Пока же здравый смысл вкупе с интуицией не мог не подсказать ему, что с радикальными реформами спешить не стоит. Скорее, напротив, стоит позаботиться об укреплении самодержавной власти. И именно это было сделано после создания в 1826 г. новых отделений собственной его величества канцелярии, пока еще не слишком многочисленной, но зато облеченной большими полномочиями и очень деятельной.

Нам в основном известна активность третьего отделения во главе с графом А. Бенкендорфом, причем прежде всего потому, что оно страшно досаждало Пушкину, да и иным свободомыслящим выдающимся личностям периода правления Николая I, которое для русской культуры оказалось — тоже малообъяснимый парадокс! — временем блестящего расцвета (А. Пушкин, М. Лермонтов, Н. Гоголь, А. Грибоедов, М. Глинка; начало великого пути Ф. Достоевского, И. Тургенева, И. Гончарова, Н. Некрасова, М. Салтыкова-Щедрина, да и немало количества других видных и в основном прогрессивно мыслящих деятелей). Однако не стоит забывать, что созданное параллельно с очень небольшим по его численности третьим солидное второе отделение ведало составлением законов, о чем уже было упомянуто. А появившееся чуть позже, в 1828 г., после смерти матери императора, четвертое отделение при всей жесткости официального руководства министерства просвещения во главе с графом С. Уваровым немало сделало для развития в стране системы учебных заведений. Возникло значительное количество таких учреждений, начиная с института подготовки профессоров в Дерпте и Главного педагогического института до разных университетов, институтов, гимназий и училищ, а также довольно большого количества приютов, больниц и богаделен.

Проблемы крепостных крестьян и вообще зависимости земледельцев и связанных с этим феодальных привилегий достаточно быстро

и чаще всего безболезненно решались в Европе именно потому, что землевладельцы феодального типа, как упоминалось, вынужденно уступали место буржуа, которые, помимо того, что энергично развивали промышленность и торговлю, немало делали и для переустройства отсталого крестьянско-феодального сельского хозяйства. Охотно занимаясь всем тем, что вело к увеличению его товарности (движение такого рода ранее и заметнее всего проявило себя в Англии в связи с не раз упоминавшимся огораживанием), буржуа попутно решали все те сложные вопросы, которые в России вынужденно оставались нерешенными прежде всего потому, что развитием товарности сельского хозяйства здесь в основном занимались сами дворяне, увеличивавшие долю барской запашки.

Впрочем, дело было не только в этом. В стране абсолютно преобладали средние и мелкие помещики, которые особенно цепко держались за свои права над оказавшимися под их властью крепостными душами (вспомним тех, с кем имел дело Чичиков в незабываемых «Мертвых душах»). Власти пытались сделать кое-что для ограничения произвола помещиков. Более того, по крайней мере некоторые помещики сами уже ощущали невыгодность труда крепостных, особенно заметную при сравнении их с государственными казенными землепашцами, усовершенствованием быта и организацией самоуправления которых с 1836 г. стало ведать особое пятое отделение императорской канцелярии, преобразованное вскоре в министерство. Руководивший этим министерством П. Киселев и все тот же М. Сперанский в 1840-х гг. в рамках специальных комитетов пытались сделать что-либо и для крепостных крестьян, для ограничения произвола помещиков, но из этого не слишком много получалось, ибо дворяне стояли за свои привилегии, что называется, насмерть. Они, как правило, предпочитали закладывать и перезакладывать свои имения, часто боялись крестьянских волнений, но при всем том ни за что не желали лишаться этого источника дохода, ибо иного у них, как правило, не было. Николаю приписывают следующую оценку ситуации: *«Нет сомнения, что крепостное право в нынешнем его у нас положении есть зло, для всех ощутительное и очевидное; но прикасаться к оному теперь было бы злом, конечно, еще более гибельным»*. Неудивительно, что при таком положении дел и подобном восприятии ситуации в стране острейшая задача отмены крепостного права повисала в воздухе.

Еще одно важное обстоятельство не следует упускать из виду. Русская квазибуржуазия (в основном купечество, подчас традиционно восточного типа), насчитывавшая уже немало веков своего существо-

вания и развития, была крайне отсталой и специфичной в силу ряда серьезных обстоятельств. Во-первых, ее развитию — а оно всегда и везде сводилось к экономическому процветанию — мешало крепостное право с его слабо развитой и медленно развивавшейся товарностью. Во-вторых, все крупные предприятия в стране по меньшей мере со времен Петра I в немалой степени были казенными либо полуказенными. Иногда они принадлежали богатым дворянам. Это вело к тому, что производство оказывалось нерентабельным и нуждалось в дотациях. Соответственно производительность труда была невысокой, а накопление средств медленным. Механизация производства и закупка зарубежных машин обходились дорого, развитие шло невысокими темпами. Не слишком велик был и спрос на продукцию промышленного производства. Если в те же годы в США фермер с целью увеличения производительности труда спешил обзавестись техникой, то для русских помещиков это было делом не слишком выгодным, и большинство из них предпочитало вести дело по старинке, благо труд крепостных был даровым. Железные и иные дороги (водный транспорт с пароходами, шоссе) даже в середине века, в последние годы правления императора Николая I, только-только появлялись. Основным предметом русского экспорта по-прежнему оставалось сельскохозяйственное сырье, особенно зерно. Очень небольшим спросом пользовались ткани и некоторые изделия из металла, шедшие на рынки соседних стран Востока.

Справедливости ради необходимо упомянуть, что в годы правления Николая I в России были проведены серьезные экономические реформы. Одна из них была осуществлена министром финансов Е. Ф. Канкриным, сумевшим привести в порядок расстроенную денежную систему, ликвидировав обесценивавшиеся ассигнации и сделав основной единицей серебряный рубль. Установленный им в 1826 г. высокий таможенный тариф позволил русским предпринимателям и торговцам улучшить условия конкурентной борьбы с импортерами. А закон 1842 г. об «обязанных крестьянах» объективно способствовал освобождению крепостных за выкуп, хотя и оставлял за ними землю лишь на правах аренды. Впрочем, широкого применения этот закон среди русских помещиков не получил. Чуть лучше обстояло дело с серией реформ, касавшихся казенных крестьян, забота об улучшении жизни которых была, как упоминалось, целью министерства Киселева, стремившегося к внедрению сельскохозяйственной техники и к росту товарности хозяйства землепашцев. Есть сведения, что для них,

по замыслу реформатора, должны были также строиться школы и даже больницы. Однако едва ли это было всеобщей нормой.

Если пытаться подвести некоторые итоги, то неизбежно создается впечатление, что в стране после восстания декабристов стали уделять больше внимания тем радикальным проблемам, которые могли бы способствовать преодолению ее отставания. Можно даже считать, что и сам царь в начале своего правления был, подобно его предшественнику, не таким уж явным ретроградом, как его привычно описывали отечественные публикации, включая школьные учебники, в годы советской власти. Другое дело, насколько успешными были попытки что-то изменить и как относилось к ним население России.

РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Ответ на эти важные вопросы следует искать в настроениях общества и в тех сдвигах в этой важнейшей для страны сфере ее реального бытия, которые стали достаточно ощутимыми за тридцатилетие правления императора. Сдвиги, о которых теперь пойдет речь, были более чем значительными. Но, не преувеличивая их значения, стоит оценить их по справедливости, обратив внимание на самое основное. Начать следует с того, что менее всего изменилась основная часть народа страны, ее землепашцы с их устойчиво сохранявшимся архаичным сознанием. Несмотря на все реформы и попытки реформ, русские крестьяне, особенно если иметь в виду центральные, а не окраинные районы государства, закрепощенные и лишенные не только зачатков образования и элементарной грамотности, но и представления о том, в каком мире они живут, оставались точно такими же, что и прежде. В массе своей они были — как ни кощунственно прозвучит такое утверждение — вполне удовлетворены своим привычным положением и приступали к решительным протестным действиям лишь в тех крайних случаях, когда их жизнь по произволу какого-нибудь помещика-садиста превращалась в сплошную муку. Архаизм их бытия проистекал прежде всего из привычки к патернализму («Барин вот приедет, барин нас рассудит», как писал об этом Некрасов) и к той самой консервативной стабильности, что в принципе была характерна для всего Востока и что отличало Восток от Запада со времен античности на протяжении тысячелетий.

Русский крепостной крестьянин, да и не только крепостной, хотя он прежде всего и в наибольшей степени, был элементом восточной структуры, которая отнюдь не была чуждой России даже после Петра I.

Разумеется, такого рода существование подавляющего большинства населения нельзя было считать нормальным, что сознавали практически все, кроме — как то было и в южных штатах США по отношению к рабству — тех, кто жил и обогащался за счет их фактически дарового труда. Но в США существовали аболиционисты, рисковавшие жизнью ради освобождения негров. Там началась и с успехом закончилась гражданская война, которая привела к ликвидации рабства. В России же дело обычно ограничивалось подавлением бунтов и пассивным констатированием на высшем уровне печального, но вполне реального факта, сводившегося к тому, что без серьезных катаклизмов освобождения крепостных не добиться. А идти на гражданскую войну только что пережившая попытку военного переворота страна (а точнее, ее элита во главе с царем) явно не решалась.

Ситуация, основные параметры которой определялись невозможностью в то время радикально решить проблему крепостного рабства без серьезных потрясений, становилась, однако, все более болезненной для общества в целом. Российское общество было больным, причем болезнь была сродни неизлечимой раковой опухоли, которую следовало бы поскорее удалить, но некому, да и боязно взяться за это. Не было ни сил, ни желания, ни специалистов, готовых пойти на необходимую операцию. Оставалось ждать. Но при этом само по себе нетерпеливое ожидание необходимейших перемен было в XIX столетии с каждым годом все более заметным и касалось все большего количества недовольных. Более того, в середине века количество недовольных уже не ограничивалось кругом великосветской знати, как то имело место в момент восстания декабристов. Число недовольных и стремившихся открыто высказать свое мнение с каждым годом становилось все шире, что было естественным результатом увеличения внимания к народному образованию и вовлечения в круг образованных представителей разных социальных слоев, преимущественно из числа городского населения.

Конечно, по-прежнему преобладали дворяне. Но, во-первых, это были не столько крепостники, сколько дворяне, склонные к либеральным суждениям, а также те, кто обрел дворянство сравнительно недавно на службе, т.е. не имел поместья, а являлся обычным чиновником, выходцем из среды бюрократии, численность которой постоянно росла. Во-вторых, рядом с дворянами оказывались, причем начинали играть все более значительную роль в общественной мысли страны так называемые разночинцы, т.е. образованные представители из купцов, мещан, духовенства. Именно из таких разночинцев и начала как раз

в то время формироваться русская интеллигенция — слой необычный для других стран, как западных, так и восточных, но именно в России игравший в некотором смысле едва ли не первостепенную роль.

Эта роль в России выпала на долю интеллигенции совсем не случайно. Она была вынуждена взять на себя социополитическую функцию, которую почти во всей остальной Европе играла давно укрепившая свои позиции и активно боровшаяся за влияние и власть торгово-промышленная буржуазия, как ведущая и наиболее подготовленная к радикальным переменам часть третьего сословия. На Западе интеллектуалы играли роль лишь идейного знамени перемен, тогда как в России было иначе. Здесь практически все, включая реализацию перемен, выпало на долю интеллигенции, при Николае I еще вполне миролюбивой и ограничивавшейся теоретическими спорами, а после него становившейся все более активной, деятельной, радикально, революционно и даже экстремистски настроенной. Собственно, это наряду с множеством иных причин, о чем специально пойдет речь в последней главе части, посвященной России, сыграло свою роковую роль в развитии событий в нашей стране в XX столетии. Интеллигенты, т.е. либерально настроенные дворяне и разночинцы, во второй трети XIX в. стали в русском общественном мнении наиболее значимой величиной. Они отнюдь не были единомышленниками. Более того, со временем сложились устойчивые группировки, западники и славянофилы, которые очень по-разному воспринимали и оценивали русскую историю, ментальность и приоритеты народа, исторические судьбы страны. Но характерно, что и те и другие были оппозиционно настроены по отношению к власти и официальной позиции руководителя министерства просвещения Уварова с его классическим лозунгом «православие, самодержавие, народность».

Об этом лозунге, ставшем важным элементом официальной доктрины империи, стоит особо сказать несколько слов. Каждый из трех принципов, включенных в него, не был случайным. **Православие** воспринималось как незыблемая основа идеологического порядка, причем под этим предлогом в стране продолжалось гонение на старообрядцев и всех сектантов. Не были в чести и представители других конфессий, хотя быть лютеранином, католиком, мусульманином либо евреем для лиц, по происхождению связанных с соответствующими странами и религиями, большим грехом не считалось. Что касается **самодержавия**, то здесь не о чем было и говорить. Гигантская по территории и многообразная по населению страна не могла управляться

иначе. Практика твердо свидетельствовала о том, что право на власть могли иметь только монархи. Даже злостные бунтовщики, будь то Е. Пугачев либо самозванцы Смутного времени, как правило, претендовали на власть и могли рассчитывать овладеть ею лишь при условии, что каждый из них выдавал себя за законного царя. Россия — это не США (хотя стоит напомнить, что и там в момент подготовки конституции вставал вопрос о монархе). И никакие идеи типа республики народ с его архаическим сознанием — особенно это касается крепостных крестьян, хотя и далеко не только их, — не готов был поддерживать, как и прочие либеральные идеи. Наконец, **народность** в том смысле этого термина, как он в триаде Уварова подразумевался, должна была свестись к тому, что именно архаика сознания, закоренелый примитив мышления, которые упорно консервировались и столетиями воспроизводились в неграмотном и далеком от идей просветительства русском народе, опять-таки прежде всего среди крепостных крестьян, давала властям возможность действовать, не опасаясь никаких общественных выступлений западноевропейского типа.

Как принято считать, русская интеллигенция, что стоит повторить, всегда отличалась тем, что была в оппозиции к власти, включая и ее официальные лозунги, преследовавшие сугубо охранительные цели ее незыблемости. И если учесть только что упомянутые социополитические функции, которые объективно выпали на ее долю ввиду отсутствия развитой буржуазии, даже хорошо осознающей свои интересы предбуржуазии, окажется, что это было естественным и само собой разумеющимся. Более того, сам факт, что она силу сложившихся в стране обстоятельств вынуждена была стать основной оппозиционной силой, следует считать ее огромной заслугой перед Россией, прежде всего и в основном перед массой отечественного крестьянства, униженного и находящегося в состоянии крепостных рабов. Но, к великому сожалению, это не помогло русскому еще не сложившемуся, практически блистательно отсутствовавшему третьему сословию.

Вся сложность проблемы российского движения к давно назревшим буржуазным преобразованиям в широком масштабе, скольконибудь сходным с западноевропейскими, сводилась к тому, что интеллигенция, как до нее и декабристы, в силу объективных причин была очень далека от крестьян. Китайская стена образования, даже элементарной грамотности и самых простейших знаний о том, что творится в мире, высоко стояла между теми и другими. Именно это исторически определенное несоответствие между высокими идеалами русской

интеллигенции и не готовым воспринять такого рода идеалы народом было трагедией для нее и для страны. Эта трагедия, длившаяся на протяжении XIX в. и завершившаяся резкой радикализацией наиболее активного меньшинства нового поколения русских интеллигентов, привела в конечном счете страну к великой катастрофе XX в., завершившейся унижением и почти полным уничтожением интеллигенции с заменой ее теми, кого А. Солженицын назвал «образованщиной». Правда, несмотря на все унижения, интеллигенция в России все же выжила. И уже по одной этой причине стоит не забывать о ее заслугах перед народом. К чему они сводились с самого начала, во времена правления Николая I?

Прежде всего оживились журналы. Они существовали и раньше, в них печатались А. Пушкин и иные русские литераторы. Но именно с начала второй трети века эти журналы стали наполняться не только литературными, но и социополитическими трудами, в которых отечественные мыслители высказывали свои идеи и стремились дать почувствовать свою боль за унижение народа. В 1836 г. с большим опозданием начали публиковаться «Философические письма» П. Чаадаева, о котором уже шла речь. К этому же времени относятся первые выступления революционного характера только что закончивших учебу в Московском университете А. Герцена и Н. Огарева. В русскую критику тогда же пришел публицист высочайшего полета В. Белинский. В кружках и беседах, в яростных спорах и смелых суждениях выковывались страстные натуры будущего анархиста международного масштаба и известного противника К. Маркса и марксизма М. Бакунина, либеральных демократов Т. Грановского, Н. Станкевича и многих других. Это была славная плеяда главных российских западников. Их установка сводилась к тому, что России следует учиться у передовой Европы и стремиться достичь тех результатов, которых она достигла и которые охотно демонстрировала всему остальному миру.

В противовес им кружок славянофилов — А. Хомяков, братья И. и К. Аксаковы, братья И. и П. Киреевские, Ю. Ф. Самарин и некоторые другие в своих журналах настаивали на исконной русской самобытности, считали чуть ли не идеалом русскую общину, ценили дух религиозной соборности. И хотя они не воспринимали всерьез формулу министра просвещения Уварова, близость их мировоззрения к официальному лозунгу была вполне заметной. Понятно, что, идеализируя самобытность крепостной России, славянофилы понимали неприемлемость крепостничества. Однако еще более энергично, пожалуй, они

не воспринимали буржуазный Запад с его революционными традициями, столь мало свойственными, по их убеждению, русским. Россия идет и должна идти своим путем — в этом все они, несмотря на определенные разногласия, сходились.

Пытаясь оценить основные идеи интеллигентов обоих направлений, стоит заметить, что немало недостатков можно найти в системе взглядов как тех, так и других. Западники, например, оценивая причины отсталости России и, надо полагать, архаичности мышления народа, склонны были возлагать ответственность за это на природные условия (холодный климат), малую плотность населения, завоевания кочевников вроде татаро-монголов и т.п. Нет слов, все эти факторы, особенно татарское иго, сыграли свою роль. Но ведь неласковый климат и малая плотность населения присущи и многим другим северным европейским землям, в частности скандинавским, от Исландии до Финляндии. Правда, до них не докатились татары. И это очень важно. Но только ли иго всему виной? Одно ли оно обусловило сервильный комплекс, столь свойственный народу нашей страны вплоть до сегодняшнего дня? И нет ли еще и иных причин, связанных, к примеру, с тем, что народ был не знаком с тем самым антично-западным стандартом бытия, который западники столь ценили?

Добавим к сказанному, что западники нередко пытались свести все невзгоды к тому, что русское государство всегда было чересчур деспотичным. Сразу же невольно возникает вопрос, не связана ли такая оценка с тем, что в те времена, когда шла оживленная полемика западников со славянофилами, да и значительно позже, было еще сравнительно мало известно о сущности восточных государств? А ведь эта сущность (власть-собственность и жесткая централизованная редистрибуция), о которой так много сказано в данном издании, была весьма близка традиционной русской государственности. Россия до Петра I была гораздо ближе к Востоку, нежели к Западу, да и после него не слишком в этом плане изменилась. Правда, резко изменилась ее высокопоставленная дворянская элита, свободно говорившая по-французски. Тянулись за ней в этом смысле — но без особого успеха — и дворяне рангом пониже. Затем пальму первенства твердо взяли в свои руки лучшие представители русской интеллигенции. Но все эти разные слои российского общества второй трети XIX столетия были в сумме своей лишь ничтожным меньшинством населения империи. А огромное, подавляющее его большинство не имели ничего общего с Западом, и все старания отечественных западников поэтому в реальности почти не имели перспективы.

Если поставить вопрос о том, чего же хотели и к чему стремились русские славянофилы, то окажется, что при всем естественном разнообразии их идей они в общем и целом идеализировали допетровскую Русь и ее самобытность, даже православную церковь (стоит заметить, не только веру, *святую Русь*, но и церковь). Понятие соборности как стремление народа к коллективному постижению великой истины, Бога, обычно противопоставлялось ими индивидуализму Запада и западного христианства. При этом идеализация допетровской Руси была настолько гипертрофированной, что порой диву даешься, как можно было не понимать вопиющих гнусностей прошлого. Это прошлое, начиная с нелепых ссор князей в борьбе за великокняжеский стол до татар и кончая готовностью — со времен провозглашенного церковью святым Александро Невского — униженно вползать в юрту татарского хана за помощью в такого рода братоубийственной борьбе, отвратительно. Но если даже кое-кто из славянофилов видел эти гнусности и выступал против них, они были склонны объяснять их то дурным влиянием на Русь Польши и Литвы, то резонным отсутствием на Руси римского права, которое несовместимо с русской натурой, с ее высоким уровнем нравственности. Где они увидели выдающийся уровень этой нравственности? Да еще явно по сравнению с противопоставленным России Западом?

Конечно, взгляды славянофилов и западников, взятые вместе, в условиях постоянной и оживленной полемики, раздражали и не могли не раздражать императора и его правительство. Верхи России чувствовали бы себя спокойнее, если бы таких рассуждений было меньше. Ведь за полемикой шла свобода высказанных мнений, а за этим новые мнения, порой достаточно радикальные. И неудивительно, что апогеем развития деятельности различных кружков, направленных чаще всего на критику российского самодержавия, стал конец 1840-х гг., когда до России докатилась последняя парижская революционная волна. Эта волна окатила революционным духом уже достаточно зрелую и многочисленную общественность, в основном все ту же интеллигенцию, особенно ту ее часть, что была ориентирована на Запад. Члены наиболее радикальных кружков, в том числе так называемые петрашевцы (кружок активного пропагандиста идей утопического социализма М. Боташевича-Петрашевского, в который входил и юный Ф. Достоевский), были арестованы и сурово наказаны.

Вообще император Николай I, как и его предшественник, к концу жизни заметно изменился. Он стал менее открытым к реформам и более склонным к жестким решениям. В частности, послал русскую

армию на помощь Австрии, которая буквально разваливалась на части в 1848 г. Мало того, после этого открытого выступления в защиту монархической реакции в Западной Европе император, словно спохватившись, стал вводить в стране цензуру, громить кружки как западников, так и славянофилов, арестовывая при этом их активных членов, а также строго следить за благонадежностью аппарата администрации. Неизвестно, как долго продолжалась бы эта реакция, если бы не Крымская война, приведшая не только к поражению России, но и к смерти ее правителя.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ

Обратим теперь специальное внимание на внешнюю политику Николая I. В отличие от политики Александра I, она не была отмечена успехами вроде уничтожения армии Наполеона. Однако внешнеполитический курс николаевской России заслуживает более позитивной оценки, хотя нельзя не признать, что конец ее, связанный с Крымской войной, был результатом грубого просчета. Но обо всем по порядку. Начать с того, что созданный Александром I при активной поддержке Меттерниха «Священный союз» просуществовал не слишком долго и почил в бозе в начале правления его преемника. Николай I не стремился, вопреки смыслу союза, бороться с либеральной крамолой повсюду, исходя лишь из достаточно неопределенных принципов легитимности. Трещина в политике «Священного союза» стала весьма заметной, как о том уже шла речь, в годы восстания греков против господства Османской империи. И если тогда, в самом начале восстания, Александр I колебался и поддержал было Меттерниха и принципы союза, то позже стал сомневаться в разумности этого. Что же касается Николая I, то у него сомнений не было. Национальные интересы России превыше всего. Священный союз перестал существовать, православная Греция обрела поддержку России, а отношения с Османской империей в очередной раз оказались на грани войны.

Однако первым в военный конфликт с Россией в районе Кавказа вступил Иран. Подготовленная английскими офицерами к новым условиям ведения войны иранская армия в 1826 г. вторглась в южную часть восточного Закавказья, а воодушевленные этим только что усмиренные русскими ханства подняли восстание. Восстания были подавлены, русские войска вскоре оказались в иранском Тебризе, так что Ирану оставалось вступить с Россией в мирные переговоры, с чем были согласны и англичане, смертельно боявшиеся дальнейшего продвижения русской

армии на юг. По условиям Туркманчайского договора, заключенного в феврале 1828 г., Ереван был присоединен к России, выплачивалась немалая контрибуция. Договор завершил процесс присоединения к империи большей части территории Грузии и Армении, а также значительной территории Азербайджана. Однако эпилог эпопеи, связанной с этим русско-иранским конфликтом, оказался трагичным.

Как известно, в связи с установлением дипломатических отношений в Тегеран в декабре того же 1828 г. прибыла русская миссия во главе с А. Грибоедовым. Установив контакт с высокопоставленными представителями правящей элиты Ирана, включая наследного принца, русский посланник сумел расстроить намечавшийся союз Ирана с Турцией, что было его немалой заслугой. Но одновременно, опираясь на один из пунктов Туркманчайского договора, предусматривавший возвращение российских подданных, Грибоедов неосмотрительно устроил в посольстве убежище для нескольких лиц, включая женщин из гарема важного иранского сановника, которые пытались эмигрировать в Россию. Это вызвало широкое возмущение в тегеранских мечетях и на базарах: русские обвинялись в нарушении законов ислама. Группа религиозных фанатиков напала на здание посольства и уничтожила всех, кто в нем находился. Разразился дипломатический скандал, завершившийся официальными извинениями и отправлением в Россию в качестве подарка одного из самых больших известных миру алмазов, взятых в свое время правителем Ирана Надир-шахом в казне ограбленной им столицы Индии Дели.

Параллельно Россия, используя ослабление Османской империи после нанесения ей поражения осенью 1827 г. в битве при Наварине, где англо-франко-русский флот нанес туркам и египтянам поражение и тем помог боровшимся за независимость грекам, оказалась с апреля 1828 г. в состоянии войны с Турцией. Война шла на двух фронтах: европейском, где шла борьба за Молдавию и Валахию, и кавказском, в районе побережья Черного моря. Англия была весьма обеспокоена успехами русских в этой войне, ибо боялась чрезмерного усиления империи за счет дальнейшего ослабления Турции и, в частности, того, что стратегически важные проливы Дарданеллы и Босфор окажутся в руках России. Однако ее опасения не помешали русским добиваться успеха за успехом и оказаться в Европе неподалеку от Константинополя, а в Азии в районе Батуми и Эрзерума. В сентябре 1829 г. в Адрианополе был подписан мирный договор, по условиям которого русские получили в свое владение черноморское побережье вплоть до

Поти, а в Европе оказались в районе устья Дуная. Что же касается проливов, то они были объявлены свободными для прохождения судов всех стран. Молдавия и Валахия временно были отданы под власть России (в качестве залога, пока Турция не выплатит контрибуцию), а Сербия получила автономию. Кроме всего, русские обретали свободу торговли в Османском султанате и свободу плавания по Черному морю, а также немалую контрибуцию.

Адрианопольский мир оказался одним из наиболее удачных для России. Он, помимо прочего, обеспечил и успех борьбы греков за независимость. Но главное сводилось к достижению почти полного преобладания России над Турцией, чего так не хотела Англия. Это преобладание со временем позволило, как известно, Николаю I во всеуслышание объявить султанат чем-то вроде *больного человека* Европы. Восприняв ослабление Турции как благотворный и обнадеживающий знак, российское правительство спустя несколько лет, в разгар успешной борьбы египетского паши Мухаммеда Али с турецким султаном, предложило Турции помощь. Отправленные в 1833 г. к проливам русские войска остановили наступательный порыв египтян и привели к соглашению, которое обязывало Россию в течение восьми лет защищать Турцию в случае новых военных действий, за что Турция обязывалась регулировать проход через проливы военных кораблей иных держав лишь по согласованию с русскими. Этот договор заметно усилил позиции России в районе проливов, контроль над которыми был для нее столь важен. Впрочем, спустя 8–9 лет, в 1841 г., Англия настояла на заключении новой конвенции о проливах, по условиям которой проход военных кораблей через них был допустим для всех держав лишь в том случае, если Турция находилась в состоянии войны. В результате достигнутые в 1833 г. успехи России в решении проблем проливов были сведены на нет.

Тем не менее урегулирование проблем с Ираном и Турцией как бы заново открыло перед Россией большую проблему Кавказа. Этот далеко еще не умиривший Ермоловым регион оказался теперь анклавом внутри русских владений, которые протянулись уже далеко на юг. При этом Кавказ продолжал активно сопротивляться. Более того, сопротивление возрастало. Никакие кордоны и защитные линии, даже построенная по плану сменившего Ермолова генерала И. Паскевича Военно-Сухумская дорога, соединившая Кабарду с берегом моря в Абхазии, не могли решить проблему. Кавказ оставался Кавказом. Вольнолюбивые горцы не желали подчиняться России.

Как известно, в позднесредневековое время, в XI–XIV вв., в мире ислама возникла новая и вполне оправдавшая себя форма активных военных действий, связанных с суфийскими орденами, создававшимися на основе жесткой дисциплины и абсолютной преданности простых воинов-мюридов их предводителю-имаму, наделенному сакральной властью. Такого типа орден Сефевийя в самом начале XVI столетия захватил Иран, на протяжении ряда лет веков остававшийся под властью династии Сефевидов. Другие суфийские ордена с жесткой административной структурой активно и небезуспешно действовали в Африке. Характерным преимуществом мюридов, позволявшим орденам достигать немалых успехов, была жесткая административная структура и религиозный фанатизм, сводившийся чаще всего к провозглашению поддерживавшейся Кораном «священной войны» (джихад, газават) против неверных. На Кавказе организации подобного рода стали появляться с 1824 г., а с 1834 г. во главе восставших стал знаменитый имам Шамиль. Его имамат быстро обрел очертания суфийского ордена с наследственной властью имама, обладающего сакральным авторитетом. Начиная с этого времени русские войска на Кавказе получили в качестве противника вместо разрозненных этнических общностей и племенных протогосударств хорошо организованную армию исламских воинов-мюридов, что придало Кавказской войне немало новых сложностей.

Строго говоря, война с Шамилем уже перестала быть элементом внешней политики, ибо превратилась в нечто вроде подавления восстания внутри империи. Однако на деле это была все та же Кавказская война, что началась еще на заре XIX столетия. И она с приходом к власти Шамиля разгорелась с новой силой. Правда, в 1837 г. после нескольких неудачных для него столкновений с русской армией Шамиль был вынужден отступить и даже формально признать русское подданство. Но уже в следующем году он вновь поднял восстание, успешно развивавшееся в Чечне и Дагестане на протяжении ряда лет. В 1843 г. он даже расширил зону своего контроля за счет аваров. К этому времени под его началом было, по некоторым данным, около 20 тыс. мюридов.

Вновь назначенный главнокомандующим М. С. Воронцов с 1846 г. вернулся к тактике Ермолова. Он стал строить кордоны и иные опорные базы, дабы сковать свободу действий восставших. Это затруднило действия Шамиля, но к успеху не привело. Лишь к 1853 г. вырубка горных лесов и разорение аулов стали весомо определять преимущества русских войск. Однако начавшаяся в это время Крымская война

вновь изменила ситуацию, вселив надежду в восставших. Лишь после окончания Крымской войны русские генералы сумели в 1850 г. разбить основные силы Шамиля и вынудить его к почетной сдаче в плен. Многие из его бойцов и значительная часть поддерживавших восстание народов Кавказа мигрировали в Турцию. Концом Кавказской войны считается 1864 г.

КРЫМСКАЯ ВОЙНА

Тем временем Россия неумолимо втягивалась в новый и весьма серьезный военный конфликт. Крымская война, теснейшим образом связанная с притязаниями России на проливы и стремлением императора Николая I заставить Турцию уступить его давлению, оказалась результатом не столько политико-дипломатического просчета, сколько явно недопустимого преувеличения роли России в международных делах. Успехи в борьбе за проливы, пусть и не слишком большие, равно как и возможность оказывать решающее влияние на события в Австро-Венгрии после оживления там политических волнений под влиянием революционной парижской волны 1848 г., были в России переоценены. Крайне замедленные темпы экономического развития империи, становившейся все более отсталой по сравнению с передовыми державами Запада, Англией и Францией, не давали серьезных оснований для того, чтобы считать возможным успешное противостояние этим державам, если они выступят в союзе с Турцией. Николай I, который вступил со всеми тремя державами в сложную игру, намереваясь выиграть с помощью силы, жестоко просчитался.

Вообще Крымская война заслуживает того, чтобы рассмотреть ее в более широком контексте, соответствующем тем событиям, которые были характерны для европейского буржуазного Запада середины XIX столетия. Ведь эта война была — после наполеоновских — одной из наиболее значительных. Она уступала по своей политической значимости разве что последовавшей вскоре после ее окончания франко-прусской. А для России эта война оказалась поистине судьбоносной, ибо именно с нее, точнее, с поражения России начался новый отсчет исторических событий в империи, особенно после смерти Николая I.

Итак, чтобы не упустить главное, начнем с того, что революционная волна 1848 г. вызвала волнения не только в Австро-Венгрии, куда Россия послала на помощь свой экспедиционный корпус, но и гораздо ближе, в Молдавии и Валахии, где еще недавно, около 20 лет назад, стояли, пусть не слишком долго (1828–1834), русские войска. Вернув-

шись в состояние вассальной зависимости от Османов, эти княжества, возбужденные волнениями в Европе, выступили за объединение и принятие господарем либеральной конституции. При этом стоит заметить, что активные деятели либерально-буржуазной оппозиции княжеств, в частности Валахии, предпочитали сохранение вассальной зависимости от Турции русскому протекторату. Оскорбленный Николай I еще до отправления корпуса в Венгрию ввел в Молдавию и Валахию войска. Но Турция потребовала вывода русских войск и отправила в княжества свои, дав указание ликвидировать нововведения оппозиции и восстановить законный порядок. Посланный в княжества в качестве чрезвычайного комиссара Сулейман-паша оказался, однако, уступчивым и согласился на проведение некоторых реформ, что не понравилось России, потребовавшей от султана отозвать его представителя. Султан уступил. Сулейман был заменен другими, вожди либералов высланы, после чего русский генерал арестовал остальных активных противников России.

Конвенция 1849 г. зафиксировала новые условия существования обоих придунайских княжеств. Они были лишены дарованного Адрианопольским договором права самим выбирать господарей. Молдавского теперь назначали турки, а валашского — русские. Вслед за тем в Болгарии и Боснии возникли волнения на национально-конфессиональной почве. Однако Турция, опираясь на реформы Танзимата (1839), одним из важных пунктов которых было уравнивание в правах мусульман с христианами и, в частности, призыв христиан в армию, что стало практиковаться далеко не везде, но было реализовано именно на Балканах, сумела в 1850–1851 гг. быстро погасить их. Танзимат вообще и реальные успехи турок на Балканах в частности были вызовом Николаю I, ибо свидетельствовали о явных попытках «больного человека» поскорее выздороветь, что шло вразрез с русскими имперскими амбициями. Россия вывела свои войска, но искала нового повода для конфликта и в этом своем яростном порыве явно забывала просчитывать дипломатические ходы.

Встал вопрос о *святых местах* в Палестине, которые по крайней мере со времен Крестовых походов считались сферой особой заботы католиков, чьи интересы среди великих держав представляла Франция. В то же время православные армяне и греки давно уже претендовали на часть этих мест и в годы наполеоновских войн, когда Франции было не до этого, при поддержке России явочным порядком кое-что захватили. В мае 1851 г. французы потребовали от Порты восстановить утраченное. Николай энергично протестовал, султан искусно

лавировал, а в России тем временем, с начала 1853 г., шли энергичные попытки добиться поддержки Англии. Русский царь в личных беседах с английским послом неприкрыто предлагал признать права англичан на Египет и некоторые другие территории в обмен на решение проблемы «святых мест» и русское влияние на Балканах, а фактически на русский протекторат над всеми православными подданными Турции. За этим последовала миссия князя А. С. Меншикова в Порту, где русский эmissар с вызовом пытался добиться того же, предлагая за это туркам союз против возможного нападения Франции. При этом союз между соперничавшими Францией и Англией русская дипломатия считала делом нереальным. Но Англия оценила ситуацию иначе. Кончились все такого рода не столько дипломатические, сколько силовые ходы русских деятелей тем, что Турция, заручившись поддержкой сразу и Англии, и Франции, заявила России, что султан намерен уважать своих православных подданных, но договора о российском покровительстве над ними заключать не будет.

Царь Николай I после возвращения Меншикова в конце мая 1853 г. ввел войска в дунайские княжества. Англия решила, что это практически начало войны, и в начале июня объединенная англо-французская эскадра двинулась к проливам. Однако о войне речь еще не шла, в чем обе стороны убеждали друг друга. Был выработан даже примирительный документ пяти держав (включая Австро-Венгрию). Но в Порте возмущенные улемы, узнав о призыве русского царя чуть ли не к новому Крестовому походу против турок, стали энергично давить на султана. Султан потребовал от России вывести войска из дунайских княжеств и после отказа в октябре 1853 г. объявил ей войну.

Война началась не слишком удачно для турок, потерпевших ряд поражений как в Закавказье, так и на Балканах. А после разгрома в ноябре 1853 г. турецкого флота адмиралом П. С. Нахимовым при Синопе стало ясно, что союзникам Порты настало время вмешаться, что они и сделали в марте 1854 г. Россия оказалась в состоянии войны сразу почти со всеми крупными европейскими державами. Неудивительно, что ей пришлось сначала вывести войска с Балкан, затем отбиваться от обстрелов на Балтийском море и в районе Камчатки, а с осени стало ясно, что основным центром военных действий будет Крым, а точнее, Севастополь, главная военная база русских. На протяжении нескольких месяцев союзники не раз пытались взять город штурмом, но русские войска, проявив невиданный героизм, каждый раз успешно отбивались. В феврале 1855 г. умер император Николай I, а заверше-

ние войны выпало на долю его сына Александра II и выдающихся русских адмиралов (П. С. Нахимов, В. А. Корнилов) и генералов, возглавлявших оборону Севастополя.

Севастополь держался свыше года, хотя дороги, по которым можно было подвозить продовольствие, оружие, боеприпасы и снаряжение, находились в ужасном состоянии, так что помощь приходила с трудом. Героизм русских воинов был не раз описан в русской литературе, включая начинавшего тогда свой великий путь участника обороны города Л. Толстого, и заслуживает самого высокого уважения. Но устоять против армии нескольких великих европейских держав отсталой во многих отношениях России было нелегко. Осенью 1855 г. после взятия союзниками Малахова кургана стало ясно, что город обречен. Сдача Севастополя означала — несмотря на успехи русского оружия на Закавказском фронте, где была занята важная турецкая крепость Карс, — поражение России. Император Александр II посетил Крым в это время, горячо поблагодарил русских воинов за их неслыханное мужество и повел дело к мирным переговорам. Переговоры начались весной 1856 г. в Париже, где и был в марте подписан мирный договор. Условия были не слишком тяжелы для России. Она отказалась от своих притязаний на покровительство над православными в Турции, освободила от своих войск Балканы и даже уступила южную часть Бессарабии. Черное море и проливы были закрыты для военного флота всех держав, а русский черноморский военный флот фактически потерял право на существование. Зато Севастополь, обмененный на Карс, остался, как и весь Крым, русским.

В отечественных трудах, описывавших Крымскую войну, длительное время говорилось (со ссылкой на основоположников марксизма, включая и русского), что эта война — символ гнилости и бессилия крепостной России. Нет слов, крепостная Россия отнюдь не могла противопоставить передовым державам европейского Запада ничего того, что символизировало бы ее растущую силу и тем более экономическое процветание. Но ведь дело далеко не только в этом. Много хуже то, что николаевская Россия все еще жила своим славным прошлым (в отдельных высказываниях царя накануне войны прямо говорилось, что он собирается напомнить врагам России о 1812 г.) и никак не желала откликнуться на вызовы нового времени, становившиеся все сильнее и значимее к середине XIX столетия. Страна в силу многих причин и не хотела, да и не могла идти вперед. Мало того, она очень боялась этого неостановимого движения, опасалась тех революционных волн, которые вели впе-

ред всю Европу. Россия еще не имела своей сколько-нибудь развитой буржуазии, она шла не привычным для Европы западным путем, который был уже вполне осознан даже в не слишком передовых и развитых странах Восточной Европы, включая и зависимые от Порты княжества. Все новое и непривычное встречало ожесточенное сопротивление со стороны русских царей, которые в первой половине XIX столетия один за другим к концу жизни становились откровенными ретроградами, не желавшими серьезных и давно назревших реформ.

Крымская война оказалась в этом смысле знаковой. Она действительно продемонстрировала всей России, что дальше медлить смерти подобно. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Александр II резко взял иной курс в жизни страны. Он сделал все, что в его силах, для того, чтобы Россия как можно быстрее наверстала упущенное. А для этого следовало прежде всего решить зловонную проблему крепостного права. И она, как известно, была им решена, что отнюдь не случайно прибавило к его имени славное добавление «Освободитель». Впрочем, одного только освобождения крестьян от крепостного рабства было уже недостаточно. И хотя новый царь немало сделал и для решения крайне сложного вопроса пользования землей, и для реформирования многих других сторон жизни страны, этого было уже заведомо мало. Время было потеряно, и отсталая страна с ее нерешенными позавчашними проблемами просто не могла быстро наверстать упущенное. И именно это стало главной причиной ее трагедии через несколько недолгих десятилетий. Естественно возникает вопрос, что за застарелые либо даже вечные проблемы России имеются в виду и как они, эти проблемы, оказались связанными с реформами царя?

Глава шестнадцатая. ВЕЛИКИЕ РЕФОРМЫ И СЛОЖНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Если говорить о главном, оставляя в стороне многочисленные, хотя и немаловажные, оговорки, то Крымская война в истории России сыграла роль важной и в некотором смысле даже радикальной по сути своей грани. До нее жизнь в стране текла по-одному, а вскоре после нее, сразу после начала Великих реформ, как многие их справедливо называют, совсем по-иному.

Можно и несколько уточнить эту важную формулу. Страна быстро стала преобразаться, причем сразу же во многих направлениях. Как будто был совершен некий важный скачок из уныло-неизменного прошлого в некое давно ожидаемое, но неизведанное и неясное для

большинства будущее. Скачок этот был связан — такова уж судьба России — прежде всего с реформами сверху, т.е. с решительным изменением внутривластного курса нового царя.

Император Александр II (1855–1881) при всей мягкости его характера проявил достаточную жесткость в дни переговоров о заключении в общем-то почетного для России мира после Крымской войны. Однако характер и воспитание нового царя (его основным учителем был В. Жуковский) давали надежды на большее, т.е. на то, что его царствование будет наконец соответствующим как духу времени, так и проблемам России, прежде всего связанным с крепостным рабством крестьян. И действительно, смягчение цензуры, усиление внимания к просвещению и образованию и твердое заявление уже в марте 1856 г. о том, что лучше ликвидировать крепостное право сверху, нежели ждать, когда оно будет взорвано снизу, указывали именно на это.

Александр II хорошо знал, о чем говорил и что обещал. Он еще в молодости объехал Россию и отметил, что за Уралом казенные русские крестьяне выглядят богаче тех, кто принадлежит к числу крепостных в центральной части страны. Еще в 1840-х гг. он заседал в комитетах, где Киселев, а также Сперанский и другие мудрые мужи России обсуждали проблему крепостных. Став императором, Александр II в день коронации амнистировал не только декабристов, но и петрашевцев. Чуть позже он почти полностью сменил состав правительства, а обсуждение проблемы крепостного права сделал едва ли не главным делом с самого начала своего правления, хотя и принял меры к тому, чтобы ничего не просочилось в печать, а споры по поводу деталей реформы велись негласно. Причины этого были ясны: подавляющее большинство русского дворянства — а оно оставалось главным сословием и опорой власти — были, о чем уже шла речь, убежденными крепостниками. Только постепенное, хотя и настойчиво-энергичное внедрение в общество мысли о том, что дальше с таким состоянием дел мириться невозможно, могло сдвинуть дворянство, силу которого не следовало недооценивать, с его привычных позиций.

Разумеется, Александр II хорошо сознавал, что позорное отставание России от Европы зависит прежде всего от решения вопроса о крепостных. Он видел, что Россия понемногу преодолевает свое промышленное отставание, что в стране постепенно увеличивается в числе и экономически крепнет формирующаяся под влиянием постепенной модернизации и вестернизации империи ее национальная буржуазия. Но одновременно император не мог не сознавать, что темпы развития и буржуазии,

и промышленности крайне недостаточны и что могущество России от этого заметно слабеет, особенно по сравнению с развивавшимися много быстрее западными державами. Он понимал, что только освобождение крестьян даст мощный толчок развитию страны по буржуазному пути. Больше того, его не страшили предупреждения испуганных советников, с трудом выговаривавших столь крамольные в России слова, что страна может потребовать конституцию. Этого Александр II, судя по всему, не боялся. Он явно был внутренне готов к такому ходу событий. Опасался же он, и вполне справедливо, другого, т.е. мощного сопротивления дворянства, этой пока еще основной социополитической силы в стране.

Это не значит, что император недооценивал серьезные, радикально меняющие страну объективные процессы, которые пока еще не были в дворянской России чем-то главным. Имеется в виду недовольство самого крепостного крестьянства, проявлявшееся, правда, пока еще в крайне незначительной степени. Стоит напомнить и о позиции радикальных слоев российской интеллигенции, которые готовы были вслед за Н. Чернышевским призвать крестьянскую Русь к топору. Таких радикалов в первые годы правления Александра II было еще крайне мало, причем наиболее заметные из них, например, Герцен, находились вне России. Тем не менее число их быстрыми темпами возрастало, и жертвой одного из них стал в 1881 г. сам император. Но, даже принимая во внимание все это (хотя предвидеть будущее в его полном объеме никогда еще никому не удавалось), нельзя считать, что Александр II чего-то недопонимал либо неверно оценивал. В том-то и дело, что ситуация, которая была в 1850-х гг. более чем сложной и неоднозначной, воспринималась им вполне адекватно. Вопрос сводился лишь к тому, как сделать то, что сделать многим все еще казалось почти невозможным, практически немислимым.

ОТМЕНА КРЕПОСТНОГО ПРАВА

Все началось с горячих обсуждений и проектов на самых верхах русского общества, начиная с родственников и приближенных царя. Неофициальные предложения и частные расчеты легли в основу работы вновь созданного комитета, который, естественно, учитывал все наработки более раннего времени. Комитет, ставивший своей целью найти оптимальное решение проблемы крепостного права, отнесся к своему делу более чем серьезно. Были созданы четыре редакционные комиссии, для высказывания своих мнений приезжали делегаты из разных губерний. Основные сложности сводились к двум важнейшим вопро-

сам: освобождать крестьян сразу либо постепенно, а также с землей или без нее. Царь твердо высказался за скорейшее и единовременное освобождение от крепостной зависимости всех земледельцев, а вот вопрос о земле долго оставался предметом споров. Но, несмотря ни на что, работа шла достаточно быстро, и к началу 1861 г. реформа была подготовлена и одобрена императором. 19 февраля царь подписал текст манифеста, а 5 марта «Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» было опубликовано и стало распространяться среди крестьян.

Суть закона сводилась к предоставлению всем бывшим крепостным полных гражданских прав (свобода в семейной жизни и перемещении, владении собственностью, право на договорные отношения с другими лицами и учреждениями и т.п.), а также к наделению каждого приусадебным участком. Но за этот участок и тем более ту часть полевого надела, которая переходила к ним, крестьяне должны были заплатить выкуп, а до того они оставались на положении своеобразных арендаторов, обязанных платить помещикам либо отбывать повинности на барской земле за пользование своей землей. Повсюду предполагалось создавать волостные самоуправления по образцу тех, которые были введены Киселевым для государственных крестьян. Был создан корпус мировых посредников, которые обязаны были регулировать заново складывавшиеся отношения между помещиками и их бывшими крепостными. Все помещики в течение двух лет обязывались составить уставные грамоты, в которых указывалось количество земли, фактически пользовавшейся крестьянами, а также налоги и повинности по нормам, зафиксированным в законе.

После утверждения этих грамот крестьяне оказывались в положении так называемых *временнообязанных* и освобождались от этого статуса лишь после достижения договоренности с помещиками об условиях выкупа. Когда такая договоренность будет достигнута, государство предполагало взять на себя выплату основной части выкупа в форме процентных бумаг. Этот выкуп крестьяне должны были погашать взносами в казну с рассрочкой на 49 лет (отсчет начался с момента, когда в 1883 г. был принят соответствующий закон, что в немалой степени облегчало финансовое бремя). Все эти основные положения окутывались сетью дополнительных условий, различных для каждого из основных регионов страны, будь то плодородный юг с большим количеством земли либо центральная нечерноземная полоса, где земли было мало, зато было много крестьян, занимавшихся отходным промыслом и плативших за то оброк. Эти условия влияли на размер и цену крестьянского надела.

Важно добавить к сказанному, что дворовые крестьяне, как правило, становились вольными без земли, но зато они обретали право устроиться в системе обслуги в городах, что обычно и практиковалось. В накладе, правда, нередко оставались бессемейные старики вроде описанного А. Чеховым в «Вишневом саду» старика Фирса, который, лишившись на старости лет гарантированного статуса вечного слуги, логично воспринимал освобождение крепостных как «несчастье». В этой связи существенно обратить внимание на приложения к тексту о реформах, в которых специально оговаривалось, что по меньшей мере в течение двух лет после начала реформ хозяева не должны выбрасывать на улицу старых и больных дворовых слуг. Похоже — и на примере того же Фирса это хотя и мельком, но очень убедительно было показано, — что на самом деле, видимо, случалось по-разному.

Стоит также заметить, что в реальности сохранялось немало возможностей для различных злоупотреблений, которыми с особой охотой пользовались многочисленные мелкопоместные дворяне, в чьем хозяйстве каждый крепостной ценился особенно высоко. Однако за злоупотреблениями следили посредники, так что в общем и целом закон соблюдался. А в итоге страна сразу же после освобождения крепостных, причем — на этом следует сделать особый акцент — хотя и не без волнений, но все же без особых эксцессов, довольно быстро становилась другой. В России появилось свыше 20 млн новых самостоятельных земледельцев, с которыми теперь должны были иметь дело не помещики, а государство. Но для этого следовало реформировать всю систему администрации. Иными словами, одна столь долго ожидавшаяся и потому действительно Великая реформа сразу же вынужденно повлекла за собой немало других, тесно с ней связанных. В нашей многострадальной стране, похоже, начиналась наконец эпоха радикального реформирования. Крепостничество и тесно связанная с ним отсталость вроде бы уходили в прошлое. Однако, к сожалению, это происходило на деле не слишком быстро и, что особенно важно и что сыграло роковую роль в истории страны, совсем не равномерно, часто даже не адекватно реальности.

ДРУГИЕ РЕФОРМЫ

Необходимо обратить должное внимание на сопутствовавшие отмене крепостного права важные реформы, коснувшиеся всей страны. В 1864 г. был принят закон о новом принципе судопроизводства. Идея всеобщего и одинакового для всех закона, столь характерная для бур-

жуазного Запада, впервые и, к сожалению, отнюдь не надолго пробила дорогу в России. Основой судебной реформы стала независимость суда от власти, от администрации. Судьи назначались пожизненно, судебные процессы становились не только гласными, но и состязательными. В стране появились адвокаты и присяжные заседатели. Низовой формой суда был *волостной*, в котором порой вначале могли иметь место и телесные наказания. Более высокой — так называемый *мировой*. Целью его было примирение сторон. Мировые судьи выбирались по округам и решали в основном мелкие уголовные и гражданские дела. Следующий уровень — это *окружные губернские* и, чуть выше, *специальные судебные палаты*, каждая на несколько губерний. Здесь-то и играли свою необычную, но столь важную для новой России роль *несменяемые судьи* (прокуроры были сменяемыми, ибо считались представителями власти), *адвокаты и присяжные*. Высшей судебной инстанцией был *сенат*.

Важность этой реформы не подлежит сомнению. Если раньше судебной властью над крепостными фактически обладал их помещик, а вся остальная судебная система была насквозь прогнившей и продажной, то теперь все решительно изменилось. Россия единым махом в сфере права, правовой культуры, важнейшей для буржуазного — да и любого другого — общества, сделала огромный шаг вперед. При этом не скрывалось, что в качестве основы был взят восходивший к античности западный принцип уважения к праву, чего в стране до того никогда не было. Теперь серьезные судебные дела рассматривались публично, отчеты о них публиковались. Возник институт присяжных поверенных, появилось немало знатоков права, не состоящих на службе у государства, но призванных помогать людям в поисках справедливости. К сожалению, это не стало для страны естественной нормой, но, напротив, было уничтожено большевиками через полвека и вот уже скоро столетие как практически отсутствует. Тем не менее очень важно обратить внимание на то, что судебная реформа изменила облик России в царствование царя Александра II. Но и эта важная реформа, которая одна могла бы увековечить деяния этого монарха, отнюдь не исчерпала того нового, что пришло в Россию вместе с отменой крепостного права.

Рядом с судебной производилась серьезная административная реформа. В том же 1864 г. в стране был принят закон о губернских и уездных земских учреждениях, ликвидировавший прежнее сословное, в основном дворянское самоуправление. Необходимо заметить, что разработка земской реформы началась заблаговременно, еще в 1859 г.,

и что проекты и связанные с ними дебаты шли долго. Обсуждались проблемы сословного представительства в земском самоуправлении, ставился важный вопрос о роли имущественного ценза. В итоге реформа была принята в следующем виде.

В стране была создана *система земского самоуправления в уездах и губерниях, состоящая из собраний гласных, выбранных представителей от разных сословий, и управ, т.е. постоянно действующих учреждений*. Выборы в уездах должны были производиться по куриям. При этом крестьянская комплектовалась по многоступенчатому принципу. В сельской местности выдвигались представители на *волостной сход*, там избирали выборщиков, выдвигавших из своего состава гласных в *уездное собрание*. В этой курии об имущественном цензе речь не шла. *Две других курии, дворянская и городская*, должны были состоять из тех, кто имел не менее 200 десятин земли либо недвижимость (дом) стоимостью свыше 500 руб. Они имели право выдвигать своих гласных. Избранные ото всех курий гласные уезда выдвигали своих кандидатов в члены *губернского земского собрания*. Уездные и губернские земские собрания должны были заседать раз в год, причем на первом заседании следовало выбрать *управы* (три человека в уезде, семь в губернии) во главе с предводителями дворянства, на долю которых выпадало решать текущие дела в промежутках между ежегодными земскими собраниями. *Компетенция земств была достаточно широка*. В их функции входило решение различных местных хозяйственно-экономических проблем, а также вопросов, связанных со здравоохранением, образованием, благотворительными учреждениями. В их ведении находились также дороги, тюрьмы, почта, страховое и ветеринарное дело. Земства брали на себя и заботу об организации снабжения населения продовольствием.

Средства земств были невелики. Но они имели право облагать население некоторыми поборами и повинностями, а также заводить земские капиталы, приобретать имущество. Это позволяло им как-то сводить концы с концами и содержать все те многочисленные учреждения, которые были созданы в основном для блага большинства. *Право контролировать работу земств имел губернатор*, который мог приостановить действие какого-либо решения, отправив его на вторичное рассмотрение (в третий раз в дело вмешивался сенат). Параллельно с сельскими земствами нечто подобное указом 1870 г. было создано и в городах. Здесь оставалось в силе старое членение на купцов с их гильдиями и ремесленников с отмиравшими цехами. Но при этом *все горожане, пла-*

тящие налоги и соблюдающие городские повинности, *обрели право выбирать гласных в городскую думу*. Гласные, в свою очередь, избирали управу, причем за деятельностью городских выборных органов, ведавших различными сторонами городского хозяйства и быта, опять-таки следило специальное управление по городским делам при губернаторе.

Система земств, включая и городские, была огромным шагом вперед, ибо от деятельности управ зависело очень многое, особенно в том, что касалось просвещения, лечения либо решения животрепещущих экономических проблем масс вчерашних крепостных крестьян с их чаще всего еще традиционным сознанием и неумением позаботиться о себе. На селе появились такие активные и жизненно необходимые представители земств, как сельский врач, сельская учительница. Многие русские интеллигенты, количество которых в стране быстро увеличивалось, бескорыстно шли на ничтожную земскую оплату, дабы помочь людям. Это касалось и юристов, и агрономов, и представителей многих иных специальностей. Земство оказалось тем удачным соединительным началом, которое наконец вроде бы сблизило образованных русских людей, интеллигенцию, с массами вчерашних крепостных. Оно могло добиться и большего, пусть не сразу. Но судьба решила иначе.

Дело даже не в том, что в распоряжении земств не было представителей исполнительной власти, ибо эти учреждения сознательно отделялись от государства. Конечно, такое положение ограничивало их возможности. Важнее то, что система земств была сознательно отгорожена от высшей власти в стране. Имеется в виду логично вытекавшая из этой системы проблема создания в стране органов более высокого порядка, прежде всего *общероссийского съезда представителей земств, что было уже близко к чему-то вроде парламента и практически означало введение в стране строя, напоминающего конституционный*. Такого русское дворянство, все еще задававшее тон в стране, допустить не могло и не желало. И те земства, которые выдвигали подобного рода предложения (имеются в виду съезды), наказывались, а законом 1867 г. было даже установлено, что гласные, пытающиеся тем либо иным образом выйти за пределы своей компетенции, подлежат суду. Впрочем, в этой связи стоит заметить, что в самом конце правления Александра II, в 1880 г., был все же разработан проект о создании всероссийского собрания земских представителей, пока еще только с совещательными функциями. Проект был одобрен царем утром 1 марта 1881 г., а несколькими часами спустя Александр II был убит террористами.

К числу важных реформ следует отнести и перемены в системе печати и образования. Отмена цензуры дала мощный толчок публикациям различного толка. В стране появилось немало новых журналов и газет, увеличилось количество книг, в том числе переводных. Это означало, что Россия была широко открыта для знакомства с тем, что происходило в мире и прежде всего на буржуазном Западе, откуда и шел основной поток информации. В системе образования приняли важное решение о возможности поступления в гимназию представителей всех слоев русского общества. Огромное значение обрела и университетская реформа. В немалом количестве отечественных университетов (их было уже около дюжины, некоторые с тысячами студентов и вольнослушателей) были уставы, предусматривавшие определенную автономию. И хотя для приема в число студентов обычно требовалось окончить гимназию, на определенных условиях (следовало сдать дополнительный экзамен) в их число могли попасть и выпускники реальных училищ, даже духовных семинарий. Было положено начало и достаточно широкому женскому образованию (открывались женские гимназии). Во многих различного рода институтах и на курсах девушки получали неплохое по тем временам образование, а шедший параллельно с этим энергичный процесс эмансипации помогал им устанавливать тесный контакт с мужской частью прежде всего университетской образованной молодежи и, как следствие, играть немалую роль в различного рода движениях и выступлениях, от земских забот вплоть до террористических актов.

Надо сказать, что с университетами у властей было немало проблем. Студенты в стране, еще весьма далекой от торжества буржуазных свобод и либеральной демократии, даже от конституционной монархии, начитавшись книг и оказавшись наполненными передовыми буржуазными, а подчас и радикально-утопическими, анархосоциалистическими идеями, очень часто проявляли открытое неповиновение распоряжениям начальства, пытавшегося держать их под контролем. Более того, именно в университетах текла широким потоком свободная мысль, рождавшая в умах многих из числа студенческой молодежи свойственные начитанной молодости идеи, звавшие к революционному переустройству общества. Появление таких идей в стране, еще недавно бывшей оплотом крепостного рабства, было в создавшихся условиях вполне естественным. Молодость нетерпелива. Ей — пусть далеко не всей и отнюдь не всегда — свойственно стремление ускорить кажущийся слишком медленным процесс преобразо-

вания отсталой страны. Поэтому естественно, что студенты и вольнослушатели университетов становились своеобразным рассадником не только идей, но и поступков крайне радикального свойства.

Наконец, несколько слов следует сказать и об армии. Поражение в Крымской войне было, помимо прочего (учитывая беспримерный героизм и повседневное мужество защитников Севастополя), важным сигналом, свидетельствовавшим о серьезном неблагополучии с армией. Следовало реформировать основные принципы ее комплектования, сроки службы, систему наказаний. Необходимо было обновить воинские уставы. На смену системе рекрутов пришла воинская повинность, сопровождавшаяся немалым количеством льгот, в первую очередь для учащихся и лиц с университетским образованием. Русская армия была перевооружена, обрела новое, более удобное обмундирование. Изменилась тактика пехотного боя. Был заново создан военный флот с паровыми машинами и мощной бронезащитой, с новыми орудиями.

ИТОГИ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Говоря о реформах в целом, можно твердо считать, что они положили начало решительному буржуазному преобразованию дворянско-крепостной России. Точнее, были созданы минимально необходимые условия для того, чтобы открыть дорогу к ним. Но как в реальности шел этот жизненно важный для страны процесс? Что содействовало ему и что решительно мешало? Ответ на этот вопрос помог бы понять причины того, что случилось со страной полвека спустя, когда она вроде бы уже находилась на стадии превращения в конституционную буржуазно-демократическую страну.

Начать следует с того нового, что внесла в русскую деревню отмена крепостного права. Здесь очень важно соблюсти меру и дать максимально объективную оценку. Дело в том, что марксистский акцент отечественной историографии в этом вопросе за уже почти что столетие привел к тому, что критика недостатков Великой реформы (крестьян ограбили, земли дали мало, заставили отрабатывать и т.п.) во многом заслонила как огромной важности достижения, которое принесла эта реформа, так и действительные — а не нарочито выпячиваемые — проблемы, которые вместе с реформами возникли в России. Здесь очень важно не упустить главное: речь о последствиях именно для России, а не для самих вчерашних крепостных. Это важно потому, что воспитанное веками крепостное рабство — точно так же, как и рабство американских негров — после его отмены сразу не могло уйти в прошлое.

Оставалось то, что всегда составляет квинтэссенцию рабской неволи, в первую очередь прочно укоренившееся в большинстве психологическое состояние раба, не привыкшего к самостоятельности, не слишком готового к новой ситуации в условиях отсутствия жесткой опеки. Речь не идет о тех, кто оказался одаренным природой или кому пришлось много заниматься отходным промыслом и потому быть неплохо знакомым с городской жизнью (в США к ним можно частично приравнять тех негров, кто с помощью аболиционистов давно перебрался жить в северные штаты). Но такие не были большинством, и о них следует вести речь особо. Большинство — речь теперь только о русских крепостных — обладало традиционным архаичным сознанием и, чего не стоит забывать, в немалой мере сохранило его вплоть до советской власти, как то блестяще показано в знаменитых и страшно возмущавших большевистскую элиту произведениях А. Платонова «Чевенгур», «Котлован», «Ювенильное море» и др.

Отсталость архаичного сознания вкупе с полной неграмотностью и часто с абсолютным непониманием или очень неточным восприятием процессов, происходящих в стране, сыграло свою роль в развитии России в последней трети XIX и в начале XX в. Оно, безо всякого сомнения, тянуло страну назад, в прошлое. Вначале, во времена реформ либо сразу же после них, этого еще не могли понять те (все та же совестливая русская интеллигенция, на сей раз в основном образованная и прогрессивно настроенная молодежь), кто брал на себя нелегкое бремя помочь униженному и измордованному правящей элитой народу. Позже все было осознано и хождение в народ прекратилось. Практически это означало, что субъективные устремления, направленные на то, чтобы поскорее помочь вчерашним крепостным и тем самым сразу и коренным образом изменить их жизнь, не сыграли заметной роли. Новой ситуации в стране не возникло. Скорее, напротив, взаимное непонимание между вчерашними крепостными и интеллигентами из земств вело к тому, что в пореформенной России между теми и другими объективно складывалась противоречивая и очень сложная система отношений. В чем ее особенности и сложности?

В нашей стране не было ни революционных баррикад, ни крайне жесткого противостояния многочисленного прогрессивно настроенного и жаждущего перемен третьего сословия, с одной стороны, и ожесточенной феодальной реакции — с другой. Было нечто совсем иное. С одной стороны более или менее успешные выходцы из купечества, дворянства, разночинцев, казенных земледельцев и даже

старообрядцев и некоторых из вчерашних крепостных активно старались приспособиться к быстро создававшимся в России условиям буржуазного существования. А с другой — оставалось практически в неизменном состоянии приниженное большинство, о котором только что шла речь. Еще раз важно заметить, что между этими социальными слоями не было принципиального противостояния. Но гораздо хуже то, что они, по существу, почти не взаимодействовали. Большинство вчерашних крепостных, разумеется, тоже как-то приспособлялось к новым условиям жизни, но результаты этого приспособления разительно отличались от того, чего достигали те, кто вписывался в процесс начинавшегося буржуазного преобразования России.

В отличие от упоминавшихся уже американских фермеров, стремившихся к увеличению товарности хозяйства, вчерашние крепостные крестьяне в подавляющем большинстве к производству на рынок по многим причинам не были готовы. «Справных мужиков» среди них (в большевистской лексике — *кулаков*) было еще очень немного. А все остальные вели примерно такую же бедную жизнь, что и всегда. Изменился разве что их статус. Они не были крепостными и не зависели от переделов в рамках общины, *мира*. Но жизнь их ни богаче, ни легче, ни разнообразнее от этого практически не стала. Их не секли, не продавали как скотину. Они не обязаны были работать на помещика. Они могли жениться по своей воле и формально получили немало иных прав. Но все эти новые и весьма существенные права в их жизни мало что значили. Главное для них сводилось к тому, что земли в их распоряжении не стало намного больше, а налоговое бремя (выплаты за землю) не обещало оказаться менее ощутимым.

Сложности сложившейся системы взаимоотношений проявились не сразу. Более того, они с особой отчетливостью выявились лишь тогда, когда значительная часть революционно или просто прогрессивно настроенной русской интеллигенции попыталась было пойти в народ, о чем вскользь уже было упомянуто. Но, как о том идет речь, разница между городом и деревней в России оказалась резко ощутимой преградой между теми, кто шел вперед, и теми, кто стоял на месте. Мало того, те, кто не шел вперед, сохраняли и даже культивировали присущую им и веками воспитанную рабскую психологию. И это сказалось на тех взаимоотношениях, которые в пореформенной России складывались между вчерашними крепостными и пытавшимися выразить их интересы российскими интеллигентами.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И РУССКИЙ НАРОД

Образованные люди России, среди которых всегда было много искренних патриотов, считали себя в отличие, скажем, от исламского духовенства или китайского чиновничества, причем прежде всего и именно себя (о буржуазии как признанном лидере третьего сословия в России вести речь не стоит), в ответе за судьбы русского народа, т.е. главным образом общинного крестьянства. Почему же? Отнюдь не потому, что многие из них сами были выходцами из народа (такого рода выходцами являлись образованные люди и в мире ислама, и в конфуцианском Китае). Дело прежде всего в том, что русские интеллигенты были в массе своей людьми весьма совестливыми. Их мучила **совесть**. Здесь очень уместно и существенно оговориться, что **совесть как понятие** свойственно едва ли не прежде всего и главным образом именно России, а внутри страны — русской интеллигенции. Во всех иных странах ее эквивалент имеет отношение к конфессии (так называемая *свобода совести*) и не более того. А появление и широкое распространения этого термина и понятия в русском быту прошлого века было связано именно и только с тем, о чем сейчас идет речь.

Русские интеллигенты с самого своего появления в середине XIX в. в качестве особого социально-культурного слоя стремились как-то изменить ситуацию и загладить свою не столько реальную, сколько выдуманную ими же самими их вину перед нищим и угнетенным народом. Они были хорошо знакомы с убогой жизнью и примитивными представлениями русского крестьянства о мире. Они сознавали глубину его вызванных многовековым сервильным синдромом низкого уровня культуры и полупервобытных традиций. И очень болезненно переживая все это, русские интеллигенты видели свой долг в том, чтобы раскрыть народу глаза, помочь ему стать другим, заставить всю страну осознать и преодолеть страшный разрыв между верхами и низами. Но как этого можно было достичь? Было лишь два пути.

Первый из них сводился к тому, чтобы развивать нищую культуру народа. Во многом именно это объективно способствовало расцвету в XIX столетии великой русской культуры с ее непревзойденной литературой, впечатляющей музыкой, реалистическим изобразительным искусством и многими иными великолепными достижениями. Произведения культуры экстра-класса, как предполагалось, не смогут не затронуть души людей, множества людей, и тем будут способствовать развитию самосознания русского народа. Этого, как известно,

не случилось. Никто из русских интеллигентов, включая, в частности, Н. А. Некрасова, не дождался того, чтобы русский мужик, по его же словам, понес домой с базара Белинского и Гоголя. Великая русская культура осталась непревзойденным феноменом человечества и сыграла свою роль в воспитании многих людей. Но едва ли не меньше всего она затронула русское крестьянство. Даже после освобождения крестьян высокая культура страны практически не была им знакома. Убедительна в этом смысле просветительская деятельность Л. Толстого. Для своей народной школы в Ясной поляне он писал крайне примитивные рассказы, которые одни только и могли быть поняты и прочувствованы учениками. Великая же литература, прославившая его имя, была в то время — увы! — не для них.

Некоторые надежды, связанные со все той же благой целью способствовать развитию культуры, русские интеллигенты после реформ стали возлагать на земства, т.е. на работу в гуще народа в качестве учителей сельских школ, врачей, ветеринаров и прочих грамотных и образованных специалистов, которые призваны были облегчить жизнь народа при официальной государственной поддержке. Эта работа приносила некоторые конкретные результаты, подчас даже немалые, но она была лишь каплей в море страданий и неустроенности пореформенного русского крестьянства. Однако самое сложное, даже трагичное оказалось в том, что, охотно принимая помощь и пользуясь услугами специалистов, крестьяне, будучи в ряде случаев глубоко благодарными за содействие, все же не считали представителей земства своими. Они относились к ним по-прежнему как к барам, причем формально для этого были все основания, так как образ жизни русского интеллигента и в деревне в XIX в. коренным образом (и это было вынужденным, ибо всегда оказывалось тесно связанным с различиями в уровне культуры) очень сильно отличался от того, который вели крестьяне. И это вело к тому, что серьезного контакта с народом так называемые народники не находили. Более того, когда в 1874 г. хождение в народ приняло массовый характер и начало сопровождаться политической агитацией, крестьяне стали сдавать народников властям. В итоге первоначальное народничество с его страстным желанием помочь крестьянам, просветить простых людей и вырвать их из прочных пут привычных примитивных традиций оказалось несостоятельным. Крестьяне не верили барам и не слушали их увещаний, подчас имевших достаточно радикальный подтекст. Практически это означало, что первый — мирный — путь оказался несостоятельным. Русское об-

щество продолжало оставаться резко расчлененным и потому заметно отставать в развитии.

Оставался второй путь, принципиально отличный от первого. Делая свою гигантскую, редко кому бывшую по силам и имевшую всемирное значение творческую работу, отечественные интеллигенты XIX в. свершили все, что могли. И не их вина, что сделанного ими оказалось мало, что все оно оставалось в сфере верхней высокой культуры. Не они были виновны в том, что в подавляющем большинстве своем эта культура была далекой от столь любезного им русского крестьянства и потому не воспринималась им. Но неудачами передовой совестливой интеллигенции воспользовались лишенные совести или просто не принимавшие в расчет эту важную категорию человеческой души экстремисты из числа тех *бесов*, что были столь блестяще обрисованы великим Ф. Достоевским. Заимствовав, как и все образованные люди России, свою мудрость из западноевропейских книг, экстремисты сделали ставку на революционный переворот. И хотя в основу их рассуждений тоже были положены сетования на скверные условия жизни русского народа, главное отличие их было в том, что, как они полагали, нужно действовать в основном силовыми методами. При этом речь еще не шла ни о каких массовых протестах революционного характера. Считая своим долгом помочь простому народу выбраться из того полуживотного существования, в котором он пребывал в силу исторически сложившихся обстоятельств, герои — в отличие от толпы, как большинство народа ими воспринималось, — вставали на путь террора. У этого пути было несколько последовательных этапов.

Первыми вступившими на него были нигилисты, блистательно описанные И. Тургеневым в романе «Отцы и дети». Нигилизм их, т.е. отрицание отцовской системы ценностей и связанный с этим открытый вызов и церкви, и властям, и даже всей мировой культуре во имя практических целей и будущей конкретной пользы для народа, был чем-то вроде эпатажа. Но в реальности он вел к возникновению среди образованной молодежи **принципиальной установки на реальные и решительные действия**, характер которых был вначале еще не очень ясен и порой даже воспринимался в форме создания полуутопических артелей, как то было описано в романе Н. Чернышевского «Что делать?», который в те времена был весьма популярным. Продолжая именовать себя народниками, такого рода радикально настроенная молодежь вскоре стала нарочито выглядеть аскетичной, стараться жить бедно, дабы подчеркнуть, что у нее нет иных мыслей и целей, кроме

как заботиться о нуждах народа. Зачитываясь, не считая западной, сочинениями авторитетных русских мыслителей (А. Герцен, М. Бакунин, Н. Михайловский, П. Лавров, П. Ткачев), вчерашние нигилисты со временем все чаще начинали ориентироваться на радикалов типа Г. Лопатина или С. Нечаева. В итоге в ее среде верх взяли идеи о том, что пора прибегнуть к насильственным методам противостояния власти, которая не может выполнить свой долг перед народом. И начался кровавый террор, под знаком которого прошло в России несколько десятилетий.

Террор стал целью многих кружков радикальной молодежи, принявшей решение создавать организации революционного толка. Во многих из них созревала идея начать свое кровавое дело с убийства царя. Когда еще в 1866 г. Д. Каракозов первым стрелял в Александра II, на следствии выяснилось, что он сделал это, желая отомстить царю за народ, который был обманут в результате освобождения. Однако речь шла не только о царе. Фактически революционный террор стал формой мести любым представителям власти за учиненную ими несправедливость. Только в 1878 г. члены группы «Земля и воля» совершили несколько громких террористических актов. В Петербурге стреляла в генерала Трепова В. Засулич и был заколот шеф жандармов, в Киеве был убит жандармский полковник и совершено покушение на одного из товарищей (заместителей) прокурора. С 1879 г. члены «Народной воли» решили сосредоточить усилия на подготовке убийства царя, что им в конечном счете и удалось 1 марта 1881 г. И хотя А. Желябов, С. Перовская, Н. Кибальчич и еще двое участников покушения были за это повешены, террор не только не утих, но, напротив, стал своего рода будничной нормой. Стоит вспомнить хотя бы об А. Ульянове, повешенном в 1887 г. за попытку убийства императора Александра III.

Если попытаться подвести итоги, то следует сказать, что Россия в годы после реформ совершила огромный скачок вперед. Причем не просто вперед, но по направлению к передовому буржуазному Западу. Это был наиболее значительный рывок страны в этом направлении, во всяком случае со времен Петра Великого. Однако, к великому сожалению, далеко не все в мыслящей России понимали это. Особенно если иметь в виду образованную молодежь с ее нетерпением и стремлением идти вперед более быстрыми темпами, нежели это соответствовало возможностям страны. А количество молодежи, которая имеется в виду, в России той эпохи, в условиях энергичного реформирования многих сторон жизни, не только быстро росло. Гораздо важнее то, что

новое поколение, которое выросло в условиях решительных перемен, впитывало в себя ускоренный, столь непривычный для старой крепостной России ритм перемен. И оно — во всяком случае немалая его часть — рассчитывало на дальнейшее ускорение этого темпа.

В итоге в стране создавалось опасное несоответствие между реальной действительностью и нетерпением радикального меньшинства. Это активное меньшинство не считало уже сделанное чем-то слишком важным и полагало, что нужно идти вперед семимильными шагами по принципу «куй железо, пока горячо». Но как следовало, как можно было добиться выполнения желаемого? И, собственно, чего нужно желать в первую очередь и главным образом? Вот к этому и свелась дилемма, решение которой на сей раз искали не в горячих спорах типа тех, что вели десятилетиями раньше славянофилы с западниками, а в радикальных действиях, прежде всего в начавшемся в стране страшном терроре. С этим террором и с таким общим настроением в среде образованной России и входила страна в последний период бурного XIX столетия. Этот период оказался своего рода кульминацией всего нелегкого пути нашей страны от отсталости к попытке ее преодоления как легальными, так и преступными методами. Что же стало главным в ходе этого нелегкого процесса?

Глава семнадцатая. ИМПЕРИЯ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ ВЕКА

Главным был, безусловно, быстрый рост буржуазного производства и темпов связанной с этим эволюции. Но здесь стоит отойти несколько назад и обратить внимание на весь спектр важных событий, сопровождавших время царствования Александра II, в том числе на внешнеполитические дела и проблемы экономики. Ведь российское общество, переживавшее бурный взрыв перемен и эмоций реформенного и пореформенного времени, пришедшегося в основе на годы правления царя-реформатора, стало резко двигаться вперед. Это было заметно буквально во всем. Начнем с внешней политики.

УСПЕХИ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

С 1856 г. главой министерства иностранных дел стал вице-канцлер (позже канцлер) князь А. Горчаков, чья внешняя политика оказалась более удачной по сравнению с той, что осуществляли Николай I и его министр К. Нессельроде. Взяв за основу своей политики принцип «собирания сил», утраченных Россией в ее неравной борьбе с коалици-

ей европейских держав в ходе Крымской войны, Горчаков довольно умело действовал именно в этом направлении. Укрепление внешнеполитических позиций России началось с момента коронации Александра II, когда были сделаны шаги в сторону установления связей с Наполеоном III, нуждавшимся в поддержке России в связи с обострением франко-австрийских отношений, что было результатом процесса объединения Италии. Это сближение содействовало и тому, что в 1859 г. Молдавия и Валахия, о чем уже шла речь, оказались под властью единого правителя, в чем обе державы были, видимо, равно заинтересованы. В итоге Россия вновь получила право голоса в балканских делах, которого она была фактически лишена после Крымской войны. Однако на этом франко-русское сближение пришло к концу, ибо события, развернувшиеся в Польше, заметно изменили соотношение сил между ведущими европейскими державами.

Все началось с того, что в расчлененной Австрией, Пруссией и Россией многострадальной Польше вспыхнуло восстание. Центром его стала находившаяся под властью царя наиболее крупная часть страны, так называемое «Польское королевство» («Царство Польское»). Русская Польша была весьма развитой в промышленном отношении. Буржуазное производство здесь явно лидировало. Однако большинство крестьян — в отличие от австрийской и прусской частей страны — оставалось еще опутанным феодальными привилегиями. Борьба с этими привилегиями и стремление к национальному освобождению привели к активизации ряда политических партий и к заметному усилению напряженности в русской части Польши. Волнения крестьян в 1861–1862 гг. привели к реформам (барщина на шляхетских землях была заменена денежным оброком), но это не удовлетворило поляков. Центральный национальный комитет в Варшаве и поддерживавшие его силы стали готовить восстание, которое началось в 1863 г.

Восстание было поддержано некоторыми народниками, офицерами русской армии, а вне России также А. Герценом и М. Бакуниним. Такого рода солидарность, равно как и повстанческие движения на Правобережной Украине, в Белоруссии и Литве, были серьезной помощью восставшим. Но силы были не равны, так что осенью 1863 г. восстание было подавлено. Однако Александр I в 1864 г. был вынужден дать польским крестьянам свободу и землю, что вело к более быстрому развитию буржуазного производства в Польше, нежели то было в России с ее многочисленными сложными комплексами. При этом, однако, в международных политико-дипломатических отноше-

ниях произошли перемены. Россия оказалась в союзе с Пруссией, тогда как Франция, Англия и Австро-Венгрия противостояли ей. В итоге она, однако, не проиграла, ибо результаты франко-прусской войны и процесс объединения Германии во главе с Пруссией, вкупе с благожелательной политикой Бисмарка, были ей явно на пользу. Больше того, воспользовавшись благоприятно складывавшейся для страны ситуацией, Горчаков довольно бесцеремонно заявил, что империя более не считает себя связанной обязательствами Парижского договора, ибо они ограничивают ее суверенитет на Черном море. И хотя Англия и Австрия были очень раздражены этой бесцеремонностью, конференция в Лондоне в 1871 г. приняла обновленный текст ограничений для России, в котором Черное море не было упомянуто. Это следует считать немалым успехом русской дипломатии.

Но и в других частях Евразии, где тоже сталкивались интересы России и Англии, русские стали добиваться успеха за успехом. Прежде всего нужно обратить внимание на то, что поражение в Крымской войне не помешало империи как раз в эти годы и чуть позже достаточно успешно установить свою твердую власть на Кавказе. Долгие десятилетия процесс усмирения вольнолюбивых горцев не приводил к заметным успехам. Но именно теперь, когда южная часть региона была уже прочно закреплена за Россией и какой-либо помощи со стороны Турции или той же Англии горцам ожидать не приходилось, этот процесс существенно ускорился. Политика постепенного вытеснения воинственных мюридов с помощью проведения стратегических дорог и строительства фортов, замыкающих выходы из горных долин, стала обеспечивать успешное продвижение русских войск и укрепление их в укрепленных крепостях, будущих городах.

В 1859 г. был взят приступом аул Гуниб в Дагестане, который считался неприступным и где укрывался Шамиль. Имам был с почетом препровожден вместе с семьей в Калугу, а лишившиеся своего признанного и сакрального главы мюриды вынуждены были сложить оружие. Затем наступила очередь Абхазии, откуда в 1862–1864 гг. под давлением наступавших на них казачьих отрядов немалое количество (по некоторым данным, до 300 тыс. человек) абхазцев, адыгов и иных горцев, которые известны также под сводным наименованием *черкесы*, мигрировало в Турцию. Оставшиеся вынуждены были подчиниться русским войскам, создавшим «Сухумское военное управление». Правда, вскоре после этого произошло небезызвестное Абхазское восстание 1866 г., но оно было подавлено. Россия стала активно осваивать

черноморское побережье в этом регионе Кавказа. Что касается Кубани, то там казаки и русские переселенцы к этому времени практически вытеснили кавказцев.

Параллельно с решением проблемы Кавказа Россия в те же годы активизировала свои действия на Дальнем Востоке, где генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев в 1854–1856 гг. предпринял ряд мер для закрепления за русскими территориями в районе р. Амур. Здесь он построил город Благовещенск, а в 1858 г. рядом с этим городом, через реку, в Айгуне, подписал с Китаем Айгунский договор, по условиям которого территории, неразграниченные по Нерчинскому договору 1689 г., т.е. левобережные земли Амура, перешли к России. Вскоре после этого, в 1860 г., территория между правым берегом Уссури и морем вплоть до корейской границы, некоторое время находившаяся в общем пользовании России и Китая, тоже оказалась, согласно Пекинскому договору 1860 г., под властью Российской империи. Как известно, вскоре на крайнем юге этой территории вырос город Владивосток.

И, наконец, стоит обратить внимание на колонизацию русскими Средней Азии. Следует напомнить, что движение русских на юг в районе Урала и Сибири началось вообще-то много раньше, еще в XVII в., когда на территории Казахстана существовали Старший, Средний и Младший племенные протогосударства-жузы, с принятием ислама ставшие обособленными ханствами. Уже тогда в районе р. Урал, на севере Прикаспия, т.е. в западной части современного Казахстана, появились русские города Уральск (Яицкий городок) и Гурьев. В первой половине XVIII столетия казахские ханства, постоянно подвергавшиеся набегам со стороны воинственной Джунгарии, вели с Россией переговоры о принятии русского подданства, что способствовало усилению влияния империи в этой части Центральной Азии. И хотя часть Казахстана, прежде всего на юге, вошла в состав Коканда (г. Ургенч) и Хивы, разгром Джунгарии Китаем в 1758 г. способствовал укреплению позиций России на территории большей части Казахстана. Окончательно остатки различных ханств на территории уже ставшего частью империи Казахстана были ликвидированы в первой половине XIX в. В районе Семиречья (южная часть Казахстана) в середине века была построена русская крепость Верный (Алма-Ата), вскоре после чего русские войска стали двигаться и в сторону тех территорий, что попали под власть Коканда, и, в частности, захватили Чимкент. В 60-х гг. XIX в. все казахские земли вошли состав империи. Хотя киргизы — как и казахи — еще в конце XVIII столетия вели перегово-

ры с Россией о подданстве, их земли в 20–40 гг. XIX в. стали принадлежать расширившемуся Кокандскому ханству, так что вопрос об их вхождении в состав империи всерьез был поставлен лишь в середине этого столетия. Но зато решен он был сравнительно быстро: к 1863 г., т.е. опять-таки вскоре после Крымской войны, территория северной части Киргизии стала российской, а южные киргизские земли вошли в состав империи после уничтожения Коканда в 1876 г.

Из изложенного достаточно ясно, что продвижение России в регионе Средней Азии на юг было хотя и не слишком быстрым, но планомерным и неизменным. При этом завершающая и наиболее значимая часть этого процесса пришлась именно на начало второй половины XIX столетия, когда отношения России с Англией оказались наиболее напряженными. Об Англии вновь зашла речь не случайно. Дело в том, что как раз вторая половина XIX в. была временем наиболее острого соприкосновения интересов двух огромных империй в районе Центральной и Средней Азии. Если англичане приближались к Афганистану и к ханствам Средней Азии с юга, по мере завоевания ими Индии, то русские, как о том только что было упомянуто, шли им навстречу с севера. И зона возможного контакта на протяжении нескольких десятилетий постоянно и угрожающе сближалась, чего англичане весьма опасались.

Завоевание русскими Средней Азии началось в 1864 г. С самого начала важно обратить внимание на то, что на сей раз Россия имела дело не со степными просторами и кочевыми племенами, но с районами, издревле освоенными земледельцами, густо населенными и не лишенными древних традиций государственности. И хотя государства в этом регионе не были ни слишком большими, ни сколько-нибудь крепкими, хотя они здесь сравнительно часто гибли и появлялись заново, в новой геополитической конфигурации, все это отнюдь не означало, что справиться с ними совсем не составляло труда. Разумеется, Российская империя в 60-х гг. XIX столетия была, несмотря на поражение в Крымской войне, сильнее любого из трех основных ханств, Коканда, Хивы и Бухары, существовавших в это время в среднеазиатском регионе (и даже намного сильнее всех их, вместе взятых). Но это все-таки была война, потребовавшая от страны определенных усилий. Здесь не было предложений о подданстве. Напротив, следовало предполагать намерение сопротивляться.

Однако серьезного сопротивления оказано не было. Первым из ханств, которое подверглось военному наступлению русских войск

из Верного на востоке и Оренбурга на северо-западе, было Кокандское. Крупнейший торгово-ремесленный центр этого ханства, Ташкент, ведший обширную торговлю с Россией, был оккупирован в 1865 г., после чего ханство еще несколько лет находилось в состоянии агонии, сопровождавшемся дворцовыми переворотами и междоусобной борьбой. В 1876 г. повстанцы, выступившие против русских, были разгромлены войсками генерала М. Д. Скобелева, а ханство перестало существовать. Затем наступила очередь Бухары. Русские войска овладели Самаркандом и другими городами, а Ташкент в 1867 г. был превращен в столицу Туркестанского генерал-губернаторства, в которое в качестве Ферганской области вошла и часть Бухарского ханства. Вскоре после этого бухарский хан по договору 1873 г. был вынужден признать протекторат России и открыть свою столицу, Бухару, для русской торговли.

Стремительное продвижение русских в Средней Азии не могло не обеспокоить Англию, которая, однако, мало что могла противопоставить этому. Она была вынуждена пойти на компромисс, сводившийся к соглашению о разделе сфер влияния, согласно которому за Россией, уже установившей свою власть в Коканде и Бухаре, признавались «особые интересы» в Хиве, а за Англией — в Афганистане. Соответственно в 1873 г. русские войска начали продвижение в сторону Хивы (стоит заметить, что первые походы против Хивы, расположенной рядом с русскими землями в Прикаспии, были предприняты еще в 1839–1840 гг., но по ряду причин оказались неудачными), значительная часть территории которой приходилась на пески туркмен. Хива на сей раз быстро капитулировала и признала вассальную зависимость от России. Ее города открылись для беспопытной русской торговли, а часть ханства, расположенная к востоку от Аму-Дарьи, была отдана России и присоединена к Туркестанскому генерал-губернаторству.

Присоединение большей части Средней Азии к России и превращение некоторых ослабленных этим ханств в вассалов русского царя сыграли важную роль в развитии страны, открыв неисчерпаемый источник колониального сырья, столь необходимого для быстро развивавшейся русской промышленности. Кроме прочего, военнo-дипломатический успех империи в этом регионе заметно укрепил как внутренние силы, так и престиж России. Опираясь на этот престиж, русская дипломатия стала более энергично вмешиваться в дела Восточной Европы, в частности, связанные с очередным недовольством и восстаниями балканских народов против господства Оттоманской Порты. Обновленная русская армия, столь блестяще продемонстри-

ровавшая свои возросшие возможности в той же Средней Азии, была теперь готова двигаться на Балканы, где в середине 1870-х гг. крайне обострился все тот же «восточный вопрос». Восстания в Боснии, Герцеговине и Болгарии буквально требовали вмешательства держав. И Россия была готова активно вмешаться, впрочем, как и ее соперница в этом регионе Австро-Венгрия, за спиной которой постоянно маячила все та же Англия. Ободренный поддержкой Англии султан Абдул-Хамид не шел на уступки восставшим и отказывался от проведения необходимых реформ. Создавалась ситуация, чреватая войной. Россия в 1876 г. договорилась с Австро-Венгрией о ее нейтралитете в случае начала очередной русско-турецкой войны. Договорившись в 1877 г. и с Румынией о военном союзе против Турции, русские в апреле того же года объявили Порте войну.

Основной театр военных действий был на территории Болгарии, главными достижениями — взятие крепости Плевны и успехи в боях у Шипки. В январе 1878 г. русские войска захватили Адрианополь, оказавшись таким образом на подступах к Константинополю. В марте того же года в Сан-Стефано под Константинополем был подписан мирный договор России с Турцией, предусматривавший создание Великой Болгарии от Дуная и Черного моря до Эгейского. Было достигнуто и соглашение о независимости Румынии, Сербии и Черногории, а также об автономном самоуправлении Боснии и Герцеговины. К этому были добавлены уступки в Закавказье в районе Батума и Карса, в Бессарабии и немалая контрибуция.

Сокрушительная победа над турками, сопровождавшаяся неслыханным героизмом русских солдат, особенно в боях под Плевной, потрясла Европу и одновременно вызвала со стороны держав немалые опасения. Эти опасения нашли свое отражение в требовании созвать международный конгресс, который состоялся в Берлине летом все того же 1878 г. На этом конгрессе, как о том уже упоминалось, Россия под давлением объединенных усилий европейских держав вынуждена была пойти на серьезные уступки. Согласно заново подписанному трактату, было создано небольшое государство Болгария. Боснию и Герцеговину, равно как и контроль над прибрежной частью Черногории, получила Австро-Венгрия. Россия укрепилась в Бессарабии и сумела оставить за собой Батум, Карс и Ардаган в Закавказье, а также сохранить резко уменьшенную контрибуцию.

Словом, Берлинский трактат был полным дипломатическим поражением России, первым — и последним — за долгую карьеру Горчакова.

И это поражение еще раз показало, сколь сложным было внешнеполитическое положение страны в Европе и как внимательно следят европейские державы за тем, чтобы чрезвычайно разросшаяся Российская империя излишне не усилилась за счет ослабевающей Турции. Если прежде об этом более всего заботилась Англия, то теперь выяснилось, что примерно тем же озабочены и другие ведущие страны Западной Европы. Тем не менее в общем ситуация была не столь уж и прискорбной. Положение на Балканах явно изменилось к лучшему, так что кровь русских солдат в Болгарии была пролита не зря. Кроме всего прочего, итоги Берлинского конгресса показали, что мощь России, безусловно, возросла и что ее всерьез опасаются многие из соперников и союзников. Стоит добавить к сказанному, что эта мощь стала результатом великих реформ и последующего быстрого экономического роста в пореформенной России. Но необходимо также оговориться, что неудачи во внешней политике были логичным результатом того, что при всех заметных достижениях положение России по сравнению с очень быстро развивающейся буржуазной Западной Европой было не слишком завидным.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СДВИГИ И РОССИЙСКАЯ БУРЖУАЗИЯ

Сдвиги, вызванные к жизни реформами и энергичным вступлением России на путь ускоренного буржуазного развития, были особенно заметными в последней трети века. Существуют данные, свидетельствующие о том, что вплоть до середины XIX столетия до двух третей всей обрабатывающей промышленности страны приходилось на мелкое, в основном кустарное, производство, включая и крестьянские промыслы. Немногие паровые машины, закупленные главным образом в Англии, стали применяться только в середине века, прежде всего в текстильном производстве, причем появление их произвело серьезный переворот в этой отрасли промышленности: в 1846 г. работало 46 тыс. веретен, в 1859-м — свыше 1,5 млн. В системе транспорта в эти годы все еще работали в основном старые традиционные средства передвижения, а пароходы и паровозы были, что называется, в диковинку. Пароходов в стране на водных путях было в 1850 г. лишь около сотни, а верфи в Нижнем Новгороде, на которых их стали производить в достаточно заметном количестве, стали работать лишь в 1849 г.

Отсталость страны и сложности, связанные с ее социополитическими проблемами, о которых шла речь в предыдущей главе, не могли

не сказаться на результатах процесса эволюции. Они отличались и не могли не отличаться от тех, что демонстрировали в этот исторический период передовые страны Запада. Если там деревня давно уже перестала быть обремененной феодальными традициями и энергично развивалась вслед за городом, а промышленно развитый буржуазный город стал основой ускоренной эволюции, то в дореформенной России все было несколько иным. И лишь после Великих реформ деревня стала постепенно изменять свой привычный облик хотя бы в том смысле, что немалая часть крестьян из чрезмерно перенаселенных центральных губерний стала перемещаться на юг и юго-восток, где хорошей пашни было достаточно много. И хотя это движение было не слишком энергичным, даже, напротив, еще только наметившимся, оно все же как-то меняло ситуацию в сельском хозяйстве страны. Увеличивалось число жителей в южных районах, прежде всего на Украине и Кубани, где прирост населения за 1863–1897 гг. составил 92% на фоне 53% для всей европейской части России. Впрочем, и эта последняя цифра кое-что говорит о некотором улучшении жизни в пореформенное время.

Соответственно увеличивались посевы зерна, равно как и многих иных сельскохозяйственных культур, понемногу росла товарность сельского хозяйства как за счет предпринимательской деятельности части помещиков, получивших от государства деньги, так и в результате расслоения деревни и появления в ней зажиточного слоя крестьян. Как то было и в других странах, развитию товарности земледелия и росту зернового экспорта способствовало достаточно энергичное железнодорожное строительство. Но в отличие от Запада эта важнейшая для гигантских территорий страны сфера приложения капитала и промышленной активности не была в основном частной. Правда, на первых порах частный капитал играл в железнодорожном строительстве и добыче угля, как и в закупках необходимого металлического оборудования и готовых изделий (рельсы, парк паровозов и вагоны), немаловажную роль. Однако вскоре стало очевидно, что без существенного вмешательства казны не обойтись. Более того, строительство железных дорог с 1870–1880 гг. стало одной из стратегических задач, выполнение которой взяло в свои руки государство. Строительство, надзор, организация движения — во всем этом долго лидировало именно оно. В 1890 г. по железной дороге уже провозилось до 70% всех грузов.

Металл, хлопок, машины и многие другие товары, необходимые для бурно растущей отечественной промышленности, в основном пока еще шли из других стран, что способствовало серьезному воз-

растанию масштабов внешней торговли. Освоение угольных пластов в Донбассе, добыча железной руды в Криворожье способствовали развитию отечественной металлургии, хотя масштабы ее долго еще были недостаточны для удовлетворения потребностей страны. Зато богатые залежи нефти способствовали развитию производства ценного жидкого топлива, центром которого стал Баку. В России строились новые заводы и фабрики, перестраивались старые. Промышленное производство, заметное во всей стране, хотя в первую очередь в западной и южной ее части, дало мощный толчок росту и развитию городов, население которых за последнюю треть века удвоилось.

В пореформенной России осваивалось собственное производство паровых котлов и двигателей для развивающейся промышленности и транспорта, получило некоторое развитие сельскохозяйственное машиностроение. Спрос на различные механизмы и машины быстро рос, производство таких изделий в денежном выражении уже в 1879 г. было равно их экспорту. Однако в целом машиностроение — как и металлургия, о чем уже было упомянуто, — находилось еще на весьма невысоком уровне. Лишь в самом конце XIX в. встал вопрос о создании в стране двигателей внутреннего сгорания и о строительстве немецкими фирмами первых автомобилей. К этому времени относится и подготовка к появлению первых электростанций.

Какую роль в процессе промышленного развития пореформенной России играла нарождавшаяся в стране буржуазия? Эта проблема необычайно важна для верного понимания всего того, что происходило в стране. Сначала стоит обратить внимание на то, что народники относились к промышленному развитию не то чтобы скептически, но очень часто просто неодобрительно. Заботясь о крестьянстве и наивно полагая, что оно близко к социализму по духу и образу жизни (впрочем, вопрос о том, какой именно социализм был им предпочтительнее, столкнет нас с позднесредневековыми утопиями), они не желали видеть реалии индустриального развития. Это было обосновано также и тем, что их интересы на рубеже 1870–1880 гг. очевидно переключились почти полностью в сферу политического террора, с помощью которого они опять-таки наивно мечтали изменить Россию к лучшему. Собственно, именно потому это движение в последней четверти XIX столетия начало понемногу сходить на нет, что, впрочем, никак не исключило из практики политической жизни страны террор как метод достижения цели. Но показательно, что в отечественных буржуа, которые не были представителями и слугами власти, хотя и пользова-

лись ее вниманием и благосклонностью, народники своих врагов не видели. На них покушений не было.

Значит ли это, что российская буржуазия была хотя бы частично склонна к революционным порывам и, в частности, к захвату в стране власти в той степени, в какой ею обладала буржуазия Запада? Отнюдь! И это одно из самых существенных отличий процесса индустриальной эволюции в России. Больше того, есть серьезные основания считать, что в отличие от Запада, где по сути не было никакого «промышленного переворота», а были буржуазные преобразования, стимулировавшиеся революционными импульсами из Парижа, в пореформенной России дело обстоит как раз наоборот. Власть помогала российским капиталистам стать на ноги, а они, в свою очередь, охотно сотрудничали с ней, не претендуя на соучастие во власти. Поэтому если где и происходило нечто вроде «промышленного переворота», т.е. не столько буржуазной, сколько именно индустриальной эволюции, то это было именно в нашей стране. Империя прочно держала в своих руках монополию на власть. А после убийства Александра II даже разговоров о конституции быть не могло. Авторитарная власть русского самодержавия, свойственная всей истории России, сводилась не просто к резкому противостоянию государства обществу, но и к подавлению общества государством. И об этом не стоит забывать, ибо именно это было характерным для России всегда, вплоть до наших дней.

Но как чувствовала себя российская буржуазия в этой непростой для нее ситуации? В общем приспосабливалась и если не благоденствовала, то во всяком случае не оставалась внакладе. Это очень существенно принять во внимание, потому что стандарт взаимоотношений буржуазии с властью, сложившийся в пореформенной России и ставший важной частью специфики нашего общества, стал в определенной степени традицией, которая сумела возродиться в конце XX столетия после семи десятилетий советской власти. Суть этого стандарта не выходила за пределы веками сложившейся нормы. А главным в нем было то, что очень напоминало традиционный Восток после энергичного натиска на него колониального Запада. Точнее, речь может идти о тех реакциях сопротивления и приспособления, которые возникли в ряде неевропейских стран. А точнее, там, где — как и в России — существовала более или менее крепкая власть.

Это сходство далеко не случайно. Оно явно свидетельствует о структурной близости полувосточной России именно к Востоку с его привычным режимом власти-собственности с типичной для него

централизованной редистрибуцией. В этом смысле рядом с Россией могут быть поставлены как зависимый от держав Китай либо едва зависевшая от тех же держав Турция, так и ни от кого не зависевшая Япония. Ни в одной из них вплоть до XIX в., скорее даже до последней трети этого столетия, не было достаточно сформировавшейся собственной буржуазии, хотя и были свои торговцы и предприниматели. Своя буржуазия в странах колониального и зависимого Востока, как и в России, стала формироваться лишь на промышленном этапе колониальной экспансии Запада, о чем ниже будет идти речь подробнее. Это было естественным результатом силового внедрения буржуазного Запада в страны незападного мира.

В России такого силового внедрения не было, ибо она не была — после ликвидации татарского ига — колониальной либо зависимой, даже типично традиционной восточной страной. Но традиционные нормы бытия и общие принципы администрации, сближавшие Россию с миром Востока в не меньшей, а до Петра I и в гораздо большей степени, чем с Западом, делали свое дело. Россия была империей, структурно родственной, равной сильным восточным государствам, прежде всего Японии. Непременное сохранение жесткой власти было для нее в силу причин, обусловленных этой традиционной ее структурой, задачей первостепенной важности. И такая норма, что показательно, существовала при весьма активной поддержке большинства населения, чувствовавшего себя в обстановке патерналистской опеки со стороны власти много более привычно и уютно, нежели при попытках радикалов как-то изменить ситуацию и, пошатнув незыблемость власти, создать в России что-то похожее на Запад.

Первые российские капиталисты, возникавшие на закате XIX в., хорошо сознавали сложившуюся в стране ситуацию и соответственно вели себя. Они, как правило, с правительством не конфликтовали, да у них при отсутствии конституции и представительного органа типа парламента просто не было для этого реальных возможностей. А свои интересы они стремились защищать с помощью создания различного типа объединений — картелей, синдикатов и иных союзов. В 1875 г. в стране было создано объединение «Конвенция общего тарифа», которое ставило своей целью согласовывать условия в страховом деле, в 1882 г. — «Союз рельсовых фабрикантов», объединявший все железнодорожные компании, закупавшие рельсы. Вслед за ним возникло еще несколько компаний такого же типа, в рамках которых соединяли свои усилия те, кто изготовлял крепления рельсов, строил железнодо-

рожные мосты и т.п. Все союзы были сравнительно недолговечными, а целью их была координация заказов в соответствии с договоренностями о квотах. В некоторых подобного рода союзах, например нефтяных, принимал активное участие иностранный капитал (достаточно упомянуть имя Нобеля, звучное и в наши дни).

БУРЖУА, РАБОЧИЕ И ПЕРВЫЕ РУССКИЕ МАРКСИСТЫ

Отношения между нарождавшимися как серьезные социальные слои российскими буржуа и рабочими тоже складывались не вполне таким же образом, как то было на Западе. И эта российская специфика опять-таки была обязана своим существованием тому, что наша страна была не просто отсталой и развивалась в промышленном плане сравнительно медленно, но главным образом тем, что буржуазия не была близка к власти и потому как бы не несла ответственности за решение социальных проблем, связанных с взаимоотношениями буржуа и рабочих. Это, разумеется, отнюдь не означало, что российские капиталисты беззастенчиво эксплуатировали трудящихся, платя им копейки за труд и принуждая их тем самым жить скверно, если даже не впроголодь. Рассуждениями такого плана была на протяжении многих десятилетий насыщена отечественная историография, особенно учебники, хотя стоит заметить, что конкретные статистические выкладки (стоимость продуктов, цена труда, жизненный уровень и т.п.) обычно при этом не приводились.

В принципе по всем основным экономическим показателям уровень жизни российских рабочих, в основном вчерашних крестьян, был не слишком высок. Однако все постигается в сравнении. И если сравнивать условия существования рабочих, особенно на достаточно крупных промышленных предприятиях, то они были по российским меркам не слишком плохими. И потому вполне естественно, что главной целью рабочих была, как и на Западе, постоянная борьба за улучшение экономических условий, но никак не за марксистскую «пролетарскую революцию» и мифическую «диктатуру пролетариата». Однако не стоит забывать, что именно в России марксистская утопия получила возможность для своей реализации. И это ставит перед любым автором, затрагивающим соответствующую проблему, не слишком легкую задачу объяснить, как и почему это случилось. Конечно, основная часть решений, связанных с этой задачей, выходит за пределы XIX столетия и тесно связана с ситуацией тяжелого кризиса вре-

мен Первой мировой войны. Но кое о чем важно сказать и применительно к концу XIX в.

Если народники, скептически относившиеся к капитализму, не слишком много внимания уделяли этой животрепещущей проблеме, то занявшие вакантную идеологическую нишу российские марксисты, напротив, уделяли ей первостепенное внимание. При этом, однако, наиболее вдумчивые из них, так называемые легальные марксисты, резонно отмечали, что буржуазное производство и свойственные ему ускоренные темпы развития, которые столь убедительно продемонстрировали себя на Западе, скажут веское слово и в России. Об этом писали П. Струве, М. Туган-Барановский и др. Более того, многие из числа тех народников, которые со временем перешли в стан марксистов, и прежде всего Г. Плеханов, основавший в 1893 г. в Женеве первую русскую организацию марксистов «Освобождение труда», после 1917 г. (он умер в 1918 г.) не считал возможным создание социализма в России. При всем своем почтении к теории Маркса, разговорах о будущей «пролетарской революции» в России и даже противостоянии лидеру немецких оппортунистов Бернштейну он довольно быстро понял, что ни в России, ни вообще в истории нет места марксистскому социализму. И это делает ему честь. Но хорошо известно, что В. Ульянову удалось создать жесткую организацию правоверных марксистов, которые попытались и на первых порах даже преуспели в осуществлении в России «пролетарской революции». И хотя большевистский переворот оказался в конечном счете крайне бесчеловечным актом, приведшим страну к катастрофе, нельзя не обратить должного внимания на то, что реалии развития России все же были для него подходящими. Почему же?

Полный ответ на этот вопрос лежит за пределами данного тома. Кое-что об этом будет сказано в одной из последующих глав. Пока же констатируем, что специфика России сыграла первостепенную роль в том, что эксперимент коммунистов стал возможным. Более того, события XX в. в некоторых странах неевропейского мира, которых сам К. Маркс никогда не имел в виду, говоря о «пролетарской революции» и «диктатуре пролетариата», убеждают в том, что идеи порой издеваются над породившим их идеологом. Ведь согласно доктрине марксизма в странах, где нет развитых буржуазии и рабочего «класса», для «пролетарской революции» нет и не может быть подходящих условий. А на деле именно в таких странах — и только в них — оказалось возможным реализовать марксистские социальные эксперименты,

не приводившие, что вполне естественно, ни к какому позитивному результату, но обходившиеся этим странам, как уже не раз напоминалось, во многие миллионы, а то и десятки миллионов жизней.

Практически это означает лишь одно: именно в тех странах, где буржуазные преобразования по разным причинам заметно запаздывали, а о пролетариате можно было говорить лишь с большими оговорками, попытки чего-то вроде «пролетарских революций» реально осуществлялись. Только стоит сразу же сказать, что с теорией марксистской «пролетарской революции» в строгом смысле этого слова такие попытки не имели ничего общего. Они в любом случае вели не к утопической «диктатуре пролетариата», а к жестокой диктатуре властных политических группировок, (партий *нового типа*) либо параноидальных лидеров. Диктатура такого типа вела страну в исторический тупик, из которого многие незападные страны выбирались десятилетиями, иногда с успехом, а порой с трудом. Такая же судьба выпала и на долю России. Но вернемся к нашей основной теме.

РОССИЯ В КОНЦЕ СТОЛЕТИЯ

После убийства Александра II вся организация «Народная воля», замыслившая и свершившая террористический акт, была уничтожена, а вместе с ней с начала 1880-х гг. ушли в прошлое русские народники. Это не значит, что террор как метод борьбы исчез вместе с ними. Напротив, он с успехом продолжался после этого еще достаточно долго, а жертвой его пали уже в XX в. такие деятели, как П. Столыпин. Но террор, о котором идет теперь речь, несколько изменил свой характер, ибо стал со временем ассоциироваться уже не с народниками, а с их в этом плане наследниками — эсерами. Кроме того, в немалом количестве случаев террор оказывался и средством протеста со стороны недовольных индивидов, не связанных с какими-либо организациями.

Разумеется, избавление страны, пусть не на очень длительное время, от практиковавших террор радикальных организаций типа народовольческой было благом для нее. Другое дело, что пришло на смену свободе от радикальных народников. Здесь стоит начать с того, что противостояние власти и общества после ликвидации террористических организаций не исчезло. Оно приняло несколько иной характер. Этому способствовали некоторые обстоятельства. С одной стороны, с благословения нового императора Александра III (1881–1894) резко усилилась крайняя реакция, олицетворенная прежде всего такими деятелями, как обер-прокурор синода К. Победоносцев, который в любом проекте, близком

конституции, видел угрозу гибели России. Люди подобного склада, вышедшие на поверхность политической жизни страны, откровенно делали ставку на далеко не отживший еще свое крестьянский архаический мир. В примитивном укладе жизни вчерашних крепостных они вполне резонно видели более или менее надежную опору самодержавия.

С другой стороны, на смену деструктивному радикальному народничеству с его террором начало более активно выступать конструктивное либерально-буржуазное направление, представленное прежде всего деятелями заметно укрепившегося земства. Это со многих точек зрения была наиболее светлая сторона России. Земские либералы, наследники совестливой русской интеллигенции пореформенной поры, проводили не слишком заметную извне, но наполненную глубоким внутренним смыслом нелегкую работу по медленному, но неуклонному преобразованию остававшегося крайне отсталым общинного крестьянского мира. Однако и на этом перемены — увы! — далеко не завершились. Самым страшным из всего того, что пришло в Россию после убийства царя (Освободителя), оказался радикальный марксизм, представленный не столько Плехановым, видным теоретиком марксистского социализма, сколько В. Ульяновым, его ожесточенным практиком. Оказавшись волею судеб основателем большевистского течения в русской социал-демократии, он уже в 1894 г. в своей брошюре, направленной против отечественных либералов («друзей народа»), энергично призвал Россию к «победоносной коммунистической революции».

Очень важно обратить внимание на то, что это был не просто лозунг. Созданный Ульяновым в 1895 г. «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» ставил своей целью направить поднимавшее голову рабочее движение в стране в сторону требований политического характера. Это получалось далеко не сразу. Однако стремление сблизиться с рабочими, со стачечными комитетами все же приносило свои плоды. И если большинство рабочих оставались равнодушными к страстным призывам радикально настроенных сторонников марксистского социализма и выдвигали требование законодательного ограничения рабочего дня и некоторые другие претензии экономического характера, это никак не означало, что по меньшей мере часть забастовщиков не проявляла интереса к коммунистической агитации русских социал-демократов. Ситуацию тем важнее принять во внимание, что упомянутое явное меньшинство социалистов было в политическом отношении необычайно активным. Оно стойко сражалось со своими противниками одновременно на всех фронтах. Это была борьба с самодержави-

ем и реакцией в правительстве, с либералами в земствах, с так называемыми *экономистами* (сторонниками ограничения экономической борьбой трудящихся за свои права), с легальными марксистами, да еще и с «оппортунистами» и «ревизионистами» в собственных рядах. Поистине вызывает удивление напористость молодых людей, взявшихся за, казалось бы, безнадежное дело.

Впрочем, в начале 90-х гг. XIX столетия достижения радикалов нового профиля, в некотором смысле перенявших эстафету от террористов-народников, были еще более чем скромными. Никто не принимал их всерьез и уж во всяком случае никто — разве что кроме их самих, небольшой горстки сторонников коммунистического радикализма, — не задумывался над тем, представляет ли именно это направление в немалом спектре политических движений страны какую-либо потенциальную значимость, тем более опасность для России. В крайнем случае лишь некоторых из молодых активистов Союза борьбы, включая и самого Ульянова, арестовывали и ссылали в Сибирь на некоторое время за чересчур заметную и раздражавшую власти работу по координированию забастовок в Петербурге.

Между тем даже этот сравнительно небольшой еще подрыв спокойствия в стране добавлял немалый вклад в копилку тех опасений, которые постоянно преследовали нового императора. Александр III вначале панически боялся террористов с их бомбами, от которых он прятался в Гатчине. Потом, когда террор пошел на убыль и лишился на некоторое время своей строгой организованности, царь и его приближенные стали преследовать буквально всех. Была введена жесткая цензура (правда, не перестает вызывать удивление тот факт, сколь в общем-то несложным делом был выпуск нелегальной литературы, в немалом количестве издававшейся даже немногочисленным «Союзом борьбы»), велась борьба со свободомыслием в университетах, сурово ограничивались возможности либеральной интеллигенции, брались под контроль земства, где с целью ограничения самоуправления в 1889 г. был создан институт правительственных «земских начальников» с большими полномочиями. Словом, на смену буржуазной либерализации времен Александра II пришла во внутренней политике страны едва ли не прямо противоположная линия.

Мало того, явно под влиянием Победоносцева курс на ограничение свобод сопровождался ростом национально-конфессиональных преследований, которые находили свое выражение в разных формах, сводившихся к ограничению возможностей для *инородческого*, как

его тогда именовали, населения огромной империи. Прежде всего это касалось наиболее развитых западных регионов страны, где проживали прибалтийские народы, включая немцев и финнов, католики из числа поляков и литовцев, униаты и около 5 млн евреев. Специальными указами «инородцев» ограничивали в правах и возможностях, в том числе подчас в праве приобретать земли. Но более всего на них проявил себя в преследовании евреев, вплоть до еврейских погромов.

Разумеется, этим события конца века не ограничивались, даже имея в виду смену правителей России. Еще в годы правления Александра III огромную роль в правительстве страны стал играть либерально настроенный С. Ю. Витте, занимавший ряд важных министерских постов. И хотя либерализм Витте в те годы не имел особых возможностей для своего проявления, его деятельность была более чем успешной и полезной для России, особенно во всем том, что касается финансов и строительства железных дорог. В этой связи стоит напомнить, что для огромной империи железные дороги были жизненно необходимы, что в стране это все понимали и что протяженность этих дорог выросла за вторую часть века с 3 до 40 тыс. верст. С 1891 г. по инициативе Витте началось строительство огромной, невиданной еще в мире транссибирской магистрали.

Александр III умер рано, не дожив до 50 лет. А его преемнику Николаю II (1894–1917) было в это время всего 26. Своих взглядов на политику он не имел и в немалой степени поэтому — а отчасти и потому, что оставил на местах все окружение отца, — в начале царствования продолжал тот курс, что был намечен более всего Победоносцевым еще в пору его отрочества. Тем не менее ситуация в России по ряду важных причин в самом конце века достаточно быстро менялась, а вместе с ней вынужденно менялась и политика. Направление перемен шло по линии роста внутривнутриполитической напряженности, а этот рост был в основном стимулирован нерешенностью главной проблемы России, ее крестьянства и недостаточностью темпов экономического развития страны.

Хотя, по некоторым данным, сельскохозяйственная продукция страны за вторую половину века удвоилась, население империи за это же время возросло с 50 до 130 млн человек. Неудивительно, что в конечном счете рост производства был недостаточным и что время от времени страну посещали неурожаи и голодные годы, как то было в начале 1890-х. Невзгоды, выпадавшие прежде всего на долю крестьян,

вызывали новые всплески бурной реакции со стороны как либеральной, так и радикально настроенной интеллигенции. Вообще, в стране именно в эти годы быстрыми темпами складывалась обстановка, никак не благоприятствовавшая состоянию стабильности и спокойствия. Расцвет железнодорожного строительства и связанный с ним мощный толчок для отечественной промышленности, а также развивавшиеся параллельно банковская система и внешняя торговля, очень заметный приток иностранных инвестиций — все это создавало в стране довольно развитый рынок и объективно вело к быстрому возрастанию роли буржуазного производства. Однако система управления империей, сохранявшаяся в ее реакционно-охранительной форме со времен Александра III, препятствовала этому росту. Возникала ситуация, очень напоминавшая ту, что была характерна для Франции веком раньше, накануне революции. По оценкам все того же Витте, потребление в России на душу населения в среднем было в четыре-пять раз ниже западноевропейского. И потому необходимо было приложить максимальные усилия для ускоренного промышленного развития, которое одно только способно радикально изменить положение дел.

Словом, ситуация предельно ясна. С одной стороны, отечественная индустрия уже могла производить 16 млн т угля, 10 млн т нефти, 2,5 млн т стали и около тысячи паровозов в год, а урожай зерновых (60 млн т) был достаточно велик для того, чтобы около 10% его продавать, в основном европейским странам. С другой — в стране в самом конце века явно усиливалось брожение умов. Вновь быстрыми темпами нарастал изживший было себя полтора десятилетия назад радикализм. Возвратившиеся из ссылки в Сибири чуть повзрослевшие народники снова создавали различного рода кружки, группы и союзы, которые на рубеже XIX–XX вв. готовы были объединиться в партию социалистов-революционеров (эсеров), вскоре после своего возникновения начавшую играть большую роль в политической жизни России.

Дискуссии об отечественном капитализме оказывались в центре внимания, причем одни, в основном эсеры, по-прежнему склонны были поддерживать отечественное крестьянство и, осуждая капитализм, вновь использовать террористические методы борьбы с самодержавием, тогда как другие, социал-демократы, создавшие в 1898 г. РСДРП, с нетерпением ждали, пока капитализм в России «перезреет» и станет подходящим для того, чтобы его могильщик, т.е. пролетариат, построил на его основе желанную «пролетарскую диктатуру». Дабы ускорить на-

ступление этого благостного для социал-демократов момента, эти последние, особенно Ульянов (в годы ссылки в конце 1990-гг. в Сибири он взял псевдоним Ленин, от реки Лены), крайне преувеличивали степень развития буржуазного производства. Ради этого разрабатывались теоретические проблемы, посвященные если и не придуманным, то безмерно раздутым явлениям типа угрожающей роли трестов, т.е. «монополизма», а также «империализма» как некоей финальной формы капитализма в мире в целом и в России в частности.

Не дремала и российская либерально-буржуазная интеллигенция. Она, включая легальных марксистов и прежде всего упоминавшихся уже Струве и Туган-Барановского, активно поддерживала успехи российского капитала, видя в капитализме залог процветающего будущего страны. России, по их мнению, недоставало только конституции и соответствующего ограничения всевластного самодержавия. Количество приверженцев этой точки зрения быстро росло. Лидеры этого направления были готовы издавать свои газеты и создать свою партию, что было сделано историком П. Милоковым, основавшим партию конституционных демократов (кадетов). Словом, Россия в конце века быстро превращалась в страну, чреватую серьезнейшими потрясениями. А приходившее в состояние агонии русское самодержавие уже ничего с этим не могло поделать. Империя доживала последние свои годы, причем эти годы в начале XX столетия проходили в обстановке бурных и все нараставших тревожных и даже гибельных для страны событий, будь то неудачные войны или революционные потрясения. Таким был трудный и полный потрясений путь России в XIX в. Но в заключение уместно сказать несколько слов обобщающего характера о тех причинах, которые вели Россию на протяжении свыше чем тысячелетия по этому тернистому пути. Или, иначе, почему на долю нашей страны выпал такой путь.

Глава восемнадцатая. РОССИЯ: ПРИХОТИ СУДЬБЫ И ПУТЬ К ТРАГЕДИИ

Вопросы такого рода сегодня и уже довольно длительное время находятся в центре внимания многих, причем далеко не только обществоведов, тем более специалистов в области истории России. Они мучают и затрагивают буквально всех, что вызывает к жизни обильную литературу, львиная доля которой представляет собой сочинения весьма несерьезного характера. Причины этого в общем-то вполне понятны. Как то хорошо известно любому мыслящему россиянину,

да и многим вне нашей страны, история России по сравнению со многими державами мирового класса явно не вполне обычна. Разумеется, некоторые страны имели и более трагичную судьбу. Немалое число их погибло под ударами врагов или просто прекратило существование вследствие различного рода неблагоприятных обстоятельств. Но наш случай явно не тот. Страна не только в общем-то одолела всех своих внешних врагов и выжила в суровой борьбе за существование, но и давно уже стала одной из наиболее заметных как на политической карте мира, так и в истории человечества. Так в чем же дело? О чем, собственно, речь?

В ходе анализа основных факторов эволюции упоминалось об удачной случайности и благоприятном стечении обстоятельств. Такого рода постановка проблемы подходит для того, чтобы рассмотреть удручающую роль этих важных объективных факторов в истории России. Дело в том, что наша страна почти все время развивалась необычно. Речь не о том, что никто не в состоянии убедительно показать, что следовало бы считать для нее нормой. Это вообще невероятно сложно. Поэтому гораздо более просто рассмотреть этапы ее исторического пути и сконцентрировать внимание на том, что, как не без оснований по тем либо иным причинам представляется, явно выходит за более или менее обычные нормы для тех стран, с которыми Россия по каким-то параметрам может быть сопоставлена.

Попытаемся с этой точки зрения вкратце рассмотреть то самое важное, что на основных этапах истории определяло будущее страны и объясняло очередные ее шаги вперед либо отсутствие необходимых шагов. Это важно, помимо прочего, потому, что при внимательном рассмотрении оказывается, что русская история не просто объективно крайне необычна, но что часто ее правители действовали далеко не лучшим образом, чтобы не сказать более резко. Словом, многое сыграло негативную роль в определении пути России. И если даже не обращать большого внимания на субъективные факторы, т.е. на принципиальные решения правителей, то окажется немало объективных, тормозивших развитие страны. К их числу, помимо прочего, можно и нужно отнести специфику геополитического расположения страны, а также и вызванные ею, как, впрочем, и многими иными факторами, особенности психологии ее населения. Все это, да и многое другое, сыграло важную, даже решающую роль в тех поворотах судьбы, т.е. опять-таки случайностей и стечения обстоятельств, которые то и дело выпадали на ее долю.

НАЧАЛО РУССКОЙ ИСТОРИИ

Начнем, разумеется, с самого начала. Оно, как то хорошо известно, было наполнено неблагоприятными случайностями и нелепым, а то и вовсе крайне неблагоприятным течением различных обстоятельств, как вполне объективных, так и вроде бы весьма субъективных, вызванных к жизни различными неразумными решениями. Причем все это было своего рода нормой для страны с первых дней ее более чем тысячелетней истории.

Ну кто, например, мог бы предугадать, что в качестве правителей группы восточнославянских этнических общностей в IX в. неожиданно окажутся очень немногочисленные пришлые варяги, т.е. те самые викинги, что в ту пору наводнили всю Европу и проявляли себя в основном как разбойники с большой дороги. А здесь, на востоке Европы, варяги почему-то занялись достаточно мирным делом — торговлей («из варяг в греки»), но при всем том, не забыв и иных занятий, каким-то образом оказались во главе Новгорода и Киева, двух наиболее заметных в ту пору восточнославянских торговых поселений городского типа. Более того, появилась вполне правдоподобная версия, что будто бы само проторусское население позволяло предводителей варяжских дружин (видимо, ведавших торговлей и охранявших товары) «прийти и княжить».

Правдоподобие такого рода версии подкрепляется тем, что у местного населения в ту пору, насколько это явствует из чуть более поздних и не слишком аутентичных, но тем не менее представляющихся большинству исследователей вполне достоверными древних письменных источников, явно не было своих признанных вождей. Во всяком случае, об их существовании до X в. просто нет никаких свидетельств, ни прямых, ни даже косвенных. Это дает весомые основания полагать, что этнические общности восточных славян, явно отстававшие в развитии от иных соседних с ними народов, не прошли еще через этап трибализации и не превратились в племена во главе с вождями. Да и русским местное восточнославянское население в лице различных его этнических общностей (древляне, поляне, вятичи, кривичи и пр.) стало именоваться именно потому, что оказалось под властью варягов, принесших с собой термин *рус*. И это, заметьте, при всем том, что формально рядом с проторусскими славянами существовала достаточно могущественная и в общем-то причастная к культурным традициям урбанизма, во всяком случае к иудейской, Хазария, которая распространяла свою власть от низовьев Волги до Киева.

Казалось бы, сама судьба предлагала проторусским славянам оказаться в составе Хазарии и быть вместе с ней как-то причастными к иудаизму. Но нет. По прихоти той же судьбы все шло иным путем. Территориально наиболее близкие к хазарам поляне, судя по некоторым летописным сведениям, были в то же время и в числе более развитых среди прочих восточнославянских этнических общностей и даже вроде бы селились в степных местах, откуда, скорее всего, и их наименование, платя за это дань хазарам с каждого дома (дыма). Но подданными хазар ни они, ни иные восточные славяне не стали, предоставив это, видимо, жившим в Киеве не очень ясно с какого времени (сведения об этом относятся только к X в.) торговцам-иудеям. А потом — речь о IX в. — в том же Киеве появились варяги, которые, хотя они тоже занимались торговлей, с хазарами, как следует полагать, мало считались. И вот здесь-то и случилось так, что славянское население (скорее всего, именно поляне) стало каким-то образом связанным с Киевом, вскоре оказавшимся во владении варяжских конунгов. Словом, не удаляясь в дебри мало доказуемой конкретики, сделаем главный вывод, на который обращает внимание и упоминавшаяся уже летопись. Славяне обратились к варяжским конунгам с призывом «приходите и княжите». Иными словами, не имея еще сколько-нибудь устоявшихся и тем более опиравшихся на силу собственных вождей, они предпочли в быстро изменявшихся и сложных для них условиях опереться на чуждую им силу и добровольно стать холопами и данниками полуцивилизованных, если даже не вовсе еще не цивилизованных, варягов, сумевших вскоре в результате походов одного из самых первых русско-варяжских князей Святослава Игоревича расправиться со все той же Хазарией.

Насколько это известно, с призывом к чужестранцам стать правителями, к тому же зафиксированным в письменном тексте, нигде, кроме данного случая, специалистам встречаться не приходилось. Быть может, нечто в этом роде и случалось. Но писать об этом (а писали летописи все-таки не варяжские конунги, а славянские монахи) едва ли было принято. Иными словами, мы имеем дело с неким немаловажным исключением, явственно свидетельствующим о смутно осознававшемся ощущении неполноценности и неустроенности некоторых восточнославянских этнических общностей. А свидетельствует этот факт — если он действительно является фактом, что, в общем, как упоминалось, воспринимается специалистами именно так, — о том, что сами славяне в те дальние времена не только не имели своих признанных вождей, но и, похоже, испытывали в связи с этим некоторые

неудобства. От них они и были готовы избавиться даже ценой добровольной выплаты дани невесть откуда появившимся чужим князьям-конунгам с их вооруженными дружинами.

Пойдем дальше. Конечно, варяги не имели сколько-нибудь развитой инфраструктуры и традиции административной власти ни у себя дома, ни тем более в чужих краях. Это заставило их принять на вооружение, пусть не сразу (сначала действовал вполне централизованный способ взимания дани самим конунгом с дружиной), хорошо известный в Европе того времени принцип децентрализованной редистрибуции. А он, т.е. система феодальных связей и обязательств, заложил основу для постоянных междоусобиц, раздробленности и соответственно последующего ослабления Киевской Руси. Похоже, что иного выбора у киевских князей просто не было: либо междоусобицы между сыновьями правителя еще до захвата трона по хорошо известному восточному, в частности более позднему османо-турецкому, стандарту, либо более или менее мирное сосуществование в мелких княжествах завистливых родственников с явной склонностью к тем же междоусобицам ради овладения великокняжеским киевским столом. Но как бы то ни было, а именно эта ситуация, вызванная к жизни такого рода не слишком благоприятным стечением обстоятельств, вела к слабости Киевской Руси, столь дорого обошедшейся ей в период нашествия татаро-монгольского воинства.

Теперь о татарах, т.е. монголах, весьма заметно тюркизовавшихся по мере длинного и долгого пути от Монголии до Руси. Трудно с точностью сказать, насколько эти кочевники были причастны к достижениям тех восточных цивилизаций, начиная с китайской, с которыми им пришлось по дороге на запад повстречаться. В области военной техники для осады городов заимствования, бесспорно, были. Но в любом варианте отношение монголов к противнику оставалось варварским, привычным для кочевых народов. Либо очередной враг или осажденный город сразу же сдавались на милость победителя, либо их безжалостно уничтожали до последнего жителя, разрушая буквально все. Так поступили они, в частности, с государством чжурчженей, которое в те времена существовало на северных границах Китая, а затем и с государством Хорезм шахов. Существует точка зрения, что после разрушительного татаро-монгольского нашествия, в ходе которого были сравнены с землей многие города, перебита львиная доля князей и их дружинников, русские люди стали воспринимать татаро-монгольское иго как божью кару за грехи. Именно это вроде бы

привело к примирительному отношению к захватчикам и более того, к восприятию их на Руси в качестве легитимных правителей, что и обусловило длительное и суровое владычество ордынских ханов без каких-либо серьезных попыток со стороны русских князей взять реванш. Но только ли это сыграло свою роль? А как все-таки насчет междоусобиц враждующих друг с другом и зарившихся на киевский стол родственников-князей?

Нет слов, варяжско-славянские (к тому же часто женатые на половчанках) русские князья дорого заплатили татарам за свое намерение сопротивляться на начальном этапе нашествия. Но как они должны были поступить? Просто внять угрозам и поднять руки вверх? И что им было делать, если все они постоянно грызлись друг с другом и не могли сговориться, противопоставив татарам объединенное войско? Здесь сложно дать однозначный ответ и тем более винить кого-то. Важно другое. Разве поражение, даже если оно сопровождалось зверским погромом мирного населения, мешало попыткам со временем все же преодолеть раздоры и создать единый фронт, попытаться взять реванш? И вот здесь стоит подробнее остановиться на поведении Александра Невского, наиболее известного из русских правителей периода раннего татарского ига. Казалось бы, кто, как не он, этот герой борьбы с западными рыцарями, пусть даже весьма немногочисленными, должен был бы возглавить борьбу с пришедшим на смену западным рыцарям многочисленным кочевым воинством татар, будто бы наказывавших Русь за «грехи». Но он повел себя, как известно, совсем иначе. Он сделал все, чтобы заслужить благосклонность хана Батые и, обойдя брата Андрея, получить ярлык на великое княжение. Мало того, дабы добить брата, новый великий князь не погнушался взять у хана отряд воинов, который по количеству пролитой русской крови и жестокости едва ли в чем-либо уступал первому и наиболее страшному нашествию самого Батые на Русь.

Александра Невского справедливо ненавидели в Новгороде, Пскове и других русских городах за его братание с ордынцами. Но этого мало. Намного страшнее то, что именно его политика определила преобладание восточного курса и соответствующего уровня развития и самосознания населения в истории Руси, главным врагом для правящей верхушки которой оказался Запад, никогда, в отличие от татар, не стремившийся стереть ее с лица земли или поработить. Этот вывод напрашивается сам собой. Но справедливости ради следует заметить, что отнюдь не все определялось произ-

вольным выбором князя. Если оставить в стороне Александра Невского, роль которого отнюдь не стоит принижать, то встанет вопрос, чем же тогда руководствовались те, кто его поддерживал? Речь прежде всего об иерархах русской православной церкви.

АНТИЧНЫЕ ТРАДИЦИИ И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ

Как то хорошо известно, прогрессирующее развитие варварской раннесредневековой Европы шло под сильнейшим влиянием античных традиций и христианства. И традиции древнегреческих полисов и успехи христианства, превращенного Константином Великим в государственную религию Рима, были в своем завершенном виде опосредованы именно Римской империей. Эта империя рухнула под ударами варваров, но все же сумела стать главным средством ускоренной аккультурации пришедших с Востока варварских племен и этнических общностей. Парадокс в том, что, хотя рухнула именно Западная Римская империя, тогда как Восточная в облике трансформировавшейся Византии продолжала существовать еще почти тысячу лет, античные традиции оказались сильными и сумели сыграть свою решающую роль в преобразовании варварских протогосударственных структур как раз на периферии погибшей западной части империи. А на востоке, в Византии, где греческий язык и наследие античной традиции вроде бы должны были быть сильнее и куда раннее христианство перебазировалось вместе с Константином, ни античность, ни христианство не обнаружили должной трансформирующей варваров силы. Почему же это случилось?

Дело в том, что Афины как генерирующий традицию центр античного мира были в период эллинизма заметно придавлены македонцами и римлянами, а затем византийский Юстиниан поставил точку не только на развитии, но и на самом существовании древнего центра античной культуры. Афины, да и вся Эллада, превращенные в провинцию Византии, захирели, пришли в упадок, практически вовсе забыли об античных традициях и постепенно стали превращаться в центр христианского православия. Эта трансформация — в отличие от той, что произошла на территории рухнувшей Западной Римской империи, — не привела к энергичному преобразованию варварских общностей, количество которых на северной периферии Византии волею судеб было неизмеримо меньшим по сравнению с тем, к чему привело Великое переселение народов в раннесредневековую Западную Европу. Конечно, Византия и греки с их высокой культурой сыграли свою

роль в исторических судьбах восточноевропейского населения, включая и славян. Однако эта роль была иной, нежели та, которая столь способствовала формированию государств Западной Европы.

Византийское православие, занятое схоластической догматикой и тратившее огромные усилия на то, чтобы выработать генеральные основы ортодоксального христианства, не считала своей первостепенной задачей просвещать варваров, которые были сравнительно малочисленными, весьма отсталыми и не слишком беспокоили сохранившую силу империю. Только появление на юго-восточных и южных границах Византии воинственных мусульман озаботило правителей империи. Но мусульмане в аккультурации не нуждались. Соответственно и античные традиции, долгое время еще теплившиеся в Византии, для внешнего потребления не были нужны. А православное христианство в отличие от католического, вынужденного считаться с распространенными на периферии бывшей Западной Римской империи традициями античного прошлого, вовсе было чуждо им. В итоге Византия, подвергавшаяся медленной, но ощутимой ориентализации под воздействием древних ближневосточных традиций, теряла свои связи с эллинским прошлым. И очищенное от него православное христианство уже не имело ничего общего с древнегреческой демократией и даже с правовыми нормами Рима, возвеличенными в ранней истории Византии Юстинианом в качестве своего рода лебединой песни античности.

Более того, православие с течением времени вполне осознанно и отчетливо противопоставляло себя римскому католицизму, быть может, не до конца при этом понимая, что не нравились ему в западном христианстве именно те социополитические традиции, свободы, демократические процедуры и правовые нормы, которые явно восходили к античному прошлому и никак не увязывались с устоявшимися здесь, на востоке Европы, жесткими догмами христианства, находившегося под суровым присмотром императоров, которые по восточному стандарту считались верховными покровителями и безусловными главами церкви. И это восприятие Запада в качестве источника некоей не вполне объяснимой, но подспудно всеми ощущавшейся заразы, которая способна лишь развратить послушное властям население, становилось жизненной нормой. Оно впитывалось поколением за поколением в качестве незыблемого статус-кво, превращавшегося в важнейший принцип истинного православия.

Как то хорошо известно, именно такого рода напряженные отношения и взаимонепонимание между православными и католиками

(а вовсе не немногочисленные и легко при желании преодолимые догматические и литургические особенности каждой из церквей) привели в 1054 г. к разрыву отношений между восточным и западным христианством. Более того, обе ветви христианства в сложившихся условиях закономерно превратились в непримиримых врагов, явно не понимавших друг друга. При этом для явственно ослабевавшего православия этот резкий разрыв был наиболее болезненным, что проявилось в годы четвертого Крестового похода, когда западные рыцари в 1204 г. более чем на полвека оккупировали значительную часть Византии, образовав Латинскую империю. Можно добавить к этому, что даже накануне падения Византии в середине XV в., когда византийские власти просили у католического Рима помощи и соглашались на унию, т.е. на воссоединение церквей, большинство населения империи эту унию в 1449 г. не приняло, стойчески предпочтя ей завоевание турками в 1453 г.

Русские получили христианство из Византии, от православных греков. И хотя христианство на Руси сыграло на первых порах весьма позитивную роль, способствуя аккультурации как отсталого во многих отношениях народа, так и его правящих верхов, оно не несло в себе того революционного по духу потенциала, каким обладало обогащенное античными традициями и лишенное жесткой руководящей власти императоров католичество. Русское православие не было пропитано, как то было у католиков (включая и сам Рим с его уважением к античной эстетике, особенно в сфере скульптуры и архитектуры, что наглядно проявилось в эпоху Возрождения), шедшим от античной традиции уважением к человеку, к его правам, свободам, возможностям и гарантированным привилегиям. Но этого мало. Много важнее принять во внимание, что роль православия на Руси была, как то свойственно для любых глубоко укоренившихся идей, огромной и целенаправленной. Для него в мире не было ничего страшнее, нежели западное христианство с враждебными православному порядку восходившими к античности нормами и нравами.

Будучи гораздо более близкой по духу к традициям Востока, нежели еще кое-что сохранявшая от античной древности Византия, Киевская, а затем и Владимиро-Суздальская Русь с гораздо большим пониманием относились к модусу поведения татар, восточных кочевников, обладавших силой и отнюдь не стеснявшихся использовать ее по полной программе, нежели к тем немногочисленным западным рыцарям, которые действовали где-то неподалеку от Новгорода и с которыми

имел дело Александр Невский. К тому же русская православная церковь, легко поладившая с татарами, которые согласились не облагать ее данью, явно была заинтересована в том, чтобы сохранять связь с Ордой, но ни в коем случае не идти на налаживание отношений с католиками, которые предлагали Александру Невскому помощь и союз в борьбе с татарами.

И это было не случайным временным заблуждением, как не стоит считать таковым и поведение византийцев между 1449 и 1453 гг. Это было вполне очевидно выношенное убеждение, почти что крик души. И похоже на то, что вся линия поведения Александра Невского, в том числе его решительный отказ от союза с католическим Западом, была тесно согласована с позицией русской православной церкви. Далеко не случайным на этом фоне кажется и то, что на протяжении веков русская церковь отчетливо выделяла именно этого князя среди многих иных Рюриковичей и считала его чуть ли не первым в ряду святых. Правда, не слишком понятна и позиция Петра I, активно боровшегося за западный путь для России и в то же время торжественно перенесшего останки святого князя из Владимира в Санкт-Петербург. Но, видимо, правы те, кто считает, что Петр I, приказавший праздновать день памяти Александра Невского, сделал это для того, чтобы придать Невскому смысл символа в борьбе России в Прибалтике за «окно в Европу»¹.

РУСЬ КАК ВОСТОЧНАЯ СТРУКТУРА

Обратимся теперь к тому, чему положил начало Александр Невский, не забывая при этом, что его внук Иван Калита, столь многое сделавший для возвышения Москвы, добился успехов в результате такого же угодливо-льстивого отношения к Орде. Калита, как то хорошо известно, ни на мгновение не колебался, когда он приносил в жертву ордынскому хану своего соперника Тверь, правители которой первыми попытались было всерьез противиться воле татар. И лишь с Дмитрия Ивановича (Донского), одолевшего, как гласит традиция, влиятельного ордынского темника Мамай в 1380 г. на Куликовом поле, это отношение к Орде стало меняться, а ордынский хан перестал рассматриваться русскими князьями в качестве их чуть ли не легитимного господина, т.е. царя, о чем не раз упомянуто в русских летописях.

¹ См., в частности: *Данилевский И. Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М., 2001, с. 226.

Само по себе изменение в соотношении сил нормально и даже типично для исторического процесса. Но в нашем случае важно обратить внимание не столько на него, сколько на психологию русских правителей вплоть до начавшего изменять ее «Мамаева побоища». Психология эта типична именно для традиционных восточных обществ с их генеральной структурой власти-собственности и тесно связанной с ней централизованной либо феодальной (децентрализованной) редистрибуцией. И хотя раннесредневековые государства Западной Европы тоже несли на себе отчетливые следы такого рода восточной структуры власти-собственности с децентрализованной редистрибуцией, там античные традиции достаточно быстрыми темпами вели дело к ослаблению восточной структуры и к началу постепенной дефеодализации общества, в котором феодалам оставалось все меньше места и где на их место в ряду правящей элиты все явственнее претендовала городская предбуржуазия. Это стало особенно заметным с начала эпохи Возрождения, резко усилившей в Западной Европе уже с XIV в. значимость античной традиции. Русь же и в XIV в., и в последующие столетия не имела ничего общего с такого рода процессом и оставалась, как и большинство обществ и государств вне Западной Европы, типично восточной структурой. И если смотреть на все описываемые события именно с этих позиций, многое в поведении русских князей станет гораздо более ясным и логически обоснованным.

Возвратимся к Александру Невскому, не забывая о Калите и иных русских правителях времен татарского ига. Для всех них татары с их жестокостью, свойственной варварам и тем более кочевникам, были чем-то если и не близко родственным, то во всяком случае вполне понятным. Они, если уж на то пошло, считались в чем-то сходными с половцами, с которыми первые русские князья оказались тесно связанными (стоит иметь в виду, что северные викинги-норманны в те времена еще не были христианизованы и в отличие от более южных их европейских соседей мало что получили от античных традиций). Более того, коль скоро Русь оказалась под жесткой властью татар, ордынские ханы не могли восприниматься русскими князьями, зависевшими от их милости, просто как сюзерены европейского типа, но воспринимались совсем иначе, а именно в качестве восточного типа всевластных деспотов.

Разница весьма существенная. И дело не только в том, что в русских летописях ханы именовались царями, а в том, что восточный правитель — царь — был для всех своих подданных сакрально возвышенной властью. Мало того, по отношению к такому правителю все

его подданные сами себя считали, да и вообще логично воспринимались как рабы (вспомним постулат о поголовном рабстве на Востоке). В соответствии с такого рода фактическим положением дел и с его психологическим восприятием на Руси было и поведение зависимых от хана князей, не считавших для себя зазорным, унижаясь, получить ярлык на высокий стол, порой ценой безжалостного уничтожения столь же властолюбивых соперников вместе с их подданными. Вместе с презрением к бесправным подданным, смердам и холопам, сами Рюриковичи своей угодливостью заложили основу того неизбывного сервильного комплекса, который пронизал всех на Руси.

Этот комплекс, о котором подробнее чуть далее, вплоть до сегодняшнего дня отчетливо ощущается в психологии и социальном поведении населения нашей страны. Мало того. Уже после избавления от татарского ига не только психология русских князей, а с Ивана Грозного и царей, но и, что намного существеннее, генеральная структура общества и свойственные ей нормы поведения не изменились. В строгом соответствии с восточными нравами, причем в наиболее жесткой и варварской их модификации, человек в нашей стране продолжал восприниматься в качестве раба всевластного правителя, с которым он волен (вспомним знаменитое послание Грозного князю Андрею Курбскому) делать все, что ему угодно.

Для параноика, каким был первый русский царь, этот восточный по типу и происхождению принцип был крайне важен не только потому, что он вполне соответствовал натуре этого правителя, но прежде всего из-за того, что иных способов надежно упрочить свою власть в тех условиях практически не было. Инфраструктура, столь необходимая для централизации системы администрации, в его время только-только создавалась и была еще явно недостаточной для реализации далеко идущих притязаний жестокого деспота. Но по очередной прихоти судьбы, которая проявилась в убийстве Иваном его старшего сына и в отсутствии иных выживших наследников, после неудачного правления лишенного легитимности, хотя и во многом весьма незаурядного и при иных обстоятельствах имевшего шансы многое сделать для перемен на Руси Бориса Годунова в стране началась Великая смута.

Период такого рода смут на Востоке — и лучше всего это видно на примере имперской истории Китая — никогда не был подходящим для радикальных перемен. Он мог вести лишь к восстановлению столь желанной в восточных обществах консервативной стабильности, т.е. к появлению режима, в основном наследующего уже давно сложив-

шиеся нормы существования. Это случилось и в России с переходом власти к дому Романовых. Россия XVII столетия отличалась от периода бесчинств Ивана Грозного лишь тем, что первые ее правители не были амбициозными и тем более не проявляли зверских наклонностей. Но зато именно при них — и это опять-таки стоит считать одной из столь многих для страны трагических случайностей, нежеланных прихотей судьбы, — стало быстрыми темпами расцветать закрепощение крестьян. Потенциальные невольники власти по прихоти судьбы трансформировались во вполне реальных рабов, которых можно было продавать как скот. Почему это произошло?

Не претендуя на всестороннее и тем более тщательное изучение этой важной для судеб России проблемы, стоит заметить, что в условиях отсутствия необходимой для централизованной власти инфраструктуры, которая после Смуты по-прежнему складывалась недостаточно быстрыми темпами, и уничтожения Иваном Грозным основной части бояр-вотчинников в России возник вакуум правящей элиты. А так как любой вакуум крайне недолговечен и пустое место быстро заполняется, то нет ничего удивительного в том, что место бояр заняло молодое русское дворянство, вербовавшееся первоначально из разных слоев населения, преимущественно из выдвинувшихся воинов. Начало создания слоя дворян восходит к печальной памяти опричнине все того же Грозного. Но для понимания проблем России после этого важно учесть, что в складывавшихся заново условиях институт децентрализованной редистрибуции (система феодализма) стал существенно трансформироваться.

В чем суть трансформации? Она в том, что, коль скоро место правящей элиты заняли феодалы нового типа, многочисленные дворяне, их следовало за это обеспечить соответствующим статусу содержанием. Поэтому на смену боярам-вотчинникам пришли помещики, вначале обязанные за свои поместья с крепостными служить государю, а со временем освободившиеся и от этой основной их обязанности. Однако главное вовсе не в том, что спустя век-полтора после своего появления сословие дворян перестало быть служивым. Оно в том, что это сословие — и только оно! — оказалось опорой трона, фундаментальной базой империи. И продолжало быть таковой до XX столетия. А базой, фундаментом, надежной основой дворянства стали крепостные крестьяне. Крепостное рабство с XVII в. стало самой страшной незаживающей язвой, даже раковой опухолью России. И история его заслуживает особого внимания.

СЕРВИЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС

Оставляя в стороне спекуляции на тему о том, что еще римляне вроде бы относились к славянам как к потенциальным рабам и что именно об этом свидетельствует звучание этнонима (*slaves, slavery*), начнем с того, что терпение и покорность соотечественников восходят к далекому прошлому. Они были заложены в психологию русского народа еще теми варяжскими дружинами, которые во главе с князем-конунгом приезжали за сбором дани. Вначале порой возникали конфликты. Но после страшного погрома, который, по преданию, устроила княгиня Ольга древлянам в качестве мести за убитого мужа, о мятежах больше нет упоминаний. Бунты уступили место подчинению. Вслед за ним пришла покорность, все более очевидно превращавшаяся в **рабскую по сути своей психологию**, которая с тех пор стала нормой отношений народа со всеми его господами, начиная с князей времен Киевской Руси. А когда на смену «своим» властителям пришли жестокие восточные кочевники, осевшие неподалеку от русских земель и жившие за счет поборов с русских крестьян, эти последние были окончательно и надолго превращены татарами в ордынских невольников.

Собственно, именно с этого начинается история русского рабства. Здесь существенно оговориться, что нечто в этом роде было характерно для многих стран неевропейского мира (термин «поголовное рабство» в свое время широко использовался для характеристики стран Востока). Конечно, в разных неевропейских странах принцип сервильности имел собственную специфику и базировался на различной основе. Впрочем, разница была обычно не слишком заметной. Как и повсюду, население Руси никогда не воспринимало себя **гражданами** и не имело никаких представлений о восходивших к античности правах, привилегиях и гарантиях. Напротив, оно по всем этим параметрам оказалось в русле **классической восточной традиции**, где все всегда были **подданными всевластного правителя**. Не слишком изменило в этом смысле ситуацию и принятие христианства в его не близком к античности западном, но в явно тяготевшем к восточным стандартам греко-византийском — православном — варианте. Естественной нормой для него опять-таки было подчинение всех, включая и саму церковь, государству в лице его правителя. К тому же нельзя не учесть, что христианство распространялось среди рассеянного по обширной территории народа очень медленно. Кроме того, оно вынуждено было сосуществовать с языческими верованиями, а это спо-

собствовало, вопреки тому, что было в западном средневековье, крайне замедленным темпам аккультурации.

Все это сыграло очень важную роль в том, что Запад и все западное воспринимались на Руси как нечто враждебное. И если принять это за основу, то многое станет более понятным и объяснимым в поведении Александра Невского. И здесь нечему удивляться. Стандарты восточного православия буквально вынуждали относиться к утвердившемуся правителю как к господину, и это касалось всех, начиная с князей и кончая простыми земледельцами. Зависимость, униженность, подвластность неожиданным набегам татар, приезжавшим за сбором дани, — все это вполне естественно и логично создавало в не приученном к гражданским свободам народе комплекс рабской по духу приниженности. Не с вилами в руках, но с великой покорностью вынуждены были беззащитные русские крестьяне встречать ханских баскаков и сопровождавшие их отряды конников, позволяя им делать с ними и с их женщинами все, что они пожелают.

Уничтожение татарского ига стало героической страницей в истории Руси. Но оно не привело к освобождению крестьян от рабской зависимости и тем более к изменению соответствующей ей психологии, которая за столетия глубоко въелась в натуру людей. В результате на Руси возник сервильный комплекс, который стал в последующем определять модус поведения народа. Он проявлялся не только и даже не столько в покорности и приниженности перед любым из власть имущих, но и в реальной постепенной утрате тех немногих прав, которые крестьяне имели прежде, даже во времена татарского ига. Эта же рабская покорность была нормой, как только что было упомянуто, и в среде правящих верхов, русских князей и бояр, что с особенной ясностью проявилось во времена Ивана Грозного. Влиятельные вотчинники из рода Рюриковичей или иных знатных родов униженно молили тирана-царя о пощаде и в великом страхе позволяли ему с его опричниками вырезать их в буквальном смысле слова на городских площадях либо в их собственных усадьбах. Царь Иван, как известно, не останавливался перед тем, чтобы по восточному стандарту уничтожать и непокорные города вроде своенравного вольнолюбивого Новгорода, если те оказывали хоть малейшую склонность к сопротивлению. Результатом стало насильственное распространение все того же сервильного синдрома среди всего населения страны. Все русские люди, от мала до велика, чувствовали себя бесправными рабами перед лицом взбесившейся власти, олицетворенной царственным параноиком.

А вскоре после Грозного, когда на смену боярской элите пришли покорные правителю дворяне, служившие царю верой и правдой, возникло и крепостное право, т.е. право дворян иметь в своем распоряжении жалованные им властью земли с прикрепленными к ней крестьянами. Крепостное право постепенно принимало все более жесткие формы, пока — после отмены так называемого Юрьева дня, предполагавшего раз в году возможность покидать одного господина в пользу другого, — не превратилось в крепостное рабство. Равного этому рабству со времен наиболее жестких норм обращения с рабами в древности никто не знал. С ним могло, о чем упоминалось, сравниться лишь современное ему рабство негров на американских плантациях. В итоге сервильный комплекс стал одним из наиболее важных импульсов, определявших нормы жизни и стандарты поведения русских людей, а также тех иностранцев (кроме западных, прибалтов, финнов и поляков), которые включались в состав России и со временем становились ее интегральной частью.

Со времен Великой смуты начала XVII в. стало очевидным, что держава ослабла. Попытки усилить ее мощь при первых царях династии Романовых, в частности при Алексее Михайловиче, не дали сколько-нибудь заметных результатов. Закрепощение крестьян положило начало резкому социальному расслоению, но не дало в руки царей желанной военной мощи. Петр Великий первым из Романовых и вообще из русских правителей понял, что истоки внутренней слабости России в ее отрыве от Запада. Запад он воспринимал как источник ставших к этому времени вполне ощутимыми достижений капитализма с его быстрыми темпами экономического роста и технико-технологического прогресса. Альтернатива была в добровольном и очень активном сближении с ним. Именно это и осуществил Петр, опираясь на привычное для народа послушание и смело используя все преимущества столь привычного для русских сервильного комплекса. Когда он бесцеремонно таскал за бороды русских бояр и срезал эти бороды на потеху публике, среди которой было много приглашенных им и подчеркнуто уважавшихся им иностранцев, в основном моряков, торговцев и иных специалистов своего дела, он хорошо понимал, что в лице, казалось бы, высокопоставленных бояр имеет дело с носителями все той же рабской психологии, свойственной всей очень отсталой по сравнению с Западом и измороженной насильниками стране. Но, отлично сознавая это и хорошо понимая разницу между Россией и знакомым ему европейским Западом, Петр практически ничего не сделал, чтобы хоть

как-нибудь ослабить этот комплекс. А ведь он не мог не понимать, какую роль рабская психология играет в процессе отставания России от передовых стран Запада.

ПОПЫТКИ ПРЕОДОЛЕНИЯ КОМПЛЕКСА И ПРОТИВОСТОЯНИЕ В ОБЩЕСТВЕ

Первые попытки, ведущие к преодолению сервильного комплекса, относятся к недолгому периоду правления его внука, Петра III. Как известно, реформы Петра I «прорубили окно» в Европу, а его преемники, и более всего Екатерина II, продолжили его политику. Но еще в 1762 г., при Петре III, муже Екатерины, был принят манифест о вольности дворянской, благодаря которому высшее сословие в России обрело свободу и достоинство человека, чуждого рабскому состоянию. Дворяне обрели право не служить, а крепостные, напротив, начали считаться прикрепленными не к земле, а к помещику. Но показательно, что ни Петр I, ни Екатерина II не только не уничтожили крепостное рабство, но и не сделали ничего, чтобы избавить народ от психологически въевшегося в него сервильного комплекса. Правда, этот комплекс был, благодаря не только манифесту о вольности, но и влиянию идей Просвещения и парижских революционных волн, преодолен в среде правящей элиты, чему помогли наводнившие Россию иностранцы (особенно бежавшие от революции аристократы), которые сыграли немалую роль в русской истории, распространив среди дворян моду на все французское. Знакомство с иностранным языком и практика чтения издаваемых на нем книг привели к усвоению верхними социальными слоями многих цивилизационных ценностей Запада.

Трудно преувеличить значение этого процесса. На смену уцелевшим со времен Грозного боярам с их архаическим бытом и рабской психологией пришли окончательно утвердившиеся в стране дворяне. По меньшей мере наиболее родовитые и высокопоставленные из их числа, воспитанные на французский манер и не чуждые к тому же античным традициям свободы, которые, в частности, столь охотно воспевал в своей поэзии Пушкин, преодолели сервильный комплекс. Эти дворяне заимствовали из европейской культуры представления о чести и достоинстве аристократа, которые считались дороже всего, даже жизни. Оскорбление дворянина (разумеется, со стороны равного ему) смывалось только кровью на дуэли, как то давно уже практиковалось в Европе. Это было социопсихологической революцией, правда, ограниченной лишь очень узким слоем правящей элиты.

Но и этого было совсем не так уж и мало. Благодаря этому стало возможным появление таких образованных и либерально настроенных деятелей, как декабристы, и таких гениев свободной мысли, как Пушкин и Лермонтов. Правда, появление этого своеобразного «нового дворянства» положило начало тому расколу русского общества, которое со все большей силой стало давать о себе знать в последующие времена. Но важность такого рода перемены в истории русского общества не подлежит сомнению.

Вся русская культура XIX в., великая культура, значимость которой и для России, и для Европы, и для всего мира едва ли можно преувеличить, была в конечном счете результатом начавшегося Петром и продолженного Екатериной II дрейфа русской империи в сторону Запада. Все западное, и это не преувеличение, воспринималось в России, во всяком случае на уровне верхов, с почтением. Мало того, оно достаточно быстро усваивалось. Настолько быстро, что славянофилы середины XIX в. стали даже всерьез опасаться, как бы эти столь обильные заимствования не подорвали основ русского национального духа и его древних культурных ценностей. Едва ли стоит спорить с этими идеями, хотя они и вполне адекватно отражали настроение определенной части мыслящей России, недовольной быстрыми темпами ее вестернизации. Но вестернизация, о которой идет речь, была в то время частью глобального процесса, который затронул весь неевропейский мир. Принципиальное несходство России с восточным миром было в том, что она в отличие от остальных (здесь может быть параллель только с Японией, проделавшей нечто похожее намного позже, но зато в исторически крайне сжатые сроки), вроде бы добровольно, а точнее по воле правителей выбрала свой путь и активно стремилась к достижению максимальных успехов в движении по этому пути.

Но успехи давались с трудом. Более всего они были заметны в сфере культуры, которая создавалась в основном усилиями вестернизированного дворянства и немалого количества эмигрантов. Сначала это были немцы и голландцы, чуть позже французы и итальянцы (впрочем, итальянцы, пусть в небольшом числе, были и прежде; как известно, Кремль строился по итальянским чертежам еще задолго до Петра). Затем, после присоединения Польши, в России появилось немало поляков и евреев. Но развитие культуры не могло не опираться на экономическую эволюцию страны. А с экономикой в России дело обстояло достаточно сложно. Хотя частная собственность со времен Петра обрела довольно прочный статус, собственниками вначале

были в основном все те же дворяне, изредка купцы. А объектами собственности — земля и крепостные крестьяне. Эти крестьяне в случае необходимости еще на рубеже XVII–XVIII вв. массами приписывались к промышленным объектам. Но они же одновременно, вплоть до 1861 г., оставались крепостными рабами своих помещиков и в случае надобности продавались, что называется, с молотка.

Стоит в связи с этим заметить, что заводы в петровские времена представляли собой полугосударственные предприятия, так что об экономическом эффекте и рыночном характере всего промышленного производства применительно к той эпохе, да и ко всему XVIII в., едва ли стоит говорить. Только с XIX в. в России появляется созданная усилиями в основном купцов и разночинцев фабричная, а затем и заводская частная промышленность, которая, однако, лишь в конце века, после реформ, стала развиваться достаточно быстрыми темпами, даже стремительно. В России начали возникать крупные частнокапиталистические предприятия, которые работали не только по государственному заказу, но и на рынок, и обычно имели тесные связи с поставщиками из разных стран. Страна понемногу стала превращаться в развитую в военном, политическом и экономическом плане империю. Великая русская культура — литература и живопись, музыка и театр (особенно балет), критика и политическая публицистика, университеты и среднее образование (гимназии, училища), реформированная система права и судопроизводства, — достигла высот мирового уровня. Словом, едва ли не по всем основным параметрам, кроме разве что основ традиционной структуры, Россия стала частью Европы. Но вот это **кроме** заслуживает специального внимания.

Заимствование многого из европейских традиций и цивилизации, особенно в сфере культуры, было очень важным для трансформации России, для приближения ее к европейскому стандарту. Но это заимствование затрагивало в основном, а в некоторых важных сферах и исключительно сравнительно узкий слой социальных верхов. Вначале лишь дворянство, да и то в основном его верхние слои. В середине и особенно во второй половине XIX в. также и наиболее способных и удачливых разночинцев, выходцев из купечества, духовенства, мещан и даже крестьян, в том числе и вчерашних крепостных. Казалось бы, едва ли не все социальные слои так или иначе стали принимать участие в развитии страны и занимать свое место в различных сферах ее экономической, политической и культурной жизни. Однако на деле все было далеко не так.

Четкая и даже резкая грань, о которой уже шла речь, отделяла дворянство и сравнительно недавно выделившуюся среднюю — разнородную — часть российского общества с учетом всех важных ее внутренних градаций от основной, т.е. низшей части общества, от массы крепостных крестьян, после 1861 г. формально свободных. Пожалуй, ни в одной из стран мира как на Западе, так и на Востоке, в XIX в. да и в другие времена не было столь резкой и губительной для судеб страны социальной грани. Грамотные и хорошо образованные верхи общества, дворяне, а чуть позже также и средняя его часть, разночинцы, были с этого времени причастны к великой культуре России и к западноевропейской цивилизации с ее буржуазным производством и соответствовавшим этому моральным стандартом. Низы же, едва ли не 80–90% населения, если не больше, находились вне всего этого и продолжали быть объединенными в рамках небольших деревенских общин. Этот крестьянский мир с его архаичным сознанием, веками воспитанным сервильным комплексом и специфическими традициями вполне очевидно восходил к примитивной первобытности. И по условиям жизни, и по нормам бытия, и по психологическим установкам русские крестьяне в подавляющем своем большинстве не только не были похожи на дворян (барство) либо образованных и цивилизованных интеллигентов, но и резко противопоставляли себя им.

Столь резкого противопоставления не было нигде, причем именно такого рода специфика России во многом объясняет как драматизм ее судеб в XIX и тем более XX в., так и величие ее культуры. Разберемся в этом несколько подробнее. Драматизм, даже трагизм русской истории того времени, о котором идет речь, заключался в том, что отпущенный на волю в 1861 г. русский крестьянин был не готов к воле (еще раз вспомним чеховского Фирса). Он был не готов к ней в той же мере, как современный русский после реформ Горбачева и Ельцина оказался не слишком восприимчив к демократии и свободе. Важно обратить внимание на то, что и в том и в другом случае это была не экономическая, а социопсихологическая неподготовленность, порождавшая иждивенческий синдром, т.е. привычку полагаться едва ли не во всем на волю хозяина (раньше — барина, позже — государства). Это вело народ к практическому неумению полагаться на самого себя, особенно в условиях разгула частнособственнической стихии, столь чуждой для его привычной психологии общинного быта.

О несходстве с Западом в подобного рода ситуации не приходится и говорить. Но Россия существенно отличалась и от стран Востока.

В любой восточной стране в годы трансформации можно было найти нечто подобное. Но там все слои населения, за исключением немногих из числа социальных верхов, находились в примерно равном положении и, что еще важнее, были весьма схожи друг с другом и судьбами, и социальным статусом. Перед лицом традиционного восточного государства все налогоплательщики, как богатые, так и бедные, формально были равны, хотя образование как таковое везде имело определенное значение. Специфика Востока, однако, сводилась к тому, что либо стать образованным было крайне трудно, либо сфера применения образованности оказывалась очень ограниченной. В первом случае наглядный пример являет китайская конфуцианская цивилизация, в рамках которой получение образования было обусловлено невероятными сложностями (стена иероглифов), так что лишь очень немногие могли реализовать в принципе открытое для каждого право выбиться наверх и стать чиновником. Во втором — мир ислама, в пределах которого образование позволяло стать в ряды духовенства, но не более того. Совсем иначе сложились отношения в России. Сервильный комплекс и традиции усугубили разрыв между низшими слоями, с одной стороны, и не только высшими, но и средними — с другой. Мужик и барин (а барам в России считались все образованные, независимо от имущественного положения, включая представителей служилой интеллигенции) в привычном представлении крепостных крестьян были выходцами из разных миров. При этом крестьяне, что весьма показательно, воспринимали такого рода факт как нечто само собой разумеющееся, не задумываясь особенно над ним. В то же время в среде интеллигенции этот драматический социальный разрыв стал фундаментом для постоянной и очень глубокой рефлексии. Взглянем более основательно на то, от чего это зависело и к чему сводилось.

ПРОБЛЕМА БУРЖУАЗИИ В РОССИИ

И здесь мы снова видим принципиальное отличие России от государств Западной Европы, где в это же время активно формировалась буржуазия, возглавившая третье сословие и обоснованно претендовавшая на участие в управлении трансформировавшимися государствами, что было особенно заметно в передовой в этом смысле Англии. Англия уже в XVII в. — как и Голландия — продемонстрировала всему миру, насколько очевидными преимуществами перед иными сословиями обладает третье, возглавляемое буржуазией. Это раньше и лучше других в России увидел и оценил Петр I. Петровская и тем более

постпетровская Российская империя в результате неимоверных усилий Петра стала с XVIII столетия разительно отличаться от допетровской. В XVIII в. Россия укрепила свои позиции как великая держава. Внешнеполитические ее позиции заметно укрепились, территория за счет успешных завоеваний, особенно в годы правления Екатерины II, увеличилась, прежде всего за счет ослабевшей Османской Турции, хотя и не только (достаточно напомнить о разделах Польши). Однако, к великому сожалению, это не привело к появлению в России влиятельного третьего сословия и сколько-нибудь развитой, осознающей свои интересы и возможности буржуазии.

Конечно, тот же Петр I немало сделал для развития промышленности и укрепления могущества империи. Но промышленность эта была в основном, как упоминалось, государственной, казенной либо полуказенной, что не позволяло первым появившимся при нем и благодаря его усилиям заметным представителям российской предбуржуазии сколько-нибудь определенно выделиться из общества, войти в состав элиты и тем более осознать свои интересы. Да и дворянство, усилившееся и ставшее в XVIII в. надежной опорой империи, не давало выходцам из ее рядов места в коридорах власти. Следует заметить, что и власть в постпетровской России оставалась в своих основных чертах прежней. Правда, она являла собой некий смешанный вариант Востока и Запада. Но ведь подобное же сосуществование обеих структур было характерным и для средневековой Европы. Однако уже в раннем европейском средневековье влияние античных традиций в городах и совсем другая политика, иные взаимоотношения как с властью, так и с народом со стороны римской католической церкви сыграли важную роль в том, что города, эта основная движущая сила буржуазной эволюции, стали местом рождения европейской предбуржуазии. В позднем средневековье в Англии, Нидерландах, Франции, Ломбардии или в составе Ганзы города начали быстрыми темпами превращаться в островки, даже в архипелаг свободных территорий.

На основе этой исторически крайне важной территории стал протекать энергичный процесс трансформации европейской предбуржуазии в буржуазию с ускоренным развитием производства, предпринимательства, торговли. Но самое важное то, что этот процесс всюду обязательно сопровождался выходом на передний план все более развитой и строгой правовой культуры, либерально-демократических форм и тщательно разработанных процедур самоуправления. А на страже нового, по крайней мере на ранних этапах процесса, уверенно

стояли складывавшиеся в то же время централизованные европейские государства во главе с правителями, опиравшимися на города в борьбе с отживавшими свое феодалами. Этот важный процесс, о котором немало было уже сказано, определил крушение власти-собственности и развал феодальной социополитической системы взаимоотношений между властью и приниженным ею населением. Буржуазная трансформация, поддержанная в переходный период XVI–XVIII вв. соответствующей политикой правительств развитых стран, вела к постепенной дефеодализации, которая, как и выход на авансцену буржуазии, была результатом эволюции, обходившейся в большинстве случаев, кроме Франции, без революционных взрывов.

Иначе шел процесс трансформации общества и политики верхов в царской России. Здесь не было античных традиций, а церковь с течением времени, особенно после всех жестокостей Ивана Грозного и решительной ломки ее привычных форм при Петре I, перестала играть самостоятельную роль. Русские города, даже Новгород, разрушенный до основания Грозным, были не чета европейским. Зажиточные предприниматели и купцы не имели здесь ни престижа, ни соучастия во власти. Вся власть была в руках ничем не ограниченной и в основных своих чертах складывавшейся уже при Петре I централизованной администрации, центрами которой по восточному стандарту как раз и стали прежде всего крупные города. Имперская власть превращалась в самодержавную. И ни рядом с ней, ни тем более в ее рамках не было места, как то было характерным для всего традиционного Востока, от Турции до Японии, для городской буржуазии в полном смысле этого важного для нас понятия. Ни ее, ни вообще третьего сословия, как то уже было отмечено, в императорской русской реальности не существовало. Было и оставалось возникшее со времен первых варяжских князей и на протяжении многих веков сохранявшееся присущее структуре власти-собственности противостояние привилегированных и причастных к власти правителей и их социальной опоры (в отличие от Востока в России ею со временем стали прежде всего дворяне), с одной стороны, и всего остального населения — с другой.

Разумеется, структура власти-собственности не оставалась в этой ситуации неизменной. Но перемены были совсем иными по сравнению с тем, что отличало в переходное время XVI–XVIII вв. предбуржуазный и буржуазный Запад. По очередной прихоти судьбы — которая, стоит обратить внимание, никогда не баловала нашу страну — несмотря на уничтожение большей части старого вотчинного боярства,

дефеодализация в России не началась. Она не началась, во-первых, потому, что в стране не было еще развитой бюрократии, которая обычно венчала собой сложившуюся систему централизованной администрации, хотя она постепенно формировалась, в том числе и на низшем уровне так называемого крапивного семени, т.е. массы мелкого чиновничества, отличавшегося взяточничеством. Но в гораздо большей степени из-за того, что не возникла сколько-нибудь четко обозначившая себя городская буржуазия, а вместо нее роль опоры государства взяли на себя новые феодалы, т.е. дворяне.

И позже, уже в XIX столетии, в России продолжал существовать довольно удобный для империи строй, который опирался на новое дворянство (не стоит путать его с новыми дворянами в Англии) с его крепостными. Этот строй обеспечивал ей вполне достаточную военную мощь, но одновременно надежно перекрывал любые попытки следовать в экономическом развитии и вообще в эволюции по буржуазному пути с необходимыми для этого преобразованиями конституционно-демократического типа, с обеспечением прав и свобод для населения. В итоге сложилась очень крепкая власть, справедливо именовавшаяся самодержавной, что в конкретном российском случае следует воспринимать как своего рода эвфемизм для обозначения несколько трансформированного восточного деспотизма.

Правящая элита империи — во всяком случае, наиболее умная ее часть, — не могла не сознавать, что Россия безнадежно отстает от Запада в немалой мере именно потому, что ее социополитический строй с крепостным рабством огромного числа земледельцев не способствует эволюции. Было ясно, что страна не перестанет отставать от Запада и дальше, о чем лучше других писал в конце века столь напугавший императрицу Екатерину II своей книгой А. Радищев. Но вся беда была в том, что строй, о котором идет речь, оказался очень крепким. Робкие по форме попытки как-то его изменить, которым не был чужд в начале XIX в. император Александр I, реально не могли быть осуществлены, несмотря на то, что в это время над воплощением в жизнь радикальных реформ работали столь выдающиеся умы России, как М. Сперанский.

К чему сводились сложности? Структура власти-собственности, как о том только что шла речь, подвергалась в империи трансформации. Но суть перемен не сводилась, как то было в странах Запада, к очевидной замене децентрализованной редиистрибуции централизованной, т.е. к быстрому появлению хорошо налаженного аппарата администрации с обслуживавшим ее корпусом чиновников и к соот-

ветствующему оттеснению от власти ставших ненужными феодалов, что могло бы открыть простор для выхода на авансцену буржуазии. В России все происходило по-иному. Приходивший на смену децентрализованному боярско-княжескому (феодалному) варианту власти-собственности иной ее вариант, с централизованной редистрибуцией, здесь выглядел иначе. Администрация империи опиралась не только и даже не столько на чиновную бюрократию, сколько на новых феодалов, т.е. на дворянство, в корпус которого влились и уцелевшие древние боярские роды. При этом причастные к власти дворяне, владевшие частной собственностью (землей и крепостными), со временем превратившейся в свободно отчуждаемую, имели и правовые гарантии, и привилегии. Это стало основой самодержавия, ее фундаментом.

А так как ничего подобного европейским городам в России не было, то непричастные к власти и к дворянам все остальные частные собственники, известные в стране издревле, еще в период существования не уничтоженного Грозным Новгорода (например, Строгановы) или петровских реформ (Демидовы), могли существовать лишь с позволения начальства. Они обычно жили богато, но при этом и в мыслях не могли держать никаких вольностей типа тех, что были нормой в европейских городах. Практически это были люди, которых поддерживало пытавшееся развиваться государство, но не более того. Ни буржуазией, ни даже предбуржуазией (а существование того и другого социальных слоев предполагало элементы самоуправления, базировавшиеся на античных традициях) они не были. Более того, вместе со всем остальным населением страны они являли собой население, народ, т.е. подданных империи и императора, хотя при этом и представляли собой резко отличную от других и численно крайне незначительную его часть. И этот народ, о чем не жалко лишний раз напомнить, отнюдь не был претендующим на что-то третьим сословием. Он, выражаясь бесмертными словами поэта, *безмолствовал*.

Такого рода специфическая структура придавала империи дополнительную прочность, но одновременно и жестко тормозила любые серьезные перемены, особенно в том наиболее болезненном для страны пункте, который касался проблемы крепостных, существование которых было основой благополучия корпуса русского дворянства. В итоге страна, включая богатых частных собственников, непричастных к власти, а также духовенство, которое было на службе у государства, очень резко и четко делилась в социальном плане на две части. На части, неравные в правовом и многих иных отношениях. И хотя нечто

подобное было практически на всем неевропейском Востоке, в России такое противостояние в XIX в., особенно в его середине, стало выглядеть крайним анахронизмом. Этот анахронизм, сопоставимый разве что с параллельно существовавшим в США рабством африканцев, был вопиющим в том смысле, что даже на Востоке редко можно было встретить столь низкий уровень развития основной массы населения с ее крайне ограниченным архаичным сознанием, изживенческой психологией и соответствующим для подавляющего большинства невысоким интеллектуальным уровнем.

Ведь большинству необразованного народа, о воспитании нравственных и тем более культурных стандартов которого крайне мало заботилась православная церковь (хотя именно это должно было быть главным во взаимоотношениях пастырей с паствой, как то при всех издержках было свойственно католицизму, не говоря уже о протестантизме) было чуждо реальное восприятие мира, в котором или по крайней мере рядом с которым жила Россия. И, что особенно прискорбно, это было свойственно не только крепостным с их общинным *миром* со всеми его весьма примитивными потребностями и представлениями. Не слишком отличались от крепостных и государственные крестьяне, да и в большинстве своем и городские мещане (вспомним старух из пьес А. Островского, рассуждавших о султанах Махмуде турецком либо персидском). Не получая, как правило, сколько-нибудь ощутимого хотя бы начального образования, большинство народа в сильно затронутом вестернизацией XIX в., оставалось на крайне невысоком уровне. Люди просто не были в состоянии понимать процессы, которые происходили в мире и прежде всего в передовых по сравнению с российским обществом странах Запада.

РОЛЬ РАЗНОЧИННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Ситуация начала изменяться с появлением в обществе влиятельного слоя интеллигенции, социальный состав которой был смешанным и потому стал нарушать привычные для самодержавной России нормы. Уже первая половина XIX столетия, отмеченная именами А. Пушкина и М. Лермонтова, насмешками Н. Гоголя и многими иными необычными для прошлого века (кроме разве что Н. Радищева) явлениями подобного порядка, показала, что восстание декабристов при всей его заведомой обреченности было все же важным сигналом того, что влияние европейской мысли на передовое русское дворянство было достаточно существенным, чтобы если и не поколебать трон, то заставить

правителей и не только их задуматься над будущим империи. Можно выразиться и более четко: декабристы и русская мысль ясно свидетельствовали о том, что развитие страны дошло до некоего критического момента. И император Александр I явно сознавал это. Похоже на то, что только невыгодное для империи стечение обстоятельств, которое вынудило ее, неожиданно приобретшую немалый вес в политической жизни Европы, возглавить Священный союз контрреволюционных режимов, успешно тормозило ход событий, что отразилось на проекте русской конституции и на правовых разработках М. Сперанского.

Священный союз сыграл, насколько можно судить, роковую роль и в жизни императора Александра I, последняя часть которой прошла в метаниях и мистических идеях. И хотя сменивший брата Николай I был достаточно равнодушен к союзу, он серьезно и в общем не без оснований, особенно после заговора декабристов, опасался, что проявление слабости в вопросе о возможном реформировании России будет способствовать тому, что страна «пойдет вразнос». Трудно винить за это одного лишь императора. Все дело в том, стоит повторить, что страна действительно находилась на критическом для нее этапе. Жить по-старому уже было невозможно, но менять старые порядки без очень основательной подготовки к этому было крайне опасно и чревато не только заговорами и переворотами, но и гораздо более серьезными последствиями, вплоть до развала страны. Вопрос был в том, как, каким образом можно было выпутаться из столь основательно запутанной ситуации.

Этот вопрос за императора и его помощников, включая Сперанского, всерьез работавших над упомянутой проблемой, стали решать русские интеллигенты. Речь идет на сей раз не только о выходцах из высших слоев дворянства, хотя они с их высоким уровнем образования на протяжении ряда поколений и преобладали как среди западников, так и особенно славянофилов, но и о совершенно новом слое мыслящих русских людей, о разночинцах. Вообще выход их, особенно таких, как Белинский, на политическую арену России в середине XIX столетия был очень весомой, знаковой вехой. Ведь это были представители того самого народа, который в годы войны с Наполеоном и восстания декабристов в империи в политической жизни страны еще не был замечен. Появление слоя разночинной интеллигенции было тоже важным знаком достижения страной критической точки в ее развитии. Более того, в условиях отсутствия буржуазии как сколько-нибудь сложившегося и осознававшего свои интересы и возможности социального слоя именно интеллигенты из числа дворян и разночинцев оказа-

лись волею судьбы не только представителями интересов народа. Они надолго стали основным выразителем этих интересов. В условиях, сложившихся в России, буржуазия, игравшая столь важную роль в Европе, оказалась замещенной интеллигенцией. Это существенное отличие России от Запада в процессе характерной для XIX в. буржуазной эволюции и соответствующих преобразований сыграло свою роль, во многом роковую, в ее последующей истории.

Не станем задерживаться на том, как шел процесс освобождения русских крестьян от крепостного рабства и что сопровождало этот важный процесс, которому выше уже было уделено много внимания. Гораздо важнее понять, почему, несмотря на все великие достижения царя Александра II и многих представителей централизованной администрации, вполне сложившейся в империи в годы его царствования, критическая точка не была преодолена. Почему она вместо этого стала исходным пунктом великой трагедии, потрясшей Россию полвека спустя. В главе, резюмирующей ход событий в истории России до кануна XX столетия, целесообразно подчеркнуть самое важное из того, о чем идет речь. Следует обратить особое внимание на то, что развивавшаяся в стране с середины XIX в. быстрыми темпами очень неплохая по тем временам система образования за немногие десятилетия коренным образом изменила веками формировавшееся соотношение социополитических сил. Неожиданно начавший энергично противостоять власти народ обрел вождя не в буржуазии, как то бывало в более равномерно развивавшейся Западной Европе, но в лице получившей хорошее образование, весьма радикально настроенной и нетерпеливой интеллигенции, особенно ее наиболее активного и боевого молодежного отряда.

Вообще-то этого следовало ожидать. Давно назревшая реформа неимоверно затянулась, не говоря уже о том, что сама реформа при всем стремлении ее авторов облегчить судьбу освобождавшихся крепостных отнюдь не была достаточно хорошо продуманной и оставляла немало лазеек для ее искажения. Нельзя забывать и о парадоксальной, но при этом вполне реальной неподготовленности масс самих крепостных, привыкших к патернализму и иждивенческой заботе господ. Но при всем том, как не раз бывало в истории России, многое обстояло далеко не просто.

С одной стороны, дело, т.е. освобождение крепостных и сопутствовавшие этому важные реформы, вроде бы было сделано, и в целом неплохо, а с другой оно безнадежно опоздало. Страна во второй полови-

не столетия, когда и начинавшая формироваться русская буржуазия, и особенно обгонявшая ее по многим показателям интеллигенция наконец-то появились в качестве заметного общественного явления и стали активно действовать, все более стремительными темпами шла вперед в плане экономического, политического и социального развития. А вот вчерашние крепостные с их архаичным сознанием и иждивенческой психологией за этим движением в большинстве своем не поспевали. И при всем том молодая и нетерпеливая русская интеллигенция решительно стояла за ускорение темпов, а наиболее радикально настроенные ее группы смело брали на вооружение насильственные методы воздействия на представителей власти. Начался террор, и на этом благодатном для резкого роста радикализма фоне стали формироваться крайне экстремистские теории, в том числе основанные на марксистских идеях «пролетарской революции» и «диктатуры пролетариата».

И здесь наконец самое время подробно остановиться на том, почему эти явно утопические, хотя и отнюдь не безвредные для общества идеи не только не заглохли, как то было в Западной Европе к концу жизни Маркса, но, напротив, оказались в реформированной России вполне жизнеспособными. Почему они в ходе политической борьбы и особенно умело построенной примитивной пропаганды, рассчитанной на восприятие массами, оказались даже до удивления живучими, особенно в тех весьма специфических сложных и запутанных ситуациях, коими так изобиловала история России в конце XIX и начале XX в. Вопрос этот можно считать центральным среди прочих проблем, связанных с трагической историей России последнего столетия с небольшим. К нему мы еще не раз будем возвращаться. Но пока следует сказать о самом основном.

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА

Россия конца XIX столетия, так и не вступившая, как то было на буржуазном Западе, на путь решительной дефеодализации и отнюдь еще не готовая к либерально-буржуазным преобразованиям в конституционно-демократическом духе (речь прежде всего о необходимых при этом свободах и правах для граждан, начиная с права самим избирать законодательную власть и тем ограничивать власть исполнительную), оставалась, как и прежде, самодержавной империей. Но с течением времени она оказывалась в состоянии все более жесткого противостояния со своим народом, представленным не мифиче-

ским марксистским «пролетариатом», но русской интеллигенцией, заботившейся об интересах неприкаянных вчерашних крепостных. Тем не менее рядом с весьма радикально — а частично и либерально — настроенной интеллигенцией появились и сторонники утопического марксизма, пытавшиеся обосновать свои несостоятельные расчеты на революционно настроенных пролетариев, которых в России в то время еще вообще почти не было.

Иными словами, Россия вновь оказалась близка к критической точке своего существования. Только на сей раз уже не проблема крепостных крестьян объективно стояла перед ней, а проблема тех же, что и перед Францией веком раньше, радикальных социальных и политических преобразований, которые призваны были открыть дорогу для ускоренных темпов эволюции. Вопрос лишь в том, какими именно должны были быть в условиях рубежа XX столетия действия, успешно ведущие к таким преобразованиям. Существовавшие в это время неблагоприятные для последующей эволюции России объективные обстоятельства сводились к тому, что **проблема буржуазных преобразований как таковая не осознавалась, не находила своего отражения в общественном настроении.** Практически никого не заботило положение русских буржуа, которые, тем не менее, чувствовали себя в быстро развивавшейся стране совсем не так уж и плохо. Если говорить всерьез, они, похоже, не были слишком озабочены отсутствием либерально-демократических прав и свобод. Русские предприниматели в конце XIX столетия, когда на передний план вышли умелые и заботливо ведущие свои дела выходцы из старообрядцев, равно как и представители освобожденного от черты оседлости еврейского капитала, научились успешно действовать в тех условиях, которые реально существовали. Умели и соответственно добивались немалых результатов. Никто из них, насколько известно, не стремился к радикальным переменам

А вот народ по-прежнему воспринимался прежде всего и главным образом в облике угнетенного самодержавием вчерашнего крепостного, которому необходимо было помочь. Это важнейшее обстоятельство справедливо осознавалось всеми и в большинстве программ различного рода политических групп выходило на передний план. Стоит напомнить, что даже в начале следующего XX в., уже после первых серьезных либерально-демократических конституционных реформ, появления Государственной думы и прочих нововведений, сильно подорвавших русское самодержавие, именно эта позиция была отражена и в высших официальных кругах. Она находилась в центре реформ

Столыпина почти до начала Первой мировой войны. Не приходится забывать и о том, что нетерпеливое стремление добиться быстрых перемен продолжало проявляться как в требованиях ограничить самодержавие, так и в неуклонно продолжавшихся в поддержку этих требований террористических актах разных радикальных группировок молодежи.

Иными словами, будучи в чем-то сходной с положением во Франции накануне буржуазной революции, ситуация в России конца XIX в. на деле была совсем другой. И если объективно страна нуждалась в продолжении постепенных преобразований буржуазно-демократического типа, то реально перед ней стояла задача отказаться, наконец, от агонизировавшей восточного типа структуры власти-собственности, ограничить, если даже не уничтожить, самодержавие, осуществить, наконец, дефеодализацию и освободить народ, крестьян, от тяжелого гнета власти. Что нужно было и что можно было для этого сделать в создавшейся обстановке?

Если исходить из несомненного приоритета блага России и ее населения как основной ценности великой страны, то главным, чего необходимо было добиваться, следует считать продолжение либерально-демократических преобразований, совершенствование конституционных прав и свобод народа при устранении привычных признаков отмиравшего самодержавия. Иными словами, две основные силы оставались и активно влияли на положение дел в России. Во-первых, это самодержавие, все еще опиравшееся на дворянство, служилую бюрократию и достаточно существенную военную мощь, которая, однако, не сумела успешно проявить себя в русско-японской войне, что предопределило крушение царизма. Во-вторых, это народ, т.е. опять-таки прежде всего отсталые по уровню сознания и психологических стереотипов крестьяне, все те же уже позавчерашние крепостные, чьи интересы отражали многочисленные оформлявшиеся в это время политические группировки, среди которых отчетливо выходила на передний план партия эсеров, перенявшая эстафету защиты интересов крестьян от крайне радикально настроенной интеллигентной молодежи, включая и террористов.

Собственно, именно эти две основные силы, каждая из которых, в свою очередь, разделялась на многие не всегда ладившие друг с другом конкретные группировки и соответствующие их установкам течения и методы действий, и сталкивались между собой. Это ощущалось и в конце XIX, и в начале XX столетия, когда многое довольно быстрыми

темпами изменялось, причем, как можно было в то время полагать, явно в лучшую сторону. Но при всем том была в сложившихся обстоятельствах и весьма неблагоприятная для страны червоточина. Имеется в виду российская социал-демократия в ее наиболее радикальном большевистском обличьи, которое она обрела после второго съезда РСДРП в 1903 г., но которое практически существовало, пусть еще в форме лишь крайне слабо известных пропагандистских брошюр, и до того, в конце XIX в.

Как известно, вплоть до февральских революционных событий 1917 г., вызванных последствиями неудачного для России хода Первой мировой войны, о большевиках было мало слышно. Вожди их жили за пределами России, в нейтральной Швейцарии, и оттуда следили за событиями. И именно в тот момент, когда самодержавие было поколеблено и в разгаре войны рухнуло, когда в стране все смешалось, партия большевиков, «партия нового типа», вышла вперед. Чем-то напоминавшая средневековые исламские суфийские ордена, т.е. строго организованная на основе железной дисциплины и полного повиновения приказам руководства, она оказалась в сложившихся условиях единственной реальной силой («есть такая партия!»), сумевшей в суматохе противостояния растерявшихся партийных группировок взять власть. И не только взять, но и удержать ее с помощью все той же умелой, хотя и примитивной, пропаганды, частично убедив, а в основном силой заставив всех подчиниться ей. Неважно, сколь утопичными были взгляды теории марксизма на так называемые «пролетарскую революцию» и «диктатуру пролетариата». Гораздо более важным было то, что в сложившихся крайне неблагоприятных для России обстоятельствах рухнуло самодержавие, которое погребло под своими обломками всю верхнюю часть российского общества. Еще более важным был тот факт, что под влиянием большевистской агитации («Превратим империалистическую войну в гражданскую!»), которую оказавшаяся под ударами противника в состоянии полного разложения воюющая армия из все тех же вчерашних крепостных крестьян не слишком понимала, демагогические лозунги большевиков в конечном счете оказались вполне пригодными.

Неважно, верили ли сами большевики во многие свои лозунги (например, в лозунг «Земля крестьянам!»), да и нужны ли были им эти крестьяне с их совсем не пролетарскими взглядами. Важно было уметь использовать момент для достижения своих целей. И большевики вполне цинично использовали его (*грабь награбленное* — пример), хотя

нельзя не считаться с тем, что многие из их числа искренне верили в величие идей «пролетарской революции» и связанного с их реализацией «светлого будущего», в котором, правда, для русских крестьян было не так уж много места, особенно если принять во внимание, что основная цель большевиков — и они ее не скрывали и вовсе не стыдились — сводилась к разжиганию мировой революции в более развитых странах Запада, для чего революция в России призвана была стать чем-то вроде гигантской спички.

Не станем пока что касаться всего того, что случилось далее. Но отметим в заключении части, посвященной России в XIX столетии, что конец этого века, столь много обещавший измученной стране, не стал стартовой основой для ее обновления. Нашей стране, как и структурно сходным с ней некоторым сильным государствам Востока, хотя и далеко не всем, было суждено обновляться в иных условиях. У каждой такой страны была своя судьба. Но показательно, что все они в конце XIX в. в условиях промышленного этапа колонизации либо зависимости от развитых держав Запада получили потенциальную возможность вступить на путь либерально-буржуазного конституционно-демократического развития. У каждой из неевропейских стран были при этом свои проблемы и свои особенности эволюции, но ни одной из них не был заказан такой путь. Вопрос был лишь в том, сколь сложным и извилистым, трудным и кровавым этот путь окажется для любой из них. России достался самый трудный и наиболее кровавый вариант. Она медленно шла вперед, платя за каждый шаг крайне дорогую цену. Этой ценой стало уничтожение значительной и лучшей части ее населения, а также превращение на долгие десятилетия всех оставшихся в покорных запуганных подданных нового режима, воскресившего в наихудшей модификации восточно-деспотическую структуру власти-собственности с жестко централизованной редистрибуцией и при практически полном уничтожении любой частной собственности.

Мир колоний

Мир колоний, создание которого в новоевропейское время практически началось с освоения португальцами восточноафриканского побережья с целью найти морской путь в Индию, а также с открытия Колумбом Нового Света, формировался на протяжении ряда столетий, включая и XIX в. За это немалое время очень многое в нем изменилось. Перемены шли по разным направлениям и включали в себя как проникновение европейцев на новые территории, так и сложный процесс их взаимодействия с туземным населением и с метрополией. Частично об этом процессе выше уже шла речь применительно к тем регионам (имеется в виду прежде всего Новый Свет), — где он к XIX столетию или в начале этого века фактически завершился. Это означает, что США и Латинская Америка (за крайне небольшими исключениями в Вест-Индии) перестали быть колониями. Зато во многих других местах планеты процесс колониального проникновения европейцев был лишь в разгаре либо, как на территории большей части Африки южнее Сахары, в самой начальной его стадии.

Важно обратить внимание, что в рамках этой части тома речь пойдет только о колониях в полном смысле этого слова, т.е. о территориях, где колонисты, они же часто и колонизаторы, являлись де-факто хозяевами положения и обеспечивали ту систему управления, которая соответствует привычным для метрополии нормам. Это не означает, разумеется, что на практике не случалось по-разному. Огромная Британская Индия, как она именовалась в XIX в., была супердержавой, управлять которой англичане могли, лишь считаясь с веками сложившимися и принятыми всем ее населением нормами и принципами жизни. Не означает это и того, что в своих африканских колониях англичане, как и французы либо представители иных европейских государств, не должны были учитывать, что развитие местного населения нуждается в длительной и терпеливой работе по повышению его образовательно-культурного уровня. Но в любом случае для отнесения той либо иной страны в разряд колоний принимался во внимание

главный принцип, основной критерий: территорией реально управляли колонизаторы и/или сами колонисты. В противном случае это не колонии, а лишь так называемые (во всяком случае, в отечественном обществоведении) зависимые страны, ощущавшие на себе влияние европейских колонизаторов, но при этом продолжавшие находиться под властью своих правительств, как то было, например, с Китаем. Здесь, впрочем, нужны оговорки.

Суть их в том, что далеко не всегда можно с точностью определить, насколько власть колонизаторов была безусловной и какую роль на самом деле играли местные правители. Следует считаться и с тем, каким был сам объект колонизации. Если англичане и иные европейцы вторгались в Китай, возникала одна система взаимоотношений, а коль скоро речь шла о каком-либо небольшом султанате либо эмирате где-то в Аравии и тем более на каком-либо островке, то совсем другая. Ситуация складывалась по-разному и в зависимости от субъекта колониализма. И хотя при этом тоже не всегда легко можно было провести грань, совершенно ясно, что, скажем, власть российского генерал-губернатора Туркестана в Бухаре либо Хиве, где были свои правители-ханы, заведомо свидетельствует о том, что эти ханства были колониями. А в той же Аравии с ее сложными военно-политическими и дипломатическими контактами между многочисленными государственными образованиями при османском сюзеренитете и соперничестве европейских держав аналогичная ситуация позволяла многим туземным правителям держать себя сравнительно независимо. В итоге подчас оказывалось совсем не просто решить вопрос, насколько их владения уже были колониями или хотя бы протекторатами.

Анализируя мир колоний в том его виде, как он выглядел в XIX столетии, стоит не отходить и от уже сформулированного принципа типологии, хотя одновременно нельзя не принимать во внимание, что новая обстановка требует некоторой ее корректировки. На первом месте в ней остается тот древнейший финикийско-греческий тип колоний, о котором не раз уже шла речь и суть которого сводилась к тому, что колониальные анклавы не просто создавались жителями метрополии, но и воспроизводили, порой буквально до мелочей, свойственную монополии структуру и все сопутствующие ей нормы жизни, моральные стандарты и привычные системы ценностей. В новоевропейской истории первым и наиболее показательным примером такого рода колоний были североамериканские, о которых немало уже было рассказано и которые к XIX в. превратились в огромное независимое государство. При этом,

как то очень явственно видно на примере тех же США, речь не идет о полной этнорасовой чистоте колоний первого типа.

Вообще, в любой из колоний такого типа, в том числе в древних, в частности в Карфагене, существовал какой-то процент местного населения, по происхождению отличного от колонистов, но в культурно-историческом плане все же оказывавшегося так либо иначе частью населения колонии. В США это были, как известно, индейцы и африканцы. Для древности, как и для США, Канады, либо Австралии и Новой Зеландии в XIX столетии, свою роль играло то, насколько велика была эта часть. Но применительно к XIX в. ситуация все же заметно усложнилась. Появились колониальные анклав типа Капской колонии или захваченного французами Алжира, где туземное население составляло большинство, но меньшинство европейских колонистов было при этом достаточно заметным, не говоря уже о том, что администрация колонии находилась целиком в их руках и опиралась на поддержку метрополии. Именно эти немаловажные обстоятельства дают основания считать и эти анклавы, пусть с необходимыми оговорками, колониями первого типа.

Особенно сомнительным может показаться включение в число колоний первого типа Капской, которая еще в XVII в. была заселена голландцами-бурами, а после Венского конгресса в 1815 г. стала английской. Она не безоговорочно относится к колониям этого типа хотя бы потому, что здесь количество местного чернокожего населения — в основном банту — вскоре стало в несколько раз превышать число европейцев. Но заслуживает внимания то немаловажное обстоятельство, что в момент основания этой колонии, да и достаточно долгое время после этого, негритянского населения на крайнем юге Африки, за исключением небольшого количества крайне отсталых бушменов и готтентотов, не было. Основная масса чернокожего населения появилась здесь позже, не говоря уже о том, что свою роль в этом сыграли и исключительные обстоятельства. Имеется в виду начатое европейцами в промышленном масштабе и на буржуазной основе развитого механического и машинного оборудования освоение месторождений золота и особенно алмазов. Именно это привлекло большое количество рабочих из числа прибывавших в расширяющуюся колонию африканцев.

Не без оговорок следует вести речь и о французских колониях на севере Африки, в частности в Алжире, где с течением времени было расселено достаточно большое количество европейских колонистов.

Как и в случае с Капской колонией, Алжир трудно без оговорок отнести к колониям первого типа в их полноценном виде. Однако тот несомненный факт, что количество европейских колонистов здесь было достаточно большим, дает для этого достаточные основания.

Второй тип колоний с характерной для него метисацией в XIX столетии был представлен весьма слабо, а третий (имеется в виду прежде всего Африка), напротив, оказался в центре внимания колонизаторов этого времени. Этим двум типам колоний будет уделено внимание в отдельной главе, равно как и колониям четвертого типа. Колонии последнего типа, для которых было характерно не просто существование и господство колониальной администрации, иногда даже, как в Аравии, весьма слабо выраженное, равно как и наличие более или менее древних цивилизационных традиций, сыграли в XIX столетии наибольшую роль. Имеется в виду прежде всего Британская Индия, хотя и далеко не только она. Естественно, что о колониях этого типа пойдет речь в отдельной главе. Но в сумме все эти главы посвящены именно миру колоний, которые в принципе были отличны от зависимых стран отсутствием либо серьезным ограничением в них собственной власти, которая далеко не всегда реально осуществляла функции управления.

Глава девятнадцатая. КОЛОНИИ ПЕРВОГО ТИПА

Начнем с колоний первого, финикийско-древнегреческого или во всяком случае близкого к нему типа. Разумеется, о полном сходстве при этом говорить не приходится. Другое время, чаще всего совершенно иная ситуация, несходные методы взаимоотношений с аборигенами, да и многое еще отличает эти колонии новоевропейской эпохи от глубокой древности. Но при всем том нечто сходное легко заметить. Достаточно напомнить читателю об основанном финикийцами, но ставшем самостоятельным государством Карфагене. И хотя Карфаген в конечном счете перестал быть колонией, чем он более напоминает США, нежели, скажем, Канаду, сходство не исчезает, во всяком случае полностью. Словом, главная идея в том, что колонии первого типа в новоевропейскую эпоху буржуазной экспансии были, при всем их неоднозначном взаимоотношении с метрополией, во многом слепками с нее, чего, собственно, и следовало ожидать, если принять во внимание процесс их возникновения. Более всего это видно на примере самых больших из них — Канады и Австралии.

КАНАДА

Первыми осваивали эту североамериканскую территорию французы, не без успеха налаживавшие выгодную торговлю с местными индейскими племенами, в основном мехом, еще в XVII столетии. Первое поселение на территории Новой Франции, как ее тогда именовали, Пор-Руаяль, было создано здесь в 1605 г. Количество французов в Квебеке быстро росло, в том числе и за счет переселенцев. Но за активностью французов в этом регионе внимательно следили их соперники англичане. После Семилетней войны североамериканские владения Франции по условиям мирного договора 1763 г. перешли именно к ним. Правда, жителям английских североамериканских колоний вначале было запрещено селиться в Канаде, представленной нынешней провинцией Квебек, прежде всего освоенной французами.

Англия и, в частности, король Георг III вполне сознательно создавали во франкоязычной католической Канаде некоторый противовес рвавшимся на западные просторы североамериканского континента англоязычным и в основном протестантским колонистам, не слишком настроенным в пользу повиновения британской короне. Квебекский акт 1774 г., сохранявший за церковью ее право на десятину и ставивший во главе страны подчиненного Англии губернатора с Законодательным советом, признал за Канадой статус особой английской колонии и тем самым закрепил ее особое и отличное от английских колоний положение. Что важно заметить, эти весомые предосторожности в условиях нараставшей конфронтации Британской империи с мятежными североамериканскими колониями восточного побережья оказались не напрасными. В годы войны США за независимость около 40 тыс. так называемых лоялистов, т.е. живших в колониях сторонников сохранения верности английской короне, переселилось в Канаду. Это фактически заложило основу для превращения первоначально французской колонии в страну, населенную в основном англичанами.

Англия после поражения в войне с США стала энергично налаживать управление Канадой. Согласно Конституционному акту 1791 г. в колонии были созданы Нижняя и Верхняя провинции, каждая со своим парламентом из двух палат и назначенным из Лондона губернатором. Верхние палаты, т.е. Законодательные советы, комплектовались самими губернаторами, нижние, ассамблеи, состояли из выбранных представителей населения. Эти вполне своевременные меры способствовали консолидации канадцев, как потомков французов, так и англичан, включая и всех прибывавших новопоселенцев. Это

сыграло свою роль в годы не слишком заметной для Старого Света, но существенной для Канады англо-американской войны 1812–1814 гг., в ходе которой попытка США вытеснить Великобританию из Канады завершилась неудачей.

XIX столетие в Канаде было тесно связано с развитием промышленности и широким фронтом буржуазных преобразований. И хотя в ходе этих процессов несколько обострились национальные разногласия (франко-канадцы с их привычной связью с аграрным сектором и меновой торговлей не слишком были заинтересованы в развитии промышленного потенциала страны, почти целиком создававшегося руками англичан), ситуация в целом находилась под контролем как канадских, так и британских властей. Впрочем, это не означало примирения и тем более полного альянса. Скорее, напротив, подспудно национальные противоречия постоянно возникали и буквально переполняли собой парламентские дебаты. Нередко именно по этой причине губернатор распускал парламент, назначая новые выборы, а из Лондона направлялись эмиссары, дабы на месте разобраться в ситуации. В 1837–1838 гг. разногласия достигли уровня открытого неповиновения франкоязычной Нижней провинции, что привело в 1840 г. к ликвидации обеих провинций и к некоторому укреплению за счет этого центральной власти в Канаде.

Объединительный акт 1840 г. сыграл важную роль в истории страны. Вновь на передний план выступили центральные органы управления страной — губернатор и парламент. Оформились, как то было и в Англии, консервативная и либеральная партии. Столицей с 1857 г. стала Оттава. Затем сформировалась строго определенная муниципальная система местного управления. Развивались промышленность, торговля, финансовые учреждения. Активно строились железные дороги. Все более успешно функционировала система народного образования. Несколько улучшились и отношения с США, хотя при этом стоит заметить, что в годы гражданской войны тоже немалое количество потерпевших поражение представителей рабовладельческих южных штатов мигрировало в Канаду. Однако не все в Канаде оставалось достаточно прочно определившимся. И здесь важно обратить внимание на ситуацию в целом. Дело в том, что политическая обстановка, складывавшаяся в Северной Америке после гражданской войны в США и последовавшего за ней стремительного роста экономической мощи этой страны, побудила как англичан, так и канадцев приступить к дальнейшей перестройке системы органов власти в Канаде. Новая

форма организации Канады получила наименование доминиона. Следует заметить, что доминионом с момента преобразований 1867 г. в Канаде начали именовать самоуправляющиеся части Британской империи. В чем суть этого нового статуса?

Следует принять во внимание, что к 1867 г. территория современной Канады заметно расширилась, ибо рядом с прежними возникло несколько новых колоний, заселенных европейскими мигрантами. Это настоятельно требовало создания в стране федерации. Первые проекты нового союза стали появляться в 1840–1850 гг., причем они постоянно встречали возражения со стороны тех либо иных частей предполагаемой федерации, особенно со стороны франкоязычной, т.е. наиболее ранней части колонии. Но движение в пользу объединения не приостанавливалось, причем одним из важных побудительных стимулов для него были опасения британских властей, связанных с возможными попытками стремительно развивающихся США присоединить территорию Канады. Для разрешения противоречий между франко- и англоканадцами в 1864 г. было принято решение вопреки объединительному акту 1840 г. воссоздать членение территории собственно Канады в ее прежнем виде, т.е. разделить старую часть страны на две провинции: Нижнюю (Квебек) и Верхнюю (Онтарио). Заново возникшие колонии — Новая Шотландия и Новый Брауншвейг (Нью-Брансуик) приглашались объединиться с ними в качестве новых провинций в рамках федерации Канады. Это предложение было принято, хотя и не сразу. Акт федерации был одобрен британским парламентом и вступил в силу в 1867 г. для всех четырех колоний, ставших частями федеративной Канады, **которая после этого, получив права самоуправляющейся страны, как раз и начала именоваться доминионом.**

Двухпалатный парламент, в котором верхняя палата (сенат) состояла из пожизненно назначенных представителей четырех колоний (по 24 из Квебека и Онтарио и по 12 из двух других), а нижняя — примерно из 200 избранных депутатов, являл собой законодательный орган. Кабинет министров (Канадский тайный совет), назначаемый губернатором, был исполнительным органом, действовавшим, как и губернатор, от имени британской короны и формировавшимся с учетом парламентского большинства. Губернатор назначал вице-губернаторов и судей, причем только он и руководитель милиции, комплектовавшейся из канадских волонтеров, были английскими чиновниками. Все остальные — из самих канадцев. Французский язык уравнивали с английским. Во всех четырех штатах были свои парламенты, мини-

стерства и вице-губернаторы, свои налоговые службы и муниципальные ведомства. Вопросы внешней политики страны в основном оставались делом метрополии.

В 1870 г. к Канаде были присоединены приобретенные у Компании Гудзонова залива западные территории с центром в Виннипеге с их малочисленным населением, в значительной части из метисов. Здесь был создан пятый штат доминиона, Манитоба с парламентом, министерством и вице-губернатором, а также — в северной и малонаселенной части — ряд округов. Стоит заметить, что присоединение к Канаде этой ее северо-западной части вызвало немало возражений и даже восстаний со стороны местного индейского и метисного населения. Волнения прекратились лишь к 1885 г., причем это сопровождалось предоставлением индейцам замкнутых резерваций по образцу тех, что существовали в США.

Британская Колумбия (Ванкувер), расположенная на западном побережье субконтинента, вступила в Канаду в 1871 г. с условием, что будет проложена трансконтинентальная железнодорожная линия. На этом, собственно, формирование территории современной Канады было завершено. При этом важно заметить, что оно сопровождалось постоянным притоком мигрантов. И хотя поток переселенцев в Канаду значительно уступал тому, который происходил в США, его оказалось вполне достаточно для того, чтобы освоение основных южных территорий большой страны шло достаточно быстро и успешно. Вообще, последняя треть XIX столетия оказалась для Канады, как и для многих иных западных стран, временем серьезных успехов в экономике и социально-культурном развитии.

Строительство трансконтинентальной железной дороги не просто оживило до того почти безжизненные огромные пространства, но и позволило Англии обрести много более быстрый путь к Гонконгу и Индии, не говоря уже о расцвете сельскохозяйственного производства и промышленности в самой Канаде. Важными статьями канадского экспорта, кроме традиционных меха, леса и рыбы, стали зерно и скот. Торговля с Европой увеличила сумму таможенных сборов, что, в свою очередь, способствовало — как и постоянный приток переселенцев, каждый из которых по закону от 1872 г. имел право на бесплатные 160 акров земли, — интенсивному буржуазному развитию страны, либерально-демократические конституционные нормы которой объективно предоставляли для этого неплохие возможности. С 1872 г. в Канаде стали активно дей-

ствовать по английскому стандарту тред-юнионы. Правда, страну не оставляли и проблемы, будь то спорадически принимавшие обостренную, даже болезненную форму требования франкоканадцев или споры с США по торгово-таможенным вопросам. Существовали также разного рода внутрипартийные противоречия либералов и консерваторов или споры по поводу прав членов федерации. В последнем вопросе был достигнут консенсус лишь в 1887 г., когда было предложено, чтобы право вето оставалось только за английской королевой Викторией. Но стоит заметить, что в том же году было решено расширить права провинций.

Отдельно от Канады, но рядом с ней на большом острове близ северо-восточной окраины континента сформировалась английская колония **Ньюфаундленд**, население которого в основном сосредоточило свои усилия на рыболовстве, отчасти занималось также скотоводством и горнорудным делом. Когда-то этот остров принадлежал, как и вся Канада, французам, но в 1713 г. по условиям Утрехтского мира перешел к англичанам, хотя при этом часть французских колонистов осталась его жителями. Населенный в основном именно колонистами, остров в 1832 г. стал самоуправляющейся колонией с собственным правительством (статус доминиона он получил лишь в 1917 г.). Развитие его шло достаточно энергичными темпами и в буржуазном либерально-демократическом направлении. После референдума 1949 г. он стал наконец провинцией Канады.

АВСТРАЛИЯ И НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ

Материк Австралия, история изучения которого была достаточно длительной, начал осваиваться европейцами, как о том было уже упомянуто в третьем томе, лишь с 1788 г., когда на юго-востоке страны в заливе Порт-Джексон англичане основали поселение Сидней, где было решено создать колонию для ссыльных преступников. Первая партия ссыльных (778 человек, в том числе 200 женщин), а также на первых порах охранявшие их военные с женами численностью в 200 с небольшим человек — вот и все первоначальное европейское население острова, справедливо считающегося благодаря своим размерам материком. Охрана имела право на получение земельных участков, а ссыльные должны были выполнять казенные работы либо служить наемниками у свободных поселенцев. По истечении срока наказания ссыльные переводились в разряд свободных со всеми их правами. Партии ссыльных привозили регулярно, а с 1793 г. параллельно с ними

начали прибывать и селиться на материке первые добровольные мигранты. Ими были по большей части крестьяне из Англии.

Они получали земельные наделы в 60–80 акров (24–32 га), за которые с четвертого года должны были ежегодно платить земельный налог. На первых порах свободные колонисты обеспечивались провизией, а также имели право на услуги ссыльных, которых поселенцы были обязаны со второго года обеспечивать одеждой, а с третьего и пищей. Ссыльных вначале было значительно больше, чем свободных. Стоит иметь в виду, что к числу уголовных преступников добавлялись и ссылаемые в далекую Австралию ирландские мятежники. Срок ссылки был обычно не более семи лет.

Осваивая новые земли, колонисты вскоре убедились, что из-за сухости климата злаки здесь вызревают плохо, а крупный рогатый скот имеет недостаточно пищи. И лишь в 1797 г., когда в Австралию было привезено несколько овец-мериносов, выяснилось, что условия для их разведения в Австралии практически идеальны. Наиболее предприимчивые из колонистов сумели выпросить в Англии право на владение несколькими сотнями, а то и тысячами акров земли, что быстро превратило их в богатых скотоводов, активно торговавших шерстью. И если вначале колонисты теснились вдоль побережья, то вскоре ими начали осваиваться огромные пространства внутри континента, где опять-таки стало расцветать овцеводство. Овечья шерсть превратилась в основное богатство быстро растущей и ускоренными темпами развивавшейся страны, взявшей курс на рыночно-частнособственническое хозяйство и буржуазные преобразования. Бывшие ссыльные, равно как и их охранники, да и многочисленные потомки новых колонистов (общее число переселенцев в 1830 г. было уже равно 70 тыс.) энергично осваивали пустующие территории, оттесняя крайне немногочисленных аборигенов в более отдаленные места в середине огромного материка.

Управляли колониями вначале присылавшиеся из Англии губернаторы, в основном из числа военных. При губернаторе создавался Исполнительный совет, т.е. административный орган, также заполнявшийся преимущественно назначенными из Лондона чиновниками. Были созданы основательно разработанная судебная система, военная и гражданская. Вскоре возник также Законодательный совет, в который входили одобренные губернатором представители колонистов. По мере освоения материка в нем создавались все новые подразделения на правах отдельных колоний, росли первые города, в основном портовые. С 40-х гг. XIX столетия Австралия перестала

быть местом ссылки, земельные наделы начали продаваться многочисленным переселенцам, многие из которых становились по этой причине скваттерами, самовольно захватывавшими земли в отдаленных районах и прибыльно занимавшимися там овцеводством. В 1838 г. власти пошли на уступки скваттерам, признав их владения арендой и заставив их платить за землю. Деньги использовались для стимулирования миграции.

Учитывая мятежные настроения во франкоязычной провинции Канады и желая пресечь попытки достижения независимости колониями в Австралии, англичане в 1842 г. создали в колонии Новый Южный Уэльс со столицей в Сиднее парламент, дав ему значительные права законодательной инициативы (только решение проблем продажи земли оставалось в ведении метрополии). Примерно то же происходило и в некоторых других колониях материка. Вообще, вторая четверть XIX столетия стала периодом ускорения темпов буржуазного развития страны. На смену ссыльным, чьими усилиями вначале закладывались основы инфраструктуры, строились порты, дороги и иные сооружения, пришли, как упоминалось, свободные переселенцы, далеко не все из которых сразу же занялись прибыльным, но и требовавшим немалых затрат овцеводством на территориях, расположенных за горами к северо-западу от Сиднея. Освоение территории шло быстро. Возникли новые колонии на климатически более удобном для мигрантов острове Тасмания, а также в Западной и Южной Австралии. Одной из наиболее процветающих стала отделившаяся от Нового Южного Уэльса южная его часть — колония Виктория со столицей в Мельбурне.

Население материка быстро росло за счет переселенцев. Использование труда ссыльных становилось нерентабельным и вскоре было прекращено. С 1840 г. английские власти начали сокращать отправленные ссыльных на и без того энергично осваивавшийся переселенцами материк, а вскоре оно и вовсе прекратилось, что, в частности, было связано с открытием в 1851 г. богатых золотом приисков, в частности близ Мельбурна, в долинах высохших рек. Началась золотая лихорадка наподобие калифорнийской, что опять-таки способствовало новой волне переселенцев. Отток населения в золотоносные районы стал принимать угрожающие размеры, заставляя людей бросать свою работу и поля. Возникли немалые сложности, связанные с обеспечением нормальной системы администрации и налоговых сборов, что в 1854 г. привело к вооруженным конфликтам властей в колониях с искателями золота, диггерами, а также с шайками авантюристов и грабителей.

Постепенное истощение золотоносных месторождений способствовало умиротворению ситуации и, в свою очередь, вызвало к жизни требование укрепить систему власти на уже обильно населенном колонистами материке. Во всех колониях встал вопрос о конституционных реформах, которые не слишком изменили прежде существовавшие принципы администрации, но ощутимо усилили роль избирателей и законодательных органов, что привело к заметному увеличению доли самоуправления в колониях. Были расширены права правительственных учреждений, уделено немалое внимание проблеме школьного образования. Ряд законов был направлен на защиту прав мелких собственников. Создавались новые колонии на заново осваивавшихся территориях.

В числе новых колоний были и материковые, как расположенный к северу от Нового Южного Уэльса Квинсленд, так и островные, в первую очередь и в основном Новая Зеландия, до определенного времени бывшая фактически составной частью колоний Австралии. Но вообще-то о Новой Зеландии следует вести речь особо, причем не только из-за того, что она со временем (в 1907 г.) стала отдельной самоуправляющейся территорией со статусом доминиона. Суть дела сложнее и сводится в основном к тому, что процесс освоения ее английскими колонистами натолкнулся на очень упорное сопротивление со стороны достаточно значительного местного населения, количество и уровень развития которого не идут ни в какое сравнение с отсталыми немногочисленными аборигенами Австралии.

Расположенные неподалеку от Австралии в чудесных климатических условиях два острова, северный и южный, составляющие Новую Зеландию, впервые открытую голландцем А. Тасманом в 1642 г. и обследованную Д. Куком во второй половине XVIII в., были заселены неолитическими племенами маори. Полинезийские племена предков маори появились здесь, скорее всего, лишь за несколько веков до английской колонизации. Но их было к моменту появления англичан в XIX столетии уже достаточно много, 80–100 тыс., если не больше. Соответственно и освоение благодатных земель этих островов имело иной характер. Оно сводилось прежде всего к поиску договоренности с вождями маорийских племенных протогосударственных образований. Договоренность такого рода была достигнута в 1840 г., причем суть ее сводилась к признанию вождями суверенитета английской короны. Маорийцы становились полноценными британскими подданными, а англичане получили возможность приобретать у них земли. Фактически сразу же после этого Новая Зеландия стала колонией и начала

заселяться английскими колонистами. Была создана и привычная для австралийских колоний административная структура с губернатором и двумя советами: законодательным и исполнительным, со столицей в основанном колонистами городе Веллингтоне.

Столкновение поселенцев с маорийцами сразу же привело к конфликтам, суть которых сводилась к тому, что английские колонисты предпочитали обманом за ничтожные подарки приобретать у маорийцев их земли. И хотя губернатор запретил такие сделки, совершаемые без разрешения властей, они продолжались и, более того, вызывали все учащавшиеся конфликты, включая порой настоящие войны. Ситуация осложнялась тем, что большую роль в системе земельных отношений здесь стали играть частные английские компании, упраздненные губернатором лишь в 1851 г. После этого британская колониальная администрация создала в стране шесть провинций, но вскоре роль провинций уменьшилась в пользу укрепления власти центра. Войны с маорийцами за земли тянулись десятилетиями, вспыхивая то здесь, то там, причем в ходе войн туземное население заметно уменьшалось, тогда как количество переселенцев-колонистов постоянно возрастало. В конце 1860-х гг. на островах жило свыше 200 тыс. колонистов, занимавшихся в основном овцеводством, тогда как маорийцев осталось менее 40 тыс. За ними были закреплены немалые массивы земли (примерно седьмая часть территории колонии), обретавшие с течением времени характер анклавов, созданных по типу индейских резерваций в США. Это было важным и своевременным решением, если принять во внимание постоянное увеличение количества европейских мигрантов, число которых к концу XIX столетия возросло почти до 800 тыс.

Практически Новая Зеландия к этому времени превратилась в примерно такую же колонию, что и австралийские. Более того, она считалась наряду с Викторией, Новым Уэльсом и Южной Австралией одной из четырех основных частей будущей федерации (доминиона), сформировавшейся в 1900–1901 гг. Следует заметить, что в последней трети XIX в., особенно после прекращения войн с маорийцами, все эти колонии, включая и более мелкие в Австралии, встали на путь энергичных и очень заметных буржуазных преобразований. Строились железные дороги, создавались различного рода промышленные предприятия, росло количество городов, размеры которых быстро увеличивались.

Последние десятилетия века были отмечены увеличением притока азиатских переселенцев, особенно трудолюбивых и неприхотливых китайцев, чья конкуренция вскоре стала настолько ощутимой, что ев-

ропейская часть населения начала выступать за ограничение притока азиатских мигрантов. Это привело к уменьшению миграции китайцев, которым разрешалось свободно селиться лишь на северной, близкой к тропикам части материка, где их усилиями выращивались субтропические культуры и налаживались трудоемкие горные разработки. Оживилась и политическая жизнь в стране, причем членение партий на консерваторов и либералов было традиционным, как и для всей Британской империи в ее викторианский век. Появились также тред-юнионы и даже рабочая (лейбористская) партия. В 1890-х гг. пришедшая к власти влиятельная партия либералов предприняла, особенно в Виктории и Новой Зеландии, ряд эффективных мер для ограничения крупных земельных владений и поощрения мелких фермеров. Были приняты также законы об ограничении длительности рабочего дня, о минимуме зарплаты и некоторые иные социальные меры для защиты интересов рабочих.

КАПСКАЯ КОЛОНИЯ

С южноафриканской колонией дело обстоит весьма специфическим образом по ряду причин. Однако, включая ее, по меньшей мере на начальном этапе ее существования, в число колоний первого типа, следует принять во внимание некоторые серьезные объективные основания. Район вокруг мыса Доброй Надежды, где первыми появились португальцы, но колонистами оказались в середине XVII в. сменившие их голландцы, впоследствии обычно именовавшиеся бурами, был в то время, о чем упоминалось, очень слабо населен немногочисленными и крайне отсталыми этническими общностями бушменов и готтентотов. И к сказанному необходимо добавить, что мигрировавшие с севера негритянские племена банту, занимавшиеся скотоводством (кафры), вели войны как с бушменами и готтентотами, так и с появившимися здесь до них голландцами. Позже кафры вели войны и с пришедшими в этот район английскими колонистами и возглавившими их в 1815 г. колониальными властями Британии. Численно — если не иметь в виду истребленных либо вытесненных из колонии бушменов и готтентотов — англичане и буры даже вначале, видимо, были в меньшинстве по сравнению с жившими рядом с ними в районе Наталь, а затем в ходе войн завоеванными и частично обращенными в невольников кафраами. Считается, что на раннем этапе, т.е. до начала XIX в., еще до появления первых английских колонистов, буров было около 27 тыс., а кафров-невольников у них — 29 тыс.

Несколько тысяч английских колонистов появились в Капской колонии в первой трети столетия практически одновременно с уже налаженной Лондоном колониальной администрацией, которая состояла из губернатора и двух советов при нем: исполнительного и законодательного. И хотя формально невольники-кафры были признаны подданными английской короны и уравнены в правах с европейцами, на деле колонисты прилагали все усилия к тому, чтобы вытеснить негров с занятых ими территорий, следствием чего и стали постоянные войны. Особенно негодовали буры. Во-первых, потому, что их права были ущемлены введением в колонии обязательного английского языка, особенно в судопроизводстве. Во-вторых, потому, что закон об отмене рабства лишил их невольников, за что им заплатили, по их мнению, мало. Это было причиной ухода значительной части буров на север, на новые места, в район Наталя и далее, где были созданы ими республики Трансвааль и Оранжевая. Голландско-бурский трек (уход) сопровождался освоением новых земель, туземное негритянское население которых нередко оказывалось в положении невольников, что для буров было привычной нормой. Об этом стоит напомнить хотя бы потому, что английские власти в Капской колонии пытались помешать возрождению рабства, хотя такое обстоятельство само по себе не мешало англичанам двигаться на север вслед за сопротивлявшимися бурами и расширять тем самым территорию колонии.

Капская колония вплоть до середины XIX столетия выступала за то, чтобы это была территория свободных. Колонисты в 1849 г. протестовали против попыток Англии поселить здесь, как то было в Австралии, ссыльных — и добились своего. В 1850-х гг. все отдельные части колонии, включая и республики буров, были объединены в рамках заново созданной Южно-Африканской республики. При этом недовольные местные негритянские народы отчасти сопротивлялись, что вело к подавлению их восстаний, отчасти выселялись — по американскому образцу — в резерваты, где им предоставлялась возможность жить по привычным для них нормам.

В ЮАР в 1853 г. был создан парламент, а в 1870 г. поставлен вопрос о конституции, которую приняли в 1872 г. Впрочем, это не мешало росту сложностей, связанных с вхождением в колонию территорий, населенных кафрами. Нелегкими были и проблемы, восходившие к конфликтам между туземцами и бурами в горных районах Басутоленда с их великолепными пастбищами. В 1868 г. англичане сочли за благо присоединить Басутоленд к колонии, что и было сделано в 1871 г.

В это время здесь, в районе Кимберли, были обнаружены алмазные россыпи, вследствие чего ситуация резко изменилась. Капская колония стала центром притяжения огромного числа искателей природных богатств.

К этому времени бывшая Капская колония превратилась лишь в одну из частей английских колониальных владений на юге Африки. В ней жило около 1,5 млн жителей, из которых примерно треть были переселенцами, тогда как остальные принадлежали к туземному населению. Колония Наталь с ее подавляющим большинством негритянского населения отказалась от парламентского режима и претензий на самоуправление в пользу централизованной администрации, назначенной англичанами в Лондоне. Расположенная далее к северу Родезия была чем-то вроде собственности огромной частной компании С. Родса, тоже подчинявшейся непосредственно британской королевской администрации. В 1884 г. обрел автономию и Басутоленд. Кроме того, продолжали существовать бурские республики, фактически не подчинявшиеся английскому контролю. Впрочем, в 1877 г. англичане попытались включить Трансвааль в состав своих владений, что привело к войне, завершившейся в 1881 г. согласием буров на автономное существование под верховным суверенитетом британской короны. К этому же времени относится обострение отношений Капской колонии с зулусами, которое завершилось лишь в 1897 г. включением территорий зулусов в состав колонии.

Англичане в общем и целом неуклонно продвигались вперед, на север, чему помогало строительство железной дороги и стремление к сближению с бурами, на чем настаивал Родс, ставший в начале 1890-х гг. премьером Капской колонии. Богатые золотые и алмазные месторождения способствовали росту доходов и энергичному буржуазному развитию Южной Африки. Но неустойчивость политических взаимоотношений и обилие расовых и иных конфликтов препятствовали достижению согласия в вопросе о создании единой федерации по канадскому либо австралийскому образцу. Более того, дело явно шло к войне. Речь о знаменитой англо-бурской войне, начавшейся на рубеже XIX–XX столетий и завершившейся включением бурских республик в состав британских владений в Южной Африке. В начале XX в. Южно-Африканский союз, заменивший бывшую Капскую колонию, получил статус доминиона.

Завершая обзор событий, связанных с этой колонией, стоит еще раз подчеркнуть, что она не вписывается в строгие рамки колоний перво-

го типа. Уже на начальном этапе своего существования были заметны существенные ее отличия от Канады либо Австралии. Однако на протяжении первой половины XIX в. по своей внутренней структуре Капская колония все же не слишком выпадала из тех стандартных рамок, которые были присущи колониям первого типа. Достаточно заметить, что количество европейцев и так называемых цветных, в число которых входило немалое количество ввезенных англичанами индийцев, достигало здесь 30% населения. И лишь с последней трети XIX столетия в связи с обострением взаимоотношений со все возрастающим численно туземным населением, включенным в границы расширявшей свою территорию колонии, а также под влиянием почти постоянных столкновений с бурами, не говоря уже о золоте и алмазах, ситуация начала довольно резко меняться. Владения Британии в южной части Африки, включая вновь образованные колонии типа Южной и Северной Родезии (ныне Зимбабве и Замбия), Кении, Ньясаленда (Малави), Уганды, стали быстро обретать характер колоний иного, третьего типа по применяемой в издании классификации. Именно колонии этого типа, как то станет очевидным из материала следующей главы, оказались наиболее характерными практически для всей Африки южнее Сахары в XIX в.

АЛЖИР

Алжир, формально считавшийся одним из вассальных владений империи Османов, в начале XIX столетия находился под управлением избиравшихся янычарами их предводителей-деев. Алжирский дей и трое его помощников-беев в разных частях страны опирались на янычарское воинство и с трудом контролировали различные племенные группы арабов и берберов, как кочевников, так и земледельцев. Распространенное в Средиземном море пиратство корсаров в значительной степени держалось за счет немалой доли автономии ряда упомянутых племен, причем далеко не только алжирских, которым европейские торговцы вынуждены были платить своего рода дань. Франция была в числе первых европейских держав, которые решительно выступили против этого, а английский флот по решению Венского конгресса сумел усмирить корсаров, что в конечном счете привело к усилению позиций европейцев в странах Магриба и, в частности, в Алжире.

В 1830 г., используя в качестве предлога грубое нарушение алжирцами дипломатического этикета (во время приема французского

консула, с которым велись переговоры об урегулировании долга, рассерженный дей Хусейн ударил консула ручкой своего опахала), Франция объявила Алжиру войну и за несколько недель заставила Хусейна капитулировать и покинуть страну. И хотя различные алжирские племена и некоторые беи после этого еще на протяжении нескольких лет сопротивлялись колонизаторам, французы, сформировав специальные воинские части, легшие затем в основу их иностранного легиона, разбили в конечном счете войска алжирцев и пришедших им на помощь марокканцев и к 1848 г. одержали над своими противниками полную победу. Управлять завоеванным Алжиром стала колониальная администрация во главе — с 1833 г. — с генерал-губернатором, которому подчинялись окружные начальники, управлявшие заново создававшимися по мере освоения страны *арабскими бюро*. Эти местные административные структуры и их руководители опирались на все тех же традиционных вождей племен и иных представителей населения, которые обычно имели собственные военные отряды и тем самым обеспечивали порядок и сбор налогов.

Однако главным результатом колонизации Алжира была конфискация земель дея и беев, равно как и особо воинственных племен, и превращение этого огромного клина плодородной пахотной земли во французскую собственность, которая щедро раздавалась — при соблюдении довольно жестких условий по обустройству фермы — многим приезжавшим в Алжир европейцам, в основном переселенцам из Франции. Уже в середине века число мигрантов из Европы достигло 110 тыс., а к 1871 г. их было примерно четверть миллиона. Со временем всем потомкам переселенцев, родившимся в Алжире, автоматически предоставлялось французское гражданство. Государственным языком колонистов стал французский.

Следует заметить, что распространение фермерского хозяйства дало толчок развитию Алжира, включая и промышленность в городах. Расположенная рядом с Европой колония ускоренными темпами усваивала все основы буржуазной экономики, причем в этот процесс активно втягивалось и местное население. Появлялись первые предприниматели из числа алжирцев, а также местные получившие хорошее образование, прежде всего во Франции, интеллектуалы. Конец века был отмечен заметным увеличением роли алжирцев в политической жизни страны, в созданной колониальной властью системе выборных органов, как муниципальных (в коммунах), так и центральных. В стране возникали многочисленные просветительские и культурные

ассоциации, нормализовалась система народного просвещения и образования, в том числе высшего. Издавались газеты, журналы, книги. Появилось общественно-политическое движение младоалжирцев, готовое к модернизации колонии по европейскому стандарту.

Разумеется, параллельно с этим развивалось и традиционное исламское образование. Увеличивалось количество улемов и сторонников системы шариата, выступавших за укрепление позиций ислама. Младоалжирцы вели энергичные кампании за национально-религиозное равенство возможностей и вместе с исламскими традиционалистами являли собой все растущую силу антиколониального движения.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

На примере колоний первого типа хорошо видно благотворное влияние буржуазной экономики и тесно связанных с ней социополитических и культурных преобразований. Они играли важную роль в энергичной эволюции территорий, осваивавшихся европейцами. Особенно наглядно этот процесс проявлял себя на малонаселенных землях. Несколько иначе он выглядел там, где существовало достаточно заметное туземное население, представленное более или менее отставшими в развитии народами, как то было в Алжире и особенно в Южной Африке. Однако стоит заметить, что даже в Южной Африке, не говоря уже об Алжире, энергичное воздействие буржуазных норм жизни и связанных с ними либерально-демократических традиций к концу XIX в. было более чем заметным. Конечно, в Африке со свойственной ей крайней отсталостью туземного населения этот процесс, отягощенный к тому же явственным расовым неравенством, был менее заметным, нежели в Алжире. Однако отказ администрации Капской колонии от рабства как системы отношений заслуживает внимания. Стоит напомнить и о том, что открытие богатых месторождений золота и алмазов привлекали в Южную Африку немалое количество искавших заработка негритянских рабочих, чей жизненный уровень в целом выгодно отличался от уровня жизни большинства населения Африки южнее Сахары.

Разумеется, применительно к XIX столетию не приходится говорить о каком-либо гражданском равенстве. Напротив, сегрегация и расовое неравенство как норма были характерны тогда — да и на протяжении большей части XX в. — для всей негритянской Африки. Но при этом все же стоит иметь в виду, что уровень жизни на юге был предпочтительнее и что появление в этом районе континента особенно большого количество так называемых *цветных*, т.е. мулатов и метисов, существенно ме-

няло картину, характерную для остальной негритянской Африки. Все сказанное способствовало появлению на юге Африки образованных специалистов, что, в свою очередь, играло определенную роль в повышении статуса некоторой части местного населения. В этом плане не будет излишним заметить, что и в таких колониях, как Австралия, несмотря на откровенное нежелание европейского населения поощрять миграцию из азиатских стран, шел, пусть во много более ограниченных размерах, все тот же процесс неизбежной метисации. Стоит обратить внимание и на тот факт, что в Австралии потомки первопоселенцев из числа ссыльных преступников со временем составили чуть ли не процветающую элиту, гордящуюся древностью своего обитания на территории колонии. Это же можно сказать и о франкоканадцах, хотя их претензии на некое превосходство в англоязычной в основе своей Канаде мало кем воспринимаются всерьез.

Словом, существовавшие и созданные в XIX столетии колонии первого типа, как полноценные, так и воспринимаемые в качестве таковых лишь с немалым количеством необходимых оговорок, свидетельствуют о явных сдвигах. Они проявлялись в том, что буржуазные темпы ускоренной эволюции практически неизбежно, даже автоматически играли свою важную роль там, где без активной деятельности европейских переселенцев процесс эволюции шел крайне медленно, если был замечен вообще. Это было характерно не только для колоний первого типа, но именно в таких колониях процесс, о котором идет речь, был в XIX в. наиболее замечен и благотворен, причем в конечном счете не только для переселенцев, но и для последующих поколений туземного населения, даже учитывая определенный урон, который это население понесло в ходе сопротивления колонизации, если оно принимало серьезные размеры и шло длительное время. В некотором смысле примерно то же — если вести речь о последующих поколениях — можно сказать и о колониях иных типов, которые получили серьезный толчок для своего развития именно в результате воздействия на них со стороны колонизаторов. Здесь, разумеется, необходимы важные оговорки, особые в каждом отдельном случае. Но в общем и целом дело обстояло именно так.

Глава двадцатая. КОЛОНИИ ВТОРОГО И ТРЕТЬЕГО ТИПОВ

К числу колоний второго типа, грань между которыми и по меньшей мере частью колоний первого типа вроде Капской либо Алжира

достаточно размыта, относятся прежде всего латиноамериканские, начиная с вест-индских, но также и некоторые другие. Характерным для них следует считать прежде всего замещение оттеснявшегося либо вымиравшего местного населения европейскими переселенцами и африканскими рабами, как то было наиболее наглядным на примере Вест-Индии, особенно на ранних этапах ее колонизации. Другой особенностью их является несколько смягчавший сложные этнорасовые и социальные проблемы процесс активной метисации, характерный для латиноамериканских колоний, в начале XIX столетия уже переставших быть, за редкими исключениями вроде Кубы, колониями. Особым вариантом следует считать колонии, в которых долгое время очень значительную, а то и практически решающую роль играли некоторые азиатские переселенцы, будь то арабы в Северной и частично Восточной Африке или китайцы на островах и полуостровах Юго-Восточной Азии и даже на Кубе. Наиболее заметным отличием колоний второго типа было сближение, а то и почти полная идентификация понятий и статуса колонизатора и колониста, к чему, собственно, сводилась и упомянутая только что близость к этим колониям британско-бурской Южной Африки либо Алжира. А принципиальное различие между колониями первого и второго типов следует видеть в том, что в колониях первого типа метисация была мало заметной, а разница между европейскими колонистами и туземным населением гораздо более очевидной, даже часто специально подчеркивавшейся.

К третьему типу колоний относятся районы с неблагоприятными для европейцев условиями обитания и отдаленные архипелаги. Во многом этот тип близок ко второму, хотя проблема метисации в колониях третьего типа не является существенной. Но зато незначительность количества колонизаторов в колониях третьего типа сближает их с колониями второго типа, отчего есть основания рассматривать их вместе. Вообще, есть основания обратить внимание на то, что в отдельных случаях, как на Филиппинах, отчетливо видны признаки колонии как первого типа с высокомерными испанцами-колонизаторами, так и второго типа, в котором тон задают мигранты разных рас и большую роль играет метисация. В других заметно и даже отчетливо выделяется сходное для колоний второго и третьего типов управление колонизаторами анклавов, часто островов и архипелагов, с недостаточно развитым местным населением, туземным либо привезенным туда (в этом случае имеются в виду прежде всего рабы-негры). В связи с этим, как, впрочем, и с иными достаточно многочисленными оговорками, необходимо

заметить, что вся типология колоний достаточно условна и допускает отклонения от жестких дефиниций.

Может даже встать закономерный вопрос: нужна ли она вообще? Однако в работах общего плана, к каким относится и данная, это делать все-таки целесообразно, ибо типология позволяет организовать материал с точки зрения генеральной системы (в данном случае системы колониальной экспансии, колониализма и эволюции мира колоний), а не лишь привычных представлений о том, какие страны, когда и как создавали в прошлом свои колониальные империи и как их колонии с течением времени переходили из рук в руки либо вообще переставали быть колониями. Типологическая характеристика колониальной системы имеет немаловажное значение и для того, чтобы делать более четким различие между колониями в собственном смысле этого слова, даже с учетом обретения некоторыми из них независимости, и зависимыми странами традиционного Востока. Хотя и степень зависимости не была одинаковой, важен принцип, т.е. опять-таки системное изложение исторических реалий, а также адекватное восприятие процесса освоения мира передовыми странами Европы и вовлечения всей планеты в русло вестернизации и активного буржуазного преобразования. Как бы то ни было, но в рамках данной главы будут рассмотрены те из колоний, где колонизаторов было немного, тогда как сравнительно отсталое туземное население либо привезенные рабы представлены в большом количестве, в целом значительно превышающем число мигрантов из западных стран. Этим колонии как второго, так и третьего типов принципиально отличались от колоний четвертого типа с достаточно развитым, а то и цивилизованным местным населением, лучшим примером которых следует считать Индию.

ВЕСТ-ИНДИЯ

Исторически первыми из колоний второго типа были те, что появились со времен Колумба на территории Вест-Индии, т.е. многочисленные острова и прилежащее к ним побережье в северной части южноамериканского субконтинента. Здесь большая часть населения быстрыми темпами вымирала после начала колонизации этого региона испанцами, стремившимися наладить плантационное хозяйство, к ведению которого туземцы оказались неприспособленными. Так как испанцы после этого перестали придавать Вест-Индии серьезное значение, обширный регион оказался в центре внимания других европейских держав, в частности Англии, Франции и Голландии, которые

в XVII в. почти полностью вытеснили из него испанцев (в их владении остались Куба и Пуэрто-Рико) и активно занялись его освоением. В Вест-Индию были привезены африканские рабы, оказавшиеся более приспособленными к плантационному труду в условиях местного тропического и субтропического климата. Позже, уже в XIX столетии, в некоторые из колоний, как, например, на остров Тринидад или в Гвиану, были привезены законтрактованные китайские и индийские *кули*. Появились и представители иных народов, включая самих европейцев, что в конечном счете привело к более пестрой этнорасовой картине. При всем том в Вест-Индии европейцы и близкие к ним по расовому типу креолы имели всегда явное статусное преимущество перед чернокожими, мулатами и метисами.

Владения соответствующих стран были объединены в вест-индские компании, из которых менее других просуществовала французская, уже в конце XVII в. переместившая центр своего внимания на континент, в сторону Канады. Однако во владении Франции еще долго оставался остров Гаити. Голландская просуществовала на век дольше, после чего была вытеснена англичанами, захватившими Ямайку, Тринидад, Барбадос, Гренаду, Антигуа и ряд других небольших островов. Ситуация на всей территории Вест-Индии в общем и целом была, тем не менее, сходной. Но о наиболее значительных колониальных владениях следует сказать особо, ибо там происходили события, заслуживающие внимания.

Куба продолжала оставаться одним из наиболее значительных испанских владений в Америке, особенно после обретения латиноамериканскими колониями независимости. Здесь в немалом количестве выращивались сахарный тростник, табак, кофе и иные продукты, пользовавшиеся большим спросом на мировом рынке и потому приносившими Испании немалый доход. Пестрое в расово-этническом плане население почти наполовину состояло из креолов, в большинстве бывших мелкими и средними земельными собственниками, владевшими небольшими плантациями либо скотоводческими асьендами. Они же составляли основу городов с их ремесленно-торговым населением. Да и крупные плантаторы и вообще вся местная экономическая и политическая элита Кубы состояли в значительной своей части из креолов. Метисы, мулаты и тем более негры-рабы представляли собой тех, кто своим тяжелым трудом обеспечивал доходность плантаций.

Справедливости ради необходимо заметить, что и испанские власти, и немалая часть креольской верхушки острова были на рубеже первой

и второй третей XIX столетия настроены в пользу отмены рабства, а движение аболиционистов (по примеру США) на острове становилось все более заметным. Официальный запрет работорговли в 1835 г. и реформы, начавшиеся после восстановления в Испании конституционной монархии, способствовали усилению на Кубе позиций либералов. Отмена в 1840-х гг. рабства в британской Вест-Индии сыграла важную роль в расширении движения кубинских плантационных рабов против рабства. Ввоз на Кубу в 1850–1870-х гг. большого количества (свыше 135 тыс.) китайских кули был призван ослабить давление на плантационных негров. А рабовладельцы в середине века искали поддержки в США, где позиции рабовладельцев-плантаторов были тогда еще очень сильны.

Влияние США и мирового рынка способствовало росту буржуазных преобразований на Кубе, что, в частности, проявилось в железнодорожном строительстве, развитии перерабатывающей промышленности (прежде всего это коснулось экономически самой выгодной отрасли — изготовления сигар) и горного дела. Последняя треть века прошла на Кубе под знаком стремления покончить с рабством и добиться политической независимости. В конце 1860-х гг. восстание на острове привело к освобождению его от колониальной зависимости. Куба превратилась в федеративную республику, обрела конституцию, палату представителей и избираемого ею президента. Было провозглашено разделение властей, реальностью стали буржуазные права и свободы, хотя при всем том рабство еще не существовало. Последовавшая за тем длительная десятилетняя война с Испанией привела, однако, к невыгодному для острова мирному договору. Республика прекратила свое существование, а Куба получила право делегировать своих депутатов в испанские кортесы.

В 1886 г. на острове было наконец отменено рабство. США все более энергично оказывали острову поддержку в борьбе за независимость. Там создавал свою организацию вождь борьбы за национальное освобождение Х. Марти. В середине 1890-х гг. начался новый этап борьбы с Испанией за независимость. Эту борьбу поддержали США, объявившие войну Испании. В результате испано-американской войны 1898 г. Испания вынуждена была отказаться от колоний на Кубе и в Пуэрто-Рико. Куба вновь превратилась в независимую республику с собственной конституцией и президентом. Но американские войска, в 1902 г. выведенные с территории острова, оставили за собой право на аренду небольшой его части в Гуантанамо, где была создана военно-морская база. Кроме того, США сохранили за собой право контроля

над внешней политикой Кубы, что поставило остров в некоторую зависимость от этой огромной соседней с ним страны.

На острове **Пуэрто-Рико**, во второй вест-индской колонии Испании, в начале XIX столетия количество негров и европейских иммигрантов (к их числу обычно относят и креолов) было, как на Кубе, примерно равным. Плантационное хозяйство и скотоводство играли ту же роль, что на Кубе. Здесь в 1830-х гг. были заметные выступления против испанского владычества, а конец 1860-х ознаменовался созданием республики, которая была ликвидирована испанскими войсками. В годы американо-испанской войны войска США оккупировали остров, после чего по мирному договору он перешел под управление американцев, которые создали в Пуэрто-Рико палату представителей, но оставили при этом верховную власть за конгрессом США и стали вести интенсивную политику, направленную на укрепление связей с островом. Как известно, это в конечном счете привело к более чем тесным контактам этого острова с США, к превращению его по сути в часть США, что отнюдь не следует считать негативным итогом.

Гвиана — наиболее обширная материковая часть региона, занимающая огромные пространства северной части Южной Америки. В то время как небольшой ее район на западе принадлежит Венесуэле и Бразилии, основная часть оказалась поделенной между Британией, Нидерландами и Францией. Открытая и освоенная вначале испанцами, а затем голландцами, территория Гвианы в XIX в. оказалась поделенной на три части. Основное население ее к этому времени состояло из африканских негров, потомков выходцев из Индии, а также мулатов и метисов. В рамках наиболее населенной Британской Гвианы в 1831 г. все колонии были объединены, столицей стал город Джорджтаун. В 1834 г. там ликвидировали рабство, после чего на смену плантационным рабам начали ввозиться индийские кули. В нидерландской части Гвианы рабство было отменено в 1863 г. Во французской, наименее населенной и служившей местом ссылки, в частности, для парижских коммунаров, с рабством было покончено в 1848 г. Для всей Гвианы всегда было типично характерное для Вест-Индии плантационное хозяйство с выращиванием сахарного тростника, кофе и какао, бананов. Европейцев и креолов более всего в восточной ее части, но вообще население всех трех колоний не слишком значительно. Даже в середине следующего, XX столетия, оно не достигало и 1 млн человек.

Многочисленные острова **Карибского моря** тоже принадлежали разным державам, но были, тем не менее, очень похожи друг на друга

и на всю Вест-Индию как по составу населения и выращиванию плантационных растений, так и по формам социальной и политической организации. Это был мир колоний, лишь несколько облагоустроенный примерно в середине века ликвидацией рабства. К концу XIX в. весь вест-индский регион уже вполне ощутимо воспринимал новейшие достижения буржуазного производства, что проявлялось во ввозе европейской техники и в появлении некоторых иных достижений цивилизации. Однако влияние европейской буржуазной структуры было еще во всей Вест-Индии достаточно ограниченным.

ТРОПИЧЕСКАЯ АФРИКА

Основным плацдармом колонизации стала в XIX в. Африка. До того на этом материке были освоены, в основном арабами, лишь северная и, в намного меньшей мере, восточная его части, а затем европейцами, начиная с португальцев, — прибрежные западные районы, позже также и удобные в климатическом смысле южноафриканские земли. На этих землях с охотой поселялись голландцы и англичане, создавшие Капскую колонию, о которой уже говорилось. Но с середины и особенно в конце XIX столетия ситуация резко изменилась. В это время практически вся Африка оказалась зоной энергичного освоения ее странами Европы, в том числе теми (Германия, Италия, Бельгия), которые сложились как самостоятельные государства сравнительно поздно и потому начали приобретать колонии там, где земли еще к тому времени не были во владении других стран. Важно принять во внимание, что это была прежде всего, даже почти исключительно одна лишь Тропическая Африка, или Африка южнее Сахары.

Колонизация африканского материка, особенно его внутренних районов, долгое время была слишком сложной для европейцев. Однако после того как весь остальной неевропейский мир был уже освоен, колонизован, поделен и переделен (имеется в виду та его часть, которая в силу сложившихся обстоятельств могла стать объектом колонизации, — о других территориях речь пойдет особо в следующей части тома), пришла наконец очередь Тропической Африки. И здесь с самого начала важно заметить, что захват территорий этой части Африки велся одновременно с разных сторон несколькими основными европейскими державами, прежде всего Англией и Францией, хотя при этом не следует забывать и о ряде других. Впрочем, стоит начать разговор о колонизации Тропической Африки с самого начала, напомнив в нескольких словах ее предысторию.

Предыстория не слишком обильна. Достаточно сказать об освоении основной части африканского побережья и части прилегавшей к нему внутренней территории португальцами, упомянув об их колониях в Анголе на западе, в Конго близ Гвинейского залива и в Мозамбике на востоке. Все они были в основном владениями, обретенными европейцами давно, начиная с XV столетия. XIX в. открыл по существу новую эпоху, для которой оказались характерными соответствовавшие этому столетию совершенно иные возможности давно уже сложившегося и быстрыми темпами развивавшегося буржуазного Запада.

Теперь типичным было не столько стремление захватить колонии с целью получения там быстрой и ощутимой выгоды, что прежде всего вызывало энергию колонизаторов в прошлом, сколько борьба за то, чтобы не дать соперникам обойти себя в последней по сути схватке. Ведь борьба за африканские колонии в труднодоступной зоне тропиков и субтропиков велась не столько ради экономического интереса, ибо далеко не везде обнаруживались алмазные трубки и золотые россыпи, сколько за то, чтобы, не вдаваясь в мелочные расчеты и более того, не жалея средств, приобрести как можно больше чужой земли. При этом молчаливо предполагалось — и, как впоследствии выяснилось, в большинстве случаев не без оснований, — что рано или поздно все затраты окупятся, что называется, сторицей. А кроме всего прочего, процесс раздела Африки чем дальше, тем больше напоминал нечто вроде политического спорта. Успех или хотя бы участие в гонке за колониями становились делом своего рода престижа для европейских стран, определенной мерой значимости каждой из них.

Колониальные захваты шли одновременно с разных сторон. В Восточной Африке успешно продвигались англичане, которые через Египет и Судан двигались с севера на юг, а из Капской колонии с юга на север, что давало им весомые основания рассчитывать на овладение или по крайней мере на преобладающее или исключительное влияние в этой части континента. С запада на восток вдоль суданского пояса не менее успешно продвигались французы, которые одновременно лидировали и в приобретении влияния в северной арабской Африке, в странах Магриба (кроме Ливии и Египта), и на Мадагаскаре. В районе Конго активно действовала Бельгия, в Эфиопии уже в самом конце века — Италия, а на юго-западе, в районе Намибии и Камеруна, а также на востоке материка, в Руанде-Урунди и Танганьике, пусть хотя бы недолгое время, Германия (прежде всего это германская Восточная Африка).

Очень важно, что почти все упомянутые географические названия, равно как и наименования политических анклавов, которые, собственно, только и начинали жить в качестве колоний, на карте Африки — за немногими исключениями — до ее колониального раздела в XIX столетии не существовали. Кроме разве что Египта и Эфиопии, их до прихода европейцев просто не было, как не было, что легко принять во внимание, и всех тех латиноамериканских и североамериканских государств, включая Вест-Индию, которые до XVIII–XIX вв. существовали по большей части под иными названиями и в ином геополитическом облике. В лучшем случае вместо них были очень немногие, — как то было в Мезоамерике до Колумба или в Африке времен средневековых Ганы, Мали, Сонгая, Мономотапы, позже халифата Сокото, а намного раньше Карфагена, — совсем другие протогосударственные образования. Об этом целесообразно напомнить для того, чтобы читателю стала более очевидной та роль, которую сыграло колониальное освоение планеты. Другое дело, как исторически оценивать эту роль. Впрочем, об этом частично уже шла речь, хотя кое-что будет сказано и далее. Пока же следует обратиться к истории колонизации Тропической Африки в XIX столетии.

С самого начала важно принять во внимание, что энергичное продвижение европейцев вглубь Тропической Африки сопровождалось, как то только и могло быть, постепенным освоением новых пространств. Это обычно происходило в форме силового нажима и принуждения местного африканского населения считаться с новой военно-политической ситуацией. Иными словами, создание каждой из новых колоний было результатом как медленного расширения колониальных владений, так и многочисленных военных столкновений колонизаторов с туземными этническими общностями и племенами.

На юге континента, где действовали в это время в основном англичане (незначительной ролью буров можно пренебречь, учитывая последующее их практическое включение в состав английских владений), в качестве туземных обитателей выступали многочисленные племенные образования местных этнических общностей и племенных протогосударств, наиболее заметными среди которых были зулусы. В результате их успешного продвижения на север вынуждены были потесниться некоторые другие европейские державы, в частности Германия, вытесненная Англией из Танганьики и Уганды. По мере продвижения англичане, на что очень важно обратить внимание, не просто оккупировали те либо иные территории с их не очень-то при-

выкшим к регулярному производительному труду населением, но и энергичными темпами начинали промышленное, прежде всего горнорудное и сельскохозяйственное, освоение пригодных для этого районов. Создавались строившиеся европейскими переселенцами фермы, а то и плантации, на которых трудились получавшие за это определенную плату (очень весомую, к слову, на юге, на приисках и в районе алмазных трубок) африканцы. Характерно, что рабочих-отходников для работы в шахтах Трансвааля вербовали и в португальском Мозамбике, не говоря уже о владениях самой Англии.

Английскими колониями стали и территории Африки в западной ее части, а также на побережье Гвинейского залива. Это Сьерра-Леоне, Гамбия, Нигерия, Золотой берег (современная Гана) и некоторые небольшие острова, а также анклавы вроде Свазиленда, Басутоленда и Бечуаналенда. Здесь, особенно в районе береговой полосы, англичанам пришлось вести войны с Ашанти, Бенином, только что сложившимся исламским халифатом Сокото, объединившим несколько хаусанских эмиратов, и рядом других, в основном небольших протогосударственных образований типа, например, городов-государств йоруба. Все эти территории в конечном счете вошли в состав Нигерии. В самом конце века после ожесточенной войны с местным махдистским вождем английской колонией стал Судан. Стоит заметить, что все эти колонии с точки зрения экономической выгоды не шли ни в какое сравнение с южноафриканскими с их золотом и алмазами. Однако и по меньшей мере некоторые из них в конце века начали поставлять на мировой рынок немало ценных продуктов, в основном производившихся на созданных европейцами плантациях (хлопок, сахарный тростник, кофе, табак, арахис).

Французские колонии на западном побережье Африки впервые появились еще в XVII столетии. Это был Сенегал, в то время первый центр французской работорговли. В XIX столетии именно отсюда начался захват колоний в районе суданского пояса. Речь о территории древних протогосударственных образований Ганы, Мали и Сонгая, затем о более восточных землях среднего Нигера, о районе оз. Чад вплоть до Судана. Параллельно с этим французы действовали и в Юго-Западной Африке, где были основаны колонии на землях южнее Сенегала, т.е. во французской Гвинее, Дагомее, районе Берега Слоновой кости, Верхней Вольты. Колониями Франции стали также Габон и Французское Конго на юге центральной части континента, часть северного Сомали на побережье Аденского залива, а затем и остров Мадагаскар, расположенный к вос-

току от Африки. Борьба за большой и в культурном плане развитый более других африканских территорий Мадагаскар длилась долго и обошлась французам недешево. Но в конечном счете Франция завладела не только им, но также некоторыми мелкими островами неподалеку от него, к востоку и юго-востоку от континента.

Если оставить в стороне владения вдоль суданского пояса, которые не имели сколько-нибудь серьезного экономического значения и справедливо считаются беднейшей частью Африки, то некоторые другие обретенные Францией колонии оказались достаточно богатыми, чтобы окупить затрачивавшиеся на их освоение средства. К числу природных богатств, о которых идет речь, следует отнести продукты масличной пальмы с Берега Слоновой Кости и из Дагомеи, каучук (сок гевеи) из французской Гвинеи. В североафриканском населенном в основном арабами Тунисе, ставшем протекторатом Франции в начале 1880-х гг., была достаточно развитая горнорудная промышленность и удобные земли для колонистов, количество которых в конце века достигло 7% населения.

Португальские владения в Тропической Африке в XIX в. в основном ограничивались теми, что были захвачены намного раньше (Ангола и Мозамбик). Более того, часть их — имеется в виду устье реки Конго — были утрачены португальцами. Вообще, огромная и труднодоступная территория бассейна Конго в основном никем из европейцев ранее не посещалась. Прибрежная его часть, в прошлом принадлежавшая португальцам, оказалась добычей французов. Но с остальной частью дело обстояло намного сложнее. Именно эта часть Тропической Африки стала по инициативе созданной в 1876 г. бельгийским королем Леопольдом II Международной ассоциации по изучению Центральной Африки объектом изучения знаменитых путешественников Д. Ливингстона и Г. Стэнли.

Открытия этих землепроходцев позволили создать в этой, пожалуй, наиболее труднодоступной и малоизвестной части континента ряд форпостов и заключить с местными племенными вождями договоры, позволившие королю Леопольду создать здесь новую колонию Бельгийское Конго, которая столетием спустя превратилась в одно из богатых ресурсами государств Африки (в конце XX в. Заир, затем Демократическая Республика Конго). Стоит заметить, что в освоении природных богатств этого района, особенно наиболее насыщенной ими провинции Катанги (Шабы), принимали активное участие не только и даже не столько бельгийцы, сколько представители иных европей-

ских держав, прежде всего Англии. Возникали одни из первых среди крупных городов Тропической Африки Леопольдвиль, Стэнливиль, Элизабетвиль (ныне все они обрели иные имена, что легко понять, но едва ли это стоит считать справедливым, ибо города создавались прежде и более всего европейцами), строились железные дороги, создавались плантации, налаживалось горнорудное дело.

Вообще, говоря о колониях третьего типа, к которым в основном и относятся возникшие в Тропической Африке именно в XIX столетии владения европейских колонизаторов, необходимо обратить внимание на ряд важных объективных причин, которые препятствовали самостоятельному развитию населения этой части континента. Хорошо известно, что до появления колонизаторов, вначале почти только работорговцев, а позже владельцев созданных ими колоний, здесь преобладали примитивные первобытные общности, в большинстве своем небольшие (специалисты нередко ведут речь чуть ли не о тысячах африканских языков, а язык — это основной критерий при вычленении такого рода общностей). Можно напомнить, что до появления европейцев на территории Тропической Африки время от времени возникали, а затем очень быстро исчезали небольшие протогосударственные образования, появлявшиеся в основном под влиянием исламских торговцев и обязанные своим существованием прежде всего золотым приискам либо прибрежной торговле на восточном побережье. Собственная цивилизация, способная к развитию, практически отсутствовала, хотя в отдельных местах, прежде всего в зоне Гвинейского залива, существовали достаточно близкие к урбанистической цивилизации протогосударственные образования йоруба и некоторых других групп. Эти племенные протогосударства, порой с поселениями типа примитивных городов, отличались от их туземных соседей много более высоким уровнем развития, что, в частности, проявлялось в художественной ритуальной культуре. Однако, несмотря на это, ни одно из них так и не сумело самостоятельно создать сколько-нибудь заметного собственного очага сформировавшейся урбанистической цивилизации.

Почему? В отсталости Тропической Африки важную роль играло и недостаточное плодородие земли с ее ничтожным гумусом, и неясные формы землевладения и землепользования, и климатические условия, не способствовавшие интенсивному труду, и неподготовленность к регулярному труду работников с их крайне низкой производительностью труда. Сыграли свою роль и низкий жизненный уровень, слабость рыночного обмена, отсутствие развитой государственности и соответству-

ющей культуры бытия. С приходом иностранцев многое изменилось. Стоит напомнить, что даже появление исламских торговцев и влияние социополитических принципов мусульманской организации общества оказали в свое время серьезное воздействие на тех же туземцев, которые временами создавали пусть не слишком прочные и долговечные, но все же нормально функционировавшие государства. И это влияние, пусть спорадическое, в общем-то длилось достаточно долго. Именно оно дает право на метафору, сопоставляющую Тропическую Африку с первобытным океаном с небольшими островками, то появлявшимися, то поглощавшимися его волнами. Островки такого рода возникали в разное время, с VII–VIII (Гана) до XVIII–XIX (Сокото) вв., а на побережье Восточной Африки даже сохранялись веками. Но в любом случае они не были слишком заметными в гигантском океане первобытности. Все стало изменяться с появлением здесь европейцев.

Колонизаторы, принешие с собой развитое буржуазное хозяйство с соответствующими техникой и технологией, будь то плантации, сеть дорог, невиданные в Тропической Африке города, дороги, в том числе железные, и разного рода предприятия, многое изменили. Местные этнические общности и племена стали привыкать к новой жизни. Разумеется, нет нужды идеализировать процесс и не обращать внимания на то, что европейцы не только не относились к неграм как к равным себе, но и далеко не избавились от привычки воспринимать их как почти рабов. Но при этом справедливости ради важно заметить, что к рабству и рабовладению ни одна из держав не возвратилась. Сегрегация существовала, подчас в крайне унижительных формах, но параллельно с ней шел и процесс аккультурации некоторой, вначале еще очень небольшой части туземного населения, получавшей образование нередко в университетах метрополии, и тем создавала базу для ускоренных темпов просвещения все большего и большего количества местного населения. Этому, т.е. процессу аккультурации, способствовала и деятельность многочисленных христианских миссионеров. Правда, они не сумели вытеснить ислам из тех районов, где он сумел укрепиться (это вообще одна из очень важных особенностей мусульманской религии, придающая ей немалую силу), но зато смогли утвердить свою религию там, где до того серьезные и развитые религиозные системы не были известны.

В заключение повествования о Тропической Африке в период ее интенсивной колонизации, начавшейся в основном в последней трети XIX столетия, необходимо заметить, что трансформация ее наиболее

отсталого на планете населения шла медленно. Однако она все же шла, причем буквально за считанные десятилетия, к деколонизации 1960 г., многое в этой части Африки изменилось. Европейская медицина, представленная такими гуманистами и энтузиастами, как знаменитый доктор А. Швейцер, помогли в борьбе с болезнями, а это способствовало тому, что население Тропической Африки примерно за столетие колониальной экспансии увеличилось в несколько раз. И значительная его часть стала жить в городах, что коренным образом меняло, пусть это касалось далеко не всех даже из числа горожан и происходило не сразу, образ жизни и психологию негритянского населения.

Особо следует сказать о государстве Судан. По типологии он может быть отнесен как к колониям второго и третьего типов, так и к четвертому их типу, о которых пойдет речь ниже. Будучи по ряду причин, которые станут сейчас очевидными, чем-то промежуточным в плане типологии и систематизации, он все же ближе к странам, лишенным собственного правительства. Поэтому о нем и идет речь, пусть с огромными оговорками, именно здесь. Судан расположен к югу от Египта и одновременно являет собой крайнюю восточную часть суданского пояса, откуда и его наименование. В прошлом здесь существовали различные государства — Напата, Мероэ, Аксум, Нубия. В первые века нашей эры на этой территории, как и в соседних Египте и Эфиопии, господствовало христианство. Позже, в IX в., сюда проникли арабы, принесшие с собой ислам. С тех пор земли Судана превратились в промежуточную зону между арабской и негритянской частями континента. Но постепенно эта зона расширялась за счет захвата арабами территории соседних негритянских племен. Это вело к расово-этническому смешению, к появлению метисного населения и, главное, к распространению ислама, довольно легко вытеснявшего христианство.

В XVI в. в этом районе возник Сеннарский мусульманский султанат, после чего экспансия арабо-мусульманской культуры, пусть в ее весьма слабо развитой модификации, пошла еще далее на запад. Это привело к возникновению там новых достаточно примитивных государственных образований, таких как султанат Дарфур, который ныне является более негритянской, нежели арабской или хотя бы метисной и потому чуждой частью Судана. Окончательно ислам в Судане закрепился достаточно поздно, к XIX столетию, причем в этом важную роль сыграли мусульманские суфийские братства-тарикаты, особенно Кадирийя. Территория Судана была в 1820–1822 гг. завоевана египетским правителем Мухаммедом Али. Оказавшись завоеванным модер-

низировавшимся в то время Египтом, это еще очень слабо развитое государство было вынуждено активно реализовывать примерно ту же политику, что и в энергично развивавшемся Египте, что у него, однако, не получалось. Экономика страны базировалась в основном на примитивной торговле. А в основе ее, наряду с продуктами скотоводства, а также верблюдами и частично золотом, лежала работорговля, приносящая местным торговцам наибольшую выгоду.

Завоеванный Судан был объявлен частью Османской империи. Турецко-арабское войско, ставшее фундаментом новой власти, создало в этой отсталой стране жесткий военный режим. Упразднялись входившие в состав государства полунезависимые султанаты, вместо которых сразу же формировалась административная система с провинциями, районами и волостями, осуществлялись некоторые необходимые реформы, прежде всего налоговые, развивалась торговля. Новая система управления понемногу внедряла в сельское хозяйство и городской быт необходимые новшества. Встал вопрос о строительстве железной дороги из Египта, даже о расчистке Нила с его порогами. После Мухаммеда Али внимание египтян к Судану несколько ослабло, хотя и один из преемников могущественного египетского правителя лично посетил Судан и даже запретил работорговлю, что, впрочем, не сильно подействовало на местных торговцев, доход которых в немалой степени зависел именно от этой торговли. Дело было и в том, что большую роль в традиционной психологии страны играли тарикаты ваххабистского толка, появившиеся из Саудовской Аравии, где ваххабизм как движение за чистоту первозданного ислама, собственно, и возник. И хотя муфтием мусульман Судана был назначен один из улемов, прибывших из Египта, новые, крайне радикально настроенные тарикаты усилили свою активность. Эта активность была направлена на сохранение порядков раннего средневековья, для которого работорговля была естественной нормой. А большинство народа, опиравшегося на традиционную отсталость страны и ощущавшего сильное влияние ваххабитов, сопротивлялось реформам и саботировало их. Более того, явный радикализм новых тарикатов сыграл свою роль в дальнейших событиях в Судане.

Причин для этого было достаточно. Суданцев раздражало появление в стране в немалом количестве (речь о десятках тысяч) европейцев, в основном англичан, чиновников и разного рода специалистов, оказывавшихся в авангарде реформ и всех прочих попыток модернизации страны. Иностранцы начали форсировать процесс выращивания

плантационных культур — хлопка, сахарного тростника. С их помощью были организованы по поручению египетского хедива Исмаила экспедиции в сторону Центральной Африки. В 1869 г. первая такая экспедиция во главе с С. Бейкером завершилась присоединением к Судану султаната Дарфур и еще ряда африканских территорий, примыкавших на юге к Кении, Уганде и французскому Конго. Попытки Бейкера ликвидировать работорговлю в западных районах Судана, особенно в Дарфуре, где и в наши дни нередко происходят массовые этнорасовые репрессии, сопровождаемые гибелью сотен тысяч дарфурцев, к успеху не привели. Губернатором обретенных заново территорий и фактическим главой Судана стал сначала тот же С. Бейкер, которого в 1877 г. сменил Ч. Гордон, назначенный генерал-губернатором Судана. Однако усилия англичан, достигавших успехов в военно-политическом давлении на соседние с Суданом территории, населенные африканскими племенами, не приводили к прекращению масштабной работорговли. А в 1879–1880 гг. связи с событиями, приведшими к восстанию А. Ораби в Египте и к взрыву там религиозных эмоций, все они вместе с Гордоном вынуждены были покинуть Судан.

Пока в Египте решались проблемы, связанные с восстанием, Судан на некоторое время почувствовал себя свободным от давления извне. Кроме того, влияние перемен, связанных с открытием в 1869 г. Суэцкого канала и увеличением роли англичан в Египте, также не могло не сказаться на положении дел в Судане, обеспокоенном натиском со стороны Запада. Более того, натиск подобного рода способствовал усилению в стране позиций исламских экстремистов. Назревал религиозный бунт, принявший форму джихада, главой и символом которого в 1881 г. стал некий Мухаммед Ахмед, объявивший себя Махди, т.е. посланным Аллахом мессией. Махди призвал всех суданцев выступить против англичан, турок и египтян. Махдисты, которых оказалось довольно много, сравнительно легко одолели правительственное войско и, заручившись поддержкой ряда других тарикатов, а также местных торговцев и шейхов разных племенных групп (прежде всего тех, кто промышлял работорговлей), завладели всей страной, кроме разве что столичной зоны в Хартуме, куда в 1884 г. прибыл Гордон, вновь назначенный генерал-губернатором. Однако вскоре после прибытия Гордон убедился в том, что петля вокруг столицы сжимается и что с восстанием махдистов ему без помощи Каира не справиться. Помощь не приходила, и в 1885 г. Хартум был взят, а Гордон убит. Тем временем сам Махди умер, а его преемник Абдаллах объявил себя в 1885 г.

халифом, вскоре оказавшимся во главе резко возросшей и опьяненной религиозным рвением армии. Его халифат, состоявший из нескольких эмиратов, выступил против всех неверных и, в частности, начал войну с соседней Эфиопией. Он даже не замедлил пойти войной против Египта. Однако дни халифата и махдистов были сочтены.

В 1898 г. десяти тысячный отряд генерала Г. Китченера, вооруженный только что изобретенными пулеметами, успешно, хотя и медленно (чуть ли не параллельно со строившейся быстрыми темпами железной дорогой), двигался на юг и в ряде успешных сражений попросту массами уничтожал махдистов. В этой войне было наглядно проявлено преимущество буржуазной военной техники над средневековым религиозным фанатизмом. Победа англичан была полной, с религиозным фанатизмом махдистов было покончено, а сам Судан в 1899 г. был превращен в кондоминиум, т.е. в совместное владение Англии и Египта. Фактическим главой государства на достаточно долгое время оказался английский генерал-губернатор, англичанами были и губернаторы провинций Судана. Режим кондоминиума в принципе являл собой мягкую форму колонии. Влияние Англии как великой буржуазной державы на Судан было при этом, естественно, много большим, чем со стороны Египта. Соучастие Египта в управлении и реализации политики модернизации в Судане было не более чем символическим. Собственно, именно этот факт и дает основание заключить, что в конце века Судан реально оказался в числе европейских колоний, причем колоний крайне отсталых, близких по сути к колониям второго и третьего типов не в меньшей мере, нежели к колониям четвертого типа вроде Индии.

Дело в том, что факт существования английских губернаторов провинций, которые заменили махдистских эмиров, в этой исламской стране слишком мало и медленно что-либо изменял. Не сильно и не быстро менялась ситуация и от проведения железной дороги, хотя это обстоятельство было очень важным для оторванной от внешнего мира страны. Стоит обратить внимание на то, что на протяжении первой половины XX столетия все существенные перемены в Судане зависели от изменений в Египте. Они были следствием именно этих изменений, но не политики английских колонизаторов, которые в силу ряда важных причин и в немалой степени из-за затрудненного доступа в страну (в основном с севера через Египет) не слишком много могли сделать. Важно обратить внимание на то, что как раз в результате победоносного продвижения на юг покоренного Судана генерал Китченер достиг района Фашода, где встретил отряд французского капитана.

Этот отряд двигался вдоль всего суданского пояса от атлантического побережья Африки через юг англо-египетского Судана к восточным берегам континента, где в районе Сомали у французов уже был колониальный плацдарм. Неожиданная встреча в Фашоде (англичане мечтали соединить южноафриканские колонии с египетско-суданскими территориями и быть практически хозяевами всей Восточной Африки, а французы в те же годы стремились соединить западносуданские и центральноафриканские колонии с восточным берегом Африки) грозила международными осложнениями. Возник серьезный дипломатический инцидент. Но Франция в конечном счете была вынуждена под сильным давлением англичан отступить. Победа досталась Англии, хотя она захватила отнюдь не всю восточную часть африканского континента, как то планировалось идеологами расширения ее экспансии в Африке.

ОКЕАНИЯ

Если взглянуть на карту, бросается в глаза обилие не только крупных архипелагов, но и мелких, подчас совсем небольших островов, разбросанных на поверхности Тихого, Индийского либо Атлантического океанов. Эти архипелаги и отдельные острова (стоит напомнить, что обычно Океанию делят еще и на три крупных региона, включающих в себя ряд архипелагов и отдельных островов, Полинезию, Меланезию и Микронезию), населенные, как правило, островитянами, заметно отстававшими в развитии, стали колониями европейских держав, преимущественно Англии. Колонизация происходила по мере освоения обширного пространства Мирового океана, так что одни части Океании были освоены европейскими колонизаторами (много реже колонистами) еще до XIX в., другие именно в этом столетии. Практически это означает, что вся Океания с ее многочисленными архипелагами и отдельными островами, в том числе такими крупными, как Филиппины (которые вообще-то чаще относят к островной части Юго-Восточной Азии) или Новая Гвинея, состоит в основном из колоний.

Обращая внимание на резкую разницу в уровне развития между островитянами и осваивавшими острова европейцами, необходимо сразу же заметить, что практически вся Океания представляла собой колонии второго и третьего типов. Типология в этом случае, как и в остальных, условна и требует оговорок. Но она все же есть и может считаться фактом. Это и неудивительно, если принять во внимание, что нигде в Океании — если не относить к ней острова, расположен-

ные рядом с зонами древних восточных цивилизаций и причастных к истории развития этих цивилизаций (Цейлон, Япония, Индонезия, Сингапур и т.п.), — очагов сколько-нибудь высокой культуры не было. Естественно, что при этом создававшиеся на островах колонии европейских держав демонстрировали очень заметную разницу в уровне развития и образе жизни островитян и поселившихся рядом с ними колонизаторов (о колонистах в подавляющем большинстве случаев говорить не приходится).

Что приносили с собой колонизаторы на захваченные ими острова? Как правило, не слишком многое. На тех островах, которые были богаты пряностями, издревле создавались плантации. Работа на них была для местного населения, как правило, тяжелой нагрузкой, далеко не всегда в достаточной мере компенсировавшейся каким-либо имевшим ценность для туземного населения эквивалентом. Но при всем том и на эти острова, и на все другие колониализм в XIX в. приносил определенный стандарт буржуазной системы хозяйства, причем не только в производстве, но и в повседневной культуре быта, будь то строения, одежда или многие другие мелочи, постепенно становившиеся нормой для оказывавшихся объектом аккультурации островитян. Стоит обязательно иметь в виду, что ни один из островов не обходили своим вниманием и миссионеры, что способствовало определенным переменам в образе жизни туземного населения (исключение в этом смысле составляли лишь те сравнительно немногочисленные острова, население которых подверглось исламизации еще до прихода европейцев). Разумеется, при этом очень многое зависело от того, когда именно и какая из держав, в какой степени не только колонизовала, но и освоила тот либо иной остров или архипелаг. Впрочем, не в меньшей степени ситуация находилась в зависимости и от уровня развития самих островитян, от срока колонизации, да и от многих иных факторов. Из всех островов и архипелагов, о которых идет речь, целесообразно выделить два уже упомянутых, которые в XIX столетии выглядели очень различно и в известной мере поэтому могут восприниматься как два полюса, между которыми в той либо иной последовательности располагалась в ту пору вся остальная Океания.

Филиппины являют собой наибольший из архипелагов, о которых теперь пойдет речь. После крушения испанской колониальной империи в Латинской Америке Филиппины остались одной из нескольких самых важных для Испании колоний. Во второй половине XIX в. когда прошло уже несколько столетий с момента колонизации, здесь

стало ощущаться влияние иных европейских держав, в частности Англии, энергично осваивавшей филиппинский рынок. Это способствовало развитию туземного населения, а также интенсивному процессу метисации (имеется в виду смешение местного населения не столько с испанскими колонистами, количество которых было минимальным, сколько с китайскими мигрантами, приток которых был почти постоянным и сильно влиял на положение дел в стране). Не следует, однако, забывать и о буржуазных новациях в производстве, культуре и системе образования, которые многое изменили и способствовали формированию национального самосознания филиппинцев.

Возглавившие освободительную борьбу Х. Рисаль, а затем пришедший ему на смену Э. Агинальдо в конце века подготовили и начали восстание против колониального господства испанцев. Восстание привело в марте 1897 г. к образованию республики во главе со ставшим президентом Агинальдо. Однако на этом посту Агинальдо пробыл лишь несколько месяцев, ибо поражения республиканской армии в борьбе с испанцами привели к его отставке. США, вмешавшиеся в события на Филиппинах, в ходе испано-американской войны 1898 г. одержали победу и восстановили республику во главе с Агинальдо. Однако вскоре республика, едва успевшая составить проект конституции буржуазно-демократического типа с разделением властей, правами и свободами граждан, была ликвидирована. После этого аннексия Филиппин американскими войсками привела не только к крушению колониального режима и борьбы разнородных повстанческих сил, но и к превращению Филиппин в зависимое от США государство во главе с американским губернатором. При этом США начали создавать на Филиппинах близкую им по структуре власть, в том числе политическую систему с существованием партий, которая вела к созданию стабильного автономного самоуправления. Американцы способствовали и ускорению темпов экономического развития Филиппин.

Новая Гвинея с ее тяжелым для европейцев тропическим климатом и крайне отсталым, преимущественно папуасским населением, одним из первых исследователей образа жизни которого был Н. Миклухо-Маклай, начала более или менее активно колонизоваться лишь в конце XIX столетия. Переселенцев из стран западного мира, включая австралийцев, там всегда было не очень много, а активно действовавшие миссионеры начали процесс христианизации и аккультурации местного населения. Папуасы по уровню развития на начальном этапе колонизации были близки к этническим общностям отсталых районов

Тропической Африки. Стоит заметить, что количество этнических общностей и соответственно языков папуасской Новой Гвинеи исчисляется сотнями. Издревле господствовавшие примитивное мотыжное земледелие с каменными орудиями труда, разведение свиней и кур, а также охота и рыболовство в сочетании с примитивными ремесленными занятиями дают представление об уровне и образе жизни папуасов. Племенной структуры с вождями у них не было.

Колонизация новогвинейских и живущих на соседних островах папуасов позволила познакомить их с более развитой техникой и технологией сельскохозяйственного и ремесленного производства и с некоторыми другими элементами культуры цивилизованных обществ. Медленный процесс аккультурации сказался лишь в XX столетии, тогда как до того его результаты еще не были всерьез ощутимы. В заключение стоит заметить, что папуасы в последние век-полтора являли собой широкое и благодатное поле для исследований антропологов, пытающихся реконструировать процесс эволюции жителей каменного века.

ПОЛИТИКА КОЛОНИАЛЬНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

Если многие, быть может, даже большинство островов Океании и значительная часть других районов планеты, включая Тропическую Африку, были известны европейцам и раньше, то освоение колоний, которые возникли там, приходится в основном на XIX в. Собственно, именно эти основные признаки и параметры определяют отнесение колоний, о которых идет речь, ко второму либо третьему типам. Как о том уже шла речь, имеются в виду колонии, в которых условия жизни для европейцев были не очень благоприятны, где поэтому колонистов было немного, куда ввозились африканские рабы либо законтрактанные китайские и индийские кули и где большую роль играли метисы. Еще одним важным признаком, который имеется в виду, было то, что в этих колониях не было, как правило, ранее существовавшей собственной административной системы и признанной власти. Неудивительно поэтому, что первым делом колонизаторов становилось создание такой системы. Разумеется, на первых порах эта система целиком комплектовалась и тем более возглавлялась приезжавшими в колонию чиновниками, начиная с губернаторов.

Важно заметить, что завоевание многих новых колоний в XIX в., особенно в Тропической Африке, сопровождалось войнами. Эти войны были связаны с естественным сопротивлением туземного насе-

ления, не желавшего жить в предлагавшихся колонизаторами новых условиях. Люди стремились к сохранению своей идентичности, которая сводилась к не раз упоминавшейся выше консервативной стабильности, т.е. к сохранению порядков, соответствующих традиции. И хотя стремления колонизаторов в конечном счете вовсе не были связаны с ухудшением положения туземного населения на аннексированных ими территориях, в реальности это часто не имело никакого значения. Там, где компактно проживали сравнительно многочисленные этнические общности и большие племена, союзы племен, племенные протогосударства, сопротивление было естественным результатом на вторжение чужестранцев. Однако, принимая все сказанное во внимание, надлежит все же обратить внимание на ту политику, которую колонизаторы, если не считать некоторых наиболее в этом смысле одиозных, какими были в первую очередь немецкие, на протяжении долгого времени (начиная с конца XIX столетия) реально осуществляли, вплоть до периода деколонизации в середине XX в.

Знакомство с тем, что реально происходило в колониях в интересующий нас период, убедительно свидетельствует, что главным в деятельности как колониальной администрации, прежде всего английской и французской, так и соответствующих ведомств метрополии было максимально выгодное освоение колоний. Но что значит выгодное? Очень распространены суждения, смысл которых сводится к тому, что главным для колонизаторов всегда были и оставались эксплуатация туземного населения и выжимание из колоний ее ресурсов. Нет слов, на плантациях трудились и рабы, и наемные труженики из числа туземного населения, причем вознаграждение за их труд могло быть далеко не эквивалентным трудовым затратам. Но стоит заметить, что именно в XIX столетии эта привычная ситуация достаточно заметно и практически везде изменялась. Рабство и рабский труд запрещались, на смену рабу приходил батрак или арендатор, на плантациях работали рабочие, чей труд оплачивался, причем за этим нередко могли следить возникавшие в колониях общественные организации, своего рода предшественники тред-юнионов.

Более того, сама колониальная администрация не была заинтересована в чрезмерной эксплуатации труда и не видела в этом большого смысла. Во-первых, хотя бы потому, что на смену ручному труду везде, в том числе в колониях с их плантациями, приходили механизмы, не только заменявшие людей на наиболее тяжелых работах, но увеличивавшие при этом производительность труда, в чем были кровно заинтере-

сованы и плантаторы. Во-вторых, из-за того, что повсюду колонизаторы в период буржуазной трансформации западного мира были заинтересованы в том, чтобы повысить культурный уровень местного населения и подготовить его к самостоятельному управлению страной либо даже небольшим островом с помощью более передовых буржуазных методов, органично сочетавшихся с либерально-демократической администрацией. Для тех, кто все еще сомневается в этом, было бы полезно ознакомиться с тем, как существуют сегодня даже наиболее отсталые в XIX столетии народы, будь то негры труднодоступных районов Тропической Африки или папуасы Новой Гвинеи. Речь не о том, что все они живут бесконфликтно и процветают. Имеется в виду другое, гораздо более значимое: они добились самостоятельности и условиях деколонизации давно уже сами управляют своими странами. Быть может, не всегда и не у всех это получается хорошо, но это сегодня уже общепринятая норма. Возникла же такого рода норма отнюдь не спонтанно, для ее возникновения всюду было приложено немало усилий со стороны сменявших друг друга представителей колониальной администрации.

Конечно, в XIX в. все еще сильно ощущалось неравенство между колонизаторами, тем более представителями возглавлявшей колонию администрации, и местным населением. Но эта разница понемногу исчезала. Без этого деколонизация была бы невозможной или возвратила бы население колонии к далекому прошлому, т.е. отбросила его на много веков назад, чего, как известно, при всех издержках самостоятельного управления, в колониях второго и третьего типов за редкими исключениями, не произошло. Это относится и к тем, наподобие американских индейцев, кто подвергался дискриминации (да и с кем ожесточенно воевали колонисты), но в колониях, тем не менее, не жил, а существовал в резервациях, ныне тоже если и не всегда благоденствующих, то во всяком случае самоуправляемых и в массе своей все же процветающих.

Выше не было сказано народах Сибири, колонизованных русскими. Отрезанных морями от метрополии колоний в России в силу в основном геополитических причин не было. Однако процесс аккультурации местного населения той же Сибири в XIX столетии шел. Но на нем отразились все те беды и невзгоды, которые были характерны для империи в целом. В основном именно из-за этого аккультурация и тем более роль современных методов в сфере хозяйства и образа жизни были мало заметными и даже в конце века слабо ощущались. Впрочем, не намного большего достигли народы, о которых идет речь, и в XX в. Здесь очень уместно еще раз вспомнить, сколь важным для всех

людей планеты оказался либерально-буржуазный путь развития с его демократическими нормами и процедурами, разделением властей и упором на свободы и права человека, занявший в западном мире все столетие и отразившийся в конце этого века даже на самых отсталых колониях. Россия, к сожалению, шла в XX в. иным путем.

Глава двадцать первая. КОЛОНИИ ЧЕТВЕРТОГО ТИПА

Этот последний тип колоний в принятой автором систематизации наиболее важен и интересен с многих точек зрения. Прежде всего потому, что к группе стран, входящих в число таких колоний, относятся, как правило (хотя и далеко не всегда), традиционные государства Востока со свойственной им пусть несколько медленно развивающейся, а то и вовсе как бы застывшей, но все же высокой культурой. Колонизация этих стран была для колонизаторов достаточно сложной проблемой, сопровождавшейся немалыми политическими, дипломатическими и военными усилиями, направленными на постепенное овладение в колонии либо протекторате командными высотами и на создание опиравшейся в основном на силу (хотя и далеко не только на нее) новой колониальной сети административных органов. По-разному шел этот процесс в различных восточных государствах. Кое-где, особенно в Индокитае и арабских странах, он фиксируется лишь в самом конце XIX столетия. В других случаях, напротив, требовал длительных усилий на протяжении веков, как то было в такой стране, как Индия. Вообще Индию следует считать особым случаем, хотя с точки зрения теоретического осмысления ситуации ничего необычного в процессе захвата и освоения она собой не представляла. Разве что сыграл свою важную роль кризис власти в период правления Аурангзеба. Но в любом случае начинать описание событий, связанных с активной колонизацией колоний четвертого типа в XIX столетии, следует именно с этого гигантского субконтинента.

БРИТАНСКАЯ ИНДИЯ

Британская Индия (считается, что это наименование дал субконтиненту Дизраэли, провозгласивший королеву Викторию императрицей Индии, но некоторые специалисты полагают, что оно возникло раньше, еще в начале века) была, как то хорошо известно, «жемчужиной британской короны». И это восприятие роли Индии в английской колониальной империи не следует считать преувеличением. Индий-

ский субконтинент действительно по мере подчинения всех его государств англичанами превращался в гигантскую колонию, не знавшую себе равных даже при сопоставлении с испанскими захватами в южной части Америки.

Вторая (1803–1805) и третья (1817–1818) англо-маратхские войны позволили англичанам, добившимся разгрома воинства маратхов, закончить с наиболее серьезным воинственным государством. Не только Махараштра, но и ряд соседних государственных образований, такие как Раждпутана и Гуджарат, частично и некоторые другие в итоге были присоединены к бенгальским, майсурским и прочим владениям Англии. И хотя это еще далеко не означало конца сопротивления на присоединенных к колонии территориях, англичане постепенно продвигались вперед и добивались некоторого умиротворения все еще готовых к борьбе войск своих уже поверженных противников. Оставалось закрепиться в северной части субконтинента.

Существенно заметить, что колонизаторы не торопились. Напротив, они ставили своей целью именно закрепиться на завоеванной части Индии и сделать все, что было в их силах, для умиротворения в ней населения. Был разработан и принят ряд серьезных реформ. Во-первых, ограничивались полномочия и возможности Ост-Индской компании, а английский парламент и назначенные им губернаторы взяли на себя осуществление первых необходимых перемен, будь то разработка судебного кодекса или пресечение некоторых одиозных обычаев типа *сати*, т.е. сожжения вдов, или активной деятельности касты-секты душителей-*тагов*. Во-вторых, стало энергично поощряться развитие буржуазных форм хозяйства и систем управления, что проявлялось в строительстве промышленных предприятий и железных дорог, а также сопровождалось созданием разветвленной колониальной административной сети, связанной телеграфом. В-третьих, была сделана попытка активно вмешаться в традиционные формы аграрных отношений и налогообложения, что, однако, далеко не всегда давало положительный результат, так как разобраться в этой непростой веками складывавшейся системе оказалось очень нелегко. Достаточно напомнить о неудачах, связанных с решением проблемы частной собственности на землю и ролью крупных индийских землевладельцев, *заминдаров*.

Английский парламент принял ряд важных мер, направленных на активное содействие частному предпринимательству и на укрепление свободных торговых связей. Эта реформа, превращавшая Индию в огромный рынок, который теперь уже перестал быть монополией

компании, привела к расцвету многих индийских городов, в первую очередь портовых, которые становились богатыми многонаселенными торговыми центрами. Разумеется, о богатстве этих центров следует говорить осторожно, ибо большинство обслуживавшего торговлю населения портовых городов жило в привычной для страны ужасающей нищете. Но очень важно обратить внимание на то, что уже в первой половине XIX столетия в Индии стал складываться численно весьма немалый слой купцов-компрадоров и служащих в системе британской администрации из числа достаточно образованных индийцев. Эти слои населения свободно владели английским, и именно для них в первую очередь начали издаваться многочисленные печатные издания на этом языке. Именно язык колонизаторов оказался после этого одной из важнейших связей, соединявших между собой жителей всех многочисленных государств субконтинента. На английском языке велось преподавание в различного рода колледжах и иных учебных заведениях, возникавших в разных городах. В Индии появились многие просветительские организации, выпускавшие — разумеется, опять-таки на английском языке — свои периодические издания.

Ставка на образование и свободу печати, на распространение знаний себя с лихвой оправдала. В Британской Индии ускоренными темпами вырастал немалый слой индийцев, прежде всего из высших брахманских каст, которые усваивали западные идеи и ценности, а порой и получали где-либо в Оксфорде или Кембридже хорошее высшее образование. Стоит заметить, что этот акцент на просвещение индийцев в западном духе великих идей эпохи европейского Просвещения, требовавший, к слову, немалых затрат, с лихвой себя оправдал. Он, в частности, заметно сокращал размах сопротивления тех слоев населения, которые что-либо теряли от колониального развития и импорта либо просто не желали реформ и любых перемен. Не то чтобы этих слоев, что называется, на глазах становилось намного меньше. Главное в том, что аккультурация, приучение к новым условиям представителей высших каст, имевших, особенно если говорить о брахманах, огромный престиж на всем субконтиненте, благотворно влияла на общество в целом. Она содействовала тому, что остальная абсолютно преобладающая часть населения легче и охотнее воспринимала перемены, приучаясь мириться с невзгодами и рассчитывать на улучшение своей доли, что в общем-то постепенно, заняв не только XIX, но и весь XX в., становилось ощутимой реальностью на территории Британской Индии.

Эта территория, к слову, продолжала расширяться за счет овладения англичанами северных районов. В результате двух войн с сикхами англичане сумели в 1849 г. оккупировать Пенджаб. Кроме того, отменив издревле существовавшее правило, согласно которому не имевший наследников раджа имел право усыновить кого-либо и передать княжество ему, английский губернатор Д. Дальхузи (1848–1957) стал достаточно неосмотрительно одно за другим присоединять к владениям Британии небольшие вассальные княжества. Затем к выморочным княжествам было бесцеремонно прибавлено одно из крупнейших среди них — Ауд, правитель которого не понравился губернатору за то, что он будто бы берет с подданных слишком тяжелые налоги. И эта аннексия сыграла чуть ли не решающую роль в недовольстве, которое возникло на субконтиненте в середине 1850-х гг., когда новые порядки, распространенные колонизаторами в Индии, привели к наиболее болезненным конфликтам сразу в нескольких важных сферах. Во-первых, недовольными были индийские ремесленники, много терявшие из-за растущего импорта дешевых английских фабричных тканей. Во-вторых, как упоминалось, усложнилась и оказывалась все более запутанной система аграрных отношений и налогообложения. И, наконец в-третьих, оказалась оскорбленной основная воинская сила — *сипаи*, немалая часть которых обычно была родом из Ауда.

Сипаи, традиционно — как все военные в истории Индии — набравшиеся из представителей достаточно высоких и престижных каст, раджпутов и джатов, подчас даже брахманов, а также из мусульман, были воинами компании. Они в отличие от немалого числа коронных войск из числа англичан были индийцами, а их командирами — британские офицеры, назначавшиеся директорами компании. В принципе сипаи, несмотря на явную дискриминацию, оставались довольными своим положением, в частности, ежемесячной платой в 8 рупий, что по тем временам было очень приличной суммой. Но события в Ауде, а также слухи о предполагаемой насильственной христианизации индуистов и даже о том, что англичане в Индии будто бы не пробудут более 100 лет, будоражили их. Что же касается непосредственного повода для резкого взрыва недовольства на фоне всех этих слухов, то им оказалось введение патронов, смазанных говяжьим либо свиным салом.

Так как приходилось обкусывать патроны, это оскверняло традиции в стране, где корова почиталась как священное животное и где мусульмане не употребляли в пищу свиней, чего англичане, не привыкшие церемониться с сипаями, не учли, то общее недовольство мгновенно

переросло в восстание. Восставшие летом 1857 г. полки, заставившие поддерживать их жившего в Дели на пенсии англичан последнего из Великих Моголов Бахадур-шаха, уничтожали европейцев, что обеспечивало им поддержку части мирного населения. Однако продержались восставшие лишь несколько месяцев, после чего англичанам удалось подавить восстание. Впрочем, еще некоторое время сопротивление продолжалось. А осенью 1858 г. королева Виктория объявила об амнистии всем тем, кто примкнул к восстанию, что в немалой мере способствовало завершению партизанских действий.

Англичане, следует отдать им должное, сделали серьезные выводы из всего происшедшего. Прежде всего прекратила свое существование явно изжившая себя Ост-Индская компания. Генерал-губернатор с титулом вице-короля и исполнительным советом при нем, а также министерство по делам Индии стали управлять огромной колонией. В начале 1860-х гг. в ходе серьезных реформ при генерал-губернаторе и губернаторах провинций были созданы совещательные комитеты из представителей местного населения. Судебная власть перешла к судам короны во главе с высшими судами в провинциях. В армии (войско сипаев было упразднено) индийцы обрели право, пусть не очень часто на практике реализовывавшееся, занимать офицерские должности, а сами воинские части были усилены за счет как сикхов и *гуркхов*, так и англичан. Вопрос о выморочных княжествах был пересмотрен, и часть их возвратили наследникам.

Сфера земельных отношений стала заново строиться на основе регулярно проводившихся кадастров, после которых на основании объективных показателей выводилась сумма налогов для землевладельца либо общины. Недовольные могли обращаться в суд. Права заминдаров, до того чрезмерно преувеличенные англичанами, не сразу разобравшимися в сути земельных отношений, были урезаны. Увеличение арендной платы поставили под строгий контроль. Часть отраслей сельского хозяйства, например выращивание хлопка и чая, обрели право на субсидии. В стране возникла густая сеть муниципалитетов и окружных советов с выборной либо назначенной администрацией из представителей местного населения. Раджи всех княжеств и правители аннексированных государств, включая майсурское, были реабилитированы. Все эти и некоторые иные реформы завершились в 1877 г. в Дели торжественным актом провозглашения Виктории императрицей Индии.

Вторая половина XIX столетия, и особенно последняя часть этого века, была периодом усиленной аккультурации населения огромной

страны. С самого начала важно обратить внимание на то, что англичане хорошо понимали, что пытаться превратить индийцев и тем более мусульман в христиан нереально. Это было продемонстрировано неудачей миссионеров, не говоря уже о той роли, которую сыграли слухи о насильственной христианизации в качестве одной из причин восстания сипаев. Однако принять во внимание специфику индийской цивилизации с ее идеями кармы и практикой каст вполне можно было. Мало того, эти особенности и прежде всего реально существовавшая кастовая система позволяли вести аккультурацию таким образом, чтобы она, опираясь на традицию, тем не менее, по сути своей сближалась с основными стандартами британской буржуазно-демократической структуры с ее правами и свободами, разделением властей и ролью элиты, организованной в политические партии и представленной в парламенте.

Еще в 1835 г. губернатор Индии Т. Маколей всерьез занялся реформой системы образования в колонии. Исходя из того что основа колониальной администрации огромного субконтинента должна состоять из самих хорошо подготовленных в этому индийцев и стремясь, как он сам выразился, создать «прослойку, индийскую по крови и цвету кожи, но английскую по вкусам, морали и складу ума», Маколей способствовал резкому увеличению в стране разного рода образовательных учреждений. А в 1857 г., когда в стране уже появилось много людей, получивших характерное для самих англичан буржуазное и либерально-демократическое по содержанию образование, было открыто три университета: в Калькутте, Бомбее и Мадрасе.

В последующем число колледжей и университетов постоянно и весьма быстрыми темпами увеличивалось. С 1858 по 1898 г. бюджет народного образования удесятился, школы стали посещать 21% мальчиков и 2% девочек, а преподавание на английском языке и по английским программам обеспечивало высокий уровень знаний. И хотя такого рода знания получали в то время в основном представители элиты, а подавляющая масса населения оставалась неграмотной, роль индийских интеллектуалов, в основном из высших брахманских каст, была непропорционально большой, что в немалой мере способствовало началу энергичной трансформации Индии по пути передовой буржуазной демократии. К сказанному важно прибавить, что элита и народ приучались к ориентации на европейские буржуазные ценности, особенно на те из них, которые не вступали в противоречие с индийской традицией. Имеются в виду и ориентация на сосуществование множества различных социальных слоев (в Индии — каст), и право

каждого из слоев быть представленным в выборном органе, играющем важную роль в системе администрации, и издание на общем для всей Индии английском языке различного рода книг, периодических публикаций, не говоря уже об учебниках.

Демократии многомиллионный народ учился и на основе введенных колонизаторами принципов местного самоуправления. Пусть выборы были многоступенчатыми, а принимать участие в них могли не очень многие, вряд ли более 1% населения страны, главное было сделано. Народы Индии учились демократической процедуре и в этом отношении в 1880-х гг., когда были изданы законы о местном самоуправлении, они едва ли отставали от введенной примерно в то же время в России системы земства. Более того, в русском земстве выборам как таковым уделялось много меньше внимания, а вчерашние крепостные крестьяне с их архаическим сознанием были практически вовсе отстранены от избирательной процедуры. В Индии же после десятилетия практики выборов в муниципалитеты в 1890-х гг. настал следующий важный этап. Члены муниципальных советов стали избирать своих представителей в провинциальные законодательные советы при губернаторах и в Индийский законодательный совет при генерал-губернаторе.

Изменился и характер экономики Индии, превратившейся в главный и практически неограниченный рынок сбыта английских промышленных товаров, а также передовой техники. Из Индии в обмен на это вывозились хлопок, шерсть и изделия из нее, особенно кашмирские ткани, чай, джут, а также индиго и некоторые пряности. Это означало заметный рост товарности сельского хозяйства. Не стоит забывать и о самих индийцах, количество безработных среди которых, в том числе в связи с определенным упадком производства в сфере традиционного ремесла, стало значительным. Имеется в виду контракция индийских рабочих для работы на плантациях в разных британских колониях с жарким климатом, вплоть до Вест-Индии. Как то хорошо известно, большое количество индийцев появилось и в британской Южной Африке (среди них в молодости провел несколько лет в этой стране и М. К. Ганди, будущий признанный национальный лидер Индии), а также в Малайе. Труд на плантациях, хотя он и более или менее прилично оплачивался, был тяжелым, так что далеко не случайно законтрактованных для отправления на такие работы молодых индийцев — как и китайцев — именовали привычным китайским термином *кули* («трудная, тяжелая работа»).

Индийская община при английских колонизаторах отнюдь не развалилась. Напротив, она стойко держалась, опираясь на многотысячелетние традиции. Однако общее изменение всей системы экономики не могло не сказаться. Одним из проявлений трудностей и даже несчастья для нее, а периодически такое часто встречалось и прежде, когда никаких изменений в привычном образе жизни не ощущалось, были неурожайные голодные годы. Стоит заметить, что особо значительным по масштабу и последствиям был голод 1877 г. Вмешательство вице-короля, приказавшего обеспечить строительными работами миллионы людей и потратившего сотни миллионов рупий на раздачу продуктов голодающим крестьянам, сократило страшные последствия неурожая. Но около 5 млн людей все же погибло, что, к слову, вызвало широкий резонанс в Британии, где было решено создать из специальных бюджетных отчислений фонд для проведения необходимых ирригационных работ и строительства железных дорог, с тем чтобы даже отдаленные районы Индии были обеспечены необходимой помощью в случае повторения столь тяжких неурожайных лет. Впрочем, этот фонд мало помог в 1896 г., когда очередной голод возник в Пенджабе и многонаселенной центральной части бассейна Ганга.

При всем том промышленное развитие Британской Индии быстрыми темпами шло вперед и понемногу приносило свои плоды. Система таможенных пошлин ограничила ввоз английских тканей, а индийцы при деятельном участии британской колониальной администрации, построив собственные текстильные предприятия, смогли восстановить производство хлопка и обеспечить в конце века занятостью тех разорившихся несколько ранее ремесленников, которые пошли на эти фабрики работать. Впрочем, параллельно возрождалось и традиционное ремесло. К слову, новые фабрики, как и железные дороги, многочисленные иные промышленные предприятия и прочие новации буржуазной экономики, внедрялись в Индии в размерах, вполне соответствовавших масштабам субконтинента. Конечно, это требовало немалых средств. Но они достаточно быстро окупались, что и способствовало почти неограниченному притоку капитала. Росли как государственные займы (за 1856–1800 гг. они увеличились с 4 до 133 млн ф. ст.), так и частные инвестиции.

Не приходится говорить и о преображении древних индийских городов, большинство которых быстрыми темпами трансформировалось, превращаясь в центры промышленности и культуры. В городах жили индийские рабочие, общее количество которых составляло

к концу века 600–700 тыс. — цифра, вполне сопоставимая с числом промышленных рабочих в России того времени. Параллельно появлялось рабочее законодательство, сократившее рабочий день до 12–14 часов и ограничившее возраст подростков, которых можно было принять на работу. Стали появляться и первые промышленные предприятия, принадлежащие индийцам.

Все эти перемены, обеспечивавшие будущие и особенно нынешние успехи Индии в ее благотворном развитии, в то время воспринимались населением крайне настороженно и рождали стойкое внутреннее сопротивление. Это находило проявление и в крестьянских волнениях, и в недовольстве представителей элиты, и даже среди тех образованных интеллектуалов, которым были дороги традиции старого времени. В Индийском национальном конгрессе (ИНК), созданном с благословения англичан в 1885 г. с целью консолидировать все те силы в стране, которые могли бы, взяв за основу британский вестминстерский стандарт, бороться за создание новой буржуазно-демократической Индии, лояльность и оппозиционность были представлены практически одинаково. А кроме ИНК в стране активно действовали и мощные религиозные организации, например «Арья самадж», звавшие народ назад, чуть ли не ко временам индоариев.

В конгрессе наиболее радикально-экстремистскую позицию занял Б. Тилак, противопоставлявший английскому колониализму традиционные ценности и резко выступавший против не только англичан, но и мусульман. Однако главной идеей умеренных лидеров конгресса, всегда составлявших в нем внушительное большинство, стала с первых лет его существования борьба за независимость Индии, собранной — нельзя не напомнить об этом — воедино именно англичанами из разных государственных образований с населением, говорившим на различных языках.

Подводя краткий итог сказанному, обратим внимание на то, что в обладавшей уникальной цивилизацией Индии, этой колонии четвертого типа, стране с огромной историей и великой традицией, колонизаторы вели себя совершенно иначе, нежели в других колониях. Конечно, и в Индии англичане обычно тоже не забывали подчеркнуть разницу между европейцем и местным населением, в массе своей неграмотным и нищим. Более того, они не забывали напоминать, что являются в этой стране *сахибам*, хозяевами, и в случае нужды соответствующим образом действовать. Однако общее направление их индийской политики сводилось к тому, чтобы всеми возможными

силами и ускоренными буржуазными темпами способствовать развитию огромной страны. К тому же англичане объективно стремились и в своих остальных колониях, не забывая при этом, естественно, об организации эксплуатации их природных богатств, если они имелись. Но, как то хорошо известно, отнюдь не везде были объективные условия для ускоренного становления буржуазно-демократической структуры близкого к западному типу. В Индии с ее кастами и прочими специфическими особенностями условия для создания такого рода структуры были если и не идеальными, то весьма подходящими. И потому курс, взятый Лондоном после восстания сипаев, в исторически очень краткие сроки привел к созданию менее чем через столетие демократической республики (об исламском Пакистане и тем более Бангладеш следует в этом плане говорить особо).

ЦЕЙЛОН, БИРМА И МАЛАЙЯ

Страны Индокитая, оказавшиеся в числе британских колоний, тоже следует считать колониями четвертого типа. Однако этим практически и исчерпывается сходство их с Индией, ибо каждая из стран, о которых теперь пойдет речь, не только имеет свою неповторимую судьбу, но и во многих отношениях отлична по ряду важных параметров от Индии.

Остров Цейлон территориально и в культурном плане близок к Индии. Однако, во-первых, в нем в отличие от субконтинента взял верх буддизм, тогда как влияние индуизма, тесно связанного с миграцией индийцев-тамилов, было ограниченным, а во-вторых, весь остров, ставший колонией вначале Португалии, а затем Голландии, оказался под властью англичан лишь в самом начале XIX столетия. Статус же английской колонии он получил после соответствующего решения Венского конгресса 1815 г. Существенно заметить, что, как следует полагать, не без участия все того же Венского конгресса, монополию на торговлю цейлонской корицей и пряностями сохранили за собой, во всяком случае на первых порах, голландцы. Это вынудило англичан сделать Цейлон центром выращивания кофе и чая и соответственно активной торговли именно этими продуктами.

Колонизуя остров, англичане прежде всего расправились к государством Канди, которое до того постоянно и успешно противостояло колонизаторам. Затем они энергично стали создавать систему частных плантаций, для чего на остров начали ввозить немалое количество контрактрованных кули, в основном из южной Индии, где жило немало

тамилов. Колониальные власти, не забывая о попытках христианизации населения, которые были начаты еще задолго до англичан, стремились сохранить хорошие отношения с буддистами. Кроме того, объединив под своей властью весь остров, они уже в первой половине века приложили немало усилий для демократизации административной структуры по британскому стандарту. При генерал-губернаторе (Цейлон в административном отношении стал отделенной от Индии колонией) были созданы исполнительный и законодательный советы, причем в последний входили и представители местного населения.

Как и в Индии, англичане на Цейлоне заботились о том, чтобы активно содействовать формированию на острове хорошо образованной по европейскому стандарту элиты, для чего в городах создавались различные учебные заведения с преподаванием и программами на английском языке, издавались газеты и прочая печатная продукция на английском. В середине века параллельно с энергичным ростом буржуазного предпринимательства и появлением некоторого количества зажиточных частных собственников из числа цейлонцев в колонии усилилось сопротивление колонизаторам. Оно выражалось в основном в различных формах укрепления национального самосознания. Это проявилось в стремлении к изданию газет и книг на сингальском языке, в создании собственных политических организаций, первой из которых стала в 1864 г. Цейлонская лига, выступавшая за реформы в сфере образования с расширением количества учащихся детей, а также за выборы в представительные учреждения.

Кризис, связанный на рубеже второй и третьей третей века с болезнью кофейных растений, привел не только к резкому упадку производства кофе и к разорению тех, кто был с ним связан, но и к превращению острова в одного из наиболее крупных производителей чая. Резко увеличились инвестиции в развитие чайных плантаций и в создание на Цейлоне хорошо развитой инфраструктуры, способствовавшей превращению острова в мировой центр производства этого растения. В стране появились многочисленные успешно действующие на рынке буржуазные предприниматели из числа местного населения. Вслед за ними начало усиленно возрастать количество европейски образованных представителей разных профессий, будь то учителя, врачи, адвокаты, специалисты в области духовной культуры и т.п. Влияние буддизма тем временем не только не прекращалось, но и порой усиливалось. Оно вело к возрождению несколько уменьшившейся за века колониальной зависимости значимость этой религии. Появилось

немало новых буддийских обществ и сект. Но при этом на острове достаточно активно действовали и христиане, и мусульмане.

Бирма, государства которой, как и на Цейлоне, рано стали объектом колониальной экспансии португальцев и голландцев, а затем французов и англичан, оказалась сравнительно мало интересной для первого потока колонизаторов, стремившихся к овладению пряностями, которые здесь не произрастали. Убедившись в этом, колонизаторы закрыли свои форпосты и на время задержались еще в стране лишь для того, чтобы торговать огнестрельным оружием. Эта ситуация позволила бирманским странам продолжать привычную междоусобную борьбу, которая привела к возвышению правителей объединившей Бирму династии Конбаун, стремившейся ограничить проникновение в страну колонизаторов. Тем не менее англичане на рубеже XVIII–XIX вв. начали борьбу за колонизацию Бирмы. Владения британской Ост-Индской компании в Индии к этому времени оказались уже рядом с ней. Назревал серьезный конфликт, который завершился первой англо-бирманской войной 1824–1826 гг. В ходе этой войны англичане укрепили свои позиции, отторгнув от Бирмы две пограничные провинции, получив огромную контрибуцию (1 млн ф. ст., или 10 млн рупий) и добившись от нее заключения выгодного для компании торгового договора и согласия на присутствие в стране английского резидента.

Поражение было крайне болезненно воспринято в стране, еще незадолго до того явно претендовавшей на объединение всего индокитайского буддийского мира, начиная с Сиама, с которым бирманцы до того долгие десятилетия вели войны. Английский резидент с немалым военным сопровождением оказался в бирманской столице уже в 1830 г. и с этого времени стал в Бирме фактически всемогущим повелителем, особенно в сфере внешнеполитических и торговых ее контактов. Единственное, что сумели предпринять боровшиеся друг с другом за власть представители правящей элиты страны, — это успешная реорганизация армии. Усилившиеся за этот счет руководители государства, сумевшие вынудить английского резидента покинуть столицу и переехать в Рангун, подготовили тем самым новый вооруженный конфликт.

Вторая англо-бирманская война (1852–1853 гг.), начатая англичанами под предлогом защиты интересов притесняемых властями Бирмы британских торговцев, привела к оккупации их войсками южной части страны, которая вместе с Рангуном была присоединена к Индии. Уроки этой войны были для Бирмы, лишившейся чуть ли не половины своей

территории, крайне унижительными. Теперь ее правители попытались ответить на вторжение колонизаторов проведением назревших реформ, ставивших своей целью укрепление центральной власти, включая систему судопроизводства, налогообложения, и по-современному вооруженную армию, в которой в качестве военных специалистов использовались извечные противники англичан французы и даже итальянцы. В столице Мандалай строились военные заводы, в портовых центрах реки Иравади работали современные верфи. Бирма быстрыми темпами модернизировалась, что было почти нормой в последней трети века. Строились телеграфные линии, больницы и школы с преподаванием по европейскому стандарту, издавались переведенные с европейских языков книги, начинали выходить газеты. Многие молодые люди ехали учиться в Европу, в основном во Францию.

Стремясь прорвать навязанную стране блокаду, Бирма стала даже посылать своих послов в европейские страны, заключать с некоторыми из них договоры. Однако смерть реформатора короля Миндона привела к резкому ухудшению положения страны. Борьба за трон ослабила страну и сделала ее легкой добычей англичан в ходе третьей англо-бирманской войны (1885–1886 гг.). После этой войны Бирма стала колонией и была превращена в часть Британской Индии. На ее территорию переселились многие индийцы, принешие с собой немало уже освоенных в Индии традиций буржуазной экономики, форм управления и культуры. Вся колония во главе с английским комиссаром, с 1897 г. — губернатором, подчиненным вице-королю Индии, была разделена на административные подразделения (области, округа, районы), а племена получили традиционную автономию. В Бирме появился Законодательный совет с участием представителей местного населения, правительство состояло из ряда департаментов по европейскому образцу. В городах возникли муниципалитеты с выборной системой. Большое внимание англичане уделили становлению и развитию системы просвещения.

Колониальные власти не забывали и о создании эффективной экономики. Земельный кадастр и развитие рисосеяния привели к тому, что колония стала экспортером риса. Ценная древесина — тиковый лес — также приносила немалый доход. Механизация сельского хозяйства и развитие добывающей (горнорудной, нефтяной) и перерабатывающей промышленности вносили свой немалый вклад в успешное буржуазное предпринимательство, в укрепление рыночных связей, в превращение хозяйства страны в товарное по преимуществу. При этом существенно заметить, что различные торговые, финансовые

и производственные ниши заполнялись обычно разными группами населения, будь то британцы, индийцы, китайцы либо коренные бирманцы, что конечном счете способствовало достаточно гармоничному росту общества в целом. Разумеется, в Бирме сохранялось немалое число недовольных, стремившихся либо к поддержанию традиций прошлого, либо к защите национальных, в основном буддийских, ценностей, либо просто к освобождению страны от унижительного статуса колонии. Они получали определенную свободу самовыражения, так что в этом смысле колониальный режим был вполне приемлемым, ибо обеспечивал, как то было и в Индии или на Цейлоне, воспитание подрастающих поколений в либерально-демократическом духе, столь свойственном парламентарной традиции Великобритании.

Малайя, бывшая зоной влияния Португалии, затем Голландии, оказалась в колониальной зависимости от англичан на рубеже XVIII–XIX вв. Вместе с островом Сингапур Малайя в 1826 г. стала владением Ост-Индской компании и затем оказалась президентством Стрейтс-сэтлментс, подчиненным губернатору Индии. Богатая природными ресурсами, начиная с олова и кончая завезенными туда из Америки и легко прижившимися каучуковыми деревьями (имеется в виду сок гевеи, т.е. натуральный каучук), а также пряностями, Малайя, удачно расположенная рядом с Малаккским проливом, оказалась одним из наиболее ценных приобретений британских колонизаторов. Через ее порты велась активная торговля, на ее территории рано стали появляться плантации пряностей, будь то гвоздика, мускатный орех или перец. Очень существенно принять во внимание, что правителями южномалайских государств в это время были мусульманские султаны, с которыми англичанам приходилось вести переговоры и вступать в разного рода сделки. С 1819 г. компания с целью закрепления своих позиций приступила к колониальному освоению острова Сингапур, расположенного к югу от Малайи, по ту сторону узкого пролива, где в результате договоров с местными султанами и, несмотря на протесты укрепившихся по соседству с островом голландцев, англичанами был построен большой порт.

Стоит с самого начала заметить, что и в Малайе, и тем более на Сингапуре колониальные власти вводили систему британской либерально-демократической администрации с ее упором на независимость суда, запретом работорговли и рядом иных достижений буржуазного образа жизни. По англо-голландскому оглашению от 1824 г. за Англией осталось владение Малайей и Сингапуром, тогда как вся Голландская

Индия (острова Индонезии) досталась Нидерландам. После этого компания стала вести энергичную борьбу за овладение султанатами и вассальными от султанов индийскими княжествами на территории всей Малайи. Не ограничиваясь этим, английские колонизаторы чуть ли не в частном порядке (но при поддержке компании) захватили и северную часть Калимантана, район султаната Бруней. С 1851 г. все английские колонии в этой части Юго-Восточной Азии стали управляться администрацией генерал-губернатора Индии, а с 1867 г. оказались особым коронным владением Великобритании с центром и английским губернатором в Сингапуре. Это способствовало развитию конкуренции и расцвету частного предпринимательства. Особенно успешно развивался идеально приспособленный для активной торговли Сингапур.

Ввиду слабой населенности региона и нужды в притоке рабочей силы англичане поощряли ввоз индийских, а затем и в большом числе китайских кули. Китайская община, сперва временная (отработавшие возвращались домой), после официального разрешения правителей Китая в начале 1860-х гг. на эмиграцию женщин стала постоянной и быстро растущей, что привело к тому, что мигранты из Китая вскоре составили треть населения Малайи и большинство в Сингапуре. Резко возросло их число и в Брунее. Вообще, именно трудолюбивые и способные китайцы-хуацяо постепенно захватили в свои руки значительную часть торговли и начинали вкладывать средства в буржуазную промышленность, превращаясь тем самым во владельцев основной части быстро растущих экономики и финансов колонии.

Открытие в 1869 г. Суэцкого канала, что позволило почти втрое сократить путь из Англии в Малайю, способствовало как процветанию колонии, прежде всего расположенного стратегически наиболее удачно Сингапура, так и укреплению контроля англичан над местными правителями, султанами и раджами. Несмотря на порой ожесточенное сопротивление и восстания недовольных, англичане в последней трети века добились стабилизации политической ситуации. После этого они надежно закрепили свою власть посредством последовательно проведенной административной реформы, в результате реализации которой во всех малайских княжествах и султанатах была создана достаточно эффективная система местного самоуправления. Опираясь на нее, колонизаторы активно взялись за благоустройство своих колоний. Были проложены дороги, включая и железные, созданы новые плантации, а за мелкими земледельцами законодательно закреплено владение их участками земли.

ГОЛЛАНДСКАЯ ИНДИЯ (ИНДОНЕЗИЯ)

Островная часть Юго-Восточной Азии тоже прошла нелегкий путь колониального преобразования, начиная с торговой экспансии португальцев и оказавшись на рубеже XVI–XVII вв. добычей голландцев. На рубеже XIX столетия острова на некоторое время стали владением Британии, но по соглашению 1824 г. они были возвращены Голландии. После этого голландские власти в соответствии с духом времени несколько изменили методы колониальной эксплуатации огромных природных богатств островов, в первую очередь наиболее значительных и развитых Явы и Суматры. Учтя проведенные британскими властями некоторые важные реформы (отмена рабства, создание административной системы и английской по типу судебной власти, а также усовершенствование принципов налогообложения), генерал-губернатор, опираясь на созданную англичанами систему местного самоуправления и поземельного налога, все же не решил вести дело к передаче большей части экономики страны в руки частного капитала.

В результате этот капитал, несмотря на присутствие в стране немалого количества китайских эмигрантов, оказался менее развитым, нежели то было в соседней Малайе. В основу колониальной политики была положена система принудительных культур, означавшая возвращение к прежним методам государственного контроля над крестьянскими хозяйствами. Суть системы сводилась к тому, что земледельцы были должны пятую часть своей земли обрабатывать для выращивания на ней закупавшихся властями пряностей и иных товарных сельскохозяйственных культур (в основном кофе, сахарного тростника и индиго). Все остальные территории община могла использовать по своему усмотрению. Земельный налог вычитался из суммы, уплачивавшейся за выращенные и проданные администрации культуры, причем в случае их слишком большой стоимости разница выплачивалась земледельцам.

В принципе это был не слишком скверный вариант, хотя практика его реализации подчас становилась достаточно тяжелой за счет общественных работ на строительстве разного рода сооружений, производства местных властей и манипуляций с налогами. И хотя зона распространения системы, в основном на Яве, была достаточно небольшой, она на практике косвенно влияла на всю организацию труда, способствуя сохранению общинных порядков и замедлению темпов буржуазной эволюции, столь заметных в те же времена во всех британских колониях. Стоит добавить к сказанному, что доля местного индонезийского капитала в экономике была незначительной и росла, в отличие

от британских колоний, очень медленно. Простор обрели в основном китайские дельцы, занимавшиеся торговлей, откупам и многими иными финансовыми операциями.

Середина XIX столетия оказалась в сложившейся таким образом ситуации периодом кризиса и крушения этой системы. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что место не игравшей существенной роли буржуазии в Индонезии заняли получившие хорошее образование, в том числе в Европе, интеллектуалы, чем Голландская Индия напоминает Россию того же времени. Свое слово сказала и буржуазно-либеральная общественность Нидерландов, выступившая за изменения колониальной политики страны и, в частности, за облегчение положения земледельцев и предоставление благоприятных возможностей для частного предпринимательства в Индонезии. Система принудительных культур была ликвидирована в 1860-х гг. На рубеже XIX–XX столетий Ява и Суматра стали быстрыми темпами модернизироваться, там строились телеграф и железные дороги. В растущих и принимавших облик торгово-промышленных центров городах появлялись новые банки, школы, колледжи и университеты, начали издаваться газеты, журналы и книги. И, как бы в порядке извинения перед угнетенными народами колоний, появилось ставшее знаменитым воззвание голландца К. Т. Ван Девентера «Долг чести». Смысл его в том, что голландцы, столь много получившие от колонии, должны теперь приложить усилия для того, чтобы оплатить свой долг, содействуя просвещению и развитию общества, готовя страну к самоуправлению.

ФРАНЦУЗСКИЙ ИНДОКИТАЙ

Почти весь Индокитай и особенно его восточная часть, начиная с Вьетнама, были с начала XVII в. объектом энергичной экспансии иезуитов, авангарда католических миссионеров, намного опередивших в этом регионе торговцев-колонизаторов. В этом нет ничего удивительного. Миссионеры всегда и везде, начиная с открытия Колумбом Нового Света и масштабного освоения иных колоний, были одним из самых первых отрядов европейцев в странах неевропейского мира. К тому же отсутствие в Индокитае — кроме Малайи, которую целесообразно по ряду причин сближать более с островным миром Юго-Восточной Азии, нежели с другими странами Индокитая, — прямицей вызвало потерю у торговцев интереса к колонизации этого региона. Колонизация обходилась в общем-то недешево. Нужно было строить фактории, укрепляться, заводить связи с местными правителями. И только по-

сле этого можно было надеяться на экономическое оправдание всех потраченных средств. Поэтому нет ничего странного в том, что в ряде стран Индокитая борьба за западное влияние на туземцев была представлена миссионерам, достаточно долго, хотя и не слишком успешно стремившимся христианизовать местное население. Борьба эта в том, что касается восточной части Индокитая, более всего плодов принесла французским миссионерам, которые, впрочем, тоже не слишком преуспели в достижении своей главной цели¹. Но к числу их достижений необходимо отнести создание вьетнамского латинизированного алфавита, который заменил китайскую иероглифику и значительно облегчил задачу обучения местного населения элементарной грамоте. Пробыв во Вьетнаме около двух веков, французские миссионеры стали свидетелями ожесточенной гражданской войны в этой стране. Она привела к победе повстанцев-тэйшонов (тайшонов). Власть оказалась в руках одного из их предводителей — Нгуен Ван Хюэ, который стал основателем династии Нгуенов (1802–1945). Первые представители этой династии провели ряд реформ, заметно укрепивших административную систему страны и резко усиливших в стране жесткую централизованную власть. Был издан указ, направленный против проповеди христианства и миссионеров.

К первой половине XIX в. относятся интенсивные попытки европейцев и прежде всего французов укрепить торговые связи с Вьетнамом. Важная роль отводилась при этом католической церкви, чьи позиции здесь традиционно были все еще достаточно сильны. В 1844–1847 гг. под давлением французского военного флота миссионерам из Франции разрешили вернуться в страну. А когда в 1851–1852 гг. были казнены один, а затем еще один из миссионеров, французы высадили десант в Дананге. Этот демарш к заметному успеху не привел, но он стал началом энергичного натиска. В 1857 г. в Дананг прибыл военный корабль с официальным представителем Франции, который не был принят. После этого французы бомбардировали город. Приближалось время, когда, по их мнению, следовало применить еще большую силу.

¹ Интересно заметить, что в христианизации населения Мезоамерики был достигнут полный успех, тогда как здесь его не было. Главная причина в том, что население Индокитая — в отличие от индейцев Южной Америки с их ранними формами религии — было знакомо с развитыми религиозными системами: буддизмом и индуизмом, что резко усложняло задачу миссионеров, а без содействия колониальных властей делало ее вовсе неразрешимой.

Это было сделано в 1858 г., когда в бухту все того же Дананга прибыла целая эскадра. После этого события развивались очень быстро. В 1859 г. французы заняли Сайгон, а затем, достаточно легко преодолев сопротивление вьетнамских войск, оккупировали ряд провинций южной части Вьетнама, Кохинхины.

Договор 1862 г. закрепил за Францией захваченные территории, не говоря уже о контрибуции, а в 1867 г. были аннексированы и остальные провинции. Вся Кохинхина оказалась под властью колониальной администрации во главе с губернатором, причем французы сразу же стали налаживать эффективное управление новой колонией. Были осушены многочисленные болота, где стали выращивать большие урожаи риса. Французы провели перепись населения и упорядочили формы землепользования, включая свободную куплю-продажу земли, и налогообложения. Французский капитал устремился в начинавшую процветать Кохинхину, и это сыграло немалую роль в начале здесь буржуазных преобразований. Бюджет колонии быстро увеличивался, что делало ее притягательной для французских колонистов. Была проявлена забота и о формировании опытных кадровых администраторов, для чего в Сайгоне в 1873 г. открыли колледж, где по европейским стандартам учили будущих чиновников, в первую очередь из числа французских колонистов. Но важно заметить, что заметную роль в колонии играли и вьетнамские чиновники. Традиционное самоуправление на волостном уровне осталось нетронутым, хотя в уездах и тем более в провинциях местные чиновники контролировались французскими.

Вьетнам был сильно ослаблен как противоречиями между сторонниками жесткого сопротивления и теми, кто стремился реформировать страну с учетом западного опыта, так и мятежными выступлениями, которые по меньшей мере частично были связаны с китайским движением тайпинов. Воспользовавшись этим, французы в 1873 г. захватили Ханой, но вскоре вынуждены были отступить, получив за это по договору 1874 г. ряд важных привилегий в сфере торговли и контроля над таможенными сборами. Власть колонизаторов укреплялась. В Кохинхине при губернаторе был создан Колониальный совет, в который были включены и представители местного населения. С 1875 г. в Сайгоне стал функционировать Индокитайский банк.

Очередная междоусобица во Вьетнаме в 1883 г., связанная с борьбой за опустевший трон, помогла французам начать новое успешное наступление, завершившееся в 1884 г. признанием протектората Франции над всем Вьетнамом. При этом реальная власть французов

на севере, в Тонкине, была вначале более крепкой, чем в центральной части страны, Аннаме. Эта разница в основном ощущалась в той роли, которую играла колониальная администрация. Вскоре, однако, ситуация в обеих аннексированных частях выровнялась, а успешная борьба французских войск на северных границах страны с Китаем, завершившаяся в 1885 г. подписанием Тяньцзиньского договора, привела к отказу Китая от претензий на сюзеренитет над Вьетнамом, в результате чего протекторат Франции стал общепризнанным. Следует заметить, что, несмотря на это, сопротивление вьетнамцев, в том числе и вооруженная борьба в Аннаме и Тонкине, продолжалось еще долго, хотя и постепенно ослабевало. В 1889 г. все три части страны реально были подчинены администрации генерал-губернатора Индокитайского союза, а к 1897 г. местная власть фактически перестала существовать (формально династия не была ликвидирована до 1945 г.).

Камбоджа после краткого расцвета в период Ангкора (XIII–XV вв.) пришла на долгое время в состояние упадка. Это состояние способствовало политическому давлению на нее с запада, со стороны Сиам, и с востока (Дайвьет, т.е. Вьетнам). Вплоть до середины XVIII столетия Камбоджа с трудом отбивалась от соседей. Лишь при правителе Анг Дуонге (1845–1860), проводившем ряд серьезных реформ и прибегнувшем к содействию французов для противостояния Сиаму, она несколько окрепла внутренне и стала более сильной во внешних контактах. Но за это преемники Анг Дуонга дорого заплатили. Французы методично начали проникать в Камбоджу с целью освободить ее от вассальной зависимости по отношению к Сиаму и вместо этого укрепиться там самим. В какой-то мере это было и в интересах самой Камбоджи, власти которой, однако, не сразу поняли, чем все может обернуться. Во всяком случае, соглашаясь по условиям договора 1863 г. на превращение страны в протекторат, ее правитель Нородом явно не понимал, на что он идет. Тем временем французы укрепились в Камбодже и в 1867 г. вынудили Сиам признать их протекторат.

Колониальная администрация сохранила монархию, но взяла в свои руки основные рычаги управления, что было формально оговорено в конвенции 1884 г., устанавливавшей принципы налогообложения и функции резидентов, подчинявшихся губернатору Кохинхины. Позже при сохранении монарха вся власть перешла в руки французского губернатора. Колонизаторы активно способствовали развитию в стране частной собственности на землю, росту производства риса, а также проникновению в нее иностранного, прежде всего китайского,

индийского и вьетнамского капитала. Формально в конце столетия Камбоджа была включена в состав Индокитайского союза.

Лаос, не имевший выхода к морю, длительное время был крайне отсталой частью Индокитая и обычно находился в зависимости от кого-либо из соседей. В конце XIX в., уже после освоения Камбоджи, он стал объектом колониальной экспансии французов. Впервые французский консул появился в государстве Луангпрабанг в 1886 г., а уже в 1893 г. это государство под сильным давлением Франции на Сиам стало последним из французских протекторатов в Индокитайском союзе.

Все пять частей, из которых состояла эта огромная колония, были очень разными. Но при всем том они как бы дополняли друг друга. Богатая рисом Кохинхина и горнодобывающие промыслы в отсталых Лаосе и Камбодже многим различались между собой, как заметными были и отличия севера и юга Вьетнама. Но все они стали частями единого колониального владения, которое быстро осваивалось. Строились дороги, создавались плантации кофе и чая, появлялись города с явственными признаками активизации капитала и с предприятиями буржуазного характера. Возникали первые учебные заведения европейского типа. Появлялась еще очень слабая, но во Вьетнаме уже заметная прослойка образованных интеллектуалов из числа местного населения. Некоторые из них выступали с позиций борьбы за национальное освобождение. Разумеется, степень буржуазных преобразований и тем более свойственных им либерально-демократических прав и свобод в этой части Юго-Восточной Азии с ее отсталыми традициями и политическими сложностями была в XIX столетии еще невелика, но она все же уже ощущалась.

АРАБСКИЕ СТРАНЫ

Число стран арабского мира, которые можно было бы отнести к колониям четвертого типа, невелико. Прежде всего потому, что они формально были неотъемлемой частью империи Османов. И хотя в связи с ослаблением Оттоманской Порты в XIX столетии многие из них оказывались порой как бы предоставленными сами себе, формальная зависимость их от турок оставалась. Некоторые из стран фактически добивались высокой степени независимости, другие становились весьма зависимыми от европейских держав. Но лишь сравнительно немногие входили в число тех, которые можно считать колониями, да и в этих случаях объектом именно колониального владения с существованием соответствующей администрации они,

как правило, оказывались лишь в конце XIX столетия. Но и тогда все было не очень просто.

Дело в том, что арабские страны Магриба, да и всего Ближнего Востока, территориально довольно близки к Европе. Кроме того, концентрация внимания и стремление превратить в колонию ту либо иную арабскую страну зависели не только от ее величины и силы (как правило, это были небольшие страны), но и в немалой степени от других факторов, в том числе и, пожалуй, в первую очередь от геополитического ее расположения. Стоит в связи с этим заметить, что такие большие страны, как Египет, как и некоторые другие, в том числе и расположенные в Аравии, так и не стали колониями. О наиболее заметных из их числа речь пойдет в следующей части тома. Пока же следует обратить внимание на те страны арабского мира, которые по формальным основаниям можно, иногда с существенными оговорками, считать колониями. Либо — это касается в первую очередь небольших стран Аравии — странами, формально не ставшими колониями, но по существу оказывавшимися в силу заключенных ими договоров в положении, очень близком к колониальному статусу. Как и в случае с французским Индокитаем, понятие «протекторат», введенное в международный политический лексикон в XIX в. и воспринимаемое как состояние, промежуточное между колонией и колониальной зависимостью, стоит воспринимать как нечто наиболее близкое именно к колониям четвертого типа.

Начнем с Магриба. **Тунис**, расположенный рядом с Алжиром и во многом близкий к нему, следует, как и Алжир, считать колонией, которая по типу находится между первым и четвертым. Но в отличие от соседа Тунис стал протекторатом Франции достаточно поздно, в 1881 г., да и европейских колонистов в нем было меньше, всего около 7%. Поэтому его целесообразно рассматривать именно в данной главе. Начало века было для этой арабской страны периодом расцвета торговли и сопутствовавшего ей пиратства. Тунисские корсары, как и корсары некоторых иных стран, с успехом разбойничали на Средиземном море, захватывая заложников, в основном из числа европейцев, и продавая их в рабство. Власть в стране в этот период ее существования была, несмотря на наличие непокорных бедуинских племен, все же достаточно крепкой, о чем свидетельствует существование ряда государственных монополий в торговле. Вторая треть века прилась на годы правления Ахмед-бея (1837–1855), и в это время страна под влиянием приглашенных французских специалистов начала укрепляться за счет

строительства предприятий европейского буржуазного типа и связанной с этим некоторой модернизации, прежде всего в сфере вооружения и реформы армии. Ахмед-бей сумел ликвидировать рабство, но не смог справиться с финансовыми трудностями, которые свели на нет многие его реформы. Вследствие этого все большую роль в Тунисе после него начали играть английские и французские консулы.

Влияние увеличивавшегося в стране количества европейцев привело к тому, что ослабевшие правители вынуждены были провести ряд реформ, направленных на вестернизацию системы власти, включая формирование правительства с учетом западных стандартов и введение в стране некоторых свобод, в том числе свободы печати. Был даже выработан и в 1861 г. принят проект конституции — первой в арабо-исламском мире, которая ограничивала власть правителя Верховным советом из назначавшихся и избиравшихся его членов. Последняя треть века была ознаменована, с одной стороны, усилением сопротивления со стороны защитников старых порядков и противников модернизации, а с другой — возрастанием роли все энергичнее вмешивавшихся в дела страны европейских политиков и предпринимателей. В 1869 г. Тунис стал банкротом, а вскоре после Берлинского конгресса 1878 г. протекторатом Франции. Французы начали быстрыми темпами внедрять в хозяйство обессиленной страны буржуазные принципы экономики, ведущие к развитию предпринимательства, строительству железных дорог и промышленных предприятий, к расцвету горнорудного дела, портовой активности и т.п.

Все эти важные нововведения, как и развитие сельского хозяйства страны, в значительной степени были делом рук не слишком большого, но заметного количества колонистов, прибывавших из Франции и хорошо устраивавшихся на новом месте. К концу века число их, как было упомянуто, достигло 7% населения, причем в их владении было 10% земли, которая благодаря умелому ведению фермерского хозяйства (применялись удобрения, сельскохозяйственные механизмы и машины) давала большое количество товарного зерна. Этот благотворный пример действовал на тунисцев, способствуя, в частности, появлению младотунисского движения, готового, как и младоалжирцы, к сотрудничеству с французами.

Небольшие страны Аравии, расположенные в основном на периферии этого обширного региона, относятся к числу колоний (в основном протекторатов), ставших таковыми в XIX или в начале XX в. Обратим внимание именно на них. Важно оговориться, что те территории, ко-

торые были завоеваны другими, как то было в случае с усилившимся Египтом, особенно в годы правления Мухаммеда Али, после чего в них оказалась восстановленной власть Османов, не будут считаться колониями. Это же относится и к восточноафриканским владениям Маскатского Омана. Под понятием *колония* будут иметься в виду лишь страны, оказавшиеся под властью европейских держав.

Начиная оценку ситуации в Аравии, необходимо прежде всего обратить внимание на главное. Главное же сводится к тому, что центральная часть этой территории оказалась под властью ваххабитов. Именно под влиянием этой радикальной секты ислама на рубеже XVIII–XIX вв. возник и окреп могущественный Саудовский эмират, который объединил под знаменем первозданно *чистого* ислама множество бедуинских племен. Воинственные ваххабиты стремились захватить всю Аравию и вытеснить из нее Османов. Едва ли не главной частью Аравии, подвергшейся натиску со стороны Саудидов, был Хиджаз с Меккой и Мединой. В конце XVIII в. он уже не был под властью Оттоманской Порты. У империи осталась лишь небольшая его часть, тогда как все остальное — как и северный горный Йемен и даже часть Омана — досталось ваххабитам. А в 1805–1807 гг. судьба Мекки и всего Хиджаза была решена: отряды Сауда после хаджа стали даже разрушать в Мекке святилища святых, существование которых ваххабиты отвергали. Империя Османов вынуждена была на некоторое время уступить священные города ислама воинственным племенам эмирата.

Но на помощь туркам пришло войско египетского Мухаммеда Али, которое после долгих и трудных боев (1811–1818) сломило сопротивление бедуинов Саудовской Аравии. Священные города ислама были возвращены империи, но взамен египтяне попытались закрепиться в восточной части полуострова, где натолкнулись на противодействие англичан. В итоге египтяне вначале отступили, хотя и не везде, а Саудиды на рубеже 1820–1830 гг. восстановили эмират практически в прежнем объеме. И хотя в конце 30-х гг. египтяне вновь на несколько лет вошли в Аравию, в 1840 г. они окончательно ушли из нее. Хиджаз, эта сакральная сердцевина арабо-исламского мира, перешел под власть турецкого султана, но был с ним в состоянии конфронтации, чем время от времени пользовались англичане, пытавшиеся укрепить свои позиции в Аравии. Все эти территории, как упоминалось, в число колоний или протекторатов европейцев не вошли.

Кувейт (северная часть Аравии, чуть южнее устья Евфрата) обрел политическую независимость в середине XVIII столетия, причем

в то время это было очень слабое государственное образование без сколько-нибудь четкого административно-территориального членения и налаженной системы налогообложения, даже без серьезной армии. Зато очень активные торговые контакты, морские и сухопутные, и тесно связанные с ними торговые пошлины играли очень важную роль в обеспечении более или менее нормальной жизнедеятельности и вообще жизнеспособности этой небольшой страны. Кувейтские шейхи охотно сотрудничали с англичанами, представленными резидентом. Более того, в конце XVIII в. английский флот даже помог кувейтцам отстоять свое существование в борьбе с могущественным соседним государством аравийских Саудидов. В XIX столетии роль Кувейта как дружественного по отношению к англичанам государства, к тому же охотно сотрудничавшего с ними, возрастала с явной тенденцией со временем превратиться в колонию Британии. В соперничестве между Портой и Великобританией за влияние в Кувейте верх брали англичане, которые на рубеже XIX–XX вв. заключили с шейхом тайное соглашение, обязывавшее его не вступать в политический контакт с иными державами. Опираясь на это соглашение, британские власти заблокировали намерение Германии завершить строительство планировавшейся ими грандиозной железной дороги ее выходом к морю в районе Кувейта. Не став в полном смысле этого слова — во всяком случае формально — колонией англичан, Кувейт, оставаясь вроде бы частью Османской империи, оказался, тем не менее, на рубеже XIX–XX вв. фактически на грани превращения в колонию. В 1914 г. Англия объявила о том, что Кувейт является ее протекторатом.

Бахрейн, являющий собой группу островов в Персидском заливе, обрел независимость в конце XVIII в. и также искал у англичан поддержки в его нелегком противостоянии экспансии Саудидов. Британия в начале XIX в. оказала существенную помощь бахрейнским шейхам, что постепенно вело к усилению его зависимости от англичан. С помощью следовавших один за другим договоров Англия вела дело к установлению своего протектората, который стал политической реальностью в 1871 г. После этого Бахрейн все более явственно превращался не только и даже не столько в колонию, сколько в важную военно-стратегическую базу англичан. На рубеже XIX–XX вв. они стали проводить здесь реформы и осуществлять необходимую модернизацию.

Ибадитский (имеется в виду мусульманская секта) **Оман**, расположенный на юго-востоке Аравийского полуострова, в конце XVIII столетия, отстояв свою территорию от натиска персов и ограничив влия-

ние португальцев, расширился за счет соседнего Маската, укрепил свои позиции в районе Занзибара и на восточноафриканском побережье. Он также обеспечил себе контроль над некоторыми стратегическими пунктами в Персидском заливе, что было очень существенно для регулярных торговых связей Маскатского Омана с Восточной Африкой. К слову, в этой торговле практически ведущую роль играли не сами жители Омана, а персидские и индийские купцы.

Натиск Саудовской Аравии на Оман в начале XIX столетия усилился, что послужило причиной временного перенесения столицы страны в Занзибар, где это перемещение способствовало развитию плантационного хозяйства, торговли рабами и слоновой костью. Что касается взаимоотношений с Англией, для которой усиление влияния в Аравии было важным условием укрепления ее власти в Индии, особенно на фоне сравнительно недавней успешной экспедиции Наполеона в Египет, то важно заметить, что уже в 1820 г. англичане после разгрома оманского флота вынудили шейхов подчиниться их воле. Серия договоров с Оманом, который с 1853 г. начал именоваться Договорным Оманом, привела к тому, что в этой части Омана наиболее влиятельным администратором уверенно становился британский резидент. Соглашение 1892 г. превратило Договорный Оман в английский протекторат. Без ведома и одобрения колонизаторов оманские шейхи не могли заключать с кем-либо договоры, распоряжаться своими территориями.

Катар, этот небольшой полуостров в западной части Персидского залива, был в середине XIX в. данником бахрейнских шейхов. Но когда в 1867 г. один из них напал на Катар, в конфликт вмешались англичане, после чего шейх Катара заключил с ними договор, означавший вполне определенную зависимость небольшого государственного образования от колонизаторов.

Зейдитский (шиитская секта) **Йемен** в юго-западной части Аравии в конце XVIII в. находился в состоянии упадка и политической децентрализации. Затем, после событий, связанных с конфликтом Саудовской Аравии с империей Османов и Египтом, северная часть страны оказалась под властью Порты, тогда как на юге, в районе порта Аден, укрепились англичане. Аден с середины XIX в. стал колонией Великобритании с английским селтльментом в черте быстрыми темпами разраставшегося города. Англичане в этой территориально небольшой, но стратегически крайне важной колонии вводили свои порядки в системе администрации (формально существовал и султан Адена), судопроизводства, здравоохранения, образования и т.п.

Если подвести краткий итог процессу превращения некоторых аравийских территорий в колонии, то следует обратить внимание на то, что британскими колониями либо протекторатами стали лишь немногие и очень небольшие части Аравии. Но эти части, как правило, были стратегически важными для англичан, что и учитывалось ими при проведении своей политики. Несколько иначе — если уж завершить на этом тему — обстояло дело с такими русскими колониями в Туркестане, как **Бухарское** либо **Хивинское ханства**. Они не имели для России слишком заметного, тем более стратегического значения. Однако владение ими было для империи своего рода гарантией, даже барьером, который служил оградой на фоне стремительного продвижения англичан в Индии на север и попыток их овладеть Афганистаном, о чем еще пойдет речь. Но при этом нужно обратить внимание на то, что и политика русских в их колониях и протекторатах (а ханства по сути были, скорее всего, именно протекторатами) в принципе отличалась от английской. Здесь не выходили на передний план сложные политико-дипломатические интриги и войны либо демонстрация силы, на что все время вынуждены были идти англичане. Но не было заметно и существенных устремлений к модернизации структуры ханств. Отсталой по сравнению с буржуазной Англией России это было ни к чему, да и не под силу.

Глава двадцать вторая. КОЛОНИИ В XIX СТОЛЕТИИ

Теперь, после того как было уделено довольно большое внимание оценке колоний разного типа в XIX в., очень важно разобраться в том, что же представлял собой мир колоний и протекторатов, как отразилась на нем колоссальной важности трансформация структуры в метрополиях, завершившаяся в том же столетии и весомо отразившаяся в подавляющем большинстве случаев на колониях всех типов, но прежде всего первого и четвертого. Иными словами, как выглядела и изменялась, порой даже радикально модернизировалась структура колониальных обществ, почему это происходило, куда вели свои колониальные владения метрополии и от чего это прежде всего зависело.

Для ответа на все эти кардинальной важности вопросы необходимо обратить внимание на то, о чем уже не раз шла речь. Имеется в виду как принципиальное несходство между Западом и Востоком, так и те усилия, которые должны были приложить представители активного Запада для трансформации пассивного Востока. Примем к сведению, что пока пойдет речь лишь о колониях, а проблема ряда сравнительно

развитых стран традиционного Востока, не превратившихся в колонии, но ощутивших серьезную зависимость от европейских колонизаторов или вовсе не ощутивших ее и оставшихся политически независимыми, будет специально рассмотрена в следующей части тома.

Обращаясь к читателю, автор хотел бы оговориться, что немалое в смысле теоретического анализа уже сделано им в двухтомнике «История Востока» (М., 2011, изд. 6), откуда и будет воспроизведено в последующем изложении достаточно многое. Начать анализ необходимо с того, чтобы в очередной раз сделать важную оговорку: все то, что касается полноценных колоний первого типа (Канада, Австралия и Новая Зеландия), практически полностью вписывается в хорошо известные из древней истории формы колонизации финикийско-эллинского типа. В то же время некоторые другие колонии того же типа (Капская или Алжир) близки к римским колониям ветеранов, размещавшимся на территориях, достаточно плотно заселенных покоренными и чуждыми римлянам народами. Это уточнение существенно для того, чтобы был понят основной принцип колонизации при создании колоний первого типа.

Он сводится к тому, что колонисты образовывали свою собственную общину, формирующуюся по стандартам метрополии и не сближающуюся с коллективами аборигенного населения, которые продолжали жить по своим привычным стандартам рядом с этими колониями. Это, разумеется, не мешало контактам колонистов с их соседями, даже по большей части предполагало нечто в этом роде. В одних случаях контакты в конечном счете сводились к изоляции, в других к ассимиляции, в третьих к эксплуатации труда аборигенов. Но в любом случае община колонистов была при этом самостоятельной и жизнеспособной. Она существовала вне зависимости от того, были ли рядом с ней представители местного населения или нет, жили они рядом или на достаточном отдалении. Поэтому проблема трансформации колоний, которые были созданы европейскими переселенцами, обычно во всех таких случаях не стояла.

Иначе обстояло дело в тех многочисленных колониях, где колонистов было столь явное меньшинство, что они по большей части выступали в функции колонизаторов, и где поэтому очень остро стояла проблема не столько даже урегулирования взаимоотношений и налаживания контактов между местным населением и европейскими переселенцами, сколько необходимости как-то, прежде всего в экономическом отношении, оправдать колонизацию. Суть дела была не только и даже не

столько в том, чтобы сделать колониализм как феномен выгодным для колонизаторов. Хотя это кажется многим само собой разумеющимся, на деле это далеко не так. Подсчеты свидетельствуют о том, что затраты на поддержание колониальных захватов нередко перекрывали размеры дохода от них, а иногда, особенно на раннем этапе колониализма или в случае колонизации труднодоступных территорий, даже в очень значительной степени. Вспомним, что, когда речь шла о колонизации Африки, было специально обращено внимание на то, что захват малопригодных для их экономического освоения земель, расположенных к тому же в крайне неблагоприятных для европейцев природно-климатических условиях, было чем-то вроде политического спорта, делом престижа для конкурировавших друг с другом держав. И хотя кое-кому, особенно англичанам в южной части континента, при этом повезло, другие чаще всего не могли похвастаться тем же.

Более того, даже в лучшие времена для европейских колонизаторов, когда торговля пряностями вроде бы — так во всяком случае принято считать — приносила большие доходы, расходы были вполне с ними сопоставимы. Это находило свое отражение и в вывозе на Восток американского серебра, и в необходимости кораблям португальских и иных торговцев совершать вояжи между разными восточными государствами, закупая товары в одних и выгодно продавая их в других. А если прибавить к этому сложности с местным климатом и болезнями, которые в колониях, расположенных в субтропической зоне, были причиной смерти немалого числа европейцев, да еще и учесть гибель немалого числа кораблей в беспокойном море или от активности пиратов, то итог окажется более чем скромным. Разумеется, были рейсы, где риск оказывался минимальным, а доход вроде бы обеспеченным. Имеется в виду торговля африканскими рабами. Но и здесь существовали конкуренция и квоты. Имели место и немалые затраты, к тому же не все корабли выдерживали плавание. Все это стоит иметь в виду не для того, чтобы посочувствовать колонизаторам и тем более работоторговцам, а чтобы лучше представлять себе реальную ситуацию.

В XIX в. работоторговля где раньше, а где чуть позже прекратилась, рабство на буржуазном Западе было во всеуслышание осуждено и запрещено, а кое-где эти важные решения сопровождались, как известно, кровопролитными гражданскими войнами. Как-то нормализовалось и положение с медициной, что сохраняло жизни колонизаторов, но вместе с ними — не будем забывать — и местного населения, которое практически на всем Востоке начало довольно быстрыми темпами

увеличиваться. Все это означает, что если главным побудительным стимулом на заре колонизации действительно была погоня за прибылью, хотя при этом удача, как то обычно случается, улыбалась далеко не всем, то со временем ситуация с колониями и колониализмом существенно изменялись.

Перемены шли по многим направлениям, и очень важно поэтому понять и показать, как они меняли ситуацию в колониях. Или, если угодно, как именно, в результате каких процессов и в основном благодаря чьим усилиям, а также по каким основным направлениям шел процесс трансформации и модернизации колоний, тот самый, благодаря которому в середине XX в. мир колоний практически исчез. Как и почему многие колонии настолько видоизменились, что даже в глубинах Африки рядом со все еще кое-где остающимися на первобытном уровне этническими общностями и очень примитивными племенными протогосударствами возникли по-европейски выстроенные большие города, в которых сегодня проживает значительная часть африканцев. Как дело пришло к тому, что многие из их числа не просто грамотны, но достаточно образованы и, что очень существенно, приучены к нормальному повседневному производительному труду. Примерно то же можно встретить на севере Африки в странах Магриба или в Азии, в частности в Аравии, а также на многочисленных островах Океании, не говоря уже о древних восточных странах с высокой культурой и давно развитой цивилизацией, таких как Индия или государства Юго-Восточной Азии.

ОТНОШЕНИЕ К КОЛОНИЯМ НА ЗАПАДЕ И НА ВОСТОКЕ

Для понимания существа проблемы необходим небольшой экскурс в теорию проблемы. Имеются в виду прежде всего различия в отношении Запада и Востока к колониям. Начнем с самых общих и элементарных вещей. Вспомним, что общим и для Востока, и для Запада (к тем колониям, в которых немалое место среди туземцев занимали крайне отсталые либо полупервобытные этнические общности, начиная с аборигенов Австралии и кончая значительной частью африканцев или океанийцев вроде папуасов, это не относится) было производительное хозяйство на базе достижений неолитической революции и производства металла, знакомое с избыточным продуктом, разделением труда, обменом продуктами и общественно-полезной деятельностью. Население, как правило, существовало в рамках земледельческой общины в различных ее модификациях со свойствен-

ными ей элементами самоуправления и по большей части было уже знакомо с политической организацией разного типа, а то и с урбанистической цивилизацией, включая городскую культуру. Эти формы социума при всех своих принципиальных несходствах были к тому же знакомы с различными в правовом плане категориями населения, вплоть до рабов, и, следовательно, с эксплуатацией чужого труда. Они, не стоит забывать, жили с соблюдением определенных нормативно-нравственных установок, санкционированных религией.

Разумеется, этот перечень далеко не полный. Мало того, он может показаться чересчур примитивным в том смысле, что в нем упоминается просто об условиях жизни всего человечества на сравнительно ранних этапах его существования, но тем не менее в рамках уже формировавшихся государственных образований, которые в принципе не могли слишком отличаться друг от друга. Однако не стоит забывать, что именно в это время и на этом фундаменте складывались как древневосточные, так и античные общества и государства. И при всем том что античность как феномен можно считать чем-то вроде социополитической мутации, нельзя забывать, что предшественником полисной античной структуры была критская и микенская Греция, очень близкие по многим параметрам к древневосточным цивилизациям. Или, иначе, что и античность восходит своими корнями к единому процессу генезиса государственности и цивилизации, хотя именно в ходе этого процесса с античным миром произошло нечто вроде мутации.

А вот после него выявились довольно существенные различия между Востоком и Западом, причем это несходство не было постоянным. Напротив, в отдельные периоды истории оно как бы заметно уменьшалось за счет некоторых попыток сближения восточного и античного стандартов существования и соответствующих традиций (имеются в виду эпоха эллинизма на Ближнем Востоке и средневековая Европа). И все же Восток, а точнее неевропейский мир, и Запад в лице позднесредневековой предбуржуазной Европы были принципиально разными структурами с обществами разного — восточного и западного — типа, о чем уже не раз упоминалось. Но важно то, как эта разница породила феномен колониализма. В чем же тут суть?

Все дело том, что колонии как феномен привычно — и не без оснований — считаются порождением Запада, только и именно его. Структура и традиции неевропейского мира несовместимы с колониализмом как таковым. И это обычно не вызывает сомнений либо колебаний. Ведь хорошо известно, что по крайней мере до рубежа

XIX–XX вв., когда быстро вестернизовавшаяся Япония превратила в свою колонию в полном смысле этого слова соседнюю с ней Корею, ничего похожего в истории не случалось. Правда, история знакома с арабскими поселениями общности суахили на восточном побережье Африки или с многочисленными общинами китайцев-хуацяо в Юго-Восточной Азии. Но давайте разберемся в том, следует ли арабов и китайцев считать колонизаторами. Достаточно только поставить такой вопрос, чтобы стал ясным ответ. В чем разница между западноевропейским и даже русским колониализмом и поселившимися на чужой земле арабами и китайцами?

Обратим для начала внимание на то небезынтересное само по себе обстоятельство, что процветающий традиционный Восток, намного более богатый, чем полунищая в те времена отсталая Европа, был — за исключением весьма специфической древней Финикии, о которой разговор особый, — равнодушен к проблеме колоний как таковой. Показательно, что войнами и аннексиями чужих территорий наполнена его история. Но войны с аннексией соседних территорий и захват далеких чужих земель в качестве колоний не вполне одно и то же. Кроме того, даже в тех случаях, когда арабы закреплялись на восточноафриканском побережье, а китайцы-хуацяо в Юго-Восточной Азии, это не становилось осознанной обществом и тем более государством великой целью. Возникает вопрос, чем вызвано такое отношение. Быть может, тем, что европейцы хотели приобретать пряности без посредников и по более низким ценам, а на Востоке эти пряности не ценились столь высоко? Или дело совсем не только в этом?

Традиционный Восток не интересовался далекими заморскими территориями не потому, что столь важные для европейцев пряности были у него всегда в достаточном количестве. Гораздо более существенным фактором было то, что войны и аннексии велись во имя интересов больших государств, которые прежде всего и захватывали чужие территории с их населением. Именно имперские интересы диктовали на Востоке военно-политическую экспансию. Все крупные державы следовали принятой на традиционном Востоке имперской норме. Интересы казны и все прочее здесь оказывалось на своих привычных местах, соответствовало принципу консервативной стабильности, столь высоко ценившейся в государствах с их господствующей структурой власти-собственности.

Имперские интересы отнюдь не были чужды и Западу, как античному, так и средневековому, не говоря уже о буржуазном. И в этом

следует видеть полное сходство обеих столь разных в иных отношениях структур. Но почему же все-таки ни одна крупная страна Востока не вела войн вдалеке от своих владений? Почему лавры быстро осваивавших чуть ли не все средиземноморье финикийцев не заинтриговали, скажем, Рамзеса II, столь энергично расширявшего пределы Египта как раз тогда и там, когда и где финикийцы эффективно расширяли свои пределы за счет плодородного средиземноморского побережья? Почему экспедиции китайской флотилии Чжэн Хэ, в начале XV в. достигавшие Индии и восточноафриканского побережья, оказались ненужными Китаю, который в конечном счете уничтожил флот из-за чрезмерной нагрузки на казну (вояжи обходилась империи очень дорого)? И почему в середине и конце того же века полунищие португальцы и испанцы не уставали осваивать африканское побережье, а затем открыли Новый Свет и добрались наконец до Индии и до островов пряностей?

Ответы на эти вопросы не составляют труда. Достаточно лишь задуматься над ними, чтобы понять принципиальную разницу между Востоком и Западом во всем том, что касается колоний и колонизации. Это до предела ясно. Восточные государства в лице Рамзеса II или китайских императоров не были озабочены процветанием своих граждан, частных собственников и предпринимателей. Для них имперская экспансия по отношению к соседям и какие-либо дальние заморские экспедиции были, в отличие от предбуржуазного Запада, предприятиями совершенно разными, несопоставимыми по смыслу и возможному практическому результату. Да и пряности не были для стран Востока с их развитой торговлей сколько-нибудь существенной проблемой. Но давайте все же по порядку.

Начнем с Финикии. Финикийцы, этот торговый народ, силой неумолимых обстоятельств оказался задолго до греков перед необходимостью вести морскую торговлю. Все ближневосточные торговые пути, ведущие к средиземноморскому побережью, завершались у портовых городов финикийцев. Об отличиях этого народа от населения ближневосточных государств древности и о функциональной близости его повседневных занятий к тому, чем занимались античные греки, т.е. к морской торговле, хорошо известно. В Финикии с ее спецификой, в чем-то — но не в самом главном! — близкой к будущей античности, не было сильного единого государства, зато были собственники, торговцы и мореплаватели, которые жили за счет расширения торговых связей. И коль скоро в силу все тех же неумолимых обстоятельств финикийцы

не сумели стать античными греками, а их портовые города не имели, кроме товаров и торгового флота, ничего общего с античными полисами, не приходится тратить особых усилий на объяснение ситуации.

Смысл ее в том, что финикийцы основывали свои колонии и вели, опираясь на них, торговлю, но при этом не были вынуждены, как греки, массами перемещаться на новые места. Причина этой разницы проста: финикийцы имели возможность вольготно устраиваться на материке, побережье которого было занято их портовыми городами. Греки же, жившие на полуострове (природа Эллады достаточно скудна и негостеприимна), такой возможности не имели. Прокормить растущее население они были не в состоянии. Поэтому для античных греков основание огромного числа колоний (они исчислялись многими сотнями в противовес сравнительно немногим финикийским) было не только и не столько средством для торговых операций, сколько способом избавиться от избытка населения, формой вынужденной экспансии. И еще. Финикийцы создавали стоянки для своих кораблей на побережье либо на разных островах Средиземного моря и не очень старались возводить крупномасштабные поселения. Только Карфаген оказался со временем большим и сильным государством. А греческие колонии буквально облепили все северное Причерноморье, южную Италию с Сицилией, западную часть Малой Азии, не говоря уже о многочисленных островах Эгейского моря. К тому же каждая из них имела постоянную связь с полисом, выступавшим по отношению к ней в качестве метрополии, что не было столь же очевидной особенностью финикийцев.

Если теперь колониальной активности эллинов противопоставить китайцев и арабов, то окажется, что Китай никогда не интересовался эмигрантами, уезжавшими на свой страх и риск. Им даже запрещалось брать с собой женщин, которых мужчины, не возвращавшиеся домой, поначалу чуть ли не по ночам тайком — хотя и в результате предварительных переговоров с родней и местным начальством — увозили из родных деревень. А когда общины хуацяо с нужным количеством приобретенных столь непростым способом женщин институционализировались и более или менее надежно закреплялись на новых местах, будь то Малайя или Филиппины, Индонезия или еще какие-нибудь острова, связи их с родиной практически — и надолго — почти целиком обрывались. Во всяком случае государство не имело и не хотело иметь к этому никакого отношения.

Что касается Маскатского Омана, то это небольшое государственное образование, чьи торговцы оседали на восточноафриканском

побережье, тоже, насколько известно, не уделяло особого внимания эмигрантам. Оно длительное время практически не интересовалось новыми поселениями и выраставшими на их основе большими торговыми городами типа Мogaдишо, где проживали мулаты-суахилийцы. И хотя это не мешало частным торговым связям, морской торговле арабских купцов, похоже на то, что с вывозом арабских женщин в Африку дело тоже обстояло не вполне благополучно, иначе мы имели бы дело на восточном побережье Африки с колониями и крупными общинами чистокровных арабов, а не с появлением там метисной общности суахили. Правда, когда возник конфликт с Саудидами, власти Омана сочли за благо поселиться в Занзибаре, о чем только что упоминалось. Но это была явно вынужденная миграция, не более того. В целом же ситуация предельно ясна: народы Востока порой оседали в далеких землях, создавая там свои общины, но государства Востока к этому прямого отношения обычно не имели.

Разница очевидна. В немалой мере она объясняется тем, что о правовых гарантиях и о военной защите интересов со стороны восточных государств, не рассматривавших свое население в качестве граждан, но видевших в них прежде всего послушных и ни на что не претендующих подданных, речь обычно не шла. А раз так, то во вмешательстве государств в такое дело, как перемещение торговцев, особой нужды не было. А если учесть, что это и стоило дорого, то и говорить нечего. Что же касается колониализма западного типа, то он с самых первых шагов португальцев и испанцев, искавших дорогу в Индию, был другим. Хотя и тут инициатива частных предпринимателей вроде Колумба и Васко да Гама имела немаловажное значение, но при этом роль государства была первостепенной. Западные страны активно и охотно участвовали в финансировании экспедиций и принимали все меры для охраны кораблей, защиты строившихся форпостов и особенно для освоения оккупированного его подданными обширного пространства с населявшими его народами. Это было наиболее очевидно в случае с экспансией на территории сильно отставшего от европейских стандартов Нового Света. Но примерно так же вели себя ведущие страны Запада и в далеких богатых пряхностями восточных землях, включая и высокоразвитые местные государства.

Вообще-то важнейшая для европейцев проблема более выгодной торговли действительно очень необходимыми для них пряностями тоже не была, мягко скажем, единственной причиной их колониальной экспансии. Конечно, можно при большом желании прийти к выводу,

что все сводилось только и именно к пряностям. Особенно убедительным это покажется, если еще раз вспомнить о длительном процессе поиска португальцами дороги в Индию и Юго-Восточную Азию через юг Африки. Однако, сознавая важность такого поиска, как и стремления Колумба найти западный путь в Индию, все же нельзя не признать, что общая ситуация в Западной Европе того времени была далеко не однозначной. На фоне столь глобальных явлений, как находившийся в состоянии расцвета Ренессанс и явственно назревавшая со времен Д. Уиклифа и Яна Гуса Реформация, которые оказались в конечном счете очень тесно связанными с Великими географическими открытиями, не стоит забывать о том, что Западная Европа на рубеже XV–XVI столетий находилась на пороге радикальных перемен в едва ли не всех сферах жизни ее населения. А главнейшей из этих назревавших перемен был выход быстрыми темпами набравшей силу буржуазии на авансцену мировой — но прежде всего западноевропейской — истории. И именно в этом ответ на вопрос о причинах того, почему поиск пути к колониям и колониализм оказались делом рук Запада, а не Востока. Проблема в данном случае глобальна и сводится к тому, что главной причиной принципиального несходства традиционного Востока и динамично развивающегося Запада была активность буржуазии со свойственной только ей склонностью к энергичному и инициативному предпринимательству. Это особенно важно иметь в виду, когда специалисты пытаются сопоставить Восток и Запад. Сделать это не очень легко. Ответ не лежит на поверхности. Но для того чтобы четко и аргументированно его сформулировать, нужно прежде всего поставить и решить всю проблему буржуазии, которая не была известна Востоку¹.

¹ В заключении к книге Л. Б. Алаева («История Востока», М., 2007, с. 452–459) был поставлен, но так и не получил ответа этот важный вопрос, хотя автор признал, что ответ на него стоит считать самым главным, ради чего он взялся писать свою книгу. Между тем ответ очевиден и бесспорен, хотя он не сводится ни к одному из тех вариантов, что приведены для наглядности на стр. 459 его книги. На деле ответ в том, что вне Запада никогда не было энергично развивавшейся буржуазии. Более того, она просто не могла, не имела там условий для своего возникновения. Об этом в его книге сказано, но не сказано, почему она все же появилась. А появилась она потому, что в эпоху позднего колониализма, особенно с середины XIX столетия, буржуазия в ее западном обличье со всеми атрибутами высокого уровня экономического, социополитического, правового, культурного и всякого иного развития ока-

КОЛОНИЗАТОРЫ И ИХ КОЛОНИИ

Ограничивая теперь тему только колониями второго, третьего и четвертого типов и имея в виду один лишь XIX в., обратим внимание на то, как появившаяся там в этом столетии западная буржуазия способствовала трансформации, т.е. модернизации и вестернизации этих колоний. Вопрос этот далеко не прост, и в каждом отдельном случае он решался в зависимости от многих конкретных обстоятельств. Однако при этом без особого труда фиксируются некоторые основные общие для всех либо для каждого из выделенных типов колоний закономерности. Вот о них и пойдет речь прежде всего.

Для того чтобы анализ был максимально очевидным, обратим вначале еще раз внимание на то, что, несмотря на принципиальное несходство между антично-буржуазной западной и традиционно-восточной структурами и обществами восточного и западного типа, у них было, о чем уже говорилось, и нечто общее. Оно сводится к существующим как на Западе, так и вне его привычным формам хозяйства и к некоторым общечеловеческим нормам бытия. Обратим на это внимание, взяв в качестве главного объекта анализа колонии четвертого типа, но приняв во внимание и общую ситуацию, характерную для всех типов колоний¹. В этих колониях, особенно и в первую очередь английских,

залась представлена почти во всех колониях. И что удивительно, автор книги вроде бы понимает роль западной буржуазии и достаточно много пишет о разностороннем влиянии колонизаторов на модернизацию и вестернизацию Востока. Но перед ответом на вопрос, в чем же все-таки принципиальное различие между Востоком и Западом, он неожиданно останавливается, как загнанный волк перед веревкой с красными флажками. Автор оказывается не в состоянии сделать логично вытекающий из всей его книги последний вывод и решить поставленную им же, однако так и оставшуюся нерешенной задачу. И это не случайный промах. Все зависит в конечном счете от того, как понимать проблему истории Запада и Востока в целом.

¹ К немалому количеству оговорок, уже сделанных в связи с типами колоний, необходимо добавить еще одну, наиболее очевидную. Ни один из этих типов, вычлененных в рамках используемой в данной работе систематизации, не является чистым. И в первом, и в четвертом типах колоний существовали вкрапления этнических общностей и племен, типологически относящихся к колониям второго и третьего типов. Диапазон, как и объем, их (численность населения) различен. В одних случаях они были небольшими, в других — существенными, а порой количественно преобладающими, от австралийских аборигенов либо африканцев в Капской колонии, до отсталых народностей

колонизаторы были в то время, о котором идет речь, озабочены не столько тем, чтобы удержать свою власть и увеличить размеры колонизованных территорий, хотя это было для них весьма существенной задачей, сколько тем, чтобы создать в колониях ситуацию, способствовавшую внутренней стабилизации.

С самого начала очень важно заметить, что вошедшая в обиход с легкой руки марксизма вроде бы само собой разумеющаяся идея, будто бы владение колониями постоянно приносило колонизаторам только прибыль и что именно ради этого создавались колониальные империи, несостоятельна, как и многие другие постулаты этой теории. Совсем напротив, часто содержание колоний обходилось достаточно дорого. Правда, финансовые издержки так либо иначе компенсировались превращением колоний частично в источники сырья, но главным образом в рынки сбыта промышленных товаров, включая (пусть в основном лишь начиная с рубежа XIX–XX вв.) тяжеловесные и дорогостоящие средства производства. Это способствовало быстрому развитию экономики метрополий и тем покрывало убытки, существование которых нельзя не принимать во внимание. Колониализм всегда обходился колонизаторам недешево, и с этим несомненным фактом они столкнулись еще в начале XVI столетия, о чем упоминалось в связи с революцией цен и оттоком американского серебра в обмен на восточные пряности.

Итак, на первый план выходил резкий рост европейского экспорта товаров, прежде всего промышленных. По некоторым данным, английский оборот внешней торговли во многом именно благодаря этому в XIX в. вырос в 15 раз, а французский — более чем в 20. За то же время резко, в 5–7 раз, вырос объем экспорта из Индии и Малайи,

Индии либо Юго-Восточной Азии. С самого начала стоит заметить, что влияние Запада, как и модернизация в целом, сыграли наибольшую роль именно там, где доля населения, хорошо знакомого с государственностью и цивилизацией, была в XIX в. достаточно большой. По этой причине влияние западного буржуазного стандарта было наиболее очевидным в колониях первого и четвертого типов. О первом, где модернизация совершалась в основном колонистами европейского происхождения, говорить не приходится. В колониях четвертого типа, в целом более продвинутых по сравнению с отставшими в развитии этническими общностями и племенами колоний второго и третьего типов, появлялась под влиянием западной и своя буржуазия. Именно поэтому местное население в колониях четвертого — в меньшей степени второго и третьего — типа включалось в процесс вестернизации, хотя и воспринимало новации менее охотно и довольно медленно.

причем львиная доля его приходилась на колониальные державы Запада. Рост экспорта увеличивался и из Цейлона с его кофе и чаем, и из французских колоний в Индокитае (рис из Кохинхины), и из Индонезии с ее системой принудительных культур, да и из иных колоний. По меньшей мере частично доход от этого быстро возраставшего экспорта колониальных товаров получали метрополии. Но при этом не стоит сразу же сбрасывать со счетов то немаловажное обстоятельство, что полученный ими доход метрополии энергично вкладывали в развитие своих колоний. Не следует не принимать во внимание и то, что рост торгового оборота вел к появлению в колониях большого по объему торгового капитала, часть которого сами местные торговцы могли вкладывать — и активно вкладывали — в промышленное развитие, в механизацию производства, в создание машинной индустрии, в усовершенствование сельского хозяйства с увеличением его товарности.

Упомянув о местном капитале, нельзя не заметить, что очень важной, колоссальной значимости новацией стало само появление в колониях этого капитала, а вместе с ним и местной буржуазии. Ведь буржуазии вне Запада нигде никогда на планете до появления промышленно развитых колоний, т.е. до второго этапа колониализма (практически до XIX столетия), не было. Эта проблема настолько существенна, что ей следовало бы уделить специальное внимание. Вспомним, что в древней и средневековой истории было уже два примерно тысячелетних периода, когда восточная структура сосуществовала и соперничала с античной. Из этого явствует, сколь нелегким делом было выиграть одному сопернику у другого. Ясно и другое: победа восточной структуры власти-собственности означала по сути возврат к реалиям тысячелетней давности, ибо ислам не принес миру в этом смысле ничего нового, но, напротив, успешно справился со стремлением погасить все еще тлевшие кое-где огоньки античности¹.

Приняв сказанное во внимание, следует сделать вывод, что вплоть до XV столетия античная гражданско-демократическая полисная структура не могла восторжествовать над традиционной восточной.

¹ Это, разумеется никак не противоречит тому, что, оказавшись в Европе (в Иберии), мусульмане принесли с собой более высокий уровень культуры по сравнению с примитивными варварскими государствами, в основном созданными в те века раннего средневековья под влиянием и в рамках все той же восточной структуры (воздействие на них античных традиций только начиналось и шло, как было не раз упомянуто, около тысячи лет).

Иными словами, несмотря на, казалось бы, очевидные преимущества, особенно в темпах эволюции, силы на протяжении тысячелетий были как будто равными. И лишь вследствие возникновения и выхода на авансцену истории буржуазии, что стало в Западной Европе результатом мощного воздействия перемен, начатых Ренессансом и завершившихся Великими географическими открытиями и Реформацией Лютера и Кальвина, торжество западной структуры в ее антично-буржуазной модификации стало свершившимся фактом. Из этого главного вывода следует то, что более передовая структура обрела реальные шансы выйти победителем из единоборства с соперницей лишь тогда, когда ее потенции получили наиболее широкий простор для их реализации. А также то, что эти потенции буржуазии настолько усилили антично-буржуазную модификацию древней полисной структуры, что теперь ей осилить слабо изменяющуюся и как бы застывшую в своей стабильности (если не говорить о стагнации) восточную структуру власти-собственности было не слишком сложно.

Имея в виду все вышеизложенное, взглянем теперь более внимательно на те типовые социополитические, экономические и некоторые иные связи, которые существовали в обществах метрополий и колоний в интересующем нас XIX в. И обратимся в первую очередь к тем из них, которые были представлены, пусть неодинаково, в обеих сравниваемых структурах. Одной, пусть пока еще не главной из них, следует считать рыночные.

Рынок как следствие появления частной собственности и развития товарно-денежных отношений был с глубокой древности — хотя в государствах Востока не сразу после их оформления — известен повсюду. В примитивной форме реципрокный обмен существовал задолго до появления частной собственности и понятия о собственности вообще, что фиксируется антропологами и в весьма отсталых этнических общностях, ставших в XIX в. колониями второго и третьего типов. Этот обмен был своего рода проторынком, и ему было, естественно, далеко до рынка в античных полисах. Там частнособственнические интересы строго защищались коллективом и всей созданной им демократической структурой с присущей ей высокоразвитой правовой и электро-альной культурой. Разница, на которой теперь сознательно делается акцент, колоссальна. В чем она?

На Западе, в античности и особенно в буржуазных государствах, рынок, рыночные связи и частные собственники были главной ценностью общества. Иначе обстояло дело на Востоке, где рынок тоже

всегда ассоциировался с частной собственностью. То и другое развивалось, ибо это было необходимо для нормального существования разросшегося и усложнившегося восточного общества. Рынок на Востоке выполнял в принципе те же функции, что и повсюду, включая античный мир и буржуазные общества. Но чрезмерная его активность была угрозой для аппарата власти, процветавшего за счет доходов казны. Поэтому ситуация складывалась таким образом, что рынок и вообще частный сектор имели более или менее благоприятные условия для существования лишь там, где власть была слабой. Однако существование в условиях слабой власти оборачивалось для собственников потерей столь необходимой для них безопасности. Поэтому расцветали они — если это можно назвать расцветом — лишь в сильных государствах, в которых собственники, как о том не раз упоминалось, не только не защищались представителями власти, но в основном рассматривались ею как соперники казны и потому подвергались преследованиям и зависели от произвола власть имущих.

Другой тип связей — государственно-административные — лежал в основе структуры власти-собственности, тогда как в античном мире он практически почти не ощущался, а в буржуазных обществах играл второстепенную роль.

Третий, корпоративный и патронажно-клиентный, был хорошо знаком и традиционному Востоку, и антично-буржуазному Западу, хотя в каждой из этих структур бывал не вполне одинаковым. К этому типу связей можно отнести семейно-клановые, общинные, сословные, цеховые и многие иные, вплоть до землячеств, каст и сект. Они были значительно более сильными и разнообразными на Востоке, где в условиях произвола власти и отсутствия прав и гарантий привыкшие к этому люди объединялись в корпоративные организации, в чьи функции входило как сотрудничество с властью, так и противостояние ей. Основанные на всем известном патронажно-клиентном принципе неравенства, эти связи тем не менее признавались всеми и играли очень заметную роль.

Три типа связей, которые существовали в обеих структурах, были той самой жизненно необходимой основой, которая делала принципиально возможным их сосуществование и в то же время создавала фундамент для победы в исторических условиях XIX столетия буржуазной структуры, характерной для западных метрополий, над неевропейской колониальной. Почему же в условиях колониализма такая победа оказалась достаточно быстрой и легкой? Только и именно по-

тому, что из всех трех основных типов связей, в принципе знакомых и Востоку, и Западу, частично даже полупервобытным коллективам, на передний план решительно выступил чуждый Востоку антично-буржуазный рыночно-частнособственнический.

И поскольку рыночно-частнособственнические связи, хотя они и были на последнем месте в восточных обществах, начали, опираясь на западно-буржуазный либерально-демократический фундамент, решительно выходить на первый план, оставляя позади связи других типов, создавались благоприятные условия для трансформации и модернизации мира колоний. Более того, под влиянием колониализма и в результате появления в колониях представителей западной буржуазии, наладившей там привычные для нее формы хозяйства со всей присущей буржуазному Западу либерально-демократической инфраструктурой, колонии, особенно там, где либеральная демократия пустила заметные корни, смогли начать постепенный отход от привычной структуры власти-собственности. А выходя за ее пределы, они могли взять курс на постепенное развитие в них буржуазных отношений с превращением восточного богатства и дохода в характерный только для Запада капитал, приносящий проценты.

Разумеется, на деле все шло не легко и не слишком быстро, как то может показаться на первый взгляд. Более того, после деколонизации в середине XX столетия многие скрытые потенции подавленной традиционной структуры в немалом количестве случаев оживали и начинали тянуть соответствующие страны назад, что нашло проявление, в частности, в стремлении значительного их числа попытаться найти альтернативу в утопических обещаниях марксистского социализма. Почему это случилось? Потому что первый по важности для обосновавшихся в колониях европейских колонистов и колонизаторов рыночно-частнособственнический тип связей всегда был последним для туземного населения колоний, а его социополитические нормы бытия и психологические стереотипы не имели ничего общего с западными. Они диктовали традиционному Востоку, включая и полупервобытные этнические общности и даже такие страны, как Россия, ориентацию на приоритет связей других типов, обеспечивавших обществу не благосостояние индивида-собственника, но прежде всего удовлетворение интересов коллектива, высшей формой организации которого всегда было и остается всемогущее государство.

Другими словами, традиционный Восток, прежде всего в лице колоний, столкнулся с незнакомым ему жестким индивидуалистическим

поведением частного собственника, гонящегося за материальной выгодой. К этому он не привык. Больше того, он отважно, но безуспешно пытался противостоять, что вначале ему удавалось, так как при всем формальном сходстве рынок и частный сектор на Востоке и в буржуазном обществе были очень разными. На первых порах, в эпоху торгового колониализма, сопротивление вело к тому, что в колониях сосуществовали два почти не соприкасающихся рынка. На одном орудовали колонизаторы, имевшие тесные связи с местными правителями, а другой по-прежнему обслуживал нехитрые нужды туземного населения. Контакты между обоими рынками были, причем нет сомнений в том, что рынок колонизаторов при всем том, что он обходился достаточно дорого, питался соками местного рынка. Но в XIX столетии все уже было иначе. Оба рынка сблизились друг с другом при весомом превосходстве намного более сильного буржуазного со всеми его неоценимыми атрибутами, которые вынужденно, а то и охотно воспринимались, во всяком случае во всем том, что касалось технико-технологических новаций. В итоге, когда на помощь частным собственникам из Ост-Индских компаний пришли западные колониальные государства, административно-политические связи метрополий, очень хорошо известные и всегда стоявшие на Востоке на первом месте, начали играть важную роль и в усилении роли рыночных связей вообще, и в развитии потенциала местного колониального рынка. Колониальный Восток начал включаться в формировавшийся в это время мировой рынок.

Но для того чтобы мир колоний с его потенциями наилучшим образом играл свою важную роль в зарождавшемся мировом рынке, мало было поставить его в зависимость от западных метрополий, с чем колонизаторы вполне справлялись. Сложнее оказалось создать в колониях ту европейского типа инфраструктуру, без которой колониальный рынок в обуржуазившейся его модификации просто не мог бы эффективно функционировать. И именно этим в основном и занялись колонизаторы, причем особенно явственно и наглядно результат такого рода усилий проявился во второй половине века. За короткий исторический срок, несколько десятилетий, облик колоний довольно резко изменился. Особенно это было заметно в сравнительно развитых странах, в колониях четвертого типа.

Одно из величайших изобретений эпохи расцвета западного буржуазного производства, железные дороги (паровая машина на металлических рельсах), стало энергично внедряться повсюду, от великой Индии до отсталой Африки. Пароходы изменили возможности торговых опе-

раций и облик крупнейших портовых городов, буквально на глазах выраставших в колониях в крупные промышленно-культурные центры. В городах создавались многочисленные фабрики и первые заводы западного типа, размещались банки и офисы различных компаний, пока еще главным образом европейских, но нередко с участием представителей местного капитала. Колониальная администрация не только все более активно пользовалась услугами частных собственников из числа туземного населения, но и всеми силами вела дело к тому, чтобы увеличить их количество и роль в экономике колониальных стран. Наконец, представители метрополий — это было особенно заметно на примере перемен в политике англичан в Британской Индии после восстания сипаев — стали проявлять серьезное внимание к подготовке буржуазно ориентированной местной политической элиты. Получив хорошее современное по европейским по стандартам образование и овладев основами буржуазно-демократических форм управления, представители местных верхов и вообще наиболее способные выходцы из туземного населения должны были хотя бы частично заместить посланцев метрополии в сложном и все усложнявшемся деле управления колониями.

Колониальные власти обращали серьезное внимание на реформирование традиционной структуры своих колоний. На смену власти-собственности, которая исчезала просто потому, что местная власть ликвидировалась либо, как то было с княжествами в Индии, в немалой степени ограничивалась и потому вынужденно менялась, приходила рыночно-частнособственническая в ее европейско-буржуазной модификации с либерально-демократическими институтами. Создавались принципиально новые органы администрации, законодательные и исполнительные советы с участием представителей местного населения, число которых постепенно росло. Соответственно менялись формы региональной и низовой муниципальной администрации.

Но дело отнюдь не сводилось к формальной смене административной власти. Колонизаторы настойчиво стремились к выходу на передний план европейских рыночно-частнособственнических связей, к трансформации местных традиционных связей этого типа. Уже упоминалось о том, как много старались англичане в связи с выяснением прав частных собственников в традиционном землевладении Индии. Имеется в виду, в частности, проблема заминдаров, которых колониальные власти сочли подлинными земельными собственниками и обязали платить большие налоги, что привело к разорению этого слоя влиятельных землевладельцев и породило лестницу паразитов-

посредников в системе земельных отношений Бенгалии. Однако ошибки такого рода не изменили самого стремления способствовать созданию в разных колониях большого количества частных собственников, начиная с мелких земледельцев. И эти настойчивые и целенаправленные реформы вели дело не только к трансформации привычной для неевропейской структуры иерархии типовых связей с ее приоритетом административно-политических и приниженной ролью рыночно-частнособственнических. Важным был итоговый результат: создавалась надежная основа для формирования в колониях структуры буржуазного по европейскому стандарту типа.

Язык метрополии, игравший очень важную роль в процессе объединения этнически различных частей ряда колоний, особенно крупных, в первую очередь Индии, хотя и далеко не только ее, способствовал с помощью широко развернутой системы школьного обучения и специального среднего и высшего образования по европейским программам внедрению в жизнь населения колоний многих элементов западной ценностной ориентации. Это было важной, необходимой частью политики переориентации колоний в сторону ускоренной модернизации и соответствующего изменения системы духовных ценностей хотя бы части местного населения. И наконец, если иметь в виду все ту же Индию, сама судьба в лице вроде бы заметно тормозившей развитие системы каст и множества княжеств неожиданно стала способствовать внедрению в огромный субконтинент основ британской либеральной демократии со свойственным именно ей парламентарным представительством от всех различных социальных слоев и прочих групп населения.

СЛОЖНОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ, МОДЕРНИЗАЦИИ И ВЕСТЕРНИЗАЦИИ

Не следует, конечно, полагать, что все эти усилия колониальных властей, охотно поддерживавшиеся буржуазией метрополий, заинтересованной в успешной трансформации колоний, достигались с легкостью и приносили только ожидаемые плоды. На деле все было гораздо сложнее. Даже более того, результаты, на которые возлагали надежды колониальные власти, были, мягко говоря, неоднозначными. С одной стороны, они свидетельствовали о реальной модернизации и вестернизации колоний, в которых появлялись институты европейского типа, в том числе выборно-представительные учреждения, независимая система судебных органов и судопроизводства, свободная пресса, а также

немало других столь непросто достигавшихся буржуазной демократией прав и свобод. Но с другой основная масса населения с ее врожденным стремлением к консервативной стабильности и тысячами привитыми религиозно-цивилизационными установками была далека от восприятия и тем более внутреннего одобрения перемен.

Конечно, люди видели практическую пользу от большинства появившихся новаций, начиная с железных дорог и различных промышленных изделий и кончая справедливостью независимого судопроизводства. Но они были еще далеки от удовлетворения всеми этими переменами. Во-первых, потому, что уровень жизни подавляющего большинства рос очень медленно, а подчас случались и страшные неурожаи с голодными годами, уносившими миллионы жизней. Во-вторых, из-за того, что процесс колонизации сопровождался войнами и порождал все новые военные столкновения, что было далеким от желанной стабильности и не могло нравиться. В-третьих, трансформация, тем более ускоренная, которая была свойственна второй половине века, вела к тому, что очень многие выбивались из привычного ритма жизни и не успевали, просто не могли приспособиться к новому. Наконец — и это, пожалуй, самое важное — для большинства европейские ценности были в принципе чем-то чуждым и неприемлемым. Правда, они несли с собой кое-что полезное для многих. Но одновременно разрушали старые формы бытия, а также некоторые виды повседневных занятий либо производства. Они ставили под сомнение веками устоявшиеся нормы поведения, даже если это были столь чудовищные нормы, как рабство и рабовладение. Они осуждали принесение божествам кровавых жертв или жестокий обычай сати, т.е. самоожжение вдов вместе с умершими мужьями, в ряде каст, особенно высших, в Индии.

Словом, многое было против новаций, которые волнами, широким потоком надвигались на колонии. И если часть местного населения — заведомое меньшинство — была готова с этим мириться и даже активно поддерживать перемены, сотрудничать с колониальными властями и принимать участие в развитии буржуазных преобразований, то другие так или иначе выступали против этого. Выступления принимали различные формы, от восстаний до упорного неприятия тех либо иных новаций. Но важно не столько обратить внимание на факт сопротивления, сколько попытаться понять, как и почему реально складывалось в XIX столетии то соотношение сил, которое обуславливало к концу века ситуацию в мире колоний.

Европейские наука и техника, производство и военная мощь, быстро растущий стандарт жизненного уровня и бытовых удобств, непривычные, но привлекательные конституционно-демократические права и свободы, защита интересов собственника и достоинства гражданина, плюрализм партийно-политической системы при ограничении роли религии — все это заметно воздействовало на социальные верхи колониальных обществ. Именно они и оказались готовы к активному сотрудничеству с колонизаторами. И потому оказывавшаяся ими поддержка реформ и модернизации, даже вестернизации традиционной структуры была вполне искренней. Она отражала стремление передовых и дальновидных умов колониального Востока как можно скорее, лучше всего единым рывком, вырваться из состояния отсталости. Однако хотя это стремление со стороны имевших немалый престиж социальных слоев и влияло на население, оно же встречало противодействие, прежде всего со стороны консервативной массы крестьянства, основная масса которого не понимала, почему следует менять привычный образ жизни, и находилась в немалой степени под влиянием религиозных лидеров, обычно сопротивлявшихся переменам.

В итоге противостояния двух влиятельных сил надежда на то, что вторая половина XIX в. с ее наиболее интенсивными новациями почти во всех сферах жизни общества приведет к быстрому расцвету и позволит колониям сравняться с метрополиями, оказалась иллюзорной. Реалии же все более очевидно сводились к тому, что, как то было и двумя с лишком тысячами лет раньше на эллинистическом Востоке, общество колоний раскололось на две достаточно резко противостоявшие друг другу части. На верхнем уровне колониальная власть и сотрудничавшая с ней местная администрация вместе с рождавшейся туземной и энергично действовавшей западноевропейской буржуазией и при опоре на конституционно-демократические институты, гарантии, права и свободы активно и успешно содействовали трансформации общества и его модернизации. А на нижнем, массовом (нечто вроде древней *хоры*), прежде всего в общинах, по-прежнему господствовали патронажно-клиентные и корпоративные связи при весьма пока еще скромной роли рыночно-частнособственнических, товарно-денежных. Где-то посередине обе части общества при активном содействии колониальной администрации как-то состыковывались. Но возникавший в результате своеобразный симбиоз мало содействовал ускорению темпов модернизации и тем более пугающей людей вестернизации. В итоге почти так же, как то было в эпоху эллинизма, массо-

вый уровень постепенно если и не брал верх, то во всяком случае не уступал своих позиций, не говоря уже о том, что именно он был основой для постепенно набравшего силу сопротивления переменам.

Все сказанное означает, что надежды на ускоренную трансформацию не оправдывались. Конечно, в целом за XIX столетие мир колоний изменился невероятно, кое-где, особенно в больших городах, до неузнаваемости. Резко возрос уровень общей культуры, изменилась — опять-таки не везде, к тому же чаще и прежде всего в городах — система образования и здравоохранения. Появились интеллектуалы нового типа, неизвестные прежде, но зато хорошо знакомые со стандартами европейской науки и техники. Появились даже, в первую очередь в Индии, национальные лидеры нового типа, как Рам Мохан Рой (Рай), глава общества «Брахмо самадж», сочетавшие в себе хорошее европейское образование с преданностью местным религиозным традициям. Однако стоит обратить внимание и на то, что по мере продолжения политики позитивной вестернизации в поднимающей голову колониальной Индии сопротивление возрастало. Так, на смену в определенной степени прозападному «Брахмо самадж» с его ограниченным влиянием, в основном среди местной политической элиты, в 1875 г. пришло основанное Даянандой Сарасвати общество «Арья самадж», название которого говорит о его религиозно-националистической направленности (назад, к ведам). В отличие от предыдущего это общество было массовым. И хотя руководство его не отказывалось вовсе от реформ, прозападный акцент в нем явственно сменился на антизападный.

Обе организации, о которых идет речь, не были чересчур влиятельными, но они играли важную знаковую роль, олицетворяя определенные перемены в общественном настроении. И это настроение ощущалось не только в Индии, где все чаще колониальные власти встречали сопротивление их политике и самому факту существования чужих, которые, по выражению знаменитого Р. Киплинга, взяли на себя тяжелое «бремя белого человека» в деле налаживания непривычной европейской системы бытия и управления. Сопротивление нарастало по мере развития колониального общества и трансформации его традиционной структуры. Оно в какой-то мере было знаком успеха этой трансформации. Англичане понимали это и стремились сделать все, что в их силах, дабы побудить свои многочисленные колонии не то чтобы смириться с ситуацией, но воспринять перемены как благо, как быстрое движение к лучшему. Это им не очень удавалось, в том

числе и в традиционно толерантной Индии. Ведь большинство ее населения, общины, касты и княжества в первую очередь, являли собой консервативно-инертную массу. И с этим колонизаторам приходилось считаться, ибо давление инертной массы на более динамичные города сказывалось на каждом шагу, а все чаще возникавшие по различному поводу акции неповиновения в густонаселенных городах опять-таки постоянно грозили непредсказуемыми осложнениями.

Как то видно из изложенного, генеральный процесс трансформации колоний, энергично протекавший в XIX в., был далеко не простым. Он прежде всего не был одинаковым или однолинейным. Многое зависело от тех стран, которые были либо стали колониями, не меньше и от того, какую политику и насколько успешно осуществляли в своих колониях колонисты и/или колонизаторы. Обратим в этой связи еще раз специальное внимание на британскую колониальную империю. Она была огромной, и управлять ею было нелегко. Можно даже принять во внимание, что в самой Англии не раз вставал вопрос о централизации управления, о создании чего-то вроде единой имперской федерации. И хотя соответствующие проекты не увенчались успехом из-за многочисленных противоречий, в основном связанных с таможенными проблемами, особенно в колониях первого типа, т.е. в самоуправляющихся доминионах, сам по себе этот факт небезынтересен. Он свидетельствует о сложностях, связанных не столько с колониальным господством как таковым, сколько с теми самыми трансформацией и модернизацией, которые объективно стали главной задачей в XIX столетии в связи с буржуазными преобразованиями на Западе. Для всего гигантского мира колоний это новое многостороннее явление, вышедшее в мировом историческом процессе на передний план, было во многих отношениях очень плодотворным, хотя в то же время и весьма болезненным.

Очень многое при этом зависело от политики колониальных стран, метрополий. Колонии первого типа не доставляли им, прежде всего Великобритании, слишком значительного беспокойства, равно как и небольшие владения второго и третьего типов. Но в Индии с ее сотнями миллионов жителей все было непросто. Здесь оказывалось слишком заметным очевидное противостояние горстки британских «сахибов» местному населению. Обычных в других колониях мигрантов-колонистов в огромной стране практически не было. Каждый англичанин в Индии был чиновником либо офицером. Непросто обстояло дело и с соседней с Индией Бирмой, с которой англичанам пришлось вести три войны. Значительно спокойнее обстояло дело в Малайе или на Цейлоне. Труд-

но сказать, что здесь сыграло главную роль. Быть может, это было результатом явного преобладания плантационного хозяйства и связанного с ним очень заметного изменения этнического состава населения за счет ввозимых в эти страны, особенно в Малайю, индийских и главным образом китайских рабочих-кули. Массовый ввоз иностранных работников не мог быть бесстрастно воспринят, и в какой-то степени именно он, видимо, переключал энергию противостояния в эту сторону.

Здесь стоит обратить внимание на различие между азиатскими кули, с одной стороны, и мигрантами-колонистами — с другой. Казалось бы, приток европейских мигрантов должен был вызывать много большее внутреннее неприятие, равно как и деятельность католических миссионеров. Между тем создается впечатление, что в колониальных странах с заметным количеством колонистов этого не происходило. Может даже создаться впечатление, что упомянутый приток несколько смягчал ситуацию. Это было заметно, в частности, на примере французских колоний. В Алжире и Тунисе роль колонистов была весьма ощутимой и в общем содействующей пусть не безмятежному, но и не слишком раздражающему местное население сосуществованию. Правда, на юге Африки ситуация была иной. Но там, особенно в среде буров, активно действовали традиции расовой сегрегации и рабовладения.

Во французском Индокитае военное вмешательство колонизаторов во внутренние разборки тоже не вызывало сколько-нибудь мощного и тем более постоянного и нарастающего единодушного сопротивления, тогда как традиционная активность миссионеров и полезная для развития экономики и культуры деятельность немногочисленных колонистов давали о себе знать. А в голландской Индии, где европейцы долго не считались с интересами местного населения, что в первой половине XIX в. сыграло роль в возникновении нескольких восстаний, ситуация во второй половине столетия даже несколько изменилась к лучшему. Генеральные штаты метрополии приняли ряд мер для того, чтобы колониальная власть осознала их долг перед населением островов.

Говоря об Индонезии, стоит заметить, что господствовавший в ней ислам, в отличие от индуизма, никогда не отличался толерантностью. Вообще, важно учесть, что колонизация исламских стран далеко не всегда приводила к успеху колонизаторов. Видимо, многое значил тот факт, когда именно, насколько давно ислам стал господствовать в тех либо иных странах и насколько глубоко его стандарты в них укрепились. В мусульманских странах Африки, равно как

в Индонезии и Малайе, где существование ислама было либо недолгим, либо непрочным и где даже жесткие запреты, имевшие отношение к одежде или поведению правоверных, не всегда тщательно соблюдались, колонизаторы чувствовали себя спокойнее. Иначе было там, например, в Аравии, где эти запреты существовали давно и были много более жесткими. Там власть правителей, подчас даже племенных вождей, которые считались осененными Аллахом носителями частицы небесной благодати и скорее религиозными, нежели политическими, лидерами, была очень сильной, так что тем же англичанам приходилось с этим считаться. В результате даже весьма слабая степень колониального господства доставалась им не часто и не слишком легко.

В целом же XIX столетие стало не только для колонизаторов, но и в гораздо большей степени для колоний временем несомненных успехов и пусть болезненных, но благотворных и явно позитивных перемен. Об этом не стоит забывать даже тем, кто привык всегда и по любому поводу с гневом клеймить колониализм как безусловное зло. Нельзя сказать, что это явление всемирно-исторического порядка было и безусловным благом. Но ведь именно оно и только оно привело к тому, что незападный мир сделал в XIX столетии огромной важности шаг вперед по пути вестернизации, необходимой прежде всего для его же эволюции.

Зависимые и независимые страны Востока

Между странами и небольшими территориями, которые были колониями европейских держав, и теми государствами традиционного Востока, чья историческая судьба оказалась другой, следует проводить четкую грань. Смысл ее в том, что государства, о которых идет речь, были в основном крупными и принадлежали — за сравнительно небольшим исключением — к числу тех, где очаги цивилизации возникли в глубокой древности. Это означает, что не только религиозно-цивилизационные традиции, но и государственность в этих странах восходит к далекому прошлому и отличается некоторой, порой значительной мощью. Конечно, когда заходит речь о таких государствах, сразу же напрашивается сравнение их с Индией, чьи корни тоже очень глубоки. Но судьба Индии оказалась исключением в своем роде, во-первых, потому, что к ней с XIV–XV столетий стремились европейцы, рано сумевшие открыть туда морской путь. А во-вторых, из-за того, что Индия оказалась жертвой острых внутренних противоречий и вооруженных разборок между ее частями как раз тогда, когда натиск европейцев стал особенно заметным.

Словом, не считая Индию, страны зависимого и независимого Востока (имеется в виду только зависимость от колонизаторов) — это центры мировой цивилизации, те страны, где зародились почти все великие религии, от египетской и месопотамской до ислама. И включение отдельных территорий вроде Египта или Кореи в состав других стран традиционного Востока, Турции, Китая или Японии, не меняет принятой систематизации. Ни одна из упомянутых стран колонией западных держав в XIX столетии не была. Принципиальная разница между колониями и зависимыми странами в том, что в странах, оказавшихся в той либо иной степени зависимости, сохранялась власть местных правителей. Сохранялась не формально,

что нередко имело место и в некоторых колониях, но вполне реально. К слову, о степени зависимости тоже не следует забывать, ибо именно она определяла превращение отдельных зависимых стран в XX в., пусть даже на короткий срок, в колонии. Зависимость страны как принцип ее взаимоотношений с колонизаторами, как и вообще влияние западных держав, проявлялась во многом, но формально фиксировалась обычно в результате определенной договоренности, пусть даже в обстановке явного насилия, но все же при согласии с их правителями. Она закреплялась достаточно часто в виде соответствующих договоров, иногда воспринимаемых по сей день в качестве неравноправных. Что же касается тех немногих стран традиционного Востока, которые в силу благоприятного для них стечения обстоятельств сумели сохранить свою независимость, то они порой очень мало отличались от зависимых, особенно тех, чья степень зависимости была крайне слабой, как то характерно для Османской империи. Но при всем том они сохранили свой статус, что, в общем, в основном уже после XIX в. помогло им, особенно Японии, энергично эволюционировать.

В заключение общего обзора стоит констатировать, что и зависимые, и независимые страны Востока не миновали общего объективного процесса трансформации, который охватил в XIX столетии всю планету, хотя и проявлялся в разных ее частях различно, шел неодинаковыми темпами. И трудно сказать, каким из государств больше повезло, ибо и зависимые, и независимые государства воспринимали влияние со стороны развитой науки, техники и технологии буржуазного Запада. Иногда они были вынуждены это делать, внутренне энергично сопротивляясь, что было, пожалуй, наиболее характерно для горделивого и уверенного в своем превосходстве Китая. В других случаях вынужденное следование буржуазному преобразованию протекало на фоне сложных внутренних противоречий либо острого кризиса и потому ожесточенного внутреннего сопротивления не вызывало, даже, напротив, сопровождалось реформами самих правителей. Это можно сказать о Турции, т.е. об империи Османов. Иногда внутренний кризис и ожесточенное сопротивление, пусть на короткий срок, сливались в мощный единый поток народного гнева, что произошло в формально бывшем частью Османской империи Египте. Иногда, как в Иране, реформы либо долго не шли, либо прерывались различного рода реакционными движениями. Зато в странах, сохранивших свою независимость, влияние со стороны западных держав воспринималось

хотя внешне и без энтузиазма, но на самом деле охотно, даже более чем охотно, как это было в Японии или Сиаме (Таиланде).

На этом общем фоне редкими были те случаи, когда очень слабо развитая страна, как Афганистан, активно и успешно противостояла влиянию Запада и за то была наказана явным отставанием от других, сохраняя и в XIX–XX вв. почти тот же крайне низкий уровень развития, какой был прежде. Наконец, особо стоит упомянуть о Коре, ибо она, долго будучи вассальной по отношению к Китаю, стала в конце столетия объектом колониальных домогательств со стороны стран, которые трудно отнести к буржуазным (имеются в виду Япония и в меньшей степени Россия). Словом, ситуация с зависимыми и независимыми странами Востока складывалась чаще всего несколько иначе, нежели то было с миром колоний. Однако стоит заметить, что генеральный вектор эволюции их был тем же: вперед, к освоению основ буржуазных преобразований и к приспособлению к складывавшимся на всей планете принципиально новым условиям бытия.

Глава двадцать третья. ГОСУДАРСТВА БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

Изложение материала о трансформации и вестернизации многочисленных и весьма отличающихся друг от друга государств Ближнего и Среднего Востока целесообразно начать с крупнейшего из них — с империи Османов. Оттоманская Порта была не только самой большой из зависимых стран Ближнего Востока в XIX в. Она, о чем важно помнить, являла собой именно империю, одну из очень немногих (по сути только двух, вторым был Китай) восточных империй в этот период истории. Правда, проблема имперской власти турок и их султанов была уже более чем проблематичной. Следует учитывать то важное обстоятельство, что очень большой частью владений султана, главным из того, что и можно считать его империей, были давно уже завоеванные турками европейские территории и арабские страны. Но те и другие находились в состоянии брожения, назревавших перемен, административных и иных преобразований и, что наиболее важно, национальных либо вызванных другими причинами стремлений если и не к независимости, то во всяком случае к серьезной и весьма ощутимой автономии.

В Европе балканские народы, поддерживавшиеся крупными державами, прежде всего Россией, один за другим решительно вступали на путь борьбы с властью турок. А в арабских странах, будь то африканский Магриб или аравийские земли с прилегающими к ним

странами, расположенными на восточном побережье Средиземного моря, шел параллельный процесс устремления местных правителей к независимости и попыток западных держав колонизовать некоторые из них. Иногда оба процесса сближались, что было наиболее заметно на примере Египта. Но в любом случае они ослабляли империю и приближали ее скорый и неминуемый конец. Нельзя сказать, чтобы правители Османской Порты вовсе не сознавали угрозу для ее существования, особенно на фоне многих поражений в войнах, прежде всего с Россией. Стоит учесть это, чтобы понять, почему главным содержанием всех реформ, которые осуществлялись султанами из рода Османов, были прежде всего и даже главным образом военные. Султаны сознавали, что средневековая система тимаров отжила свое, как и армия слишком независимых и беззаботных, но при этом всегда угрожавших спокойствию и благополучию империи янычар. Проблема была лишь в том, что именно необходимо было сделать, дабы выйти из столь неблагоприятно сложившейся ситуации. Этим прежде всего были озабочены реформаторы, стремившиеся с помощью буржуазной Европы модернизировать империю.

При этом проблема вооруженных сил, которая находилась в центре их внимания и о которой идет речь, как раз и сводилась к тому, как избежать дальнейшего ослабления империи и в конечном счете к потере ее Турцией. Все это позволяет и даже побуждает, признавая сам факт существования, а лучше сказать агонии империи, вести речь отдельно о Турции и затем о других ее восточных частях (о европейских уже шла речь выше). Кроме того, стоит пренебречь, разумеется, до известной степени устаревшим и ничего по сути не означавшим формальным сюзеренитетом и, лишь упоминая о нем, излагать материал строго в соответствии с фактическим положением вещей. Итак, начнем изложение с характеристики самой Турции, центра гигантской империи ислама.

ТУРЦИЯ

На рубеже XVIII–XIX столетий в этой империи начинался сложный процесс трансформации. С одной стороны, это проявлялось в реформах войска и в создании вестернизированной казенной военной промышленности, чем Турция в годы правления Селима III (1789–1807) напоминала Россию времен Петра I. С другой назревшим реформам противостояло очень сильное давление со стороны сторонников ислама и шариата, опиравшихся на постоянно бунтовавших янычар. Не стоит забывать и о войнах с европейскими державами (знаменитый поход

Наполеона в Египет, успехи русских на Дунае в ходе русско-турецкой войны 1806–1812 гг.), а также о начале борьбы греков за независимость. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в 1826 г. вновь встал вопрос о военной реформе. Султан Махмуд II (1808–1839), следуя предшественнику, решительно избавился от янычар, ликвидировал веками опекавший их суфийский орден Бекташи, а вслед за тем в несколько этапов упразднил и всю систему тимаров, бывшую до того основой военной силы империи. Он энергично принялся за подготовку перехода к европейскому типу войска, обученного с помощью французских и прусских офицеров, среди которых был и знаменитый впоследствии военачальник Г. Мольтке. Но, хотя заново созданная армия была вполне боеспособной, к военным успехам турок это уже не привело.

Неудачи в попытках подавить восстание греков привели к очередной русско-турецкой войне, завершившейся в 1829 г. Адрианопольским миром, зафиксировавшим потерю некоторых кавказских и приднестровских владений, а натиск Мухаммеда Али из вроде бы вассального по отношению к Порте Египта привел к захватам египтянами территорий в Сирии и самой Турции. Все эти поражения, однако, не приостановили реформаторскую деятельность султана, который последовательно наращивал усилия, направленные на увеличение боеспособности новой армии, а также, что очень важно, сопровождал военные реформы серьезными преобразованиями в других сферах. В империи были созданы министерства и ведомства с чиновниками, работавшими по западному стандарту, изменен в связи с ликвидацией системы тимаров принцип налогообложения. Создавались условия для появления культурных традиций буржуазного Запада (организация почты, издание газет, появление европейского типа больниц и учебных заведений). Сам Махмуд II демонстративно урезал расходы на содержание своего двора, самостоятельно оплачивая, в частности, собственные поездки по стране.

Реформы этого султана заслуживают особого внимания. Ведь именно они способствовали выживанию Турции как государства. Но Османская империя, несмотря на это, была обречена. Она распадалась буквально на глазах. И если это не происходило чересчур быстро, то лишь потому, что так называемый восточный вопрос, связанный с откровенными притязаниями России на проливы, вызывал негативную реакцию со стороны могущественных европейских держав, прежде всего Англии, не желавшей усиления России за счет Турции. После успехов египетского правителя Мухаммеда Али, который вначале действовал

от имени султана, а затем перешел к войне с ним и к оккупации теперь уже им — а не Россией — немалой части территории Турции, державы даже открыто выступили на защиту ее целостности. Они взяли Порту под свое покровительство и заставили Египет отказаться от плодов своих побед. Конференция 1840 г. в Лондоне оформила их коллективное попечение, а новому султану Абдул-Меджиду (1839–1861) пришлось согласиться с этим. Султан с его умным и влиятельным помощником Решид-пашой в обстановке, благоприятной для политики вестернизации, начали очередной тур важных для страны реформ, вошедших в историю под названием Танзимата (реформ).

В Гюльханейском хатт-и-шерифе в ноябре 1839 г. султан объявил, что стремится обеспечить подданных гарантиями безопасности жизни, чести и имущества, ликвидировать беззаконие, произвол чиновников, отмиравшую систему откупов, упорядочить систему налогов и определить порядок призыва в новую армию. В соответствии с этим в вилайетах и санджаках были созданы законосовещательные советы-меджлисы, появились даже суды, освобожденные от влияния шариата и соответствовавшие западным нормам уголовного и коммерческого права, светские начальные и средние школы. Был также принят ряд мер для перемен в сфере земельных отношений с уклоном в сторону закрепления прав собственников и, что очень существенно, для урегулирования условий и сроков (4–5 лет) военной службы. Крымская война 1853–1855 гг. приостановила дальнейший ход реформ и нанесла серьезный урон военной мощи Турции. Но после войны начался второй этап реформ.

На этом этапе вступили в действие новые судебные кодексы, закон о земле с правом наследования частной земельной собственности, утвержден статус иностранных общин — греческой, армянской, еврейской — с допуском их представителей к государственной службе (но не к военной). Окончательно завершилась реорганизация армии. Отменялись устаревшие регламенты в городском ремесле. Иностранный капитал обретал право на владение недвижимостью. Это способствовало активизации его в создании новой инфраструктуры, соответствовавшей нормам буржуазного общества: строительству сети железных дорог, созданию ряда горнодобывающих промыслов, банков, предприятий фабрично-заводского типа. А в связи с ростом долгов, вызванных Крымской войной (хотя и не только ею), западные державы обрели контроль над немалой частью государственного бюджета. Это было тем самым началом зависимости, пусть даже в легкой ее форме, которая с середины XIX в. стала характерна для империи Османов. Но

с этой зависимостью пришло и энергичное втягивание Турции — не империи, но именно ее как государства — в мировой рынок, что способствовало радикальному изменению характера экономики страны и влекло серьезные перемены в сфере культуры и духовной жизни. Можно сказать и жестче: без великих танзиматских реформ Турция в первой четверти XX в. не сумела бы стать светским государством, единственным в своем роде в обширном мире ислама.

Однако все шло далеко не просто. Период развития страны после реформ был наполнен острой внутренней борьбой. Интеллектуальная элита западного типа («новые османы», одним из наиболее видных деятелей среди которых был Мидхат-паша, великий везир в 1872 и 1876–1877 гг.), требовала конституционной монархии, что вынудило султана Абдул-Хамида II (1876–1909) в 1876 г. согласиться на принятие конституции с ее буржуазно-демократическими нормами. Имелись в виду права человека и основные свободы, а также создание двухпалатного парламента с некоторым ограничением власти султана. Но реакция деятелей ислама свела почти все это на нет. Недовольство реформами, старательно разжигавшееся реакцией, а также очередное поражение турок в войне с Россией в 1877–1878 гг., воспринятое как следствие перемен, позволило султану совершить государственный переворот. Принятая конституция со всеми ее новациями была ликвидирована. В стране наступил мрачный период *зулума* (деспотия, тирания). Среди уничтоженных султаном сторонников движения «новых османов» был и Мидхат-паша.

Режим зулума, обернувшийся для Турции отменой прав и гарантий, упадком светской системы обучения, цензурой, быстрым ростом произвола и беззакония, насилием *башибузуков*, особенно в районах с нетурецким, прежде всего армянским населением, стал поистине бедствием для страны. В качестве идеологического обоснования новой системы султан избрал получивший в его время достаточно широкое распространение в Турции так называемый панисламизм. Имеется в виду реформаторское направление в исламе, основатели которого М. Абдо и Д. аль-Афгани вовсе не разделяли установок реакционного исламского духовенства, но, напротив, стремились приспособить мир ислама к новым реалиям с их явственно лидировавшими достижениями западных буржуазных преобразований. Однако, будучи вынужденными опираться на поддержку султана, идеологи этого движения оказались заложниками режима зулума. А сам султан, взяв у них основную идею (панисламизм как глобаль-

ное господство ислама) и придав ей свое толкование, превратил ее в фундамент своей позиции.

Важно заметить, что при этом султан и его многочисленные сторонники не отрицали роли буржуазного Запада и, главное, хорошо сознавали явную зависимость страны от держав и иностранного капитала. Зависимость эта заметно возросла после вынужденного банкротства Турции в 1879 г. и создания Управления оттоманского долга, масштаб деятельности которого весьма способствовал ее трансформации и вестернизации. Более того, политическая ситуация даже в условиях режима зулума складывалась таким образом, что сопротивление традиционной структуры сочеталось с вынужденным ее приспособлением к меняющимся обстоятельствам. Обе стороны этого сложного процесса, собственно, и были тем, что в XIX столетии оказалось нормой как для зависимых, так и, пусть в меньшей степени, независимых государств традиционного Востока. При этом сама зависимость как таковая по мере усиления финансово-экономических позиций иностранного капитала обычно — и, в частности, в империи Османов — вела к тому, что режим зулума ослабевал, а позиции новых реформаторов укреплялись.

В Турции в конце XIX столетия движение за реформы возглавили младотурки, курсанты училищ и молодые офицеры, начавшие создавать конспиративные организации типа итальянских карбонариев и издавать листовки, а затем — в Париже, позже и в других городах вне своей страны — газеты. Младотурки требовали восстановления конституционной монархии, а в 1896–1887 гг. пытались даже, хотя и неудачно, открыто выступить против султана в Стамбуле. На рубеже XIX–XX вв. движение младотурок консолидировалось и, несмотря на разногласия, крепло. Приход их к власти в Турции был лишь вопросом времени, причем недолгого. Страна в это время оказалась уже готовой к очередному и весьма серьезному витку преобразований, который пришелся на первое десятилетие XX столетия.

ЕГИПЕТ И МАРОККО

Мамлюкский Египет с XVIII в. все более определенно проводил политику противостояния султанам Порты. При правлении Али-бея, который в 1770 г. объявил себя — явно в пику туркам — султаном Египта, эта политика стала демонстративной. И хотя Порта сумела одолеть и низложить Али-бея, ее власть в Египте была непрочной и недолгой. То турки, то снова мамлюки сменяли у власти друг друга, пока экспедиция Наполеона не положила этому конец. Наполеон отнесся к мест-

ному населению и исламу с подчеркнутым уважением, не отказавшись, разумеется, при этом от реформ. Им были осуществлены значительные преобразования в административной и налоговой системах. В Египте стали внедряться некоторые элементы буржуазной культуры, включая издание газет на арабском и французском языках. В Каире был открыт научный институт, где было начато изучение древнеегипетской цивилизации. После отъезда Наполеона и эвакуации французов турки попытались было восстановить в стране власть Порты, но внутренние политические столкновения, в которые временами вмешивались и англичане, завершились в конечном счете тем, что во главе Египта оказался Мухаммед Али, поддержанный египетскими улемами молодой военачальник из числа македонцев, включенных в турецкую армию, с чем не очень довольный этим султан Селим III был вынужден согласиться.

Мухаммед Али (1805–1849) начал свою реформаторскую деятельность в чужой ему стране с реорганизации армии. Он разогнал войнство мамлюков, обезопасив тем самым себя от попыток переворотов. Затем приструнил улемов, которые помогли ему прийти к власти, изменил административное деление (были созданы провинции с губернаторами, округа и уезды) и провел давно назревшую земельную реформу, сводившуюся к ликвидации откупщиков-посредников, к увеличению роли государства в землевладении и налогообложении и к развитию в стране частной земельной собственности. Умелый акцент на выращивании хлопка при большой работе, направленной на создание необходимой для этого разветвленной ирригационной системы, позволил Египту получать немалый доход от этой товарной культуры. Доход использовался как для создания разных государственных промышленных предприятий и многих учебных заведений, так и для оснащения заново создававшейся боеспособной армии. Эта армия сразу же доказала свою эффективность сначала в борьбе с ваххабитами Саудовской Аравии, в подавлении восстания греков в 1824–1827 гг. по поручению султана, а затем и в разгроме самих турок в 1831 г. в Сирии и Анатолии.

Успехи Мухаммеда Али, стремившегося и сумевшего сильно укрепить страну, дабы она могла противостоять всем, от Порты до западных держав, стали широко известными. Его методы пытались перенять, хотя и без особых результатов, правители других стран арабского Магриба. Но усиление Египта не входило в планы держав, особенно Англии. Мухаммед Али, вынужденный считаться с этим, отступил. В 1840-х гг. он, признав формальный вассалитет от Порты, вернул ей завоеванные земли, ушел из Аравии, отдал перешедший на его сторо-

ну турецкий флот и скрепя сердце приоткрыл двери для иностранного капитала. В стране наступил период относительного успокоения и продолжалось энергичное промышленное развитие.

При хедиве Исмаиле (1863–1879) частное предпринимательство, в том числе с привлечением иностранного капитала, резко возросло. Железные дороги, хлопкоочистительные и перерабатывающие сахарный тростник заводы изменили состояние экономики страны. Но наибольший вклад в эти перемены внесло строительство Суэцкого канала, в котором наряду с ведущей ролью западного капитала принял участие, по настоянию хедива, и Египет. Однако эти непомерные финансовые усилия, прежде всего выплата процентов по иностранным займам, оказались стране не по плечу. В 1876 г. Исмаил объявил о банкротстве. Комиссия египетского долга, созданная из представителей держав, прежде всего Англии и Франции, продала все египетские акции Суэцкого канала и настояла на создании ориентированного на западные стандарты кабинета министров с участием иностранцев (англичанина в качестве министра финансов и француза как министра общественных работ). Этот вынужденный в условиях банкротства страны важный политический акт объективно может быть расценен как начало зависимости от Запада. Именно так он и был воспринят в Египте.

Созданный еще в 1866 г. совещательный орган при хедиве (палата нотаблей, состоявшая из представителей крупных землевладельцев, торговцев и улемов, опиравшихся на поддержку административного аппарата в провинциях и уездах) выступил против «европейского кабинета». Более того, на базе палаты в 1879 г. сформировалась Национальная партия (Ватан), настаивавшая на ликвидации кабинета. Хедив был вынужден уступить. Созданный им «египетский кабинет» энергично взялся за дело. Был даже поставлен вопрос о подготовке конституции. Однако такой поворот событий не устраивал державы. Они потребовали от турецкого султана Абдул-Хамида II низложить Исмаила, а сменивший его хедив Тауфик в 1880 г. разогнал палату, упразднил партию Ватан и восстановил финансовый контроль европейцев. Глава нового кабинета Рияд-паша сделал ставку на влиятельный социальный слой ориентированных на западные буржуазные ценности интеллектуалов. Некоторым из них он предложил занять министерские посты. Казалось бы, позиции Запада в стране укрепились. Однако ущемленное офицерство (была сокращена армия) оказалось недовольным, что привело к восстанию 1881 г. во главе с полковником А. Ораби.

Восставшие, отражая интересы национальной элиты, чувствовавшей себя ущемленной, потребовали ликвидации европейского кабинета, что хедив был вынужден исполнить. Но и восстановленный египетский кабинет на сей раз мятежников не устроил. Их становившиеся день ото дня более радикальными требования вели к осуждению всего иностранного, вплоть до закрытия различных развлекательных учреждений, от кафе и ресторанов до публичных домов и даже театров, с параллельным восстановлением потесненных традиционных норм ислама. Состоялись выборы в новую палату депутатов, которая продолжила обсуждение проекта конституции 1879 г. Снова могло показаться, что все в стране идет не так уж плохо даже для иностранцев. Однако на деле рост антизападных настроений не прекращался и наносил все больший вред интересам держав. Конституция, принятая парламентом в феврале 1882 г., их не устраивала, ибо она вела к слишком большой власти правительства, составленного из радикалов вроде А. Ораби, ставшего в новом кабинете военным министром. Ощущая ситуацию, оживились улемы. Под их влиянием напряжение в стране усиливалось. Стали выступать крестьяне с лозунгами борьбы с неверными. Европеизированные слои населения страны бежали в Александрию, где уже стояла прибывшая туда английская эскадра.

Справедливости ради заметим, что сохранение норм ислама не было основной и тем более единственной целью нового правительства и поддерживавших его депутатов. Конституция, как и соответствовавшая ей программа нового правительства, предполагала ряд важных мер, которые были направлены на улучшение положения земледельцев, реформу судебной системы, сферы образования и даже ликвидацию еще не искорененного до конца рабства. Признавались и финансовые обязательства, в том числе перед иностранцами. Но последующие действия кабинета, направленные на подрыв власти хедива, вызвали противоречия между правительством и парламентом, что ослабило позиции А. Ораби и его сторонников. К тому же Тауфик, власть и прерогативы которого были поставлены под сомнение, тоже отправился в Александрию. Назревала решительная развязка.

В Каире был образован Военный совет, затем создан Национальный меджлис, а в Александрии хедив объявил об отставке А. Ораби с поста военного министра. В Каире отказались признать это решение и обжаловали его в телеграмме к султану. А в ответном послании к хедиву Тауфику Ораби объявил его «пленником англичан», после чего по всему Египту начали раздаваться лозунги о необходимости объявления джи-

хада против неверных. Тем временем в телеграмме из Стамбула было высказано недвусмысленное осуждение мятежа как «восстания против Аллаха, пророка и халифа» и подтверждено решение хедива Тауфика о смещении Ораби как отступника. В сентябре 1882 г. английские войска без труда оккупировали северную часть страны с Суэцем, Порт-Саидом и Исмаилией и вскоре после этого заняли Каир. Ораби был предан суду и выслан на Цейлон. Хедив и прежняя система управления заняли свое место. Формально Египет оставался вассальным владением Османской империи, но реальная власть в стране перешла к назначавшемуся из Лондона генеральному консулу.

В 1883 г. англичане начали создавать в Египте новую либерально-демократическую систему администрации. Появились Законодательный совет и Генеральное собрание. Но самое главное из новаций заключалось в том, что в страну, как то стало особенно заметным после открытия еще в 1869 г. Суэцкого канала, потоком хлынул западный капитал, резко ускоривший темпы экономического и культурного развития. Появились новые заводы и фабрики, города вновь заполучили кафе и театры, библиотеки и музеи, обогатились за счет многочисленных учебных заведений западного типа, включая университеты. Были созданы издательства, стали регулярно выходить газеты, заработал не только телеграф, но и, чуть позже, телефон. В страну прибыло огромное количество европейцев из числа специалистов — врачей, инженеров, адвокатов, архитекторов и обычных чиновников, которые внесли свой ощутимый вклад как в развитие страны, так и в воспитание нового поколения египтян, в создание немалой прослойки западного типа интеллектуалов. Стремление к восстановлению норм ислама ушло на задний план, об Ораби и его мятеже практически никто не вспоминал, тогда как европеизированный стиль жизни в богатеющем на глазах Египте становился если и не принятым всеми, то во всяком случае весьма распространенным, по крайней мере в городах, стандартом.

Египет накануне XX в. был одной из самых передовых и развитых стран Востока. В нем появилось немало образованных людей, существовали партийные группировки различного толка, зарождалось рабочее и профсоюзное движение. Впрочем, это не означает, что не было серьезного противодействия со стороны религиозно-националистических сил, опиравшихся на улемов и находившееся под их влиянием население. Как и во многих других странах, переживавших нелегкий и болезненный процесс трансформации и вестернизации, сопротивление здесь шло бок о бок с приспособлением к меня-

ющимся обстоятельствам, что следует считать общей нормой. Но темпы приспособления были достаточно и даже, пожалуй, более всего заметными. Египет всегда был крупнейшей и наиболее значительной частью арабо-североафриканского Магриба, т.е. западных районов, до которых в свое время докатилась волна мусульманских завоеваний эпохи первых халифов. Однако кроме него в зоне Магриба существовало и несколько других стран, историческая судьба которых была разной. Об Алжире и Тунисе шла речь в предыдущей части тома. Теперь следует обратить внимание на Марокко.

Марокко, расположенное на крайнем западе Магриба, практически было независимым от Османской империи султанатом, испытывавшим заметное влияние со стороны как испанцев, так и африканцев Мавритании. На рубеже XVIII–XIX вв. во главе Марокко с его многочисленными племенами и несколькими важными портовыми городами с весьма пестрым населением стояли правители из шерифской (т.е. возводившей свой род к пророку) династии Алауитов. Открытое всему миру, Марокко с его развитой морской торговлей и древними внутриконтинентальными торговыми тропами через Сахару вроде должно было бы укрепляться и тем способствовать усилению власти обогащавшихся за счет налогов местных султанов. Однако стремление правителей добиться централизации наталкивалось на сильное сопротивление племен, не желавших платить властям ни дань, ни налоги. Даже наместники в провинциях и городах мало зависели от центра, который реально управлял лишь примерно третьей частью страны, при всем том что марокканского султана в качестве верховного религиозного лидера признавали повсюду. Реально власть его держалась лишь на военной силе некоторых племен и негритянской гвардии, а жил он, что может показаться странным, постоянно перемещаясь, наподобие средневековому западноевропейскому Карлу Великому с двором и воинами из одного города в другой.

Огромную роль в стране играли, оказывая соответствующее влияние на все ее население, включая племена, суфийские братстватарикаты, с чем султаны были вынуждены считаться. Султан Мулай Слиман (1782–1822) охотно воспринял докатившееся до Марокко влияние со стороны саудийских ваххабитов и попытался укрепить свою слабую власть за счет проповеди ими раннесредневековой чистоты ислама. Однако тарикаты, отстаивавшие свои взгляды, не приняли новой религиозной политики правителя, вследствие чего он был вынужден отречься от престола. Успех колониальной экспансии

французов в Алжире был воспринят в Марокко с некоторым удовлетворением, ибо сильный Алжир был серьезным потенциальным соперником слабых марокканских султанов. В то же время марокканцы поддерживали антифранцузское движение Абд аль-Кадира, что послужило поводом для предъявления французами ультиматума. Попытка Марокко под знаменем джихада противостоять французам к успеху не привела, так что после решающего поражения 1844 г. лишь вмешательство Англии, не без опасений следившей за политикой Франции в Магрибе, предотвратило превращение Марокко в еще одну французскую колонию в этом регионе. В обмен на это султан вынужден был по договору 1856 г. согласиться на открытие своей страны для свободной торговли, что на самом деле сыграло огромную роль в развитии его отсталого по всем параметрам государства.

Испано-марокканская война, начавшаяся в 1859 г., ставила своей целью превратить Марокко в страну, зависимую от Испании. Однако уже первые территориальные захваты крупного 50-тысячного экспедиционного корпуса, высадившегося на североафриканской территории, вызвали серьезную обеспокоенность все той же Англии, бдительно следившей за колониальной политикой всех европейских стран, от Испании до России. Вмешательство англичан привело к приостановлению испанской колониальной экспансии. В 1860 г. войска Испании вышли из Марокко, получив за это очень серьезную контрибуцию и оговорив свое право использовать небольшой прибрежный порт в качестве базы для рыбного промысла.

60–80-е гг. XIX в. стали временем энергичного проникновения европейцев на рынки Марокко. Открытая для свободной торговли, эта страна с ее благоприятным для иностранного капитала режимом льгот и капитуляций начала наконец процветать. Некоторые наиболее удачно расположенные города-порты, такие как Танжер или Касабланка, весьма быстрыми темпами европеизировались, с точки зрения как их населения, так и сопутствовавшей этому процессу буржуазной инфраструктуры. Они стали мощным двигателем заметного динамичного развития страны. В Марокко появился слой собственных зажиточных торговцев, освоивших буржуазные принципы экономики и умело пользовавшихся этим. Султан Мулай Хасан (1873–1894) начал проводить реформы, направленные прежде всего на модернизацию армии и создание военной промышленности. И хотя эти реформы, как того следовало ожидать, вызывали сопротивление со стороны исламских тарикатов с их шейхами-марабутами, они были поддержаны сторон-

никами преобразований, последователями идей младотурок, быстрыми темпами распространявшихся по всему Магрибу.

Вынужденное, а подчас и охотное приспособление к быстро меняющимся обстоятельствам было в Марокко, как и в подавляющем большинстве иных зависимых стран, да и не только их, закономерным движением наряду с сопротивлением реформам. Оба были, как упоминалось, двумя сторонами единого процесса медленных, но неизбежных буржуазных преобразований, которые несли с собой проникавшие в страны Востока европейцы, колонисты и колонизаторы. В Марокко, как и в иных восточных странах, которые подвергались трансформации и вестернизации, начинали издаваться газеты, появлялись образованные по западному стандарту местные интеллектуалы, велись разговоры о конституции.

Не приходится говорить о том, что огромное воздействие при этом оказывали западные державы, чье влияние со временем все усиливалось. И если в XIX столетии Марокко было только зависимым государством, то уже в 1912 г. основная его часть вскоре после высадки в Марокко французских войск стала протекторатом Франции. Это было вызвано, в частности, притязаниями на Марокко кайзера Вильгельма II и знаменитого в истории дипломатии «прыжка “Пантеры”», т.е. появления у берегов страны в 1911 г. немецкой канонерки. При этом небольшая часть страны с международным портом Танжером в том же году была объявлена высадившимися в Марокко испанскими войсками протекторатом Испании. Как и в соседних Алжире, а затем в Тунисе, это сопровождалось переселением в Марокко большого количества европейских колонистов, ведших фермерское хозяйство с применением наемного труда и с большим количеством товарной продукции.

ИРАК И СТРАНЫ ЛЕВАНТА¹

Восточная часть Османской империи — это Аравия и граничащие с ней на северо-западе и севере Ирак и страны Леванта, прежде все-

¹ Этим наименованием (фр. *levant* — восток) обычно обозначается территория современных Сирии, Ливана и Палестины. В узком смысле слова левантийцами считаются потомки осевших здесь в свое время крестоносцев, смешавшихся с местными арабами-христианами из числа древних монофизитов. В более широком — все разноплеменное и исповедующее разные религии население этого региона, в том числе и бежавшие сюда в немалом количестве из Турции армяне.

го Сирия. Об Аравии с ее большим количеством преимущественно приморских мелких и слабых протогосударственных образований, то становившихся колониями держав, главным образом Англии, то избегавших этой участи, уже частично шла речь. Теперь обратим внимание на те государства, которые, оставаясь вассальными по отношению к империи Османов либо едва ощущая эту вассальную зависимость, оказывались, тем не менее, в зависимости от колониальных держав.

Ирак. Расположенный в долине Тигра и Евфрата и являющийся как бы наследником государств древнего Двуречья Ирак, казалось бы, имел право гордиться своей очень древней историей. Однако на деле арабский Ирак имеет мало общего с древним Двуречьем. Его история не восходит к столь отдаленным временам, ибо фактически начало ее связано с возникновением и ранней экспансией ислама. Но и этого еще недостаточно, чтобы адекватно оценить ситуацию. На протяжении тысячелетий территория Двуречья явно приходила в упадок, особенно в связи с тем, что редко кто из правителей заботился о сохранении в порядке сложной системы ирригации, особенно в устье некогда великих рек Тигра и Евфрата, которые то и дело оказывались заболоченными. А для их очистки нужно было тратить много сил и средств.

В XVIII в. Ирак был весьма слабо связан вассальными узами с Османской империей, а управляли им паши, которые опирались, как то было в те времена и в Египте, на военную поддержку мамлюков. Багдадский пашалык был достаточно крупным государством, а автономия его в немалой мере подкреплялась тесными связями с английской Ост-Индской компанией, резиденты которой играли серьезную роль в политической ориентации страны. В годы правления Дауд-паши (1813—1831) в Ираке были проведены реформы, направленные на укрепление власти центра, чему препятствовало вмешательство Ирана в дела курдов и интриги англичан, стоявших за спиной иранцев. Дело кончилось резким обострением отношений с Ираном, приведшим к турецко-иранской войне 1821—1823 гг. Война эта не слишком затронула Ирак, а после нее Дауд продолжил свои реформы и, в частности, подобно египетскому Мухаммеду Али, занялся проблемами ирригации, что способствовало экономическому развитию страны. Он ввел государственную монополию на торговлю некоторыми товарами, прежде всего иракскими финиками, упорядочил налоговую систему, уделил внимание городскому строительству. Но главным, чего он достиг, было создание с помощью английских и французских

офицеров новой армии. В 1828 г. Дауд объявил о своем разрыве с империей Османов и отказался платить туркам дань. Но в 1831 г. посланные султаном войска Ризы, правителя сирийского Халеба, одолели его армию, ослабленную эпидемией чумы, и вошли в Багдад. Риза-паша стал после высылки Дауда правителем Ирака. Он изгнал мамлюков, ликвидировал автономию и всерьез подчинил страну султану.

Возвращение Ирака под власть Османов, даже принимая во внимание реформы Танзимата, не слишком способствовало развитию этой страны. Экономика ее почти не эволюционировала, а постоянные столкновения с Ираном и курдами, равно как и внутривосточные конфликты с местными кочевыми племенами, ослабляли Ирак и способствовали его отставанию в развитии. То самое Двуречье, которое издревле было одним из наиболее оживленных торговых путей Востока, теряло свое стратегическое значение. Правда, англичане не забывали об Ираке. Они организовали специальную экспедицию, ставившую целью изучить проблемы судоходства по Евфрату. Но наиболее активно они начали проявлять свою заинтересованность лишь в середине века, когда в связи с интенсивной политикой освоения колоний Ближнего Востока встал вопрос о прокладке железной дороги к Багдаду. Впрочем, и решение проблемы железной дороги было отложено в связи со строительством Суэцкого канала, ввод в действие которого в 1869 г. радикально изменил многое в торговых и прочих связях Европы с миром восточных колоний.

Вообще, последствия чумы и неблагоприятного состояния с ирригацией сильно сказывались на Ираке, население которого в первые две трети XIX в. едва сохранялось на уровне начала столетия, причем с сильными колебаниями в сторону его резкого уменьшения, что по сравнению с иными колониями было почти катастрофичным. Некоторые танзиматские реформы, которые докатились до Ирака в середине века, в частности земельная реформа, предусматривавшая укрепление института частной собственности, а также строительство ряда перерабатывающих предприятий, телеграфа, шоссейных дорог, налаживание пароходного сообщения по рекам и, едва ли не главное, льготные таможенные пошлины, привели к развитию страны. Последняя треть столетия была отмечена реформой в сфере администрации. Были созданы судебная палата, меджлисы на муниципальном уровне, стали выходить газеты.

Все эти новации были вначале связаны с деятельностью турецкого генерал-губернатора Ирака Мидхат-паши, будущего активного дея-

теля движения «новых османов», при активном содействии которого Ирак постепенно двигался в направлении буржуазных преобразований. Возникали школы и больницы, совершенствовалось местное самоуправление. После отъезда Мидхат-паши в 1872 г. в Стамбул, где он стал великим везиром, заботы о развитии Ирака взяли на себя его преемники. В Ираке появились отделения банков, различных западных фирм. Внешняя торговля ширилась в основном благодаря иностранному, прежде всего английскому, капиталу. Первые концессии на добычу нефти получили англичане и немцы. Борьба Англии и Германии за влияние на Ирак резко усилилась на рубеже XIX–XX вв. в связи с разрабатывавшимся на сей раз немцами проектом строительства грандиозной и имевшей стратегическое значение железной дороги Берлин — Белград — Багдад. Однако все эти важные новации не могли всерьез изменить положение дел в стране. Зависимость ее от иностранцев была не слишком большой, но в сочетании с зависимостью от империи Османов, которая сама находилась под сильным давлением тех же держав, она вне сомнений.

Сирия, расположенная неподалеку от средиземноморского побережья, была несравненно более развитой страной, нежели Ирак. Развитая торговля и богатые города, характерные для этой части Леванта с древности — в отличие от того, что произошло с Ираком, — оставались в Сирии нормой. Большую роль играли в стране богатые откупщики, властные и знатные кланы, а также в городах янычары и считавшие себя потомками пророка *ашрафы*. Стоит принять во внимание, что города с их янычарами и ашрафами нередко стояли в оппозиции к власти османских чиновников и назначенных Стамбулом пашей с их войском. Однако при всем том Сирия чем-то цельным и обособленным, в отличие, скажем, от Египта, не была. Она не существовала в рамках собственного государства и потому далеко не случайно воспринималась внешним миром в начале XIX в. в качестве неотъемлемой части более крупной и важной для этого мира общности, Леванта.

Как и весь Левант в целом, т.е. наряду с Ливаном и Палестиной, Сирия была вассальным владением турецкого султана, хотя этот вассалитет, о чем вскользь было сказано, практически, особенно в некоторые периоды, сравнительно мало что значил. Крупные города Сирии, Дамаск и Хaleb, могли порой даже не впускать к себе назначенного Турцией папу, хотя это было, видимо, не столь уж частым явлением. Огромную роль в переменах и, в частности, в административной

трансформации Сирии сыграли события, связанные с ваххабитской Аравией и экспедицией египетского правителя Мухаммеда Али против нее по просьбе султана. Как о том уже говорилось, египетское войско, проведя в Аравии почти треть века (с 1811 по 1840 г.; правда, с большим перерывом), не только приструнило Саудидов, но и вернуло султану Хиджаз с Меккой. Мало того, после ликвидации корпуса янычаров во всей Османской империи тот же Мухаммед Али, став в 1831 г. по поручению султана на время правителем Сирии, провел в этой стране — как он то сделал и в Египте — серьезные преобразования западного буржуазного типа.

В административном отношении ее не очень четко определенная территория была поделена на округа и уезды. Появились централизованные ведомства, прежде всего созданное по европейскому образцу финансовое, была сформирована регулярная армия. Городские советы получили право самостоятельно управлять хозяйственными делами, сбором налогов и даже обеспечивать судопроизводство, не оглядываясь на нормы шариата, что было особенно важно в коммерческих делах, учитывая роль христианского населения в коммерции западного типа. Оседание кочевников-бедуинов и максимально возможное освоение не слишком обеспеченных орошением сирийских земель привело к развитию сельскохозяйственного производства. Новации передового буржуазного типа, столь свойственные Египту времен Мухаммеда Али с его стремлением к усилению роли государства и особенно к централизации власти, сыграли позитивную роль в истории Сирии 1830-х гг. Но они, естественно, вызывали сопротивление, которое оказалось наиболее активным в связи с проблемой рекрутского набора в новую армию. Тесно связанные с этим восстания в Сирии и Горном Ливане сыграли свою роль в уходе египетской армии из Аравии и в замене ее войсками империи.

Турецкая администрация столкнулась со сложностями религиозного характера, которые именно в это время вышли в Сирии на передний план. Мусульмане, сунниты и шииты, христиане-марониты, друзы и представители иных религиозных направлений пытались создавать собственные общины. Власти препятствовали этому, формируя на местах меджлисы, облеченные немалыми полномочиями и призванные сохранять сложившуюся систему администрации и соблюдать элементарный порядок. Однако шедший своим чередом процесс экономического развития стран Леванта, основы которого были заложены Мухаммедом Али, вел к энергичной, но одновременно

и довольно болезненной трансформации, ощущавшейся с особой силой в городах с их традиционным средневековым укладом и ремесленным производством. Дело доходило до того, что европейские державы, соперничавшие друг с другом и снабжавшие оружием те либо иные конфессиональные группы, вынуждены были время от времени вмешиваться в религиозные распри, нередко доходившие до массовой резни, что происходило как в Сирии, так и в Ливане.

Собственно, именно эти события послужили непосредственным толчком для введения в страны Леванта в 1860 г. французских войск, которые в 1861 г. под давлением Англии были, однако, выведены. Вмешательство держав было воспринято в Сирии всерьез и даже привело страну к некоторому успокоению. Османские танзиматские реформы 1864 и 1871 гг. были здесь реализованы, что привело к укреплению власти в округах-вилайетах, к развитию и активному функционированию различных ведомств западно-буржуазного характера (почта, народное просвещение, газетно-издательское дело и пр.). Усилилось внимание к частной земельной собственности, опять-таки буржуазного типа, с правом бесконтрольного отчуждения. Все это способствовало ускорению экономического и культурного развития страны, накоплению капиталов и появлению немалой прослойки собственной сирийской буржуазии. В последней трети столетия местное буржуазное предпринимательство быстрыми темпами выходило на авансцену экономической жизни Леванта. Одновременно рос приток туда иностранного капитала.

Последние десятилетия века были отмечены ростом числа европейских колонистов в странах Леванта, а параллельно с этим наблюдался и процесс эмиграции местного населения в Америку. Но в целом это никак не отражалось на ускоренных темпах буржуазных преобразований. В Леванте строились железные и шоссейные дороги, создавались телеграфные линии, появлялись новейшие механизмы и машины в портовых городах и вообще на современных предприятиях, открывали свои филиалы европейские банки, совершенствовалась система администрации.

Ливан, расположенный на восточном побережье Средиземного моря, был, несмотря на свои скромные размеры, очень существенной по значению частью Леванта, особенно во всем том, что касается международных связей, торговли и вообще развития. В XVIII столетии Ливан временами выступал против османской Турции, но в последней части века он был вынужден подчиниться и оказался, как и весь Левант, в вассальной зависимости от империи. При эмире Башире II

(1789–1840) эта небольшая страна достигла зенита своих возможностей. Пытаясь противостоять туркам, Башир с удовольствием признал в 1832 г. вассалитет по отношению к Египту Мухаммеда Али. Но после эвакуации египетских войск в 1840 г. Ливан, как и весь Левант, вновь оказался вассалом империи. В середине века в этой небольшой стране, во многом близкой к Сирии, происходили те волнения на конфессиональной почве, о которых только что было упомянуто и которые объективно послужили поводом для вмешательства держав. Как известно, именно после резни и введения в 1860 г. в Левант французских войск, о чем уже шла речь, державы, включая Турцию, выработали именно для Ливана, где столкновения были особенно жесткими, так называемый Органический статус, в соответствии с которым важная часть страны — Горный Ливан — становилась особым районом, управлявшимся христианином.

Вообще этот Органический статус сыграл очень большую роль в развитии маленького государства. Турецкие войска были выведены из Ливана, а местные влиятельные кланы ограничены в своих возможностях. Статус провозгласил равенство всех перед законом. В стране был создан новый аппарат администрации с большой ролью полиции, обязанной следить за порядком, особенно во всем том, что касается межконфессиональных споров. После этого Ливан, как и Сирия, начал быстрыми темпами развиваться. Торговля обеспечивала накопление капиталов, которые вкладывались в серьезные буржуазные преобразования. При содействии французского капитала Ливан стал центром шелкопрядения. Ливанский шелк оказался основой процветания шелкоткацкой промышленности Лиона. Это способствовало превращению небольшой страны практически в самую богатую и развитую на Ближнем Востоке.

Палестина с ее древними, но небольшими и утратившими значение торговыми городами была во многих отношениях не слишком развитой частью Леванта. Однако роль ее как крупного религиозного центра сохранялась, отчего она, начиная с Иерусалима, имела немалый престиж. Даже вторгшийся на рубеже XVIII–XIX вв. в Египет Наполеон не обошел ее вниманием. После завоевания этой части Леванта Мухаммедом Али здесь, как и повсюду, стали осуществляться некоторые реформы, упорядочивавшие управление и способствовавшие экономическому развитию. Арабское население Палестины протестовало вместе с другими против системы рекрутского набора. Палестину не миновали религиозные распри, а после открытия Суэцкого

канала ее торгово-экономическое значение — как, впрочем, и Леванта в целом — стало расти. В 1892 г. французы построили железную дорогу, соединившую Иерусалим с портом Яффа. Но главное все же не в этом. Оно в резком усилении в XIX столетии роли этого небольшого клочка не слишком плодородной территории как древней родины гонимого во всем мире иудейского народа.

Начиная с последней четверти этого века, до того сравнительно слабо заселенная Палестина стала местом, куда энергично устремились еврейские переселенцы. Они массами покидали Россию, где иудейская община, особенно в рамках «черты оседлости», была особенно большой и все более явственно дискриминируемой, но также и из многих других стран, прежде всего из европейских. Возникла идея сионизма (Сион — сакральный холм в Иерусалиме). Количество переселенцев с 1882 до 1903 г. составило 25 тыс. Но много важнее изменение общего облика и характера еврейской общины. Удвоившись численно до 50 тыс., она стала качественно другой. Русские переселенцы принесли с собой культуру земледелия, к которому не привыкли местные евреи, жившие здесь, как и повсюду, в основном в городах. От первых сельскохозяйственных поселенцев, сумевших обогатить не слишком плодородные земли, берут свое начало те поселения типа коммун, *кибуцы*, что ныне являются национальной гордостью Израиля. Кроме того, переселенцы были настроены менее религиозно, нежели местные. Они же начали работу по возрождению иврита как языка евреев.

Завершая описание важнейших событий в странах Леванта, необходимо обратить внимание на то, что в XX в. весь Левант оказался подмандатной территорией держав, что, безусловно, несколько увеличило степень его зависимости от колонизаторов, особенно во всем том, что касалось проблем внешней политики. Это, как известно, сыграло большую роль в судьбах Палестины. Приняв это во внимание и завершившая рассказ о Леванте, обратим внимание на страны Среднего Востока. Это два государства, Иран и Афганистан. Видимо, к ним можно было бы добавить и некоторые ханства, оказавшиеся в полной зависимости от России. Но едва ли это целесообразно, ибо срок существования Бухарского и Хивинского ханств в качестве протекторатов был слишком коротким, а события в этих ханствах сравнительно мало значительными. Дело сводилось, по сути, к постепенному сближению ситуации в этих ханствах, особенно в Бухарском, с общим стандартом взаимосвязей России с завоеванными ею

среднеазиатскими территориями. Иными словами, всюду ситуация выравнивалась, а содержание колонизованного Туркестана в целом, стоит добавить, обходилось казне очень дорого. После 1917 г. оба ханства, как известно, вообще прекратили существование. Поэтому из всех зависимых стран региона, которому посвящена глава, остаются лишь Иран и Афганистан.

ИРАН

Шиитский Иран издревле, с момента появления первых персидских государств и возникновения великой империи Ахеменидов, существовал и развивался особняком. Как то ни покажется странным, но это удавалось ему и в те века, когда он был завоеван арабами и стал исламским. Арабы не сумели — в отличие от таких древних и крупных стран, как Египет, — добиться его арабизации. Иран сохранил свой персидский этнос и язык и даже в исламе сумел поставить заметную преграду, обособившую его от остальных мусульманских стран. Этой преградой стал с первых веков ислама шиизм, т.е. направление, оппозиционное ортодоксальному суннизму халифата. И как крупнейшее и фактически единственное, несмотря на время от времени случавшиеся завоевания, постоянно существовавшее шиитское государство, он дожил до наших дней. Впрочем, это немаловажное обстоятельство не помешало ему именно в годы интенсивного распространения по всей планете экспансии колониальных держав, несших буржуазные преобразования, стать одной из зависимых стран. Вот об этом во многом драматическом для страны периоде и пойдет теперь речь.

Вторая половина XVIII в. была для сефевидского Ирана периодом упадка и острой внутренней политической борьбы. Пришедшая в конечном счете к власти династия Каджаров унаследовала полуразрушенную страну, которая требовала немалых усилий для восстановления в ней приемлемого порядка. Упрочивший власть этой династии Фатх Али-шах (1798–1834), насколько можно судить, понимал, что его страна, гордившаяся своим великим прошлым, отстает в развитии от империи Османов. Слабостью Каджаров было их тюркское происхождение, которое не помогало им в укреплении власти. Дело в том, что по нормам преобладавших в стране шиитов верховное право на власть имел лишь потомок пророка, т.е. двенадцатый скрытый, как его именовали, имам, прихода которого в качестве Махди они всегда ожидали. Шах был при этом лишь как бы временно исполняющим обязанности руководителя страны, о чем ему влиятельные исламские уле-

мы не уставали так либо иначе напоминать. Конечно, шахов вполне устраивала реальная полнота светской власти в Иране. Но некоторую ущербность своей позиции в стране шиитов они, вплоть до последнего из них в конце XX в., не могли не ощущать.

Для укрепления власти первые шахи династии Каджаров обычно назначали своих сыновей и ближайших родственников на посты губернаторов 12 провинций, а аппарат администрации комплектовали из представителей наиболее знатных и влиятельных кланов. Провинции делились на уезды и волости (в городах — кварталы *махалля*). Отсталость Ирана была заметна во всем, начиная с системы земельных отношений и налогообложения и кончая состоянием армии. Городов в стране было немного, торговля для столь заметного государства была в явно запущенном состоянии. Она форсировалась в основном только усилиями держав, в первую очередь Англии. Регулярной армии в начале правления династии не было, хотя несколько позже ее стали создавать с помощью французских офицеров. В кочевых племенах, которые играли заметную роль в стране, продолжали процветать рабовладение и работорговля. В земледельческой части страны более или менее заметные реформы, приведшие к появлению и росту роли частной собственности на землю, были проведены лишь в 1843 г.

Фатх Али-шах пытался было восстановить величие страны за счет завоевания отпавших от нее соседних территорий. Этого, однако, сделать ему не удалось, в чем он убедился сразу же после поражения в первой русско-иранской войне (1804–1813 гг.). В ходе довольно длительной кампании шах апеллировал к посредничеству держав. Вначале Франция, оказавшаяся в связи с появлением армии Наполеона в Египте неподалеку от Ирана, обещала ему поддержку. После отвода французских войск из Египта на передний план вышли англичане, что было с удовлетворением воспринято в Иране. Однако иностранная помощь, в том числе вооружением, не привела страну к успеху. Победы русской армии окончательно оторвали от Ирана основную часть Грузии и Азербайджана. В войне 1826–1828 гг. он вновь потерпел поражение от русских войск и по условиям Туркманчайского договора потерял почти все Закавказье. Как упоминалось, вслед за этим произошел конфликт, завершившийся убийством озверевшей толпой Грибоедова и почти всех членов русской дипломатической миссии. И хотя конфликт был улажен, положение в Иране после серии войн было плачевным. А расчеты преемника Фатха, Мохаммед-шаха (1834–1848), теперь уже при поддержке России, возместить понесенные тер-

риториальные потери за счет Герата привели лишь к вмешательству Англии, решительно противостоявшей этому. Англо-иранская война 1856–1857 гг. из-за Герата длилась недолго и к сколько-нибудь решительным изменениям в отношениях сторон не привела. Но она показала шаху Ирана, что шутить с англичанами не стоит.

Словом, почти вся первая половина XIX в. оказалась наполненной неудачными попытками Ирана усилиться за счет войн. А так как давно назревшим реформам в Иране — в отличие от того, что происходило с империей Османов, — почти не уделялось внимания, то неудивительно, что страна почти не развивалась и, как следствие этого, вползала в состояние глубокого кризиса. Кризис с особой остротой проявился в форме восстания бабидов, несколько опередившего необходимые реформы, но в то же время и сильно подтолкнувшего страну к ним.

В 1844 г. — ровно через тысячу лет (по европейскому календарю) с момента исчезновения легендарного двенадцатого скрытого имама — некий сеид Мухаммед Али, набожный торговец из секты шейхитов, объявил себя Бабом. Баб — это своего рода врата, через которые скоро появится скрытый имам, Махди, которого шииты, как упоминалось, всегда ожидали с нетерпением, стократ возраставшим в годы кризисов. Проповедь Баба и его идеи, вначале не слишком внятные, но со временем обретавшие более четкое обрамление, сводились к осуждению роскоши, призывам к справедливости, требованиям защиты прав личности. Баб отстаивал идею просвещения народа, говорил о соблюдении этической нормы и все это тесно переплетал с мистическими рассуждениями об Аллахе и загробной жизни, об аскетизме и религиозном братстве и о многом ином в том же духе.

Так как мгновенно распространившиеся по всей стране призывы Баба встревожили напряженно ожидавший мессию народ, иранские власти по настоянию улемов вскоре заключили его в тюрьму, где он и написал свою знаменитую книгу Беян, в которой не только обстоятельно изложил главные принципы своего учения, но и объявил себя долгожданным Махди. Идеи книги пали на весьма благодатную почву. Напряжение в стране все росло, а последователи Баба, количество которых быстро увеличивалось, порой шли много дальше него, требуя не только справедливости, но и раздела имущества, полного равенства и т.п. Встревоженные власти осудили Баба по нормам шариата и, хотя и не сразу, в 1850 г., казнили его. Смерть Баба лишь подлила масла в огонь народного недовольства. По всей стране одно за другим стали вспыхивать восстания, на сторону бабидов порой переходили и влия-

тельные улемы, что придавало возмущению масс явственный оттенок религиозной легитимности. И хотя восстания за год-полтора были в основном подавлены, ушедшие в подполье бабиды то и дело напоминали о себе, в том числе пытаясь убить нового шаха. Движение бабидов распространилось даже в соседнем Ираке, где всегда проживало много шиитов, ожидавших прихода Махди. В конечном счете расправа с бабидами и бегство уцелевших, прежде всего в Ирак, несколько изменили характер бурного социального протеста, придав ему более респектабельный облик.

Подхвативший знамя Баба Хусейн Али, назвавший себя Бехауллой, придал бабизму характер ненасильственных действий. Сохранив требования справедливости и равенства, Бехаулла в то же время высказался за всеобщую толерантность и некое всемирное братство людей. Его учение оказалось приемлемым для многих, ибо оно уже не было тесно связано с шиитским восприятием Махди и махдизма. Поэтому бехаизм начал широко и успешно распространяться по миру и обрел облик конфессии, которая благополучно — правда, едва заметно — существует и в наши дни. Что же касается Ирана, то ему, как о том было упомянуто, Баб и бабизм дали мощный толчок, резко изменивший все существование страны. После подавления восстания необходимость решительных реформ стала абсолютно очевидной. И власти решительно принялись за них.

Основным идеологом и решительным реформатором стал премьер Таги-хан, глава нового иранского правительства. За короткие несколько лет, выпавшие на долю реформатора и завершившиеся его казнью в 1852 г., было сделано довольно много. В стране были ограничены число и произвол чиновников, а также влияние улемов, упорядочены налогообложение, а затем и вся административная система, пересмотрены прежние формы крупного землевладения. Было начато строительство западного типа фабрик и заводов по производству оружия, текстиля и некоторых других товаров, обращено внимание на приведение в порядок ирригационных сетей. Сооружались новые дороги, благоустраивались города, практически заново создавались учебные заведения с приглашенными из Европы преподавателями, основывались типографии и стали издаваться газеты, появлялись больницы. Не приходится напоминать, что в отсталом Иране, находившемся под сильным влиянием крайне реакционного шиитского духовенства, реформы вызвали раздражение и привычно воспринимались как кощунственные уступки не только ненавистному Западу,

но и суннитскому исламу империи Османов. Собственно, именно это, включая подогреваемое улемами недовольство народа, послужило основной причиной прекращения первого крайне важного для страны тура реформ и казни реформатора.

Однако дело Таги-хана не пропало. Напротив, все свершенное им и его командой позволило Ирану сделать большой шаг вперед. Правда, этого шага было до крайности мало. Нужен был следующий. Но вот с ним дело обстояло хуже. Шиитский Иран упирался. Он стойко не желал идти по пути западно-буржуазного развития, что можно считать одной из характерных его черт, проявлявших себя не только в XIX, но и в XX столетии. Лишь серьезные объективные обстоятельства, в первую очередь активное вмешательство держав, побуждали его двигаться по направлению к переменам. Строго говоря, весь последующий тур реформ, пришедшийся на вторую половину века, был уже делом рук иностранных держав, Англии и России, поделивших между собой влияние на Иран и в конечном счете поставивших эту страну в сильную зависимость от своей политики.

С середины XIX в. Англия начала все более энергично вмешиваться в дела Ирана. Английский капитал мощным потоком шел в страну и использовался для развития ее промышленности, торговли и даже сельского хозяйства. Вложение капиталов в развитие земледелия привело к тому, что иранский хлопок в конце века стал важной статьей экспорта страны. Развитию товарного хозяйства способствовало и укрепление позиций частных собственников. Правда, это обстоятельство вело к расслоению крестьянства и росту отходников, количество которых (в основном в Россию, в Баку) на рубеже XIX–XX столетий быстро возрастало. Следует при всем том заметить, что и позиции шаха Насер ад-дина (1848–1896) — при всем том, что именно в начале его правления был казнен первый реформатор, — с течением времени менялись.

Шах ездил в Россию и Европу и многое понял. Он стал способствовать модернизации страны, введению новой системы администрации, решению проблем образования западного типа. В 1870 г. он назначил премьером страны Хусейн-хана, который в молодости был сторонником Таги-хана. Реформы нового премьера кое-чему способствовали, но слишком сильного влияния на развитие страны не оказали, ибо встретили, как и при первом реформаторе, решительное противодействие. В 1880 г. реформатор был уволен. А реальное осуществление реформ по-прежнему оказывалось делом держав и европейского капитала. Строительство шоссейных и железных дорог,

прокладка телеграфных линий стали проявлением проникновения в страну Англии и, с севера, России. Примерно то же самое следует сказать о добыче полезных ископаемых, особенно уже в конце века, нефти, о модернизации оросительной системы, создании сети банков и т.п. При этом заметим, что английский капитал в основном завоевывал позиции, причем очень быстрыми темпами, в южной части страны. На севере, хотя не столь энергично и результативно, действовала Россия. Зато русское влияние и даже зависимость Ирана от России стали проявляться в том, что в Тегеран для охраны шаха в 1879 г. была по специальному соглашению направлена казачья бригада во главе с русским полковником.

Русское экономическое воздействие на Иран было не слишком большим и ограничивалось соглашениями о рыболовстве, некоторыми финансовыми займами, льготной торговлей отдельными видами товаров. Зато Россия стала к концу века серьезным рынком сбыта для иранских товаров, особенно из северных районов страны. Быстрыми темпами развивавшийся город Баку притягивал все растущее количество иранских отходников, что сказалось на росте мятежного духа иранцев в начале XX столетия. Но вмешательство держав продолжало сильно беспокоить реакционное духовенство и находившийся под его влиянием народ страны. Поэтому неудивительно, что, когда шах в 1888 г. вновь попытался было провести в стране некоторые реформы, направленные на усиление в Иране буржуазно-либеральных преобразований в экономике и в сфере социальных отношений (защита свободы личности, некоторое поощрение деятельности зарождавшейся национальной буржуазии и т.п.), он ощутил стойкое сопротивление, логичным следствием которого стало спустя несколько лет его убийство.

Спецификой реакции Ирана на всемирную тенденцию к трансформации и вестернизации было, как то хорошо заметно, решительное преобладание энергичного сопротивления по сравнению со слабым и крайне замедленным приспособлением. Эта специфическая для шиитов особенность сохранялась в Иране долго и продолжала давать о себе знать в моменты наиболее резких движений в сторону реформ, как то было, в частности, веком спустя, в годы жизни и преобразовательной деятельности последнего иранского шаха. Конечно, в стране появлялись, особенно среди немногочисленных интеллектуалов, ориентировавшихся на западные буржуазные ценности, различного рода группировки, издававшие свои газеты и обличавшие реакцию. Но все они могли спокойно существовать лишь вне Ирана, что очень

существенно сказывалось на их реальных возможностях. И только на рубеже XIX–XX столетий, в основном в связи с событиями 1905 г. в России, ситуация в стране стала изменяться.

АФГАНИСТАН

Афганистан как государство возник поздно. Он был создан Ахмад-ханом, полководцем иранского Надир-шаха после убийства этого правителя и начала раздоров в сефевидском Иране. Возвратившись на родину, Ахмад-хан в 1747 г. на джирге племенных вождей был избран правителем страны, получившей наименование Дуррани (жемчужная). Государство Дуррани просуществовало недолго, хотя временами расширяло границы за счет соседей. Это было отсталое и мало развитое в экономическом отношении молодое политическое образование. Уже в конце XVIII в. двигавшиеся в процессе завоевания Индии на север англичане начали задумываться об отношениях с афганскими племенами, жившими северу от Индии. Есть сведения, что британские агенты вмешивались в борьбу за престол в Дуррани и сыграли определенную роль в распаде этого государства в 1818 г. После длительной борьбы эмиром Афганистана стал Дост Мухаммед (1826–1863), годы правления которого также были насыщены борьбой с англичанами. Опасаясь проникновения на афганские земли России, Англия бдительно следила за событиями. Предлог для вмешательства возник в мае 1838 г., когда в Кабул прибыл русский офицер, посланный для выяснения ситуации в этой стране. В октябре того же года англичане вторглись на территорию Афганистана и вначале сумели занять значительную территорию этого государства, включая Кабул и другие города. Однако воинственные афганские племена, используя местные природные условия, весьма нелегкие для оперирования там регулярной армии, сумели вскоре изгнать англичан из своей страны. Первая англо-афганская война (1838–1842 гг.) завершилась поражением Англии и выводом ее войска.

Спустя ряд десятилетий и по мере продолжавшегося продвижения в Индии на север англичане оказались в непосредственной близости от Афганистана, границы которого к тому же не были четко определены. Давление Англии вынудило Дост Мухаммеда вступить с ней в 1857 г. в договорные отношения и обязаться быть другом англичан и даже не становиться в случае конфликта на сторону Ирана. Его преемник Шер Али предпринял ряд реформ, направленных на укрепление власти центра. В Афганистане был создан кабинет министров, при нем учрежден комитет с совещательными функциями. Эмир уделял

внимание развитию торговли, ремонту дорог и мостов. В стране появилась почта, стала издаваться газета. Была заложена основа регулярной армии, налаживалась работа по изготовлению современного оружия. Все эти новации происходили под определенным влиянием со стороны соседних государств, опережавших Афганистан в процессе модернизации, в том числе Британской Индии. Впрочем, после образования Туркестанского генерал-губернаторства в 1869 г. были созданы и неплохие возможности для более регулярных, нежели прежде, контактов с Россией, чего так опасалась Англия.

Итогом сложных дипломатических переговоров России и Англии явилось соглашение 1872–1873 гг. о нейтральном статусе Афганистана с определением ее северной границы по Амударье. Англия по мере ее продвижения в Индии на север все более начинала опасаться встречного движения России в Средней Азии на юг. Поэтому она не доверяла России и в 1878 г. с крайне настороженным вниманием отнеслась к визиту миссии генерала Столетова в Кабул с проектом русско-афганского договора. Этот визит сыграл свою роль в ужесточении политики Англии по отношению к России, что проявилось в решениях Берлинского конгресса 1878 г., лишившего русскую армию плодов ее успешной войны с Турцией и пересмотревшего договор в Сан-Стефано. В итоге всех сложных расчетов Англия пришла к выводу, что настало благоприятное время для новой попытки подчинить Афганистан. Вторая англо-афганская война 1878–1880 гг. была удачной в том смысле, что эмир Якуб был вынужден уже в 1879 г. заключить Гандамакский договор, по условиям которого он фактически признавал зависимость от англичан. Договор вызвал взрыв возмущения горцев, возглавленных прибывшим из России племянником Шер Али Абдурахманом. И поскольку он одерживал победу за победой, англичане сочли за благо признать Абдурахман-хана эмиром и увести войска, добившись от него признания зависимости в очень легкой степени. Имелся в виду контроль Англии над внешней политикой Афганистана (вести внешние сношения, «сообразуясь с мнениями и желаниями английского правительства»).

Эмир пошел на это, сознавая, что Англия была наиболее сильным игроком в сложившейся обстановке. Впрочем, и после отвода английских войск хорошо известная в историографии *большая игра*, как ее начали именовать, продолжалась. Она проявлялась в спорадических попытках проникновения агентов России и Англии в Афганистан и на соседние территории. Продолжаясь не слишком долго, большая игра

завершилась в 1894–1895 гг. проведением в районе Памира границы по первой в своем роде «научно выверенной» линии Дюранда, сохраняющейся между Афганистаном и Индией и поныне.

Глава двадцать четвертая. КИТАЙ, КОРЕЯ И МОНГОЛИЯ

Еще одним из важнейших регионов мира, тоже поставленным в зависимость от западных колониальных держав, был дальневосточный, представленный Китаем и Кореей. Этот большой регион с его огромным по европейским и азиатским масштабам — для XIX столетия — населением заслуживает специального и подробного рассмотрения.

После смерти императора Цяньлуна (1736–1796), за годы правления которого Китай значительно расширил свои границы, включив в состав империи Монголию, Синьцзян, Тибет, не говоря уже о Маньчжурии, которая считалась чем-то вроде домена цинских правителей, эта великая империя территориально почти удвоилась. Правда, населены новые земли были не густо, да и природные условия здесь были не слишком пригодны для интенсивного земледелия империи с ее, особенно на юге Китая, двумя-тремя урожаями в год. А ведь именно благодаря успехам в земледелии население страны, за полтора века к рубежу первой и второй трети XIX в. удвоившееся (примерно с 200 до 400 млн), могло все же почти нормально существовать. И хотя после смерти Цяньлуна в северо-западных провинциях Китая произошло очередное крестьянское восстание, поднятое буддийской сектой «Белый лотос» с ее традиционными идеалами в духе эгалитаризма, империя в целом была внутренне достаточно крепка. Тем не менее объективные обстоятельства складывались для нее в начале XIX столетия неблагоприятно.

КИТАЙ ДО ТАЙПИНОВ. ОПИУМНАЯ ВОЙНА

Главной причиной серьезного неблагополучия оказалось крайне жестко выраженное и твердо отстаивавшееся правящей элитой империи привычно-высокомерное стремление не то чтобы идти своим путем (это вполне приемлемо и на примере Японии доказало свою жизнеспособность), но просто игнорировать все то, что происходит за пределами страны. А так как за этими пределами вот уже ряд веков происходило множество серьезных перемен, а к XIX столетию практически вся планета, за исключением разве что небольших и отдаленных «медвежьих углов», была готова к радикальной трансформации,

то нет ничего удивительного в том, что Китай практически не имел шансов остаться в стороне. Рано или поздно он неизбежно должен был стать объектом колониальной экспансии держав и оказаться в какой-то степени связанным с ними. И если принять во внимание горделивое и четко выраженное нежелание иметь дело с иностранцами, связь эта должна была оказаться не вполне естественной, какой она несколько позже оказалась в стремившейся к контактам и заимствованиям Японии, но сопровождаемой насилием, что не могло не привести к той либо иной степени зависимости.

Процесс втягивания гигантской империи в мировую торговлю оказался достаточно простым. Сначала Англия попыталась еще раз установить с Китаем контакт, для чего в 1816 г. в порт Тяньцзинь прибыл У. Армхерст, которого, однако, сразу же выслали за отказ согласиться на полагавшийся по китайскому ритуалу земной поклон *коутоу* перед императором. Параллельно с этим британская Ост-Индская компания начала заметно увеличивать объем разрешенной торговли через порт Гуанчжоу (Кантон) с уполномоченной вести дело с иностранцами корпорацией «Гунхан», причем в процессе роста товарооборота закупки китайских чая и шелка возрастали, что вело к соответствующему увеличению количества ввозимого в империю серебра. Никаких нарушений сложившейся нормы взаимоотношений Китай не допускал. И англичане, запасы серебра у которых были не безграничными, начали использовать контрабандную торговлю индийским опиумом, который весьма охотно приобретался и начал широко распространяться в прибрежных городах южной части Китая.

Что такое наркотик, сегодня знают все. Хорошо знакомо людям и то прискорбное обстоятельство, что втягивание в потребление даже не слишком сильного наркотика и, в частности, курение опиума — а именно так в то время приобщались к контрабандному наркотику китайцы, — мягко говоря, не безобидное и небезопасное дело. Тем не менее занятие это принадлежит к числу наиболее заразных. Количество курильщиков опиума в Китае быстро росло, опиекурильни появлялись повсюду, объем контрабанды соответственно резко возрастал, в результате чего и поток серебра изменил, к радости англо-индийских торговцев, свое направление. Отток серебра из Китая в 1820–1830-е гг. становился все большим, что вскоре начало сказываться на общем состоянии финансов империи. И связанное с этим все более заметное нарушение привычного баланса (унция-лянь серебра за тысячу медных монет-вэней) стало больно ударять по налогоплательщикам, т.е. по крестьянам, платившим

медными деньгами по курсу серебра. Собирать налоги с каждым годом становилось труднее, а объем их поступлений в казну сокращался. Правительство страны, всегда обычно чутко реагировавшее на процессы, приводившие к уменьшению доходов и соответственно к ухудшению уровня жизни, начало ожесточенную борьбу с контрабандой.

Это оказалось нелегким делом, ибо многие китайские чиновники оказались заинтересованными в том, чтобы торговля опиумом продолжалась. Они имели регулярный доход от китайских посредников в контрабанде, а порой и сами наслаждались опиекурением. Требовались решительные меры, и в 1839 г. в Гуанчжоу прибыл из Пекина с чрезвычайными полномочиями Линь Цзэ-суй, энергично взявшийся за борьбу с контрабандой и опиумом. Был сдан, отобран, конфискован и уничтожен скопившийся в портах и у торговцев запас отравы. А поскольку эти меры затронули и британских подданных, они были использованы Англией в качестве *casus belli*. Осенью того же года начались первые столкновения китайцев с англичанами, а в 1840 г. военная эскадра Великобритании высадилась в Гуанчжоу десант. Началась Опиумная война (иногда ее именуют Первой опиумной, но другой *опиумной* не было), которая быстро вскрыла военную слабость империи и неумение ее армии вести бои с вооруженными новейшим оружием войсками Англии. Война привела в 1842 г. к поражению и капитуляции цинского Китая. Нанкинский мирный договор поставил империю на колени, заставив ее выплатить большую контрибуцию, открыть для свободной торговли пять портов вместо одного и в то же время предоставить англичанам немало льгот, вплоть до 5% таможенных пошлин. Вскоре все эти льготы обрели торговцы и из других западных государств, причем для всех них в пяти портовых городах выделялись селтльменты, т.е. места обитания и деловой активности (конторы, банки, склады и т.п.) с правом экстерриториальности.

Казалось бы, поражение такого масштаба и к тому же столь унижающее (с одной стороны, 400 млн жителей и одна из древнейших цивилизаций мира, а с другой — несколько хорошо вооруженных кораблей и отрядов пехоты) должно было резко встряхнуть огромную страну. Следовало ожидать некоего массового всенародного движения, на которое китайцы издревле были большие мастера и которое могло бы с невероятной легкостью в едином порыве просто раздавить агрессоров как надоедливую муху. Но ничего подобного не произошло. Великий Китай просто как бы не заметил случившегося. Подумаешь, небольшая горстка иностранцев побила императорское войско

и поселилась в портовых городах, заполучив столь желанное право свободной торговли. Ну и что тут такого? Какое отношение это все имеет к назревшим проблемам текущего бытия, заметно перерастающим в ситуацию острого кризиса, затрагивающего многие миллионы тех, кто был вынужден платить в казну и землевладельцам (если речь о безземельных арендаторах) все больше и больше налогов? Разве одно и другое — вещи сопоставимые? Отнюдь!

Разумеется, дело могло бы обстоять иначе, если бы у всех 400 млн были современные телевизоры или хотя бы газеты, если бы им обстоятельно объясняли сложную зависимость между торговлей опиумом и ценой серебра, если бы народу сказали, почему растут налоги. Но 200 лет назад все было не так, тем более в Китае. В этой огромной стране одна группа провинций с используемым в ней своим языком порой могла заявить, что ее все то, что происходит где-то в другом месте империи, вообще никоим образом не касается. И такого рода реакция была отнюдь не фрондерством. Обратите внимание на нее. Без этого трудно понять то, что буквально перевернуло Китай вверх ногами в 1850 г., т.е. всего через какие-нибудь восемь лет после подписания цинскими властями с англичанами Нанкинского договора. И что удивительно, в этом памятном году никто из многих миллионов, даже десятков миллионов восставших — тайпинов — не заикался об этом договоре, сыгравшем столь значительную роль в истории империи. Больше того, никто из них, скорее всего, вообще ничего не знал о нем и тем более никак не реагировал на немногие тысячи появившихся на юге страны иностранцев. Во всяком случае до тех пор, пока уже ближе к концу восстания тайпинов (в 1860–1862 гг.) англичанин Ф. Уорд не сформировал бригаду для помощи цинским войскам, долго и безуспешно пытавшимся разгромить восставших. Впрочем, и столкновения с бригадой Уорда в ход событий, связанных с восстанием тайпинов, многого и тем более принципиально нового (если не считать того, что с крестьянами стали бороться «заморские дьяволы», как их стали именовать) не внесли. Хотя бригада нанесла тайпинам существенный урон, антизападной после этого крестьянская война не стала. Скорее, наоборот, в движении миллионов восставших продолжала играть, по прихоти судьбы, немалую роль основная религия Западе, христианство.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА ТАЙПИНОВ

А все началось с того, что будущий вождь и главный идеолог тайпинов Хун Сю-цюань трижды проваливался на экзамене на первую

ученую степень, поле чего случайно сблизился в Гуанчжоу с миссионерами и проникся идеями христианства. В его голове эти идеи с представлениями о едином Боге, чьим пророком он вскоре начал себя воспринимать, с акцентом на социальном равенстве людей причудливо смешались с близкими к ним идеалами традиционного конфуцианства и религиозного даосизма. Все это, в частности, проявилось в его повышенном интересе к древнекитайскому принципу тай-пин¹. Выдвижение на передний план идей социального равенства не было новым для народных восстаний в Китае. Но связь их с христианскими идеалами, пусть не слишком навязчивая и вообще более терминологическая, нежели богословско-литургическая, оказалась чем-то не просто новым, но и весьма привлекательным для обездоленных. Вообще, в Китае с его частыми народными восстаниями в периоды кризисов восставшие обычно были мало озабочены тем, какая из религиозных сект, которое из возможных учений оказались их идейным знаменем. Ведь цель народных движений всегда сводилась к одному, т.е. к восстановлению утраченной консервативной стабильности в привычном для них обществе с веками сложившимися и в принципе устраивавшими верхи и низы отношениями. Так получилось и на сей раз.

Уйдя от миссионеров и сблизившись с первой группой внимавших ему сторонников, пропитанный различными мистическими и в то же время социально-политическими идеями и идеалами Хун основал «Общество поклонения Богу». Не вполне ясно, какой Бог имелся в виду, но это не играло никакой роли. Для привыкших прагматически мыслить китайцев главной была суть предложенной Хуном идеологии тайпинов, как стали именовать себя его сторонники и последователи. В этой идеологии сразу же на первое место вышла борьба за восстановление попранной властями социальной справедливости. А для успеха в этой борьбе на передний план вышла характерная для многочисленных народных восстаний в империи внутренняя сплоченность и железная дисциплина, необходимые для успеха в борьбе за свои права обездоленных непосильными налогами крестьян. Словом, привычные даосско-буддийские лозунги в рамках основанного им движения Хун

¹ Термин «тай-пин» («великое равенство»), как и многие другие теоретические понятия древнекитайской мысли, полисемантичен и связан с широким кругом близких друг к другу слов (благоденствие, справедливость и т.п.). Но прежде всего он имеет отношение к привычным эгалитарным чаяниям народа.

с легкостью заменил почитанием Бога, который фактически сразу же был отождествлен тайпинами с божественным Небом. При этом вся не слишком сложная смесь понятных китайцам призывов с обрывочными христианскими постулатами о небесном Владыке, столь близкая всем простым людям, которые были готовы отдать себя в жертву ради восстановления былого благополучия, оказалась жизнеспособной. Таким образом, в Китае, охваченном жестоким кризисом (вызванным, стоит еще раз напомнить, не войной и размещением иностранцев в городах прибрежной полосы на юге Китая, но прежде всего утечкой серебра и утяжелением налогов), началось всенародное восстание обездоленных.

Войско тайпинов было хорошо организовано. Разделенное на небольшие военно-религиозные ячейки с совместно-коммунистическим и очень строго регламентированным бытом (общность имущества, централизованное снабжение из специальных складов, казарменные условия существования), оно стало довольно быстро одерживать одну победу за другой и значительно расширять занятые им территории в разных южных провинциях страны. Армия восставших отличалась гуманным отношением к местному населению, избегала грабежей и насилий (кроме тех, что были направлены против богатых частных собственников, правительственных учреждений и чиновников, как то обычно бывало свойственно народным восстаниям в Китае, а также против всех маньчжур, т.е. этноса, причастного к власти) и была склонна к аскетизму. Аскетизм, даже в немалой степени религиозный фанатизм проявлялись не только в отказе от азартных игр, вина и тем более опиекурения, но и — по крайней мере на начальном этапе восстания — в отделении мужчин от женщин, для которых создавались особые отряды.

Уже через два-три года после начала восстания огромная армия тайпинов насчитывала около миллиона бойцов, во главе которых стояли опытные выдвинувшиеся из крестьян и хорошо зарекомендовавшие себя в боях военачальники, получавшие от Хуна привычные для китайцев титулы. В 1853 г. повстанцы заняли Нанкин, сделав его своей столицей. В Нанкине была наконец опубликована программа, содержащая основные принципы общественного строя нового государства Тайпин тяньго («Небесное государство великого равенства»). Как можно понять из программы, прежнего примитивного казарменного аскетизма, тяготившего повстанцев, было уже не достаточно. Согласно новым установлениям, в государстве создавались военно-бюрократические формы организации. Народ и воины разделялись на группы в 25, 100, 500, 2500 и 12,5 тыс. семей, которые имели своих военно-административных на-

чальников и обычно занимали соответствующие их размерам территории. Каждая семья (об отделении женщин после 1855 г. более не упоминалось) выставляла по одному воину в армию.

Схема, о которой шла речь в документе, была не новой. Любой грамотный китаец мог найти нечто похожее в древнекитайском трактате «Чжоули», где подобные теоретические построения играли главную роль в качестве идеальной формы организации общества, практически никогда не осуществлявшейся. Специалисты считают, что и с программой Хуна было нечто в этом же роде. Столь идеальная схема в принципе не работоспособна. Однако это не означает, что в реальности, вне зависимости от того, было ли на практике осуществлено нечто подобное этой схеме, возникшее в результате успешных действий мятежников государство тайпинов не могло продолжать движение к достижению конечной цели. В мятежном Китае середины XIX в. был сделан типичный для всех народных движений в прошлом шаг, который вполне мог привести восставших крестьян к победе и созданию новой династии, призванной осуществить возврат к приемлемым нормам, нарушенным кризисом. Так бывало не раз, что не могли не знать и последние из чужеродных цинских императоров.

Несколько слов о кризисе. Отток серебра и опиумная контрабанда после Нанкинского соглашения понемногу уходили в прошлое. Добившиеся своего англичане приостановили контрабандную торговлю опиумом. Серебро перестало в столь огромном количестве уходить из Китая. В стране постепенно восстанавливалась привычная норма, хотя при этом деятельность держав, сопровождавшаяся начальным этапом трансформации огромной страны, несла с собой немало нового и непривычного, к чему Китаю еще следовало приспособиться. Практически сказанное означает, что условий для тяжелого внутреннего кризиса более не было, что восстание — снова вспомним, что оно ни в коей мере не было направлено против иностранцев, — должно было бы пойти на убыль. Однако тайпины не останавливались на достигнутом. Они явно желали победы, что в сложившейся ситуации было вполне реальной целью.

И хотя натиск тайпинов вызывал ответные действия цинских властей, пытавшихся опереться на местные ополчения, создававшиеся сановниками и крупными частными землевладельцами, это не вело к победе над тайпинами. Более того, повстанцы, несмотря на спорадическое возникновение между их руководителями раздоров, завершавшихся иногда кровавыми разборками на самом верху, не останавли-

вались. К тому же необходимо заметить, что явная слабость позиции властей создавала благоприятные условия для появления новых очагов восстаний в некоторых других районах Китая. В итоге, особенно в связи с тем что тайпины, продвигавшиеся в разные стороны и порой доходившие почти до Пекина, продолжали способствовать превращению восстания в полыхающий пламенем пожар, ситуация стала обостряться. Погасить пожар народного гнева цинские войска с их средневековыми видами вооружения и соответствующими скромными возможностями оказывались не в состоянии. И здесь оказалось возможным вмешаться до того державшимся в стороне иностранцам.

Державы, вынужденные терпеливо наблюдать за происходящим и не имея возможности в возникших в стране условиях энергично развивать торговые связи и пытаться модернизировать Китай, соблюдали нейтралитет и ждали, чем все закончится. Однако затянувшиеся военные действия и неудачи цинского правительства не только переполнили чашу их терпения, но и предоставили им возможность использовать сложившуюся ситуацию в своих интересах. В частности, они предприняли в 1857–1858 гг. высадку десанта на юге, в Гуанчжоу, и на северо-востоке, в Тяньцзине. Возникшие в связи с этим военные действия подчас именуют Второй опиумной войной, хотя это неверно. Проблема опиума давно уже была решена как бы мимоходом, а поводом к военным действиям послужили мелкие инциденты. Главным же было нескрываемое стремление держав воспользоваться трудностями цинского правительства, для того чтобы упрочить свои позиции в Китае. Существенным следует считать и результат: достигшие в 1860 г. Пекина иностранные войска, которые разграбили и сожгли по дороге великолепный памятник китайской архитектуры летний императорский дворец Юаньминъюань, с легкостью сумели заставить обессиленное правительство империи подписать серию договоров.

Сперва это были Тяньцзиньские договоры 1858 г., затем Пекинские 1860 г. Они предоставили Англии, Франции и России немало льгот и привилегий для торговли с Китаем, включая и ограниченную, но зато легализованную торговлю опиумом. Было открыто китайские портовые и иные города и признано право держав посылать в Китай дипломатические миссии с посланниками и консулами. При этом Пекинские договоры, подтвердившие соглашения в Тяньцзине, увеличили размер контрибуции, зафиксировали открытие для торговли фактически всей территории страны, а также ряд сделанных империей важных территориальных уступок. Россия сумела приобрести

дальневосточные земли с границей по Уссури, а Англия — южную часть расположенного рядом с Гонконгом, бывшим уже по условиям Нанкинского договора 1842 г. ее колонией, полуострова Цзюлун (Коулун). Англичанам было также предоставлено важное право вербовать китайских кули для работы в их колониях.

Соглашения держав с Китаем открыли новую страницу в истории этой страны. Во-первых, державы, как о том было выше уже мельком сказано, решили помочь поверженному противнику навести в стране порядок, для чего и была создана бригада Уорда, сумевшая нанести тайпинам ряд немаловажных поражений. Во-вторых, они ценой сравнительно небольших усилий и ограниченных военных действий в районе столицы создали в тяжелых для империи условиях надежную основу для свободы рук в Китае. Стоит обратить внимание на то, что Китай, как и чуть позже Африка, уже не был объектом исключительного, даже заметно преимущественного освоения какой-либо одной державой, например Англией. Конечно, Англия лидировала, как то было почти повсюду. Но вместе с тем она, видимо, хорошо сознавала, что имеет дело со слишком большим куском, который может просто застрять в горле. И это немало значимое соображение привело к тому, что в разделе Китая на сферы влияния приняли участие несколько держав, включая Россию и чуть позже Германию.

Все последующие события, которые в конечном счете произошли именно вследствие ряда военных и дипломатических побед держав над правящими кругами империи, а также объединения сил цинских войск, ополчений видных сановников и бригады иностранцев, привели к первым серьезным успехам в подавлении различных очагов восстаний и к сосредоточению усилий на борьбе с тайпинами. В начале 1860-х гг. становилось все более очевидным, что восстание тайпинов вступает в свою последнюю стадию. Слишком длительная война приводит любую группировку, если она не добивается решительного успеха, к усталости и, как следствие, к ослаблению боеспособности. Ни помощи, ни подкреплений войско уставших и постаревших тайпинов не получало. Кризис, вызвавший восстание свыше десяти лет назад, понемногу уходил в прошлое. Мало того, иностранцы, столь стремившиеся к развитию торговли и, как следствие, к трансформации и модернизации в Китае, даже в условиях гигантской по масштабам народной войны не сидели сложа руки. Напротив, торговля достаточно быстро развивалась, торговые порты и города строились и преображались на глазах. Таможенная служба, оказавшаяся в руках

английских чиновников, исправно работала и приносила в казну Китая соответствующий доход.

Короче, участь восстания, даже принимая во внимание отдельные его успехи, была решена. В 1864 г. Нанкин был взят, а глава повстанцев, столь уверенно провозглашавший себя «сыном Божиим» и «младшим братом Иисуса Христа», покончил с собой. Тайпины вскоре после этого признали поражение и окончательно прекратили военные действия. Практически тем самым эта последняя (а имея в виду армию коммунистов спустя столетие — предпоследняя) крестьянская война потерпела поражение. Она не привела к ликвидации ненавистной маньчжурской — цинской — династии, что было в условиях энергичной экспансии западных держав делом, в сущности, невозможным. Но влияние ее, тем не менее, нельзя сбрасывать со счетов. Напротив, стоит более основательно оценить, что означал для последующей истории империи феномен восстания тайпинов.

Он поучителен во многих отношениях. Прежде всего важно все время иметь в виду, что с начала и до конца, даже несмотря на вмешательство бригады иностранных войск, это не было антизападным движением. И отнюдь не потому, что христианские идеи сыграли в лозунгах тайпинов немалую роль. Все дело в том, что китайцы еще не успели и просто не могли оценить значение появления иностранцев в немногих портовых городах страны и начала их интенсивной деятельности в стране. Это не могло произойти еще и потому, что по традиции главный удар в момент кризиса всегда обрушивался на своих, т.е. на богатых частных собственников и нерадивых правителей, доведших империю до такого состояния. А появление после этого на китайском троне каких-либо иностранцев, например тех же маньчжур, хотя и не приветствовалось, но воспринималось в конечном счете с завидным терпением. При подобного рода норме происхождения тех либо иных религиозно-сектантских лозунгов не имело ровно никакого значения, тем более что главная направленность всех такого рода лозунгов всегда была одинаковой. Китайскому народу нужны были — как, впрочем, и всему Востоку — социальная справедливость, равенство и, что наиболее важно, консервативная стабильность. Пусть будет так, как было прежде, когда не было никакого кризиса и все жили в согласии с нормами, давно сформировавшимися и освященными прежде всего именем Конфуция, этого Великого Учителя Китая.

Если продолжать, то еще раз заметим, что столь скверные новации, как опиекурение и контрабанда опиума, были еще далеко не по-

всеместными и к моменту начала восстания затронули лишь небольшую часть южных приморских районов империи. Они не шли ни в какое сравнение с тем, что вызванный утечкой серебра финансово-налоговый кризис ощущался практически во всем Китае и что именно он — но никак не абсолютно невозможные рассуждения о его истинных причинах — привел многие миллионы обездоленных к очередной крестьянской войне. Существенно и еще одно обстоятельство. Хотя первые католические миссионеры-иезуиты появились в Китае еще в XVI–XVII столетиях, они не преуспели, как то было, скажем, во Вьетнаме, в деле христианизации империи. Поэтому китайцы не имели представления о христианстве и тем более о том, что это религия западных заморских варваров, как она позже стала восприниматься и именоваться.

Словом, в истории многотысячелетнего Китая восстание тайпинов было привычным выступлением народа против нерадивой власти, не сумевшей обеспечить нормальных условий существования. Крестьянская война была в истории империи всегда чем-то вроде аристотелевского катарсиса. Тайпины сделали свое важное дело и сошли с исторической сцены. Оставалось только ожидать, к каким переменам, невзирая на поражение, это восстание приведет и что эти перемены принесут стране в близком будущем. Но вот с этим-то дело во второй половине XIX в. оказалось много сложнее, чем то бывало прежде. О восстановлении привычной нормы со свойственной ей консервативной стабильностью в новых условиях экспансии в империи колониальных держав пришлось забыть. Китай начал меняться, причем достаточно быстрыми темпами.

ПЕРВЫЕ БУРЖУАЗНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Легко понять, что державы, получившие в результате войн с ослабленной империей множество столь настойчиво домогавшихся ими уступок, включая и территориальные, а также льготы и привилегии, пытались использовать обретенные ими преимущества, что называется, на полную катушку. Однако это было очень нелегким делом. Империя была в состоянии разрухи. Погибли многие миллионы людей. Пострадало земледелие, а также внутренняя торговля и ремесло в местах боевых действий, особенно на юге, всегда бывшем житницей империи. То и дело здесь или там случались неурожаи, сопровождавшиеся массовым голодом и смертью миллионов голодающих. И нет ничего удивительного в том, что первые десятилетия после войны

были необычайно тяжелыми, так что о серьезных новациях и тем более о быстрой трансформации страны говорить не приходилось. Китай медленно зализывал раны.

Тем не менее буржуазные преобразования с привычными для них быстрыми темпами распространения и воздействия на традиционную восточную структуру успешно реализовывались и в этой неблагоприятной для них обстановке. Так, усилиями держав и день ото дня развивавшейся международной торговли Китай, несмотря на очевидно господствовавший в нем экономический упадок, втягивался в мировой рынок. За немногие десятилетия после войны, начиная с 1860-х гг., объем внешней торговли, как и поток иностранного импорта, возрос втрое, соответственно увеличивался и столь важный для империи доход от таможенных сборов. Китай быстро покрывался сетью телеграфных линий (это было нелегким делом в стране, где столь бережно относятся к могилам предков, то и дело встречающимся на пути западных проектировщиков при прокладке этих линий). Организована была аккуратно работавшая почтовая связь, обновлялись и перестраивались большие города, в первую очередь портовые.

Усилиями иностранных предпринимателей строились современно-го типа фабрики, оснащенные различными механизмами и машинами, оборудовались верфи и доки, в городах открывались банки, создавались многочисленные предприятия обрабатывающей промышленности. На морских и речных путях появлялись первые в Китае пароходы. И очень важно прибавить ко всему сказанному, что усилия иностранцев, изменявших к лучшему экономический облик страны, не оставляли равнодушными многих из китайских горожан или богатых земельных собственников. Они справедливо увидели в процессе буржуазных преобразований и связанном с ними успешном хозяйственном освоении страны источник немалых доходов в будущем.

Появились первые китайские купцы и промышленники, которые, учась у Запада, действовали с 1860-х гг. примерно в том же направлении. Сыграла свою роль и связь с китайцами-хуацяо, уже давно жившими в странах, где буржуазные преобразования шли на протяжении многих десятилетий, что могло оказать нарождавшимся китайским буржуа существенную помощь. Представители национальной буржуазии тоже строили фабрики, заводы и шахты, порой с участием казенного капитала и с явственным упором на создание военной промышленности, т.е. на строительство оружейных заводов, верфей для военных судов и т.п. Впрочем, национальный капитал, опять-таки

чаще всего с использованием казенных доходов, сооружал и многочисленные хлопчатобумажные, шелкопрядильные и прочие предприятия. Несколько позже, уже по преимуществу в конце века, встал вопрос о железнодорожном строительстве (первая небольшая казенная дорога была проложена в 1881 г. на севере с целью связать угольные шахты с прибрежными портами), что вновь столкнуло проектировщиков с больной для китайцев проблемой могильных земель.

Отдавая должное усилиям иностранцев в их стремлении скорее модернизировать страну и обеспечить прибыль от успешной работы развивающихся в ней промышленности, транспортного, портового и прочего строительства, стоит особо отметить ту энергию, с которой примерно за то же дело взялись сами китайцы. Правда, здесь все обстояло дело не вполне гладко. Дело в том, что властная императрица Цыси, которая фактически управляла империей последние десятилетия ее существования (1861–1908), отличалась неприкрытой ненавистью ко всему западному, заплонившему Китай. Она, если верить преданиям, как-то даже гневно отказала своему маленькому сыну в приобретении детской железной дороги, которую тот случайно увидел в витрине одного из открывшихся в столице иностранных магазинов. И хотя ее слово весило много больше по сравнению с остальными представителями правящей элиты, она была отнюдь не одинока в своих эмоциях.

Многие из ее окружения разделяли ее чувства и соответственно вели себя. К этому есть смысл добавить, что стремление восстановить принцип консервативной стабильности и, в частности, существовавшую до появления иностранцев привычную норму жизни среди той части элиты, которая была близка по взглядам к Цыси, проявлялось прежде всего в коррупции. Ею не брезговала и сама императрица, которая могла с легкостью потратить предназначенные для строительства флота деньги на восстановление летнего дворца. И ей, естественно, многие подражали. Наиболее наглядно коррупция правящих верхов проявилась в расхищении средств, ассигнованных на строительство дамб на Хуанхэ. Как известно, именно по причине этого в 1888 г. река в очередной раз прорвала защитную ограду и пробила новое русло, что привело к страшным разрушениям и, по некоторым данным, к гибели 2 млн человек.

И все-таки, несмотря на это, прагматическая линия в руководстве Китая постепенно и достаточно явственно брала верх. Эта линия, сводившаяся к политике так называемого самоусиления и представленная прежде всего виднейшими сановниками из числа китайцев (не мань-

чжур!), выходила в последней трети века на передний план. Именно она являла собой растущую и набирающую силу в стране тенденцию к приспособлению к меняющимся обстоятельствам. Представители административно-интеллектуальных верхов империи (не забудем, что практически все они в свое время выходили наверх в результате успешной сдачи трех последовательных экзаменов, своего рода IQ в Китае) лучше, нежели случайные люди, руководившие страной лишь из-за их принадлежности к правящей маньчжурской династии, понимали, что Китай все ближе подходит к пропасти. Великая страна может быстрыми шагами подойти к своему печальному концу, если она вовремя не примет необходимые меры.

ПОЛИТИКА САМОУСИЛЕНИЯ И ДВИЖЕНИЕ ЗА РЕФОРМЫ

Эта точка зрения становилась все более распространенной среди тех высших сановников империи, которые управляли ее провинциями, имели в своем распоряжении сильные армии и немалые средства и соответственно принимали активное участие в развитии экономической мощи страны. И хотя они, прежде всего такие деятели, как Ли Хун-чжан, Цзэн Го-фань, Цзо Цзун-тан, отнюдь не были в формальной оппозиции по отношению к высшим представителям маньчжурской элиты во главе с Цыси, но, напротив, будучи облеченными высокими полномочиями, даже вроде бы действовали от имени правящего центра, их политика была иной. Она сводилась прежде всего к резкому акценту на энергичном развитии смешанных государственно-частных предприятий военного характера.

Не претендуя на подрыв авторитета высшей власти и не стремясь облекать все свои начинания в форму всекитайской — в пик маньчжурам — инициативы, эти и другие близкие к ним высокопоставленные деятели начинали с того, что строили в регионах, управлявшихся ими, арсеналы, верфи, шахты и прочие предприятия, которые вырабатывали продукцию, необходимую для перевооружения их армий. Эта дорогостоящая программа обеспечивалась частично за счет поступлений из государственной казны, но в основном их собственными средствами с привлечением частного капитала имущих слоев их регионов. А поскольку региональная автономия издревле была характерной для империи, сам по себе этот факт не слишком заботил администрацию центра, вполне довольствовавшуюся тем, что оставалось в казне либо прилипало к рукам в результате упоминавшейся уже коррупции.

Одним из проявлений политики самоусиления — а практически в общем-то приспособления к коренным образом изменившимся обстоятельствам — было возникновение в Китае немалого количества учебных заведений западного типа, призванных готовить необходимых для страны специалистов в разных отраслях современного для той эпохи знания. Для высокомерного Китая, имевшего немало оснований гордиться своей традиционной системой образования и экзаменов, способствовавших выдвижению наверх, следуя древним заветам, умных и способных, это был шаг, требовавший немало мужества. Создавая принципиально новую систему обучения, страна как будто признавала свою отсталость и была готова, выражаясь словами известного русского легального марксиста П. Струве, «идти на выучку к капитализму». Эти мужество и мудрость в сложившейся в империи обстановке вполне себя оправдывали. Усилиями лидеров политики самоусиления, прежде всего всемогущего Ли Хун-чжана, армия и флот страны переоборудовались по новейшему стандарту, частично с помощью иностранного капитала и в виде заказов на строительство, например, броненосцев в странах Европы. Но, разумеется, вся подобного рода политика далеко не сразу была способна принести ощутимые плоды. Это было осознано в Китае в 1884–1885 гг., когда французы, завершая свое наступление на северную часть Вьетнама, столкнулись с Китаем, формально все еще считавшимся сюзереном по отношению к этой стране. Франко-китайская война закончилась полным поражением уже достаточно боеспособных армии и флота южных провинций империи.

Мало того, десятилетием спустя, в 1894–1895 гг., Китай оказался не в состоянии выдержать натиск Японии, сумевшей не только оккупировать вассальную по отношению к империи Корею, но и выйти на территорию юга Маньчжурии. Итогом этой войны стал Симоносекский договор, признавший зависимость Кореи от Японии, отказ в пользу японцев от острова Тайвань и особые интересы Японии в Ляодуне. И хотя по настоянию России Японии пришлось через полгода отказаться от Ляодуна, в целом итоги двух войн вызвали в стране бурю негодующих откликов. Во главе протестующих, основную часть которых составили съехавшиеся в Пекин со всей страны для сдачи экзаменов на высшую степень носители двух степеней, представители духовно-интеллектуальной элиты империи, оказался выходец из южной части страны, где влияние иностранцев было наиболее заметным, гуандунец Кан Ю-вэй (1858–1927).

Кан был одним из наиболее выдающихся умов и самых эрудированных мыслителей Китая. Хорошо знакомый с историей стран Запада и России, ссылавшийся на буржуазные преобразования в Европе и на реформы Петра I, он открыто призвал всех негодующих к решительным реформам с целью быстрой модернизации страны. Он вместе со своими единомышленниками начал издавать в Пекине газету и опубликовал обращенный к правителям империи меморандум, призывавший к реформам. Стоит особо заметить, что призыв к реформам не сводился к требованию модернизации, тем более основанной на принципах буржуазной рыночно-частнособственнической экономики. Страстный поклонник Конфуция, Кан верил в великую судьбу и великое предназначение Китая, который он в своих представлениях видел в облике общества, построенного на основе квазикоммунистической утопии (но не по Марксу, а основываясь на древнекитайском идеале Датун, т.е. «Великой всеобщности»). Однако заслугой реформатора следует считать то, что он не ограничился теоретическими построениями утопического характера, но ревностно взялся за практические дела, обличая произвол и коррупцию, энергично выступая в поддержку интересов простого народа.

В середине 1890-х гг. в стране возникло несколько разных обществ, иногда типа земляческих клубов, требовавших реформ и не всегда представлявших достаточно ясно, к чему именно Китаю следует прежде всего стремиться. Кану удалось к 1898 г. объединить многих из этих сторонников реформ, причем он и его единомышленники возлагали свои надежды на молодого императора Гуансюя, племянника Цыси, которому она в 1889 г. формально уступила власть, оставаясь за кулисами и держа в своих руках все рычаги управления империей. Борьба за реформы с особой силой разгорелась в связи с откровенной политикой держав, направленной на раздел страны на сферы влияния.

Начало этому разделу положила Япония, попытавшаяся было прихватить примыкавший к Корее и Маньчжурии полуостров Ляодун. Но после Симоносекского соглашения другие державы решили последовать этому примеру, стремясь превратить то полуостров Шаньдун (Германия), то бассейн Янцзы (Англия), то юго-восточные прилежащие к Вьетнаму провинции (Франция), то всю Маньчжурию (Россия) в преимущественную сферу влияния. Захваты оформлялись в виде специальных соглашений, которые обычно были тесно связаны с договоренностями о строительстве в империи усилиями держав сети железных дорог. Подобного рода раздел страны вызывал серьезное раздражение со стороны местного населения, причем раздражение

резко усиливалось, когда заходила речь о проектировке и прокладке железнодорожных линий, которые, вполне естественно, не могли не затронуть сакральные могильные земли с захоронением столь высоко чтимых в Китае предков. Возникла ситуация, близкая к взрыву. Этой ситуацией и решили воспользоваться реформаторы.

В ответ на попытки раздела Китая на сферы влияния они в апреле 1898 г. создали «Союз защиты государства» с филиалами в провинциях и обратились к императору с призывом принять меры для сопротивления. Сопротивление мыслилось как переход к радикальным реформам, которые сдвинули бы традиционный Китай с его привычных позиций и сделали бы его сильным, способным без вмешательства держав быстро развиваться в соответствии с новыми стандартами эволюции. Гуансюй рискнул поддержать реформаторов и в июне 1898 г., опубликовал указ, знаменовавший переход к новой политике. Начался период ста дней реформ.

НЕУДАЧА РЕФОРМ И ВОССТАНИЕ ИХЭТУАНЕЙ

Реформы были задуманы и разработаны Каном и несколькими его единомышленниками, из которых наибольшую роль сыграл Лян Ци-чао. Смысл их сводился к реализации программы решительного обновления основных принципов политики империи. Серия императорских указов вела к отмене старых и введению новых административных институтов, начиная с решительного обновления аппарата власти и кончая реформой системы экзаменов, в число которых теперь должны были входить экзамены по современным проблемам экономики и политики. Признавалась ценность западных наук, и соответственно реформировались школы с ведением в них преподавания по западному стандарту, реорганизовывались и создавались новые специализированные училища и вузы, предполагалось издавать современные учебники, журналы и книги.

Было объявлено о поощрении современной промышленности, транспорта, торговли с защитой предпринимателей и торговцев от чиновничьих поборов. Предполагалось реорганизовать армию с перевооружением и обучением ее по европейским стандартам, создать в империи практику финансовой отчетности с опубликованием бюджетных доходов и расходов. Все эти и многие иные сопутствовавшие им новации были разумными и умеренными, в принципе вполне осуществимыми. Вопрос был в том, кто и как, какими силами, при какой поддержке и сопротивлении сможет и будет их реально осуществлять.

И вот здесь-то, что называется, нашла коса на камень. Проще говоря, ни у Гуансюя, ни у горстки реформаторов не было той власти и общественной силы, на которые они могли бы надежно опереться. Буржуазия в стране еще не успела сформироваться. Всесильные провинциальные сановники, хотя бы сочувствие которых могло существенно изменить ситуацию, не торопились с поддержкой реформ, с осторожностью выжидая, как обернется дело, особенно на первых порах, пока все ограничивалось сообщениями о намерениях.

Словом, публичное объявление о готовности реформировать огромную империю, даже сделанное от имени императора, не вызвало слишком большого резонанса. Страна не восприняла заявления о реформах всерьез. Оппозиция со стороны ревнителей старого Китая была очевидной, и это раздражало нетерпеливых реформаторов, которые хорошо понимали, что в начатой ими кампании промедление смерти подобно. В то же время форсировать реформирование страны они были не в состоянии, ибо для этого у них практически не было власти. Власть была по-прежнему в руках Цыси, которую поддерживали многочисленные представители правящей элиты. Становилось все более ясным, что пока реально страной управляет она, о реформах говорить не приходится. И реформаторы с императором стали готовиться к перевороту, намеченному на октябрь, когда должны были состояться маневры первых подразделений новых войск о главе с Юань Ши-каем. Похоже на то, что к этим же маневрам приурочивали свое намерение ликвидировать реформаторов сторонники Цыси. Как бы то ни было, но все ждали октябрьских маневров. Для укрепления своих позиций сторонники реформ делали ставку на сочувствовавшего им генерала Юаня, войска которого только и могли обеспечить успех. От Юаня теперь зависело почти все. И он, трезво расценив шансы обеих сторон, счел за благо принять сторону сильных и сделать карьеру именно благодаря этому.

Юань рассказал о намерениях реформаторов Цыси, которая сразу же распорядилась арестовать Гуансюя и его советников. Кан и Ляо, узнав об этом, успели с помощью иностранцев бежать из страны. Остальные вожди реформаторов были казнены, все их организации распущены, указы Гуансюя отменены, а сам он фактически отстранен от власти. Поле деятельности для реакции оказалось расчищенным. В стране создалась новая ситуация, явственно направленная против любых преобразований и вызывавших их, т.е. стоявших за ними иностранцев. К этому важно добавить, что и народ, который почти за полвека после начала тайпинского восстания уже успел хорошо по-

знакомиться с деятельностью европейцев и первыми результатами принесенных ими с собой буржуазных преобразований, был вполне готов к тому, чтобы выступить за привычную консервативную стабильность. Протест и, более того, взрыв ненависти ко всем незнакомым пришельцам проявились более всего в том, что иностранцы не уважали обычаи страны. Это нашло проявление не только в коснувшейся многих районов страны проблеме линий железных дорог и телеграфа (имеются в виду упомянутые многочисленные участки могильной земли, мимо каждого из которых невозможно было вести эти линии). К острой проблеме линий вплотную примыкала и другая. Речь об обилии христианских миссионеров с их проповедями, чуждыми привычному мировоззрению населения.

Сами по себе миссионеры и проповеди вообще-то достаточно безобидны. Никого насильно в ряды христиан не тянули. Но в резко обострившейся на этот раз на севере страны, близ Пекина, обстановке, где преобразования были весьма заметны и сопровождались либо потерей привычных рабочих мест, либо голодными годами и где было сильно влияние воинственных тайных обществ даосско-буддийского толка, недовольство дошло до крайней степени. И именно летом 1898 г., когда в Пекине пытались начать реформы, движение под лозунгом «Поддержим Цин, уничтожим иностранцев!» обрело чудовищно насильственные формы. Повстанцы, возглавленные сектантами, которые призывали бороться с иностранцами, используя традиционные методы китайской борьбы, включая кулачный бой (за что они в европейской прессе получили название боксеров), начали в провинции Шаньдун с преследования наиболее безобидной прослойки «заморских дьяволов», т.е. с миссионеров, многие из которых, включая жен протестантских пасторов, подверглись изуверским издевательствам. Затем, воодушевленные первыми успехами, ихэтуани («боксеры») двинулись на северо-запад, громя по пути лавки иностранных торговцев, консульские миссии, преследуя специалистов, проектировавших трассы.

Сначала местные власти пытались противостоять бунтовщикам. Но после расправы с реформаторами цинские власти взяли за основу более жесткие нормы взаимоотношений с державами, отказывая им в аренде территорий либо в просьбах о концессиях. В 1899 и начале 1900 г., по мере медленного продвижения все увеличивавшейся численно массы ихэтуаней к Пекину, обстановка в стране, точнее, на севере империи, становилась все более напряженной. Обеспокоенные размахом движения державы требовали от правителей Китая

решительных мер, но цинские власти не спешили. Тогда в мае 1900 г. державами было принято решение направить в Пекин контингент войск для охраны миссий. В начале июня военные корабли высадили десант в Дагу близ Тяньцзиня, но этот сравнительно небольшой отряд в 2 тыс. человек был вынужден отступить. Тем временем долго колебавшаяся Цыси приняла решение впустить ихэтуаней в Пекин и усилить их введением в столицу одной из регулярных армий империи. Ихэтуани осадили посольский квартал и начали в столице охоту за иностранцами. 11 июня был убит на улице советник японского посольства Сугияма, а 20-го — немецкий посланник К. Кеттелер. И хотя большего успеха повстанцы не добились, ибо хорошо огражденный квартал почти два месяца выдерживал их осаду, они грабили и громили иностранные лавки, уничтожали товары и поджигали склады.

19 июня державы предъявили цинским властям ультиматум, на что Цыси ответила 21 июня объявлением им войны. Впрочем, и после этого она колебалась, ибо сознавала, что в лице ворвавшихся в столицу ихэтуаней империя имеет дело с неуправляемой стихией, которая не может не вызывать опасения. Тем временем иностранцы в спешном порядке комплектовали крупную армию, в которой насчитывалось свыше 20 тыс. солдат. В июле ею штурмом был взят Тяньцзинь, а в начале августа армия направилась к Пекину. 14 августа первые отряды иностранцев вошли в столицу, которую спешно покинула Цыси, указом от 7 сентября легко свалившая всю вину за происходящее на неуправляемых ихэтуаней. Как бы подтверждая эту версию, цинские войска обратили оружие против них и легко добились успеха. Восстание было подавлено. Год спустя после этого был подписан Заключительный протокол, по условиям которого Китай извинялся за причиненный державам ущерб и обеспечивал им новые привилегии, обязуясь к тому же выплатить контрибуцию.

Восстание ихэтуаней было последней вспышкой агонии старого Китая. Это был апогей сопротивления огромной империи неизбежному и, что стоит особо отметить, благотворному процессу ее трансформации. Сопротивление было повсюду, где в XIX столетии появлялись европейские буржуа с их интересами и устремлениями, и везде оно, естественно, выглядело по-разному. В многотысячелетнем Китае с его особым восприятием мира и укоренившимся высокомерием по отношению ко всем живущим вне этой страны, оно должно было принять и приняло, причем в соответствии с национальной традицией, не только крайние, но и очень специфические формы.

Восстание ихэтуаней не было обычным для китайского династийного цикла мощным народным движением социального протеста, как крестьянская война тайпинов, поражение которой изменило характер цикла, существенно затянувшегося вплоть до начала XX столетия. Восстание ихэтуаней оказалось началом, предвестником радикальных перемен, которые открыли дорогу для буржуазных (обратите внимание, именно буржуазных, пусть даже вначале на некоторое время под авторитарной коммунистической оболочкой председателя Мао) преобразований.

Важно обратить внимание пусть на недолгий, но вполне закономерный союз ихэтуаней с имперскими властями. Они решали одну задачу — сопротивляться ненавистным пришельцам, столь беззащитно ломавшим все те привычные нормы, в рамках которых империя прожила 2 тысячи лет. Это сходство основных интересов делало власть и народ в Китае с его явственным господством структуры власти-собственности и централизованной редистрибуции символом старого мира, который в XIX в. всюду подлежал решительному преобразованию. Это означает, что ихэтуани с их наивными представлениями о том, что с помощью кулаков можно противостоять пулеметам, равно как и Цыси с ее надеждами на то, что, быть может, все как-нибудь обойдется, не имели в трансформировавшемся Китае реальных шансов на успех. Они были обречены, хотя при всем том для укоренения в бывшей империи рыночно-частнособственнических отношений потребовалось еще почти столетие.

КОРЕЯ И МОНГОЛИЯ

Эти две небольшие страны были частью империи либо находились в вассальной зависимости от нее, так что все происходившее с ними в XIX столетии так либо иначе тоже имело отношение к проблемам колониальной зависимости.

Монголия, вошедшая в состав Китая в XVIII в. в ходе завоевательных походов императора Цяньлуна, стала частью Китая, хотя ее территориально-административная структура сохраняла примитивные формы, привычные для кочевников, и имела ярко выраженное военное (знаменное, как у маньчжуров) членение. Однако в стране уже существовали оседлые поселения городского типа. В одном из них, Улясутае, жил наместник императора и размещались различные канцелярии, управления и службы типа финансовой и почтовой. В другом, Урге, располагался главный монастырь *богдо-гэгэна*, вер-

ховного руководителя ламаистов Монголии. Административная система Монголии комплектовалась в основном маньчжурами, хотя и подчинялась центральной власти в Пекине. Маньчжуры достаточно четко определили социальные слои монгольского общества, выделив из простолюдинов-аратов прослойку светской и духовной знати. В стране насчитывалось около 700 монастырей с множеством монахов (*лам*) и послушников. Были также зависимые и рабы из числа чужаков. С XIX в. появилась немалая прослойка торговцев, обитавших в слободах, которые возникали на пересечении основных торговых путей. Торговцами становились по преимуществу китайцы, хотя при этом все активнее действовали и русские купцы, регулярно устраивавшие в торговых слободах ярмарки своих товаров.

Открытие Китая для мировой торговли после опиумной войны резко увеличило торговые связи в Монголии и через нее. Сначала иностранные товары, прежде всего текстиль, продавали в основном китайские торговцы, но после подписания соответствующих соглашений в 1860-х гг. возросла роль русских купцов. На территории Монголии были открыты консульства России, создавались русские купеческие конторы. В целом Монголия в XIX столетии еще не ощутила на себе серьезного влияния колониальных держав и не испытала сколько-нибудь заметных неудобств от непривычных для нее буржуазного типа преобразований. Но, будучи частью Китая, она реагировала на события, происходившие в империи. И в этом смысле ее вполне можно считать зависимой страной, хотя степень этой зависимости от колониальных держав Запада, даже с учетом увеличения объема русской торговли во много десятков раз, не очень ощущалась. Иначе обстояло дело с много более развитой во всех отношениях другой страной, тоже находившейся в вассальной зависимости от Китая. Имеется в виду Корея.

Корея в первой половине века подвергалась серьезным природным бедствиям, голоду и эпидемиям, вызывавшим не только страдания и гибель людей, но и массовые социальные протестные выступления. Влияние иностранцев ощущалось в ту пору в основном в форме стремления католических миссионеров обратить корейцев в христианство, что, впрочем, было не слишком успешным. Не имели успеха и первые попытки англичан и французов завязать с Кореей регулярные торговые отношения. После открытия страны вслед за Китаем для торговли иностранцы, и в первую очередь японцы, начали энергично осваивать Корею, причем не только как рынок, но и в качестве объ-

екта возможной колонизации. Несмотря на энергичные протесты и на стремление заняться по китайскому образцу самоусилением, слабая Корея, фактически лишенная уже какой-либо поддержки со стороны Китая, многого добиться в этом направлении не могла. Лучшее, чего она достигла, сводилось к посылке в разные страны молодых корейцев для обучения различным наукам. Возвратившись, многие из них становились в ряды реформаторов, стремившихся трансформировать страну, сделать ее причастной к всемирному процессу модернизации.

Особое внимание стала уделять Корее Япония после реставрации Мэйдзи в 1868 г. Японцы, как то хорошо известно, очень быстро освоили генеральные принципы буржуазной трансформации и стали активно применять их не только у себя дома, но и на соседних территориях. Первой из них оказалась Корея, эта ближайшая соседка Японии, которая не столь давно — в XVI в., во времена Хидэёси — уже привлекала внимание японцев и являлась объектом их вооруженной экспансии. Условия японо-корейского договора 1876 г. позволили Японии стать главным торговым партнером Кореи. Стремясь монополизировать корейский рынок, японцы ввозили не только свои товары, но и промышленную продукцию других стран, от Англии вплоть до США. Они создали Общество изучения и поощрения японо-корейской торговли и под его вывеской стали выходить далеко за пределы официально открытых портов, циркулируя с товарами по всей Корее. В стране открылось и немало отделений японских банков.

Вообще, пример Японии с ее быстрыми темпами развития вдохновлял многих корейских реформаторов, призывавших соотечественников учиться у японцев и не слишком подражать Китаю. Озабоченный этим цинский Китай предпринял ряд мер для усиления своего влияния на Корею, формально еще остававшуюся вассальной по отношению к империи. Это обостряло японо-китайские отношения и способствовало усилению позиций реформаторов, которым удалось в декабре 1884 г. осуществить в стране государственный переворот. У захвативших власть были широкие планы. Они предполагали создать конституционную монархию, избрать парламент, реконструировать и европеизировать административную систему, обеспечить равенство сословий, реорганизовать армию, обратить особое внимание на просвещение и т.п. Но Китай не дал правительству реформаторов просуществовать более трех дней. Цинские войска, размещенные в Корее, арестовали реформаторов и организовали массовые выступления против поддерживавших их японцев.

Несмотря на это, в 1885 г. Япония заставила корейцев подписать договор, который уравнивал права Японии и Китая в этой стране. Изменившийся статус Кореи было закреплен и в японо-китайском Тяньцзиньском соглашении того же года. В нем говорилось, что **оба государства не должны держать войско в Корее, но имеют равное право посылать его в случае возникновения там беспорядков.** В 1893–1894 гг., когда в Корее вспыхнуло восстание, местные власти по привычке обратились за помощью к Китаю, который и направил свое войско, после чего Япония, ссылаясь на договор, послала в Корею своих солдат, которые захватили королевский дворец и создали в стране прояпонское правительство. Сразу же после этого японцы спровоцировали войну 1894–1895 гг. с Китаем, которая, о чем уже шла речь, принесла империи не только горечь поражения, но и территориальные потери. Что касается Кореи, то она стала после этого на путь все более заметного увеличения зависимости от Японии.

Здесь важно упомянуть, что помимо Японии и Китая проникновение в Корею осуществляли и некоторые другие государства, в частности Англия и особенно Россия. Российская миссия предоставила убежище королю, когда ему пришлось было покинуть дворец. Японцы были вынуждены вести переговоры с Россией и согласиться на возвращение во дворец короля с его правительством. Однако это длилось недолго. Токийский протокол 1898 г. принудил Россию согласиться на преимущественные права Японии в Корее. Тем самым не только Китай, утративший свои права сюзерена, но и активно претендовавшая на влияние в этой стране Россия с ее немалыми интересами в соседней Маньчжурии (достаточно вспомнить о железной дороге) были вынуждены отступить. Это положило начало постепенному превращению Кореи в страну, находившуюся во все более сильной колониальной зависимости от Японии. Случай первый в своем роде, ибо до того колониальной зависимости одной восточной страны от другой не возникало. Но Япония не обычная страна Востока. Поэтому подчинение ею Кореи фактически может быть приравнено к колониальной зависимости от стран Запада.

Глава двадцать пятая.

НЕЗАВИСИМЫЕ СТРАНЫ ВОСТОКА

Таких стран было очень немного, по большому счету их было лишь две, Япония и Сиам (Таиланд). Правда, к их числу по некоторым соображениям можно было бы прибавить с оговорками еще несколько. Это,

например, Ливия на севере, Либерия на западе и Эфиопия на северо-востоке Африки. Они были формально свободными вплоть до начала XX в., когда Италия сделала две из них на короткое время колониями. Но стоит заметить, что и до того о независимости этих стран говорить без оговорок было бы довольно сложно. Ливия находилась в вассальной зависимости от Османской империи, а Эфиопия подвергалась нападению со стороны Италии уже в 1895 г. Что касается Либерии, то это необычное государство, созданное в начале XIX в. неграми, а точнее, эмигрировавшими из США бывшими рабами, формально зависимой ни от кого не была. Да никто и не покушался на ее независимость. Однако при этом внутри страны всегда существовали сложности во взаимоотношениях потомков американцев с местными аборигенными племенами, причем неравенство в отношениях было более чем просто заметным. Особо стоит сказать о Саудовском эмирате, который в XIX в. временами освобождался от вассальной зависимости по отношению к Турции, но затем снова оказывался в состоянии зависимости от нее, не говоря уже о попытках англичан укрепить свои связи с Саудидами.

Словом, ряд небольших государств, перечисленных выше, могут быть сочтены независимыми, но при этом стоит заметить, что все они были в XIX в. крайне отсталыми, отчасти населенными полупервобытными племенами и не отличавшимися сколько-нибудь заметными темпами эволюции. По сути о них вполне достаточно в рамках данного издания лишь упомянуть, что и было только что сделано. Специального внимания заслуживают только два государства, которые были подлинно независимыми и при том сыграли в истории достаточно заметную роль. О них в основном и пойдет речь.

ЯПОНИЯ В НАЧАЛЕ XIX в.

Островная Япония с первых шагов своего существования, стоит напомнить, несколько отличалась от других государств традиционного Востока. Эти различия в основном сводились к заметной роли вполне развитого рыночно-частнособственнического хозяйства при сохранении господствующей структуры власти-собственности с децентрализованной редистрибуцией в ее весьма оригинальной форме. Эта форма привела Японию к появлению в ней института сёгуната, т.е. военного управления страной. Формально высшая власть императора не отрицалась. Она просто оказалась лишенной привычного содержания, тогда как реальная власть в стране попала в руки ее военных руководителей, *сёгунов*, которые опирались именно на военную силу и в гораздо мень-

шей степени на слабую систему администрации. Практически это означало, что милитаризм как некая основа существования Японии, уходил в глубину веков, что следует считать одной из важнейших особенностей исторического развития этой необычной страны.

Другим важным моментом, характеризующим ту же необычность, было наличие в стране, параллельно с сёгунатом как военизированной администрацией, влиятельного слоя богатых наследственных феодалов, князей-даймё. Мощь каждого из них, как и сёгуна, во многом зависела от количества воинов-самураев, общее число которых было в позднем средневековье более чем внушительным; оно составляло от 6 до 10% населения страны. Стоит обратить внимание на то, что японские владетельные князья, напоминая индийских, в реальности весьма заметно от них отличались. Разница сводилась главным образом к тому, что ни один из них не претендовал на автономное существование княжества в качестве обособленного от других минигосударства. Напротив, их княжества более или менее гармонично вливались в структуру власти-собственности, которая тем самым обретала облик второго, феодального ее варианта.

Как о том уже вкратце упоминалось в предыдущем томе, японские сёгуны из дома Токугава, как то имело место и в средневековой Европе, с трудом обеспечивали лояльность своих многочисленных вассалов. Различного рода ухищрения, включая сокращение сроков обязательного пребывания князей в столице сёгуна вместо одного года раз в два года лишь полугода (это изменение режима, компенсировавшееся очень большими выплатами в казну сёгуната, просуществовало лишь около десятка лет, с 1721 по 1731 г.), не могли помочь. Дорого стоило сёгуну и содержание самураев. В итоге доходы казны и соответственно политическая власть сёгунов на протяжении XVIII в. заметно уменьшались. Конечно, финансовые накладки ощущали и князья, у которых тоже было немало своих самураев. А попытки урезать расходы на их содержание с последующим обеднением самураев влекли за собой ослабление этого социального слоя воинов с их очень высоким чувством собственного достоинства. Этот слой, помимо всего прочего, был крайне важен для сохранения в стране консервативной стабильности, обычно столь высоко ценившейся на всем Востоке во все времена.

Самураи, да и князья порой влезали в неоплатные долги. Кредиторами же оказывались торговцы. Вообще, еще одной важной спецификой Японии, по меньшей мере в XVIII–XIX столетиях, было очень заметное развитие торговли и городов, особенно портовых, как

ее центров. Этот расцвет городского хозяйства, пусть без ощутимых признаков самоуправления, которое в европейских городах восходило к античной традиции, заслуживает особого внимания, ибо именно морская торговля и осуществлявшиеся с ее помощью дальние связи с иными государствами и прежде всего с Голландской Индией, сыграли огромную роль в исторической судьбе Японии. Приходившие через посредство нидерландских купцов и моряков сведения о достижениях западноевропейских буржуа и о буржуазных преобразованиях на Западе, опиравшихся на развитие там научно-технических знаний и на технико-технологические изобретения и усовершенствования, с жадностью воспринимались в этой восточной стране, далеко не обычной для традиционного Востока по многим параметрам.

Обогащавшаяся за счет внешних контактов торговля в крупных портовых центрах процветала. Развивались города и укреплялись позиции купцов с их все расширявшимися торговыми оборотами. Появлялись купеческие торговые дома с серьезными накоплениями и возможностями. Эти дома нередко брали на себя заботу о финансах даймё. Японская феодальная знать, ощущая свою все возрастающую зависимость от богатых торговцев, пыталась как-то изменить ситуацию. Стремясь увеличить долю доходов, власти, включая и даймё в пределах их княжеств, то прибегали к перечекалке (порче) монет, то пытались ввести монополию на торговлю некоторыми видами товаров. Они также временами делали ставку на увеличение площади обрабатываемой земли с параллельным сокращением в стране рождаемости, что должно было привести к увеличению притока налогов с крестьян. При этом принимались специальные меры для того, чтобы ограничить отток рабочей силы из деревни в город, дабы не оставалось необработанной земли. Оказывалось содействие и увеличению объема ремесленного производства в деревнях, что вело не столько к ослаблению могущественных торговых городов, сколько к появлению в стране большого количества выросших на базе деревень небольших торгово-ремесленных слобод.

Однако стремление сёгунов приостановить процесс ослабления их власти с помощью всех этих и различных иных реформ к позитивным результатам не приводило, что стало особенно заметно в XIX столетии. Попытка усилить свою роль в прибрежных районах и даже переместить некоторых даймё из них в другие места вызвала сопротивление и оказалась тщетной. Здесь важно заметить, что сёгуны тратили много сил и столь ограниченных у них средств на то, чтобы обезопасить стратегически важные по их представлениям

территории на побережье страны, особенно в районах, где располагались портовые города. Это почти маниакальное стремление нуждается в объяснении.

Дело в том, что, будучи противниками участвовавших контактов с европейцами, сёгуны из дома Токугава едва ли не с начального этапа своего существования выступали за сокращение внешнеторговой активности, да и вообще всех внешних связей страны. Лишь торговля с китайцами и с голландцами допускалась. И при всем том, что у голландцев чуть ли не с XVII в. на острове Дэсима существовала фактория, их торговля была под строгим контролем. Этот контроль призван был ограничить проникновение в страну влияний извне. Не очень ясно, почему японская элита так опасалась этих влияний. Ведь в отличие от самодостаточного и горделивого Китая Япония с самого своего появления в качестве государства не только не боялась перенимать чужие, в первую очередь китайские достижения, но, напротив, всячески к этому стремилась. Иными словами, она была традиционно открыта для влияний.

Впервые откровенное неприятие их проявилось только в XVI в., когда количество западных миссионеров и обращенных в христианство японцев превысило всякие допустимые размеры и вызвало ответные гонения на христиан и особенно на европейцев. Но справедливости ради заметим, что даже ограниченное знакомство японцев с голландцами и с постоянно передававшимися ими достижениями европейцев (голландская наука, *рангакуся*) с их столь характерными для XVII–XVIII вв. буржуазными преобразованиями сыграло, о чем только что шла речь, немаловажную роль. Оно интенсивно способствовало развитию японской экономики и даже, возможно, модернизации ее по европейскому стандарту, включая, видимо, и появление в ряде городов страны мануфактурного производства.

Понятно, что в подобного рода условиях борьба сёгунов за улучшение своего финансового положения и укрепление власти к успеху привести не могла. В сложившейся к XIX столетию в стране обстановке усиливавшихся попыток контроля над внешними связями, прежде всего со странами Запада (практика такого контроля была, видимо, как благая норма, заимствована у тех же китайцев), экономика лишь многое теряла. Она не могла не вести к дальнейшему ослаблению сёгуната как института, который претендовал на исключительные властные полномочия. Понятно в этой связи и возраставшее противодействие тех не слишком многочисленных, но зато чрезвычайно влиятельных

даймё, которые, вопреки политике сёгунов, укрепляли свои связи с голландцами. Можно понять и тех, кто открыто настаивал на продолжении изучения западного опыта, а также тех, кто, видя тенденцию к упадку власти сёгунов, высказывал идеи, связывавшие возрождение страны с возрастанием роли всеми забытого императора, этого потомка великой богини Аматерасу.

СЕРЕДИНА ВЕКА. РЕСТАВРАЦИЯ МЭЙДЗИ

Заемствованный у Китая принцип самоизоляции, суть которого сводилась к тому, чтобы затруднить доступ в Японию принуждением желавших установить с ней связи, как то было и в империи Цин, соблюдать униженный церемониальный ритуал во дворце императора, был призван пресечь явно возраставшую тенденцию к общению с иноземцами. Рождение этой тенденции в небольшом островном государстве было вполне логичным и естественным. Голландцы, явно понимавшие это, когда-то вынуждены были пойти на подобного рода унижение, в результате чего постоянные их контакты с Японией сыграли столь большую роль как в их торговле, так и в еще большей степени в развитии Страны восходящего солнца, как ее в Китае привычно именовали. Об этом необходимо помнить потому, что сакрально-ритуальная фигура божественного *тэнно* имела немалый формальный смысл, а в кризисной ситуации, к которой Япония в XIX в. быстрыми темпами приближалась, могла обрести и некоторую реальную значимость.

Это было связано еще и с тем, что миф о богине Аматерасу не просто воспринимался японцами лишь как древнее сказание. В их естественно сложившейся в условиях ограниченных связей с внешним миром системе представлений мифы подобного рода были очень важными, практически основополагающими конструкциями. Их островное государство если и не считалось центром Вселенной, то во всяком случае рассматривалось как нечто вроде варианта такого центра. А высоко чтимый факт бессменного существования династии императоров, которые — в отличие от китайских династий, то и дело сменявших друг друга, — вели свое происхождение от древней богини, придавал всем японцам чувство гордости и, если уж на то пошло, даже некоторого превосходства над всеми остальными.

Но середина XIX столетия была во многих отношениях переломной как для всей планеты, ощущавшей натиск развитых европейских держав с их буржуазными преобразованиями, так и для стран дальневосточного региона. В это время всюду безжалостно рушились древ-

ние мифы и созданные с их помощью нереальные представления об окружающем ту либо иную страну внешнем мире. Разумеется, многие хотели бы укрыться от этого, и легче других такого результата вроде бы могла добиться отдаленная от Запада Япония. Однако на деле все было не так. Внешний мир при посредстве голландцев постоянно давал о себе знать, причем в весьма широком диапазоне необходимых сведений, особенно во всем том, что касается научных, политических и даже социальных событий. Но привыкшая к получению сведений о внешнем мире от голландцев (китайцы, как известно, этим демонстративно не интересовались), Япония в лице ее элиты не просто довольствовалась этим, кое-что умело и охотно по привычке заимствуя, но и, похоже, интерпретировала все по-своему. Можно даже предположить, что образованные верхи общества, если они были знакомы с картами планеты, реальный внешний мир воспринимали, как то было и в Китае, не вполне адекватно.

Все это очень важно принять во внимание, коль скоро речь заходит о наступлении ключевого для страны периода решительной, радикальной переоценки ценностей, произошедшей к тому же в минимально возможный, исторически кратчайший срок, за период жизни одного-двух поколений. Конечно, перелом начался не вдруг. Первая половина XIX в. прошла в этом смысле под знаком все более усиливавшегося внимания ко всему тому, что привозили с собой, распространяли и рассказывали голландцы. В стране даже возникали специальные школы, где учили голландский язык и читали разнообразные западные книги на этом языке. Достаточно обратить внимание, что прибрежные порты были оснащены артиллерией и что залпы японских орудий (а откуда они могли бы взяться, если бы не голландцы?) давали понять случайно оказывавшимся поблизости иностранным кораблям, что их высадка на берег нежелательна. А после опиумной войны, которая открыла на рубеже 1840-х гг. для иностранцев дорогу в Китай, японцы не могли не осознать, что наступила новая эпоха, которая так либо иначе, рано или поздно, но затронет и их острова. И они, что весьма любопытно, прежде всего взялись за изучение военного дела, активное заимствование военной техники и прежде всего организацию все той же береговой артиллерии, причем не только там, где твердо осуществлял свою власть сёгун, но и во владениях даймё.

В это же время в стране начали всерьез осмысливаться события, которые происходили во внешнем мире, а внешним миром для японцев, несмотря на всестороннюю и давнишнюю информацию от гол-

ние мифы и созданные с их помощью нереальные представления об окружающем ту либо иную страну внешнем мире. Разумеется, многие хотели бы укрыться от этого, и легче других такого результата вроде бы могла добиться отдаленная от Запада Япония. Однако на деле все было не так. Внешний мир при посредстве голландцев постоянно давал о себе знать, причем в весьма широком диапазоне необходимых сведений, особенно во всем том, что касается научных, политических и даже социальных событий. Но привыкшая к получению сведений о внешнем мире от голландцев (китайцы, как известно, этим демонстративно не интересовались), Япония в лице ее элиты не просто довольствовалась этим, кое-что умело и охотно по привычке заимствуя, но и, похоже, интерпретировала все по-своему. Можно даже предположить, что образованные верхи общества, если они были знакомы с картами планеты, реальный внешний мир воспринимали, как то было и в Китае, не вполне адекватно.

Все это очень важно принять во внимание, коль скоро речь заходит о наступлении ключевого для страны периода решительной, радикальной переоценки ценностей, произошедшей к тому же в минимально возможный, исторически кратчайший срок, за период жизни одного-двух поколений. Конечно, перелом начался не вдруг. Первая половина XIX в. прошла в этом смысле под знаком все более усиливавшегося внимания ко всему тому, что привозили с собой, распространяли и рассказывали голландцы. В стране даже возникали специальные школы, где учили голландский язык и читали разнообразные западные книги на этом языке. Достаточно обратить внимание, что прибрежные порты были оснащены артиллерией и что залпы японских орудий (а откуда они могли бы взяться, если бы не голландцы?) давали понять случайно оказывавшимся поблизости иностранным кораблям, что их высадка на берег нежелательна. А после опиумной войны, которая открыла на рубеже 1840-х гг. для иностранцев дорогу в Китай, японцы не могли не осознать, что наступила новая эпоха, которая так либо иначе, рано или поздно, но затронет и их острова. И они, что весьма любопытно, прежде всего взялись за изучение военного дела, активное заимствование военной техники и прежде всего организацию все той же береговой артиллерии, причем не только там, где твердо осуществлял свою власть сёгун, но и во владениях даймё.

В это же время в стране начали всерьез осмысливаться события, которые происходили во внешнем мире, а внешним миром для японцев, несмотря на всестороннюю и давнишнюю информацию от гол-

ландцев, был по-прежнему главным образом Китай. Внимательно следя за событиями в Китае и обращая преимущественное внимание на откровенную слабость его армии с ее давно и безнадежно устаревшими методами и средствами ведения войны, японцы искали выхода из сложившегося положения. Ученые упоминавшейся школы рангакуся, т.е. те, кто более или менее хорошо через голландцев и их книги был знаком с достижениями буржуазного Запада, стали особенно энергично призывать к наращиванию военной мощи современного типа. Другие из числа правящей элиты считали необходимым усилить сакрально-духовную сплоченность японцев в их противостоянии варварам и готовность к борьбе в случае опасности. А для этого они предлагали обратить внимание на национальную реликвию страны, божественного тэнно, т.е. почти забытого императора.

Крайне любопытно сравнить эту обеспокоенность и чрезвычайную активность японцев, в том числе вполне деловую, выражавшуюся в стремительном военном оснащении страны, с тем почти равнодушным безразличием, в котором в это время находился огромный Китай. Правда, нельзя забывать о том, что китайская империя была в состоянии жестокого внутреннего кризиса, о котором уже говорилось и который привел к восстанию тайпинов. Но, принимая это во внимание, стоит видеть и другое: империя почти осознанно пренебрегала опасностью. Подобно засунувшему голову в песок страусу, она довольно долго не то чтобы в упор не видела, но все же делала вид, что не видела и во всяком случае демонстративно не придавала значения укреплению в Китае позиций иностранцев. А когда этим возмущился народ в облике практически беззащитных ихэтуаней, которые рассчитывали чуть ли не с помощью заговоров оказаться защищенными от пуль и потому смело, будучи почти безоружными, шли против западных пулеметов и пушек, было уже поздно. Совсем не так вели себя японцы, не дожидавшиеся печальной развязки, но энергично пытавшиеся предвосхитить события.

Первой из стран Запада, которая на официальном уровне (речь не о купцах!) попыталась заключить договор с Японией, были США, пославшие в 1853 г. от имени президента эскадру во главе с commodором М. Перри. Интерес американцев к налаживанию связей с Японией объяснялся ее геостратегическим расположением, существенным для западноамериканской внешнеторговой активности. Договор был заключен и ратифицирован обеими сторонами, после чего аналогичных соглашений добились Англия, Россия, Голландия и Франция. Для

торговли предполагалось открыть ряд японских портов, в некоторых случаях иностранцам разрешалось жить в них. Были открыты миссии западных держав.

Естественно, после этого произошел раскол. Многие японцы были резко против не только договоров с иностранцами и их присутствия в стране, но и, причем прежде всего, против того, кто счел возможным пойти на недопустимые уступки заморским варварам. Принявший эти принципиально важные для страны решения сёгун Ии Наосукэ был в 1860 г. убит. Мало того, параллельно с этим в стране начали одного за другим преследовать и убивать поселившихся в ней иностранцев. Неизвестно, чем закончилась бы для Японии эта практика (существует мнение, что она могла быть чревата для страны катастрофой), если бы не выступление влиятельнейших в стране даймё, настаивавших на продолжении контактов с Западом при условии некоторой задержки с открытием ряда портов. Соответствующее послание, которое японцы отправили в 1861 г. западным державам, в создавшихся условиях было принято во внимание. Открытие портов было отложено до 1868 г.

Тем временем эти же даймё (речь прежде всего о сильных южных княжествах Тёсю и Сацума, хотя аналогичную политику проводили подчас и другие) поняли, что наступило их время. В лихорадочном темпе они начали создавать военную промышленность на заводах с паровыми машинами, строить верфи и сооружать на них современные пароходы, заказывать корабли в западных странах и переобучать самурайское войско по европейским стандартам, закупая западное стрелковое оружие. Вскоре их примеру начал следовать и новый сёгун. Поражает стремительность, с которой все это происходило буквально за считанные годы. Но стоит принять во внимание, что все эти успешные акции сводились прежде всего и главным образом к перевооружению страны, целью которого — как то было и в Китае — в основном освобождение от давления со стороны иностранцев, активное и успешное противостояние им. Более того, усиление значения императорского двора было очень тесно связано и с противостоянием сёгунам, которые продемонстрировали готовность идти на уступки Западу. Создавалась ситуация, способствовавшая тому, чтобы император превратился в центр националистической реакции. Во всяком случае, подъем патриотизма в стране сводился к защите Японии от натиска на нее враждебного Запада. Император Комэй, чье влияние неслыханно возрастало не по дням, а по часам, требовал решительности в осуществлении этой политики.

Часть даймё была готова примкнуть к императору и противостоять сёгуну, хотя эти попытки были довольно быстро пресечены. Напряжение в стране, вызванное столкновением противоречивых интересов и усиливавшимся давлением со стороны держав, постоянно нарастало. Кульминацией процесса стало восшествие на японский престол в начале 1867 г. молодого императора Муцухито. Новый божественный тэнно занял место отца в момент, когда напряжение достигло максимума. При этом одна из группировок, активно боровшихся за влияние в стране, была за то, чтобы вернуть императору часть реальной власти в стране и по его указу создать нечто вроде правящего клуба князей, совета даймё. Этот призыв фактически означал, что время правления сёгунов подошло к концу, тогда как князья-даймё должны выйти на авансцену. Последний сёгун из дома Токугава готов был принять такое предложение, сохранив, однако, все свои огромные реальные владения. Большинство даймё с этим не согласилось, многие выступили с требованием наказать сёгуна. Почти весь 1868 г. прошел под знаком ожесточенной борьбы обеих группировок, но в конечном счете власть перешла к Муцухито, начавшего править под девизом Мэйдзи.

ЯПОНИЯ ПОСЛЕ 1868 г.

Последняя треть века была для Японии решающим периодом в процессе коренного преобразования. И здесь следует отдать должное божественному самодержцу. Придя к власти с помощью тех, кто решительно выступал с националистическо-патриотических позиций за отпор иностранцам, он вел себя, однако, крайне осторожно и, что называется, с умом. В частности, приняв иностранных посланников и заверив их в уважении к заключенным ранее договорам (в то же время намекнув о желательности некоторого пересмотра отдельных позиций), император дал понять, что резких действий против укрепившегося в Японии иностранного капитала и иностранцев вообще он предпринимать не намерен. Более того, буквально сразу же после обретения им реальной власти Муцухито выразил полную готовность энергично взяться за трансформацию и модернизацию Японии и подтвердил эту готовность серьезными преобразованиями, в основном явно буржуазного характера.

Уже в 1868 г. было положено начало изменению системы администрации. Управлять страной вместе с императором должен был Государственный совет, которому были подведомственны департаменты типа министерств с исполнительной властью. При этом суд подлежал

ведению одного из них, департамента юстиции. В стране — причем по инициативе самих даймё, что следует считать уникальным явлением, — были приняты решительные меры, направленные на дефеодализацию. Князья возвращали свои владения императору на выгодных условиях (ежегодные выплаты в объеме 10% годового дохода при освобождении от налогов и отказе от содержания самураев, забота о которых становилась делом казны), а княжества преобразовывались в провинции. Управление провинциями оставалось вначале за князьями, превращавшимися в губернаторов. Процесс централизации власти занял несколько лет, но зато принес очень весомые результаты. В 1871 г. вся страна была заново поделена на несколько десятков провинций, самурайские армии даймё ушли в прошлое, губернаторы провинций стали назначаться министерством внутренних дел. Сразу же вслед за этим было упрощено сословное членение общества и ликвидированы столь существенные на протяжении свыше чем тысячелетия сословные привилегии.

С 1872 г. начались решительные преобразования в системе аграрных отношений. Был взят курс на создание буржуазной по основным ее стандартам частной земельной собственности со свободной куплей-продажей земли. В 1873 г. урегулировали систему налогообложения и снизили до 3% ставку земельного налога. Самураев начали использовать для создания офицерского корпуса в реформированной императорской армии, которая с 1872 г. формировалась на основе воинской повинности (20-летние мужчины служили 3 года, потом несколько лет числились в резерве), и в системе бюрократической администрации. С 1872 г. в стране законодательно введено обязательное начальное образование, созданы также учебные заведения для получения среднего и высшего образования с учетом передовых западных стандартов. Наконец, в 1875 г. по инициативе самого императора был поставлен вопрос о переходе страны к конституционной системе управления.

Здесь стоит остановиться и, как говорится, перевести дух. Все только что изложенное заставляет лишь развести руками и в буквальном смысле слова протереть глаза. Такого объема столь радикальных преобразований безо всякой массовой и тем более сопровождавшейся насилием революции, к тому же при активном участии правителя и очевидной готовности знати на серьезные перемены, не знала ни одна страна в мире. Правда, и в Японии не все шло гладко. Главной консервативной силой оказались самураи. Не то чтобы их вовсе обошли вниманием. Этого не случилось, о чем только что было упомянуто. Но

некоторые ограничения, в частности лишение права носить оружие, которым они в прошлом пользовались достаточно часто и не всегда обоснованно (у каждого простолюдина был шанс потерять голову лишь потому, что самураю захотелось испытать боевую силу его меча), вызвало массовое раздражение с их стороны. Прекращение в стране военных столкновений тоже вызывало серьезное недовольство: самураи в середине 1870-х гг. рвались то в Корею, то на Тайвань, чтобы было где подтвердить их военную квалификацию. В 1877 г. ими был даже поднят вооруженный мятеж, который, однако, власти легко подавили.

И это следует считать нормой. Страна не была готова к военным провокациям и вовсе не стремилась удовлетворять притязания привыкших воевать самураев. Им следовало изменить психологический стереотип и смириться с тем, что отныне они лишь часть великой страны, стремящейся к быстрым и эффективным радикальным преобразованиям ради того, чтобы стать сильной и не только не оказаться в зависимости от держав, но и самой стать в ряд ведущих держав мира. И надо сказать, что Япония шла к своей не вполне явно выраженной цели очень уверенно, не делая серьезных ошибок и не теряя драгоценного времени. В частности, это было заметно на примере трансформации ее экономики, которая решительно шла по пути буржуазного типа реформ.

Купеческий капитал, серьезно развивавшийся еще в недавнем прошлом в рамках сильных княжеств, обрел как бы новые крылья в условиях надежно организованного, не подверженного колебаниям и неожиданным поворотам предбуржуазного общества. Предбуржуазность Японии 1870–1890-х гг. очевидна, как заметно и ее столь же существенное отставание от Западной Европы XIX столетия во всем том, что имеет отношение к системе демократических прав, свобод и электоральной традиции. Со всем этим, отсутствовавшим в ее традиции, страна — как и близкая к ней в этом смысле Россия — не была знакома вовсе. Но, а в этом очень заметно отличаясь от России, при всем том ее предбуржуазность в конце века была совсем не похожа на ту, которой отличалась почти вся континентальная Европа (кроме, быть может, Голландии, да разве что и Швейцарии) до наполеоновских войн. Она была много более продвинутой просто потому, что Япония крайне успешно и целенаправленно, чего не происходило в России, заимствовала из Европы конца XIX в. технику, технологию и новейшие достижения в организации экономики. И это, как хорошо известно, позитивно сказалось на результатах.

Стоит начать с того, что после реорганизации социально-политической системы и почти полной, причем крайне быстрой дефеодализации страны место бывших даймё заняло центральное правительство. Именно оно взяло на себя заботу о дорогих, трудоемких, не обещавших прибыли, но очень ценившихся в Японии предприятиях военной промышленности. Все построенные князьями ранее и многие создававшиеся заново заводы, верфи, арсеналы, рудники и шахты, а также транспортные и иные сети (включая телеграф, почту и железные дороги) оказались в ведении казны. Заложив тем самым основу тяжелой промышленности и, более того, активно привлекая в качестве представителей правительства для управления всеми упомянутыми производствами и средствами связи самураев, которые тем самым находили достойное для себя применение и, как позже выяснилось, оказались вполне пригодными для этого, правительство на первых порах решило сразу несколько важных задач. Развивалась экономика, формировалась практика управления казенным производством и обретали квалификацию те из самураев, кто еще не был занят ни в армии, ни в системе администрации.

Однако долго это продолжаться не могло. Твердый курс на создание новой экономики буржуазного типа, основанной на преобладании частной собственности, привел к очень важному закону 1880 г. о приватизации. После принятия этого закона все важнейшие казенные предприятия были за бесценок проданы возникшим к этому времени и хорошо проявившим себя наиболее крупным и умело действовавшим торгово-промышленным компаниям («Мицуи», «Мицубиси», «Фурукава» и др.). Этот важнейший акт избавил японское государство от грозившей стать в будущем неэффективной громоздкой системы владения и управления казенными предприятиями со столь присущей ей коррупции. Мало того, он в то же время энергично поддержал расцветавшее частное предпринимательство. Следует особо подчеркнуть, что в стране, особенности развития которой избавили ее от существования традиционного и наследственного слоя бюрократии и тем самым от традиции взяточничества и воровства, приватизация такого рода оказалась великим благом. Законодательство тщательно соблюдалось, ибо преданность и верность норме было делом чести элиты новой Японии, комплектовавшейся за счет веками воспитывавшегося соответствующим образом самурайства.

В 1880-х гг. в стране взялись за оздоровление системы финансов. Быстрыми темпами возникали банки и иные учреждения, позволяв-

шие накапливать средства мелких вкладчиков и предоставлять кредиты для экономического развития. Развивалась легкая и прежде всего текстильная промышленность (хлопок, шелк), причем немалая часть ее продукции шла на экспорт. Одна торговля шелками давала до 40% доходов в валюте. С 1890-х гг. Япония вышла на мировой уровень в производстве новейшего оборудования — локомотивы, электричество и т.п. То же самое следует сказать о добыче угля и тяжелой промышленности, металлургии. Все эти экономические достижения вели к резкому усилению страны и к выходу ее на авансцену истории в качестве заметной по силе и мощи державы. Это не могли не принимать во внимание и западные страны, которые были вынуждены делать Японии одну уступку за другой (имеются в виду льготы, предоставленные им на первых порах), там самым признавая ее успехи и отдавая им должное. Но и сама Япония как держава начинала вести свою внешнюю политику все более независимо, чтобы не сказать нагло.

Проявилось это в середине 1890-х гг. в оккупации Тайваня и проникновении в Корею, о чем уже шла речь, а затем в участии вместе с западными странами в подавлении восстания ихэтуаней в Китае. Словом, конец XIX столетия стал для милитаризованной и промышленно оснащенной Японии, не только сохранившей, но и приумножившей воинственный дух самураев, временем активной реализации плодов ее умелой и крайне эффективной внутренней политики, направленной на ускоренную трансформацию, вестернизацию и модернизацию. Было заимствовано от западной буржуазной модели все, что та могла дать, включая и конституцию. В 1890 г. после визита миссии Ито в Европу в стране начал работу парламент, сконструированный по образцу созданного Бисмарком в милитаризованной Пруссии. Были признаны основные демократические свободы и гражданские права, а Япония стала развитой буржуазной державой. Но буржуазная Япония, заботившаяся о благополучии своих граждан, отличалась крайне жестким, скорее даже жестоким отношением к другим странам и народам. Традиционно милитаризованный вариант конституционной монархии, начисто лишенный того гуманизма, которым была вдоволь напитаана позднесредневековая Европа с ее античными традициями и особенно взлетом великой эпохи Возрождения, оказался не просто агрессивно воинственным, но и необычайно наполненным чувством превосходства над всем остальным миром.

Уже на рубеже XIX–XX вв. это стало очень ощутимым, а в дальнейшем, как известно, привело ко многим событиям, как успешным

(русско-японская война), так и весьма печальным для этой страны. Не забегая далеко вперед, стоит все же заметить, что все невзгоды, выпавшие на долю Японии в первой половине XX в., включая и атомные взрывы, были в общем-то своего рода закономерной расплатой за милитаризм, насилия и зверства, которыми прославились японцы, прежде всего японская армия, особенно в годы Второй мировой войны. И только после этого, причем в основном за счет сурово проведенной американским генералом Д. Макартуром демилитаризации и демократизации Японии, эта страна пошла вперед семимильными шагами.

СИАМ (ТАИЛАНД)

Второй крупной страной Востока, сумевшей не стать колонией и даже не оказаться в числе зависимых от западных держав, был Сиам. Расположенный между сферами влияния Англии и Франции в Индокитае, он долгое время был своего рода буфером, что сыграло роль в сохранении независимости этой страны. На заре колониализма, в XVI–XVII вв., территорию Сиама, где существовали разные государства, охотно посещали сперва португальцы, затем голландцы, англичане и французы, да и иные иностранцы. Здесь не произрастали пряности, не было золота и других ценностей, что также имело значение при решении вопроса о превращении какой-либо территории в колонию. Стоит напомнить, что для раннего этапа колониализма захват чужих территорий — дело хлопотное, дорогостоящее и скорее убыточное, нежели прибыльное, — не был целью колонизаторов. Они создавали фактории, искали то, что им было нужно, а если не находили, то закрывали свои фактории и шли искать прибыль в другие места.

Следует также учесть, что государства в Сиаме, начиная с Аюттии, которая существовала в те века, когда эта территория подверглась натиску первого эшелона колонизаторов, искавших торговую выгоду, были достаточно крупными и сильными. Они заставляли западных пришельцев считаться с собой, хотя и охотно вступали с колонизаторами во взаимовыгодные связи. Так например, с помощью европейцев здесь было налажено производство огнестрельного оружия, включая пушки, за что те получили право свободной торговли и миссионерской проповеди, а также возможность создавать фактории. На рубеже XVII–XVIII вв. Сиам сумел практически освободиться от колонизаторов и закрыть страну от их присутствия. Это было важным отличием его от соседей. Что касается внутренней структуры, то она мало чем отличалась от обычной для Востока власти-собственности с централизованной реди-

стрибуцией. Централизация, впрочем, доходила в Сиаме до весьма значительной степени. Крестьяне в стране половину времени были обязаны работать на казну, что не способствовало развитию хозяйства, хотя и создавало запас прочности для государства с его хорошо налаженной системой администрации. Однако эта уходящая в прошлое система все время дополнялась новыми важными переменами.

В Сиаме рано, не позже XVIII в., появилась большая китайская колония, оказывавшая немалое влияние на успешное экономическое развитие страны. Китайцы освоили выращивание сахарного тростника и производство сахара. Их усилиями в XVIII–XIX вв. начали развиваться города, особенно портовые, в которых создавались верфи, строились корабли. Вообще, с XIX столетия развитие связей с соседними государствами — при ведшихся параллельно войнах с ними (с Вьетнамом, Бирмой, Лаосом, Камбоджей), по большей части успешными для Сиам — привело к возрастанию в стране роли товарно-денежных отношений и близкого к протобуржуазному по стандарту частнособственнического сектора экономики. Это развитие, шедшее в основном за счет внутренних потенций (не забудем при этом о позитивной роли китайцев-хуацяо), сильно укрепляло Сиам, превращая его не просто в буфер, но и в одну из наиболее крепких стран Индокитая, с которыми колонизаторы предпочитали не связываться. Да, кроме прочего, у них, т.е. у англичан и французов, занятых в XIX столетии освоением Бирмы на западе и Вьетнама на востоке, до Сиам просто не доходили руки. А тем временем успешно развивавшееся и продолжавшее усиливаться государство само постепенно втягивалось в мировой рынок и в принципе перестало чураться колониального капитала, хотя и не стремилось радовать его чрезмерными льготами и привилегиями.

Государственная барщина в XIX в. стала более слабой, два-три месяца в году вместо шести прежних, но она по-прежнему оставалась неумеренно тяжелой, уникальной по объему. Внешняя торговля считалась монополией короля, что определяло усиление роли казенного начала не только в сельском хозяйстве, но и во внешнеторговых связях. Эта откровенная ставка на большую роль государства в экономике до определенного момента себя явно оправдывала. Она создавала серьезную экономическую основу для сильной административно-бюрократической системы, которая к тому же еще не успела оказаться в объятиях привычной в таких случаях коррупции (об этом по крайней мере нет сколько-нибудь настойчивых упоминаний). В отличие от деревни сиамские города с их преимущественно не тайским, а китайским, вьетнамским,

даже бирманским населением были чем-то вроде чужеродных островов в море привычно отсталой земледельческой казенной экономики. Но эти острова очень быстрыми темпами расширяли свои размеры и увеличивали свою роль в хозяйственном развитии Сиам. Это вело к энергичной трансформации в основном еще добуржуазной экономики страны.

На протяжении первой половины XIX в. в стране начал увеличиваться сектор протобуржуазного по типу частнособственнического хозяйства, причем не только в городах. Стала совершенствоваться система законодательства. При короле Раме II (1809–1824) крестьянам начали выдаваться документы на владение землей с правом ее отчуждения. Столь привычная для страны государственная барщина стала изменяться за счет откупов от нее либо применения наемного труда (в качестве наемников выступали китайцы). Вообще, Сиам, несмотря на его кажущуюся замкнутость, довольно быстро приспосабливался к изменявшемуся миру. При этом он стремился обходиться без серьезной зависимости от Запада. В связи с этим существенно заметить, что в Сиам все настойчивее стремились проникнуть англичане, пытавшиеся заставить правительство шире открыть двери для западной торговли. Однако сиамские короли совсем не спешили с этим, сохраняя свою монополию. Зато они, в частности Рама III (1824–1851), охотно приглашали западных военных инструкторов для модернизации армии, включая современную артиллерию и военный флот.

В середине XIX в. и особенно в годы правления Рамы IV (1851–1868) практика давления государства на земледельцев и прочие средневековые нормы начали безвозвратно уходить в прошлое. Влияние западных стандартов не только не миновало свободный от иностранной зависимости Сиам, но даже как бы нарочито подчеркивалось его правителями. Сам король относился к буржуазному Западу с вниманием, стремясь перенять все, что он считал полезным. И когда Англия в 1855 г. прислала корабль с миссией во главе с губернатором Гонконга с целью заключить договор о торговых связях, власти Сиам согласились предоставить англичанам ряд важных привилегий, включая право экстерриториальности, разработки горнорудных богатств страны и возможность вести торговлю с 3%-ной пошлиной. Был даже разрешен ввоз опиума. Затем аналогичные соглашения были подписаны с США, Францией и некоторыми другими западными странами. При этом стоит обратить внимание на то, что соглашения о дипломатических миссиях были обоюдными: в обмен на появление таких миссий

в Сиаме эта страна получила право посылать свои миссии в западные страны, что было полезно для нее, учитывая ее намерения перенимать многое из западного опыта. Более того, Сиа́м открыл свои консульства и во многих важных азиатских центрах — в Индии, Китае, некоторых странах Индокитая.

Принято считать договоры, предоставлявшие западным странам льготные условия для проникновения в государства Востока, неравноправными. С точки зрения взаимных возможностей это, скорее всего, было именно так. Однако в случае с Сиамом (о Японии в этом смысле нет и речи) стоит сделать оговорку. То, к чему это государство стремилось, оно получало, пусть даже иногда — как в отношениях с Францией, которой Сиа́м вынужден был в 1867 г. отдать контроль над Камбоджей, — с некоторыми потерями, правда, за чужой счет. Зато отношение к торговым контактам с Западом в Сиаме во второй половине XIX столетия было вполне благожелательным, что и избавляло державы от необходимости проводить по отношению к этой стране более жесткую политику. Более того, Сиа́м, как в свое время Япония, охотно перенимал у европейцев все то, что содействовало успешной трансформации и модернизации.

В годы правления Рамы V (1868–1910), пришедшиеся на заключительную треть века, в стране были осуществлены важные реформы, отражавшие ускорение темпов модернизации и заметной ее вестернизации. Проведению таких реформ способствовали позитивные изменения в сфере аграрных отношений и весьма ощутимые успехи в формировании местного торгово-предпринимательского капитала, в значительной степени за счет китайцев-хуацяо. Реформы начались с перестройки по европейскому образцу системы централизованной администрации. При короле был создан Государственный совет с ограниченными законодательными функциями и правительство из 12 министерств. Государство разделили на 18 провинций, делившихся на более мелкие административные единицы, округа и уезды. Было обращено внимание на состояние дел в деле образования и здравоохранения. В стране появились различные гражданские и военные училища. Радикальному переустройству подверглась армия. Была введена воинская повинность, создана система профессионального командования во главе с Генеральным штабом. Высшие представители офицерского корпуса, начиная с членов королевского дома, получали специальное военное образование в западных странах. Реформы в системе аграрных отношений, продолжавшиеся с перерывами на протяжении почти все-

го XIX столетия и ведущие к формированию очень значительной прослойки частных земельных собственников, способствовали улучшению дел с производством сельскохозяйственных продуктов, немалая часть которых экспортировалась. Этому способствовали работы, связанные с ирригацией и налаживанием транспортных сетей. Страна покрывалась неплохими дорогами, включая и железнодорожные линии.

Вообще стоит внимательно приглядеться к тому, насколько умело, причем в немалой степени как бы интуитивно правители, еще век назад стоявшие во главе жесткой деспотичной средневекового типа традиционной восточной структуры, пошли по пути перемен. Будучи всемогущими субъектами власти-собственности с очень суровой, даже безжалостной по отношению к людям централизованной редиистрибуцией, они по собственной воле двинулись в сторону трансформации и модернизации с явственным уклоном в сторону активной вестернизации. Собственно, уже по одной этой причине Сиам заслужил ту исключительную долю, которая ему выпала. Не являясь страной с развитой феодальной системой, какой была Япония с ее князьями и особенно самураями, что сыграло решающую роль в ее историческом пути, Сиам вытаскил второй такой столь редкий счастливый лотерейный билет и оказался в числе считанных независимых от колониализма восточных стран.

И здесь стоит сделать акцент на роли влияния на него, как и на Японию, со стороны Запада. В истории обеих стран это влияние было удачей для них. Запад с его успешными и очень наглядными буржуазными преобразованиями оказался драгоценным примером, образцом, которому обе они, пусть не сразу и далеко не во всем, охотно следовали с большой для себя при этом выгодой.

Важно оценить и то, что обе страны, заимствовав у Запада все лучшее и ценное — в той мере, в какой смогли это сделать, — сохранили при этом то, что следовало бы назвать их душой. Имеются в виду основные традиции их древней цивилизации. И хотя с этими традициями, особенно в Японии, далеко не все обстояло благополучно (имеется в виду прежде всего заметная жесткость норм жизни, а в Японии и просто агрессивная жестокость), время как-то сгладило и их, пусть не в XIX, так в XX в. И хотя нельзя сказать, что все традиции сегодня предстают в обеих странах, особенно на Таиланде с его легкими нравами, в лучшем виде, для народов в целом основное их содержание дорого и, главное, важно для сохранения столь ценимой всеми самобытности и идентичности.

СПЕЦИФИКА ТРАНСФОРМАЦИИ ЗАВИСИМЫХ И НЕЗАВИСИМЫХ СТРАН

Остановимся теперь на более детальном анализе специфики как зависимых стран Востока, так и тех, которые сумели избежать этой участи. Речь пойдет не столько о причинах, которые способствовали сохранению независимости в одних случаях и потере ее в других, сколько о том, в чем смысл разницы и что общего между восточными странами обеих категорий. Анализ важен для того, чтобы основательно оценить весь процесс трансформации государств традиционного Востока под воздействием опыта буржуазного Запада. Ведь в конечном счете, особенно для стран, не превратившихся в колонии, имеет главное значение не столько зависимость либо независимость как таковые, сколько результат, т.е. то, что государства традиционного Востока получили от контакта с Западом. Правда, это же существенно и для колоний, но в рамках данной главы речь пойдет только о зависимых странах и о тех немногих, которых зависимость миновала. Разберемся, в чем специфика как тех, так и других.

Начнем с того, что **первым и очень важным отличием двух наиболее заметных государств Востока, сохранивших реальную независимость, было вполне заметное и даже охотное сотрудничество с буржуазным Западом.** И хотя пределы и формы этого сотрудничества достаточно четко фиксировались и строго соблюдались в рамках сильной и эффективной государственности, исторически сложившейся и многими веками успешно функционировавшей в Японии и Сиаме, они были вполне приемлемы для западных стран. Важно прибавить к сказанному, что оба государства, о которых идет речь, не представляли собой особой ценности для европейских колонизаторов на раннем этапе торгового колониализма. Существенно учесть и то, что Япония находилась на далекой окраине ойкумены, хотя и длительное время поддерживала регулярные связи с соседними колониальными анклавами, в частности с Голландской Индией, а Сиам был чем-то вроде буфера, разделявшего зоны влияния двух сильных держав, Англии и Франции, что предотвращало столкновение их интересов в Индокитае.

С другой стороны, столь благоприятно сложившиеся обстоятельства способствовали как Японии, так и Сиаму, пусть в неодинаковой степени и в различной форме, успешно использовать в своих интересах активность и достижения иностранцев. Для Японии, привыкшей впитывать новации извне, активно их перерабатывать и приспособли-

вать, влияние голландцев было едва ли не решающим фактором эволюции в период сёгуната Токугава, особенно на последнем этапе его существования. В Сиаме, охотно и практически добровольно предоставившем Англии и иным державам во второй половине XIX столетия весьма льготные условия для торговли и предпринимательской деятельности, эта политика способствовала ускорению радикальных реформ и процесса модернизации. Кроме того, эта страна не менее активно использовала торгово-производственные возможности китайских хуацяо, которые почти во всей Юго-Восточной Азии были чем-то вроде своего рода дрожжей, способствовавших в условиях интенсивного влияния западных стандартов ускорению формирования национальной экономики предбуржуазного типа.

Говоря об иных факторах, определивших специфику эволюции Японии и Сиама в период глобальной колонизации либо превращения неевропейских стран в зависимые от Запада, нельзя забывать также и о том, что те два государства, о которых идет речь, отличались жесткостью, даже жестокостью административного режима. В одном случае жесткость имела отчетливо выраженный характер военной силы, в другом — централизованного насилия со стороны аппарата власти с государственной барщиной. Эффективность администрации, почти не подверженной привычной во многих аналогичных случаях коррупции, делала свое дело. Власть, вполне обоснованно полагаясь на свою силу, практически не боялась влияний извне. Напротив, она была готова к тому, чтобы использовать западные стандарты для реформ, видя в них полезный для страны процесс трансформации и модернизации. В Японии это проявлялось не слишком заметно на первых порах, но тем энергичнее после реставрации Мэйдзи, а в Сиаме шло почти равномерно под верховным покровительством королей, причем едва ли не с самого начала XIX столетия.

То упоминавшееся уже обстоятельство, что при этом обе страны безо всяких видимых усилий, но с успехом сочетали заимствованное с национальным, не принося в жертву вестернизации всех дорогих каждому народу традиций и стоя на страже своей идентичности, лишь прибавляет уважение к каждой из них. Оно также делает честь интуиции и умелому руководству тех, от кого зависело избрание курса страны и строгое следование ему во внутривнутриполитическом и социокультурном развитии. Это важное обстоятельство дает ключ и к пониманию причин того, что процесс приспособления к объективно изменявшейся ситуации не встречал в независимых странах

сколько-нибудь серьезного, даже вообще заметного сопротивления. Он протекал до предела гладко и воспринимался как естественный и вполне благожелательный ход событий. И хотя временами и особенно для некоторых сословий и страт такой процесс бывал достаточно болезненным (в Японии это ощущали, в частности, самураи), его кратковременность и сравнительно успешное урегулирование не превращало ситуацию в причину для возникновения сколько-нибудь серьезного напряжения в обществе.

Стоит специально заметить, что существенные различия в генеральной структуре власти-собственности не имели значения для сохранения независимости этих государств. В Японии она существовала в варианте децентрализованной редистрибуции с немалой ролью феодалов в социополитических и экономических связях, а в Сиаме, напротив, была резко выраженная централизованная редистрибуция. Словом, традиционная структура восточной власти-собственности в обоих ее вариантах и во всех ее модификациях равно сдавала позиции под давлением западной буржуазной либерально-демократической рыночно-частнособственнической структуры, зримо доказывавшей в XIX столетии буквально во всем и на каждом шагу свое неоспоримое преимущество.

С группой стран традиционного Востока, оказавшихся в зависимости от западных держав, дело обстоит значительно сложнее. Прежде всего нужно принять во внимание, что разная степень зависимости, в свою очередь порожденная различными и многообразными обстоятельствами, приводила к несходным результатам. Более того, эти результаты иногда бывали весьма неустойчивыми. Вследствие стечения обстоятельств, а то и вообще какой-либо случайности они порой изменялись довольно радикально. При этом подчас создавалась ситуация неустойчивой динамики, что особенно заметно в связи с событиями в Иране. Однако, несмотря на все многообразие конкретных ситуаций, у стран, о которых идет речь, было и нечто общее, причем значимость этой общности, т.е. их специфика, очень существенна для анализа.

Прежде всего во всех зависимых странах в момент, когда они начинали (речь о XIX в.) терять самостоятельность, намечалось состояние осязаемого, порой не просто заметного, но острого кризиса, который не решался и не мог быть разрешен одними лишь внутренними средствами, во всяком случае в условиях влияния, а то и давления со стороны западных держав. Это легко заметить на примере всех тех государств Востока, о которых выше уже подробно говорилось. Начиная

с империи Османов, включая все ее формально и тем более фактически вассальные владения, и кончая Китаем с его вассалами, ситуация была в общих чертах примерно одинаковой, хотя при этом степень зависимости была все же различной.

Трудно сказать, чем именно определялась степень зависимости той либо иной из восточных держав, тем более крупных империй вроде Турции и Китая. Похоже на то, что в каждом отдельном случае играли свою роль разные факторы, а точнее, сочетание объективно складывавшихся обстоятельств вкупе с неизбежными в таких ситуациях случайностями. Так, например, для Османской империи, слабеющей и терпящей одно поражение за другим (причем не только от России, но иногда и от своих вассалов вроде Египта), едва ли не наиболее важным фактором, способствовавшим уменьшению степени ее зависимости от сильных европейских держав, было соперничество между ними и, в частности, явное нежелание Англии дать возможность России усилиться за счет империи Османов. В случае с Египтом опасения такого рода сыграли аналогичную роль в судьбах этой крупнейшей и наиболее развитой арабской страны. И хотя это не помешало тому, что степень зависимости Египта в конечном счете оказалась намного более сильной по сравнению с Турцией, он все же не стал колонией, как то случилось с некоторыми другими вассальными владениями турецкого султана в том же арабском Магрибе.

Ситуация в отстававшем в развитии и медлившем с реформами Иране складывалась таким образом, что влияние держав, Англии и России, постепенно возрастало, что вело к закономерному усилению степени зависимости страны от них. Примерно так же обстояло дело и в огромном Китае. Разница, однако, в том, что зависимость Китая от держав пришла в ходе победоносной для англичан войны, победа в которой совпала не только с кризисом, но и с одной из наиболее значительных в истории этой страны крестьянской войной тайпинов. И хотя в конце века гигантский Китай, ощутивший плоды вторжения иностранцев и не готовый с легкостью приспособиться к быстро изменявшейся обстановке, оказался в состоянии доведенного до войны отчаянного сопротивления средневекового по ментальности крестьянства с его упованиями на помощь боевых искусств и магических приемов средневековых сект, это не принесло ему успеха. Не помогло и подавление движения за реформы сверху. Напротив, на рубеже XX в. становилось все более очевидным, что империя доживает отпущенное ей историей время.

Вообще, вариант зависимого от держав Китая в некотором смысле наиболее показателен. Эта крупнейшая по численности населения держава (число жителей в ней было сопоставимо с населением Европы, если не превышало его) оказалась не просто слабой, но к тому же явно неадекватно воспринимавшей все то, что происходило в мире и не вписывалось в ее привычные представления о роли Поднебесной среди варваров. И нет ничего удивительного в том, что восстание практически не вооруженных крестьян, шедших с «заговоренными» голыми руками против пулеметов и пушек, в конечном счете захлебнулось, что долго колебавшаяся правящая элита страны после этого предала восставших и вынуждена была принять условия держав (а это были почти все крупные европейские государства, включая Россию, да еще и Япония) и в итоге на ряд десятилетий попала в зависимость от них.

Правда, степень зависимости была не слишком сильной и в отличие от Ирана не возрастала. Скорее, напротив, с начала XX в. ход истории для Китая существенно изменился в ходе перманентных реформ, военных переворотов и прочих драматических событий, сопровождавших нелегкую его постимперскую эпоху. Пока же стоит обратить специальное внимание на то, что в противоборстве сторонников и противников приспособления к меняющимся обстоятельствам на протяжении XIX столетия верх нередко брали те, кто (имеется в виду правящая элита) твердо отстаивал незыблемые имперские традиции. И это зримо уменьшало шансы соответствующей страны умело и максимально использовать то благо, что несли с собой буржуазные преобразования. Здесь вновь уместно возвратиться к этой уже не раз упоминавшейся ситуации.

Суть проблемы в том, что в марксистской отечественной историографии и всей лежавшей в ее основе идеологии длительное время сохранялся в качестве незыблемой аксиомы принцип презумпции виновности мирового капитала перед отставшим колониальным и зависимым миром. Нет слов, в отношениях буржуазного Запада ко всем остальным существовало с рубежа XV–XVI вв. достаточно явственно выраженное и долго считавшееся вполне естественным неравенство. Оно проявлялось во многом: от презрительного или пренебрежительного отношения к отставшим до самых гнусных форм работорговли. И об этом уже не раз говорилось. Но сейчас речь о другом. История убедительно свидетельствует о том, что влияние буржуазного Запада при всех издержках и недовольстве тех, кто относился к чужому с явным неодобрением и категорически не желал менять привычные

нормы существования, было в конечном счете для них благотворным. Это наиболее очевидно при взгляде на прошлое с позиций исторической перспективы. Там, где сопротивление Западу и вестернизации было наиболее ощутимым, процесс позитивных преобразований шел медленнее либо замирал вовсе, как то наиболее очевидно на примере Афганистана или Ирана. А там, где необходимость трансформации охотно либо вынужденно воспринимали, будь то Египет или страны Леванта, успех был очевиден.

Разумеется, и в этих странах случались вспышки острого сопротивления, как то было в Египте в связи с мятежом Ораби. Но в целом там, где курс на приспособление брал верх, позитивные результаты сказывались. Это, к слову, наиболее заметно на примере истории колоний, в первую очередь Британской Индии. Но то же самое имеет отношение и к зависимым странам. Более того, в этом смысле не только колонии и зависимые страны, но также и немногие из оставшихся независимыми были в общем почти в таком же положении. Суть ситуации в том, что по доброй воле редко кто стремился к радикальным переменам за быстрое время. Такая ломка, да еще и под большим либо меньшим, а то и вообще ничтожным (в случае с только что рассмотренными независимыми странами) воздействием со стороны буржуазного Запада, не могла не быть болезненной. Это хорошо известно нам на собственном нелегком опыте рубежа XX–XXI вв. Но с точки зрения всемирного исторического процесса, миновать либо обойти который никому не дано, вопрос лишь в том, когда именно и насколько значимыми окажутся результаты. И если оставить в стороне вопрос о требовавшемся для этого времени, неодинаковом для каждой страны (а этот вопрос крайне важен), то проблема в целом станет однозначной.

Все дело в том, что сама по себе ситуация почти абсолютно одинакова. Весь неевропейский мир был в XIX столетии — а кое-где на это ушел и XX в. — подвергнут основательной трансформации, сведшейся к буржуазной вестернизации. В итоге он стал сегодня иным по сравнению с тем, что было всего веком-двумя раньше. С этим едва ли можно спорить. Есть разве что основания поставить под вопрос отдельные случаи, когда в процесс благотворных буржуазных преобразований вмешивались утопические идеалы марксистского типа, насаждавшиеся силой и ведущие на деле повсюду к жестокой диктатуре тоталитарного характера, или когда ему начал энергично противостоять поворачивающийся к своему обожествленному фундаментальному прошлому ислам. Тогда результаты стали ощущать и жители сравни-

тельно развитых районов, и сильно отставшие в развитии народы отдаленных окраин.

Тем не менее факт остается фактом. Мир отставших в развитии зависимых и независимых стран, как и мир колоний, становился иным, существенно обновленным именно в результате экспансии Запада. Благодаря западным новациям принципиального характера весь земной шар обогатился. При этом следует принять во внимание не только научно-промышленные перемены, но и очень тесно связанные с ними многие благотворные для всех людей радикальные изменения в сферах права, политики, общественных отношений и культурных стандартов. Все это было, причем далеко не сразу, создано в западных странах благодаря активности буржуа и тем условиям, которые буржуазные преобразования создали как для общества в целом, так и для его наиболее талантливых представителей в особенности. И хотя вплоть до сегодняшнего дня далеко не все государства незападного мира восприняли или хотя бы были склонны воспринять рожденные античностью и свойственные именно буржуазному либерально-демократическому Западу стандарты с их обостренным вниманием к свободам и правам людей, к роли высокой правовой культуры с присущим ей независимым судопроизводством, это не меняет итогового вывода. Суть его в том, что антично-буржуазная система взаимоотношений общества с государством, т.е. обслуживающей его нужды регулярно переизбираемой системой администрации, решительно и успешно противостоит любой иной. Однако это отнюдь не было признано и принято всеми, особенно вне Запада, ни в XIX столетии, ни позже.

Практически это означает, что уже в конце XIX и особенно в XX столетии ситуация складывалась таким образом, что мир как бы раскалывался на две части. Первая отличалась тем, что именуется демократией. Вторая, в основном из западных стран, но порой и таких западных, как нацистская Германия, фашистская Италия и большевистская России, оказалась склонной, охотно заимствуя буржуазные преобразования в сфере науки, техники и технологии, пренебречь демократическими нормами и предпочесть им авторитарно-тоталитарные, генетически восходящие к древней восточной традиции. О тоталитарных режимах Европы речь стоит вести особо. Что же касается стран Востока и близкой к ним Латинской Америки, то стоит напомнить, что там сложности с демократическим стандартом обуславливались тем, что ни с античной, ни с буржуазно-демократической традицией эти страны не были знакомы. Или, как в Латинской Америке, знаком-

ство было достаточно поверхностным. И если сравнивать их, скажем, с английскими колониями, особенно с Индией, где вестминстерская традиция сознательно прививалась колонизаторами на протяжении веков, то разница окажется очевидной. Однако и здесь не стоит забывать об исключениях, связанных прежде всего с очень сильным противодействием со стороны сильной в своей недемократической сущности исламской традиции (обратим внимание хотя бы на сложности с демократией в Пакистане и особенно в Бангладеше, которые до середины XX в. входили в состав Индии).

Осмысление и оценка перемен

Выше было немало сказано о том, как повлиял на всю историю человечества тот факт, что серьезные буржуазные преобразования, успешно начатые еще задолго до XIX в. в Голландии и Англии, стали после образования США и особенно после революции во Франции и успешных наполеоновских войн достоянием всего Запада. Теперь следует уделить особое внимание анализу и оценке буржуазных преобразований как глобального всемирно-исторического процесса. Внимание такого рода вполне оправданно, ибо даже на фоне великих событий предшествующих столетий, внесших неоценимый вклад в упомянутый процесс и по сути подготовивших его, XIX в. являет собой нечто исключительное. Это обстоятельство давно уже было замечено и по достоинству оценено специалистами.

Уже в 1903 г. в Париже было опубликовано — с участием ведущих специалистов, как историков, так и других, вплоть до Р. Роллана, — восьмитомное издание «История XIX века» под редакцией Э. Лависса и А. Рамбо (русский перевод: М., ОГИЗ, 1938). Этой же теме посвящены несколько томов в кембриджской новой истории (The Cambridge Modern History) и в издававшихся в СССР во второй половине XX столетия томах «Всемирной истории». Кроме того, помимо сводных многотомных трудов за последние век-полтора вышло в свет бесчисленное множество различных монографических исследований, посвященных многим странам и разным проблемам всемирной истории того же столетия. Словом, недостатка в материалах явно не ощущается. То, что имеется, настолько велико, что ни один исследователь не в состоянии за всю жизнь хотя бы бегло ознакомиться с упомянутыми публикациями. Однако проблема отнюдь не в том, чтобы пополнить эрудицию за счет элементарного увеличения информации. Вопрос стоит иначе: как следует понимать и оценивать всю доступную информацию? А ответ на этот весьма значимый вопрос сводится в конечном счете к тому, чем руковод-

ствовать при анализе или, говоря более точно, какая из возможных теоретических концепций наиболее полно отражает не только причинно-следственную связь событий, но и более широкие, в конечном счете фундаментальные явления, лежавшие в их глубинной основе, сопровождавшие их, придававшие им не только вектор динамики, но и решающий смысл.

Разумеется, при оценке событий в таком плане многое зависит от позиций исследователя, которые, в свою очередь, формируются не сразу и не случайно. Они связаны либо с давлением идеологических догматов, что особенно заметно на примере отечественной историографии XX в., либо со сложившимся в ходе накопления материала долгим последовательным индивидуальным осмыслением процесса теми из независимо мыслящих специалистов, кто был заинтересован именно в этом. При этом само собой разумеется, что на формирование концепции историка, если она у него вообще есть и если он не ограничивается одним изложением материала с краткой его характеристикой и обтекаемыми выводами, до известной степени всегда влияют те, что были сформулированы до него авторитетными исследователями интересующих его проблем. Однако в случаях, когда речь идет о концепции глобального характера, касающейся всего исторического процесса (как то характерно для данного издания), такого рода влияние может быть лишь частичным, тогда как общая формулировка авторской позиции зависит от того, насколько убедительно и логично исследуемый материал ложится в принятую и выработанную именно им концепцию.

Переходя к сути дела, необходимо оговориться, что емкий материал, изложенный в томе, ни в коем случае не является произвольно и тем более целенаправленно отобранным ради подкрепления какой-либо априорно навязываемой читателю точки зрения. Совсем напротив, это некий сгусток событий, описание которых — и каждый в состоянии легко в этом убедиться — можно встретить во многих иных изданиях. Авторский же вклад в соответствии с принятой в данном издании системой интерпретации материала сводится к тому, чтобы хорошо известные специалистам и легко доступные любому интересующемуся историей читателю материалы были вписаны в общий контекст. Имеется в виду такой сводный контекст, в рамках которого общеизвестные материалы нашли бы свое место и непротиворечиво сосуществовали с тем, как вписываются события изменившего мир XIX столетия в глобальный исторический процесс и насколько убе-

дительно выглядят при этом излагаемые в данном издании концептуальные авторские идеи. Теперь кое-что из них необходимо повторить, сопровождая как нужными коррективами, так и само собой разумеющимися добавлениями, увязывающими уже излагавшиеся основы авторской концепции с многочисленными новыми материалами, имеющими самое непосредственное отношение к реалиям XIX столетия, отчасти и более позднего времени.

Глава двадцать шестая. ВЛАСТЬ-СОБСТВЕННОСТЬ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Наибольшего внимания в этой связи заслуживает генеральная структура власти-собственности, игравшая как при описании событий, так и при анализе проблематики исторического процесса наиболее важную роль. Эта роль отнюдь не является произвольно выпяченной. Все дело в том, что структура, о которой идет речь, настолько всеобъемлюща, что о ней необходимо напоминать постоянно. Возникнув в незапамятные времена, она всегда существовала и так либо иначе сосуществовала с другой структурой, а именно с появившейся на свет много позже антично-буржуазной рыночно-частнособственнической в различных ее модификациях. Сосуществование этих двух структур на протяжении свыше чем двух с половиной тысячелетий истории человечества — с момента оформления античных полисов — дает основание и буквально вынуждает снова обратиться к столь важной и значимой проблеме.

Суть в том, чтобы понять, имея в виду необходимые пояснения и коррективы, насколько универсальна структура власти-собственности в ее двух основных вариантах, традиционно восточном и феодальном. Следует обратить внимание и на многообразие различных конкретных модификаций обоих вариантов этой структуры, широко распространенной в мире как в отдаленном прошлом, так и в сравнительно недавнем времени, а то и сегодня. Важно также заметить, что эти модификации тоже уходят далеко вглубь истории и в то же время хорошо известны в наши дни, причем не где-нибудь вдалеке, а у нас. Поэтому, обобщая все то, о чем необходимо напомнить, обратим внимание на глобальность и вневременной характер генеральной структуры власти-собственности, которая встречается в обоих ее вариантах и в различных модификациях практически везде и всегда. Она абсолютно доминировала во всех догосударственных общностях, а также в тех протогосударствах, ранних и вполне развитых государствах, включая

империи, которые не принадлежали к греко-римскому античному миру (об эллинизме следует говорить особо) и не превратились еще в развитые буржуазные.

ИСТОКИ СТРУКТУРЫ И ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИЯ

Начнем с того, что структура власти-собственности возникла как вполне естественная норма элементарной организации администрации самого раннего типа. Этот вывод подкрепляется тем, что ранние формы политогенеза (не касаемся пока античности как некоей социополитической мутации) всегда и везде были результатом естественных процессов развития усложнявшихся социальных общностей. Разраставшаяся семейно-клановая группа неолитических земледельцев, пришедших 10–12 тыс. лет назад на смену локальным группам охотников и собирателей верхнего палеолита, заложила основы беспрекословного подчинения большой семьи стоявшему во главе ее благодаря случайности рождения и связанным с этим функциям руководства и управления семьей отцу-патриарху. В земледельческой общине, состоявшей из нескольких таких семейно-клановых групп, конкурентная борьба между патриархами, усложнявшаяся складывавшимися в поселении патронажно-клиентными связями между патриархами со свойственными им обязательствами, которые основывались на принципе реципрокного, т.е. вынужденного традицией, обязательного взаимобмена, вела к появлению избираемого главами групп старейшины.

Старейшина, а иногда и немногочисленный совет общины возвышались надо всеми и обладали не только функциями, связанными со справедливым распределением ресурсов, но и немалой властью. Существеннейшим моментом этой власти в ее наиболее примитивной модификации было незыблемое право старейшины (совета), как и патриархов в пределах их семейно-клановых групп, постоянно и разумно распоряжаться достоянием коллектива, который они возглавляли. Очень важно принять во внимание, что это обычное право отнюдь не сводилось к элементарному присвоению субъектами власти упомянутого достояния. Совсем напротив, оно обычно проявлялось в спорадических и очень щедрых раздачах имущества (у индейцев Америки этот акт именовался термином *потлач* и стал хорошо известен европейцам после открытия Нового Света), которое создавалось коллективами, в процессе самовластных решений руководителей семейно-клановых групп и общин. Раздачи были достаточно регулярными, проявлялись в виде праздничных либо страховых в случае не-

урожая и иных невзгод угодений и дарений и оказывались едва ли не главным способом необходимой и постоянной реабилитации высоко-го престижа власть имущих.

Разумеется, это не означает, что ничего из коллективного достояния не оставалось в их распоряжении и не способствовало их выделению среди других. Более того, высоко ценившийся во всех ранних обществах престиж патриарха требовал, чтобы каждый из них отличался от членов его группы. Эти отличия могли выражаться как в мало чего стоивших, на взгляд современного читателя, мелочах вроде различного рода знаков и символов, так и, что более существенно, в праве на нескольких жен и, разумеется, в праве выбора общинного лидера. На уровне общинного старейшины отличия могли обретать и более значимый облик, воплощенный, к примеру, в большом хорошем доме со многими богатыми хозяйственными строениями, создание которых было обычно результатом безвозмездных и добровольных усилий всего поселения. При этом участие каждого в такого рода совместных работах, которые можно считать провозвестником будущих трудовых повинностей, никак не воспринималось в качестве чего-то вроде принудительной обязанности. Наоборот, это традиционно было искренним и сакрально обусловленным соучастием всех в большом общем деле, которое в конечном счете служило возвеличению коллектива в целом. Это и понятно, так как строения главы общины, в складах которого, помимо прочего, хранился и страховой фонд коллектива, олицетворяли уровень процветания и служили своего рода визитной карточкой общинного поселения в целом.

С течением времени все различного рода преимущества, будь то подношения или бесплатная помощь старейшине, обретали устойчивый вид неких привычных обязательств общинного коллектива по отношению к избранному главе, который из распределителя совокупного достояния и тем более избыточного продукта общины превращался если и не в хозяина земли, хотя порой использовали и такое словосочетание, то во всяком случае в общепризнанного авторитета, чье решение бесспорно. А отсюда был лишь небольшой шаг к трансформации общинного лидера в субъекта власти. Понятие «власть» в глубокой древности, когда оно впервые возникало, — это, если принять определение М. Вебера, лишь возможность лидера осуществлять свое решение и обычно добровольное согласие коллектива подчиняться его воле. Но при этом в ситуации, когда собственности как феномена не существовало, а все достояние общины и плоды труда ее жителей

были лишь тем, чем этот коллектив владел по праву традиционного присвоения, воля лидера, опиравшегося на признанное всеми его положение и соответствующий авторитет, была неоспоримой.

Стоит также принять во внимание, что сакрализация главы коллектива в том раннем обществе, где сознание всегда имело религиозную основу, была чем-то само собой разумеющимся. Это еще не значит, что старейшина уже обязательно был религиозным главой и тем более колдуном, знахарем или еще кем-либо в этом же роде. Но это означает, что социальное положение лидера делало его религиозным авторитетом не в меньшей степени, нежели субъектом власти. Иными словами, закономерное слияние власти и религиозной сакральности в одном лице должно было быть и бывало, как то хорошо видно на примере более развитых общностей, древнейших городов-государств Египта или Шумера, чем-то вполне нормальным и естественным. Очень важно также принять во внимание, что по меньшей мере вначале процесса институционализации власти и сакрализации общинного лидера человек, оказавшийся во главе коллектива, должен был регулярно подтверждать, реабилитировать свое право на руководство. Ни автоматического права его на должность, ни возможности легко передать ее по наследству еще не существовало, хотя именно к этому дело постепенно шло. А до тех пор, пока закрепления власти не произошло, открывавшаяся в общинах время от времени вакансия лидера обычно привлекала внимание умных и способных, а то и просто честолюбцев, активность и амбиции которых, безусловно, способствовали эволюции любой общности.

ПОЛИТОГЕНЕЗ И ПЕРВИЧНОСТЬ ВЛАСТИ

Эгалитаризм как система первобытного равенства в ранних обществах постепенно трансформировался в стратифицированную иерархическую систему, хорошо знакомую с социальным неравенством, от которого был лишь шаг до неравенства политического. Современная антропология убедительно показала, что процесс политогенеза, обычно вызывавшийся к жизни в результате благоприятного стечения ряда важных сопутствовавших ему обстоятельств, причем задолго до появления каких-либо представлений о собственности вообще и частной особенно, был формой самоорганизации разраставшихся и усложнявшихся общностей, являвших собой первоначально сумму родственных общин.

Общности такого типа обычно находились на грани политогенеза. Возникновение в них, еще не знакомых с институтом племенных вождей и племен, ранних надобщинных лидеров означало движение к процессу трибализации с последующим превращением таких общностей в племена во главе с вождями. Следует подчеркнуть, что процесс трибализации сводился именно к появлению в разрастающемся надобщинном коллективе постоянно функционирующего лидера, племенного вождя. *Без вождя, как это убедительно показано М. Фридом, не может быть племени. А без племени, т.е. успешно завершившейся трибализации с появлением вождя, не мог быть реализован процесс первичного элементарного политогенеза.*

Очень важно обратить внимание на то, что племена, т.е. трибализованные общности, завершавшие процесс первичного элементарного политогенеза, обычно не имели и не имеют — без решающего воздействия на них извне, со стороны очагов урбанистической цивилизации, — внутренних потенций для эволюции. С такого рода племенами, которые можно считать племенными протогосударствами, антропологи встречались и все еще постоянно встречаются во всех частях света, от индейцев Северной Америки до маорийцев Новой Зеландии, не говоря уже о народах Севера, Африки или Океании. А что касается потенций и последующих этапов сложного процесса политогенеза, то он сводится к проблеме генезиса очагов урбанизма.

Изучение условий формирования древнейших очагов городской культуры, чем ранее и более других занимался Г. Чайлд, важно для понимания вторичного политогенеза, т.е. появления государств, вначале городов-государств в условиях урбанизации. Наиболее ранними из таких государственных образований, во всяком случае среди зафиксированных наукой, являются шумерские и древнеегипетские. Эти очаги древнейшей городской культуры возникли в пределах Старого Света на основе достижений неолитической революции в ходе расселения земледельцев, искавших наиболее удобные места для поселений, в которых и проходил процесс первичного их политогенеза. Как шумеры, так и египтяне не случайно первыми появились в долинах великих рек, где после приведения в порядок прибрежной полосы оказалось возможным вести интенсивное земледельческое хозяйство, пригодное для существования на компактной территории достаточно многочисленного населения.

Конечно, очень трудно в деталях проследить, как именно и почему на рубеже IV–III тыс. до н.э. в долинах великих рек Нила, Тигра

и Евфрата возникли первые самые примитивные городские центры. Сыграли свою роль и предельно благоприятные условия среды и связанные с этим плотность населения, компактность территории поселков, и уровень хозяйственного развития, техники и технологии, и, видимо, постоянное взаимовлияние различных этнических общностей, и импульсы, связанные с религиозным осмыслением величия обоженных сверхъестественных сил. Быть может, оказали свое воздействие и некоторые иные важные факторы. Но, как бы то ни было, именно здесь возникали большие поселения, элементы урбанизма в которых обретали облик храмовых комплексов, в какой-то мере напоминавших общинные поселения с наиболее выразительным в них многофункциональным домом-строением старейшины.

Комплекс такого типа, функционально чем-то напоминавший строения общинных старейшин, принципиально отличался тем, что создавался для возвеличения божества-покровителя, защитника урбанистического очага. Он являл собой, разумеется, крупное и часто уже не обычное и не одноэтажное строение. Помимо основной его части с разными обширными помещениями, посвященными обрядово-культовым действиям, с храмовыми святилищами, в нем существовало множество иных сооружений, обычно пристроенных к основному. Это были жилища жрецов, воинов, ремесленников, служащих (включая торговцев-тамкаров) и слуг, а также великое множество построек явно технического характера. Среди них — обширные продовольственные и иные склады и амбары, ремесленные мастерские, арсеналы, да и многое другое. К храмовому комплексу лепились и небольшие жилища тех, кто призван был обслуживать земли храма. В целом этот гигантский и столь уже непохожий на деревенские хижины, даже на дом старейшины комплекс являл собой мини-город, пока еще, как правило, не обрамленный стеной.

Каждый урбанистический очаг был центром небольшой сельской округи, в которой проживало тяготевшее к нему окрестное население, воспринимавшее главу комплекса скорее как первосвященника храма, нежели светского правителя. Стоит, однако, подчеркнуть, что главой был уже не патриарх семейно-клановой группы или старейшина общины, даже не вождь племени и не предводитель племенного протогосударства, но именно обладавший сакральной аурой **правитель**. Он стоял в представлении коллектива города-государства как бы посреди между обычным миром и истинным величием потустороннего мира, в котором обитают покровительствующие дан-

ному обществу божества или хотя бы одно из них. Именно так выглядели первые и наиболее древние из известных науке вторичных протогосударственных образований урбанистического типа. Они, эти вначале очень небольшие города-протогосударства с их богами и храмовыми комплексами возникали обычно рядом практически одновременно, и сосуществовали друг с другом. При этом каждое из них, как правило, возглавлялось своими сменявшими один другого правителями-первосвященниками.

Племена, т.е. племенные протогосударства, без знакомства с урбанизмом оставались, о чем уже говорилось, на уровне первичного политогенеза. Модификацией первичного элементарного политогенеза следует считать и те случаи, когда в результате соперничества группы соседних старейшин какой-либо этнической общности брал верх сильнейший, подчинявший остальных. Особенно часто подобного рода процессы встречались у полукочевых или кочевых общностей вроде арабо-бедуинской при пророке Мухаммеде или монгольской при Чингис-хане. Вожди племенных структур вначале, как следует полагать, избирались, как правило, из числа тех, кто обладал наивысшим престижем, причем они тоже обретали немалую, а то и очень большую степень сакральности. При этом все такие племенные протогосударства, особенно возникавшие уже не в далекой древности, могли обрести потенции для эволюции в сторону вторичного политогенеза лишь под влиянием только что охарактеризованных очагов урбанизма, как ранних, так и более развитых.

Первичный элементарный политогенез в процессе трибализации вначале мог происходить не только незаметно, но и почти безразлично для ранних общностей, которые продолжали жить в привычных для них условиях и были мало озабочены тем, возникло уже у них племенное протогосударство или нет. Они просто сплачивались вокруг харизматического лидера. А уж затем события развивались в зависимости от обстоятельств, но, если иметь в виду кочевников либо полукочевников, с заметным агрессивным акцентом. Ведь сплотившаяся на подобной основе энергичная общность, не знакомая ни с какой инфраструктурой или системой администрации вообще, — это часто что-то вроде ватаги легких на подъем полуразбойного типа всадников, готовых крушить все, что попадется под руку. А потенции для вторичного урбанистического политогенеза они обретали, как правило, лишь после знакомства с очагами урбанизма и с оседанием.

Таким образом, перед нами два основных процесса политогенеза. Один из них, древнейший, но по типологии вторичный, тесно связан с храмовыми очагами урбанистической цивилизации. Другой, по типологии первичный, элементарный, но хронологически никак не определяемый, имел отношение к существовавшим в разное время **ранним социэтническим общностям**. Эти общности, вначале не знакомые либо очень слабо знакомые с урбанизмом, спонтанно ощущали необходимость самоорганизоваться, что и происходило в процессе трибализации. Став племенными протогосударствами во главе с вождями, они реализовывали потребность в самоорганизации лишь по мере представлявшейся им возможности. Но, говоря о различных процессах политогенеза, есть все же основания сблизить оба, первичный и вторичный, ибо для государственности обоих типов характерно нечто главное, объединяющее их. *Это главное сводится к приоритету власти.*

Власть, которая постепенно превращалась в нечто гораздо большее, чем воля общинного лидера, **была** на уровне племенного и урбанистического протогосударства *уже не только волей, но и правом владения*. При этом редистрибуция коллективного достояния как неотъемлемый ее атрибут в масштабе протогосударства становилась много более значимой функцией, нежели то было на уровне патриарха семейно-клановой группы либо общинного старейшины. Собственности как института, тем более частной, еще не существовало. Но постепенно формировавшаяся наиболее ранняя ее модификация имела облик коллективной собственности, т.е. того самого владения, субъектом права на которое был правитель. На это очень важно обратить внимание, ибо именно приоритет власти многое объясняет во всем том, что связано с генеральной структурой власти-собственности, о которой теперь идет речь.

Если власть как воля лидера и право его на владение и распоряжение достоянием возглавлявшегося им коллектива, которая обретала этот статус в рамках социальных групп и общностей на протяжении многих тысячелетий, была, безусловно, первичной и никем всерьез не оспаривавшейся, то нет никаких сомнений в том, что именно и только по мере ее постепенной институционализации могло возникнуть представление о коллективной собственности, т.е. о том самом владении, которым субъект власти от имени возглавляемого им коллектива имел право распоряжаться. Но это означает, что собственность как важнейший социальный институт была не просто производной от власти, но и вторичной по отношению к ней. Отсюда следует вывод, что в **тандеме власти и собственности** именно **власть** есть нечто главное.

ВЛАСТЬ-СОБСТВЕННОСТЬ И ФОРМЫ РЕДИСТРИБУЦИИ

Что представлял собой феномен власти-собственности на протяжении всей истории человечества? Суть дела прежде всего в том, чтобы понять, насколько универсальной была эта структура в двух ее основных вариантах: восточном и феодальном. Следует обратить внимание и на многообразие различных конкретных модификаций. При этом важно иметь в виду, что варианты и модификации известны как весьма отдаленному прошлому, так и сравнительно недавнему времени. Больше того, их можно встретить и в наши дни. Поэтому, обобщая то, что известно по этому поводу, стоит обратить внимание на глобальность и вневременной характер генеральной структуры власти-собственности. Ведь она, повторим, встречается в той либо иной модификации во всех догосударственных общностях, а также во всех государствах — очень ранних и вполне развитых, включая империи, — которые не принадлежали к греко-римскому античному миру и не превратились еще в развитые буржуазные страны.

Как то хорошо известно, первые несколько тысячелетий существования урбанистической цивилизации, отмеченные возникновением множества больших государств, подчас империй, были тесно связаны с историей одного лишь Востока. Именно здесь, в странах Востока, в древности закладывались основы государственности развитого типа с их часто очень несходной по основным идеям и системам ценностей интеллектуальной культурой. Но при всех важных отличиях в цивилизационных традициях генеральная структура власти-собственности с древности была по существу во многом единой, различаясь, о чем упоминалось, вариантами и конкретными модификациями.

Первый вариант ее тесно связан с централизованной редистрибуцией, суть которой сводилась к постепенному сложению в очень раннем государственном образовании урбанистического типа аппарата администрации, на долю которого выпадало заботиться о шедшем из центра и определявшемся именно им распределении всего избыточного продукта и о привлечении к отработочной повинности подданных властителя. Он встречался и все еще встречается чаще всего и потому в разных модификациях имеет все основания считаться общепринятой нормой. Согласно этой норме, верховный правитель через посредство создаваемого им аппарата власти, в который включены на нижнем уровне местные управители (в частности, все старейшины общин

и патриархи семейно-клановых групп), а на верхнем его родственники и приближенные, **перераспределяет все достояние и прежде всего избыточный продукт управляемого им государства.** Иными словами, все то, что стекается в казну, амбары и склады правителя в виде законных подношений или — позже — налогов и разного рода поборов и пошлин распределяется в соответствии с должностью и степенью ответственности каждого занятого в системе управления.

Разумеется, в эту систему входят и все те, кто обслуживает повышенные требования и претензии управителей, кто охраняет коллектив от возможных противников, кто изготавливает все необходимое для жрецов, чиновников, воинов, ремесленников, их семей и т.д. и т.п. Следует напомнить, что простолюдины при этом также обязаны участвовать в необходимых для коллектива и его руководителей (элемент весьма важного престижа) общественных работах. Обычно эта обязанность в прошлом ограничивалась двумя-четырьмя неделями в году в свободное от сельскохозяйственных забот время, а содержание работников при этом обеспечивалось государством.

Второй вариант, с децентрализованной редистрибуцией, до крушения Римской империи встречался реже. Он возникал в вынужденных условиях, с которыми порой сталкивались быстро разраставшиеся, но внутренне еще очень слабые государственные образования. Возникающее государство, оказывавшееся в силу ряда обстоятельств властителем большой территории, тем более с этнически разнородным населением, просто еще не имело в таких случаях сколько-нибудь налаженного аппарата администрации со всеми его необходимыми уровнями и нужной для его эффективной деятельности элементарной инфраструктуры. Известно, что характерным для системы управления в таких обстоятельствах становилось наделение приближенных и заслуженных лиц владениями типа феодалов и превращение этой группы наследственных властителей в вассалов высшего правителя. В этой ситуации возникал феномен феодализма, хорошо изученный на примере чжоуского Китая XI–III вв. до н.э.

Суть древнекитайского феодализма сводилась к тому, что правитель-*ван* вынужден был в только что описанных условиях наделить наследственными владениями свыше 70 своих родственников, приближенных и союзников. Все они за век-другой освоились на новых территориях и сумели стать во главе местного населения. Но в непрерывных междоусобицах основная часть властителей лишилась своих владений, так что к VIII–VII вв. до н.э. крупных правителей из

числа титулованной знати (*гуны*) осталось около полутора десятков. Зато в каждом из владений, часть которых по размеру превосходила домен вана, появились феодалы третьего ранга, аристократы-*цины*, наследственно владевшие пожалованной им «вотчиной». Они обычно были близкими родственниками или приближенными титулованных правителей царств и в качестве вассалов становились министрами либо военачальниками. Таких цинов в царствах бывало 3–6, редко несколько больше. Ниже вана, сына Неба, правителей царств и наследственных владетельных цинов находились вассалы еще более низкого ранга, аристократы-*дафу*, не имевшие собственных наследственных владений, но зато воевавшие на боевых колесницах и по статусу близкие к средневековым европейским рыцарям. Если прибавить к сказанному постоянные междоусобицы между не только правителями царств, но и наследственными феодалами-цинами, а также подчас случавшиеся войны вассалов с их сюзеренами, в том числе правителей отдельных царств с самим верховным сакрализированным правителем-ваном, сыном Неба, то сущностное, а не поверхностное сходство китайского феодализма с европейским окажется поразительным.

Важно принять во внимание, что вариант власти-собственности с децентрализованной редистрибуцией по сравнению с первым, т.е. с централизованной редистрибуцией, менее долговечен. Он обычно приходил к концу по мере коренного изменения внутрисполитической ситуации. В Китае в эпоху империи, т.е. уже в III в. до н.э. от системы феодализма, свойственной децентрализованной редистрибуции, ничего не осталось, а процесс, связанный с усилением центральной власти и созданием необходимых для этого инфраструктуры и обширного аппарата чиновной бюрократии, привел к быстрой дефеодализации. При всем том оба варианта власти-собственности были проявлением господства одной и той же генеральной структуры. Эта структура задерживала развитие частной собственности и строго ее контролировала, что способствовало замедленным темпам ее эволюции и особенно господству всегда высоко ценившейся на Востоке консервативной стабильности.

Особо стоит сказать в этой связи об Индии. После прихода в долину Ганга полукочевой общности индоариев процесс политогенеза затянулся здесь на довольно длительное время и принял до некоторой степени неопределенно-рыхлый вид. Причиной этого была социальная структура общности тех индоариев, которые еще до появления в Индии в середине II тыс. до н.э. уже четко подразделялись на три социальных слоя-сословия (*варны*), которые, как правило, друг с другом

не смешивались. Стоит напомнить, что это были сословия-варны прежде всего *воинов-кшатриев* и жрецов-*брахманов*, тогда как все остальные, народ, входили в состав *вайшья*. Все три арийские варны считали себя «дважды рожденными» и резко противостояли местному населению, да вообще тем, кто в их число по рождению не входил. Эти прочие со временем образовали четвертую и самую низшую варну *шудр*. Иными словами, начальный период сложения протогосударственной структуры у индоариев был не вполне обычен. Он не вел к возникновению сакрализованного правителя, но подразделял общность на три (затем четыре) социополитически неравноценные категории. Две высших были призваны выполнять функции аппарата власти, остальные находились как бы под их управлением.

Сложилась уникальная в своем роде ситуация, когда трудно было определить, возникло ли уже государство и стало ли оно над обществом или само общество просто разделилось на две части: управителей и управляемых. К числу первых относились те, кто думал и молился богам за остальных (так было во всех очагах урбанистической цивилизации с их храмовыми центрами), но также и те, кто брал на себя функции воевать с врагами и управлять своими. И все это без общепринятых сакрализованных правителей, о которых нет упоминаний на протяжении долгих веков, пока где-то в первой половине I тыс. до н.э. и особенно с VI столетия до н.э. не появились первые государства, правители которых — насколько о них что-либо известно — часто были из *шудр*, т.е. не из числа общности индоариев. Стоит заметить, что специальное изучение древнеиндийского трактата «Артхашастра» дает основание для предположений о том, что древнеиндийские государственные образования возникали в результате часто довольно мирной интеграции разросшихся коллективов. Во главе их вполне могли оказываться и харизматические лидеры неарийского происхождения, каким был, например, в III в. до н.э. Чандрагупта, основатель династии и государства Маурьев, крупнейшего из государств той эпохи.

Если попытаться резюмировать, то следует заметить, что в Индии процесс политогенеза соответствовал сложению структуры власти-собственности при очень слабой власти центра с долгое время отсутствовавшим верховным правителем и с постепенной институционализацией этой структуры с ее вначале, в эпоху Маурьев, быть может, и несколько раньше, не очень заметной централизованной редистрибуцией. Это обстоятельство сыграло свою роль в появлении в Индии

системы княжеств, в чем-то близких к наследственным владениям феодального типа в рамках децентрализованной редистрибуции, но с очень большой спецификой, которая стала особенно заметной после превращения страны в империю исламских верховных правителей. Во всяком случае, элементом полноценной феодальной системы типа древнекитайской или средневековой западноевропейской индийские княжества (а их число достигало нескольких сотен) обычно не становились. Чаще всего они оставались автономными, а то и почти вообще независимыми сравнительно небольшими государственными образованиями. Это не мешало преобладанию в доисламской Индии государств с не очень сильной властью центра (т.е. с централизованной редистрибуцией), в пределах которых существование обособленных и почти независимых от центра княжеств следует считать элементом своеобразной полуфеодальной модификации, но не более того. Княжества, к слову, временами могли оказываться обычными провинциями более сильного государства (разница в таких случаях сводилась к наличию или отсутствию в них права наследования). Но ни феодальных междоусобиц, ни иерархии, ни иных институтов, характерных для системы развитого феодализма в древнем Китае или средневековой Европе, в Индии не было.

ПРАВИТЕЛИ И ПОДДАННЫЕ НА ВОСТОКЕ

Анализ проблем политогенеза подводит к важному вопросу о том, что же такое государство и для чего конкретно оно было, остается, да и всегда будет необходимо. Конечно, прежде всего смысл его появления — стоит повторить, что в условиях отсутствия представлений о собственности и тем более марксистских «классов», — в том, что чрезмерно разросшееся общество нуждалось в определенных и со временем строго фиксированных нормах регулирования. Они не сразу обретали форму законов, хотя бы устных и имеющих общепринятый облик норм обычного права. Но с момента появления самых ранних правителей первичных протогосударственных образований рождалось нечто вроде того общественного договора, о котором в свое время так много писали просветители XVIII столетия, особенно Руссо. Суть такого договора в том, что — если оставить в стороне античность, о которой разговор особый, — общество сознательно разделялось на две неравные части. При этом одна из них, заведомо меньшая, брала на себя, не всегда, но достаточно часто с общего согласия, функции по управлению коллективом в целом.

В принципе этот метод по идее не должен считаться чем-то новым. Со времен локальных групп бродячих охотников и собирателей и тем более в неолитический период оседлых поселений с их семейно-клановыми группами во главе с патриархами отношения на низшем уровне мелких ячеек общества строились именно так. Лидер локальной группы, патриарх семейного клана и тем более избираемый старейшина общины с общего согласия концентрировали в своих руках всю власть над теми, кто находился в их подчинении. Эта власть была различной по объему и характеру, она далеко не всегда вела к материальному процветанию власть имущих. Лидеры локальной группы не имели никаких привилегий, если не считать права на нескольких женщин. Совокупный и даже избыточный продукт, который производился коллективом управляемых патриархом кланов либо общиной, находившейся под властью старейшины, а то и совета старейшин, никогда не принадлежал именно им, т.е. не был их владением, потому что частной собственности как института не существовало. Но практически именно они, если исключить ничего не производившие локальные группы, каждый в пределах своих полномочий, получали право бесконтрольно распоряжаться этим продуктом, а то и всем достоянием коллектива. Именно с этого берут свое начало оба важнейших института любого доантичного возникающего государства. Это упоминавшиеся уже власть-собственность, т.е. обладание властью, предполагающее право распределять все достояние коллектива, и оба варианта редистрибуции: централизованная и децентрализованная.

Договор, о котором упоминалось, сохранялся как при централизованной, так и децентрализованной редистрибуции. Только в первом и наиболее распространенном варианте договор был проще. Администраторы во главе с правителем управляли подданными, заботились о их благе и безопасности, за что получали обусловленную норму подношений, соответствующую их квалифицированному и вообще-то весьма ответственному труду. Эта доля со временем обретала явную тенденцию к непропорциональному возрастанию, что вело к постоянному возвышению всех причастных к государственной администрации над остальными, включая и появлявшихся частных собственников. Во втором варианте ситуация могла оказаться намного более сложной и запутанной. Иногда вассалы оказывались сильнее сюзерена и даже воевали с ним, причем такая политическая ситуация не могла оставаться безразличной для подданных. Кроме того, какие-то незадачливые феодалы гибли в междоусобных войнах, а их поддан-

ные после этого присоединялись вместе с занимаемыми ими землями к владениям победителя.

Но в любой ситуации взаимоотношения формировавшегося большого общества с властью оставались неизменными: подданные всегда оставались подданными, т.е. людьми, находящимися практически в полной зависимости либо от правителя и представителя его централизованной администрации, либо от его верного или даже взбунтовавшегося вассала. К слову, когда крупные восточного типа государства, о которых пока что прежде всего идет речь, разваливались в силу различных обстоятельств на части, главы оказавшихся независимыми частей в условиях слабости центра могли автоматически становиться всевластными правителями заново созданных небольших государств. Но при этом ничто во взаимоотношениях подданных с властью не менялось.

Особо стоит сказать о частных собственниках. Частная собственность на Востоке вместе с рыночными связями и товарно-денежными отношениями появлялась везде на определенном этапе развития общества и государства. Но так как она в любом случае возникала и тем более укреплялась намного позже того, как в тех же обществах и государствах складывались институты власти-собственности и редистрибуции, то статус ее был не просто низким, но сознательно приниженным властью. И для этого был вполне серьезный резон: разбогатевший частный собственник клал в свой карман какую-то часть того самого избыточного продукта, который до того целиком шел в казну и использовался на все возраставшие нужды аппарата власти. Неудивительно, что всех собственников, не связанных с властью (т.е. появлявшихся из числа подданных, обычных простолюдинов), власть не только не жаловала и не привечала, но, напротив, всячески облагала тяжелыми налогами. Больше того, иногда поборы превращались в вымогательства, сводились к произволу чиновников и даже при случае вели к полной экспроприации имущества собственников, не причастных к власти.

Не любили богатеи и их соседи. Только родня и наемная стража могли защитить их, да и то не всегда, не в годы голода либо экономического кризиса, смены власти и прочих потрясений, когда грабили и жгли прежде всего богатых, т.е. чиновников и частных собственников. Как это ни покажется на первый взгляд парадоксальным, именно это очень существенное обстоятельство побуждало собственников не только не выступать открыто за свои права, но, напротив, стремиться к тому, чтобы статус-кво, хоть как-то позволявший им существовать, не изменялся. Ситуацию такого рода очень важно учитывать для того,

чтобы понимать, почему немалые средства, сосредоточивавшиеся в руках частных собственников на Востоке (в городах средневековой Европы дело обстояло совсем иначе), оказывались как бы оскопленными, лишенными потенций для превращения в буржуазный капитал в полном смысле этого слова.

Итак, древневосточный мир, развивавшийся ранее и быстрее других регионов планеты и первым достигший уровня возникновения очагов урбанистической цивилизации и государственности, к тому же обладавший потенциями для развития, с течением времени выстроил свою жесткую схему структуры общества и власти. Опираясь на древние традиции, эта схема выдвинула на передний план принцип господства причастных к власти, которые в подавляющем большинстве случаев довольно быстро и без особого сопротивления со стороны бесправных подданных (системы права возникали позже и отражали интересы управителей) полностью подчиняли себе общество. Государство с его аппаратом администрации или правитель с его вассалами абсолютно доминировали, стояли высоко над обществом.

Таким образом, **основным содержанием** традиционной восточной структуры, обусловленной господством **власти-собственности** и присущей ей редистрибуции, **был приоритет государства. Социум**, который по сравнению с властью предстал в виде почти никак не дифференцированной ни по роду занятий, ни по уровню достатка массы, строго фиксируемых и тем более открывавших перед ним перспективы **прав не имел**. Конечно, на самом деле подданные делились на страты, имели различное по стоимости имущество и даже порой признаваемую законом неравную правоспособность, связанную с несходством в происхождении и в юридическом статусе. Но и это было далеко не везде и, главное, практически не слишком много значило. В целом же общества Востока, причем отнюдь не только в древности, — это если и не вовсе бесправные, то всегда имеющие очень ограниченные права подданные, полностью подчиненные власти. Понятие *свобода* было для них чем-то чуждым и непонятным, как оно во многих случаях неизвестно и непонятно многим из них вплоть до наших дней.

ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ В АНТИЧНОМ МИРЕ

Античное общество было в этом отношении принципиально иным, даже прямо противоположным. Его возникновение следует уподобить своего рода социополитической мутации. Представление такого рода избавляет от необходимости длительно и бесплодно выискивать

причины, которые способствовали его рождению. Неясность ситуации сводится к тому, что наиболее ранние древнегреческие *полисы* либо предшествовавшие им предполисы были обычными полупервобытными общинами, состоявшими из семейно-клановых коллективов во главе с патриархами, которые, как следует полагать, выбирали время от времени своих старейшин из числа наиболее зажиточных людей, в первую очередь *басилеев*. Между различными семейно-клановыми коллективами общин существовали родовые связи, которыми были связаны мужчины. Речь идет о филах (родах) и фратриях — подразделениях тех же родов. Роды, как и семейно-клановые группы, могли быть более или менее богатыми и известными, порой могли конкурировать и даже враждовать между собой. Но в случае внешней опасности все жители общины-предполиса, скорее всего, сплачивались воедино.

Древнегреческий полис возник в специфических условиях крушения критского и микенского очагов восточного типа цивилизации с ее храмовой основой. На смену этим очагам пришли греки-дорийцы с их варварским уровнем бытия, приведшим к крушению всего того, что было создано цивилизацией. Но дорийцы не пошли по пути создания привычного в аналогичных случаях элементарного племенного протогосударства. Они по не вполне ясным причинам (что и побуждает говорить о мутации) избрали принципиально иной путь политогенеза, сумев создать за несколько так называемых темных веков то, что именуется древнегреческим полисом. В итоге в античном полисе возникла ситуация полной гражданской свободы, причем это свое состояние, **свободу**, граждане ценили выше всего.

Во главе складывавшихся в таких обстоятельствах полисов находилась общинная верхушка, состоявшая из наиболее богатых и знатных членов общины, аристократов-басилеев, которые в случае нужды, имея надежное боевое снаряжение, возглавляли скромное войско общины. При этом в первобытно-переходной древнегреческой общности возникла принципиально новая система взаимоотношений, резко отличная от традиционно-восточной, будь то древняя классическая или местная крито-микенская. Естественно, после этого вся ситуация в Элладе начала достаточно резко изменяться.

Возникло общество нового, западного типа. Смысл преобразований свелся к тому, что уже ранние полисы превратились в гражданское общество, до того никогда и нигде не существовавшее. Мало того, впервые в истории человечества такие общества стали абсолютно доминировать над избираемой ими и подотчетной им администрацией

из числа магистратов, позже и иных чиновников. В системе привычного до того отношения человека и власти произошел крутой перелом. Имевшие власть обладали привычным и высоко ценившимся престижем, но не пользовались никакими материальными преимуществами. Избранным полисом администраторам, магистратам, даже не платили за их труд. Ничего похожего на восточную редистрибуцию в античной Греции не знали. Но, несмотря на это, те, кто оказывался у власти, делали все, что могли, дабы быть избранными, ибо это, стоит повторить, считалось делом престижа, великой честью для каждого.

Примерно с VIII столетия до н.э. в развитии античных полисов происходил очередной существенный сдвиг. Земледельцы начали активно заниматься ремеслом и торговлей и стали требовать гарантий их собственности и гражданских прав. Богатство и влияние граждан, не безликих подданных всемогущих восточных властителей, коих здесь не было, но именно граждан, быстро росли. А так как подавляющее большинство полисов имели выход к морю и их жители обретали возможность беспрепятственно заниматься транзитной торговлей, это привело к тому, что демос, т.е. простой народ, стал претендовать на большую долю влияния в рамках общин. Такого рода противостояние большей части общинного населения его привычному аристократическому меньшинству и кодификация норм обычного права, препятствовавших угнетению сограждан (законы Солона и др.), коренным образом изменили характер общества. Даже деятельность то и дело захватывавших власть так называемых тиранов, которые время от времени подчиняли соперничавших с ними аристократов, вела, как правило, к укреплению в подавляющем большинстве древнегреческих полисов норм права и демократии. Быстрый конец периода существования тиранов, сделавших свое дело, т.е. осознанно ослабивших аристократов и усиливших позиции демоса, привел к завершению процесса радикального преобразования античных общин, резко усилившихся в ходе важного для них процесса синойкизма, т.е. объединения групп мелких полисов в более крупные. Укрупненные полисы превратились из небольших городов-государств в государства вторичного, урбанистического типа, имевшие все необходимые потенции для последующей эволюции.

Смысл всех этих очень кратко охарактеризованных принципиальных перемен, далеко не исчерпывающих всей значимости того нового, что кардинально отличало античность от существовавшей до того привычной структуры власти-собственности, трудно переоценить. Он в том, что в полисах возникла частная собственность у практи-

чески всех его граждан, кроме разве что рабов. Главное здесь в том, что развитая частная собственность появилась — вопреки прежней привычной восточной норме — до того, как стала институционализироваться власть. И именно поэтому власть, созданная гражданами-собственниками, выражала их интересы, т.е. интересы античных протобуржуа, в число которых входили неполноправные иноземцы-метеки и рабы-вольноотпущенники, имевшие ту же частную собственность и соответственно занимавшиеся предпринимательской деятельностью. Понятно, что греческие полисы в условиях скудных ресурсами территории Эллады были очень заинтересованы в получении выгод от торговли и предпринимательства. В значительной мере именно поэтому, а не только из-за перенаселенности, хотя и это многое значило, древнегреческие полисы уже с VIII в. до н.э. начали по примеру финикийцев быстро обрастать весьма многочисленными колониями на берегах Черного и Средиземного морей. Большое количество колоний появилось и в Малой Азии, т.е. на западном побережье современной Турции, которое издревле было тесно связано сухопутными торговыми путями со всем Ближним Востоком.

В итоге рядом с единственной существовавшей до того структурой власти-собственности, представленной в древнем мире в виде двух ее основных вариантов, не говоря уже о многочисленных модификациях, появилась другая, античная. Главной характеристикой ее были развитые и имевшие первостепенное значение для всего населения полисов строго огражденные законами рыночно-частнособственнические связи, равно как и вся переплетавшаяся с ними торгово-предпринимательская активность. Энергия и инициатива, свойственные всем предпринимателям, приходили в действие под влиянием естественных стимулов, сводившихся к получению материальной выгоды, что проистекало из торговли и предпринимательства, ревностно патронировавшихся администрацией, заинтересованной в обогащении и процветании избиравших ее граждан и всей остальной части населения полиса. Учитывая сказанное, казалось, не может быть никаких сомнений в том, что преимущества антично-протобуржуазной структуры имели все основания для того, чтобы сразу же выделить ее в соревновании с прежней, первобытной и восточной. Всегда базировавшаяся на безусловном господстве власти-собственности, т.е. на фундаменте, который отдавал приоритет не частной собственности, но независимой от нее власти, эта последняя, т.е. структура власти-собственности, вроде бы не имела никаких шансов на победу в таком

соревновании. Однако на деле все оказалось намного сложнее, ибо в ход исторического процесса вмешались различные привходящие случайности и неожиданные обстоятельства.

Вначале ход событий не предвещал ничего подобного. Уже через несколько веков после оформления системы античных полисов скромная и численно небольшая Эллада выиграла войну с могущественной персидской империей Ахеменидов. Чуть позже Александр Македонский, воспитанник величайшего древнегреческого мудреца Аристотеля, решительным натиском уничтожил эту империю. Взамен на Ближнем Востоке наступила эпоха эллинизма, отличавшаяся длительным сосуществованием и соревнованием обеих структур. В ходе этого соревнования превосходство городской культуры античного типа (речь о прежних ближневосточных городах, трансформировавшихся под влиянием многочисленных мигрировавших туда эллинов и македонцев, и о созданных мигрантами новых, начиная с нескольких построенных завоевателем Александрий) стало очевидным для всех. Античная структура с ее гражданами, правами, свободами, гарантиями и привилегиями, с демократическими институтами и процедурами, с частной собственностью, которая патронировалась избираемой регулярно сменяемой и ответственной перед электоратом властью, господствовала. В рамках ближневосточного эллинизма именно античные по типу города задавали тон и определяли ход развития. И в последующий период явного доминирования Римской империи превосходство античности оставалось все тем же непреложным фактом.

Однако в годы кризиса и крушения империи и тем более после экспансии исламского войска арабов ситуация резко изменилась. Случайные события, будь то Великое переселение народов в Западную Европу или всплеск неслыханной энергии ревнителей новой религии в забытых античными богами песках Аравии, привели к стечению обстоятельств, невыгодному для постепенно увядавшей античности. На Востоке за счет хранившей традиции провинциальной хоры сразу же было восстановлено господство потесненной, но не исчезнувшей привычной структуры власти-собственности с типичным для нее обществом восточного типа. А в Западной Европе появилась наполненная молодыми силами варваров-кочевников та же структура в ее наиболее примитивной полупервобытной форме социэтнических общностей и племенных протогосударств. Это было концом блистательной античности, столь ярко процветавшей и на протяжении свыше чем тысячелетия задававшей тон в развитии мировой культуры.

Вполне могло показаться, что соревнование двух принципиально разных структур было просто проиграно той из них, которая, казалось бы, имела все объективные шансы на успех. Но история судила иначе. Правда, античность пришла в упадок и была замещена на востоке Византией, утрачивавшей древние традиции и постепенно ориентализовавшейся, а на западе — своим удачливым соперником, т.е. структурой власти-собственности в ее наиболее примитивной форме. Однако нет ничего неожиданного в том, что по мере постепенной институционализации оседавших кочевников и полукочевников эта структура довольно быстро трансформировалась. На ей шел более развитый феодальный вариант с единственно возможной в складывавшихся тогда обстоятельствах децентрализованной редистрибуцией, который на долгие века стал главной и основной социополитической системой Западной Европы. Однако процесс эволюции, тем не менее, пошел здесь таким образом, что условия для торжества структуры антично-буржуазного типа с ее либеральной демократией и расцветом рыночно-частнособственнических связей оказались вполне подходящими. Мало того, эти условия, вначале вроде бы совсем не подходившие для чего-либо похожего на это, в постепенно складывавшихся обстоятельствах вполне, как то ни покажется парадоксальным, оказались пригодными именно для торжества вновь возродившихся античных традиций. Вопрос лишь в том, как и почему это произошло.

ВЛАСТЬ-СОБСТВЕННОСТЬ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ

Феодальная социополитическая система, как то ни покажется странным специалистам-медиевистам, обычно мало знакомым с Востоком, была родственной власти-собственности с централизованной редистрибуцией. Мало того, она оказалась сходной с ней по многим основным параметрам. Здесь, в частности в варварских королевствах раннесредневековой Европы, сложившихся на фундаменте рухнувшей Западной Римской империи, власть была, как и на Востоке, первичной и приоритетной, причем вне зависимости от того, иметь в виду представителей-графов короля на местах или его всемогущих вассалов. Все они обычно властвовали безраздельно, т.е. являлись господами, тогда как население полностью зависело от них, формируя безликую массу послушных подданных. Или, иначе, общество как социум, как всеобщая совокупность (за исключением разве что носителей власти и военной силы, на которую власть опиралась) было подчинено

не очень быстро складывавшейся и неторопливо институционализировавшейся власти. Государства в раннесредневековой Европе долгое время не просто возвышались над приниженным обществом, но и постепенно поднимались все выше, где за счет увеличения ступеней иерархической лестницы представителей власти, а где и вследствие совершенствования аппарата администрации и централизации.

Однако, в отличие от Востока, ситуация в раннесредневековой Западной Европе оказалась принципиально иной. Дело в том, что примитивные этнические общности и племена, осевшие на обширной территории Европы, сами не были в состоянии строить города, т.е. создать что-либо, напоминающее развитую урбанистическую цивилизацию, и потому вообще не имели спонтанной потенции к эволюции. Да они к этому и не стремились, во всяком случае вначале. Но, оказавшись на пепелище античной империи и имея дело с римскими колонистами и их потомками, которые численно намного превосходили их, они вольно или невольно постоянно сталкивались с более высоким уровнем жизни римлян и не могли оставаться к этому равнодушными. И если вначале, в ходе варварских войн и крушения империи, их предки безжалостно рушили и сжигали все то, что казалось им вычурно не соответствующим их привычным формам обитания, то спустя немногие века ситуация в этом смысле решительно изменилась. Потомки осевших варваров начали охотно воспринимать сохранившиеся античные традиции, особенно те, которые лежали в основе очагов высокой римской урбанистической культуры. Понятно, что поэтому возникавшие в раннем западном средневековье многие города складывались именно по античной матрице с чуждым Востоку самоуправлением, основанном на знакомых колонистам греко-римских принципах избираемой и подотчетной электорату администрации.

Легко понять, что альтернативы у римских колонистов, живших рядом с варварами, просто не было. Это и спасло античную традицию, оказавшуюся тем самым в фундаменте западноевропейского модуса эволюции. Модус этот складывался на противоречивой основе, которая, однако, вовсе не была синтезом, как о том иногда в прошлом писали в отечественной историографии западной медиевистики. Было нечто вроде симбиоза. Античные традиции, греко-римская идейно-институциональная политическая культура были определяющим началом в городах, которые, пусть не сразу очевидно, но задавали тон в эволюции. Это был фундамент. А на нем с удобством расположились утомившиеся потомки варваров, которые, естественно, начали под-

вергаться аккумуляция и христианизации. Не будучи в состоянии вписаться в античный стандарт, они оказались под властью своих племенных вождей, которые, однако, в условиях слабости формировавшейся феодальной системы не могли быстро наладить централизованную администрацию продвинутого восточного типа.

В итоге, умело пользуясь этим, античные традиции сумели в пределах раннефеодальной Европы занять важные позиции. Они способствовали активизации торгово-предпринимательской деятельности горожан и вели к тому, что на севере Италии, в Ломбардии, население рано стало проявлять свои специфические предбуржуазного типа устремления и демонстрировать связанные с ними производственные и торгово-финансовые возможности. Уже с X в. в первых заново возрожденных городах, прежде всего в тех, которые не были столичными центрами и потому не ощущали на себе сильного давления феодальных порядков, начало проявляться стремление горожан освободиться от давления со стороны окрестных феодалов. Города активно и успешно боролись за уважение их прав, демократические выборы в рамках системы самоуправления, за законы, покровительствующие частной собственности. Все это незаметно, но вполне ощутимо, особенно по мере развития всей средневековой городской культуры Западной Европы, оказывало влияние на складывавшиеся формы отношений между городами и феодалами. Этому в немалой мере способствовали и короли, которые в те времена нуждались в поддержке и резонно усматривали ее в привлечении городов в качестве союзников. Сотрудничество горожан с королями проявлялось в том, что монархи, тяготившиеся всемогуществом феодалов, содействовали стремлению городов поскорее и во все большей степени освободиться от их опеки и тем самым обрести свободу.

Конечно, стать полноценными гражданами античного типа сразу было невозможно, но постепенное стремление к достижению этого статуса с каждым веком оказывалось все реальнее. Разумеется, в разных странах процесс шел неодинаково. Но кое-где, особенно в итальянской Ломбардии, в Швейцарии, Нидерландах и Англии, он протекал достаточно быстро. Нет смысла в деталях напоминать о том, как это достигалось. Существенно лишь понять, что локомотивом, приводившим в движение экономику в каждой стране, были именно города. И в этом нет ничего странного. Ведь частная собственность, свободная от давления извне и опиравшаяся на уважавшееся в Европе по античной традиции частное право, всегда аккумулировалась здесь, в городах. Что же касается собственности противостоявших им феодалов, то она как раз

ни в чем таком не нуждалась. Эта собственность, о чем в следующей главе специально будет идти речь, не была предназначена стать капиталом. Да и зависела она лишь от сбора налогов и повинностей с подданных и вела к превращению всего собранного в регулярный доход, который можно было с удовольствием истратить на приятные текущие нужды.

Разница между частной собственностью феодала и буржуа как раз и объясняет многое из того, с чем столкнулись города как в разгар, так и особенно на заключительном этапе западного средневековья. Для одних важно было, чтобы власть защищала их интересы, а другим необходимо было укрепление их власти над подданными, дабы без особых усилий пополнять за их счет свой карман. Собственно, именно с этого и началась жестокая борьба западных буржуа с феодалами. И борьба эта была связана не с тем, кому теперь будто бы пришла очередь эксплуатировать несчастных трудящихся, как то вытекает из теории марксизма о «формациях», а именно со стремлением буржуа возродить античные традиции господства общества над властью. Смысл же этих античных традиций, столь нужных европейским частным собственникам из числа горожан, был абсолютно ясным: буржуа стремились поставить интересы общества, в котором они составляли неизмеримо большую часть, чем феодалы, и которому могли принести неизмеримо большие выгоды, над интересами государства, обычно измерявшимися в средневековой Европе прежде всего доходами знати.

ПРЕДБУРЖУАЗНАЯ ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА И ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРУКТУРЫ ВЛАСТИ-СОБСТВЕННОСТИ

Европейская система судопроизводства и прав человека рано стала ориентироваться на античные стандарты, причем наибольшего развития правовая система, основы которой были заложены римскими юристами и достигли совершенства в кодексе ранневизантийского императора Юстиниана (527–565), добилась именно в городах, где уже в XII–XIII вв. право играло очень заметную роль. Это и неудивительно. Ведь городское население, занимавшееся по преимуществу торгово-предпринимательской деятельностью, в очень большой степени зависело от того, насколько сильно и эффективно защищались его права. И западноевропейские горожане отлично понимали, как именно и почему это для них столь важно. Понимали и то, сколь большую роль в обеспечении этого играли права, свободы и реальные возможности, связанные с системой выборного самоуправления, чего

они с таким трудом и со столь большими затратами времени и средств понемногу добивались, оттесняя от городов всех зарившихся на них могущественных феодалов. Впрочем, иногда города, казалось бы, вопреки только что сказанному привлекали в качестве своих защитников кого-либо из все тех же феодалов, с которыми при этом заключался своеобразный общественный договор в стиле незабвенного Руссо.

Договор, имеющийся в виду, был писаным — а подчас, быть может, и неписаным — соглашением, уважать которое во избежание больших неприятностей должны были обе стороны, но прежде всего приглашенный аристократ. Это было весьма существенной спецификой европейского городского устройства жизни, хотя такое происходило не везде. В любом случае, однако, стоит напомнить, что, по общему признанию, городской воздух, особенно в позднесредневековой Европе, делал человека свободным. И это важное обстоятельство было едва ли не наивысшей ценностью в глазах горожан — точно так же, как свобода считалась такой же ценностью в древнегреческих полисах. Разумеется, население городов, в том числе и в первую очередь больших, давно сложившихся в качестве известных центров, играло немаловажную роль и на Востоке, где торгово-предпринимательская деятельность была лишь терпимой и нередко напрямую зависела от степени давления на нее со стороны чиновной бюрократии, администрации сильного государства. Но там не было ничего похожего на антично-предбуржуазную свободу. Напротив, неевропейские города существовали в условиях полного отсутствия свобод, равно как и каких-либо прав, да и многого другого, что со временем пришло в Западную Европу из античной традиции. Здесь, в том числе в немалой мере и в ориентализовавшейся Византии, города были другими. Главным, принципиальным их отличием было отсутствие реально функционирующего права, правовой защиты, самоуправления и сколько-нибудь значимой правовой культуры.

Вообще, свободы и права, как каждый легко может заметить, всегда были и остаются очень тесно взаимосвязанными, причем эта их связь, которая предполагает наличие некоторых вполне определенных демократических институтов и процедур, как раз и является убедительным показателем для оценки ситуации. А ситуация в позднесредневековой предбуржуазной Западной Европе понемногу изменялась. В период, еще не отмеченный либо уже отмеченный дыханием гуманизма Ренессанса, для нее характерной была заметная трансформация структуры власти-собственности. Она сводилась ко все уско-

рившемуся превращению феодального варианта структуры во много более крепкий централизованно-административный, опиравшийся на вполне развитую инфраструктуру и надежный аппарат администрации. В рамках такого рода разветвленного по древневосточному стандарту чиновно-бюрократического управления страной возникало устойчивое, понемногу обуздывавшее все вольности феодальных вассалов территориально-административное членение того либо иного из давно уже устоявшихся государств, создавались разные министерства и ведомства. В некоторых наиболее продвинутых в этом плане государствах, прежде всего в Англии, возникали такие представительные учреждения, как парламент, и принимались документы типа Великой хартии вольностей.

Переход структуры власти-собственности к варианту с централизованной редистрибуцией, в рамках которой не оставалось места феодализму, отнюдь не был в условиях предбуржуазной Западной Европы шагом назад, как то может показаться. Напротив, это было движением вперед. Но сложность ситуации сводилась к тому, что, хотя трансформация, о которой идет речь, была признаком большей зрелости и развитости этой структуры, сама она в условиях энергичной эволюции античных традиций и широкомасштабного вызревания предбуржуазии неумолимо шла к приближавшемуся концу. Сосуществовавшая с ней рыночно-частнособственническая структура античного типа, постепенно набиравшая силу и укреплявшаяся в городах, начинала энергично теснить ее. И теперь очевидные еще в далекой древности явные преимущества общества западного типа весомо подкреплялись тем, что фундамент его, города, заметно выходил на передний план и активно демонстрировал свои возможности. **Безусловное превосходство предбуржуазной структуры проявлялось в том, что она предполагала ускорение эволюции человечества.**

Но везде ли дело шло именно к этому? Здесь мы подходим к очень важному моменту всей проблематики темы. Западноевропейская буржуазия, освободившаяся от жесткого давления на нее со стороны как феодальной знати, так и администрации королевств, основывавшихся на структуре власти-собственности, выходила на авансцену политической жизни в своих странах. Оказавшись победителем в историческом соперничестве двух известных обществу структур на Западе, она быстрыми темпами начала пробивать себе дорогу везде, включая и отдаленные колонии, и не ставшие колониями неевропейские страны. Но как там обстояло дело?

БУРЖУАЗНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ВНЕ ЗАПАДА

Разумеется, буржуазные преобразования вместе с промышленными технико-технологическими новациями, достигшими высокого уровня в середине XIX в., начали широко распространяться по всему миру, о чем уже шла речь. Однако хорошо известно, что в развитые буржуазные страны многочисленные и очень разные государственные образования Востока превратиться не стремились. Прошли века, прежде чем вестернизация стала весомо ощущаться в мире вне Запада. Многие зависело от уровня жизни туземного населения и от иных объективных обстоятельств. Однако стоит заметить, что в конце XIX столетия даже в глубинах экваториальной Африки строились современные города со всеми теми сооружениями, транспортными сетями и средствами связи, которые соответствовали уровню времени. Именно с конца этого века страны и народы, до того находившиеся в условиях господства привычной генеральной структуры власти-собственности в различных ее модификациях, от самых примитивных до хорошо развитых, обрели принципиально новую возможность для быстрого экономического роста.

Эта возможность заключалась в том, что в условиях энергичного проникновения в упомянутые общества новой буржуазной структуры они, начиная с самых слабо развитых, заметно изменялись. Правда, отнюдь не везде, не сразу и тем более далеко не всегда в полной мере, но изменялись. Стоит обратить внимание на то, что при этом заново создавалась теперь уже на принципиально новой основе ситуация сосуществования и соревнования двух структур. И на сей раз безусловный приоритет и широкие возможности антично-буржуазной структуры постоянно и успешно демонстрировать потрясающие результаты ее функционирования и свойственные ей темпы ускорения эволюции должны были, наконец, оказаться для местного населения более чем убедительными. И действительно, многое из буржуазных преобразований усваивалось. Но значит ли это, что эти общества становились буржуазными? Увы, нет, за редчайшими исключениями типа Японии этого не происходило. Не происходило потому, что упомянутые преобразования часто усваивались избирательно. Научно-технические достижения и практическая их реализация воспринимались охотнее, хотя и подчас, как в Китае, с некоторым недовольством, даже сопротивлением. А вот с социополитическими переменами, т.е. со всем тем, что связано с правами и свободами, с демократией и электоральными процедурами, дело обстояло гораздо сложнее, и это мы легко можем понять, опираясь на собственный опыт.

Все дело в том, что местному населению стран, не принадлежащих Западу (а это понятие, особенно в XIX и тем более в последующие столетия, не географическое, а историко-культурное), перемены в социополитической системе казались непривычными и непонятными. На протяжении многих веков привыкавшие к сложившемуся образу и ритму жизни люди, которые высоко ценили консервативную стабильность, опасались любых перемен, обычно не обещавших ничего хорошего. Радикальные изменения в привычном образе жизни не могли им не казаться — и, как правило, казались достаточно долго, даже после деколонизации XX в. — лишними и ненужными, не говоря уже о болезненности самого процесса перестройки. И пусть даже объективно блага западной технической модернизации были благотворными. Пусть они очевидно способствовали обогащению стран и народов, даже если это не сразу и не всеми ощущалось. Пусть даже немногие и наиболее приспособленные к этому с охотой и старанием воспринимали новые условия ведения хозяйства и, в частности, возможность резко увеличивать их достояние и достояние общества за счет умелой организации хозяйства и труда. Все это не имело существенного значения.

А существенное значение чем дальше, тем со все большей силой обретало то обстоятельство, что западный образ жизни был чужд незападному миру. И чем более очевидным становился тот факт, что процесс обновления форм ведения хозяйства в новых условиях сосуществования двух структур шел при активном содействии западных представителей, тем это ощущение объективно становилось крепче. Оно усиливалось и потому, что долгое время процесс вестернизации был связан с присутствием в незападных странах иноземных фирм и их представителей, ведших себя по отношению к местному населению достаточно высокомерно, если даже не откровенно пренебрежительно (вспомним о «бремени белого человека»). В итоге, охотно воспринимая технико-технологические новации буржуазной рыночно-частнособственнической структуры, незападные страны в лице основной части их населения не понимали главного. Они не понимали и не желали понимать того, что развитие техники и прочие научно-производственные новации наиболее эффективны лишь при условии господства в обществе либерально-демократических институтов и процедур, прав и свобод, без которых буржуазия Запада не смогла бы достичь победы.

Вне Запада эти элементы буржуазной структуры были чуждыми и непонятными. И их внедрение наталкивалось на неподготовленное к

этому привычное восприятие населения, что играло свою роль, подчас роковую, в последующих исторических событиях. В частности, стоит обратить внимание на то, что и почти век спустя, в XX в., после Второй мировой войны и деколонизации, незападный мир часто с неприкрытой враждебностью продолжал относиться к Западу, не без оснований ассоциируя его с ненавистным колониализмом. А это сыграло свою роль в том, что в ряде деколонизованных стран произошли квазиреволюции либо просто военные перевороты, которые вели к возникновению режимов, копировавших советский опыт. В итоге довольно многие государства, как древние, так и едва возникшие новые, с явным недоброжелательством относившиеся к буржуазному Западу с его совершенно чужой и нежелательной для них структурой, пошли по пути рискованных социальных экспериментов, заведших их в тупик. И выбраться из этого тупика им стоило немалых усилий.

ВЛАСТЬ И СОБСТВЕННОСТЬ В ИСТОРИИ РОССИИ

Все только что сказанное побуждает с особым вниманием еще раз обратиться к тому, что происходило с Россией, находившейся накануне превращения ее в тот самый СССР, который многим незападным странам казался, в отличие от Запада, приемлемой для них альтернативой. Это произошло потому, что советско-коммунистическая Россия, усилиями большевиков добившаяся высокого уровня научно-технического развития, особенно в том, что имело отношение к милитаризации экономики, использовавшая крайне жестокие методы чудовищного принуждения и мобилизационного хозяйства, выглядела структурно родственным и весьма легко копируемым образцом для незападного мира. К тому же не стоит сбрасывать со счетов то, что власти СССР были готовы очень активно и без особых материальных претензий помогать тем, кто шел на сближение с ними.

Почему так произошло, отдельный вопрос. Но зафиксируем несомненный факт, что исторически Россия всегда принадлежала к числу стран, в которых власть-собственность как генеральная структура господствовала. Только два небольших, хотя и весьма важных периода ее свыше чем тысячелетней истории были отмечены появлением и существованием рядом с этой структурой альтернативной ей рыночно-частнособственнической, т.е. буржуазной. Первый раз это случилось на грани XIX–XX столетий, что дает нам формальное право проанализировать ситуацию, а второй относится к событиям, последовав-

шим за крушением СССР. В обоих случаях это самое сосуществование реализовывалось в форме господства генеральной структуры власти-собственности при довольно робких попытках буржуазной утвердиться на территории России и, даже не претендуя на господство, попытаться сохранить завоеванные позиции.

Не вполне ясно, что сулит России неведомое будущее, но на сегодняшний день все абсолютно очевидно: генеральная структура по-прежнему является господствующей, а отечественная буржуазия с управляющим ею вороватым чиновничеством, даже обогатившись и сосуществуя с ней, остается сильно зависимой от власти. О господстве рыночно-частнособственнической структуры с неизменно сопутствующими ей антично-буржуазными нормами правовой культуры, свободами и четко зафиксированными, соблюдаемыми честно избранной властью нормами демократических процедур речи нет. Немного лет назад это возникало, казалось обнадеживающей и важной новацией. Но ожидания не оправдались. **Почему так?**

Причин немало. Русь возникала как общество восточного типа. Отсутствие античных традиций было основной причиной того, что не получила должного развития городская культура. В отличие от Западной Европы с ее Ломбардией русские города не отличались сильной традицией правовой культуры, принципами свободы и демократических норм. Города были, как на Востоке, центрами власти. Эта особенность исторического пути стала той объективной основой, опираясь на которую отечественные марксисты в момент жестокого кризиса сумели использовать не оправдавшую себя на Западе теорию. Но отчего всеми на Западе отброшенная, рассчитанная для применения в развитом буржуазном мире теория начала щедро приносить страшные отравленные плоды именно в России? Произошло все потому, что Россия оказалась частью *мировой деревни*, столь типичной для восточного общества с его безотчетной жадностью равенства и справедливости, которых так не хватало в годы татарского ига или произвола московских царей, особенно Ивана Грозного. Московская Русь, выстоявшая благодаря восходящим к языческим временам народным собраниям с их вечевой культурой (речь о Кузьме Минине и патриотизме, о Земском соборе и начале династии Романовых), превратилась, однако, в царство крепостных, закрепившее на века ситуацию сервильного комплекса.

Это не означает, что русские цари мирились с ситуацией отсталой страны. Напротив, начиная с Петра I, они старались преодолеть отставание, «прорубить окно» в Европу. Но крепостной сервильный ком-

плекс тормозил движение страны. Превратить дворянскую Россию в предбуржуазную не получалось. В XIX в. Россия обрела поколение великих, начиная с Пушкина и Лермонтова. Лучшие и умеющие думать, цвет дворянства, осознали, чем отличается Россия с ее крепостными рабами от революционной буржуазной Европы. Но сделать они ничего не могли, пока не началась эпоха реформ Александра II, этот старт первого периода сосуществования новой структуры с ее зачатками общества западного типа рядом со старой, восточной.

Но вчерашняя крепостная Россия, как и весь Восток в то время, отчаянно сопротивлялась реформам. Лишь в начале XX столетия кое-что в этом смысле сдвинулось с мертвой точки. И, казалось бы, наступило время, когда Россия стала понемногу преобразаться. Один из наиболее значимых реформаторов этого времени, П. Столыпин, просил у судьбы хотя бы пару десятилетий для того, чтобы его реформы сдвинули страну с мертвой точки. Но судьба была безжалостной и к нему, и к России.

И вот наступил трагический момент. Сначала Первая мировая война потрясла страну, затем в феврале 1917 г. революция открыла двери большевикам с их переинтерпретированным для нужд мировой деревни марксизмом. На этом первая попытка сосуществования двух структур завершилась полной победой традиционной для России структуры власти-собственности с централизованной редистрибуцией. Мало того, структура в большевистском ее варианте совершила крутой вираж и оказалась на уровне тех древневосточных государств, которые еще не были знакомы с частной собственностью. Вся власть в стране принадлежала партии большевиков, и все причастные к власти — причем именно и только они — обладали правом распоряжаться всенародной собственностью. После этого ценой жизни очень многих миллионов крестьянская Россия была превращена большевиками в государство запуганных подданных, работавших из-под палки и спустя рукава практически только на войну, о которой мечтал ее вождь. Ценой еще нескольких десятков миллионов жизней победа в войне была достигнута. И хотя на многих в мире она произвела большое впечатление, истощение России привело к необратимым результатам. В частности, несмотря на подъем 90-х гг. XX в., когда после крушения СССР страна ощутила надежду на лучшее будущее, выяснилось, что сил у нее больше нет.

Мало того, победа СССР в войне сыграла роковую роль в истории ряда деколонизованных стран, которые предпочли советский строй буржуазным преобразованиям, что показалось им более легким путем,

но за что каждой из них пришлось дорого заплатить. А произошло это потому, что буржуазный путь был чужд незападному миру, а послевоенный СССР выглядел привлекательно. И вот тут-то снова оказалась уместной теория марксизма, что и стало основой для многих бурных взрывов, но стоило народам сотен миллионов жизней и завело их в тупик, выбраться из которого оказалось не слишком просто. Что же лежало в основе просчета? Разберемся и в этом.

Глава двадцать седьмая. ЧЕЛОВЕК И ВЛАСТЬ (ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО)

Проблема человека и власти или — шире — общества и государства важна для понимания сути исторического процесса. Смысл его в теории марксизма и соответственно в отечественной историографии на протяжении многих десятилетий был затуманен густой завесой учения о «формациях». Но это учение искажает реальную историю. На деле все не так. Снова начнем с констатации сосуществования и конкуренции двух генеральных структур.

Главным принципиальным различием между ними следует считать то, что каждая имеет четкий и жестко определяемый стандарт взаимоотношений между властью и обществом. Имеются в виду противостоящие друг другу социальные группы **управителей и управляемых**. В исторически первой и наиболее распространенной структуре власть управителей была безгранична и не зависела от народа, не связана с ним взаимными и четко зафиксированными обязательствами. Это отношения правителей с их большим и разветвленным аппаратом администрации в одном варианте или с многочисленными владетельными и наследственными аристократами (феодалами) в другом и управляемых ими подданных, зависящих от них. Правитель обладает сакральной аурой и управляет самовластно. Если он хорош, народ может — зная, разумеется, свое место — благоденствовать. Если плох, это может негативно сказаться на судьбе возглавляемого им коллектива, от семейно-клановой ячейки, общинной деревни и племенного протогосударства до развитого государства, знакомого с урбанистической цивилизацией, даже до большой империи.

Во второй структуре при сохранении тех же основных социальных групп, управителей и управляемых, и некотором ощущении неравенства их с точки зрения функций, противостояния нет. Напротив, управители и управляемые с завидной легкостью могут сменять друг друга, для чего формировались простые, но строго определенные процедуры. Эти

процедуры определяют, какими нормами обязаны пользоваться те, кому выпала ограниченная определенным сроком нелегкая задача управления другими. Главная из таких процедур электоральная, функционировавшая с глубокой древности, но обретшая свои строгие очертания и разработанные нормы в античных древнегреческих полисах.

На этом принципиальном различии между обоими структурами следует сделать специальный акцент. Если не касаться наиболее примитивных модификаций первой из упомянутых структур (семья и клан, община и племя), то суть сведется к характеристике государств, которые существовали во всех обществах в условиях господства урбанистической цивилизации. Все эти государства различны по размерам, неодинаковы по конкретным формам внутренней организации и не сходны по религиозно-культурным традициям, которые обычно в немалой мере определяют их устойчивость, потенции и поведение по отношению к соседям. Но все они в конечном счете делятся именно на два глобальных структурных типа. Для первой, восточной по происхождению, важен факт причастности к власти и характерно бесцеремонное отношение к собственникам, не имеющим отношения к власти, а также беспрекословное подчинение власти частной собственности как феномена и частных собственников как социального слоя. Эта норма возникла при определенных обстоятельствах и была тесно связана с тем, что богатство простолюдина из числа управляемых не имеет ничего общего с богатством управителей, живущих за счет доходов, притекающих с тех же управляемых и аккумулируемых в казне. И если какая-то, пусть даже незначительная часть, управляемых богатеет, то это попросту означало, что слишком малую часть своих доходов они отдавали казне. А раз так, то по отношению к богатым частным собственникам допустимо принуждение, вплоть до насилия и конфискации их имущества либо существенной его части. И коль скоро никаких иных норм, стандартов и тем более законов в государствах, о которых идет речь, не было, спорить с властями не приходилось.

Более того, представители возникавшего в государстве слоя частных собственников вынуждены были мириться с их искусственно приниженным статусом, ибо все же он давал им некоторые, пусть очень ограниченные, возможности для существования и активности. Вполне довольствовалась существующим положением и власть, видевшая в частных собственниках своего рода добротную дойную корову, которая безотказно давала очень приличный удой. Создавалась ситуация взаимной выгоды, что и объясняет молчаливую санкцию со

стороны власти на существование ненавистных ей частных собственников. К тому же патронаж со стороны власти даже при произволе ее представителей, от феодалов до чиновников, всегда считавших своим правом поживиться за счет собственника, все же предоставлял определенные условия для сохранения имущества и развития деятельности частных собственников, особенно богатых из их числа, и тем самым играл свою немаловажную роль. Это и понятно, если учесть, сколь сложно было собственникам существовать и более или менее успешно функционировать в обстановке практически постоянной естественной неприязни к ним населения и тем более в периоды возникавшей в обществе социальной напряженности.

И за все эти ограниченные условия и порой более чем очень скромные возможности частные собственники платили весьма дорогой ценой, причем дорогой не только и не столько для них самих, сколько для общества в целом. Имеется в виду тот уже упоминавшийся факт, что в подобного рода обстановке накопленный чаще всего в ходе торговых оборотов доход собственников был лишен необходимых потенций для превращения его в капитал античного протобуржуа и тем более позднесредневекового западно-европейского предбуржуа. Имеется в виду такой капитал, который можно было бы вкладывать в любое дело с уверенностью в том, что этот капитал не подвергнется атаке со стороны причастных к власти стяжателей, но, наоборот, сможет принести проценты, которые способны привести к его возрастанию. А на этом, собственно, всегда держалось и в наши дни держится буржуазное предпринимательство со свойственными ему ускоряющимися темпами экономической эволюции, что способствует быстрому росту благосостояния общества в целом.

Полноценное, обладающее всеми необходимыми потенциями буржуазное предпринимательство, несовместимое со структурой власти-собственности, сурово ограничивающей возможности и потенции частных собственников, уходит корнями во вторую генеральную структуру, античную. Именно она, истинно рыночно-частнособственническая, была основана на принципе правовой защиты и общественного признания высшей ценности гражданина и его собственности. Такая собственность в античном мире, включая эпоху ближневосточного эллинизма и Римскую империю, предбуржуазную и буржуазную Западную Европу, могла принадлежать каждому и имела все возможности — при активном содействии со стороны власти, при ее откровенном покровительстве, проявлявшемся в различных льготах и гарантиях, — приносить

проценты и способствовать накоплению капитала. Это было особенно важным для скудных ресурсами Эллады, очень рано сделавшей ставку на создание многочисленных колоний и расширение патронируемых властью торговых и иных связей с населением соседних территорий.

Антично-буржуазная структура с возникновения и вплоть до периода новоевропейской истории, когда она проявила все свои гигантские потенции, дважды на протяжении длительного времени, на эллинистическом Ближнем Востоке и в средневековой Европе, длительное время существовала рядом с восточной. При этом в обоих случаях античность как ведущая структура была вынуждена уступить грубому силовому натиску со стороны едва вышедших из состояния первобытности кочевников. Только на Ближнем Востоке она при этом лишилась всех своих позиций и постепенно ушла в небытие, тогда как в Европе, напротив, после поражения стала постепенно выходить на передний план. В этом случае на ее стороне оказался интеллектуальный потенциал не только высококультурной и передовой античной традиции свободомыслия, правовой культуры гражданина, демократической процедуры и ограничения всемогущества власти, но и умелой аккультурации со стороны раннего, духовно богатого и не увязшего в догматических спорах Византии христианства.

ВОСТОЧНЫЕ ДОХОДЫ И АНТИЧНЫЙ КАПИТАЛ

Приняв сказанное во внимание, обратимся к анализу разницы в том, как распоряжались в обеих структурах своим личным достоянием те, кто его имел в достатке, а то и в изобилии. Собственно, именно это определяло резко выраженное несходство представителей разных структур, которые были вынуждены сосуществовать в рамках одних и тех же обществ и государств. Но начнем с того, как реализовывался процесс редистрибуции до того, как возникли античные протобуржуа, когда частная собственность как таковая не существовала, а достояние и тем более весь ежегодный доход коллектива, его избыточный продукт, концентрировались в руках правителя и созданного им аппарата власти, которые распоряжались всем имуществом государства по своему усмотрению.

Стоит сразу же оговориться, что правители и аппарат администрации, о которых идет речь, отнюдь не были кем-то вроде разбойников с большой дороги. Они никогда, как правило, не ставили перед собой задачи все отнять либо лишить своих подданных существенно значимой части плодов их каждодневного труда. Напротив, они сле-

довали восходящей к далекому первобытному прошлому традиции, которая сводилась к щедрости в процессе распределения совокупного достояния коллектива. Они обычно не забывали о принципе реципрокного взаимообмена, в рамках которого их высокий престиж, ценившийся более материальных благ, приобретался именно за счет щедрого дара. Это не значит, что правители больших государств кому-то что-то обязательно дарили, хотя не исключено, что приближенные и аппарат администрации, в чьих интересах прежде всего производилась централизованная редистрибуция, получали наиболее щедрые пожалования. Важнее принять во внимание, что своя доля произведенного обществом продукта доставалась всем, причем каждому в соответствии с его социальным положением, степенью близости к власти, административным рангом или с иными существенными для данного общества критериями. Более того, в случае засухи либо иных стихийных бедствий, не говоря уже о войнах и прочих социально значимых невзгодах, общественные амбары и страховые кладовые правителя обычно широко открывались для всех нуждающихся.

Это стоит иметь в виду для того, чтобы общая картина не была искажена и были ясны причины, побуждавшие власть прибегать к искусственному усреднению общества, сводившемуся к тому, чтобы каждый имел не более того, что ему положено в соответствии с его социальным статусом. Все остальное принадлежало казне, рассматривавшейся, помимо прочего, также и как фонд, откуда в случае нужды черпались необходимые казне средства. А все ценности и продукты, накопленные казной или хранившиеся в общественных амбарах и складах, воспринимались как законный доход общества, распоряжение которым находилось в руках представителей власти.

Доход, который имеется в виду, использовался на разные цели. За счет накоплений возводились новые строения, прокладывались дороги и создавалась вся иная необходимая для страны инфраструктура (правда, основой для всего этого была трудовая повинность подданных). Отчасти средства шли на войны, иногда приносящие прибыли, но очень часто чреватые лишь убытками. Однако при всех этих и прочих расходах, в какой-то своей части необходимых и даже выгодных для коллектива в целом, очень значительная часть совокупного дохода шла на нужды аппарата власти и прежде всего его верхушки, состоявшей, как правило, из аристократии, которая и была реально правящей элитой.

После завершения в обществе процесса приватизации ситуация начинала меняться. Аппарат власти и правящая элита с нескрываемой завистью и явным недоброжелательством наблюдали за тем, как у простолюдинов в результате развития товарно-денежных отношений, рыночных связей и активной торговли появлялся приватный доход. Этот доход, в основе которого лежало увеличенное производство тех самых изделий, которые прежде либо потреблялись самими производителями, либо направлялись в казну в качестве избыточного продукта, уже не шел ни на строительство общественных сооружений, ни на военные расходы, ни тем более на улучшение качества жизни правящей элиты. И вообще он вначале как бы не был замечен. Заметным он становился лишь по мере быстрого возрастания.

Богатые частные собственники, особенно на первых порах, интуитивно старались не демонстрировать своего богатства, да оно и само не лезло в глаза, ибо с самого начала было отличным от прежнего общего совокупного достояния имущественно почти не различавшегося коллектива. Это был не доход причастного к власти чиновника, которым можно было похвастаться и тем отличиться от обычных, тем более простых бедных людей, принадлежавших к многочисленному слою управляемых, и не скромное достояние тех, кто едва сводил концы с концами. Это был еще не капитал собственника, но уже значительный и не встречавшийся прежде его доход, некий кандидат в капитал, который сразу же по его приобретении буквально требовал, чтобы его вкладывали в дело, дабы увеличить объем товарного производства и рыночного оборота и приносить проценты, т.е. новый капитал. Вот с этого момента и появилось различие между властью с ее доходом и привычной редистрибуцией этого дохода, с одной стороны, и частными собственниками с их сверхнормативным доходом и деловой хваткой с другой. Казалось бы, наступил решающий момент, когда структуре власти-собственности будет противопоставлено нечто, тесно связанное с частной собственностью отдельных удачливых богачей. Но ничего похожего не случилось. Почему же?

Причина в том, что во всех тех государственных образованиях, где шел процесс приватизации, аппарат власти давно уже набрал такую силу, что ему ничего не стоило придавить богатых частных собственников. Все они были удивительно легко и вполне естественно поставлены в условия, при которых ни о каком капитале нельзя было и подумать. Налоги, произвол чиновников, вымогательства и угрозы со стороны власть имущих всюду делали свое дело. Богатые, но не при-

частные к власти собственники не становились в рамках восточной структуры гражданами античного типа. Они оставались, как и были прежде, бесправными подданными, которые не имели реальной возможности защитить свои доходы от корыстолюбивых чиновников, представляющих власть. Им приходилось терпеть все унижения и потери ради того, чтобы просто продолжать существовать и хоть как-то вести свои дела. В любую минуту практически каждый из таких богачей, становившихся бельмом на глазу у власти, мог лишиться всего имущества, а то и жизни.

Так было на Востоке всегда. Со временем богатые собственники, которых становилось все больше и которые правдами и неправдами, но все же постепенно научились сохранять весомую часть своего имущества от вездесущих чиновных лихоимцев (а к ним, не следует забывать, стоит прибавить и готовый отнять у них лишнее возмущенный народ в голодные годы и в дни мятежных выступлений), привыкли к своему зависимому положению. Это проявилось в том, что богатство частных собственников на Востоке так и не стало капиталом в античном и тем более в предбуржуазном и буржуазном смысле этого слова. Их доходы оказались оскопленными, а сами владельцы были лишены необходимой свободы действий, не говоря уже о правовой защите. Предприниматели на Востоке везде и всегда резко ограничивались во всем том, что касается энергии и инициативы, столь важных для эффективного использования капитала. Поэтому при обилии богатства и крайне развитой торговле здесь не возникли и в принципе просто не могли возникнуть ни протокапитализм античного типа, ни тем более капитализм буржуазии Западной Европы, во всяком случае до начала энергичной трансформации незападного мира в XIX столетии.

Следует оговориться, что Восток вообще-то был знаком с небольшими протогосударствами или даже достаточно развитыми государствами, которые существовали за счет транзитной торговли. Понятно, что в них — будь то древнеассирийский Ашшур или Финикия с ее колониями, сирийская Пальмира или арабская Мекка — общество выглядело несколько иначе, а давление власти на богатых частных собственников из числа удачливых торговцев едва ли вообще существовало. Но и эти общества, как и прочие на Востоке, не могли перерасти в буржуазные западного типа по той простой причине, что в них не возникало античного типа гражданское общество с его правами, свободами и демократией с соответствующими процедурами, имеющими

отношение к избранию подотчетной гражданам власти. А именно и только это было важнейшим условием для возникновения буржуазной рыночно-частнособственнической структуры с легитимным превращением дохода в капитал.

Что же касается протокапитализма античности, где социополитические институты в качестве фундамента для возникновения такой структуры имели место, то он возник в совершенно иных условиях. Не обретая облик дохода причастных к власти, все богатство, да и вообще имущество частных собственников, патронируемые избранной — в полисах Греции — или даже имперской, как то было в Риме, администрацией, здесь обычно сразу же активно включалось в энергичный товарооборот и превращалось в капитал. Очень развитый рынок и общепризнанная в качестве великой ценности частная собственность способствовали получению законной прибыли и прибавлению ее весомой части к капиталу. Это давало толчок быстрому экономическому развитию античного общества. В результате античный протокапитализм, пусть еще не равный западноевропейскому буржуазному, даже предбуржуазному, получил весомое превосходство над доходами местных аристократов. И они, будь то древнегреческая знать или римские сенаторы, быстро усвоив урок, тоже стали обращать свои доходы в капитал. А на ту прибыль, которую, особенно в греческих полисах после процесса синойкизма, стал приносить капитал собственников из числа граждан (да и не только граждан), возводились многие общезначимые величественные строения и вообще создавалась вся инфраструктура, а также расцветала культура как в Элладе, так и в Риме.

Новая для Востока античная рыночно-частнособственническая структура, активно использовавшая капитал частных собственников, приносящий проценты, была вначале внедрена в ближневосточный быт почти что насильно. Она стала в эпоху эллинизма результатом массового перемещения в восточные города и поселки греков и македонцев, которые создавали там привычное для них общество античного типа. Рим продолжил эту традицию и многого достиг. Однако эпоха эллинизма, а затем и сменившая ее романизация Ближнего Востока завершились, как то хорошо известно, крахом античности. Все началось заново в раннесредневековой Западной Европе, где античные традиции имели совершенно иную судьбу. Там именно они со временем вышли на передний план, хотя и произошло это далеко не сразу.

ФЕОДАЛИЗМ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ

Структура власти-собственности, свойственная варварским этническим общностям и племенам, которые заполнили среднюю и северную части Европы, была первобытно-восточной в ее первоначально наиболее примитивной модификации. Но понемногу в силу весьма существенных причин эта изначальная структура обрела здесь непривычную для классического Востока форму. Или, иначе, в Европе не возник первый вариант этой структуры с обычной для нее централизованной редистрибуцией. Это произошло в основном потому, что немалая часть территории, о которой идет речь, была заселена колониями римских воинов-ветеранов, нередко соединенными неплохими дорогами с Римом. Потеснив потомков этих ветеранов и осев на пустующих землях неподалеку от них, в том числе и от их городов, варвары, успешно подвергавшиеся энергичной аккультурации, начинали трансформироваться. И это следует считать логичным и вполне естественным процессом.

Однако этот процесс на сей раз протекал в условиях, заметно отличных от эллинизма на Ближнем Востоке после завоеваний Александра. Отличия были многообещающими. Они сводились к тому, что отсталые этнические общности и племенные протогосударства, незнакомые с урбанистической цивилизацией, не имели представления ни о частной собственности, ни об административном аппарате, ни тем более о городах. Это были варвары, кочевники и полукочевники. Можно было бы предположить, что кое-кто из них во время длительного пути из глубин Азии в Европу, быть может, мог заимствовать что-то у государств, встречавшихся по пути. Но такого рода предположение явно не имеет под собой достаточных оснований. И не только потому, что никто нигде и никогда об этом всерьез ничего не писал.

Важнее то, что по пути следования перемещавшихся народов государств не встречалось. Великая степь была заполнена теми же самыми племенами, причем именно немалая их часть в Европу и прибыла. Что касается германских племен, оседавших в Галлии еще задолго до крушения Римской империи, то они тоже не имели никаких признаков контактов с какой-либо из урбанистических цивилизаций, кроме того же Рима. А отдаленный Китай, который один только умел оказать и оказывал какое-то цивилизующее влияние на своих северных соседей, сюнну (гуннов), едва ли мог сильно повлиять на те полудикие орды во главе с

Аттилой, которые в середине V в. наводили ужас на римлян и их союзников. Очень похоже на то, что за время длительного, исчисляемого веками пути в Европу гунны если и не одичали, то во всяком случае — насколько можно судить — явно утеряли многие из цивилизационных заимствований, которыми, быть может, когда-то обладали.

Другим явным отличием сложившейся в Европе после нашествия варваров ситуации было то, что развитых и богатых городов с их античной по типу внутренней организацией, обилие которых было характерно для эллинизма, на территории Европы после нашествия варваров тоже не существовало. Вихрем промчавшиеся по Европе, включая и римские колонии, степняки с городами и горожанами, как следует полагать, разбирались особенно старательно, громя и грабя их, что называется, до основания. И города как развитые торговые и культурные центры после этого, естественно, долгое время не имели условий для восстановления. Поэтому во всей раннесредневековой Западной Европе после крушения империи и оседания на ее территории варваров возникли новые и чрезвычайно еще примитивные государственные образования, очень слабо причастные к урбанистической (но все же античной римской, а не восточной, что важно отметить) цивилизации.

Эти государства оказались — если продолжать сравнение с эллинизмом — структурно близкими к ближневосточной провинции-хоре, но отличными от ее устойчивого восточного сельского примитивизма. Однако такого рода структурную близость они в принципиально новых условиях постоянного влияния со стороны еще сохранявшейся античной урбанистической традиции начали постепенно преодолевать. Да и отсутствие городов как центров ремесла и торговли и тем более рыночно-частнособственнического хозяйства с его активным использованием капитала, приносящего проценты, было не слишком длительным. Но тем не менее все это вкуче на первых порах сыграло свою роль. Античные традиции, которые здесь на довольно долгое время как бы замерли, вначале практически не были востребованы. Зато на передний план вышла уже упоминавшаяся и сравнительно очень редко встречававшаяся в истории ситуация, когда варварские государства в силу сложившихся обстоятельств формировались довольно быстрыми темпами, а необходимые аппарат администрации и инфраструктура за этим просто не поспевали. Это привело к вынужденному выходу на авансцену второго варианта структуры власти-собственности с его децентрализованной реди-стрибуцией, т.е. системы феодализма.

Ситуация в общем-то до предела ясна, особенно если вспомнить прошлое. В ближневосточном регионе с его древними и медленно формировавшимися государствами было достаточно времени для сложения системы централизованной администрации. Возникшая до появления частной собственности, эта администрация обычно делилась на высший, средний и нижний уровни и соответственно имела дело с государственными, региональными и местными проблемами, особенно во всем том, что касалось перераспределения совокупного имущества и произведенного продукта всего населения. Принцип перераспределения этого имущества и продукта формировался центром, и именно поэтому он получил наименование централизованной редистрибуции. Однако народы, которые прибыли с востока с Западную Европу, с этим знакомы не были. А необходимость создания государства при отсутствии инфраструктуры и хоть какой-то собственной системы администрации вела к появлению децентрализованной редистрибуции, что означало становление феодальной по типу системы владений со всеми ее привычными атрибутами.

Кстати — и об этом не лишне напомнить — из сказанного явствует, что феодализм не некая «формация», будто бы пришедшая на смену «рабовладельческой», но альтернативная модификация той же структуры власти-собственности. А это значит, что феодализм как система есть порождение древневосточной структуры, а не античной, принципиально чуждой ему. Однако в случае со средневековой Европой одной только этой констатацией дело отнюдь не ограничивается. Все было намного сложнее.

ФЕОДАЛЫ И ГОРОЖАНЕ (ПРЕДБУРЖУА)

Западная Европа с начального периода средневековья с его варварскими королевствами структурно родственна и близка к ранне-чжоускому Китаю. Бенефиции и тем более феоды государства франков VII–VIII вв. были примерно тем же, что являли собой владения нескольких десятков вассалов сына Неба на рубеже II–I тыс. до н.э. Иерархическая лестница во Франции несколько более позднего времени (в различных государствах европейского средневековья она выглядела неодинаково, кое-где, как в Англии, ее вообще практически не было) очень напоминает чжоускую во второй трети I тыс. до н.э. Это значит, что феодальная знать разного ранга с различными степенями властных полномочий существовала в виде вассально-иерархической пирамиды рядом с формально числившимся всеобщим сюзереном-

королем, у которого в качестве реального владения был лишь, как обстояло дело с потомками Гуго Капета в X–XII вв., свой сравнительно небольшой домен.

Это значит, что структура власти-собственности в ее феодальном варианте типологически восходит к *раннему обществу Востока*. В условиях варварских королевств раннесредневековой Западной Европы с отсутствием централизованной администрации она приняла облик феодальной раздробленности с междоусобицами и слабостью власти верховного правителя. Феодалы в этой структуре были не чиновниками, но могущественными наследственными властителями своих феодов. И только с течением времени в результате множества различных по характеру войн и в процессе усиления одних и ослабления других, а особенно вследствие медленного процесса возникновения необходимой инфраструктуры и бюрократического чиновничества, выполняющего сложные функции аппарата администрации, феодализм уходил в прошлое. А на смену децентрализованной редистрибуции приходила другая, централизованная, свойственная тем государствам, которые историки-медиевисты, имеющие дело с европейским Западом, любят именовать абсолютистскими, но которые на самом деле были очень разными по типу, хотя и в чем-то одинаковыми. Они являли собой уже централизованные и чаще всего явно выраженные **авторитарные государства**, иногда и империи. Так, к слову, было и в древнем Китае в III в. до н.э., когда возникла первая империя Цинь. Таким же путем и в том же направлении шла раннесредневековая Западная Европа.

А как обстояло дело в западноевропейском средневековье с античными традициями, с той альтернативной структурой, которая отражала интересы предпринимателей, связанных с рыночно-частнособственническими отношениями, и соответственно защищала права и интересы гражданина (горожанина) и его собственности? Вначале эта традиция присутствовала разве что в бывших римских колониях, да и то лишь в тех случаях, если там сохранялись потомки римлян. Насколько можно судить, в ранних варварских королевствах на первых порах ей явно еще не было большого места. Старые римские поселения крупного размера и городского типа в большинстве своем, видимо, исчезли и в лучшем случае сохранялись лишь как центры возникавшей административной структуры (графств) либо резиденции епископов. Но по мере аккультурации и ассимиляции варваров за счет влияния возрождавшихся античных традиций, воспоминания

о которых сохранялись в уцелевших римских поселениях и потому могли сыграть определенную роль в организации необходимого для любого государства торгово-промышленного производства, ситуация понемногу изменялась.

Прежде всего стали появляться города, внутренняя организация которых, особенно на севере Италии, в Ломбардии, многое заимствовала у античной традиции. В первую очередь это касалось основ правовой культуры и форм муниципальной самоорганизации. Вся Западная Европа примерно к XII в. и тем более в XIII–XIV столетиях была уже обильно покрыта городами, в которых производились в большом ассортименте различного рода ремесленные изделия, а также велась обширная торговля, в том числе морская и транзитная. Часть их, как в Германии, объединялась в союзы типа Ганзы, что заметно укрепляло их позиции. В городах жили и работали горожане, т.е. предбуржуа, которые в средневековой Европе не очень сильно отличались от протобуржуа античного мира. Но различие все же было, и не столь уж малое. Все дело в том, какая из двух структур была в условиях вынужденного сосуществования главной и господствующей, а какая — вторичной и подчиненной. В длительный период эллинизма и следовавшей за ним романизации приоритет античной рыночно-частнособственнической структуры был бесспорен, тогда как на долю обширной, но примитивной сельской хоры приходился невысокий статус аграрного придатка. Однако именно в хоре устойчиво сохранялась традиционная восточная структура с характерными для нее властью-собственностью и централизованной редиистрибуцией, пусть даже функционировавшей лишь на полупервобытном уровне семейно-клановых и общинных коллективов.

В раннесредневековой Европе при аналогичном сосуществовании обеих принципиально отличных друг от друга структур господствующее положение тоже занимала та, которая типологически может быть сравнена с хорой, ибо городов античного типа еще не было, как и вообще развитой инфраструктуры. Поэтому власть-собственность представляла в виде варианта с децентрализованной редиистрибуцией, который открыл дорогу феодализму. И на протяжении веков в Европе почти абсолютно господствовали феодалы, делившие свою власть, да и то лишь в очень определенном аспекте, разве что с церковью. Естественно, при таком раскладе сил европейские предбуржуа в понемногу появлявшихся городах античного типа вначале были в явном меньшинстве и имели не слишком высокий статус. Античные протобуржуа

по своим возможностям и гарантиям, правам и привилегиям были несравненно более свободными, нежели их европейские собратья в раннем средневековье. К тому же, что существенно, рядом с античными предшественниками западноевропейской буржуазии не было властных и высокомерных феодалов, которые не привыкли считать городских простолюдинов-предбуржуа за равных им людей и, более того, стремились содрать с торговцев лишние пошлыны за проезд через их земли. Однако это противостояние феодалов и нарождавшейся буржуазии западноевропейских городов сыграло в конечном счете решающую роль в том, что предбуржуа сумели немалого добиться в борьбе за те права и свободы, которые были основной сутью хорошо знакомой им античной традиции, ростки которой с течением времени все более укреплялись. Как это происходило?

ЧЕЛОВЕК И ВЛАСТЬ

Почему города и горожане Европы сумели, пусть в ходе постоянной борьбы с хорошо вооруженными феодалами, укрепить свои позиции? Это, как и параллельную деградацию феодализма, следует считать естественным результатом действия одного из не очень многих жестких законов, с которыми мы встречаемся в богатой случайностями и неопределенностями истории. Суть закона элементарна и сводится к тому, какая из основных форм взаимоотношений человека и власти наиболее перспективна с точки зрения темпов эволюции. Об этой проблеме — о закономерности эволюции в связи с отношениями между государством и обществом — специалисты обычно редко вспоминают. А она стоит того, чтобы о ней не только всегда помнили, но и чтобы именно ее ставили на первое место.

Обратим внимание на то, что марксистская теория «формаций», из тупика которой все еще с трудом выходит отечественное обществоведение, не придавала значения социополитической проблеме власти, пренебрежительно считая ее чем-то второстепенным. Это оказалось той самой роковой ошибкой теории, которая предопределила все ее провалы. А на деле главное именно в том, что в постпервобытном мире реально существовали **четыре формы отношений человека и власти**, причем они вовсе не следуют одна за другой. Их взаимосвязи и различия выглядят иначе. Попытаемся оценить каждую из этих форм, выделив для начала первые три. **Первая** из них — основной вариант восточной структуры власти-собственности с присущей ей централизованной редистрибуцией. **Вторая** — античная с ее свободами и пра-

вами, уважением к частной собственности, защитой имущества и интересов, с избранной ими самими и подотчетной населению властью. **Третья (феодальная)** — вариант структуры власти-собственности с децентрализованной редистрибуцией. Она практически идентична первой. Но стоит все же разобраться в том, что эта альтернативная форма редистрибуции реально означала с точки зрения форм отношений человека и власти. С этого и начнем.

Третья форма может считаться переходной и сводиться к деградации примитивной системы власти вследствие укрепления центра, создания необходимой инфраструктуры и аппарата администрации. Эта деградация как в чжоуском Китае, так и в средневековой Западной Европе шла не слишком быстро по той простой причине, что начиналась она с весьма примитивного уровня варварских государств. Потребовалось несколько веков, чтобы в условиях феодальной децентрализации создать необходимую инфраструктуру и аппарат администрации. Очень важно также принять во внимание, что феодалы различного ранга и в особенности численно наиболее значительные слои из их числа, рыцари (в Китае дафу) долгое время были основой боевой силы. Эта сила доминировала не только при феодальных междоусобицах, но и в масштабе всего государства. Но как только было изобретено огнестрельное оружие, надобность в рыцарях в Европе стала исчезать. На смену шла вооруженная ружьями пехота. И хотя немалая часть феодалов перешла на службу королям в качестве чиновников, а чаще офицеров либо элитных гвардейцев, ситуация стала решительно изменяться. Единственная и очень существенная для государства сфера приложения сил, в рамках которой феодалы издревле были нужны обществу, — военное дело, войны — изменила свой облик. Рыцарей теперь было легко заменить опытными и умелыми служивыми, чаще всего выходцами из числа обычных воинов.

Как только общество перестало нуждаться в феодалах, где в большей степени, где в меньшей, где раньше и быстрее, где медленнее и позже, феодализм как система начал испускать дух, как проткнутый иголкой воздушный шар. Он был обречен. Правда, процесс дефеодализации протекал сложно и небезболезненно, ибо касался большого социального слоя людей, которые, будучи плохо к этому приспособленными, вынуждены были находить себе какое-то новое место в жизни. А найти его было не просто, особенно если иметь в виду воспитанные веками феодальную спесь и острое ощущение своей исключительности. Тем не менее жизнь заставляла. Оставив в стороне ки-

тайскую империю, где дефеодализация шла в иных условиях и была осуществлена быстро и бесповоротно, обратим внимание на Европу. Там дефеодализация шла медленно. Одни феодалы продолжали следовать привычному образу жизни, т.е. убивали друг друга в междоусобицах типа войны Алой и Белой розы либо просто на дуэлях. Другие шли в заново создававшиеся королевские армии, составляя в них офицерский корпус или охранные группы типа гвардейцев. Третьи не гнушались идти на службу и становиться в ряды служилой бюрократии. Четвертые предпочитали заниматься бизнесом и в качестве своеобразного нового дворянства сближаться с буржуа, учась у них обращать свои скромные сбережения в капитал, приносящий проценты. Пятые переполняли собой корпус церковной иерархии, а то и подавались в монахи. Словом, возможностей найти новое место было достаточно. Но не всегда этот процесс дефеодализации поощрялся властями. Некоторые представители королевских домов, укрепив свою власть, не принимали во внимание, что ослабление и деградация феодализма как системы и процесс дефеодализации выгодны для страны и открывают перед ней простор для ускоренной эволюции. Кое-кто из королей, как последние французские Людовики из дома Бурбонов, даже стремились перенасытить свои дворы бездельниками из числа высшей знати, получавшими богатые подачки из казны ради того, чтобы они находились в Версале рядом с короной, оттеняя ее блеск.

Разное отношение к проблеме деградирующего и никому не нужного феодализма возникало и из-за различного хода истории в странах Европы, будь то Англия, Испания, Австрия или Франция. И справедливости ради важно обратить внимание на то, что лишь в Англии с феодализмом было покончено сравнительно легко. Стоит также заметить, что только случайные побочные факторы (гигантские колонии как место заработать для испанских грандов и идалго, огромное количество небольших государств в конфедерации под властью империи австрийских Габсбургов) предохраняли некоторые другие страны от такого взрыва, который выпал на долю Франции в форме великой революции. Словом, анализ проблемы свидетельствует о том, что феодализм был необходим истории лишь иногда, в чрезвычайных обстоятельствах. Когда ситуация менялась, а нужда в децентрализованной редистрибуции и тем более в обособленных феодальных дружинах исчезала, вставал вопрос о ликвидации феодализма как системы и о дефеодализации. Решался этот вопрос в разных странах Европы, вплоть до восточных ее окраин типа Польши, различно, в зависимости от обстоятельств. Но при этом

сам факт вынужденной и со временем объективно ускорявшейся деградации бесспорен. Феодализм был осужден историей и погиб, будучи повсюду, где он реально существовал, замененным другими социальными слоями, обслуживавшими потребности централизованных государств, а то и империй. Но это еще не обязательно означало, что на смену ему шли буржуа.

В древнекитайской империи, например, было немало искусных ремесленников, торговцев и богатых горожан, но там не было европейского типа буржуа, как не было их во всех странах Востока потому, что буржуа — это не род занятий. Они — наследники античной традиции, которая принципиально чужда восточной. Античная традиция многогранна и имеет в виду интересы человека, населения, общества в противовес Востоку с его склонностью к защите интересов правителя, власти. Поэтому важно заметить, что только на Западе на смену деградирующему феодализму шли буржуа, стремившиеся к регенерации традиций античного права, свобод, всего гражданского общества с гарантированной частной собственностью, которая есть главная забота со стороны избираемой гражданами власти.

ГОРОДА И БУРЖУА

Подытоживая сказанное, зафиксируем основное: из трех рассмотренных форм отношений человека и власти две, первую и третью, следует считать близкими друг к другу, почти идентичными. Обе возникали на ранних этапах развития общества и сводились к различным вариантам одного и того же типа отношений человека и власти (всемогущая власть сверху, люди внизу). Население здесь — беззащитные подданные, подчиненные чиновникам-администраторам или феодалам. Зато вторая форма, античная, другая. В античном мире человек с его интересами главное, тогда как власть, заботящаяся о соблюдении этих интересов, а также прав и свобод граждан, вторична и зависима от электората. Это же стало основой и четвертой, буржуазной формы отношений человека и власти. И потому вторая и четвертая формы столь же близки друг к другу, как первая и третья.

Вот так обстоит дело с четырьмя основными формами отношений между людьми и государственной администрацией. И уяснение принципиальной разницы в отношениях между управителями и управляемыми, т.е. обществом и властью, следует считать, при всем уважении к экономике и темпам эволюции, в формировании которых столь выдающуюся роль сыграла буржуазия, главным. А теперь, констатируя

разницу, обратимся к более обстоятельной характеристике четвертой, буржуазной формы отношений. Как то хорошо известно — и это тоже было связано с тем из немногих законов истории, о чем выше мельком упоминалось, — все европейские города, став на ноги, начинали прежде всего бороться за самоуправление. Дело в том, что именно оно было основной базой для достижения тех прав и свобод, а также той формы отношений человека и власти, которая была характерна для античности. В этой борьбе горожане где с помощью денег, где иными средствами все чаще начинали достигать вполне заметных успехов.

В нелегкой и не слишком быстро завершавшейся борьбе западные города, именно этим отличавшиеся от всех остальных, включая и русские, одолевали деградирующий феодализм. И не только потому, что система, утратившая объективную потребность в ее существовании, вынужденно уходила в прошлое, а новой предстояло блестящее будущее. Само по себе ничто, даже во вроде бы predetermined некоторой закономерностью ситуации, не делается. Нужны были усилия, причем немалые. Нужны были союзники. К счастью, союзники у западноевропейских городов были. На раннем этапе их борьбы с упорно опутывавшими город таможенными перегородами феодалами этими союзниками были, о чем уже упоминалось, слабые еще в ту далекую пору короли. Это и неудивительно, ибо владения правителей тоже были окружены феодами могущественных вассалов. Короли в той же Франции, задолго до того как в объединенной стране установилась власть Людовиков из дома Бурбонов, были заинтересованы в поддержке городов как средства усиления власти центра, создания в королевстве столь желанной инфраструктуры и обуздания всемогущих вассалов.

Городам помогали соседи, тесные взаимные связи, как то было, в частности, в случае с северогерманской Ганзой. В ряде случаев города были сильны тем, что они быстро становились достаточно богатыми, чтобы скупать у феодалов окружающие их пригороды и превращать таким образом городские агломерации в мини-государства, совокупность которых являли собой североитальянская Ломбардия, кантоны Швейцарии или портовые города Фландрии. Немалую роль играли и те города, в которых обитали правители или епископы. Здесь тоже феодалам было нелегко разгуляться, хотя все сказанное отнюдь не означает, что они жили только в своих загородных замках и не селились в тех же городах, становившихся центрами культуры, местом общения, источником новых идей, в том числе таких, которые, начиная с Флоренции, становились центрами великого Ренессанса.

Но основным населением городов, имевших, как правило, постоянную тенденцию к разрастанию, были все же буржуа, т.е. горожане, по своему статусу близкие к античным гражданам. Их деятельность была особенно заметна в сфере производства и торговли, а доходы зависели от возможностей развития рыночно-частнособственнических отношений. На страже благополучия и нормального функционирования рынка и частной собственности со всеми необходимыми гарантиями и привилегиями обычно стояло — как то было и в античности — выборное и меняющееся городское самоуправление. Оно существовало и тогда, когда высшей властью в городе мог оказаться местный либо даже приглашенный правитель из числа соседних феодальных властителей. Были в городах, причем в большом количестве, и многочисленные представители низших слоев общества, начиная с подмастерьев и слуг, челяди в домах феодалов или епископов и кончая нищими, бездомными, беженцами из числа разорившихся крестьян и т.п. Всех принимал город. Более того, горожане старались так либо иначе использовать труд нищих и бездомных изгоев, даже способствовать их трудоустройству, ибо не в их интересах было создавать в ограниченном пространстве города заметную социальную напряженность. Именно для этого, к слову, вокруг городов часто возникали большие пригороды, где на принадлежавших горожанам участках были сады и огороды, а то и более обширные угодья, на которых всегда можно было с успехом использовать неквалифицированный либо мало квалифицированный труд наемных работников.

Система цехов, а также торговых гильдий, да и профессиональных объединений городских интеллектуалов разного профиля (врачи, аптекари, нотариусы и т.п.), начавшая формироваться в городах, в частности в Италии, с X столетия, но обретшая более или менее завершенную форму двумя-тремя веками позже, способствовала специализации и повышению квалификации горожан. Одновременно это вело к упорядочению городского быта. Город с помощью такой системы как бы брал на себя ответственность за качество изготавливаемых в нем продуктов и предоставляемых им услуг. Подобного рода повышенное внимание к качеству оттачивало как искусство городских мастеров, так и полезную привычку соответствовать высокому и равному для всех стандарту. Количество цехов менялось в зависимости от размеров города. Обычно оно исчислялось десятками, в отдельных случаях, как, например, в огромном Париже, сотнями. Все цеха, гильдии и иные профессиональные объединения имели чаще всего выборных руково-

дителей и профессиональные знаки, символы, знамена. Город нередко чеканил свою монету. Он обычно имел также центральный рынок, что не мешало торговле на улицах, в мелких торговых лавках. Временами устраивались, чаще вне самого города, разные ярмарки, приуроченные обычно к осени, к созреванию сельскохозяйственной продукции. Города располагались или, во всяком случае, чаще всего тянулись к побережью моря или к рекам, дабы иметь водную, наиболее простую и легкую связь с миром. Портовые города сразу же обзаводились верфями и собственным торговым флотом.

В переходный период, т.е. в XVI–XVIII столетиях, в наиболее передовых и развитых странах, в частности в Англии, а затем и во всей Западной Европе, да и не только в ней, возникала расширявшаяся и постоянно развивавшаяся большая сеть мануфактур, как централизованных, так и рассеянных. Суть этого типа производства сводилась к тому, что процесс создания готового продукта делился на несколько этапов. Каждая из операций могла осуществляться отдельно, в другом помещении или даже вообще в ином месте, в том числе и в расположенных неподалеку от города деревнях. В этот же исторический период возникали новые важные сферы приложения массового труда, как, например, работа в рудниках или на угольных копях. Несколько позже все чаще, особенно в текстильном производстве, где этого добиться было легче всего, стали появляться механизмы и даже простейшие машины. На смену мануфактурам усилиями наиболее расторопных буржуа, использовавших достижения науки и все новинки в сфере технико-технологических усовершенствований и изобретений, стали появляться первые фабрики, а затем и изготовлявшие механизмы и машины либо перерабатывавшие руду и плавившие металл заводы.

На протяжении всего длительного периода развития и изменения городов, городского хозяйства, да и самих горожан, будь то ремесленники, торговцы, финансисты, работники и владельцы мануфактур, фабрик, рудников, копей, заводов, судостроители и строители иных сооружений, прежде всего домов, дорог, мостов и т.п., шел процесс формирования определенных социальных групп. Они входили в состав буржуазии, но в рамках этого сословия занимали различные места. Однако главную роль среди всех этих многих слоев тружеников всегда играли богатые частные собственники, которые постепенно сосредоточивали в своих руках владение важнейшими промышленными, строительными, торговыми, финансовыми и иными предприятиями. Мало того, они же брали на себя нелегкую задачу организовывать

всю необходимую работу таким образом, чтобы она приносила их капиталам максимальную прибыль. Разумеется, при этом имеется в виду и дальняя транзитная либо колониальная торговля, требовавшая больших усилий и всегда сопровождавшаяся еще большими рисками. В процессе этих перемен возникала сменявшая предбуржуазию позднего средневековья и переходного периода западная буржуазия а полном смысле этого слова.

БУРЖУАЗИЯ И ФЕОДАЛЫ В РЕШИТЕЛЬНОЙ СХВАТКЕ

Буржуазия нового времени принципиально отлична от античных протобуржуа и от предбуржуазии средневековья и переходного периода не только тем, что она оказалась способной, сделав дополнительный акцент на развитии промышленного производства, включить на полную мощность фактор ускоренной эволюции. Важно одновременно с этим принять во внимание, что она вытесняла из высших слоев правящей политической и тем более экономической элиты сохранявших еще свои позиции феодалов и занимала их место. Это оттеснение отжившей и давно уже деградирующей социальной страты было в интересах всего общества, ибо на последнем этапе существования феодалы, как было сказано, утрачивали свои прежние нужные обществу функции, прежде всего военно-рыцарские, превращаясь, во всяком случае в Западной Европе, в явно паразитическое сословие. О тех формах, какие принимал процесс вытеснения одного сословия другим, уже немало было сказано. В целом можно констатировать, что протекал этот процесс нелегко, ибо феодальная знать, имевшая немало глубоких корней в высших слоях любого конкретного общества и бывшая по сути почти неотъемлемой частью правящей элиты, упорно сопротивлялась.

Соппротивление принимало разные формы. В одних случаях, как в Англии, это были гражданские войны, в других, как в Нидерландах, противостояние стремлению властей приструнить получившие слишком много вольностей города, в третьих, как в Австрии, выступления против всесильного католицизма и религиозные противоречия. Но в любом случае это была серьезная борьба. Для буржуазии она иногда облегчалась тем, что отдельные мудрые правители, как английская королева Елизавета, подчас открыто вставали на ее сторону и заботились о создании условий для ее процветания. И это сыграло свою роль. Можно было бы сказать, что в конечном счете сопротивление феодалов было бесполезным, ибо история была на стороне их противника.

Однако это вовсе не значит, что феодалы всерьез анализировали ход истории и оценивали преимущества того либо иного строя. Все это их не очень-то трогало. Для них главным было любой ценой приостановить процесс деградации феодальной системы и, если получится, обратить его вспять.

И вот здесь — стоит вернуться к уже сказанному — свою важную роль стала играть королевская власть. Если на этапе формирования сильных государств в средневековой Западной Европе короли нередко искали в городах, среди буржуа, поддержку в борьбе с их непокорными феодальными вассалами, то в период откровенной деградации феодализма некоторые из них оказались на одной стороне с этими сословием. И в этом нет ничего неожиданного. Скорее в качестве неожиданности следует воспринимать позицию тех из коронованных властителей, кто склонен был поддержать буржуазию против феодалов. Вспомним, что первая и третья формы отношений человека и власти по сути близнецы, это варианты структуры власти-собственности, в которой первична власть, а вторична всякая осознаваемая либо даже еще не осознанная подданными собственность, общественная или частная. На протяжении долгих столетий население Западной Европы не видело особой разницы между статусами подданного короля и зависимого от королевского вассала земледельца. Разве что немногочисленные тогда горожане ощущали, как упоминалось, эту разницу. Со временем, когда феодальная знать заметно деградировала, а королевская власть, создавшая необходимую инфраструктуру и широко разветвленную бюрократическую администрацию, стала господствующей в государстве силой, ситуация изменилась. Различия (централизованная либо децентрализованная редистрибуция), некогда игравшие весьма важную роль и определявшие не только факт разделения власти между сюзереном и его вассалами, но и принадлежность каждого из подданных верховному правителю либо одному из региональных, ушли в прошлое. Феодальная знать, претендовавшая на самостоятельность и независимость, утратила свою силу, как исчезло и классическое (правда, не везде существовавшее с одинаковой четкостью) правило «вассал моего вассала не мой вассал», которое формально как-то отделяло подданных короля от подданных его вассалов.

Результат очевиден: аристократия, перестав быть соперником и тем самым угрозой власти правителя, но вместе с тем пытаясь приспособиться к изменившимся условиям, вполне могла и даже должна была

превратиться в союзника, а то и в опору королей. Это легко объясняет, почему в новых условиях ускорившегося процесса деградации феодалов (вспомним пародию на рыцаря в классическом «Дон Кихоте») и дефеодализации феодализм как форма отношений человека с властью оказался приемлемым для монархов. Короли, обретавшие за счет знати некую дополнительную силу и притом отнюдь не всегда понимавшие роль буржуазии в эволюции общества, изменили свою политику по отношению к городам и буржуа. Они интуитивно сознавали, что вместе с буржуазией наступает принципиально иное время, для которого характерна близкая к античной, но отнюдь не устраивавшая их форма совсем других отношений человека и власти.

Это вело к тому, что европейские монархи в большинстве своем не спешили сдавать их феодальное окружение и стойко сопротивлялись вместе с ним натиску буржуазии. Собственно, именно это сопротивление и вызывало замедление процесса дефеодализации в большинстве стран Западной Европы на рубеже XVIII–XIX столетий. Процесс дефеодализации в континентальной Европе все же шел, но ему постоянно вставляли палки в колеса. И хотя великие идеи века Просвещения ускорили этот процесс, насколько то было можно, результаты отнюдь не были обнадеживающими. Движение европейских буржуа к обретению влияния и тем более господства в социополитической сфере своих государств всячески и довольно успешно тормозилось. Наиболее заметным это торможение было во Франции, где блистательные Людовики поставили перед буржуазией самый мощный заслон. Но именно этот заслон как раз и вызвал взрыв гигантской силы — великую революцию, которой суждено было поставить точку на феодализме. Именно и только во Франции буржуазная революция сумела решительно, с помощью силы и страшного террора, в конечном счете выдвинуть на господствующие позиции в континентальной Европе принципиально новую, но родственную античной форму отношений человека и власти.

И вот здесь, в самом конце главы, специально посвященной важнейшей проблеме «человек или власть», «общество или государство», стоит затронуть еще один очень существенный аспект ее. Речь пойдет о том, что же в конечном счете важнее, личность и свободное самовыражение индивида или навязчивое желание властителя, высказывающего свои взгляды от имени государства и требующего от общества — а в конечном счете от любой из составляющих общество личностей — слепого и по существу безоговорочного повиновения. Если трактовать

этот аспект проблемы несколько иначе, то она примет примерно такой облик. Что безусловно важнее, интересы государства (империи, как любят именовать, к примеру, современную Россию некоторые ревнители постановки вопроса именно в таком плане), причем только в том их виде, как они понимаются элитой, слоем управителей, а чаще всего одним всевластным правителем, или интересы общества, представленные различными слоями в каком-либо представительном органе, специально созданном для дискуссий на эту тему и имеющем самостоятельность и необходимые полномочия.

Ясно, что первая из позиций отражает всевластие сложившейся системы, привыкшей к безусловному повиновению подданных, как то имело и порой все еще имеет место там, где абсолютно господствует структура власти-собственности в любом из ее вариантов и модификаций. Там, где управители страшно боятся пасть под давлением мнения простых людей, имеющих признанные законом права. А вторая отражает волю народа, людей, жизнь и благоденствие каждого, что неизмеримо важнее мощи той либо другой империи, что соответствует антично-буржуазной традиции правового государства, свободомыслия и демократии в подлинном, а не в уродливо извращенном ее варианте. Между этими позициями та же пропасть, что и между рассмотренными выше (первой-третьей, с одной стороны, и второй-четвертой — с другой) формами взаимоотношений человека и власти в истории цивилизации. И потому очень важно, за что привыкли стоять люди, что отстаивают они, скажем, в войнах. То ли это правитель («За такого-то! Ура!», то ли демократия, свобода, права и процветание не подданных, но граждан. Граждан государства, существующего для них, управляемого свободно избранными именно ими управителями, которые к тому же заботятся не о своих, а об их интересах. Увы, но еще далеко не все понимают эту разницу, а стоило бы, чтобы понимали.

Глава двадцать восьмая. **НОВОЕ ВРЕМЯ — ТРИУМФ БУРЖУАЗИИ**

Почему определенный период в истории человечества — не всегда его хронологические рамки определяются одинаково — воспринимается как нечто очень важное и принципиально новое в истории? Почему в нашем случае этот не слишком продолжительный период назвали «новая история»? Есть ли смысл в таком термине? Смысл, безусловно, есть. Более того, он огромен. Вопрос лишь в том, достаточно ли обозначить XIX в. (эти рамки приняты в данном издании)

простым сочетанием двух слов, как то обычно делается? Или нужны пояснения, подчеркивающие неординарную сущность периода в жизни всего человечества?

Вообще-то принято — прежде всего для удобства, хотя и далеко не только, — делить всю долгую мировую историю (историю цивилизованного общества) на части. Обычно это древняя, средневековая, новая и современная. Но если между древностью и средневековьем с точки зрения мировой — а не европейской — истории четко видимой разницы нет, то с новой историей дело обстоит иначе. Едва ли кто-либо станет всерьез спорить, что основной смысл понятия «новая» сводится к тому, что весь мир в это время серьезно обновился, ибо вся обитаемая и освоенная человеком планета вступила в принципиально новый период существования, причем сразу, пусть даже в очень различной степени, но буквально повсюду. Новизна очевидна: везде так или иначе, за счет своих либо чужих усилий, но появилась буржуазная, сложившаяся на Западе, но восходящая корнями к античности структура. Структура новая, отличающаяся от прежней (в разных модификациях представленной на Западе и вне его) существенными параметрами, прежде всего институтами и нормами отношений между управителями и управляемыми.

Возникла, как следствие новаций в институциональной сфере, иная по сущности и потенциям буржуазная частная собственность и, главное, тесно связанный с ней и начавший занимать главное место в жизни общества капитал. Тот самый, который призван приносить проценты и за этот счет возрастать и активно способствовать резко расширенному производству с его постоянно ускоряющимися темпами. В результате за один только век планета решительно преобразилась. В самые дальние ее уголки проникли различные механизмы и машины, резко увеличившие возможности человека и, что очень существенно, производительность его труда. В городах всего мира, прежде всего портовых, но не только, выросли совершенно новые крупные порты с усовершенствованными верфями и доками, появились различные многоэтажные строения, прежде всего индустриальные предприятия, заводы и фабрики, современного типа рудники и шахты. Возникла густая сеть принципиально нового типа коммуникаций, будь то железные дороги, столь важный для деловых людей телеграф или, как вершина достижений (уже в конце века), телефон. Заработало, пусть пока еще далеко не везде, электричество и засияли осветительные лампы. Города, большие и малые, резко изменили свой облик, причем

не только в Европе, но повсюду, вплоть до Тропической Африки и заброшенных островов Океании.

Можно было бы продолжать, вспомнив о радио и автомобилях, о воздухоплавании или подводных лодках, а то и о чем-либо еще, благо рубеж XIX–XX вв. предоставляет для подобного перечня много возможностей. Но едва ли это необходимо. Все и без того достаточно ясно. Новый период в истории — время колоссального роста темпов буржуазного производства в сочетании с невиданным рывком научно-технической мысли, время не просто неожиданных либо давно ожидавшихся открытий, но и, что особенно важно, энергичной их реализации в очень широком масштабе. А сама принципиальная возможность всего этого зависела от выхода на авансцену истории буржуа как основного и ведущего социального слоя, от вызванного буржуазией к жизни невиданного прежде высокоразвитого всемирного рынка, новый облик которого характеризовался резким ростом объема сбалансированного и постоянно возрастающего спроса и предложения.

Именно с учетом всего только что сказанного история XIX в. — это период триумфального шествия буржуазных преобразований по всему обитаемому человеком миру. Перед нами поистине новое время. И разница с предшествующими столетиями очень заметна. Люди, жившие в странах Запада (стоит напомнить, что речь не о географии, а о социокультурной традиции), еще в начале XIX в. были по основным параметрам очень близки к своим предшественникам, жившим несколькими веками раньше. Но те, кто принадлежал к следующему поколению, к концу века стал вровень с очень многим из того, что было характерно уже и для XX в., во всяком случае, для первой его половины. Нечто очень важное и совершенно новое сыграло решающую роль в судьбах поколения, на чью долю выпало родиться где-то в середине первой половины XIX в. и уйти из жизни в начале XX в. Такого количества столь разительных перемен в жизни не испытывал до того никто и никогда. И все то новое, о котором идет речь, было результатом триумфального шествия буржуа сначала в странах Запада, а затем и по всему миру.

БУРЖУАЗНЫЕ НОВАЦИИ

Приход буржуа к власти в XIX в. если и не во всех странах Запада формально, то почти всюду фактически, был определенным знаменем времени. Буржуазия в этом столетии стала наконец главным социальным слоем, не только ведущим, но и передовым. И пусть с утверждением его первенства далеко не все и тем более не везде обстояло гладко,

нет сомнений в том, что именно его усилиями в первую очередь человечество начало разительно преобразаться. Стоит оговориться, что мало кто из числа успешных буржуа, как и щедро оплачиваемых ученых интеллектуалов и удачливых новаторов, задумывались о смысле сопутствовавших их жизни перемен. Впрочем, в этом практически не было и нужды. Вообще, если уж на то пошло, обычно мало кто задумывается в своей повседневной жизни о прошлом, как и о будущем, даже недалеком. Люди привыкли жить сегодняшним днем, что и неудивительно; забот и без того всегда хватает. Но это никак не меняет того, что при теоретическом анализе следует учитывать все, начиная с оценки причин, которые объективно способствовали выходу буржуа на авансцену вначале западной, а затем и всемирной истории, и кончая осознанием той огромной роли, которую это обстоятельство сыграло во всех событиях последующего века с небольшим, т.е. вплоть до сегодняшнего дня.

Что касается причин, то ими, как о том уже шла речь, были, во-первых, великие идеи, затем успешная, хотя и сопровождавшаяся кровавым террором попытка их воплощения в жизнь и наконец, что особенно важно, энергичное, даже кое-где почти насильственное распространение достижений буржуазной социополитической революции. Эта связь событий не только несомненна, она благотворна. Именно она, а точнее, институциональные новации, открывшие дорогу экономическим, дала старт продвижению буржуазных производственно-экономических, научно-технических и социокультурных преобразований, идей и идеалов по всему миру. Суть буржуазных преобразований сводится к нескольким основным позициям. Поэтому триумф буржуа и всего комплекса буржуазных преобразований следует рассматривать в различных аспектах.

Во-первых, это производство и обмен. То и другое существовали всегда. Но в эпоху исключительно быстро возраставшего производства и обмена, что было связано именно с буржуазным фактором ускоренных и постоянно ускоряющихся темпов эволюции, и производство, и торговый обмен обрели необычайное значение, стали основой существования общества. Это общество — по крайней мере в странах Запада — быстро забывало о столь привычном для большинства в недавнем прошлом натуральном хозяйстве и нехитром прежде наборе предметов повседневного обихода. На смену в результате резкого роста индустриальной экономики, ставшего возможным благодаря энергии и инициативе вначале исключительно городского, а затем и сельского (фермеры) предпринимательства, товарное хозяйство,

причем рассчитанное на массовое потребление, стало абсолютно доминировать. А производство все возрастающего количества нужных людям товаров, как и постоянное расширение номенклатуры этих товаров, вело к развитию интенсивной и все растущей, увеличивающейся в объеме и многообразии торговли.

Торговые обороты оказывались несравнимыми с прежними, причем не только по объему и номенклатуре товаров, но и по способам, интенсивности и скорости доставки. Если до того торговля колониальными товарами требовала многомесячных путешествий, то с увеличением количества морских путей, изобретением пароходов, заметным сокращением маршрутов за счет важных каналов (Суэцкий, Панамский) морские пути стали более быстрыми и надежными. То же следует сказать и о сухопутных. Система качественных дорог, шоссейных и железных, паровозы и, как вершина технического прогресса (это уже рубеж XX в.), автомобили сократили сроки и уменьшили сложности, связанные с торговыми оборотами. Перемещение товаров, столь тяжелым бременем ложившееся прежде в буквальном смысле этого слова на плечи грузчиков, теперь по большей части стало замещаться механизмами типа различного рода кранов. Наконец, принципиально новые средства связи создавали неслыханные прежде удобства для предприятий, занятых производством, торговлей и особенно финансово-банковскими операциями. Мир стал в буквальном смысле слова тесен, а кругосветное путешествие за 80 дней, столь завлекательно описанное в романе блестящего фантаста, уже не было фантастикой. Оно зримо превращалось в реальность.

Во-вторых, это расцвет науки и техники. Нельзя сказать, что то и другое, даже если иметь в виду лишь технические науки и тесно связанное с ними естествознание, достигли заметных результатов только в XIX в. Напротив, многое было создано уже в древности, а в средние века и особенно в переходный период от средневековья к новому времени выдающиеся умы — более всего на Западе — многого в этом направлении достигли. Но их открытия, порой многообещающие, оставались обычно невостребованными, чему пример Леонардо да Винчи. Добуржуазное общество в них не нуждалось. Только расцвет буржуазного предпринимательства дал толчок прикладной науке и предъявил серьезные требования к техническому усовершенствованию производства. И как только этот вызов был воспринят обществом, в нем нашлись специалисты, знатоки и порой совсем вроде бы не подготовленные к изобретениям, подчас неграмотные или полуграмотные

умельцы, которые один за другим наперебой стали предлагать свои научные открытия, технические изобретения, а то и элементарные на первый взгляд, но оказывавшиеся крайне важными усовершенствования.

Нужно иметь в виду, что все эти отклики, ответ науки и техники на вызов буржуазного предпринимательства, оказались востребованными. И нужны они были только и именно буржуа, которые в отличие от английских луддитов сознавали важность применения механизмов и машин для резкого роста производительности труда и соответствующего увеличения конечного продукта, в постоянно возрастающем количестве потребляемого обществом. Они понимали также, что и научные открытия, и технические изобретения, равно как и элементарные текущие производственные усовершенствования, крайне необходимы для ускоренного развития производства. Этому же ускорению и увеличению объемов производимой продукции призваны были активно способствовать и разного рода технологические новации типа поточного производства либо — позже — конвейера.

В-третьих, это совершенствование системы управления. Заново возникавшее крупномасштабное производство требовало решительной перемены в системе управления им. Если прежде с одной стороны был сам предприниматель, а с другой — трудившиеся на его небольшом предприятии рабочие, часто женщины и подростки, которым можно было не слишком много платить, то по крайней мере со второй половины века ситуация начала изменяться. С укрупнением масштаба производства, при всем том, что оставалось немало мелких и средних предприятий, была осознана и реализована потребность в коренном изменении этой системы. Имеется в виду то, что для управления крупным производством, тем более трестом, компанией или фирмой, объединяющими несколько различных предприятий одного профиля или дополняющими друг друга (добыча, переработка, изготовление конечного продукта и доставка его на рынок), нужны хорошо образованные и умелые руководители, т.е. специалисты своего дела.

И если на первых порах их место иногда успешно, подчас вынужденно должны были по старинке занимать сами не слишком образованные и не имевшие высокой квалификации буржуа, то вскоре ситуация решительно изменилась. Выяснилось, что высшее техническое или административно-управленческое образование — помимо природных способностей хорошего организатора производства и умелого менеджера — для успешного ведения хозяйства просто необходимо.

Это элементарное понимание изменившейся ситуации объективно привело к резким переменам в структуре высшего образования. Если не на смену известным университетам, то во всяком случае рядом с ними, а то и внутри них в качестве особых факультетов стали в обилии появляться технические подразделения. Затем начали возникать специализированные вузы, в которых готовили инженеров различного профиля, финансистов, экономистов и менеджеров.

Далеко не сразу, отчасти уже в следующем столетии, но в принципе это вызванное к жизни буржуазной индустриальной революцией качественное изменение в системе управления производством оказало благотворное воздействие на всю экономику передовых в промышленном отношении стран, в основном пока еще западных. Огромная роль квалифицированных и высокообразованных специалистов быстро возрастала. Именно их усилиями, в том числе и того их важного отряда, представители которого занимались геологией, т.е. поиском необходимых для развития индустрии полезных ископаемых, обнаружением залежей руд, нефти и т.п. (не говоря уже о золоте или алмазах), закладывались основы для бурного расцвета экономики промышленно развитых стран. Инженеры и менеджеры становились во главе большинства промышленных предприятий, компаний, фирм и т.п. Примерно то же самое следует сказать об экономистах и финансистах, которые не то чтобы вытесняли буржуа, но становились рядом с ними в управлении банков и иных финансовых учреждений, что, учитывая их специальную подготовку, создавало прочную основу для успеха усложнявшейся и приобретающей все большее значение деятельности в сфере управления хозяйством.

В-четвертых, это проблема статуса и возможностей для успешной деятельности. Совершенно очевидно, что достижение успехов во всех обозначенных и иных тесно связанных с ними разных сферах деятельности развитого буржуазного общества было бы невозможно без того, чтобы буржуа и многочисленные образованные специалисты и интеллектуалы не имели достаточно высокого социального статуса и не играли ведущей роли в обществе. А это практически означает, что буржуазия и интеллектуальная элита должны были выходить на передний план и во многом определять характер заново создающегося общества и основных его институтов. В принципе это достигалось сравнительно легко и шло как бы само собой после эволюционных сдвигов в Англии и США или после революционных перемен во Франции и во всей континентальной Европе. Собственно, именно

для того англичане с XIII в. сумели начать ставить интересы общества выше произвола властей (хотя процесс преодоления этого произвола занял ряд веков), а американцы создали и утвердили еще за несколько лет до революции во Франции свою знаменитую конституцию. Ради этого шли на баррикады французы и велись наполеоновские войны. И итог ясен без дополнительных разъяснений: антично-буржуазная либеральная демократия в различных конкретных ее модификациях, но всюду с тщательным соблюдением прав и свобод граждан, чьи интересы обязаны были охранять и патронировать переизбиравшиеся населением власти, стала нормой. Только при соблюдении институциональной нормы буржуазные преобразования могли работать в полную силу и давать все более ощутимые результаты, изменяющие общество в целом. И именно в этом в конечном счете следует видеть основу того триумфа буржуазии, который стал наиболее заметно ощутим в XIX столетии.

Наконец, в-пятых, это проблема экспансии буржуазии. Одержав победу на Западе, причем не сразу и не везде, буржуа, заинтересованные в расширении рынков и активизации торговли все возрастающими в объеме промышленными товарами, были просто вынуждены активизировать свою торговую политику и порой буквально силой открывать двери для свободной торговли во всем остальном мире. Экспансия такого рода, свойственная буржуазному характеру производства и рыночно-частнособственнической экономики, проявлялась очень неодинаково и временами обретала в разных местах различный характер, вплоть до войн типа опиумной с Китаем. Стремление буржуа освоить всю планету следует считать естественным результатом всех перемен, вызванных обретением ею свободы рук. Однако при всем том вопрос, где, как и когда западные, в основном европейские буржуа добивались и в конечном счете добились значительных успехов, а где и почему эти достижения следует оценивать более сдержанно, заслуживает особого внимания.

БУРЖУАЗИЯ В СТРАНАХ ЗАПАДА И ВНЕ ЕГО

Буржуазные преобразования начались задолго до XIX столетия, о чем уже упоминалось. Однако не везде они развернулись во всю ширь даже с началом этого века. Наиболее благоприятные условия для этого оказались в США. Но почему? Северная Америка, восточное побережье которой с XVII в. стало заселяться колонистами из протестантской Англии, не сразу вырвалась вперед. У первых колонистов было много проблем. Но они, будучи теми самыми протестантами,

для которых энергия, инициатива, предприимчивость и непомерные трудовые затраты во имя благоустройства самих себя и своих близких были знаком того, что именно они за все это отмечены Богом, все преодолели. А когда они освоились и, более того, нашли способ резко увеличить свои доходы за счет создания плантаций с использованием рабского труда ввезенных в Америку африканцев, экономика колоний пошла в гору. Труд бесправных рабов позволил многим из колонистов разбогатеть и сыграл свою роль в развитии колоний. Но главным в их развитии стало все же нечто иное, а именно постоянный приток мигрантов, энергичной и инициативной молодежи из разных европейских стран. Движимые разными мотивами, нередко преследуемые на родине за убеждения, переселенцы, прибывая на новые места, вливались в число колонистов, для которых не имело значения, кто они и откуда. Права и свободы в колониях были заимствованы из метрополии, из Англии, и свято соблюдались, как и нормы британской электоральной традиции (в том числе в те суровые годы, когда отношения колоний с Англией приняли форму войны за независимость).

Когда возникли США, их отцы-основатели под впечатлением великих идей Просвещения создали в своей молодой стране наиболее благоприятные условия для всех граждан, исключая, правда, бесправных рабов и индейские племена, с которыми американцы враждовали из-за земли. Пусть рабство останется навеки черным пятном в истории США, но нельзя забывать о том, что после принятия конституции это государство стало — и с тех пор оставалось — самым демократичным. Либеральная демократия проявлялась постоянно и во всем, начиная с регулярных выборов президента и иных администраторов (в стране не было ни единой попытки узурпировать власть, ибо строго соблюдавшаяся конституция не давала для этого возможностей) и кончая правом каждого свободного на свой участок быстро осваивавшегося, в основном переселенцами, массива западных территорий.

Гражданская война в 60-х гг. XIX в. покончила с позорным пятном рабства негров и дала новый гигантский толчок буржуазному развитию страны. Это развитие пошло вперед семимильными шагами прежде всего за счет демократических прав и свобод для всего населения, включая и ту часть бывших рабов, кто успевал воспользоваться обретенными правами и привыкнуть к свободам (а это было делом очень нелегким и в XIX в. еще коснулось крайне незначительного меньшинства освобожденных негров). Мощной движущей силой буржуазной эволюции с ее все ускорявшимися темпами стала энергия фермеров,

но в еще большей степени горожан. Города Америки, постоянно обогащавшиеся за счет притекавших в них из Европы наполненных идеями умных людей, в основном толковых техников, умелых изобретателей, талантливых финансистов и других интеллектуалов, дали невероятный толчок развитию прикладной науки и техники. Если начать перечислять все технико-технологические новации, которые были подарены миру именно американцами во второй половине века, то окажется, что вся Европа не в состоянии соперничать с США. Так почему же все сложилось именно так?

Потому что свободный труд, гарантированные права, неподкупный суд, заботящееся о благоденствии населения правительство в центре и на местах и, last but not least, постоянный приток легких на подъем молодых и полных жизненных сил мигрантов, готовых рискнуть во имя будущего благоденствия в наиболее благоприятных для этого условиях, содействовали процессу в целом. И при всем том, что в этом процессе принимали участие и католики, и иудеи, и — позже — представители иных конфессий, от православия до далеких восточных религий, главной религиозной идеей великой страны продолжал оставаться протестантизм. Этика протестантов, как было доказано М. Вебером, заложила основу того самого духа капитализма, которым оказались проникнуты в США буквально все. И в этом, от воспетых идеологами века Просвещения античных свобод до протестантского Бога (вот она, основополагающая роль идейно-институционального фундамента!), следует видеть основу всех достижений и буржуазных преобразований США, которые уже в конце XIX столетия обогнали лидировавшую в промышленном производстве Англию.

Тем не менее Англия, да и многого добившаяся после революции Франция, тоже вносили свой немалый вклад в буржуазные преобразования, а весьма дисциплинированная и педантичная Германия, особенно во времена Бисмарка, не только быстро догоняла, но и успешно кое в чем обгоняла их. И стоит заметить, что в этих, да, в сущности, во всех странах континентальной Европы, за исключением разве что России, процесс активных буржуазных преобразований шел тем быстрее и успешнее, чем большее количество прав и свобод там предоставлялось всем, включая не только рабочих, но и разного рода социальных экстремистов, и, разумеется, чем более четко и успешно работала демократическая система с регулярной (в форме ничем не ограничиваемых выборов) отчетностью правительств перед населением.

В колониях — если не иметь в виду населенные в основном европейцами, от Канады до далекой Новой Зеландии — процесс восприятия буржуазных преобразований шел иным образом. Правда, здесь усилиями представителей колониальных держав (а фактическая власть во всех колониях принадлежала колонизаторам, тогда как местные правители отсутствовали либо были безвластными) практически везде возникал буржуазный рынок со всеми свойственными ему производственными и иными достижениями. Этот рынок, который существовал параллельно с традиционным туземным, оказывал свое заметное влияние и тем самым энергично способствовал распространению буржуазной частной собственности, а также связанных с ней технико-технологических, равно как и социополитических, новаций. Так обстояло дело, в частности, в британской Индии и на юге Африки, отчасти и в некоторых иных колониях, как английских (Цейлон, в меньшей степени Малайя и тем более Бирма), так и голландских в Индонезии и французских, причем скорее, пожалуй, в Западной Африке, но также и в Индокитае. При этом стоит специально обратить внимание на то, что более всего именно англичане стремились ввести на территории своих колоний и прежде всего гигантского индийского субконтинента свойственный им либерально-демократический стандарт. Благодаря специфике традиционной структуры власти-собственности Индии в ее кастовой модификации этот стандарт был воспринят там сравнительно легко, а вместе с ним усваивались и все те права и свободы, благодаря которым огромная Индия справедливо считается сегодня одной из наиболее достойных демократических стран незападного мира.

Однако многие из колоний объективно были в менее благоприятном положении и потому при всем старании — а часто и в условиях очень заметного сопротивления — не могли перестроиться за исторически короткий срок настолько, чтобы самим активно использовать то, что несли с собой европейцы. Они часто оставались почти такими же, как были, хотя рядом с ними за счет переселенцев из стран Запада в одних случаях или местных колониальных чиновников-администраторов в других существовала западного типа буржуазная структура со всеми ее неизменными новациями. В этой связи можно напомнить о некоторых странах исламского Магриба (Алжир, Тунис), о колониях тропической Африки либо Океании.

Но главное все же заключалось в том, что во всех упомянутых и прочих неназванных колониях шел один и тот же процесс, включая интенсивную работу именно в направлении трансформации и вестер-

низации структуры, экономики и всего образа жизни. При этом не имеет значения то, насколько туземцы, даже наиболее образованные из них, — а система европейского образования вводилась колонизаторами повсюду — были наслышаны о революции или об идеях века Просвещения. Важнее то, что наиболее передовая и активная часть местного населения (если это не крайне отсталые в развитии общности) так либо иначе втягивалась в буржуазный рынок и подчас становилась в ряды активных сторонников буржуазного строя. Разумеется, достичь серьезных результатов было далеко не просто. Но процесс все же шел в колониальном мире в основном в этом направлении и постепенно приводил к немалым результатам, готовя народы колоний к той независимости, которую они обрели в эпоху деколонизации, всего полувеком спустя, в середине XX столетия.

Что касается зависимых стран, то с ними дело обстояло очень по-разному, причем вследствие многих различных обстоятельств. Пожалуй, особое положение в этом смысле заняла лишь Турция. Будучи территориально близкой к Западу и даже, в лице ее весьма значительных владений в Восточной Европе, являясь его частью, империя Османов вынуждена была проводить реформы, ведущие к сближению ее с буржуазно-демократическим стандартом. И хотя мрачная эпоха зулума наложила на все реформы свой жесткий отпечаток, в конечном счете именно Турция стала в начале XX в. наиболее близкой к западным стандартам из всех стран исламского мира. Это сыграло немалую роль и в ее успехах в развитии по пути буржуазных преобразований. Рядом с Турцией может и даже должен быть поставлен Египет, превратившийся к концу века — опять-таки в немалой мере благодаря энергичной активности англичан, — несмотря на мятеж Ораби с его исламской подоплекой, но зато в немалой степени благодаря Суэцкому каналу в одно из наиболее развитых в буржуазном смысле государств незападного мира.

Из множества других мусульманских государств только эти два, а также страны Леванта да и Алжир, Тунис, потом и Марокко отличались заметной склонностью к восприятию буржуазных преобразований. Стоит, однако, оговориться, что явственный акцент при этом делался в наиболее крупных из них — как, впрочем, и в некоторых арабийских странах — на реформу в военном деле, включая организацию армии и новые образцы оружия. Что же касается остальных буржуазного типа реформ, то они наиболее интенсивно проводились в Турции. Это сыграло важную роль в превращении ее Кемалем Ататюрком

в начале XX в. в единственное в мире ислама светское государство. Вообще же, мусульманские страны были — и в большинстве своем остаются — крайне консервативными во всем том, что имеет отношение к их привычной структуре, которая, как то хорошо известно, всегда определялась именно исламом. Сопротивление Западу в большинстве мусульманских государств было в XIX в. наиболее серьезным. Достаточно напомнить об Иране, в котором преобразования и тем более сколько-нибудь решительные реформы, несмотря на все усилия англичан, почти не давали результатов. И хотя в начале XX в. там все же возник меджлис и демократическое движение начало давать о себе знать, все эти западные влияния всерьез в этой шиитской стране не воспринимались. С трудом поддавался преобразованиям и Ирак.

Из всех зависимых стран наиболее независимо вел себя противившийся колонизаторам высококультурный и горделиво самодостаточный Китай. Правда, там тоже в конце века проявилась склонность к реформам. Но эти попытки реформирования страны, равно как и параллельно делавшиеся шаги в сторону самоусиления, преследовали цель заимствовать в основном военную технику, тогда как в сфере переустройства страны делался акцент не столько на Запад, сколько на собственную древнюю традицию. Но, как бы то ни было, хотя все попытки реформ в XIX в. к заметному результату не привели, они заложили основу для последующего преобразования огромной страны в XX в. Новый век многое изменил в этой огромной стране. Он, как известно, характеризуется гигантскими потрясениями и бесчеловечными социальными экспериментами. При всем том перемены в конечном счете оказались почти невероятными, а их результаты крайне удивительными. Сочетание вроде бы несочетаемого (традиционализм, буржуазные стандарты в сфере рыночно-частнособственнических отношений и сохраняющаяся склонность к структуре власти-собственности в модификации, близкой к социалистической утопии) придало гигантской стране уже в конце XX в. мощный импульс явно буржуазных преобразований с резко ускоряющимися темпами эволюции со скрытой склонностью к заметным буржуазно-демократическим переменам.

Теперь обратимся к положению дел в странах, которые в XIX столетии, по меньшей мере со второй его четверти, уже не были колониями и даже не зависели от Запада. Имеются в виду прежде всего республики Латинской Америки. Специфика их исторической судьбы и сложившегося волею судеб расово-этнического, в основном состоящего из метисов их населения многое объясняет. В частности,

имеется в виду формальная декларация прав, свобод и либерально-демократической электоральной культуры, которые, тем не менее, на деле часто нарушались. Важно учесть, что отмена рабства негров, частная собственность буржуазного типа и кое-где, пусть не везде, энергичная деятельность местной и иностранной буржуазии вели дело к ускорению темпов их индустриального развития. Однако многого ни одна из этих стран не добилась. Кое-где приток европейских мигрантов изменил этнорасовый облик населения, усилил роль либерально-демократического стандарта и тем привел к более зримым результатам в процессе буржуазных преобразований. Это происходило не везде, но там, где это имело место, закладывались основы будущего процветания. Однако в XIX в. влияние буржуазных преобразований в странах Латинской Америки было еще более чем скромным. Одно важно: оно все же имело место и реализовывалось в ситуации существовавших там элементов стандарта либеральной демократии с присущими ей, пусть даже более декларированными, нежели реально существовавшими правами и свободами.

Из независимых стран Востока наибольшего и раньше других добилась Япония, уделившая внимание буржуазным новациям, включая стандарты либеральной демократии. И хотя с демократией в Японии вплоть до окончания Второй мировой войны дела шли не слишком успешно, парламент и все связанные с ним процедуры начали существовать в стране еще в конце XIX столетия, что следует оценить. В связи с этим нельзя не обратить внимание на сам принцип, о котором уже шла речь. Имеется в виду проблема так называемых собственных основ, на существование и высшую значимость которых привычно ссылаются те, кто не желает воспринимать западные либерально-демократические принципы существования и соответствующую форму взаимоотношений человека и власти.

Вопрос стоит примерно так: можно ли добиться успеха, основываясь на рыночно-частнособственнических принципах буржуазного производства, но пренебрегая либерально-демократическими стандартами? Здесь открыта возможность для экспериментов, что ранее других выпало на долю России. Едва ли стоит напоминать, что при всех достижениях эта страна в ее советской форме (СССР) продемонстрировала предел своих возможностей, не говоря уже о трагедии не выдержавшего эксперимент населения. Видимо, нечто сходное ожидает и тех, кто, подобно некоторым современным странам ислама, не склонен вводить у себя либерально-демократический стандарт антич-

ного типа с его системой прав, свобод, независимого суда и электро-альной культуры. И поскольку эта проблема выходит далеко за пределы XIX столетия и вполне актуальна сегодня, сохраняет свою силу и поставленный вопрос. Каким должен быть ответ?

Ответ дала сама жизнь. Конечно, некоторого успеха добиться можно. Проблема лишь в том, какой ценой. Практика показывает, что эта цена необычайно высока, причем платят ее люди, к которым элита управителей относится если и не как к удобрению, на котором возрастает сила их государства, то во всяком случае как к подданным, дело которых — быть готовыми отдать все, вплоть до жизни, во имя блага государства, т.е. в конечном счете ради амбиций правящей элиты. И люди, позволяющие с собой так обращаться, оказываются под властью очередного деспота либо под обаянием харизматического лидера, щедро обещающего лучшее будущее и при этом пытающегося заставить умолкнуть всех, кто не согласен с ним. История последнего века хорошо знакома с такого рода ситуациями.

РОЛЬ БУРЖУАЗНОГО ЗАПАДА В ОСВОЕНИИ МИРА

Почему многие страны и народы мира оказались невосприимчивы к буржуазным новациям в идейно-институциональной сфере? Суть проблемы в том, что для усвоения стандартов либеральной демократии нужна была длительная целенаправленная работа колониальной администрации, а затем и национальной элиты, получившей хорошее образование в европейских университетах и осознавшей цену этой демократии, отнюдь не заслоняющей собой национальную идентичность. Известно, что еще в начале XIX в. многие районы планеты, более всего в негритянской Африке, но также и в Океании, и в некоторых местах Азии, вообще были белыми пятнами на карте. И хотя как раз в этом столетии ситуация изменилась, сразу к слишком большим переменам это не привело и не могло привести. И дело не в том, что отважными путешественниками и первооткрывателями были только что открыты, изучены и обозначены на карте некоторые места, прежде остававшиеся неизведанными. Много более значимым следует считать другое: туда, где прежде не ступала нога образованного человека, тоже довольно быстро стали проникать великие достижения буржуазного Запада. Естественно и закономерно, что, накопив очевидные преимущества в сфере производства, технико-технологических новаций и добившись резких перемен в образе жизни и необходимого социополитического пере-

устройства собственных государств, европейцы из буржуазных стран широким фронтом направлялись в сторону остального мира, большая часть которого сильно отставала от них во всех отношениях.

Буржуазные преобразования открыли перед всем человечеством необъятные горизонты. Они породили невиданные прежде перспективы, предоставили всем людям возможность идти вперед семимильными шагами. И хотя ускоренный путь развития разные страны успешно реализовывали различными темпами и далеко не с одинаковыми успехами, принципиально важно то, что при активной помощи пусть даже в результате экспансии западных буржуа, к концу XIX в. уже практически весь мир был так либо иначе затронут этими преобразованиями. Но не всюду этого было легко добиться. Кое-где нужно было начинать с нуля. Антропологи, внесшие неоценимый вклад в науку о человеке, изучали современные им отсталые народы, а также отыскивали останки древних людей, вплоть до отдаленных предшественников сапиентного человека, разного рода ископаемых гоминид.

В этом тоже неоценимая заслуга западной буржуазии, чьи достижения создали объективные условия для расцвета науки и культуры во всех их разнообразных и крайне важных проявлениях. Но сейчас речь не об этом. Делая шаг навстречу всем тем, кто все еще считает своим священным долгом ненавидеть колониализм и капитализм вообще, а уж буржуазный Запад в особенности, необходимо сказать, что свои великие достижения европейские буржуа нередко совершали — особенно в разных неевропейских странах — отнюдь не в белых перчатках. Более того, иногда и с пулеметами. Поэтому есть все основания выразить сочувствие всем тем, кто был лишен, обычно без их согласия, привычных условий бытия и оказался втянут в безжалостную машину решительного переустройства всего привычного образа жизни. Это ведь, как то хорошо понятно многим, и прежде всего нашим соотечественникам и современникам, почти никогда не обходится безболезненно, особенно для того поколения, а порой и нескольких, на чью долю приходится пик радикальных преобразований.

Но значит ли это, что западным буржуа и стоявшим за ним сильным державам следовало остановиться? Представим себе, что так и произошло. Где были бы в этом случае все ныне еще отсталые народы и с большим трудом развивающиеся страны? И каким иным путем все они, со временем убедившиеся в том, что неплохо иметь железные дороги, различные механизмы и машины, автомобили и — что на Востоке особенно оценили после первых контактов с европейцами — хорошее

вооружение, достигли бы желаемого? Своим путем идти каждому из них к достижению всего того, что было давно уже создано европейскими и особенно американскими буржуа, оказалось бы не менее болезненным, не говоря уже о том, что в этом случае их отставание от буржуазного Запада было бы еще большим.

Сказанное означает, что буржуазные преобразования принципиально возможны лишь в условиях решительного слома генеральной структуры власти-собственности, присущей незападному миру, включая наиболее отсталые его общности. И не только слома, но и замены ее столь чуждой им антично-буржуазной рыночно-частнособственнической структурой. Ведь только эта структура со свойственными именно ей институциональным фундаментом, развитым рынком и новациями буржуазного производства принесла миру все то, о чем идет речь. Как могли бы всего этого достичь отставшие страны без западной буржуазии? И сразу же следующий вопрос: могли ли западные общества и можно ли было бы в принципе достичь того, что создано буржуазией Запада, без либерально-демократического стандарта жизни, прав и свобод, без антично-буржуазной электоральной культуры?

Снова и снова возвращаясь к этой уже затронутой проблеме, следует сказать, что, если взглянуть на историю советской России, на современный Китай и тем более на расцветший благодаря нефтедолларам мир ислама, все рассуждения подобного рода могут показаться не очень убедительными. Окажется, что заимствовать или купить, а то и умело украсть западные технико-технологические достижения, включая секретные новейшие разработки, вообще-то можно без особых сложностей и тем более без освоения либерально-демократических стандартов. И это в общем-то именно так. Но любой хорошо знакомый с историей хотя бы последнего столетия знает, что и в этих случаях без расцвета собственной творческой мысли никто далеко не уйдет. Много можно купить, благо буржуазная экономика держится на основе рынка, так что еще основатель советской власти заявлял, что у мировой буржуазии «мы купим веревку», чтобы ее повесить. И, руководствуясь этой нехитрой формулой, некоторые страны предпочли идти «своим путем». Но разве этого было достаточно для процветания народа, не говоря уже о той высокой плате, о тех десятках миллионах жизней, которыми за отказ идти общим для всего мира путем пришлось платить?

Да и исламский мир — если не считать добычу нефти и высокий уровень купленного в основном на том же Западе за нефтедоллары благоустройства, не говоря уже об оружии, — не очень-то в состоянии

сам совершенствовать современную науку и технику, внося в то и другое весомый вклад. Словом, как ни крути, но именно Запад сегодня может считаться основой всего того, что достигнуто мировой цивилизацией. И если разные страны и народы подтягиваются к уровню Запада, то происходит это потому, что большая часть их уже в XIX в. оказалась затронутой буржуазными преобразованиями.

Итак, очень важно справедливо оценить все то, что привело к переменам в мире благодаря активности буржуа и энергично поддерживаемых ею интеллектуалов и творческих личностей. Стоит при этом учесть, не слишком ли дорогой ценой достигнуты результаты, которыми век буржуазного триумфа был отмечен в истории?

Отвечая на этот, пожалуй, самый главный вопрос во всей истории человечества, необходимо признать, что все познается — и оценивается — в сравнении. И если взять за основу этот критерий, то окажется, что в довольно многих странах, не пожелавших принять буржуазный стандарт и тем более отдавших дань марксистской утопии, были уничтожены десятки, если даже — считая всех вместе — не сотни миллионов людей. Такой масштаб цифр несопоставим с теми человеческими жертвами, которые можно поставить в укор мировой буржуазии. А польза, принесенная ею человечеству, в свою очередь несопоставима с тем, кто испытал на себе горечь социальных экспериментов и ныне с трудом выбирается из марксистского тупика.

Глава двадцать девятая. **ЦИВИЛИЗАЦИИ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

Проблема восприятия западных либерально-демократических стандартов и соответствующей системы ценностей тех народов, которые были в XIX столетии поставлены судьбой перед нелегким выбором, сталкивает любого исследователя с темой религиозно-культурных традиций или — шире — цивилизаций. Цивилизационная принадлежность тех либо иных народов и государств играет и поныне очень важную роль в жизни человечества. Но прежде чем обратиться к этой теме, которая после дискредитации теории формаций занимает в отечественных трудах все более значительное место в попытках создать теоретическую основу исторического процесса, стоит разобраться в том, что же такое цивилизация. И не только разобраться, но и достаточно твердо определить, пригодна ли эта теория для того, чтобы стать основой для интерпретации истории.

Вообще-то в некотором смысле этот вопрос может показаться праздным, ибо, как то хорошо известно, один из крупнейших и наиболее известных историков прошлого века А. Тойнби в своем 12-томном капитальном издании «A Study of History» уже проделал такого рода вполне серьезный эксперимент. Правда, этот эксперимент оказался более чем своеобразным. Тойнби не только не дал динамичную картину исторического процесса, но и не пытался этого сделать. В его задачу входило проанализировать несколько десятков обособленных и непохожих друг на друга «локальных цивилизаций» (избранный именно им термин) и на этой основе сформулировать некоторые важные основополагающие закономерности исторического процесса, например «вызов и ответ», «уход и возвращение» важного деятеля и т.п. Нельзя обойти вниманием и сводно-обобщающую оценку динамики цивилизаций, т.е. этапы эволюции каждой из них (возникновение, рост, остановка в развитии, надлом и распад). Стоит иметь в виду и то обстоятельство, что основой каждой из цивилизаций — это очень приятно констатировать автору данной работы — Тойнби считал религию.

При всем том, однако, необходимо заметить, что его исходные позиции оказались не вполне обычными. Начать с того, что он сам, во всяком случае на начальной стадии работы, не очень ясно представлял, что с неизбежностью становится ясным при знакомстве с его трудом, как много таких локальных цивилизаций можно найти в истории (сперва Тойнби насчитал около 20, а в конечном счете их оказалось свыше 30). Разнобой в количестве не стоило бы ставить маститому исследователю в упрек, тем более что тщательное описание и скрупулезный анализ каждой вызывает лишь невольное почтение к ни с чем не сравнимой эрудиции автора. Проблема, однако, в том, что остается неясным критерий вычленения цивилизаций. Неопределенное количество и связанная с ним более чем явная, просто бросающаяся в глаза неравноценность вычлененных им в конце концов локальных цивилизаций не может не смущать. С точки зрения вызова, брошенного в этом контексте европоцентризму, можно было бы активно поддержать Тойнби. Однако ставить в один ряд кратковременные, слабо развитые и примитивные, подчас изолированные и действительно своеобразные по некоторым параметрам сообщества, назвав их «локальными цивилизациями», рядом с подлинными цивилизациями типа христианской, исламской либо индо-буддийской нет серьезных оснований. Это величины несопоставимые.

Из всего сказанного следует вывод, что проблема цивилизаций после появления многотомного труда Тойнби осталась не слишком понятной, что сказалось и в ходе многочисленных обсуждений, порой жарких дискуссий, которые начались через несколько десятилетий после публикации его томов в отечественном обществоведении. А это значит, что следует для начала строго определиться в том, что такое цивилизация. Слово это, как то хорошо известно, очень емкое и многозначное, причем многое здесь зависит от точки зрения, от исходной позиции. Вообще-то говоря, существуют специальные исследования и иные весьма солидные издания, в которых эта проблема подвергнута серьезному анализу и изложена весьма тщательным образом. Однако она, тем не менее, отнюдь не исключает разночтений. У автора данного издания есть свой взгляд на эту сложную и важную проблему¹. В самых общих чертах он сводится примерно к следующему.

Если вести речь о земных и неземных цивилизациях, то вся наша планета — единая и общая для всех (пусть с вариантами и даже значительными порой отклонениями от нормы в сторону первобытной архаики) наша родная земная цивилизация. Если мы хотим подчеркнуть чье-либо отставание от только что упомянутой нормы, то станем говорить о стремлении к уровню подлинной цивилизации, т.е. к некоей не достигнутой еще кем-то достаточной цивилизованности. Когда хотят зафиксировать различия между отсталыми общностями и племенами, с одной стороны, и высокоразвитыми странами с другой, ведут речь о противопоставлении только городской, т.е. **урбанистической цивилизации** варварству или даже дикости. Эта же постановка вопроса естественна при анализе эволюции человечества в ходе глобального исторического процесса. И наконец, коль скоро мы поставим вопрос о специфике какой-либо группы народов, обладающих высокой духовной культурой, на передний план выйдет характеристика той или иной **урбанистической цивилизации**, основой которой является уникальная религиозно-культурная традиция.

Между знакомыми истории урбанистическими цивилизациями существует — мимо чего нельзя пройти — и существенная разница. Они подразделяются на ранние и потому не вполне полноценные и очень немногие отличающиеся своей наивысшей в истории человечества значимостью. Иными словами, продолжая рассуждения о цивилиза-

¹ См.: *Васильев Л. С.* История религий Востока. 8-е изд. М., 2006; Он же. История религий. М., 2008.

циях, необходимо сказать несколько слов о различных уникальных традициях и о правомочности называть каждую из них фундаментом не просто особой, но великой цивилизации. Вообще-то эта проблема относится к числу наиболее сложных и в некотором смысле щепетильных. Например, вопрос самых ранних и великолепных по многим их культурным параметрам — чего стоят одни только египетские пирамиды! — вариантов урбанистической цивилизации сводится именно к этому. И как раз здесь основное отличие авторской концепции от теории Тойнби с его не различимыми по статусу и значимости 30 с лишком локальными цивилизациями.

Начнем с древних. С одной стороны, все они, древнеамериканские, древнеегипетская, шумеро-ассирийская, месопотамская или иранско-зороастрийская, даже иудейская и античная греко-римская, обладая уникальными особенностями своих великолепных религиозно-культурных и мифопоэтических систем, вроде бы представляли собой самостоятельные и вполне сформировавшиеся урбанистические цивилизации. Во всяком случае, каждая из них была резко отлична по уровню культуры (особо стоит вопрос об урбанизме иранского зороастризма) от нецивилизованных современных им народов. С другой стороны, однако, в фундаменте большинства из них лежали недостаточно развитые религиозные системы, что сказывалось на уровне свойственной их адептам интеллектуальной рефлексии, да и на некоторых иных важных параметрах. Иными словами, такие системы относятся к числу ранних, что многое определяет хотя бы в том, насколько долговечными они оказались.

На этом общем фоне заметно отличаются от остальных зороастризм, иудаизм и античность, в рамках которых уровень развития религиозного восприятия и интеллектуальный потенциал были явно выше того стандарта, который присущ ранним религиозным системам. Отдавая должное этим трем развитым религиозно-культурным традициям, необходимо учитывать, что в пережиточном виде и в форме влияния они сохранились до наших дней и сыграли важную роль в истории мировой культуры, даже в генеральном историческом процессе. Зороастризм, насколько можно предположить, внес немалый вклад в формирование ряда религий, от античности до иудаизма и даже буддизма Махаяны. Об античной традиции не приходится и говорить. Ее влияние неосценимо. Оно, однако, проявилось прежде всего не в своей запечатленной в мифах системе религиозных верований, но в системе прав и свобод гражданина, в либеральной демократии и электоральных процедурах

организации власти. Иудаизм, который оказался фундаментом христианства и ислама (все принадлежат к единому классу монотеистических и так называемых авраамических религий — по имени их легендарного праотца-основателя), был замкнут в этнических рамках. Поэтому евреи диаспоры не занимались прозелитизмом. Однако они, сохраняя свою религию и нормы духовной культуры и повседневного быта, которые с иудаизмом очень тесно связаны, оказывали обычно влияние на разные местные цивилизации, хотя вместе с тем и испытывали определенное обратное влияние с их стороны.

Остается вопрос, как следует именовать эти цивилизации? Видимо, те, что были связаны с определенным и сравнительно широким ареалом господства определенной религиозно-культурной традиции в древности (в Новом Свете — до европейцев), целесообразно, чуть снизив их уровень в системе общей типологии, именовать единым сводным термином «субцивилизации». Этот же термин стоит использовать и для определения вариантов великих цивилизаций, доживших с древности до нашего времени. Имеются в виду такие обладающие заметными особенностями субцивилизации, являющиеся лишь вариантами великих цивилизаций, как японская, православная, буддийская и некоторые — очень немногие — иные. Тогда количество великих, являющихся базовой основой прочих субцивилизаций, сократится всего до четырех: **христианской, арабо-исламской, индо-буддийской и китайско-конфуцианской**. Каждая из них являет собой совокупность субцивилизаций, восходящих к ней и тесно связанных с ней во всем том, что касается ее генеральных принципов, мировоззренческих основ, системы духовных ценностей и этического стандарта.

Субцивилизации, в свою очередь, могут подразделяться на различные модификации, которые — как и сами субцивилизации — могут быть связаны с историей и интеллектуальной активностью того либо иного народа, страны или группы стран. Такого рода региональная специфика может быть характерной и для цивилизаций. Но это не значит, что влияние великой цивилизации, той либо иной ее субцивилизации и даже определенной модификации какой-либо из них ограничивается исключительно той страной, где некогда сложились основные параметры свойственной именно ей религиозно-культурной традиции. Конечно, есть страны, которые в первую очередь и преимущественно ассоциируются с определенной цивилизацией, что касается более всего Китая с Конфуцием или Индии с ее ведами, упанишадами и легендарным Буддой. Однако это никак не означает, что вне данной страны

с ее полиэтническим населением та либо иная религиозно-культурная традиция не существует либо почитается в меньшей степени. И христианская, и китайско-конфуцианская, и индо-буддийская, и арабо-исламская религиозно-культурные традиции и сформировавшиеся некогда на их основе цивилизации, субцивилизации и их модификации ни в коей мере не ограничиваются Европой, Китаем, Индией либо арабами. Это следует иметь в виду, даже принимая во внимание, что подчас священный центр религиозной традиции какой-либо из цивилизаций, как Мекка, почитается наиболее заметно.

Конечно, генетические корни важны и никем не игнорируются, но тем не менее они не имеют решающего значения и не ведут к нарочитому подчеркиванию национальной либо территориальной исключительности данной религиозной традиции и цивилизации. Скорее, напротив, сложившиеся на определенной основе цивилизации, как и их варианты, всегда имели и все еще имеют явственную тенденцию к прозелитизму. Собственно, вследствие этого обычно и появлялись субцивилизации и их модификации. Но это означает, что все четыре великие цивилизации экстерриториальны, так что даже если они тесно связаны с каким-либо народом или страной, такая связь не слишком подчеркивается и никак этот народ либо страну среди других не выделяет. Даже более и сильнее других по многим параметрам обособленный Китай всегда исходил из того, что любой варвар, усвоивший основы китайской культуры, уже не варвар, но практически подданный Поднебесной. Иными словами, каждая из цивилизаций с большим либо меньшим рвением всегда ревниво следила за тем, чтобы зона ее влияния не уменьшалась, но возрастала, а количество ее адептов увеличивалось.

Существенно иметь в виду и еще одно очень важное обстоятельство. Вычленение субцивилизаций до известной степени условно и не всегда безоговорочно, как то наиболее заметно в случае с ламаизмом. Не всегда оно бесспорно и в случае с выделением модификаций. Но в любом случае критерием для особого статуса является наличие значимых и весомых отклонений от общего для цивилизации в целом стандарта. Они могут быть связаны с этнической спецификой, а также с историческими судьбами тех или иных стран и народов, нередко служивших причиной как этнических, так и религиозно-цивилизационных потрясений. В любом случае, однако, цивилизационный аспект исторического процесса весьма существен. Он помогает понять многие элементы специфики в ходе эволюции разных стран и народов, хотя его всегда необходимо воспринимать в сочетании с мно-

гими иными не менее значимыми факторами. А значимость и степень воздействия разных факторов, в свою очередь, зависят от различных обстоятельств, как от характера цивилизации с лежащей в ее фундаменте религией, так и от исторических событий, внешнеполитических и иных перемен. Для всего мира вне Запада такими факторами в XIX столетии были буржуазные преобразования с тесно связанными с ними либерально-демократическими стандартами, о чем особо пойдет речь в заключительной части главы.

ЗАПАДНАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Теперь более конкретно обо всех великих цивилизациях. Начнем с **западной христианской**. Обязанная своими корнями иудаизму и античности, она справедливо именуется христианской, так как именно учение о Христе и его неоценимая роль в раннесредневековой истории определили основные ее параметры. На протяжении многих веков лежавшая в основе этой формировавшейся цивилизации религиозно-культурная библейская традиция была единой и общей для всех христиан, причем сначала она имела один центр, византийский, а затем их стало два, ибо вторым самостоятельным центром оказался Рим. В середине XI столетия пути греко-православной и римско-католической церквей резко разошлись, а с XVI в. от римской церкви отделился протестантизм в лице разных его направлений, из которых главными стали лютеранство и кальвинизм, но без единой церковной организации. Одновременно в XVI столетии в южной и средней частях Нового Света началось формирование особой иберийской или латиноамериканской модификации католицизма. С тех пор христианская цивилизация состоит из трех субцивилизаций. Это *католическая* в ее европейской и латиноамериканской модификациях, *православная* и *протестантская*.

История становления латиноамериканской модификации католической субцивилизации наиболее отчетливо проясняет ту роль, которую играл внешний фактор в процессе трансформации очагов культуры, этносов и религий. В Новом Свете в процессе аккумуляции населения европейскими колонизаторами ранняя и очень слабая во многих отношениях местная цивилизация с ее специфической религиозно-культурной традицией не только не смогла противостоять колонизаторам и их религии, католицизму, но оказалась подавленной ими. Жесткость во многом насильственной аккумуляции не оставила населению никакой иной возможности, кроме как стать

сто процентными католиками. Однако при всем том католицизм латиноамериканцев оказался густо насыщен разными религиозными и этническими особенностями как индейцев, так и африканских негров, что и породило в Латинской Америке четко фиксируемую особую модификацию католицизма.

Несколько иную картину являет процесс формирования православной субцивилизации. После падения Византии православие, уйдя с территории Ближнего Востока, нашло новый центр в огромной России, но закрепилось также и в ряде соседних с ней восточноевропейских стран. Эти страны оказались под властью как империи Османов, так и Речи Посполитой и Австрии. Хотя здесь не идет речь о четко выраженных модификациях, ибо различия не столь для этого существенны, на разницу все же стоит обратить внимание. Она является результатом воздействия на православные страны и народы (Греция, Сербия, Румыния, Болгария, Белоруссия, Украина) со стороны европейского Запада и мусульманской Турции. Влияние турок оказалось сравнительно небольшим, но жестким: часть сербов в Боснии и Герцеговине перешла в ислам. Влияние Запада сыграло роль в судьбе славян, вошедших в состав Речи Посполитой и в немалой части ставших униатами (сочетание православия с католицизмом). Сыграло роль и распространение антично-буржуазных традиций, что касается Чехии, Польши, Греции.

Говоря о европейской модификации католицизма, очень важно принять во внимание, что фундаментом ее были, в отличие от православия, две весьма разные религиозные традиции. Главной и наиболее заметной была христианская, точнее авраамическая иудео-христианская, стремившаяся «очиститься» от иудейских корней и остаться стопроцентно христианской. Это ей удалось, причем именно потому она и считается прежде всего христианской. В то же время вторая культурная традиция, античная греко-римская, придавленная варварскими народами раннего средневековья, очень долгое время оставалась латентной и незаметной, особенно в Иберии. Эта юго-западная часть Европы, долго ведшая Реконкиту, т.е. ожесточенную войну с маврами, была наиболее отсталой и весьма далекой от Рима, а также от средней и северной частей Европы с ее римскими колониями и с городами, возникавшими на их основе. Христианское богословие в духовной культуре Европы преобладало почти абсолютно. Наиболее реакционные слои католичества свили гнездо в Иберии, где эта субцивилизация расцветала в своей наиболее жесткой форме с наивысшим разгулом инквизиции. Однако важно принять во внимание,

что в динамичной истории Европы ситуация изменялась неизмеримо быстрее, нежели то было на застойном Востоке. Основной смысл перемен сводился в Западной Европе к росту свободомыслия и к взлету гуманизма Возрождения, с чем римские понтифики и большая часть католической церкви были вынуждены смириться. С этого начался процесс трансформации европейской христианской цивилизации. Возникла протестантская ее субцивилизация.

ИНДО-БУДДИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Индо-буддийская цивилизация состоит из трех субцивилизаций. Это собственно *индуистская* в трех модификациях (индуизм, джайнизм и сикхизм), *буддийская* в двух модификациях, южной (Тхеравада или Хинаяна) и северной (Махаяна) и *ламаизм*. Для всех трех субцивилизаций с их модификациями характерна, как то было и в случае с христианством, единая религиозная основа, корни которой восходят к древнеиндийскому брахманизму и даже еще глубже, к ведам. Но в рамках индуистской субцивилизации собственно индуизм все же заметно отличен как от джайнизма, так и от сикхов с их склонностью сочетать нормы индуизма с кое-какими заимствованиями у ислама. Разумеется, ислам при этом решительно отвергал какое-либо родство с сикхами, о чем, в частности, свидетельствует та суровость, с какой император Аурангзеб поступил с девятым гуту сикхов, которого он велел публично распилить на части. Что же касается буддизма, то в его рамках различия между северной и южной модификациями также весьма ощутимы, а несходство с ламаизмом столь велико (достаточно упомянуть о существовании церкви, т.е. иерархии священнослужителей-лам, воплощенных будд и бодисатв), что именно это сыграло роль в выделении ламаизма в самостоятельную субцивилизацию.

Индо-буддийская цивилизация и все свойственные ей религиозные конструкции принадлежат к числу наиболее глубоких и интеллектуально насыщенных. Ни в одной из этих религий, кроме ламаизма, никогда не было ни церкви, ни даже сколько-нибудь общепризнанной иерархии. Зато поиски мудрецов, стоявших у истоков религиозно-культурных традиций, всегда свидетельствовали о необычайно высоком интеллекте и креативном потенциале специалистов-профессионалов, т.е. умудренных опытом и обладающих обширными знаниями жрецов-брахманов. Одной из важных особенностей индоарийской религии было высокое положение таких брахманов, которые обладали исключительным правом развивать и комменти-

ровать священные веды, создавать религиозно-философские основы брахманизма и быть авторами упанишад, философски насыщенных и интересных во всем том, что касается проблем мироздания, жизни и смерти. Краеугольным камнем этой религиозной философии был тезис о карме и реинкарнации, т.е. о перерождениях всего живого как о проявлении вечного кругооборота жизни.

Карма в индо-буддийской цивилизации воспринималась как сумма добрых и злых дел в нынешней жизни и в бесчисленных прежних перерождениях, особенно в тех, когда реинкарнация реализовывалась в облике человека (а она могла обрести облик любого живого существа; каждое последующее перерождение зависело только от кармы). Идея кармы и реинкарнации — основа системы духовных ценностей Индии и ряда соседних с ней, а порой и достаточно отдаленных от нее стран, причастных к индо-буддийской цивилизации. Карма считалась неотделимой от всего живого, находящегося в постоянном кругообороте колеса *сансары*, т.е. никогда не прекращавшихся перерождений. Вырваться из круга сансары было доступно лишь самым высокому-дрым и посвятившим всю свою жизнь суровой аскезе (*танасу*) брахманам. Эта идея, воспринятая индуизмом, джайнизмом, буддизмом и ламаизмом, многое объясняет в образе жизни населения большого количества стран, принадлежащих индо-буддийской цивилизации. Она является крепкой нитью, которая прочно объединяет различные ее субцивилизации при всем их порой не слишком очевидном сходстве.

Следовать закону кармы — смысл жизни, важнейший и влиятельнейший стимул для соблюдения норм этики и прежде всего для заботы обо всем живом (быть может, это твои близкие в очередном их перерождении?). Он, в частности, исключал недовольство человека своим положением, оставляя в стороне столь важные для других проблемы социальной справедливости, имущественного неравенства и т.п., ибо все то, чем ты являешься в этой жизни, есть закономерный результат твоей кармы. Если хочешь лучшего, делай все, что в твоих силах, дабы изменить ее. Забота о личной карме побуждала религиозно детерминированного индивида (а иных в индо-буддийской цивилизации не было) не обращать внимания на не слишком близко затрагивающие его проблемы общегосударственного значения, в том числе войны и мира. В Индии они были делом кшатриев, позже ряда каст вроде раджпутов, в буддийских странах — той части населения, которая имела самое непосредственное отношение к этому. Являясь основой учения об *ахимсе*, т.е. ненасилии, карма оказалась очень удобной для власти,

как местной, так и колониальной, ибо способствовала расчленению людей. Важно учесть, что идея кармы в Индии была тесно связана с системой каст. Эта система строго иерархична. Каждая из каст твердо знает, в какой части генеральной схемы социальной иерархии она находится, какие касты и насколько выше ее и какие насколько ниже, что очень важно принять во внимание, ибо огромное количество низко- и внекастового населения всегда сознавало, что его социальное положение и связанные с этим бедность и лишения суть результат кармы. Сетовать не на что и не на кого.

Индийская субцивилизация известна в трех ее модификациях. Первой и основной из них следует считать **индуизм**, генетически восходящий к древнему и общему для всей индо-буддийской цивилизации брахманизму. Для него характерно существование очень стойкой и замкнутой общины с развитой полупервобытной системой выборного самоуправления. Основной смысл в обусловленности ее кармой и кастами, что всегда способствовало асоциальной индифферентности населения и вносило весомую долю полного безразличия ко всему тому, что происходило за пределами общины и включенных в нее каст. Для индийских государств, число которых вплоть до исламского завоевания — а в какой-то мере и после него — было большим при структурной слабости каждого из них, традиционная общинно-кастовая система оказалась выгодной, ибо, обеспечивая немалый доход, не требовала многочисленной администрации. Но в то же время она ослабляла страну, делая ее легкой добычей внешнего врага. Исламское завоевание значительно усилило государство, однако в условиях, когда заведомое большинство Индии продолжало сохранять верность индуизму, присущая исламу мощь власти не могла работать в полную силу. Общество по-прежнему состояло из мелких автономных ячеек, что облегчало управление гигантской империей. Однако при этом традиционная система администрации ослабляла власть. А власть в исламском мире была, помимо всего, сакрально обусловлена и потому справедливо считалась основой процветания великой уммы.

Индуизм — это главная религия Индии на протяжении последних 2 тыс. лет (в ислам, кроме правящей верхушки, была обращена небольшая часть низкокастового городского и еще меньше сельского населения). Он в виде двух основных его направлений, шиваизма и вишнуизма, сторонники которых отличались лишь тем, что предпочитали одного из двух великих индуистских богов Шиву или Вишну, укреплял и консервировал издревле сложившиеся нормы этики и об-

раза жизни. Будучи религией подавляющего большинства индийцев, он оказался не по зубам даже воинственному исламу. Это редкий случай в практике мусульманских завоеваний. Правители Индии вынуждены были приостановить свой активный прозелитизм и связанную с этим агрессию по той простой причине, что у падишахов едва хватало силы на то, чтобы удержать индуистское население страны в повиновении — при всем том, что сами индуисты в отличие от мусульман никогда не были агрессивными и не стремились к прозелитизму. Кроме того, важный факт существования множества полуавтономных княжеств и нескольких регионов, население которых говорило на разных языках, был причиной внутренних трений, включая подчас и военные столкновения, что требовало внимания властей и потому тоже ограничивало возможности падишахов.

Джайнизм — вторая модификация индийской субцивилизации. Для этого учения, развивавшегося с древности кшатриями в пику твердо хранившим монополию на знание брахманам, характерно стремление к освобождению от кармы, воспринимавшейся в качестве липкой материи. Дематериализация, как считалось, позволяет монахам-джайнам, достигаящим ее путем невероятных усилий, стать *сиддхой*, т.е. свободной от мирских связей душой-*дживой*, добившейся состояния *мокши*. Путь к состоянию мокши, к небесным дворцам-*виманам*, место которых в космографии джайнов предпочтительнее местожительства божеств, лежит через строгую аскезу, доступную лишь немногим. Наиболее ревностные из них, дигамбары, имеют право не носить никакой одежды и свято соблюдают принцип ахимсы до крайней степени (их почитатели из мирян подметают дорогу перед ними, дабы те случайно не раздавили какую-нибудь мошку). Ахимса очень ценится у джайнов с их трепетным отношением ко всему живому. Своих дочерей они обычно выдают замуж в очень раннем возрасте, сразу же по их половом созревании, ибо неоплодотворение приравнивается к нарушению этого принципа. Среди джайнов нет крестьян, так как орудиями можно повредить живое существо в земле. А джайны-горожане, нередко состоятельные люди, привычно жертвуют немалую часть своих доходов на благотворительные нужды и строительство блистающих своей архитектурой и украшениями храмов.

Джайны не слишком выделяются из общей массы населения, особенно если иметь в виду, что кастовые различия (а они строго соблюдаются во всем, включая внешний облик, одежду, поведение и т.д.) и без того в немалой мере противопоставляют одних индийцев другим. Более

того, эта небольшая религиозная община (около 0,5% населения в наши дни) не только охотно сотрудничает с индуистами, но и не исключает браки между ее членами и индуистскими девушками — при условии что жена примет религию и образ жизни мужа. Касты джайнов никогда не играли столь существенной роли, как индуистские.

Сикхи — третья и очень специфичная модификация. Возникновение ее на рубеже XV–XVI вв. было связано с частыми попытками как-то объединить индуистов с мусульманами. Суть религии сикхов в поклонении Богу как символу добра и любви, в отказе от кастового неравенства и провозглашении всех равными перед Богом, что в реальности проявлялось в совместных трапезах в их храмах-гурдварах. Все эти новации пришли от ислама и бросали вызов индуизму, построенному на фундаменте социального неравенства и строгой иерархии каст (нормы кастовой жизни категорически запрещали питаться вместе с представителями иной касты). В то же время сикхи были против мусульманского затворничества женщин и выступали за их равноправие. Они не признавали иступленного почитания Аллаха и тем более ежедневных пятикратных молитв в его честь, равно как, впрочем, и иных символов веры ислама.

Падишах Аурангзеб в XVII в. объявил войну сикхам. Это вызвало резкий взрыв. Воинственные сикхи сформировали организацию *хальсу* и надолго превратились в грозную силу в не привыкшей к этому стране. Сикхи долгое время были влиятельным религиозно-политическим меньшинством и даже одно время всерьез претендовали на создание собственного штата в Пенджабе. Это очень сплоченная и преданная идее религиозная община, строго подчиняющаяся приказам. Стоит напомнить, что не столь давно именно охранявшие Индиру Ганди сикхи, которым она полностью доверяла, подготовили по приказу со стороны влиятельной верхушки общины сикхов ее убийство. Колоритные, носящие тюрбан, бороду и кинжалы, сикхи часто встречаются в Индии сегодня. Они имеют обязательную и общую для всех приставку к имени, Сингх (лев) и, как правило, традиционно пользуются уважением. Отличаясь мужеством борцов хальсы, отчасти фанатизмом воинов ислама, сикхи считаются лучшими солдатами, охранниками, полицейской стражей.

Буддийская субцивилизация тоже является дочерней по отношению к древнему брахманизму. Это религиозно-философское учение отличается глубиной мысли. Собственно религиозная мистика и вера с обычно сопутствующим им обрядовым церемониалом здесь едва за-

метны и видны разве что в формулировке завершающего этапа трансформации буддийского монаха в будду, обитающего в *нирване*. Все остальное — сама очень непростая доктрина, образ жизни монахов в монастырях, ритуал и этика, основанная на законе кармы, — обычно воспринимается как путь к завершающему моменту великого преодоления жизни и перехода в нирвану. Однако именно в нем суть буддизма как философски насыщенной доктрины.

Легенда о возникновении буддизма гласит, что ее основатель Гаутама Шакьямуни был потрясен четырьмя знаковыми встречами: с измученным болезнями, вбогим старцем, покойником и обремененным тяжелыми раздумьями аскетом. Эти встречи помогли ему осознать, что в мире царят несчастья, болезни, страдания и смерть, что жизнь — это прежде всего страдание. После этого Гаутама прозрел и постиг четыре священные истины: **страдания и неудовлетворенность правят миром; причиной их является сама жизнь с ее страстями и желаниями; уйти от страстей и страданий можно, лишь погрузившись в нирвану; существует путь, которым познавший истину может достичь нирваны.** Смысл пути в том, чтобы быть праведным, верить в священные истины, вести правильную жизнь и тратить усилия на нелегкий процесс углубленного созерцания, т.е. на медитацию. Достичь этого можно, лишь уйдя от мира, от мирской суеты, тратя все усилия на медитацию и ведя строго ограниченную во многих отношениях жизнь монаха. Монастыри как специальные сооружения вначале были небольшими хижинами, но со временем превратились в крупные и сложные комплексы с кельями для монахов, помещениями для послушников и слуг, библиотеками для хранения и переписывания священных текстов, залами для медитации, крепкими стенами и нередко с окружавшими их поселениями мирян. Правила жизни монахов были суровыми — скудная одежда желтого цвета, бритва, кружка и миска для подаваний (есть полагалось то, что подадут, и лишь дважды в день, на рассвете и в полдень). Отрицавшие систему каст и отстаивавшие идею равенства буддисты в чуждой этому Индии так и не прижились. Не будучи, подобно индуистам, явно выраженной национальной религией, они через несколько веков мирно ушли на восток.

Южная модификация буддизма (Тхеравада или Хинаяна) возникла, насколько можно понять, на юге субконтинента, в основном на острове Ланка (Цейлон). Отсюда это направление буддизма, в рамках которого путь к спасению могли обрести лишь монахи, тогда как сочувствовавшие им и кормившие их миряне ничего за это не получали

(откуда и название — Узкий путь к спасению, Малая колесница), через страны Индокитая достигло Индонезии. Практически весь большой регион, кроме разве что значительной части Вьетнама, стал зоной влияния буддизма Хинаяны, хотя при этом он был неплохо знаком и с проникавшим сюда вместе с мигрантами-индийцами индуизмом в обоих его направлениях, т.е. в форме шиваизма и вишнуизма. Но существенно, что здесь, в условиях отсутствия столь свойственной Индии общинно-кастовой системы, буддизм довольно легко вышел победителем из соперничества с индуизмом.

В странах, где буддизм Тхеравада широко распространен и поныне, местное население высоко почитает монахов и практикует отправление сыновей на год (чуть меньше или чуть больше) в соседний монастырь, дабы они там получили некоторое образование и, главное, причастились к основной в этих странах религии. Уважая идею кармы и соблюдая связанные с ней этические нормы, вплоть до идеи ахимсы, буддисты в этих странах обычно отличаются религиозной терпимостью. Это сыграло свою роль в процессе распространения в данном регионе христианства, которое несли миссионеры, прибывавшие сюда уже с начала XVI в. вместе с первыми европейскими торговцами.

Важно принять во внимание, что буддизм Хинаяны имел нечто общее с индуизмом в том, что касается индивидуально-эгоистической этики, которая вызывалась к жизни стремлением постоянно улучшать свою карму. Ее можно улучшить только в том случае, если помогать монахам и быть безупречным в плане этической нормы, вплоть до ахимсы. Стоит заметить, что в странах Индокитая вместе с тем развивалась южнобуддийская идея идеального правителя, *чакравартина*, который всеми воспринимался как заботливый патриарх-покровитель всего опекаемого им народа, даже чуть ли не нечто вроде реального воплощения самого великого Будды, занятого устройством мира и поддержанием необходимого порядка.

Северная модификация буддизма (Махаяна, Широкий путь к спасению, Большая колесница), обычно считающаяся несколько более поздней, отличалась от южной появлением в доктрине некоторых новых идей. Быть может, частично они были заимствованы у иранского зороастризма. Суть новаций в том, что миряне за их приверженность к буддизму и заботу о монахах получали некоторое вознаграждение в форме райского блаженства, пусть даже и не вечного. Кроме того, в Махаяне появляется незнакомый Хинаяне институт бодисатв. Смысл существования бодисатвы, т.е. монаха, вроде бы подготовленного к пере-

ходу в нирвану, но откладывающего этот переход либо даже совсем отказывающегося от него (разумеется, речь идет о теории, об элементе доктрины, а не о реалиях жизни), в неожиданном для буддиста альтруизме. В отличие от Тхеравады, где преобладает естественное для индуистов и буддистов и вызванное заботой о карме стремление к этике, обусловленной в основном индивидуально-эгоистическими устремлениями, махаянистская этика альтруистична. Бодисатва думает не о себе, а о других, он готов отказаться от собственной нирваны ради того, чтобы помочь другим достичь стадии полной готовности к погружению во все ту же страстно желаемую всеми монахами нирвану.

Буддизм Махаяны особенно богат космологическими и мифологическими представлениями. В его космологии несколько небесных ярусов, причем высшее место занимают, как то было и в доктрине джайнов, достигшие нирваны Будды, тогда как божества, которые в философии буддизма практически не упоминаются, находятся намного ниже, не говоря уже о том, что все они подвержены закону кармы и, следовательно, не вечны и не бессмертны.

Ламаизм, являющийся модификацией Махаяны, в виду его резких отличий от нее следует считать особой третьей субцивилизацией (Ваджраяна или Алмазная колесница). Возникнув довольно поздно, лишь в середине I тысячелетия н.э. на фундаменте не только самого буддизма, но и северобуддийской *тантры* с ее широко распространенной сексوماгией, тибето-монгольский ламаизм (распространенный также в Туве, Бурятии и Калмыкии, а ныне и в пригималайской Индии) стал крайне своеобразным учением. Оно со временем обрело немало существенных отличий от всех остальных вариантов индo-буддийской цивилизации. В отличие от индуизма ламаизм, как и все остальные модификации буддизма, не был знаком ни с кастами, ни с общинами индийского типа. Но зато в нем с первых его шагов тон задавали так называемые красношапочники, т.е. те, кто был склонен делать акцент на магию, мистику и сексуально-ритуальную практику. Сторонники их главы Падмы Самбхавы активно противостояли реформатору ламаизма Атише (XI в.), который настаивал на более строгой и близкой к буддизму норме жизни, в частности, на принятом в этой религии безбрачии монахов. Реформы Атиши, главы желтошапочников (цвет классического буддизма), спустя ряд веков энергично поддержал самый знаменитый реформатор ламаизма Цзонхава (1357–1419). Именно с этого времени возникла та модификация ламаизма, *гэлукпа*, которая с тех пор стала практически полностью господствовать, соз-

дав принципиально новую субцивилизацию, резко отличную от всех остальных. Введя элементы тантры в строго ограниченное русло (типа магических барабанов, один поворот которых со всеми вложенными в них написанными на бумаге молитвами засчитывается как произнесение этих молитв), Цзонхава позаботился о строгом безбрачии монахов-лам. Он также сделал упор на постижение и разработку буддийской мудрости-*праджня*, включая особое внимание, уделявшееся медицине, методам лечения. При этом от тантры в ламаизме-гэлукпе осталась тесная и глубоко личностная связь между учителем и учеником. Укрепившись и став традицией, она способствовала резкому усилению принципа власти старших и породила основанную на иерархии своеобразную церковь, что оказалось наиболее важной спецификой и характерной особенностью ламаизма.

Восприняв древнеиндийские идеи кармы и реинкарнации, сущность которых во всей индо-буддийской цивилизации сводилась к представлению о смерти как о распаде комплекса частиц-*дхарм* и о рождении как о восстановлении нового такого комплекса, ламаизм развил важную для него идею воплощения высших лам. Считается — и в этом есть своя логика, — что карма высших лам вне сомнения и, следовательно воплощение каждого из них после смерти должно быть в виде человека (ламы) того же уровня, не ниже. Поэтому была выработана практика поиска младенца, родившегося вскоре после смерти каждого из высших лам. Поиск обычно велся — и ведется вплоть до наших дней — очень серьезно, не торопясь. Обычно младенцев подходящего возраста ищут, дают им чуть подрасти и чаще всего в возрасте нескольких месяцев, а то и года, даже более того, испытывают. Если ребенок потянется к какой-либо из личных вещей умершего (а вещи ему подкладывают разные, в том числе не имеющие отношения к ламе), он провозглашается очередным его воплощением со всеми соответствующими тому по рангу почестями.

Цзонхава сам назначил двух своих лучших учеников на две высшие должности в иерархии лам, назвав их соответственно *далай-ламой*, который стал считаться воплощением самого почитаемого у буддистов бодисатвы Авалокитешвары, и *панчен-ламой*, воплощением будды Амитабы. Старшим считался *далай-лама*, что явно было призвано подчеркнуть сакральную значимость альтруизма бодисатв. Местопребыванием его стал известный всему миру по изображениям величественный дворец Потала в признанной столице Тибета Лхасе. И с этого времени ламаизм из модификации буддизма, пусть даже

не вполне обычного, превратился в особую религию и стал базовой основой новой и очень значительной буддийской субцивилизации. Специфика ее не только и даже не столько в создании иерархической структуры типа церкви, не имеющей аналогов на Востоке, сколько в том, что церковная иерархия в ламаизме заменила собой светскую. Вследствие этого страны, где распространен ламаизм, можно с полным основанием считать наиболее последовательными в истории теократиями. Главой, верховным и обожествленным правителем Тибета стал далай-лама. В обособленной от Тибета Монголии рубежа XIX–XX вв. аналогичным главой страны стал богдо-гэгэн (*хутухта*).

В ламаизме есть своя гигантская теоретическая доктрина в виде сочинений из сотен томов, свои ритуалы и праздники, храмы и молитвы. Можно сказать и о том, что далай-лама как верховный правитель ламаистов почитается буддистами во всем мире, ибо у них нет альтернативы, т.е. какого-либо другого признанного главы мирового буддизма, а объективная потребность в существовании его вполне очевидна. И это делает ламаизм весьма важной частью буддизма как мировой религии. Поэтому столь существенна и роль далай-ламы, который всегда получал очень хорошее образование и в наши дни демонстрирует его всему миру.

МУСУЛЬМАНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Мусульманская цивилизация с ее наиболее жесткими правилами на субцивилизации не делится и имеет две модификации: ортодоксальную суннитскую и оппозиционную шиитскую. Доктринальные различия между ними минимальны, но очень существенны. Они делят мир ислама на тех, кто считает своими правителями любых оказавшихся у власти (сунниты), и тех, кто считает законными правителями лишь потомков пророка. Прямых потомков пророка было не слишком много. Их линия оборвалась в IX в. на «скрытом имаме», т.е. на двенадцатом из его потомков. Этот двенадцатый имам в подростковом возрасте при неясных обстоятельствах исчез, и с тех пор шииты терпеливо ожидают его возвращения в образе мессии-Махди, которому, по их представлениям, только и должна принадлежать верховная власть над правоверными.

Об исламе уже многое сказано. И это вполне понятно и объяснимо, ибо с многих точек зрения религия, созданная усилиями пророка Мухаммеда, его сподвижников и последователей, не просто уникальна (почти все религии уникальны), но наиболее воинственно-активна.

Она к тому же отличается нескрываемым стремлением ко всем навязываемому, а то и насильственному прозелитизму, а также затаенными мечтами о своего рода всемирном халифате. Во всяком случае, мусульмане высоко ценят идею о всемирной умме, о превращении всей планеты в территорию дар-уль-ислама (земли ислама). Но как выглядит не религия с ее жесткой религиозно-культурной традицией, а мусульманская цивилизация и к чему сводятся ее основные характерные особенности?

В отличие от индо-буддийской арабо-исламская цивилизация с ее ранним расколом на две ветви, суннитов и шиитов, обрела важную для теории организации администрации принципиальную разницу. Она не безобидна, ибо от того, кого можно, а кого не следует считать легитимным правителем, зависело многое. Как то ни покажется парадоксальным, но именно в той модификации ислама, где легитимным мог оказаться любой авантюрист, ставший во главе этнической группы или секты (имеются в виду сунниты), власть оказывалась непрочной. Это происходило потому, что любой более удачливый имел шанс захватить власть в свои руки. Конечно, нельзя сказать, что власть в руках шиитских правителей была много более прочной и не могла быть отнятой. Но здесь эта власть и не считалась стопроцентно легитимной, ибо легитимным был только двенадцатый скрытый имам, мессия-Махди, тогда как все остальные правители и целые иранские династии воспринимались лишь как своего рода исполняющие обязанности правителя, не более того.

В обеих модификациях существовало в прошлом и существует поныне немало ответвлений и сект, подчас активно противостоящих друг другу. Но при этом ни одна из такого рода общностей обычно никогда не претендовала на свое особое слово во всем том, что составляет религиозно-культурную сущность ислама, особенно на его немудреную догматику. Конечно, широко распространившийся по всему миру ислам не везде абсолютно одинаков. Существуют и не могут не существовать различия, связанные с какими-то местными традициями, в частности с обычным правом, *адатом*, разным у разных народов и зависящим от многих факторов, в первую очередь от уровня развития того либо иного из принявших ислам народов либо от этнической принадлежности исламизованной общности. Да и по степени жесткости и интенсивности всех аккуратно соблюдаемых религиозно-культурных норм (затворничество женщин, обязательные ежедневные ритуалы и т.п.) ислам не вполне одинаков в смысле жесткости требований.

Исторически сложилось так, что в странах арабского мира, где некогда религия возникла, откуда стартовало ее агрессивно-экспансионистское движение и где находятся величайшие святыни ислама, начиная с Мекки и Каабы, нормы наиболее жестки и соблюдаются более тщательно. Что касается шиитского Ирана, то там все схоже с арабским миром, разве что основной язык остался своим. А вот с тюрками и тем более иными народами, будь то некоторые племена севера Африки, европейцы на Балканах или жители Поволжья, Кавказа, Центральной и особенно Юго-Восточной Азии, а также и некоторых иных регионов, дело обстоит по-разному. В одних странах ислам жестче, в других заметно мягче. Это же можно сказать и о тех больших государствах, в которых до проникновения туда мусульман существовала иная развитая религия, например об Индии либо Индонезии. Примерно так же обстоит дело в прямо противоположных этим развитым обществам полупервобытных регионах, скажем, в Африке южнее Сахары либо на южных территориях Филиппин. Не вдаваясь в детали и не пытаясь вкратце решить непростую задачу, суть которой сводится к тому, чтобы точно фиксировать, где и какие отклонения от раннесредневековой арабской нормы веками существовали и насколько они заметны и тем более серьезны, важно напомнить, что они все же встречаются. При этом подчеркнем, что все такого рода различия не следует, однако, считать принципиальными.

Обычно они никогда не порождали проблем даже типа тех, что породили на Руси старообрядцев. Другими словами, основ религиозной догматики и обусловленной ею традиционной религиозной культуры — а именно она всюду строго определяет образ жизни и систему духовных, социальных и иных ценностей всех мусульман — эти различия почти не касаются. И именно поэтому в арабо-исламской цивилизации субцивилизаций нет и даже просто не может быть. Ислам как жесточайшего типа религиозная система такого просто не терпит. Либо ты правоверный, либо неверный. Иного не бывает. Неудивительно поэтому, что главное в исламе — его общие и обязательные для всех основные параметры.

Первым и важнейшим из генеральных принципов ислама следует считать слитность религии и политики при приоритете религиозной нормы. Едва ли это можно именовать теократией. Ведь мусульманские правители всегда были прежде всего олицетворением административно-политической власти. Зависимость же их от религии выражалась лишь в том, что сама должность правителя

воспринималась как нечто теснейшим образом связанное с высочайшим духовным авторитетом. Иногда это было явным, иногда несколько прикрытым принятыми условностями. Но всегда было именно так. Халиф — заместитель пророка на земле. Многочисленные имамы, шейхи, ишаны и многие иные духовные лидеры обычно сочетали светскую власть с религиозной. Это же относится и к султанам, шахам (падишахам), эмирам, ханам, беям и т.п., которые воспринимались прежде всего как светские властители, но в то же время, как правило, обладали и немалой сакральностью, не говоря уже об очень большом авторитете духовного владыки. Даже в шиитских государствах правители с их отсутствием легитимности были — за неимением скрытого имама-Махди — все-таки всевластными правителями, быть может, даже с некоторым оттенком сакральности. В годы правления династии Сефевидов, например, власть овладевшего страной главы суфийского ордена кызылбашей, т.е. шейха, принявшего титул шаха, отнюдь не была лишена духовного авторитета.

Основная причина этого в том, что в исламе никогда не было церкви как отдельной религиозной иерархической структуры. Не было и жрецов. Зато все духовные лица, представлявшие влиятельный слой образованных людей (образование в мире ислама вплоть до XX в. было лишь духовным, т.е. своего рода богословским), обладали высоким религиозным авторитетом, а многие из них сочетали этот авторитет со светской властью. И напротив, светские владыки, о чем только что шла речь, практически неизменно в большей либо меньшей степени обладали религиозным авторитетом. Вообще же важно подчеркнуть основное: слитность светской и духовной власти придавала исламским странам с их не очень развитой, но зато крепко спаянной системой военно-политической организации огромные преимущества. Не было никакого противостояния церковников и правителей. Скорее, напротив, авторитет потомков пророка по боковым линиям — а их всегда было много, даже очень много — создавал этой социальной группе невиданный престиж и порой облегчал им путь к власти. Известны случаи, когда ловкие авантюристы, присваивая себе ложную генеалогию, добивались власти в том либо ином из многочисленных средневековых государств в мире ислама.

Вторым генеральным принципом ислама следует считать прозелитизм и тесно связанную с ним агрессивную экспансию. Пусть идея джихада, о чем сегодня не устают напоминать ученые богословы

ислама, отнюдь не сводится к войне, ибо предполагает и мирные формы исламизации. Нет никакого сомнения в том, что джихад, т.е. священная война за истинную веру, за признание неверными ценностей и норм жизни ислама, играла важнейшую роль в расширении территории дар-уль-ислама, великой уммы мусульман. Разумеется, это не означало, что успех всегда сопутствовал правоверным. Чем дальше от средневековья, тем реже это случалось. Но тем не менее ислам долгое время оставался крепким орешком не только в тех далеких землях, которые стремились освоить колонизаторы, но и гораздо ближе, в центре либо на юго-восточной окраине Европы. Свойственные исламу как религии и образу мысли фатализм и фанатизм были верной парой скакунов, помогавших в битвах.

Третьим принципом следует считать явный акцент на социальную слитность всех мусульман, принципиальное идейно-религиозное их единодушие. Поражает полное отсутствие в рамках мусульманских общин, невзирая на споры суннитов и шиитов, сколько-нибудь заметных элементов оппозиции, даже элементарного инакомыслия (если только речь не идет о средневекового типа догматической дискуссии). Споры представителей разных направлений и сект ислама в стиле европейской богословской схоластики случались. Но они никогда не делали человека хоть сколько-нибудь свободомыслящим. Элементы независимости можно было изредка встретить в среде очень немногих талантливых интеллектуалов типа Омара Хайяма, прежде всего из числа суфиев. Какой-либо иной свободной мысли в мусульманской практике, даже среди высокообразованных религиозных авторитетов, нет и не может быть, что называется, по определению. Отсюда и многие характерные для ислама нормы привычного поведения простых людей, не искушенных лишними (не религиозными) знаниями.

Мусульмане справедливо гордятся принципом равенства всех их перед Аллахом. Но это равенство рабов. И если рабство в полном смысле этого слова как система социально-правового неравенства не было распространено в мусульманских странах, рабство «рабов божьих» было там стопроцентно бесспорным. В христианских странах Запада при всей любви церковников повторять тезис о том, что все люди — «рабы божьи», с эпохи Ренессанса свободолюбивые европейцы, число которых постоянно увеличивалось, быть рабами, хотя бы и божьими, отнюдь не стремились и себя таким образом не именовали. Даже в православной России, где эта норма всегда была

более чем заметной, она понемногу выветривалась. Но мир ислама по-прежнему оставался и сегодня очень часто остается верным такой постановке вопроса.

Четвертым принципом, тесно связанным с третьим, следует считать стойкую приверженность к догматике и уровню достижений раннего средневековья. Ислам с момента возникновения привык распространять свою веру, опираясь на силу. Воинственность его очень хорошо заметна. Для этого не нужно вгрызаться в исторические труды. И хотя христианские Крестовые походы тоже были военной агрессией, причина их (освобождение гроба Господня) как-то оправдывает применение силы. Ислам в оправданиях никогда не нуждался. Для него все было ясно: правоверные должны преодолеть сопротивление неверных. Это священный долг. И только реальное соотношение сил могло остановить и останавливало натиск. Разумеется, история знает и такие случаи, когда мусульмане мирным путем овладевали немалыми странами или территориями, населенными отсталыми племенами, как то было с Малайей и Индонезией, многими странами Центральной Азии и Кавказа, с Поволжьем или рядом районов Тропической Африки. Но при этом важно специально подчеркнуть, что **отказ от войн** и акцент на исламизацию иным образом **был** в определенной степени объективно **связан с ослаблением ислама** и с очевидным отставанием всех мусульманских стран от исторического прогресса. Это отставание особенно заметно на примере самой сильной и наиболее могущественной из мировых империй XVI–XVII вв., Османской Порты. Она очень пострадала от революции цен, ослабившей ее военную мощь. Но еще более тяжелым ударом для нее стало ее вынужденное отставание, связанное с жесткой привязанностью к исламу.

Проблема была очень серьезной. Если мысль остановилась на уровне раннего средневековья, а близость к западноевропейской культуре была не в состоянии повлиять на активизацию креативной функции скованных догмой индивидов, то многое станет понятно, особенно в связи с учетом того, что всего несколькими веками ранее отсталые европейцы заимствовали многие достижения культуры бывшего в то время передовым и очень развитым (в немалой мере за счет античного наследия) Кордовского халифата. Все это делает абсолютно закономерным тот факт, что уже к началу XIX столетия страны мусульманского мира приходили в упадок и слабели, оказываясь тем самым сравнительно легкой добычей колонизаторов.

КИТАЙСКО-КОНФУЦИАНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Китайско-конфуцианская цивилизация исключительна потому, что она в качестве фундаментальной основы имеет не религию, а этику и социополитическую доктрину Конфуция. Однако это учение вот уже два с лишком тысячелетия очень успешно выполняет роль официальной государственной религии этой гигантской страны. Цивилизация состоит из двух субцивилизаций, собственно китайской с модификациями в виде вьетнамской и корейской и японской. Для них характерно существование рядом с конфуцианством иных религий. Но эти религии в самом Китае (буддизм и даосизм) играли более чем второстепенную роль. В Корее и Вьетнаме влияние буддизма было несколько заметнее, хотя и в разной степени. А в Японии, почему она и являет собой особую субцивилизацию, буддизм и синтоизм сыграли гораздо более существенную роль, тогда как конфуцианство воспринималось избирательно.

Великая цивилизация Китая не просто необычна. Она исключительна в своем роде и, главное, очень непохожа на других. Даже если сравнивать собственно китайскую субцивилизацию с буддизмом, где совокупность веры, обязательных ритуалов и норм каждодневного поведения не слишком значима по сравнению с глубокой философией, фундаментальные постулаты которой легли в основу системы духовных ценностей (идеи кармы, нирваны, роль монастырей и т.п.), она окажется совершенно иной. Дело прежде всего в том, что на заре истории, причем в условиях высокой урбанистической цивилизации, сколько-нибудь развитой *религиозной системы в Китае не было*. Была идея всемогущего Неба (не божества, но некоей абстрактной всевидящей силы, контролирующей и регулирующей дела во всей Поднебесной). Был ритуальный церемониал, связанный с почитанием Неба и предков правителя. Существовали жертвоприношениями Небу и предкам правителей шан-ди, обитающим на нем. Со временем шан-ди превратились в божество Шанди, приравненное к Небу (иное его наименование), а культ предков стал главной религиозной по степени почтительности и внимания к нему нормой бытия.

Суеверия, бытовавшие в народе, считались недостойными представителей элиты с ее все более глубоко разрабатывавшимся ритуальным церемониалом, заменявшим преклонение перед богами и молитвы. А великий Конфуций (551–479) на этой древней основе создал основополагающую доктрину, суть которой сводилась к тому, что **главное в духовной жизни любого — быть человеком высокой морали с гуманностью и чувством осознанного долга, с искренней постоянной**

заботой о старших (культ предков и сыновней почтительности сяо). В своей жизни, говаривал Учитель, каждый должен думать не о смерти и не о том, что будет после этого. Он обязан стремиться достичь максимума возможного в этой жизни, а более конкретно — добиться процветания неуклонным трудом и великим старанием в сочетании с высоким уровнем самоконтроля и дисциплины, а также в условиях постоянного самоусовершенствования и четкого курса на соревнование с другими. При этом имелось в виду не столько стремление к выгоде и наживе (тех, кто стоял на этом пути, мудрец презрительно именовал *сяо-жэнь*, т.е. мелкими людишками), сколько умение стать в ряды *цзюнь-цзы*, идеальных благородных людей, способных вести за собой всех остальных по верному пути истины и справедливости (*дао*).

Чем-то конфуцианство напоминает протестантизм, особенно в его кальвинистском варианте с упованием на одобрение Богом настойчивого и целеустремленного труда. Во всяком случае, именно это сыграло в истории Китая огромную роль, правда, в совершенной иной объективной ситуации, исключавшей на протяжении 2,5 тыс. лет буржуазные преобразования и появление капитала с нарастающими процентами, не говоря уже о либеральной демократии, правах и свободах гражданина. Но как бы то ни было, конфуцианство, причем не только в Китае, добилось успеха, хотя и не сразу. Рядом с этим учением в древнем Китае процветали доктрина легистов, призывавшая власть не церемониться с народом и не давать ему воли, и учение философа Мо-цзы, звавшего людей к равенству в духе протосоциалистических идей со всеми их обычно скрытыми пороками. Сравнительно поздно, на рубеже IV–III вв. появилось учение даосов, представители которых придали конфуцианскому дао мистическую сущность высшего демиурга (Дао — это все; оно порождает мир) и принесли в китайскую мысль ряд иных важных новаций, в том числе близкие к ирано-зороастрийским идеи полярности двух начал: Света и Тьмы, которые в Китае трансформировались в противоположность женского и мужского начал (*инь-ян*), а также представление о пяти стихиях-первосубстанциях. При этом краеугольным камнем доктрины даосов, связываемой с легендарной фигурой мудреца Лао-цзы, стали неизвестные до того китайцам глубочайшие мистико-метафизические разработки, близкие к тем, что в обилии представлены в древнеиндийских упанишадах. Главная из них — в том, что касается каждого, — это идея реинкарнации, т.е. представление о том, что жизнь являет собой комплекс частиц *ци* (своего рода жизненная сила): умирает человек,

его комплекс ци распадается, рождается другой — значит, возникает новое сочетание таких же ци.

Следует заметить, что глубокая философия даосов, насыщенная мистикой и метафизикой, равно как и протосоциалистические идеи равенства Мо-цзы оказались чуждыми практически мыслящим жителям Поднебесной и не прижились в древнекитайской мысли. Легизм с его жестким курсом на социальную дисциплину и подчинение власти с ее строжайшими законами, т.е. многими декларируемыми ею регламентами, был более удачливым. На его основе зиждилась первая в истории страны объединившая всех империя Цинь. Однако этой империи не довелось просуществовать долго. Сразу же выяснилось, что жесткость легизма требовала смягчения за счет восходящей к древней традиции умело трансформированной Конфуцием и многими его последователями патриархальной старины. В итоге сложился комплекс обогащенного некоторыми легистскими и иными нормами древнего конфуцианства. Этот комплекс со II в. до н.э. и начал выполнять в Поднебесной роль официальной государственной религии.

С раннего средневековья в империи на базе древних суеверий и некоторых основополагающих идей философии даосов возник религиозный даосизм. Он охотно включил в себя быстрыми темпами совершенствовавшееся примитивное знахарство, систему гаданий и предсказаний, астрологию и геомантию (*фэн-шуй*), поиски бессмертия (*сянь-даосизм*) и связанную с этими поисками алхимию, а также культ введенных даосами в обиход многочисленных божеств, патронов-покровителей местностей и профессий. Параллельно в Китай стал проникать уже охарактеризованный буддизм Махаяны с его сонмом будд и бодисатв, с идеями нирваны,рая и ада, с монахами, монастырями и многогранной глубокой философией. Даосы помогли буддистам ассимилироваться в Китае и в обмен за это заимствовали у высокоразвитого буддизма немало полезных новшеств, начиная с монахов и монастырей. В итоге в императорском Китае около двух тысячелетий назад возникла толерантная система разных идеологий, конфуцианства и двух религий. При этом у каждой из составных частей системы была своя ниша. Конфуцианство обеспечивало социально, политически, ритуально и этически упорядоченное управление империей. Даосизм удовлетворял различные религиозные потребности простого народа и предоставлял отдушину для чиновников, а буддизм заботился о драгоценных каждому в Китае его покойниках (имеется в виду чтение заупокойных сутр)

и предоставлял возможность всем учиться и искать успокоение, а то и прозрение, просветление в монастырях.

Китайская конфуцианская цивилизация, фундаментом для которой были все три учения с конфуцианством на первом месте, оказалась оптимальной. Она просуществовала до XX в. и, более того, несла в себе нечто, подобное, как было упомянуто, западноевропейскому протестантизму, что сыграло немалую роль в успехах Китая в наши дни. Разумеется, нет никаких оснований для излишней идеализации этой системы. Культ древности и стремление к сохранению консервативной стабильности были здесь особенно сильны. Но ведь именно они способствовали сохранению основ великой культуры со всеми ее время от времени рождавшимися бесценными новациями (компас, бумага, порох, книгопечатание, безупречная система экзаменов и многое другое) и не раз демонстрировали ее способность к быстрой регенерации после страшных по своим последствиям завоеваний кочевыми ордами или массовых протестных движений. Заслуживает особого внимания то обстоятельство, что прозелитизм исламского типа был абсолютно чужд китайцам, которые высокомерно, но не без оснований считали, что весь остальной варварский (некитайский) мир сам придет и поучится у китайцев уму-разуму, если того захочет. И часть соседних стран, начиная с давно ушедших в небытие протогосударственных образований сюнну и иных племен, а также государств киданей, чжурчженей или тангутов и кончая Вьетнамом и Кореей, частично (об этом особый разговор) Японией, именно это и делали в большей либо меньшей степени.

Китайско-конфуцианская цивилизация обязана своими достижениями в первую очередь Конфуцию, который всегда справедливо почитался в этой стране как ее великий Учитель. Религиозный даосизм и китаизированный буддизм были лишь полезным, даже необходимым добавлением к основам конфуцианства. В момент кризисов, регулярно случавшихся в империи, именно даосско-буддийское начало выходило в стране на передний план, сперва возглавляя недовольных, а затем постепенно вводя кризисную ситуацию в более или менее нормальное русло. Но коль скоро это проходило, на первый план вновь выступало приспособленное для управления страной в спокойное время великое учение Конфуция. А даосизм и буддизм отходили на второй план и снова становились неким пусть важным, но только дополнением к конфуцианству.

Китайская конфуцианская цивилизация была заимствована соседними с ней Кореей и Вьетнамом. **Корейская модификация отли-**

чалась от китайской, о чем было упомянуто, несколько большей ролью буддизма, что, впрочем, сыграло в истории страны не слишком заметную роль. **Вьетнамская** модификация тоже была теснее связана с буддизмом, а на юге страны с южным буддизмом, с которым Корея, как и Китай, не были знакомы. Во всем остальном Корея и Вьетнам очень близки к китайскому стандарту, так что в строгом смысле слова — если принять основы предлагаемой типологии — их отличия в цивилизационном отношении от Китая, быть может, не следовало бы даже сводить к тем, что характерны для той либо иной модификации. Достаточно заметить, что собственных религий типа даосизма или синтоизма ни в Корее, ни во Вьетнаме (если опять-таки не считать влияния со стороны Китая) не было. Зато существовала типично китайская система экзаменов на чин. Но, относясь с уважением к идентичности каждой из этих двух стран, оставим за ними статус особых модификаций собственно китайской субцивилизации.

Заметно отличной от этой субцивилизации, хотя и явно принадлежащей к китайско-конфуцианской цивилизации является **японская субцивилизация**. Она сложилась на японских островах довольно поздно. В середине I тысячелетия н.э., в период формирования государственности, японцы заимствовали из Кореи и Китая основы своей религиозной культуры. Однако это не исключало того, что до таких заимствований у них уже существовали ранние религиозные представления в форме сравнительно примитивного синтоизма (путь духов). Эта религия была наполнена мифологическими преданиями и огромным количеством божеств, начиная с самых известных и значительных из них, Идзанаги и Идзанами. Легенда гласит, что японские острова создал Идзанаги после того, как его жена Идзанами умерла при родах, пытаясь родить божество огня. Наиболее почитаемой до наших дней является также богиня солнца Аматерасу, прямым потомком которой считается первый японский император Дзимму (тенно, т.е. сын Неба, или *микадо*). Количество прочих божеств и духов велико, включая почитавшихся по китайскому стандарту духов покойных предков каждого клана.

Кроме того, в Японию из Китая через Корею проник буддизм Махаяна, быстро завоевавший в стране широкое признание. Соединение синтоизма с буддизмом в рамках хондзи суйдзяку (теория, провозглашавшая божества синтоизма перерождениями будд) произошло здесь непротиворечиво, как то было на первых порах и в Китае. Но в системе хондзи суйдзяку более развитая и философски щедро насыщенная теория буддизма быстро вышла на первый план, показав

телем чего может служить, в частности, рост числа буддийских монастырей и храмов, а также строительство в столице Нара гигантской 16-метровой скульптуры будды Вайрочана, покрытой золотом.

Влияние конфуцианства в религиозно-философской и этической культуре Японии было вначале не слишком заметно. Однако постоянное пополнение населения страны за счет мигрантов с материка усиливало его значение, как, впрочем, и некоторое влияние религиозного даосизма с его гаданиями и медициной. Слабость позиций конфуцианства в Японии в принципе во многом объясняется тем, что здесь не возникла сильная централизованная власть императора. Эту власть узурпировали вначале регенты из знатного влиятельного дома Фудзивара, а затем сёгуны, военные правители страны, и князья-даймё с их многочисленными вассалами-самураями. Выход на передний план, в отличие от Китая, военной функции власти и уклон в сторону децентрализованной редистрибуции, т.е. японского феодализма, не создали возможности и необходимости для становления в Японии чиновной бюрократии и, естественно, появившейся ради этого системы экзаменов.

Но зато в Японии был важный для ее исторических судеб слой самураев, людей хотя и преданных своему сюзеру (верность патрону блюлась особо тщательно и была скреплена практикой харакири), но в какой-то мере свободных в своем выборе патрона. Этот выбор, хотя он делался лишь раз в жизни, был важным элементом индивидуальной свободы дворянства в Японии. Правда, японские дворяне-самураи обычно не владели поместьями, а находились на содержании своих патронов. Но культ чести (бусидо) был жесткой нормой для них. Что касается земледельцев и горожан (а города, хотя многие из них формально находились под властью сёгунов и даймё, имели некоторые элементы самоуправления), то они отличались свойственными конфуцианской культуре трудолюбием, социальной дисциплиной, а также стремлением к самоусовершенствованию и соревновательностью.

Более того, в отличие от свойственной Китаю самодостаточности прагматичная Япония никогда не пренебрегала заимствованиями у кого угодно, лишь бы эти заимствования приносили пользу. В частности, это относится к испанцам и португальцам, но особенно к голландцам, колонизовавшим близкие к Японии острова Индонезии и торговавшим с Японией столь важным для японцев огнестрельным оружием. Проникавшие с голландцами европейские достижения науки и техники тоже охотно воспринимались в Японии, где даже появ-

вился специальный термин рангаку (голландская наука). Рангаку и рано проникшие в Японию миссионеры, до поры до времени успешно распространявшие там христианские идеи, сыграли немалую роль в подготовке Японии к активным контактам с Западом.

Показательно, что в окруженной морями и не имевшей по этой причине внешних врагов (исключением было разве что нашествие монголов, от которого японцы с помощью взволновавшегося моря сумели с успехом отбиться) Японии именно войны — разумеется, обычно внутренние, а точнее, феодальные — были чуть ли не главным делом в жизни высших сословий страны. Это следует считать важным отличием японской субцивилизации от конфуцианского Китая с его ориентацией на высокообразованную чиновную бюрократию. Однако при всех существенных отличиях от классической конфуцианской нормы, являвшейся базовой основой дальневосточной цивилизации, есть все основания отнести Японию именно к ней. Ведь даже буддизм Махаяны, занявший столь заметное место в религиозной культуре Японии, был — не говоря уже о религиозном даосизме — именно китайским учением, в котором незримо, но в очень значительном объеме можно обнаружить присутствие конфуцианских принципов жизни. Достаточно вспомнить о столь распространенном в Японии дзэн-буддизме.

Глава тридцатая. ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЕЛИКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

В начале предыдущей главы, где была поставлена проблема цивилизации как феномен, упоминалось о том, что в отечественном обществоведении уже достаточно давно — после дискредитации теории формаций — ищут место цивилизации в новой интерпретации исторического процесса. Там же шла речь о корнях тех урбанистических цивилизаций, которые при этом чаще всего имеются в виду. Эти корни в рамках авторской концепции следует искать — как то делал в свое время крупнейший специалист в области исследования так называемых локальных цивилизаций А. Тойнби — в религии, точнее, в религиозно-культурной традиции. Но из такой постановки проблемы следует, что трансформация цивилизаций тесно связана именно с переменой в традициях. Поэтому естественно возникает вопрос: как следует интерпретировать такие изменения? Или, иными словами, что влияет на серьезные сдвиги в области столь консервативного явления, как религиозно-культурная традиция и складывающаяся на ее основе цивилизация?

Здесь необходимы существенные пояснения. Да, фундаментом любой цивилизации следует считать именно упомянутую традицию. Но при этом цивилизация как феномен не сводится только к ней. Ведь совершенно не случайно главным ее атрибутом является термин «урбанистическая», который весьма недвусмысленно фиксирует тот несомненный факт, что цивилизация очень тесно связана с социополитической эволюцией, что ее необходимо воспринимать и как результат определенного достигнутого тем либо иным обществом уровня политогенеза. А это, в свою очередь, означает, что серьезнейший процесс трансформации каждой и тем более великой современной цивилизации зависит отнюдь не только и даже не столько от перемен в корневых традициях. Более того, эти традиции как таковые вполне могут оставаться неизменными. А процесс перемен, тем не менее, может происходить и реально происходит. Только зависит он уже не от корневой основы данной цивилизации, а от тех кардинальных социополитических сдвигов, которые оказываются настолько значительными, что влияют на облик, систему ценностей, этические и многие иные стандарты, некогда — как правило, очень давно — сложившиеся в рамках той или иной цивилизации.

Сказанное означает, что, рассуждая о процессе трансформации великих цивилизаций, следует делать основной упор не на какие-либо сдвиги в их традиционных религиозных основах, а на те перемены, которые были вызваны сменой структуры традиционных обществ, включая и раннесредневековую европейскую. Имеется в виду то, о чем выше уже много было сказано, т.е. радикальные изменения в структуре (выход на передний план антично-буржуазной рыночно-частнособственнической со свойственной ей принципиально иной системой идей и институтов). Эти изменения, способствовавшие уменьшению роли генеральной структуры власти-собственности, в наиболее полной мере затронули Запад. Но они же при посредстве колониальной политики и торгово-промышленной экспансии буржуазии достигли в XIX в. всех уголков планеты, повлияв в той либо иной степени на все великие цивилизации и, более того, на те общности, которые еще не достигли уровня урбанистической цивилизации.

Этого было тем легче достичь, что цивилизации в XIX в. находились в состоянии неустойчивости и объективно были готовы к существенной трансформации, потому что весь мир стал отчетливо ощущать мощный всплеск принципиально новых условий существования, непривычных для подавляющего большинства населявших

его людей. Возникали и выходили на передний план в жизни народов новые принципы повседневного бытия, тесно связанные с радикальными преобразованиями в сфере производства и науки, техники и технологии. Появлялись невиданные прежде механизмы и машины, которые вели к кардинальным переменам в организации и масштабах производства, в сети торговых коммуникаций, в формах связи между людьми и т.п. Но самым главным были решительные изменения во взаимоотношениях общества и государства, в правах и свободах человека. Далеко не все были в состоянии не только осознать, но и просто спокойно воспринять все эти новации. Консервативная стабильность и привычка опасаться быстрых изменений, столь характерные для незападного мира на протяжении долгих тысячелетий, делала свое дело. Люди пугались всего невиданного и привычно чурались его.

Тем не менее объективное движение буржуазных преобразований со свойственными им постоянно ускоряющимися темпами было неостановимо. Менялось буквально все, хотя и не везде сразу и далеко не в одинаковой степени. И субъективно люди в разных странах относились к переменам далеко не одинаково. Очень многое зависело от того, насколько они были подготовлены к новациям, шедшим друг за другом в ошеломляющем темпе и нарастающем объеме. И вот здесь-то и начали играть свою огромную роль цивилизационные различия, обусловленные наиболее устойчивыми в мире людей системами привычных традиций и тысячелетиями устоявшихся ценностей и обыденных предпочтений. Разумеется, такие различия были не только между великими цивилизациями, субцивилизациями. Они постоянно возникали и в рамках каждой из них, практически в любой стране. И очень трудно провести грань между теми, кто был заинтересован в переменах и содействовал им, и теми, кто напрягал все силы, дабы этому противостоять. Подобного рода раскол хорошо виден в различных странах, включая и нашу, причем не только в прошлом, но даже и сегодня. Поэтому оснований для удивления нет.

Вопрос стоит совсем по-другому: от чего более всего зависят расхождения в обществе по поводу восприятия новаций или склонности к тем либо иным из них? Почему в одних странах — и отнюдь не только на Западе — были сравнительно спокойно восприняты буржуазные преобразования и вообще-то неотделимые от них нормы либеральной демократии с их уважением к правам и свободам индивида? И почему в других уважение к человеку не ставят рядом с почтением к технике, причем в первую очередь к военной? Какую роль в этом играют много-

вековые традиции власти-собственности и вполне соответствующие им догматы марксистской утопии с ее приматом идеологии над людьми? Ответы на эти вопросы уходят в специфику истории той либо иной страны. Но всегда следует принимать во внимание, что поведение людей зависит не только от динамики исторического процесса, но и от сочетания *традиций и систем ценностей*, в рамках которых они существовали на протяжении тысячелетий, *с готовностью следовать вынужденным переменам либо со склонностью доверчиво воспринимать ложные убаюкивающие идеалы*. Эти идеалы могут быть как своими, так и навязанными извне.

СУБЦИВИЛИЗАЦИИ ЗАПАДА

Говорить о трансформации христианской цивилизации Запада вроде бы несложно. Но тем не менее сложность в том, что каждая ее субцивилизация, а то и модификация по меньшей мере одной из них, католической, имеет определенное своеобразие и по меньшей мере в одном из вариантов — в российском православном — скорее ближе к восточной традиции, чем к западной, о чем, впрочем, немало было сказано. И обо всем этом пойдет речь прежде всего. Дело в том, что варианты западной цивилизации исторически очень рано стали откровенно враждебными по отношению друг к другу. И эта враждебность базировалась не на основе расхождений в догматике или хотя бы в важных религиозно-мировоззренческих принципах, как то было характерно для ислама с его суннитами и шиитами. Она была лишь объективным свидетельством резких расхождений в основном по социополитическим соображениям. Так было в 1054 г., когда греко-православная церковь резко разошлась с римско-католической. Точно так же обстояло дело в XVI в., когда католическому Риму начал противостоять протестантизм, вовсе обходившийся без церкви, ее святых, священников и монахов. Православные не желали воспринимать формировавшиеся на Западе предбуржуазные отношения, предпочитая им устоявшиеся на Руси нормы власти-собственности безо всяких отклонений в сторону античных стандартов. А протестанты, напротив, тяготились жесткостью и все большей разнузданностью католицизма с его инквизицией и индульгенцией, с претензиями на подчинение себе душ той самой предбуржуазии, интересы которой они начали столь успешно выражать.

В итоге западная христианская цивилизация раскололась на три враждебные субцивилизации. И хотя на территории Западной Европы после ожесточенных религиозных войн наступило время более или

менее мирного сосуществования католиков и протестантов, а католики были вынуждены не только воспринять буржуазные преобразования, но и активно им содействовать, к полному единству основ цивилизации это не привело. Во-первых, потому, что православие оставалось враждебным обеим западным субцивилизациям, а во-вторых, из-за того, что латиноамериканская модификация католицизма стала со временем достаточно заметно отличаться от более продвинутой по объективным показателям европейской. Однако на этом процесс существенных перемен в облике западной цивилизации не завершился. Напротив, он в некотором смысле только начинался. И если эпоха Возрождения была скрепя сердце лояльно воспринята консервативным католицизмом, то с веком Просвещения дело обстояло иначе. Идеи мыслителей Просвещения, особенно признанного их лидера, Вольтера, были резко антикатолическими и, если уж на то пошло, вообще не имели отношения к христианству. Зато они щедро заимствовали идеи и институты античности, причем не религиозные (каковых у греков и особенно у римлян было не слишком много), а правовые и, главное, социополитические.

Именно с XVIII столетия традиция скептического отношения к религии вообще и к христианству в частности, вызванная к жизни протестом со стороны придавленной властью буржуазии, стала все шире распространяться на Западе. Практически это означало, что **секуляризованная западная цивилизация заметно меняла свой привычный облик. Она постепенно переставала быть христианской.** Христианство не исчезло. Оно играет в Европе и поныне очень важную роль. Дело в другом. Христианство и религия вообще, религиозно-культурные традиции с их библейской основой перестали быть определяющим стержнем современной (для XIX и тем более для XX–XXI вв.) западноевропейской цивилизации. И это вполне очевидно, особенно если учесть достижения европейской науки и, в частности, роль дарвинизма. Более того, сравнительно недавние дискуссии в объединившейся Европе в связи с этим вообще ставили под вопрос, нужно ли говорить о важнейшей роли христианской религии в процессе формирования общих цивилизационных параметров Западной Европы в том их виде, какой они являют собой сегодня. Разумеется — во всяком случае, с точки зрения авторской концепции данного издания — помнить о христианской первооснове и принимать ее во внимание необходимо. Более того, это касается не только Западной Европы, но и православной его субцивилизации и, конечно же, латиноамериканской католической. Бесспорный факт радикальной трансформации традиционной

христианской цивилизации сам по себе никак не опровергает всего того, что сказано о роли религиозно-культурной традиции как основе, фундаменте современных цивилизаций во всех их вариантах и модификациях. Но он уверенно свидетельствует о том, что уже в XIX столетии Запад сделал решающий шаг по пути замены структуры власти собственности иной, антично-буржуазной.

Суть этих событий в том, что западная цивилизация, ставшая уже более секулярной, чем христианской, оказалась самой развитой, богатой, благополучной и процветающей. В ней оказалось лучше жить всем. Это вообще-то вполне очевидно, особенно для отечественного читателя. Ведь именно у нас очень часто довольно многие, апеллируя к лучшему, говорят о недостаточной цивилизованности, имея в виду в качестве образца много более совершенную западную цивилизацию. И хотя другие, горячо, порой с пеной у рта возражая им, ссылаются на ценность только отечественной идентичности, это не меняет дела: Запад как современная цивилизация в целом остается для большинства, даже из числа тех, кто склонен ругать его порядки, более благополучным и цивилизованным. Он вполне может восприниматься как желанный эталон. И если перед любым из наших соотечественников поставить очень простой вопрос, почему это так, с ответом никто не затруднится, хотя и не обязательно при этом вскроется суть проблемы.

Суть же проблемы сводится к тому, что западноевропейская христианская цивилизация во всех ее вариантах трансформировалась, в результате чего ее религиозная первооснова как бы ушла если и не в прошлое, то во всяком случае в сторону. А олицетворением Запада стала антично-буржуазная либеральная демократия со всеми ее правами и свободами. И стоит обратить специальное внимание на то, что причиной дискуссии в современной объединенной Европе о христианстве было в общем-то именно это колоссальной важности обстоятельство. Иными словами, современная западная цивилизация не столько религиозна, учитывая ее первооснову (а это было вполне заметно еще совсем недавно, до XVIII–XIX вв.), сколько славна восходящими к античным традициям правами гражданина и всеми его свободами. На практике это тесно связано с безусловным приоритетом общества над государством, реализуемым в рамках принятой на Западе повсюду и нигде не извращенной электоральной культурой.

И здесь уместно сопоставить западный протестантизм и католичество в европейской его модификации с православной российской

и иберийской (латиноамериканской) католической формами. При сравнении с Западом православная и латиноамериканская отличаются не столько уровнем развития, но и, что важнее, отношением к либеральной демократии. Эти формы несходства связаны друг с другом и в сумме как раз и объясняют то обстоятельство, что, будучи с точки зрения религиозно-культурной первоосновы очень близкими к христианскому в его первооснове Западу, они не только географически, но и в историко-культурном и социополитическом отношении далеко не западные. А раз так, то нечего удивляться тому, что трансформация каждого из этих двух вариантов христианской цивилизации отличалась от стандартов Запада.

Российская субцивилизация всегда была подчеркнута православной («православие, самодержавие, народность» как лозунг). Но при советской власти она почти весь XX в. не ощущала влияния религии и особенно церкви. Специфика исторической судьбы привела страну к тому, что секуляризация пришла не в виде благородных идеалов века Просвещения, а в форме жестких догм марксистской утопии. А на рубеже XX–XXI столетий, когда с утопией было покончено, православие и особенно церковь не просто возродились. Они, воспользовавшись неприязненно-недоброжелательным отношением к процветающему буржуазному либерально-демократическому Западу, которому большевики ожесточенно противостояли, воспитав в нескольких поколениях людей ненависть ко всему западному и психологию враждебного окружения, пошли в решительное наступление. При этом новая власть, имея в виду недочеты в идейно-этическом воспитании и отсутствие «национальной идеи», оказалась готовой их поддержать. Трансформация российской субцивилизации приняла в этой ситуации уродливые формы. Рыночно-частнособственнические связи в их мафиозно-коррупционном стиле начали развиваться при осуждении либеральной демократии и полном сохранении господства структуры власти-собственности с централизованной редистрибуцией. В итоге страну начинает лихорадить, а на смену провозглашаемой властями стабильности угрожает прийти стагнация.

Конечно, нет нужды все сваливать на религию и церковь. Но оживление той и другой является очень наглядной и вполне логичной альтернативой в условиях противостояния либеральной демократии. И трансформация христианской цивилизации в этих условиях очень не похожа на то, что происходит на передовом Западе, где религия играет, особенно в США, неизмеримо большую роль, чем в России,

но при этом не выдвигает никаких претензий, а, напротив, остается частным делом граждан.

Католическая субцивилизация в ее латиноамериканской модификации в XIX в. была весьма далека от энергичной трансформации, хотя темпы усвоения соответствующими странами и народами основ буржуазной либеральной демократии можно считать в условиях слабого развития южной и средней частей амеприканского субконтинента вполне обнадеживающими. И хотя на протяжении XX в. шел сложный процесс дальнейшего усвоения западноевропейских стандартов, а в некоторых странах Латинской Америки нашли отклик марксистские идеи и были проведены соответствующие преобразования (или хотя бы попытки таковых), сближение с Западом там ныне ощущается. Трансформация этого варианта западной христианской цивилизации пока еще мало заметно, но она идет, причем ускоряющимися темпами, что заметно на примере наиболее передовой его части, в Бразилии, Чили и еще в некоторых из многих из ее стран. Латиноамериканские государства стремятся наверстать упущенное в экономике, не забывая при этом о самом главном для успеха — о либерально-буржуазной демократии.

В любом случае проблема трансформации обоих только что рассмотренных вариантов прежней западной христианской цивилизации сводится к тому, смогут ли соответствующие страны и их правящие элиты при желании и правильно намеченной политике добиться сближения с буржуазно-демократическим стандартом современной цивилизации Запада. И следует только приветствовать такую возможность, горячо желая ее реализации и активно сочувствуя всем усилиям, сделанным в этом направлении.

ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Иначе обстоит дело с трансформацией остальных великих цивилизаций, которые в XIX столетии подвергались энергичному и нередко агрессивному воздействию со стороны колониального Запада. При этом характер и тем более результаты упомянутой трансформации во многом зависели как от местных традиций и особенностей исторического процесса, так и от вызванных обстоятельствами поворотами судьбы. Трансформация ряда дальневосточных стран, т.е. Китая, Кореи, Японии и близкого к ним по историческим судьбам Вьетнама (не стоит вовсе забывать и о Тайване, не говоря уже о Гонконге и Сингапуре), имела свои особенности, далеко не одинаковые. Поэтому о каждой

из субцивилизаций, даже о стране, как и в случае с христианской цивилизацией Запада, необходимо говорить особо. Начнем с Китая.

Как о том уже шла речь, эта великая империя, очень заметно ослабевшая к XIX столетию, который был — не стоит об этом забывать — заключительным этапом очередного династийного цикла, решительно противостояла любым попыткам внешних сил нарушить ее привычный образ жизни. Весь XIX в., начиная с энергичного нажима англичан, резко увеличивших контрабандную торговлю индийским опиумом, что привело к «опиумной войне» и поражению в ней империи, Китай в гораздо большей степени сопротивлялся переменам, нежели пытался к ним приспособиться. Он в лице не только правящей элиты, но и широких народных масс, чье отношение к вторжению иностранцев из многих стран Запада проявилось далеко не сразу и приняло наиболее крупные масштабы лишь в самом конце столетия, не воспринимал никаких новаций. Правда, мощное восстание тайпинов в середине века было окрашено в христианские тона. Но это не имело принципиального значения, ибо сами тайпины действовали почти стопроцентно в духе хорошо знакомых империи привычных крестьянских войн. Разве что эта война, если не считать последней во главе с коммунистами в середине XX столетия, была наиболее многочисленной, длительной и яростной.

Словом, Китай никак не проявлял смирения, но, напротив, делал все, что мог, включая поддержку средневековых отрядов ихэтуаней, дабы остановить неминуемое. Это ему не удалось, как, впрочем, не удалось и реформы немногочисленных интеллектуалов, пытавшихся что-то изменить в стране, учитывая складывавшуюся конъюнктуру. Обстоятельства сделали нежеланную трансформацию необходимой. Оставался лишь вопрос о выборе пути, на решение которого в начале XX в. повлияла сложившаяся в стране обстановка длительной гражданской войны. В условиях развертывания широкомасштабной крестьянской войны выбор был сделан в пользу идей марксизма, которые были несравненно ближе и понятнее крестьянам в силу их элементарной примитивности и привлекательности. К тому же этот выбор не был связан с болезненной ломкой традиционной структуры собственности и с выходом на передний план ненавистной буржуазии. Не вдаваясь в рассуждения о сопровождавших этот выбор социальных экспериментах, обратим внимание на основное. Оно сводится к тому, что в разгар войны, невзирая на серьезные попытки партии гоминьдан во главе с Чан Кай-ши реализовать в Китае преимущества буржуазно-

го стандарта, что не привело к успеху, но вынудило гоминьдановцев в 1949 г. покинуть континент и обосноваться на Тайване, Китай стал зоной коммунистического эксперимента.

Практически это означает, что в ходе очередной великой крестьянской войны и безо всякого участия отсутствовавшего в стране пролетариата вожди КПК во главе с Мао создали самую большую в мире страну, вынужденно избравшую путь марксистской утопии. Не приходится говорить, что этот путь имел неизбежный конец в виде тупика, из которого измученный социальными экспериментами, стоявшими стране десятки миллионов жизней, Китай сумел выбраться лишь после смерти Мао. Только в 1978 г. решительная политика Дэн Сяо-пина изменила образ жизни страны, введя ее в нормальное для конца XX в. русло рыночно-частнособственнической экономики. При этом было сохранено — как следует полагать, главным образом во избежание излишнего напряжения в пока еще не упорядоченной огромной стране, не говоря уже о новой кровавой смуте, — лидерство КПК с соответствующей организацией администрации и риторикой.

И вот здесь самое время обратить внимание на традиционные принципы жизни конфуцианского Китая. Дело в том, что именно они сыграли решающую роль в поразительных успехах великой страны в ходе ее неумолимой и идущей без серьезных эксцессов радикальной буржуазной по сути трансформации. Связанные с ней перемены уже дали великолепные результаты, хотя при этом очень сказывается почти полное отсутствие элементов либеральной демократии с ее правами, свободами и высокой электоральной культурой. Не вдаваясь в детали, нужно заметить, что для современного Китая характерна причудливая смесь конфуцианской традиции, буржуазных рыночно-частнособственнических связей и марксистско-коммунистического авторитаризма. И если о буржуазии и марксизме говорить особо не приходится, то о традиции стоит напомнить.

Она сводится к тысячелетиями воспитанным идеалам социальной дисциплины и самоконтроля, к понятию о необходимости постоянно, целеустремленно и самоотверженно трудиться. Всегда считалось, что необходимо всю жизнь самоусовершенствоваться, не избегать соревнования с другими, стремиться к достижению успехов в такого рода соревновании (вспомним о системе экзаменов). При этом основным мотивом и стимулом должно было быть не достижение низменной выгоды, но шаг к высокому благородству во имя истины и справедливости. Следует согласиться не только с тем, что все эти высокие идеа-

лы (а к ним очень существенно добавить культ предков, в реальности всегда сводившийся к уважению к человеку) вполне сопоставимы с самыми выдающимися религиозными заповедями. Мало того, они в чем-то очень весомо перекликаются — на что уже было обращено внимание — с протестантским отношением к труду. А это значит, что в своей глубинной основе заповеди великого Учителя не противоречат буржуазным преобразованиям и лежащим в их основе усилиям. Напротив, они солидаризируются с ними, пусть даже на весьма древнем и соответственно более примитивном уровне.

Восприняв основы заложенной в народе конфуцианской традиции, китайский народ сегодня активно трансформирует не столько даже эту великую традицию, сколько свой привычный, без особо заметной роли религии, образ жизни. И коммунистический авторитаризм, подчас проявляющийся в весьма прискорбной форме, на этом фоне вполне может восприниматься как вынужденная оболочка, от которой быстрыми темпами трансформирующийся Китай сможет довольно безболезненно избавиться. Во всяком случае, уже сегодня заново формирующаяся китайская цивилизация дает многим пример того, как следует идти вперед даже в тех условиях, которые навязаны ей историей. Впрочем, фиксируя энергию движения огромной страны к ее будущему, нельзя забывать и о тех заметных препятствиях, которые усложняют путь. Имеются в виду восходящие к вчерашнему прошлому ограничения и преследования несогласных и инакомыслящих, а также обращение властей с такими явно инородными по отношению к Китаю, китайцам и к их цивилизационным традициям автономным окраинным территориям, как Тибет.

Ламаизм, как и вообще буддизм, — это, как упоминалось, одна из наиболее толерантных и миролюбивых религиозно-цивилизационных традиций. Когда в XVIII в. китайские войска без существенных военных действий присоединили Тибет к империи, они почти не встречали сопротивления. Но все было приемлемо до тех пор, пока КПК не приняла решения, что пора и Тибет превратить в зону коммунистических реформ. Это, как известно, вызвало естественное, хотя вначале и вполне мирное противодействие со стороны тибетцев. Позже ситуация усугубилась до того, что наиболее значимая часть тибетского населения, включая всю теократическую элиту, вынуждена была в 1959 г. покинуть страну и обосноваться в пригималайской Индии. С тех пор известный уже всему миру 14-й далай-лама, лауреат Нобелевской премии мира, вот уже полвека вынужден жить вне своего родного Тибета. А в Тибете

время от времени вспыхивают довольно энергичные движения тибетцев, протестующих против подобного положения вещей и настаивающих на предоставлении им широкой автономии. Всплески недовольства принимают такие заметные формы, что вооруженное подавление движения властями Китая вызывает мощный резонанс в странах Запада, особенно обостряющиеся в связи с тем, что Тибет все чаще воспринимается в мире как оккупированная территория.

Вьетнамский путь трансформации во многом схож с китайским, причем в основе его лежит примерно такая же смесь традиционных конфуцианских норм жизни, буржуазных рыночно-частно-собственнических отношений и коммунистического авторитаризма. Сложнее ситуация с Кореей, оказавшейся в силу исторической судьбы разделенной на части. Для северной ее части трансформация выразилась в усвоении и бесчеловечной реализации наиболее жесткой формы большевистского тоталитаризма с сохранением и даже усугублением норм, свойственных структуре власти-собственности. Достаточно упомянуть о типичном для тоталитарно-коммунистических режимов полном запрете на частную собственность. А для южной части, как и для Тайваня, напротив, главным следует считать отказ от традиционной структуры власти-собственности и наиболее последовательное восприятие буржуазных преобразований. Они шли довольно быстро, заняв всего несколько десятилетий и активно сопровождаясь облагораживающими их либерально-демократическими реформами (с особым вниманием к правам и свободам, к высокой электоральной культуре), что стоит отметить с особым удовлетворением. От этого, между прочим, и результаты: кто сегодня не знает об успехах современного производства в этих странах?!

Что касается Японии, то нужно заметить, что фундаментальные основы японского образа жизни, которые столь энергично и успешно способствовали ее адаптации ко многим западным стандартам уже на рубеже XIX–XX столетий, были сформированы прежде всего и в наибольшей степени важнейшими элементами образа жизни и основными чертами характера, которые были созданы в свое время великим Конфуцием и восприняты не только в Китае и в соседних с ним Корее и Вьетнаме, но и в Японии, хотя и многим отличавшейся от Китая, но в то же время и гораздо большее заимствовавшей у него. Для Японии путь к процветанию был связан не только с первоначальными поразительными успехами по пути умеренно-буржуазной трансформации, которая после реставрации Мэйдзи, означавшей слом старой струк-

туры власти-собственности, вывела эту страну в ряды высокоразвитых держав. Гораздо более важную роль в развитии Японии сыграли реформы, силовым образом реализованные американским генералом Д. Макартуром с его умными советниками после завершения Второй мировой войны. Руины, из которых с трудом выкарабкивалась страна, облегчали необходимые реформы. В итоге новая высокоразвитая буржуазная Япония стала процветающей и высокопроизводительной индустриальной державой. При этом восприятие всех основных достижений буржуазного Запада, включая либеральную демократию в ее полном объеме, не помешало сохранить в ходе радикальной трансформации дорогую любой стране ее цивилизационную и этническую идентичность, что легко заметить при посещении Японии и даже просто при заочном знакомстве с ней.

ИНДО-БУДДИЙСКИЕ СТРАНЫ

Огромный мир индо-буддизма оказался очень разным с точки зрения проблем его трансформации. С одной стороны, англичане, доминировавшие во многих его странах, и прежде всего в Индии, сыграли очень большую и в принципе бесценную роль во всем том, что касалось основ либеральной демократии, усвоение которых резко ускоряла процесс благодетельной трансформации, основанной на приоритете буржуазных преобразований, современных западных идей и институтов. Разумеется, констатация этого безусловного факта отнюдь не исключает того, что в качестве колонизаторов английские джентльмены были отнюдь не безупречны, что они при случае силой, а то и оружием подавляли недовольство местного населения. Но одно не исключает другого. Английские колонизаторы очень умело использовали сложившуюся обстановку и в конечном счете добились своего, превратив Индию в несвойственный для Востока образец демократии.

Как и ослабевшие мусульманские падишахи, но несравненно более успешно они сделали оправдавшую ставку на противопоставление одних частей страны другим, что позволило им чужими руками завоевать Индию кусок за куском. При этом в отличие от падишахов англичане отнюдь не стремились подавить или ограничить какую-либо религиозную общность. Эта толерантность, которая сочеталась с индийско-индуистской, приносила свои плоды. Не стоит поэтому обходить вниманием и принижать то немаловажное обстоятельство, что Великобритания активно использовала расчлененность субконтинента для того, чтобы постепенно внедрить в него институциональ-

ные основы буржуазной либеральной демократии и традиционного британского парламентаризма. Как бы то ни было, но результат налицо: не только в Индии и в ряде соседних с ней буддийских стран Индокитая, но и в той ее части, где ислам господствовал (Пакистан и Бангладеш), английское колониальное владычество давало — если иметь в виду либерально-демократическую перспективу — позитивные результаты.

Конечно, здесь, как и в сопоставимом с Индией по размерам и проблемам Китае, существует немало сложностей. Хотя в самой Индии экономический рост и интенсивные буржуазные преобразования уже давно дают о себе знать, а либеральная демократия в чести, страна все-таки остается пусть даже одним из самых передовых, но все же пока лишь одним из развивающихся государств Востока со многими обременяющими их привычными нормами, начиная с обилия беднейшего населения. Это важно иметь в виду для того, чтобы понять как место Индии в ряду успешных мировых держав, так и сложность ее внутренней структуры, очень тесно связанной с древними религиозно-культурными традициями, уходящей мощными корнями в далекое прошлое.

Ведь традиционная индуистская религия, оказавшаяся на удивление легко совместимой в некоторых основных ее принципах с либеральной демократией, подверглась трансформации практически в очень небольшой степени. Одной из главных причин этого следует считать упоминавшееся уже обстоятельство, сводящееся к тому, что система общин и каст удачно вписалась в генеральные основы английского парламентаризма с принципом пропорционального представительства. А вся вполне осознанная политика англичан с их ставкой на формирование национальной элиты, воспитанной в Англии и по английскому стандарту, принесла еще большие результаты. В конечном итоге Индия, как и ряд иных колоний Британии в зоне индо-буддийской цивилизации, постепенно и сравнительно безболезненно трансформировалась. И хотя трансформация, особенно в самой Индии, коснулась далеко не всех, а огромная низкокастовая масса населения практически до наших дней ее не очень-то ощущает, Индия в целом сегодня является — в отличие от того же сравнимого с ней Китая — страной с высоким демократическим стандартом. Это очень помогает ее трансформации, даже если чувствуется нелегкий балласт в виде массы бедняков (к слову, их очень много осталось и в глубинных районах современного Китая). Ведь почти не видимая,

даже запрещенная ныне законом, но существующая на практике резкая грань между низкокастовым большинством и высококастовым меньшинством играет важную роль в современной Индии, позволяя правительству проводить необходимые реформы, активно улучшающие жизнь меньшинства при пассивном неучастии в этом процессе большинства.

На Цейлоне процесс трансформации аналогичен индийскому. О том же можно сказать и применительно к другим странам. Буддийский Таиланд, к примеру, уже давно успешно идет по такому же пути. Даже в Бирме, где о нормах либеральной демократии вплоть до сегодняшнего дня много говорить не приходится, существенно то обстоятельство, что в народе эти идеи глубоко укоренены. Это находит свое выражение в спорадических массовых выступлениях недовольных во главе с буддийскими монахами и лидерами влиятельных партий, выступающих против стоящей у власти горстки авторитарно настроенных генералов. Можно снова напомнить, что принципы буржуазного производства с его рыночно-частнособственническими связями и либеральная демократия не противостоят сохранению во всех таких странах их религиозно-культурной цивилизационной идентичности. Просто в них, как и в Японии, на юге Кореи и на Тайване, на Цейлоне и в Таиланде, да и во многих иных странах, **прежняя генеральная структура власти-собственности, столь характерная для всех неантичных и добуржуазных обществ, вынуждена была отступить.** В этом же направлении, хотя и несколько менее энергично, шел процесс трансформации в странах французского Индокитая. В целом же в обстановке энергичного натиска мировой буржуазии и соответствующей трансформации ситуация во всех странах индо-буддийской культуры заметно изменялась. Главным моментом перемен всюду было отступление тысячелетиями господствовавшей старой структуры, для доминирования которой больше не было условий. Она должна была либо частично сохраниться в виде остаточного пережитка, либо вовсе исчезнуть под напором иной, пришедшей ей на смену. Что же касается этой иной структуры, то она, как то было практически во всех западных странах, со вниманием относилась к прошлому и старательно заботилась о сохранении в условиях преобладания основных элементов антично-буржуазных рыночно-частнособственнических и либерально-демократических стандартов высоко ценимой всеми религиозно-этнической идентичности в каждой из тех стран, где трансформация приводила к успеху.

СЛОЖНОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ИСЛАМСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В странах ислама проблема трансформации стояла особенно остро, хотя и не везде. Религиозно-культурная традиция, положенная в свое время в основу мусульманской цивилизации с ее навязчивой приверженностью к средневековому тексту Корана и ко всей ранней истории этой религии с культом обожествленного пророка, обычно резко снижала эффективность происходившего в соответствующих странах процесса эволюции. Можно и даже должно выразиться яснее: ислам как очень сильная и крайне нетерпимая религиозно-цивилизационная, к тому же абсолютно всеохватывающая норма жизни, не склонная мириться с существованием в зоне ее влияния каких-либо иных религий и всех тех, кто равнодушен к исламу и не готов соблюдать достаточно твердо фиксированных требований, развивался с большим трудом. Вплоть до завершения эпохи колониализма и вызванной этой эпохой решительной перестройки всего неевропейского мира, с включением — хотя бы только частичным и выборочным — импульса, ускорявшего темпы буржуазной эволюции, мир ислама оставался отсталым и все более слабевшим.

Конечно, в условиях активного проникновения в мусульманские страны передовых идей и институтов Запада ситуация постепенно менялась. Мир ислама, на время как бы сжавшийся и утративший свою энергию и связанную с ней привычную экспансию, вынужденно впитывал буржуазные новации, хотя вместе с тем и энергично им сопротивлялся. Воздействие европейских стандартов на полуевропейскую по территории и находившуюся под давлением Запада Турцию не проходило бесследно. Османская Порта как бесспорный лидер исламского мира быстро приходила в упадок. В процессе ее ослабления от нее одна за другой отделялись большие территории, особенно в районе арабского Магриба, частично и в других местах, которые энергично колонизовались европейцами. Присутствие и, более того, доминирование колонизаторов в большинстве стран ислама, в частности в Египте, да и во многих других государствах, включая мусульманские окраины Индии, будущие Пакистан и Бангладеш, делали свое важное дело, преобразая облик и изменяя принципы существования мусульманских стран, что становилось на рубеже XIX–XX столетий и особенно в начале XX в. наиболее очевидным. Правда, процесс шел довольно медленно, встречая порой возраставшее недовольство насе-

ления, временами доходившее до открытого, чуть ли не вооруженного сопротивления. Это было для мира ислама привычной нормой, хотя в условиях ослабшей власти соблюдать такую норму было очень нелегко. Превосходство сил колониализма было очевидным.

В XIX столетии трансформация по собственной инициативе и без существенного воздействия извне шла разве что в виде решительных реформ периода Танзимата в империи Османов. Но и там она завершилась мрачным периодом реакционного зулума. В Египте лишь благодаря очевидному вмешательству держав и длительному их влиянию, начиная с Наполеона и кончая энергичным процессом буржуазных преобразований после открытия Суэцкого канала и подавления мятежа Ораби, страна сумела преодолеть активное неприятие перемен и сопротивления египтян, что привело в конечном счете к успехам и, более того, к процветанию при сохранении не только религиозно-цивилизационных основ, но и высоко ценимой национальной идентичности.

Нечто в том же роде, но без заметных эксцессов — если не считать умеренных, однако в конечном счете тоже благотельных реформ в годы египетской экспансии при Мухаммеде Али и кратковременно-го введения французских войск — происходило в странах Леванта с их пестрым в религиозно-этническом плане населением и развитой средиземноморской торговлей. Далеко не сразу англичане сумели добиться трансформации мусульманских султанатов в Малайе. Но в конечном счете, особенно после того как возникли интенсивные торговые связи в связи с открытием Суэцкого канала, процесс пошел достаточно быстрыми темпами. В Индонезии процесс преобразований то и дело сталкивался с мощными движениями сопротивления, что, впрочем, не мешало постоянному росту буржуазных методов хозяйства и управления с созданием многочисленных предприятий по переработке сырья, разведке недр, с возникновением транспортной сети и даже постепенным формированием слоя местной буржуазии.

Трансформация шиитского Ирана была, несмотря на упадок местной власти, особенно сложной и сопровождалась закономерными, хотя и вроде бы непредвиденными, реверсиями. И лишь с начала XX в. она стала достаточно заметной и привела к радикальным преобразованиям, которые, впрочем, сопровождались не только возникновением новых западного типа институтов (имеется в виду меджлис и конституционные реформы), но и открытым вмешательством держав. Забегая вперед, важно, коль скоро затронуты столь существенные проблемы, сказать несколько слов о последующих событиях в мире ислама.

Все дело в том, что исламская религиозно-цивилизационная традиция выделена среди прочих далеко не случайно. Хорошо известно, что именно мир ислама спустя несколько десятков лет, после того как колонизаторы вынудили его принять навязанные ему наряду с другими странами перемены, оказался в наиболее благоприятных условиях с точки зрения дальнейшего развития. Обнаруженные в XIX в. огромные залежи нефти и последовавшие за их освоением потоки нефтедолларов, которые (залежи и потоки) после деколонизации были решительно национализированы, легли в основу процветания нескольких мусульманских стран, умело распорядившихся свалившимся на них богатством. Усилившиеся за этот счет обретшие независимость мусульманские государства не то чтобы резко повернули назад, к средневековью. Просто они в немалой мере способствовали тому, чтобы все воспрянувшие духом многочисленные страны исламского мира энергично взялись за восстановление порушенных либо потесненных в свое время Западом догм ислама и норм поведения мусульман. Буржуазные производственные достижения сохраняются и активно используются, особенно во всем том, начиная с оружия, что способствует усилению мира ислама.

При этом навязанные в свое время либерально-демократические стандарты во многих случаях выхолащиваются, а подчас, если иметь в виду все возрастающую роль исламских фундаменталистов с их экстремизмом и террористическими акциями, и вовсе оказываются поставленными под сомнение. Более того, традиционная социальная слитность в рамках сплоченной обезличенной массы при минимальной значимости индивида, личности как таковой, в заново складывающихся и подходящих для этого условиях возрождает нормативную культуру шахидов-смертников, которая обрела широкое распространение в наши дни. И очень важно, что подобного рода отношение к жизни и смерти создает широкомасштабное подражание идущим на встречу с Аллахом героям, но обычно не вызывает осуждения.

Даже, напротив, происходит своего рода религиозный подъем, по духу напоминающий раннесредневековое воодушевление времен пророка с широкомасштабной экспансией новообращенных в истинную веру мусульман. Оно охватывает шаг за шагом весь мир ислама. Этот дух проявляется даже в секуляризованной в начале XX в. Турции. Тем более он заметен в ряде других стран, где движение за возрождение первозданного ислама нередко подогревается соответствующими проповедями в мечетях. Более того, коль скоро задеты

священные для религии ислама принципы, слитность и единодушные сразу же дают о себе знать. На секуляризованном Западе можно смело изображать в карикатурах Бога. Но попытайтесь сделать что-либо подобное с пророком. Хорошо известно, чем это кончается. Сразу же возникает мощное массовое движение протеста, обретающее религиозно-наступательный характер. И дело отнюдь не только в том, что на молитвах в мечетях муллы и иные улемы знакомят в общем-то слабо интересующееся событиями на «безбожном» Западе местное население с такого рода «богохульством». Гораздо важнее принять во внимание, что сразу же после этих разъяснений священный огонь нетерпимости, спланивающий воедино мусульман по отношению к неверным, вспыхивает с неадекватной событию — во всяком случае, с точки зрения свободомыслящего Запада, — религиозной яростью.

Стоит напомнить о скандалах, связанных с карикатурным изображением пророка либо с фильмом, демонстрирующим религиозную нетерпимость воинствующих представителей ислама и рассказывающим о тех сурах Корана, на которые эти представители опираются. А так как в современной Европе существует ныне огромное — до 10% населения — мусульманское меньшинство, которое численно и в процентном отношении все возрастает, ситуация становится в этом смысле все более сложной. Полиции приходится строго охранять «богохульников», а парламенты либо иные представительные организации вынуждены всерьез обсуждать вопрос о том, какими могут и должны быть пределы привычных западных свобод, к которым основное население западных стран давно уже привыкло.

О НАРОДАХ, НЕ ДОСТИГШИХ УРОВНЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Строго говоря, эта небольшая заключительная часть не вполне вписывается в тематику главы, посвященной проблемам цивилизаций. Однако события в тех местах планеты, где этнические общности и племенные протогосударства в XIX столетии еще не достигли уровня урбанистической цивилизации, по смыслу протекавших процессов близки к излагавшемуся выше, так что им стоит уделить внимание. Тем более, что здесь все обстояло не вполне так, как то было во взаимоотношениях представителей Запада с более развитыми странами и народами. Если оставить в стороне буржуазные производственные и социополитические новации, которые обычно в меру возможностей и беспрепятственно реализовывались самими

европейцами на соответствующих территориях, прежде всего Тропической Африки либо Океании (но не только!), то вопрос обычно сводился к двум основным позициям. Во-первых, к тому, насколько заметно преобразования затрагивали интересы туземцев и соответственно как относилось местное население к этим переменам. А во-вторых, какую политику проводили колонизаторы по отношению к туземцам, особенно в тех нередких случаях, когда вместо терпимости они встречались с недоброжелательством и тем более разумными, чаще всего вполне естественными, даже законными претензиями. В сущности, это вопрос о том, как воспринимался патернализм европейцев теми, кто не хотел чужого вмешательства в привычный для них, пусть даже крайне примитивный образ жизни.

И хотя более всего это касается африканских негров и островитян, нечто близкое можно заметить и на примере аборигенов Австралии, маорийцев Новой Зеландии, североамериканских индейцев и многих народов давно уже осваивающейся русскими Сибири. Что здесь следует выделить в качестве типовых вариантов?

Прежде всего это жестокая борьба с то и дело восставшими народами Тропической Африки, как то в наиболее наглядном виде предстает в ходе освоения Африки опоздавшими к колониальному разделу мира и потому бывшими наиболее бесцеремонными по отношению к аборигенам немцами. В юго-западной части континента германские войска на рубеже XIX–XX вв. практически полностью уничтожили гереро и нанесли страшный урон племенам нама. В то же время на территории германской Восточной Африки, в Танганьике, они безжалостно подавляли восстания многих других этнических общностей и племенных объединений. Англичанам с трудом удавалось в начале XX столетия справляться с выступлениями мятежных туземцев Кении и Уганды. Французы в конце XIX в. вели войну с народами Дагомеи, равно как и многими другими племенами в бассейне Нигера. Все эти войны были результатом освоения колонизаторами огромных территорий Тропической Африки и следует считать вполне естественным то длительное и ожесточенное сопротивление, которое оказывало туземное население незванным пришельцам.

Что касается народов Океании, тем более австралийских аборигенов либо народов арктических широт, то там войн, как правило, не было. Вместо них шел процесс более или менее мирной экспансии, сопровождавшейся либо торговлей (если было чем торговать, как в промышлявших пушниной северных племенах), либо попытками

приучить местное население на островах и архипелагах к более производительному труду, связанному с выращиванием некоторых новых культур, применением простейших механизмов или агротехнических приемов. Когда, как в случае с аборигенами Австралии либо папуасами Новой Гвинеи (а то и с некоторыми племенами Африки), это было довольно затруднительно, то туземное население оттеснялось — если было куда. Во многих иных случаях оно просто сосуществовало с колониальными властями, обычно подвергаясь энергичному воздействию со стороны миссионеров и оказываясь объектом старательного изучения антропологами. По меньшей мере частично его, особенно негров Африки, использовали в качестве грубой рабочей силы в хозяйствах европейских переселенцев.

Время постепенно смазывало острые углы. Аборигенное население как-то приспособлялось к новой обстановке, частично усваивало принесенные европейцами и активно внедрявшиеся повсюду достижения много более высокой культуры, основанной на успехах буржуазного производства, прежде всего промышленного. Но это отнюдь не означало, что даже в случае заметного улучшения уровня жизни в результате позитивных перемен местное население спокойно воспринимало все происходящее и стремилось поскорее приспособиться к новому. Этого не было и до сих пор порой нет даже в индейских резервациях США, где индейцы ныне обустроены достаточно хорошо. Дело в том, что сознательное нежелание вести дело к адаптации и аккультурации совершенно логичным образом всегда консервирует традиции далекого прошлого.

Нет слов, в этих традициях коренится дорогая каждому народу его идентичность. Но когда следование традиции восходит к тому, что не привыкшие к постоянному созидательному труду люди вообще перестают либо лишаются возможности трудиться и тем более начинают в новой обстановке спиваться, то ситуация становится по меньшей мере тревожной. Однако именно это происходит нередко и в индейских резервациях США, и среди народов российского Севера, да и во многих иных местах. Встает вопрос, как снять проблему. В поисках ее решения высказывают свое недовольство то собирающиеся на специальное заседание австралийские аборигены, то представители оттесненных на вторые роли новозеландских маори, то индейцы из штата Дакота, провозглашающие независимость от США. Показательно, что сам факт организации туземных общностей и племен с их мирными требованиями свидетельствует о сравнительно высоком уровне гражданской

активности и интеллектуальных потенциалов современных потомков тех народов, которые еще век-полтора назад не могли противопоставить колонизаторам ничего, кроме криков отчаяния или обреченного на неудачу восстания. И это стоит особо отметить, хотя едва ли заслуживают серьезного внимания претензии, особенно по поводу явно несостоятельной и ничем не обеспеченной независимости.

Завершая главу о трансформации цивилизаций и тех народов, которые в XIX столетии еще не достигли уровня урбанистической цивилизации, хотя сегодня уже достаточно близки к нему, необходимо еще и еще раз заметить, что все в мире с его огромными проблемами обстоит далеко не просто. За все приходится платить, иногда очень дорогой ценой. И далеко не все даже после вынужденной высокой платы приводит к позитивным и, главное, к вполне удовлетворяющим всех результатам. Многие бы с удовольствием вернулись к доброму старому времени, без паровозов и хороших домов с удобствами, без изысканной пищи и даже, быть может, без излишеств в одежде. А если принять во внимание, что безудержный прирост населения в беднейших странах, прежде всего в Тропической Африке, приводит к тому, что многие остаются все еще нищими, голодными, почти бездомными и к тому же едва одетыми, то вполне можно понять их немой вопрос: за что страдали наши предки, если и теперь так страдаем мы?

Ответа на этот вопрос нет, и, более того, есть основания полагать, что его не будет никогда. Но означает ли это, что все сделанное, начиная с XIX столетия, когда вся планета оказалась так либо иначе втянута в самый сложный процесс длительных и в целом позитивных и благотворных для подавляющего большинства населения мира преобразований, было сделано напрасно? И еще: значит ли это, что какой-нибудь другой путь был бы лучшим? Здесь трудно, да и едва ли нужно быть категоричным. Но одно несомненно: в XX в. альтернативный путь к коммунистическому светлему будущему оказался, причем отнюдь не в одной лишь стране, не просто дискредитирован. Он обошелся человечеству в гораздо большее количество миллионов жизней по сравнению с теми, кто пострадал за последние века от исторического процесса буржуазных преобразований и ускоренных темпов эволюции. Цифры здесь настолько несопоставимы, что вопрос о выборе пути едва ли стоит ставить. Аналогичным может оказаться и путь современных исламистов.

Учебное издание

Леонид Сергеевич Васильев

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

В 6 томах

Том 4

НОВОЕ ВРЕМЯ (XIX в.)

Учебное пособие

Зав. редакцией *Игнатова Е. С.*

Ведущий редактор *Климкин М. С.*

Корректор *Юрьева В. И.*

Художник серии *Терехова Г. Д.*

Компьютерная верстка *Луценко Н. Ю.*

Директор издательства *Четыжов В. В.*

Подписано в печать 06.08.2012.

Формат 60×84/16. Бумага офсетная.

Гарнитура «Петербург». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 39,52. Тираж 500 экз. Заказ № Т-200-12

ООО «Издательство «КДУ». 119234, г. Москва, а/я 587

Тел./факс: (495) 939-57-32, 939-44-91

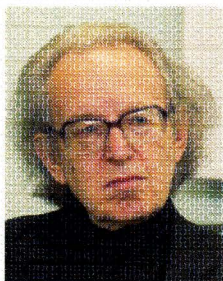
[Http://www.kdu.ru](http://www.kdu.ru). E.mail: kdu@kdu.ru

Отпечатано в типографии КДУ

Тел./факс: (495) 939-44-91. E-mail: press@kdu.ru

Том 4 посвящен XIX веку, эпохе триумфа буржуазии развитых стран Запада. В нем идет речь о наполеоновских войнах, невольно разносящих достижения французской революции по континентальной Европе. Автор исследует буржуазный промышленный переворот, успешную социальную политику либеральной демократии, ведущую к созданию гражданского общества на Западе, а также неудачи экстремистских теорий и движений. В книге представлены США, Латинская Америка, колониальный мир того периода, большое внимание уделено России.

Как всегда, почти половина глав тома посвящена важным теоретическим проблемам историософии: структуре власти-собственности и ее трансформации, взаимоотношениям между человеком и властью, феодалами и буржуа, роли великих цивилизаций с учетом особенностей их трансформации.

Леонид Сергеевич Васильев — доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией исторических исследований НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. Автор монографий, учебников и учебных пособий по всеобщей истории (макроистория), по теории истории и проблем исторического процесса (макросоциология), а также по истории и культуре Китая, истории Востока и истории религий (всего мира и Востока).

Из введенных им в науку новаций главная — формулировка, обоснование и разработка на протяжении многих десятилетий генеральной структуры власти-собственности, абсолютно господствовавшей в доантичном и небуржуазном восточном мире и широко представленной в отставших в развитии странах вплоть до нашего времени.

ISBN 978-5-98227-853-1

9 785982 278531